ПЕЧАТАЕТСЯ
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА—ЛЕНИНИЗМА ПРИ ЦК КПСС

К. МАРКС
И
Ф. ЭНГЕЛЬС

СОЧИНЕНИЯ

Издание второе

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва • 1959

К. МАРКС
и
Ф. ЭНГЕЛЬС

ТОМ

13

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тринадцатый том Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса содержит произведения, написанные с января 1859 по февраль 1860 года.

1859 год знаменует собой начало оживления пролетарского и демократического движений, а также усиления национально-освободительной борьбы угнетенных народов. В европейских странах появились признаки наступающего революционного подъема; период затяжной политической реакции, длившийся с момента поражения революции 1848—1849 гг., был на исходе. Перед рабочим классом открывались новые революционные перспективы. Как и предвидели Маркс и Энгельс, толчок к всеобщему политическому оживлению был дан первым в истории капитализма мировым экономическим кризисом 1857—1858 гг., который явился результатом глубоких противоречий капиталистического строя. Последствия кризиса еще в полной мере сказывались в 1859 году.

Теоретическая и практическая революционная деятельность Маркса и Энгельса в это время была направлена на подготовку международного пролетариата к новым классовым боям в условиях назревавшего революционного подъема. Маркс продолжает усиленно заниматься вопросами политической экономии, Энгельс — военными науками, историей, лингвистикой. Исключительно интенсивной становится публицистическая деятельность Маркса и Энгельса. Они систематически выступают в печати со статьями на экономические, политические и военные темы, продолжают также сотрудничество в «Новой американской энциклопедии», начатое в 1857 году.

Разрабатывая революционную теорию пролетариата, Маркс и Энгельс особенно большое внимание уделяют в этот период развитию экономического учения. На создание пролетарской политической экономии были направлены главные усилия Маркса, после того как еще во второй половине 40-х годов он вместе с Энгельсом заложил теоретический фундамент научного коммунизма, разработал основные положения диалектического и исторического материализма, сформулировал главные политические идеи марксизма и ряд отправных положений пролетарской политической экономии. Установив, что способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни общества, Маркс принимается за изучение законов развития способов производства, особенно экономических законов движения капиталистического общества, вскрывает противоречия капитализма, развитие которых неизбежно ведет к социалистической революции. В течение многих лет Маркс глубоко исследовал важнейшие проблемы политической экономии капитализма, изучал на основании многочисленных источников и материалов экономическую действительность капиталистического общества, различные отрасли общественных и естественных наук (историю техники, агрохимию, математику и др.), данные которых он использовал для более обстоятельного выяснения ряда экономических вопросов. Проделав эту гигантскую работу, Маркс в 1857 г. приступил непосредственно к написанию большого труда по политической экономии. Черновой вариант первой части этого труда дошел до нас в виде экономических рукописей 1857— 1858 годов. В этих рукописях были подведены некоторые итоги многолетних исследований Маркса в области политической экономии и сформулирован ряд важных положений, развитых Марксом позднее в его основном экономическом произведении — «Капитале». Рукописи 1857—1858 гг. показывают, что именно в это время Марксом были в общих чертах разработаны основы теории прибавочной стоимости — краеугольного камня марксистской политической экономии. Экономические рукописи 1857—1858 гг. явились частично тем исходным материалом, который Маркс рассчитывал переработать, дополнить и использовать при написании задуманного им обширного экономического труда. Этот труд Маркс предполагал издавать отдельными выпусками. Первый выпуск был завершен в январе 1859 г. и вышел в свет в виде книги «К критике политической экономии».

Работой «К критике политической экономии» — одним из выдающихся экономических произведений марксизма — от-

крывается настоящий том. Этот труд отражает важный этап в формировании экономического учения Маркса, в его исследованиях капиталистического способа производства и критике буржуазной политической экономии. Он принадлежит к числу произведений, в которых, как отмечал В. И. Ленин, Маркс революционизировал политическую экономию.

В этом произведении Маркса четко и ясно выражен глубоко научный взгляд на общественные отношения, проанализирована природа товара и труда в условиях товарного производства, разработана теория стоимости, исследованы вопросы происхождения, сущности и функций денег. Значительное. место уделено здесь критическому разбору различных буржуазных и мелкобуржуазных теорий товара, стоимости, денег и денежного обращения. В своей работе Маркс заложил основу для научного объяснения сущности капиталистической эксплуатации.

Работе «К критике политической экономии» предпослано знаменитое предисловие, которое представляет огромный теоретический интерес и имеет самостоятельное научное значение. Это предисловие содержит гениальную характеристику сущности открытого Марксом единственно научного материалистического понимания истории, классическое определение самого существа исторического материализма. В нем, по словам В. И. Ленина, Маркс дал «цельную формулировку основных положений материализма, распространенного на человеческое общество и его историю» (В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 39).

Из разных областей общественной жизни Маркс выделил экономическую область, а из всех общественных отношений — производственные отношения, как основные, определяющие все прочие отношения. Он подчеркнул при этом, что совокупность этих производственных отношений составляет реальный базис общества, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Тем самым был указан единственно правильный путь научного исследования процессов возникновения, развития и упадка общественно-экономических формаций, изучения истории человеческого общества «как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости, процесса» (В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 41).

В предисловии Маркс дал формулировку закона соответствия производственных отношений характеру производительных сил, а также важнейшего положения марксизма о том, что возникающие на определенной стадии развития классового общества противоречия между производительными

силами и производственными отношениями являются главной причиной социальных революций, революционной смены одной общественно-экономической формации другой, более прогрессивной. «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции» (см. настоящий том, стр. 7). Вскрывая диалектический процесс взаимодействия производительных сил и производственных отношений применительно к капиталистическому обществу, Маркс доказывает, что оно неизбежно должно погибнуть, что буржуазные производственные отношения явятся вместе с тем последней антагонистической формой общественного процесса производства, что будущий, социалистический общественный строй будет свободен от антагонизмов классового общества.

Метод материалистической диалектики Маркс применил к исследованию экономических проблем, освещаемых в его книге, в частности, к анализу товара, труда, стоимости, денег. Оn вскрывает противоречие между потребительной стоимостью и стоимостью товара и показывает, что развитие этого противоречия, его распространение на отношение между товаром и деньгами представляют собой естественноисторический процесс.

В отличие от буржуазных экономистов, считавших, что товар и стоимость суть вечные естественные категории, Маркс доказывает их исторически преходящий характер. Исследуя товар, Маркс показывает, что продукт приобретает форму товара только при определенных общественных отношениях, что товарное производство появляется на определенной исторической ступени и проходит различные стадии в своем развитии от простого товарного производства до капиталистического. Маркс рассматривает товар как экономическую клеточку буржуазного общества, клеточку, в которой заложены в зародыше все противоречия капитализма.

Уже экономисты до Маркса отмечали двойственный характер товара как потребительной стоимости и меновой стоимости. Маркс в своем анализе товара первым установил, что потребительная стоимость и меновая стоимость составляют противоречивое единство, отражающее реально существующее противоречие между частным и общественным трудом товаропроизводителей.

В ходе исследования товара Маркс выяснил далее, что противоречие, заложенное в товаре, обусловлено противоречивым характером труда, затрачиваемого на производство товара. Глубоко исследовав труд, создающий стоимость, Маркс сделал важнейшее открытие — он установил и доказал *двойственный характер труда,* воплощенного в товаре. По определению самого Маркса, это открытие явилось «отправным пунктом», позволившим объяснить целый ряд сложнейших проблем политической экономии.

На основе анализа товара и труда Маркс развил свою теорию стоимости. Если буржуазные экономисты, в том числе Смит и Рикардо, видели в обмене товара на товар, в обмене стоимостей — обмен вещей, то Маркс вскрывает в этом обмене отношение между людьми. При анализе стоимости Маркс не ограничивается, как это делали буржуазные экономисты, количественной стороной вопроса, определением ее величины, а детально выясняет прежде всего природу стоимости, дает ей качественную характеристику, как овеществленному абстрактному труду; он теоретически обосновывает определение величины стоимости общественно необходимым трудом. Опираясь на свою теорию стоимости, Маркс установил, что в условиях товарного производства труд, затраченный на производство товара, неизбежно принимает форму стоимости.

Исходя из своей теории стоимости, Маркс обстоятельно исследовал также проблемы денег. Он первый в экономической науке объяснил происхождение денежной формы стоимости, показал органическую связь стоимости и денег, рассматривая последние как конечный результат исторического развития формы стоимости. Он раскрыл сущность денег, исследовал экономическую роль денег в буржуазном обществе, научно определил и объяснил различные функции денег, а также законы металлического и бумажно-денежного обращения. Вместе с тем Маркс вскрыл несостоятельность различных буржуазных и мелкобуржуазных теорий денег и денежного обращения, а также утопичность проектов устранения коренных противоречий капитализма, «улучшения капитализма» путем уничтожения денег.

Созданная Марксом стройная научная теория стоимости является выдающимся вкладом в развитие пролетарской политической экономии. На основе своей теории стоимости Маркс затем в «Капитале» детально и всесторонне разрабатывает теорию прибавочной стоимости.

Вслед за выходом в свет книги «К критике политической экономии», т. е. первого выпуска задуманной работы, Маркс

собирался опубликовать второй выпуск, в котором он предполагал изложить проблемы капитала. Однако в ходе дальнейших экономических исследований Маркс значительно изменил первоначальный план своего труда и временно воздержался от опубликования результатов своих исследований, занявшись дополнительным изучением ряда вопросов, которые он считал недостаточно выясненными. Новый замысел Маркса нашел свое воплощение в «Капитале», первый том которого был выпущен в свет в 1867 году.

Маркс считал первый том «Капитала» в известном смысле продолжением книги «К критике политической экономии». Но несмотря на это, он счел необходимым основное содержание работы «К критике политической экономии» резюмировать в первом отделе первого тома «Капитала». Это было сделано Марксом не только в интересах большей связности и полноты исследования, но и потому, что отдельные положения его теории товара, стоимости и денег, лишь намеченные в работе «К критике политической экономии», получили в «Капитале» свое дальнейшее развитие (например, учение о субстанции и формах стоимости, положение о товарном фетишизме и др.). В то же время некоторые положения, обстоятельно разработанные в книге «К критике политической экономии», Маркс счел возможным лишь сравнительно бегло осветить в «Капитале», как это он сам отмечал в предисловии к первому тому. Поэтому с появлением «Капитала» его работа «К критике политической экономии» не утратила своего самостоятельного научного значения и по праву занимает выдающееся место среди классических произведений марксизма. Особую ценность представляют экскурсы в область истории анализа товара, истории теорий стоимости и теорий средств обращения. Книга Маркса была и остается лучшей в мировой экономической литературе монографией о деньгах при капитализме.

Значительную часть тома составляют публицистические произведения Маркса и Энгельса данного периода: их статьи, напечатанные в прогрессивной в то время американской буржуазной газете «New-York Daily Tribune», в которой они продолжали сотрудничать, в лондонской немецкой газете «Das Volk», а также выпущенные отдельным изданием две брошюры Энгельса — «По и Рейн» и «Савойя, Ницца и Рейн». Революционная публицистика и в этот период продолжала составлять одну из основных форм деятельности основоположников марксизма. Ее содержание целиком отражало обострение политической обстановки в Европе и назревание новых революционных событий.

В центре внимания Маркса и Энгельса, как это видно из их статей, опубликованных в «New-York Daily Tribune» уже в начале 1859 г., были усилившееся национально-освободительное движение в Италии против гнета абсолютистской Австрии и внутренней реакции, препятствовавших преодолению политической раздробленности и национальному объединению страны, усиление борьбы против бонапартизма во Франции и за ее пределами, а также консолидация революционно-демократических сил в других странах. Во всем этом Маркс и Энгельс усматривали признаки, предвещавшие новый революционный подъем в Европе. С напряженным вниманием следили они также за развитием международных конфликтов, чреватых новым кризисом в международных отношениях и новой войной. При оценке событий Маркс и Энгельс принимали во внимание прежде всего незавершенность буржуазных преобразований, необходимость для пролетариата покончить с пережитками феодализма в ряде стран, добиться решения не осуществленных в 1848—1849 гг. задач буржуазно-демократической революции, в первую очередь таких, как воссоединение Германии и Италии, чтобы расчистить путь победоносной пролетарской революции.

В статье «Вопрос об объединении Италии» Маркс ясно выразил ориентацию пролетарских революционеров на достижение национального единства итальянского народа путем развертывания революционной борьбы масс. Маркс отмечал происходящие в стране народные волнения, он выделял те прогрессивные буржуазные элементы в национальном итальянском движении, ту «национальную партию», которая выступала против политики правящих кругов, стремившихся использовать ситуацию в Италии в династических, антинародных интересах, для объединения Италии под гегемонией Пьемонта. В обращении этих кругов к иностранной «помощи», в их союзе с Луи Бонапартом, преследующим своекорыстные цели, Маркс видел угрозу для национально-освободительного движения в Италии. Маркс выражал надежду, что борьба итальянского народа пробудит народные массы к революционному выступлению и в других странах, что «успешная революция в Италии послужит сигналом к общей борьбе всех угнетенных национальностей с целью освобождения от своих угнетателей» (см. настоящий том, стр. 173).

В статьях «Перспективы войны в Европе», «Денежная паника в Европе», «Положение Луи-Наполеона», «Мир или война?», «Перспектива войны во Франции», «Неизбежность войны» и других Маркс и Энгельс разоблачили стремление реакционных сил Европы, прежде всего правящих бонапартистских

кругов Франции, предотвратить революционный взрыв посредством развязывания новой «локальной» войны. Маркс и Энгельс предупреждали против такой войны, поскольку она на первых порах могла оказать «во всех отношениях контрреволюционное действие» (из письма Маркса к Лассалю от 4 февраля 1859 г.). В то же время они высказывали предположение, что европейской реакции не удастся «локализовать» войну, что «война, начавшись в любой части Европы, не окончится там, где началась» (см. настоящий том, стр. 174). Задачу пролетарских революционеров в случае возникновения войны Маркс и Энгельс видели в том, чтобы всемерно способствовать широкому развертыванию революционного движения народов и превращению этой войны в общеевропейскую революционную войну.

Несмотря на то, что война готовилась в глубокой тайне, основоположники марксизма за много месяцев до ее начала предсказали неизбежность военного столкновения Франции и Пьемонта, с одной стороны, и Австрии — с другой. Они раскрыли перед читателями «Tribune» подлинные причины, толкавшие Луи Бонапарта и его приспешников на новую военную авантюру, показали дипломатические происки правительств европейских держав, направленные на обострение конфликта, отмечали военные приготовления враждующих государств. В ряде статей — «Как Австрия держит в своих руках Италию», «Шансы успеха в предстоящей войне» и других — Энгельс проанализировал с военно-стратегической точки зрения особенности будущего театра военных действий, соотношение военных сил сторон, предсказав в общих чертах характер предстоящих военных операций.

Связывая новый международный кризис с перспективами подъема пролетарских и демократических движений, Маркс и Энгельс считали в этих условиях необходимым развернуть более широкую пропаганду своих взглядов и усилить практическую революционную деятельность.

Маркс устанавливает более тесную связь с лондонскими организациями немецких рабочих, присутствует на многих публичных собраниях. В новых условиях особенно остро стала ощущаться ограниченность возможностей для публицистических выступлений Маркса и Энгельса и воздействия на общественное мнение в интересах пролетариата. Сотрудничество в «Tribune» было явно недостаточно для этих целей. «Времена изменились, — отмечал Маркс в письме к Лассалю 28 марта 1859 г., —и я считаю теперь существенным, чтобы наша партия занимала позиции везде, где возможно, хотя бы для

того, чтобы прочие партии не завладели ими». Маркс и Энгельс ищут пути для непосредственного обращения к читательским массам европейского континента. В марте 1859 г. Маркс дает согласие на сотрудничество в венской буржуазно-либеральной газете «Die Presse», однако в связи с начавшейся австро-итало-французской войной редакция не решилась предоставить страницы своей газеты вождю пролетариата и переговоры в то время не увенчались успехом.

В апреле 1859 г. Энгельсу удалось издать в Германии анонимную брошюру «По и Рейн», в которой было дано обоснование позиции Маркса и Энгельса в вопросах, связанных с итальянским кризисом и надвигающейся новой войной.

Работа «По и Рейн» является образцом марксистского анализа сложных международных проблем. Предназначая свою брошюру для широкой публики, в том числе и для буржуазного читателя, Энгельс выдвинул на первый план военно-исторические и военно-стратегические соображения. Тем не менее вся брошюра проникнута идеей защиты с пролетарских позиций, с позиции пролетарского интернационализма революционно-демократического пути объединения как Италии, так и Германии, и посвящена доказательству несовместимости реакционной политики правящих классов, проводившейся под флагом защиты национальных интересов, с подлинными национальными интересами итальянского и немецкого народов. В брошюре Энгельса разоблачаются завоевательные притязания бонапартистской Франции на левый берег Рейна, основанные на реакционной «теории естественных границ», которая, как отмечал Энгельс, постоянно служила оправданием агрессивной политики. Решительный отпор дает Энгельс представителям австрофильских кругов немецкой буржуазии, проповедующим шовинистическую идею создания «великой среднеевропейской державы» под гегемонией Австрии и подчинения немцам всех других наций Центральной Европы. В то же время Энгельс раскрывает контрреволюционный характер планов создания «Малой Германии» под верховенством юнкерской Пруссии. Выступая как горячий сторонник освобождения Ломбардии и Венеции от австрийского гнета, Энгельс убедительно показал, что и в политическом и в военном отношении для Германии было бы выгодным предоставление независимости Италии. «Вместо того чтобы видеть источник своей силы во владении чужими землями и подавлении чужой национальности, способность которой к историческому развитию могут отрицать только ослепленные предрассудками, мы сделали бы лучше, если бы позаботились о том, чтобы *стать едиными*

и сильными в своем собственном доме» (см. настоящий том, стр. 265).

Необходимость создания собственного пролетарского органа и использования его в качестве открытой партийной трибуны для пропаганды революционных идей, а также в качестве центра сплочения и организации разобщенных в период реакции кадров пролетарских борцов, побудила Маркса созвать в начале мая 1859 г. совещание своих старых соратников по Союзу коммунистов — Либкнехта, Пфендера, Лохнера и других, на котором развернулась широкая дискуссия по вопросу о пролетарской партии и ее печатном органе. Вскоре после этого Маркс устанавливает тесную связь с газетой «Das Volk» — органом лондонского Просветительного общества немецких рабочих. Маркс обещал неофициально сотрудничать в газете — предоставлять ей свои статьи, напечатанные в «Tribune», давать советы, оказывать материальную поддержку. Маркс надеялся в решающий момент превратить «Das Volk» в боевой орган пролетарской партии. В № 6 газеты от 11 июня 1859 г. было официально объявлено о сотрудничестве Маркса и Энгельса. Вскоре Маркс стал редактором, а фактически и администратором газеты.

Несмотря на то, что после выхода 20 августа 1859 г. № 16 издание газеты прекратилось ввиду недостатка денежных средств, газета «Das Volk» под редакторством Маркса выполнила почетную роль провозвестника задач пролетарского движения, боевого глашатая теоретических и тактических принципов пролетарских революционеров. На страницах газеты «Das Volk» Маркс и Энгельс пропагандировали важнейшие положения революционной теории. В газете было перепечатано упомянутое выше предисловие к работе Маркса «К критике политической экономии». В августе 1859 г. Энгельс поместил в двух номерах этой газеты публикуемую в настоящем томе рецензию на книгу Маркса «К критике политической экономии». В этой рецензии Энгельс охарактеризовал существо того революционного переворота, который совершил Маркс своими открытиями в области общественных наук, показав огромное значение этих открытий не только для науки, но и для практики, для революционного движения. Энгельс дал яркую характеристику ограниченности буржуазной политической экономии, в частности отсталости буржуазной экономической мысли в Германии, и противопоставил вульгарным экономическим теориям подлинно научную политическую экономию пролетариата. Во второй части своей рецензии Энгельс охарактеризовал существенные черты

разработанного Марксом метода материалистической диалектики.

Отстаивая интересы пролетарских масс, газета «Das Volk» откликалась на классовые бои пролетариата, в частности подробно освещала ход знаменитой стачки строительных рабочих Лондона, начавшейся в июле 1859 года. В статье «Политическое обозрение», опубликованной в газете «Das Volk», Маркс обосновывает революционный взгляд на стачки, как на одну из закономерных и важных форм классовой борьбы пролетариата. Маркс указывал в этой статье, что попытка английской буржуазии силой заставить рабочих отказаться от организованной борьбы приведет лишь к углублению «и без того достаточно глубокой пропасти между трудом и капиталом», к усилению классовой ненависти, являющейся верным залогом социального переворота (см. настоящий том, стр. 511).

На страницах «Das Volk» Маркс и Энгельс могли высказывать свои революционные взгляды более свободно, чем в «Tribune», где этому препятствовало буржуазное направление газеты. Газету «Das Volk» Маркс и Энгельс использовали для открытого изложения основ пролетарской тактики в связи с важнейшими событиями внешней и внутренней политики европейских государств, для резкого обличения реакции и борьбы против буржуазных и мелкобуржуазных идеологических противников пролетариата.

Так например, публикуемые в приложениях к тому материалы под заглавием «По страницам печати» показывают, какому едкому осмеянию были подвергнуты в этой газете проникнутые духом филистерства и национализма выступления немецких мелкобуржуазных демократов — Кинкеля и Других — на страницах их лондонского органа «Hermann».

Главной задачей своих выступлений в газете «Das Volk», а также в «New-York Daily Tribune» Маркс и Энгельс считали обоснование революционной пролетарской тактики в связи с начавшейся в конце апреля 1859 г. войной в Италии. Оценка этой войны, выяснение ее причин, анализ ее хода и последствий составляют содержание многих статей, написанных основоположниками марксизма в то время.

Развивая свою точку зрения, высказанную еще в начальный период итальянского кризиса, до открытия военных действий, Маркс и Энгельс рассматривали войну Франции и Пьемонта против Австрии как продолжение антинародной политики бонапартистских кругов. Эта война, подчеркивали они, была продиктована стремлением Луи-Наполеона и его клики упрочить бонапартистский режим во Франции посредством сравнительно легких побед над «внешним врагом», завоевать популярность,

демагогически спекулируя лозунгом «освобождения Италии от австрийского господства», «принципом национальностей», добиться под прикрытием этого лозунга округления французской территории за счет Италии и других государств и укрепить свою политическую гегемонию в Европе. Срывая с Луи-Наполеона лицемерную маску «освободителя Италии», основоположники марксизма полностью раскрыли его контрреволюционные замыслы в отношении итальянского национального движения. Бонапартистская Франция, подчеркивали они, являлась наравне с Австрией злейшим врагом независимости и объединения Италии. Развязанная Наполеоном III война была замаскированной интервенцией против народного революционного движения за единство Италии. В статье «Луи-Наполеон и Италия» Маркс прямо сравнивал эту войну с экспедицией французских интервентов в 1849 г., в период Второй республики, с целью восстановления власти римского папы. Маркс указывал, что для Луи-Наполеона «война была лишь второй французской экспедицией в Рим, правда, во всех отношениях более крупной, но по мотивам и результатам не отличающейся от того «республиканского» предприятия» (см. настоящий том, стр. 505). Подлинной целью Наполеона III было, по существу, сохранение раздробленности Италии и контрреволюционных режимов в итальянских государствах.

Все статьи Маркса и Энгельса проникнуты горячей симпатией к борьбе итальянского народа против чужеземного господства. Основоположники марксизма подчеркивали, что в Италии есть силы, способные, вопреки бонапартистским проискам и контрреволюционно-династическим устремлениям пьемонтских монархистов, добиться объединения страны революционно-демократическим путем. Маркс с одобрением отнесся к манифесту итальянского революционера Мадзини, разоблачавшему демагогические маневры Луи-Наполеона, и опубликовал перевод этого манифеста в «New-York Daily Tribune» (см. настоящий том, стр. 381—386). В действиях против австрийцев добровольческих отрядов, возглавляемых выдающимся итальянским патриотом Гарибальди, Маркс и Энгельс видели образец народного сопротивления иноземному владычеству, образец подлинно освободительной войны. Гарибальди, указывал Энгельс; «не боится быстроты и натиска, от которых предостерегает своих подчиненных Наполеон III» (см. настоящий том, стр. 387). Высокую оценку Гарибальди как революционному полководцу Энгельс дает в статье «Стратегия войны».

В статьях «Война», «Наконец сражение!», «Развитие военных действий», «Военные события», «Сражение при Мадженте»,

«Сражение при Сольферино», «Итальянская война. Обзор прошлого» и других Энгельс анализировал события войны с военной точки зрения. Наряду с другими военно-историческими очерками Энгельса, публикуемыми в томе, эти статьи являются важным вкладом в военную науку. Выступая в них как крупнейший знаток военного дела, Энгельс дает всесторонний разбор военной кампании 1859 г., нередко прибегает к экскурсам в область истории военного искусства и делает глубокие военно-теоретические обобщения. Большой интерес представляет, в частности, статья «Итальянская кампания», опубликованная Энгельсом в газете «Das Volk». В ней Энгельс анализирует те изменения, которые произошли со времени наполеоновских войн в способе ведения войны благодаря развитию фортификации и системы укрепленных лагерей и крепостей, прикрывающих государственные границы, а также благодаря значительному усовершенствованию транспортного дела с введением железных дорог и пароходных линий. На этом примере Энгельс вскрывает связь между развитием производительных сил и способом ведения войны. Значительное место в военных обзорах Энгельса уделено проблемам крепостной войны, взаимодействия крепостей и полевых армий, особенностям войны в условиях горной местности и т. д.

В статьях Энгельса подвергается критике руководство военными действиями со стороны командования воюющих армий. Характеризуя австрийскую армию и ее руководителей, Энгельс раскрывает зависимость организации вооруженных сил, стратегии и тактики от общественного и политического строя той или другой страны. Энгельс отмечает консерватизм австрийской военной системы, обусловленный экономической отсталостью империи Габсбургов, сохранением в ней полуфеодальных порядков. Отдавая должное храбрости австрийских солдат, Энгельс в то же время сурово бичевал австрийское командование за грубые ошибки и просчеты и отмечал плачевные последствия вмешательства в ход военных операций придворной камарильи и самого императора Франца-Иосифа. Так, в отношении ставленника камарильи — австрийского главнокомандующего Дьюлаи Энгельс писал, что его войска «демонстрировали непобедимую жизненную силу народа, а он сам — старческую немощь и идиотизм монархии» (см. настоящий том, стр. 405).

Резко отрицательная характеристика дается в статьях Энгельса французскому командованию. Энгельс отмечает отсутствие у него широких стратегических замыслов и инициативы, неумение использовать военные успехи, доставшиеся

в результате промахов противника. Методы ведения войны бонапартистской Францией, указывал Энгельс, целиком соответствовали двуличной, реакционной политической стратегии Наполеона III, его стремлениям «локализовать войну», избежать серьезных военных осложнений и их революционных последствий.

Разоблачение Марксом и Энгельсом итальянской политики заправил Второй империи на страницах «New-York Daily Tribune», и особенно «Das Volk», носило характер широкой обличительной кампании против бонапартистского режима в целом. Маркс и Энгельс воспитывали у своих читателей глубокую ненависть к бонапартистской диктатуре крупной буржуазии, основанной на полицейском терроре, широком применении социальной демагогии, лавировании между классами. В бонапартистской Франции они видели опаснейшую контрреволюционную силу тогдашней Европы, душителя революционных и национально-освободительных движений. Борьбу против бонапартизма Маркс и Энгельс рассматривали как первостепенную задачу пролетарских революционеров. Особенно важным они считали давать отпор бонапартистской агентуре в демократических кругах, в частности в кругах немецкой эмиграции. Именно в это время Маркс начинает тщательно следить за пробонапартистскими выступлениями немецкого вульгарного демократа Карла Фогта и собирать материал, изобличающий последнего как платного агента Наполеона III. На основании этого материала Маркс написал в 1860 г. свой памфлет «Господин Фогт» (см. настоящее издание, т. 14).

В статьях «Вторжение!», «Франция разоружается», «Боязнь вторжения в Англию» Маркс показывал, что политика военных авантюр, проводимая заправилами Второй империи, является источником все новых конфликтов и войн. В ряде статей Маркс и Энгельс заклеймили также другие европейские реакционные силы, оказывавшие дипломатическую поддержку Франции во время подготовки войны в Италии и в период самих военных действий. Маркс разоблачил, в частности, контрреволюционный характер сговора Луи-Наполеона с представителем английской буржуазно-аристократической олигархии Пальмерстоном, развязавшего Наполеону III руки в осуществлении итальянской авантюры. Этим же целям служило, как подчеркивали Маркс и Энгельс, соглашение между бонапартистской Францией и царской Россией, заключенное в марте 1859 года.

Итальянскую проблему Маркс и Энгельс тесно связывали с вопросом об объединении Германии. В брошюре Энгельса «По и Рейн», в статьях Маркса для газеты «Das Volk» и «Tri-

bune» подчеркивалось, что как австрийское владычество в Северной Италии, так и бонапартистская гегемония в Европе являются препятствием на пути германского народа в его борьбе за создание единого германского государства. Поражение бонапартистской Франции в войне, по мнению Маркса и Энгельса, развязало бы революционные силы как в Италии и Франции, так и в Германии, привело бы в конечном счете к падению антинародных режимов в Европе, дало бы толчок к развязыванию национально-освободительных движений, в том числе и борьбы угнетенных народов Центральной Европы против гнета австрийских Габсбургов. В Германии такая ситуация дала бы перевес сторонникам объединения страны революционно-демократическим путем, путем ликвидации реакционных австрийской и прусской монархий и создания единой демократической германской республики. Исходя из этого, Маркс и Энгельс стояли за участие государств Германского союза в войне против бонапартистской Франции и осуждали поборников «нейтралитета».

Ряд публикуемых в томе статей Маркса направлен против позиции правящих кругов Пруссии и поддерживающих их представителей немецкой либеральной буржуазии по отношению к войне. В статьях «Прусская точка зрения на войну», «Шпрее и Минчо», в незаконченной серии статей «Quid pro quo» Маркс заклеймил провозглашенную Пруссией нейтралистскую политику «посредничающей державы» как прямое пособничество бонапартизму. Подоплекой жалкого и трусливого лавирования правителей Пруссии во время войны в Италии, их угодничества перед Луи-Наполеоном и русским царем явились, как отмечает Маркс, боязнь революционного подъема в Германии в случае войны и расчет на ослабление соперника в борьбе за верховенство в Германии — Австрии. Маневрируя и уклоняясь от вступления в войну, Пруссия, указывал Маркс, надеялась «когда-нибудь жульническим путем учесть свой вексель на гегемонию в Германии» (см. настоящий том, стр. 477). В основе политики Пруссии лежало стремление прусского юнкерства объединить Германию под своей гегемонией.

В исключительно глубокой по содержанию статье «Эрфуртовщина в 1859 году» Маркс показывает, что немецкие буржуазные либералы—представители так называемой Готской партии, пытавшиеся еще со времени созыва в 1850 г. по инициативе Пруссии Эрфуртского парламента осуществить идею опруссачивания Германии, — выступили как горячие поборники этого контрреволюционного плана. Позиция немецкой либеральной буржуазии, подчеркивал Маркс, целиком свидетельствовала

об отречении ее от каких-либо революционных и демократических традиций, об ее капитуляции перед реакцией. В результате контрреволюционности буржуазии в роли душеприказчика буржуазной революции выступают самые реакционные силы, которые в искаженном виде осуществляют назревшие задачи этой революции, в частности задачу национального объединения страны. Маркс указывал, что «программа революции в руках реакции превращается в сатиру на соответствующие революционные стремления» (см. настоящий том, стр. 432).

Революционно-демократический путь объединения Германии Маркс и Энгельс отстаивали также в полемике с националистическими взглядами «королевско-прусского социалиста» Лассаля. В своей брошюре «Итальянская война и задачи Пруссии» Лассаль, в противовес точке зрения Маркса и Энгельса, оправдывал нейтралитет Пруссии и по существу разделял ориентацию пруссофильской либеральной буржуазии на объединение Германии сверху под прусским главенством. В позиции Лассаля, осужденной Марксом и Энгельсом, отразилось неверие в революционно-демократические силы Германии. В написанной им в это время драме «Франц фон Зиккинген» он пытался исторически обосновать свое отрицание революционной роли крестьянских и плебейских масс и оправдать призыв к союзу с дворянско-монархическими кругами (см. письма Лассалю Маркса от 19 апреля и Энгельса от 18 мая 1859 г.).

В противоположность Лассалю Маркс и Энгельс призывали к революционному выходу из итальянского кризиса, состоящему, как они подчеркивали, в усилении антифеодальной и национально-освободительной борьбы народных масс Италии и Германии, в выступлении народов Европы против бонапартизма и поддерживавших его контрреволюционных сил. Контрреволюционной войне, развязанной бонапартистскими кругами, они противопоставляли идею революционной, освободительной войны против бонапартистской Франции и царской России во имя воссоединения Германии и Италии и освобождения угнетенных народов. Тактика Маркса и Энгельса была рассчитана на последовательно-революционное разрешение задач буржуазно-демократической революции силами поднявшихся на борьбу широких масс народа. «... При военных конфликтах на почве подъема буржуазии к власти в отдельных национальностях Маркс заботился больше всего, как и в 1848 году, о расширении и обострении буржуазно-демократических движений путем участия более широких и более «плебейских» масс, мелкой буржуазии вообще, крестьянства в частности, наконец, неимущих классов. Именно это соображение

Маркса о расширении социальной базы движения, о развитии его и отличало коренным образом последовательно-демократическую тактику Маркса от непоследовательной, склоняющейся к союзу с национал-либералами, тактики Лассаля» (В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 128).

В статьях Маркса «Что выиграла Италия?», «Мир», «Вилла-франкский договор», «Луи-Наполеон и Италия» и других, а также в брошюре Энгельса «Савойя, Ницца и Рейн» подводятся итоги австро-итало-французской войны. Виллафранкский мир (позднее его условия были в основном утверждены в Цюрихе), подчеркивается в этих статьях, полностью обнаружил династические и захватнические цели Луи-Наполеона в войне, ничего общего не имеющие с освобождением Италии. Об этом свидетельствовали притязания Наполеона III на Савойю и Ниццу и последующая аннексия этих провинций, его стремление поставить во главе проектируемой итальянской конфедерации римского папу — главного вдохновителя реакции в Италии, попытки восстановить власть свергнутых народом герцогов Тосканы, Модены и Пармы.

Как и предвидели Маркс и Энгельс, война закончилась сделкой за счет интересов Италии между бонапартистскими и австрийскими реакционными кругами, к участию в которой лишь по «милости» Наполеона III спустя некоторое время была допущена правящая клика Пьемонта. Ни один из коренных вопросов буржуазной революции не был разрешен. Единственным положительным результатом, как отмечали Маркс и Энгельс, было саморазоблачение Наполеона III, окончательный провал его в показной роли поборника итальянской независимости и единства. Поспешность, с которой был заключен мир, говорила также о внутренней непрочности Второй империи, о неспособности этого режима выдерживать длительные военные испытания, чреватые революционными взрывами. И все же несмотря на то, что в 1859 г. итальянским революционерам не удалось превратить, по выражению Ленина, «либерально-скромное движение в демократически-бурное», события этого года способствовали подъему национально-освободительной борьбы в Италии в следующем, 1860 году.

В брошюре Энгельса «Савойя, Ницца и Рейн» на основании военно-исторического и лингвистического анализа опровергались территориальные притязания Второй империи. Исходя из нерешенности проблемы объединения Италии и Германии, Энгельс здесь вновь рассмотрел сложившуюся еще до войны в Италии расстановку сил на международной арене, а также внутри упомянутых стран. Он доказал правильность и после

войны ориентации пролетарских революционеров на борьбу революционно-демократических сил против реакционно-монархических, возглавляемых бонапартистской Францией и царской Россией, как на единственный путь последовательного решения вопроса о воссоединении Италии и Германии в единые национальные государства. При этом Энгельс учел и революционную ситуацию, складывавшуюся в России накануне реформы 1861 г., рассматривая ее как важнейший фактор в назревании революционного подъема в Европе, а поднимающихся на борьбу против царизма русских крепостных приветствовал как союзников европейского пролетариата.

Важное место в томе занимает также характеристика экономического и политического положения Англии и разоблачение ее колониальной политики. В статьях Маркса «Состояние британской фабричной промышленности», «Население, преступность и пауперизм», «Британская торговля», «Фабричная промышленность и торговля» на основании анализа официальных английских статистических данных прослеживается действие важнейших закономерностей капиталистической экономики — усиление концентрации производства и цикличный характер его развития.

Анализируя данные текущего британского импорта и экспорта, Маркс подмечает одну из особенностей развития английской экономики, заключающуюся в том, что «Англия по отношению к мировому рынку развивает свою функцию заимодавца еще с большей быстротой, нежели свою функцию фабриканта и купца» (см. настоящий том, стр. 521).

На ряде примеров Маркс иллюстрирует действующую в капиталистическом обществе тенденцию к обнищанию рабочего класса. Он приводит факты и цифры, свидетельствующие об ухудшении условий труда английских рабочих, особенно женщин и детей, о росте числа несчастных случаев на производстве ввиду отсутствия самой элементарной техники безопасности, росте пауперизма и преступности одновременно с ростом промышленного производства и торговли. Анализируя все эти факты, Маркс приходит к следующему выводу: «Должно быть, есть что-то гнилое в самой сердцевине такой социальной системы, которая увеличивает свое богатство, но при этом не уменьшает нищету, и в которой преступность растет даже быстрее, чем численность населения» (см. настоящий том, стр. 515).

Маркс подвергает критике существующее фабричное законодательство в Англии, которое предоставляет фабрикантам всяческие возможности для его нарушения. Он разоблачает идео-

логических прислужников класса буржуазии — буржуазных экономистов, апологетов капиталистического строя, готовых своими теориями оправдать любое преступление господствующего класса.

Многие из приведенных Марксом материалов, в частности отчеты английских фабричных инспекторов, разоблачающие злоупотребления английских фабрикантов и рисующие картины жестокой эксплуатации английских рабочих, Маркс впоследствии использовал в первом томе «Капитала».

В ряде статей — «Политическое обозрение», «Избирательная коррупция в Англии» и другие — Маркс раскрывает антинародную сущность политического строя Англии. «Подлинную конституцию британской палаты общин, — указывает Маркс, — можно выразить в одном слове — *коррупция»* (см. настоящий том, стр. 549). Разбирая в своей статье «Новый билль о парламентской реформе в Англии» предложенные в феврале 1859 г. Дизраэли незначительные изменения в существующей избирательной системе Англии, Маркс подчеркивает, что основная цель этого проекта состоит в сохранении существующей монополии аристократии и буржуазии на политическую власть и политического бесправия рабочего класса. «С первого же взгляда становится понятным, — пишет Маркс, — что все эти новые избирательные льготы, допуская к выборам некоторые новые группы буржуазии, явно придуманы с целью не допустить к участию в выборах рабочий класс и оставить его в его нынешнем положении политического «пария»» (см. настоящий том, стр. 225).

Ряд статей Маркса и Энгельса, вошедших в настоящий том, отражают борьбу, которую основоположники марксизма систематически вели против гнусной системы порабощения и эксплуатации колониальных и зависимых стран европейскими капиталистическими державами, в первую очередь Англией.

В статье «Сильное расстройство финансов Индии» Маркс обличает хищническую политику Англии в Индии, указывая на пагубные последствия британского владычества в этой стране. Он отмечает, в частности, разрушение местной промышленности путем массового ввоза британских хлопчатобумажных тканей и пряжи. Касаясь последствий жестокого подавления английскими колонизаторами национально-освободительного восстания в Индии 1857—1859 гг., Маркс указывает, что связанные с этим огромные расходы, а также необходимость постоянно содержать в Индии крупные вооруженные силы

ложатся тяжелым бременем прежде всего на плечи английского налогоплательщика.

В серии статей «Новая китайская война», в статье «Торговля с Китаем» Маркс разоблачает политику англо-французских колонизаторов, которые в 1859 г. стремились развязать еще одну грабительскую войну против Китая, подобную «опиумным» войнам 1838—1842 и 1856—1858 годов. Раскрывая провокационный характер действий англичан, подчеркивая, что не китайские власти, а английские и французские колонизаторы нарушили существующие договоры, в частности условия Тяньцзиньского договора 1858 г., Маркс защищает право китайского правительства и народа на сопротивление вооруженному вторжению колонизаторов, под каким бы предлогом это вторжение ни предпринималось.

Наряду с разоблачением колонизаторской политики правящих кругов Англии, Маркс обличает английскую буржуазную печать, которая умышленно разжигала «кровожадные инстинкты своих соотечественников», фальсифицировала факты для оправдания агрессии против Китая.

В статье «Торговля с Китаем» Маркс вскрывает близорукость политики английской буржуазии, не понимающей экономических закономерностей и обвиняющей китайское правительство в создании искусственных препятствий для британской торговли в этой стране, которые она призывала уничтожить с помощью захватнических военных авантюр. Маркс указывает, что причины сравнительно ограниченной торговли кроются в самой экономической структуре китайского общества, в сочетании сельского хозяйства и домашней промышленности, допускающем лишь ограниченный внешний обмен. Маркс выражает твердую уверенность, что английским колонизаторам, несмотря ни на какие авантюры, никогда не удастся покорить Китай.

Три статьи Энгельса — две под заглавием «Война с маврами» и одна под заглавием «Ход войны с маврами» — посвящены событиям колониальной войны Испании в Марокко в ноябре 1859 — марте 1860 года. Энгельс отмечает упорное сопротивление, которое оказывали марокканцы испанским завоевателям. Несмотря на явный перевес в численности войск и в вооружении, регулярная испанская армия не смогла добиться решающей победы в ходе войны и испанское правительство было вынуждено заключить в марте 1860 г. мир.

В приложениях к тому публикуются упомянутые выше материалы под заглавием «По страницам печати», составленные

Марксом в сотрудничестве с Бискампом для газеты «Das Volk», а также редакционное заявление этой газеты, в котором Маркс и Энгельс названы официальными сотрудниками. Этот документ проливает свет на историю борьбы Маркса за превращение газеты «Das Volk» в пролетарский орган.

* * *

В настоящий том включено 13 статей Маркса и Энгельса, не вошедших в первое издание Сочинений и впервые публикуемых на русском языке: «Денежная паника в Европе», «Положение Луи-Наполеона», «Военные ресурсы Германии», «Мир или война?», «Неизбежность войны», «Чрезвычайно важные известия из Вены», «Итальянская кампания», «Манифест Мадзини», «Сражение при Сольферино», «Эрфуртовщина в 1859 году», «Франция разоружается», «Политическое обозрение», «Боязнь вторжения в Англию». Документы, включенные в приложения, на русском языке также публикуются впервые.

Все статьи, помещенные в томе, были опубликованы без подписи, некоторые из них в качестве передовых статей. Как неоднократно указывали в своих письмах Маркс и Энгельс, редакция «New-York Daily Tribune» произвольно обращалась с их текстами, делала редакционные вставки и добавляла целые абзацы, особенно в передовых статьях, стремясь придать им характер статей, написанных в Нью-Йорке. В настоящем издании подобные вторжения редакции в текст статей оговариваются в примечаниях к соответствующим местам. Несколько статей этого периода сохранилось в двух вариантах: немецком, опубликованном в «Das Volk», и английском, напечатанном в «Tribune», что оговорено в соответствующем примечании.

При изучении конкретно-исторического материала, приводимого в статьях, публикуемых в настоящем томе, надо иметь в виду, что для значительного числа статей, посвященных текущим событиям, Марксу и Энгельсу приходилось пользоваться в качестве источников главным образом информацией, появлявшейся в буржуазной прессе — в газетах «Times», «Moniteur universel», «Wiener Zeitung», «Allgemeine Zeitung», «Allgemeine Militar-Zeitung», в журнале «Economist» и других. Отсюда они брали данные о ходе военных действий, о численности армий воюющих стран, о состоянии финансов различных государств и т. д. В некоторых случаях эти данные расходятся с данными, установленными последующими исследованиями.

Выявленные в тексте «New-York Daily Tribune» и «Das Volk» опечатки в именах собственных, географических названиях, цифровых данных, датах и т. д. исправлены на основании проверки по источникам, которыми пользовались Маркс и Энгельс.

Названия статей даны в соответствии с тем, как они были напечатаны в газетах. В тех случаях, когда название статьи, отсутствующее в оригинале, дано Институтом марксизма-ленинизма, перед заглавием стоит звездочка.

Институт марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС

К. МАРКС
и
Ф. ЭНГЕЛЬС

январь 1859—февраль 1860

К. МАРКС

К КРИТИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ[1]

Написано К. Марксом в августе 1858— январе 1859 г.

Напечатано в Берлине в 1859 г.
Подпись: Карл Маркс

Печатается по тексту издания 1859 г.

Перевод с немецкого

Zur Kritik

der

Politischen Oekonomie

von

Karl Marx.

Erstes Heft.

Berlin.
Verlag von Franz Duncker.
(W. Besser's Verlagshandlung.)

1859.

Титульный лист первого издания
книги «К критике политической экономии»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я рассматриваю систему буржуазной экономики в следующем порядке: *капитал, земельная собственность, наемный труд, государство, внешняя торговля, мировой рынок.* Под первыми тремя рубриками я исследую экономические условия жизни трех больших классов, на которые распадается современное буржуазное общество; взаимная связь трех других рубрик очевидна. Первый отдел первой книги, трактующей о капитале, состоит из следующих глав: 1) товар, 2) деньги, или простое обращение, 3) капитал вообще. Первые две главы составляют содержание настоящего выпуска. Весь материал лежит предо мной в форме монографий, которые были написаны с большими перерывами в различные периоды не для печати, а для уяснения вопросов самому себе; последовательная обработка этих монографий по указанному плану будет зависеть от внешних обстоятельств.

Общее введение[2], которое я было набросал, я опускаю, так как по более основательном размышлении решил, что всякое предвосхищение выводов, которые еще только должны быть доказаны, может помешать, а читатель, который вообще захочет следовать за мной, должен решиться восходить от частного к общему. Однако некоторые замечания о ходе моих собственных политико-экономических занятий представляются мне здесь уместными.

Моим специальным предметом была юриспруденция, которую, однако, я изучал лишь как подчиненную дисциплину наряду с философией и историей. В 1842—1843 гг. мне как редактору «Rheinische Zeitung»[3] пришлось впервые высказываться

о так называемых материальных интересах, и это поставило меня в затруднительное положение. Обсуждение в рейнском ландтаге вопросов о краже леса и дроблении земельной собственности, официальная полемика, в которую г-н фон Шапер, тогдашний обер-президент Рейнской провинции, вступил с «Rheinische Zeitung» относительно положения мозельских крестьян, наконец, дебаты о свободе торговли и покровительственных пошлинах дали первые толчки моим занятиям экономическими вопросами[4]. С другой стороны, в это время, когда благое желание «идти вперед» во много раз превышало знание предмета, в «Rheinische Zeitung» послышались отзвуки французского социализма и коммунизма со слабой философской окраской. Я высказался против этого дилетантства, но вместо с тем в полемике с аугсбургской «Allgemeine Zeitung»[5] откровенно признался, что мои тогдашние знания не позволяли мне отважиться на какое-либо суждение о самом содержании французских направлений. Тем с большей охотой я воспользовался иллюзией руководителей «Rheinische Zeitung», которые надеялись более умеренной позицией добиться отмены вынесенного ей смертного приговора, чтобы удалиться с общественной арены в учебную комнату.

Первая работа, которую я предпринял для разрешения обуревавших меня сомнений, был критический разбор гегелевской философии права; введение к этой работе появилось в 1844 г. в издававшемся в Париже «Deutsch-Franzosische Jahrbucher»[6]. Мои исследования привели меня к тому результату, что правовые отношения, так же точно как и формы государства, не могут быть поняты ни из самих себя, ни из так называемого общего развития человеческого духа, что, наоборот, они коренятся в материальных жизненных отношениях, совокупность которых Гегель, по примеру английских и французских писателей XVIII века, называет «гражданским обществом», и что анатомию гражданского общества следует искать в политической экономии. Начатое мною в Париже изучение этой последней я продолжал в Брюсселе, куда я переселился вследствие приказа г-на Гизо о моей высылке из Парижа. Общий результат, к которому я пришел и который послужил затем руководящей нитью в моих дальнейших исследованиях, может быть кратко сформулирован следующим образом. В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет

экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни воооще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства — от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче — от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфдикт и борются за его разрешение. Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями. Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления. В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации. Буржуазные производственные отношения являются последней антагонистической формой общественного процесса производства, антагонистической не в смысле индивидуального

антагонизма, а в смысле антагонизма, вырастающего из общественных условий жизни индивидуумов; но развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы создают вместе с тем материальные условия для разрешения этого антагонизма. Поэтому буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества.

Фридрих Энгельс, с которым я со времени появления его гениальных набросков к критике экономических категорий[7] (в «Deutsch-Franzosische Jahrbucher») поддерживал постоянный письменный обмен мнениями, пришел другим путем к тому же результату, что и я (ср. его «Положение рабочего класса в Англии»[8]); и когда весной 1845 г. он также поселился в Брюсселе, мы решили сообща разработать наши взгляды в противоположность идеологическим взглядам немецкой философии, в сущности свести счеты с нашей прежней философской совестью. Это намерение было осуществлено в форме критики послегегелевской философии. Рукопись — в объеме двух толстых томов в восьмую долю листа[9] — давно уже прибыла на место издания в Вестфалию, когда нас известили, что изменившиеся обстоятельства делают ее напечатание невозможным. Мы тем охотнее предоставили рукопись грызущей критике мышей, что наша главная цель — уяснение дела самим себе — была достигнута. Из отдельных работ, в которых мы в то время с той или иной стороны изложили наши взгляды публике, я упомяну лишь написанный совместно Энгельсом и мной «Манифест Коммунистической партии» и опубликованную мной «Речь о свободе торговли»[10]. Решающие пункты наших воззрений были впервые научно изложены, хотя только в полемической форме, в моей работе «Нищета философии»[11], выпущенной в 1847 г. и направленной против Прудона. Февральская революция и последовавшее в связи с ней насильственное удаление меня из Бельгии прервали печатание написанной на немецком языке работы о «Наемном труде»[12], в которой я собрал лекции, читанные мною в Немецком рабочем обществе[13] в Брюсселе.

Издание «Neue Rheinische Zeitung»[14] в 1848 и 1849 гг. и последовавшие затем события прервали мои экономические занятия, которые я смог возобновить только в 1850 г. в Лондоне. Огромный материал по истории политической экономии, собранный в Британском музее, то обстоятельство, что Лондон представляет собой удобный наблюдательный пункт для изучения буржуазного общества, наконец, новая стадия развития, в которую последнее, казалось, вступило с открытием калифорнийского и австралийского золота, — все это побудило меня приняться за изучение предмета с начала и критически

переработать новый материал. Эти занятия приводили, отчасти сами собой, к вопросам на первый взгляд совершенно не относящимся к предмету, но на которых я должен был останавливаться более или менее продолжительное время. Но особенно сокращалось имевшееся в моем распоряжении время вследствие настоятельной необходимости работать ради хлеба насущного. Мое теперь уже восьмилетнее сотрудничество в «New-York Daily Tribune»[15], первой англо-американской газете (собственно газетные корреспонденции я пишу только в виде исключения), делало необходимым чрезвычайно частые перерывы в моих научных занятиях. Однако статьи о выдающихся экономических событиях в Англии и на континенте составляли настолько значительную часть моей работы для газеты, что я принужден был познакомиться с практическими деталями, лежащими за пределами собственно науки политической экономии.

Эти заметки о ходе моих занятий в области политической экономии должны лишь показать, что мои взгляды, как бы о них ни судили и как бы мало они ни согласовались с эгоистическими предрассудками господствующих классов, составляют результат добросовестных и долголетних исследований. А у входа в науку, как и у входа в ад, должно быть выставлено требование:

«Qui si convien lasciare ogni sospetto;
Ogni viltà convien che qui sia morta»*.

Карл Маркс

Лондон, январь 1859 г.

* — «Здесь нужно, чтоб душа была тверда;
Здесь страх не должен подавать совета»
(Данте. «Божественная комедия»). *Ред.*

КНИГА ПЕРВАЯ

О КАПИТАЛЕ

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

КАПИТАЛ ВООБЩЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ТОВАР

На первый взгляд буржуазное богатство выступает как огромное скопление товаров, а отдельный товар — как его элементарное бытие. Но каждый товар представляется с двух точек зрения: как *потребительная стоимость* и как *меновая стоимость*[*].

Товар есть прежде всего, по выражению английских экономистов, «какая-либо вещь, необходимая, полезная или приятная для жизни», предмет человеческих потребностей, жизненные средства в самом широком смысле слова. Это бытие товара как потребительной стоимости и его естественное осязаемое существование совпадают. Пшеница, например, есть особая потребительная стоимость, в отличие от потребительных стоимостей хлопка, стекла, бумаги и т. д. Потребительная стоимость имеет стоимость только для потребления и реализуется только в процессе потребления. Одна и та же потребительная стоимость может быть использована различным образом. Однако сумма всех возможных ее полезных применений заключена в ее бытии как вещи с определенными качествами. Далее, потребительная стоимость определена не только качественно, но

[*] Aristot. d. Rep. L. 1, C. 9 (edit. I. Bekkeri, Oxonii, 1837) [Аристотель. «Политика», кн. 1, гл. 9, стр. 13 (изд. И. Беккера, Оксфорд, 1837)]. «Пользование каждым объектом владения бывает двоякое... в одном случае объектом пользуются для присущей ему цели назначения, в другом случае — для не присущей ему цели назначения; например, обувью пользуются и для того, чтобы надевать ее на ноги, и для того, чтобы менять ее на что-либо другое. И в том, и в другом случае обувь является объектом пользования: ведь и тот, кто обменивается обувью с тем, кто в ней нуждается, на деньги или на пищевые продукты, пользуется обувью как обувью, но не в присущем ей назначении, так как оно не заключается в том, чтобы служить предметом обмена. Так же обстоит дело и с другими объектами владения».

и количественно. Соответственно своим естественным особенностям различные потребительные стоимости имеют различные меры: например, шеффель пшеницы, стопа бумаги, аршин холста и т. д.

Какова бы ни была общественная форма богатства, потребительные стоимости всегда образуют его содержание, вначале безразличное к этой форме. По вкусу пшеницы нельзя определить, кто ее возделал: русский крепостной, французский мелкий крестьянин или английский капиталист. Потребительная стоимость, хотя и является предметом общественных потребностей и потому включена в общественную связь, не выражает, однако, никакого общественного производственного отношения. Например, данный товар, как потребительная стоимость, есть алмаз. По алмазу нельзя узнать, что он товар. Там, где он служит как потребительная стоимость, эстетически или технически, на груди лоретки или в руке стекольщика, он является алмазом, а не товаром. Быть потребительной стоимостью представляется необходимым условием для товара, но быть товаром, это — назначение, безразличное для потребительной стоимости. Потребительная стоимость в этом безразличии к экономическому определению формы, т. е. потребительная стоимость как потребительная стоимость, находится вне круга вопросов, рассматриваемых политической экономией*. К области последней потребительная стоимость относится только лишь тогда, когда она сама выступает как определенность формы. Непосредственно потребительная стоимость есть вещественная основа, в которой выражается определенное экономическое отношение, *меновая стоимость.*

Меновая стоимость выступает прежде всего как *количественное отношение,* в котором потребительные стоимости обмениваются одна на другую. В таком отношении они составляют одну и ту же меновую величину. Так, 1 том Проперция и 8 унций нюхательного табака могут иметь одинаковую меновую стоимость, несмотря на разнородность потребительных стоимостей табака и элегии. Как меновая стоимость, одна потребительная стоимость стоит ровно столько, сколько и другая, если только они взяты в правильной пропорции. Меновая стоимость дворца может быть выражена в определенном количестве коробок сапожной ваксы. Наоборот, лондонские фабриканты сапожной ваксы выразили стоимость множества коробок своей ваксы

---

* Именно по этой причине немецкие компиляторы толкуют con amore [с любовью] о потребительной стоимости, называя ее «благом». См., например, L. Stein. «System der Staatswissenschaften», Bd. I, den Abschnitt von den «Gutern» [Л. Штейн. «Система политических наук», т. I, отдел о «благах»]. Сведения о «благах» следует искать в «руководствах по товароведению».

в дворцах. Следовательно, товары совершенно независимо от формы своего естественного существования и от специфической природы тех потребностей, которые они удовлетворяют в качестве потребительных стоимостей, в определенных количествах равны Друг другу, замещают друг друга при обмене, выступают как эквиваленты и таким образом, несмотря на свою пеструю внешность, представляют собой одно и то же единство.

Потребительные стоимости суть непосредственно жизненные средства. Но в свою очередь сами эти жизненные средства суть продукты общественной жизни, результат затраченной человеческой жизненной силы — *овеществленный труд.* Как материализация общественного труда, все товары суть кристаллизация одного и того же единства. Теперь необходимо рассмотреть определенный характер этого единства, т. е. труда, который представлен в меновой стоимости.

Допустим, что одна унция золота, одна тонна железа, один квартер пшеницы и двадцать аршин шелка суть равновеликие меновые стоимости. Как такие эквиваленты, в которых качественное различие их потребительных стоимостей стерто, они представляют одинаковое количество одного и того же труда. Труд, который в равной мере в них овеществлен, должен сам быть однородным, лишенным различий, простым трудом, которому так же безразлично, проявляется ли он в золоте, в железе, пшенице или шелке, как безразлично для кислорода, находится ли он в ржавчине железа, в воздухе, в соку винограда или в крови человека. Но добывать золото, добывать в руднике железо, возделывать пшеницу и ткать шелк суть качественно отличные друг от друга виды труда. В самом деле, то, что вещно выступает как различие потребительных стоимостей, выступает в процессе как различие деятельности, создающей эти потребительные стоимости. Как безразличный к особенному веществу потребительных стоимостей, труд, создающий меновую стоимость, безразличен поэтому и к особенной форме самого труда. Далее, различные потребительные стоимости суть продукты деятельности различных индивидуумов, т. е. результат индивидуально различных видов труда. Но как меновые стоимости, они представляют собой одинаковый, лишенный различий труд, т. е. труд, в котором индивидуальность работающих стерта. Поэтому труд, создающий меновую стоимость, есть *абстрактно-всеобщий труд.*

Если одна унция золота, одна тонна железа, один квартер пшеницы и 20 аршин шелка суть равновеликие меновые стоимости, или эквиваленты, то одна унция золота, $^1/_2$ тонны железа, 3 бушеля пшеницы и 5 аршин шелка суть меновые

стоимости совершенно различной величины, и это количественное различие есть единственное различие, которое вообще свойственно им как меновым стоимостям. Как меновые стоимости различной величины, они представляют нечто большее или меньшее, большие или меньшие количества того простого, однородного, абстрактно-всеобщего труда, который образует субстанцию меновой стоимости. Спрашивается, как измерять эти количества? Или, вернее сказать, спрашивается, каково количественное бытие самого этого труда, ибо количественные различия товаров, как меновых стоимостей, суть лишь количественные различия овеществленного в них труда. Как количественное бытие движения есть время, точно так же количественное бытие труда есть *рабочее время.* Различие в продолжительности самого труда является единственным различием, свойственным ому, предполагая данным его качество. Как рабочее время, труд получает свой масштаб в естественных мерах времени, часах, днях, неделях и т. д. Рабочее время суть живое бытие труда, безразличное по отношению к его форме, содержанию, индивидуальности; оно является живым количественным бытием труда и в то же время имманентным мерилом этого бытия. Рабочее время, овеществленное в потребительных стоимостях товаров, составляет субстанцию, делающую их меновыми стоимостями и поэтому товарами, равно как измеряет определенные величины их стоимостей. Соотносительные количества различных потребительных стоимостей, в которых овеществлено одинаковое рабочее время, суть эквиваленты, — или все потребительные стоимости суть эквиваленты в тех пропорциях, в каких они заключают одинаковые количества затраченного, овеществленного рабочего времени. Как меновые стоимости, все товары суть лишь определенные количества *застывшего рабочего времени.*

Для понимания определения меновой стоимости рабочим временем необходимо придерживаться следующих основных положений: сведение труда к простому, так сказать, бескачественному труду; специфический способ, благодаря которому труд, создающий меновую стоимость, стало быть производящий товары, является *общественным трудом;* наконец, различие между трудом, поскольку он имеет своим результатом потребительные стоимости, и трудом, поскольку он имеет своим результатом меновые стоимости.

Чтобы измерять меновые стоимости товаров заключающимся в них рабочим временем, нужно свести различные виды труда к лишенному различий, однородному, простому труду, — короче, к труду, который качественно одинаков и различается поэтому лишь количественно.

Это сведение представляется абстракцией, однако, это такая абстракция, которая в общественном процессе производства происходит ежедневно. Сведение всех товаров к рабочему времени есть не большая, но в то же время и не менее реальная абстракция, чем превращение всех органических тел в воздух. Труд, который измеряется таким образом временем, выступает в сущности не как труд различных субъектов, а напротив, различные работающие индивидуумы выступают как простые органы этого труда. Иначе говоря, труд, как он представлен в меновых стоимостях, мог бы быть назван *всеобще-человеческим* трудом. Эта абстракция всеобщего человеческого труда *существует* в среднем труде, который в состоянии выполнять каждый средний индивидуум данного общества, это — определенная производительная затрата человеческих мышц, нервов, мозга и т. д. Это — *простой* труд[*], которому может быть обучен каждый средний индивидуум и который он, в той или другой форме, должен выполнять. Самый характер этого среднего труда различен в разных странах и в разные эпохи культуры, однако он выступает как нечто данное в каждом существующем обществе. Простой труд составляет подавляющую часть общей массы труда в буржуазном обществе, как в этом можно убедиться из любой статистики. Производит ли ***A*** в продолжение 6 часов железо и в продолжение 6 часов холст, и производит ли ***B*** точно так же в течение 6 часов железо и в течение 6 часов холст, или же ***A*** производит в течение 12 часов железо, а ***B*** в продолжение 12 часов холст, — очевидно, что это лишь различное употребление *одного и того же* рабочего времени. Но как быть с сложным трудом, который возвышается над средним уровнем как труд более высокой напряженности, большего удельного веса? Труд этого рода сводится к сложенному простому труду, простому труду, возведенному в степень, так что, например, один день сложного труда равен трем дням простого труда. Здесь еще не место рассматривать законы, управляющие этим сведением. Но что такое сведение происходит — очевидно, ибо в качестве меновой стоимости продукт самого сложного труда является в определенной пропорции эквивалентом продукта простого среднего труда и, следовательно, приравнивается к определенному количеству этого простого труда.

Определение меновой стоимости рабочим временем предполагает далее, что в определенном товаре, например в тонне железа, овеществлено *одинаковое* количество труда, независимо

[*] «Unskilled labour» [«Необученный труд»] называют его английские экономисты.

от того, есть ли это труд ***А*** или ***В***, или что различные индивидуумы употребляют равное количество рабочего времени для производства одной и той же количественно и качественно определенной потребительной стоимости. Другими словами, предполагается, что рабочее время, содержащееся в каком-нибудь товаре, есть время, *необходимое* для его производства, т. е. рабочее время, нужное для того, чтобы произвести новый экземпляр того же самого товара при данных общих условиях производства.

Условия труда, создающего меновую стоимость, как они вытекают из анализа меновой стоимости, суть *общественные определения* труда или определения *общественного труда,* но общественного не вообще, а особого рода. Это специфический вид общественности. Прежде всего, лишенная различий простота труда есть *равенство* труда различных индивидуумов, взаимное отношение их труда как равного, и именно вследствие фактического сведения всех видов труда к однородному труду. Труд каждого индивидуума обладает этим общественным характером равенства постольку, поскольку он представлен в меновых стоимостях, а в меновых стоимостях он представлен лишь постольку, поскольку он относится к труду всех других индивидуумов как к равному.

Далее, в меновой стоимости рабочее время отдельного индивидуума выступает непосредственно как *всеобщее рабочее время,* и этот *всеобщий характер* обособленного труда — как его *общественный характер.* Рабочее время, представленное в меновой стоимости, есть рабочее время отдельного лица, но отдельного лица без всякого отличия от другого отдельного лица; это — рабочее время всех отдельных лиц, поскольку они исполняют равный труд; поэтому рабочее время, требующееся кому-либо одному для производства определенного товара, есть *необходимое* рабочее время, которое затратил бы для производства того же самого товара всякий другой. Это — рабочее время отдельного лица, *его* рабочее время, но только как общее всем рабочее время, для которого поэтому безразлично, рабочим временем *какого* именно лица оно является. Как всеобщее рабочее время оно *выражается* во всеобщем продукте, *всеобщем эквиваленте,* в определенном количестве овеществленного рабочего времени; для этого определенного количества овеществленного рабочего времени безразлична та определенная форма потребительной стоимости, в которой оно выступает непосредственно как продукт отдельного лица, и произвольно оно может быть превращено в любую другую форму потребительной стоимости, в которой оно представляется как продукт любого дру-

гого лица. *Общественную* величину оно представляет собой лишь как такая *всеобщая* величина. Труд отдельного человека, чтобы иметь своим результатом меновую стоимость, должен иметь своим результатом *всеобщий эквивалент,* т. е. должен выразить рабочее время отдельного человека в качестве всеобщего рабочего времени или выразить всеобщее рабочее время в качестве рабочего времени отдельного лица. Дело обстоит так, как если бы различные индивидуумы соединили свое рабочее время в одну массу и представили различные количества находящегося в их общем распоряжении рабочего времени в различных потребительных стоимостях. Рабочее время отдельного человека есть, таким образом, в сущности рабочее время, которое требуется обществу для производства определенной потребительной стоимости, т. е. для удовлетворения определенной потребности. Однако здесь речь идет лишь о специфической форме, в которой труд приобретает общественный характер. Определенное рабочее время прядильщика овеществляется. например, в 100 фунтах льняной пряжи. Допустим, что 100 аршин холста, продукт ткача, представляют то же самое количество рабочего времени. Поскольку эти оба продукта представляют одинаковое количество всеобщего рабочего времени и суть поэтому эквиваленты для *всякой* потребительной стоимости, которая содержит столько же рабочего времени, они суть эквиваленты друг для друга. Только потому, что рабочее время прядильщика и рабочее время ткача выступают как всеобщее рабочее время, их продукты выступают как всеобщие эквиваленты; труд ткача становится здесь трудом для прядильщика и труд прядильщика — для ткача, труд одного становится трудом для другого, т. е. их труд приобретает общественное бытие для них обоих. Напротив, в деревенски-патриархальном производстве, когда прядильщик и ткач обитали под одной крышей, когда женская часть семьи пряла, а мужская ткала, скажем, для потребностей собственной семьи, — пряжа и холст были *общественными* продуктами, прядение и ткачество были *общественным* трудом в пределах семьи. Их общественный характер состоял, однако, не в том, что пряжа как всеобщий эквивалент обменивалась на холст как всеобщий эквивалент, или что оба обменивались друг на друга как равнозначные и равноценные выражения одного и того же всеобщего рабочего времени. Напротив, семейная связь с ее естественно развившимся разделением труда накладывала на продукт труда свою своеобразную общественную печать. Или возьмем барщину или оброк средних веков. Определенный труд отдельного лица в его натуральной форме, особенность, а не всеобщность труда образует здесь

общественную связь. Или возьмем, наконец, общинный труд в его первобытной форме, как мы находим его на пороге истории всех культурных народов[*]. Здесь общественный характер труда явно опосредствован не тем, что труд отдельного лица принимает абстрактную форму всеобщности, или, что его продукт принимает форму всеобщего эквивалента. Община [Gemeinwesen], являющаяся предпосылкой производства, не позволяет труду отдельного лица быть частным трудом и продукту его быть частным продуктом; напротив, она обусловливает то, что труд отдельного лица выступает непосредственно как функция члена общественного организма. Труд, который представлен в меновой стоимости, предполагается как труд обособленного отдельного лица. Общественным он становится благодаря тому, что принимает форму своей прямой противоположности, форму абстрактной всеобщности.

Наконец, труд, создающий меновую стоимость, характеризуется тем, что общественное отношение людей представляется, так сказать, превратно, а именно как общественное отношение вещей. Лишь поскольку одна потребительная стоимость относится к другой как меновая стоимость, постольку труд различных лиц взаимно относится как равный и всеобщий. Если поэтому справедливо положение, что меновая стоимость есть отношение между лицами[**], то к этому, однако, следует добавить: отношение, скрытое под вещной оболочкой. Подобно тому, как фунт железа и фунт золота, несмотря на их различные физические и химические свойства, представляют *один и тот же* вес, точно так же потребительные стоимости двух товаров, содержащих одинаковое рабочее время, представляют *одну и ту же меновую стоимость*. Таким образом, меновая стоимость выступает как общественная определенность потребительных стоимостей, как определенность, по природе присущая им как вещам, и благодаря которой они в процессе обмена точно так же замещают друг друга в определенных количественных отноше-

[*] В последнее время распространился смехотворный предрассудок, будто форма *первобытной* общинной собственности есть специфически славянская или даже исключительно русская форма. Она — первобытная форма, которую мы можем проследить у римлян, германцев, кельтов; целый ряд ее разнообразных образцов, хотя отчасти уже в разрушенном виде, до сих пор еще встречается у индийцев. Более тщательное изучение азиатских, особенно индийских, форм общинной собственности показало бы, как из различных форм первобытной общинной собственности вытекают различные формы ее разложения. Так, например, различные, оригинальные типы римской и германской частной собственности могут быть выведены из различных форм индийской общинной собственности.

[**] «Богатство есть отношение между двумя лицами». (Galiani. «Della Moneta», p. 221 в III томе издания Кустоди «Scrittori classici italiani di economia politica. Parte moderna». Milano, 1803 [Галиани. «О деньгах», стр. 221 в III томе издания Кустоди «Итальянские классики политической экономии. Современные экономисты». Милан, 1803]).

ниях и составляют эквиваленты, как простые химические вещества, соединяясь в определенных количественных отношениях, составляют химические эквиваленты. Только благодаря привычке повседневной жизни кажется обычным и само собой разумеющимся, что общественное производственное отношение принимает форму вещи, так что отношение лиц в их труде представляется, наоборот, как отношение, в котором вещи находятся друг к другу и к людям. В товаре эта мистификация еще очень проста. Все более или менее сознают, что отношение товаров, как меновых стоимостей, есть, наоборот, отношение лиц в их производственной деятельности друг для друга. В более высоких производственных отношениях эта видимость простоты исчезает. Все иллюзии монетарной системы произошли оттого, что не видели, что деньги представляют общественное производственное отношение, но в форме естественной вещи с определенными свойствами. У современных экономистов, которые высокомерно посмеиваются над иллюзиями монетарной системы, обнаруживается та же иллюзия, как только они обращаются к более высоким экономическим категориям, например к капиталу. Эта иллюзия прорывается у них в виде наивного изумления, когда то, что они грубо только что определили как вещь, вдруг выступает пред ними в качестве общественного отношения, а затем то, что они едва успели зафиксировать как общественное отношение, вновь дразнит их как вещь.

Так как меновая стоимость товаров в действительности есть не что иное, как взаимное отношение труда отдельных лиц в качестве равного и всеобщего, не что иное, как предметное выражение специфически общественной формы труда, то тавтологией является утверждение, что труд есть *единственный* источник меновой стоимости, а потому и богатства, поскольку оно состоит из меновых стоимостей. Такой же тавтологией является утверждение, что вещество природы, как таковое, не имеет меновой стоимости[*], так как оно не содержит труда и что меновая стоимость, как таковая, не содержит вещества природы. Однако, когда Уильям Петти называет «труд отцом богатства, а землю его матерью»[16], или когда епископ Беркли спрашивает:

[*] «В своем естественном состоянии вещество всегда лишено стоимости». Mac Culloch. «Discours sur l'economie politique etc.», traduit par Prevost. Geneve, 1825, p. 57. [Мак-Куллох. «Рассуждение о происхождении политической экономии и т. д.», перевод Прево. Женева, 1825, стр. 57]. Из этого видно, насколько даже какой-то Мак-Куллох стоит выше фетишизма немецких «мыслителей», которые «вещество» и еще полдюжины других субстанций объявляют элементами стоимости. Ср., например, Л. Штейн, цитированное произведение, т. I, стр. 170.

«Разве четыре элемента и прилагаемый к ним человеческий труд не составляют истинного источника богатства?»*,

или когда американец Т. Купер популярно объясняет:

«Отними у ковриги хлеба затраченный на нее труд — труд пекаря, мельника, земледельца и т. д., что тогда останется? Несколько колосьев травы, дико растущих и непригодных для какого бы то ни было человеческого потребления»**,

во всех этих рассуждениях речь идет не об абстрактном труде, как источнике меновой стоимости, но о труде конкретном, как источнике вещественного богатства, короче — о труде, поскольку он производит потребительные стоимости. Поскольку предполагается потребительная стоимость товара, постольку предполагается особая полезность, определенная целесообразность затраченного на него труда; этим, однако, с точки зрения товара, исчерпывается вместе с тем всякий интерес к труду как к полезному труду. В хлебе, как потребительной стоимости, нас интересуют его свойства как продукта питания, но совсем не труд земледельца, мельника, пекаря и т. д. Если бы благодаря какому-нибудь изобретению этот труд сократился на $^{19}/_{20}$, то коврига хлеба приносила бы ту же самую пользу, что и раньше. Если бы коврига падала готовой с неба, то она не утратила бы ни одного атома своей потребительной стоимости. В то время как труд, создающий меновую стоимость, осуществляется в равенстве товаров как всеобщих эквивалентов, — труд как целесообразная производительная деятельность осуществляется в бесконечном разнообразии их потребительных стоимостей. В то время как труд, создающий меновую стоимость, есть труд *абстрактно-всеобщий* и *равный,* труд, создающий потребительную стоимость, есть труд конкретный и особенный, труд, который сообразно форме и материалу подразделяется на бесконечно различные виды труда.

Относительно труда, поскольку он производит потребительные стоимости, ошибочно утверждать, что он есть *единственный* источник произведенного им, а именно — вещественного богатства. Так как этот труд есть деятельность, направленная на освоение вещественных элементов для той или иной цели, то он нуждается в веществе как предпосылке. В различных потребительных стоимостях пропорция между трудом и веществом природы очень различна, но потребительная стоимость всегда

* Berkeley. «The Querist», London, 1750 [Беркли. «Вопрошатель». Лондон, 1750]: «Whether the four elements and man's labour therein be not the true source of wealth?»

** Th. Cooper. «Lectures on the elements of Political Economy». London, 1831 (Columbia, 1826), p. 99 [Т. Купер. «Лекции об основах политической экономии». Лондон, 1831 (Колумбия, 1826), стр. 99].

содержит какой-либо природный субстрат. Как целесообразная деятельность, направленная на освоение элементов природы в той или иной форме, труд составляет естественное условие человеческого существования, условие обмена веществ между человеком и природой, независимое от каких бы то ни было социальных форм. Напротив, труд, создающий меновую стоимость, есть специфически общественная форма труда. Например, труд портного в своей вещественной определенности, как особая производительная деятельность, производит платье, а не его меновую стоимость. Последнюю он производит не как труд портного, но как абстрактно-всеобщий труд, а этот труд принадлежит к такой общественной связи, которую портной не создавал. Так, например, в античной домашней промышленности женщины производили платье, не производя его меновой стоимости. Труд, как источник вещественного богатства, был так же хорошо известен законодателю Моисею, как и таможенному чиновнику Адаму Смиту*.

Рассмотрим теперь некоторые ближайшие определения, вытекающие из сведения меновой стоимости к рабочему времени.

В качестве потребительной стоимости товар действует как причина [ursachlich]. Пшеница, например, действует в качестве продукта питания. Машина замещает труд в определенных пропорциях. Это действие товара, благодаря которому он есть только потребительная стоимость, предмет потребления, можно назвать его услугой, которую он оказывает как потребительная стоимость. Но как меновая стоимость товар всегда рассматривается только с точки зрения результата. Здесь речь идет не об услуге, которую он оказывает, но об услуге**, которая была оказана ему самому в процессе его производства. Следовательно, меновая стоимость, например машины, определяется не количеством рабочего времени, которое она замещает, а количеством рабочего времени, которое затрачено на нее самое и которое поэтому требуется, чтобы произвести новую машину такого же рода.

Поэтому, если бы количество труда, необходимое для производства товаров, оставалось постоянным, то их меновая стои-

* Ф. Лист, который никогда не мог понять — понимание вообще было чуждо его эгоистически-практическому рассудку — разницы между трудом, поскольку он служит созданию полезного, потребительной стоимости, и трудом, поскольку он производит определенную общественную форму богатства, меновую стоимость, усмотрел поэтому в современных английских экономистах простых плагиаторов Моисея из Египта.

** Понятно, какую «услугу» должна оказывать категория «услуги» («service») такого рода экономистам, как Ж. Б. Сэй и Ф. Бастиа, резонирующая мудрость которых, как уже правильно заметил Мальтус, везде абстрагируется от специфической определенности формы экономических отношений.

мость была бы неизменна. Но легкость или трудность производства постоянно изменяются. Если производительная сила труда возрастает, то он производит ту же самую потребительную стоимость в более короткое время. Если производительная сила труда падает, то требуется больше времени для производства той же самой потребительной стоимости. Поэтому количество рабочего времени, заключенного в каком-либо товаре, следовательно, его меновая стоимость, есть величина переменная: она растет или падает в обратном отношении к росту или падению производительной силы труда. Производительная сила труда, которая в обрабатывающей промышленности применяется в наперед определяемой степени, в земледелии и добывающей промышленности зависит также от не контролируемых человеком естественных условий. *Одним и тем же* трудом можно добыть больше или меньше различных металлов в зависимости от сравнительно более редких или более частых залежей этих металлов в земной коре. *Один и тот же* труд может овеществиться в урожайный год в двух бушелях пшеницы, а в неурожайный год, возможно, только в одном бушеле пшеницы. Здесь кажется, будто редкость или обилие, как естественные условия, определяют меновую стоимость, потому что они определяют производительную силу особого реального труда, связанную с естественными условиями.

Различные потребительные стоимости заключают в неравных объемах одинаковое рабочее время или одинаковую меновую стоимость. Чем в меньшем объеме своей потребительной стоимости, по сравнению с другими потребительными стоимостями, товар содержит определенное количество рабочего времени, тем больше его *специфическая меновая стоимость*. Если мы находим, что в различные, отдаленные друг от друга эпохи культуры известные потребительные стоимости составляют ряд специфических меновых стоимостей, которые друг к Другу сохраняют, если не точно то же самое числовое соотношение, то все же общее соотношение восходящего или нисходящего порядка, как, например, золото, серебро, медь, железо или пшеница, рожь, ячмень, овес, — то из этого только следует, что прогрессивное развитие общественных производительных сил равномерно или приблизительно равномерно воздействовало на рабочее время, необходимое для производства этих различных товаров.

Меновая стоимость какого-либо товара не проявляется в его собственной потребительной стоимости. Однако как овеществление всеобщего общественного рабочего времени потребительная стоимость одного товара поставлена в известные отношения

к потребительным стоимостям других товаров. Меновая стоимость одного товара проявляется, таким образом, в потребительных стоимостях других товаров. Эквивалент есть в сущности меновая стоимость одного товара, выраженная в потребительной стоимости какого-нибудь другого товара. Если я говорю, например: 1 аршин холста стоит 2 фунта кофе, то меновая стоимость холста выражена в потребительной стоимости кофе, и притом в определенном количестве этой потребительной стоимости. Если дана эта пропорция, я могу стоимость любого количества холста выразить в кофе. Ясно, что меновая стоимость одного товара, например, холста, не исчерпывается той пропорцией, в которой другой особый товар, например кофе, составляет его эквивалент. Количество всеобщего рабочего времени, которое представлено в одном аршине холста, реализуется одновременно в бесконечно различных количествах потребительных стоимостей всех других товаров. Потребительная стоимость каждого другого товара, в той пропорции, в какой она представляет равновеликое рабочее время, составляет эквивалент аршина холста. Меновая стоимость *этого отдельного товара* выражается поэтому исчерпывающим образом только в бесконечном множестве уравнений, в которых потребительные стоимости всех других товаров составляют его эквивалент. Только в сумме этих уравнений или в совокупности различных пропорций, в которых один товар обменивается на каждый другой товар, этот товар находит исчерпывающее выражение как *всеобщий эквивалент.* Например, ряд уравнений:

1 аршин холста = $^1/_2$ фунта чая,
1 аршин холста = 2 фунтам кофе,
1 аршин холста = 8 фунтам хлеба,
1 аршин холста = 6 аршинам ситца

может быть представлен следующим образом:

1 аршин холста = $^1/_8$ фунта чая + $^1/_2$ фунта кофе + 2 фунта хлеба + $^1/_2$ аршина ситца.

Поэтому, если бы мы имели перед собой всю сумму уравнений, в которых исчерпывающе выражается стоимость одного аршина холста, мы могли бы представить его меновую стоимость в форме ряда. Этот ряд в действительности бесконечен, так как круг товаров никогда окончательно не замыкается, а постоянно расширяется. Но если, таким образом, один товар измеряет свою меновую стоимость потребительными стоимостями всех других товаров, то, наоборот, меновые стоимости всех других товаров измеряются потребительной стоимостью этого,

измеряющегося в них, товара*. Если меновая стоимость одного аршина холста выражается в $^1/_2$ фунта чая, или 2 фунтах кофе, или 6 аршинах ситца, или 8 фунтах хлеба и т. д., то отсюда следует, что кофе, чай, ситец, хлеб и т. д. в тех пропорциях, в которых они равны третьей величине, холсту, равны между собой, и, стало быть, холст служит общей мерой их меновых стоимостей. Каждый товар, как овеществленное всеобщее рабочее время, т. е. как определенное количество всеобщего рабочего времени, выражает свою меновую стоимость последовательно в определенных количествах потребительных стоимостей всех других товаров, и, наоборот, меновые стоимости всех других товаров измеряются потребительной стоимостью этого одного исключительного товара. Но, как меновая стоимость, каждый товар одновременно является как исключительным товаром, который служит общей мерой меновых стоимостей всех других товаров, так и лишь одним из многих товаров, в совокупном кругу которых каждый другой товар непосредственно представляет свою меновую стоимость.

Величина стоимости какого-либо товара не зависит от того, мало или много товаров другого рода существует кроме него. Однако от большего или меньшего многообразия других товаров зависит больший или меньший ряд уравнений, в котором реализуется его меновая стоимость. Ряд уравнений, в котором представляется, например, стоимость кофе, выражает сферу его обмениваемости, границы, в которых кофе функционирует как меновая стоимость. Меновой стоимости товара, как овеществлению всеобщего общественного рабочего времени, соответствует выражение его эквивалентности в бесконечно разнообразных потребительных стоимостях.

Мы видели, что меновая стоимость товара изменяется вместе с количеством непосредственно заключенного в нем самом рабочего времени. Реализованная, т. е. выраженная в потребительных стоимостях других товаров, его меновая стоимость должна зависеть также от отношения, в котором изменяется рабочее время, затрачиваемое на производство всех других товаров. Если бы, например, рабочее время, необходимое для производства одного шеффеля пшеницы, осталось прежним, в то время как рабочее время, необходимое для производства всех других товаров, удвоилось, то меновая стоимость шеффеля пшеницы, выраженная в его эквивалентах,

---

* «Еще одно свойство меры заключается в таком отношении с измеряемыми вещами, что измеряемая вещь некоторым образом становится мерой измеряющей вещи». Montanari. «Della Moneta», p. 41 в издании Кустоди, vol. III. Parte antica. [Монтанари. «О деньгах», стр. 41 в издании Кустоди, том III. Экономисты старого времени].

снизилась бы наполовину. Результат был бы практически тот же самый, как если бы необходимое для производства шеффеля пшеницы рабочее время сократилось наполовину, а рабочее время, необходимое для производства всех других товаров, осталось неизменным. Стоимость товаров определяется пропорцией, в которой они могут быть произведены в течение одинакового рабочего времени. Чтобы видеть, каким возможным переменам подвержена эта пропорция, представим себе два товара — ***A*** и ***B***. *Первый случай.* Пусть рабочее время, необходимое для производства ***B,*** остается неизменным. В этом случае меновая стоимость ***A,*** выраженная в ***B,*** понижается или повышается прямо пропорционально уменьшению или увеличению рабочего времени, необходимого для производства ***A***. *Второй случай.* Пусть рабочее время, необходимое для производства ***A,*** останется неизменным. Меновая стоимость ***A,*** выраженная в ***B,*** понижается или повышается обратно пропорционально уменьшению или увеличению необходимого для производства *B* рабочего времени. *Третий случай:* рабочее время, необходимое для производства ***A*** и ***B,*** уменьшается или увеличивается в одинаковой пропорции. В этом случае выражение эквивалентности товара ***A*** в товаре ***B*** остается неизменным. Если бы вследствие какого-нибудь обстоятельства производительная сила всех видов труда уменьшилась в одинаковой степени, так что для производства всех товаров требовалось бы в равной пропорции больше рабочего времени, то стоимость *всех* товаров возросла бы, реальное выражение их меновой стоимости осталось бы неизменным, а действительное богатство общества уменьшилось бы, так как ему потребовалось бы больше рабочего времени для производства той же самой массы потребительных стоимостей. *Четвертый случай:* рабочее время, необходимое для производства ***A*** и ***B,*** увеличивается или уменьшается для обоих, но не в одинаковой степени, или же рабочее время, необходимое для производства ***A,*** увеличивается, между тем как рабочее время, необходимое для производства ***B,*** уменьшается, или наоборот. Все эти случаи могут быть сведены просто к тому, что рабочее время, необходимое для производства одного товара, остается неизменным, в то время как рабочее время, необходимое для производства других товаров, увеличивается или уменьшается.

Меновая стоимость всякого товара выражается в потребительной стоимости любого другого товара, будь то в целых единицах или в дробных частях этой потребительной стоимости. Как меновая стоимость, каждый товар так же делим, как и рабочее время, овеществленное в нем. Эквивалентность товаров

настолько же не зависит от их физической делимости как потребительных стоимостей, насколько для сложения меновых стоимостей товаров безразлично, какой реальной смене форм подвергаются потребительные стоимости этих товаров при превращении их в *один* новый товар.

До сих пор товар рассматривался с двоякой точки зрения, как потребительная стоимость и как меновая стоимость, всякий раз односторонне. Однако товар как таковой представляет собой непосредственное единство потребительной стоимости и меновой стоимости; вместе с тем, он есть товар только в отношении к другим товарам. *Действительное* отношение товаров друг к другу есть *процесс* их *обмена.* Это — общественный процесс, в который вступают независимые друг от друга индивидуумы, но они вступают в него только как товаровладельцы; их взаимное существование друг для друга есть существование их товаров, и, таким образом, они выступают в сущности лишь как сознательные носители процесса обмена.

Товар есть потребительная стоимость: пшеница, холст, алмаз, машина и т. д.; но как товар он вместе с тем есть *не* потребительная стоимость. Если бы он был потребительной стоимостью для своего владельца, т. е. непосредственно средством для удовлетворения его собственных потребностей, то он не был бы товаром. Для владельца он, скорее, *не потребительная стоимость,* а именно только вещественный носитель меновой стоимости или простое *средство обмена;* как активный носитель меновой стоимости потребительная стоимость становится средством обмена. Для своего владельца товар есть потребительная стоимость только лишь в качестве меновой стоимости[*]. Потребительной стоимостью поэтому он должен еще только *стать,* прежде всего для других. Так как товар не есть потребительная стоимость для его собственного владельца, то он есть потребительная стоимость для владельцев других товаров. Если этого нет, то труд его владельца был трудом бесполезным, и, стало быть, результат его — не товар. С другой стороны, товар должен сделаться потребительной стоимостью *для самого его владельца,* потому что жизненные средства данного владельца существуют вне этого товара, в потребительных стоимостях чужих товаров. Чтобы *стать* потребительной стоимостью товар должен противостоять определенной потребности, предметом удовлетворения которой он является. Следовательно, потребительные стоимости товаров *становятся* потребительными стоимостями, когда они всесторонне меняются местами, переходя

[*] Именно в этой определенности Аристотель понимает меновую стоимость (см. место, цитированное в начале этой главы).

из рук, в которых они суть средства обмена, в руки, в которых они суть предметы потребления. Только посредством такого всестороннего *отчуждения* товаров заключенный в них труд становится полезным трудом. В этом, *имеющем характер процесса,* отношении товаров друг к другу как потребительных стоимостей они не получают никакой новой экономической определенности формы. Напротив, исчезает и та определенность формы, которая характеризовала их как товары. Например, хлеб, при переходе из рук пекаря в руки потребителя, не изменяет своего бытия как хлеб. Наоборот, только потребитель относится к нему как к потребительной стоимости, как к определенному продукту питания, между тем как в руках пекаря он был носителем экономического отношения, чувственно-сверхчувственной вещью. Единственная перемена формы, которой подвергаются товары в процессе своего становления потребительными стоимостями, есть, следовательно, уничтожение их формального бытия, в котором они были непотребительными стоимостями для своего владельца и потребительными стоимостями для своего невладельца. Чтобы стать потребительными стоимостями, товары должны всесторонне отчуждаться, вступать в процесс обмена, но их бытие для обмена есть их бытие в качестве меновых стоимостей. Поэтому, чтобы реализоваться как потребительные стоимости, они должны реализоваться как меновые стоимости.

Если отдельный товар с точки зрения потребительной стоимости первоначально выступал как самостоятельная вещь, то, наоборот, как меновая стоимость он с самого начала рассматривался в отношении ко всем другим товарам. Но это отношение было только теоретическим, мысленным. Действительным оно становится лишь в процессе обмена. Правда, с другой стороны, товар есть меновая стоимость, поскольку на него затрачено определенное количество рабочего времени, поскольку, следовательно, он есть *овеществленное рабочее время.* Но в своем непосредственном виде товар есть лишь овеществленное индивидуальное рабочее время особенного содержания, а не *всеобщее* рабочее время. Он поэтому *не* есть непосредственно меновая стоимость, а должен еще только *стать* таковой. Прежде всего, он может быть овеществлением всеобщего рабочего времени лишь поскольку он представляет рабочее время в определенном полезном применении, т. е. в какой-нибудь потребительной стоимости. Это — материальное условие, лишь только при котором заключенное в товарах рабочее время признается в качестве всеобщего, общественного. Таким образом, если товар может стать потребительной стоимостью лишь благодаря тому,

что он реализуется в качестве меновой стоимости, то, с другой стороны, он может реализоваться как меновая стоимость лишь благодаря тому, что он в своем отчуждении выявляет себя в качестве потребительной стоимости. Товар как потребительная стоимость может быть отчужден только тому, для кого он является потребительной стоимостью, т. е. предметом особой потребности. С другой стороны, он отчуждается только за другой товар, или, если мы станем на точку зрения владельца этого другого товара, то увидим, что этот владелец может так же отчуждать свой товар, т. е. реализовать его, только тогда, когда приведет его в соприкосновение с особой потребностью, предметом удовлетворения которой он служит. Следовательно, при всестороннем отчуждении товаров как *потребительных стоимостей* товары относятся друг к другу сообразно их вещественному различию, как особые вещи, которые своими специфическими свойствами удовлетворяют особые потребности. Но в качестве таких простых потребительных стоимостей они друг для друга безразличные создания и даже не находятся ни в каком отношении между собой. Как потребительные стоимости они могут обмениваться только в отношении к особенным потребностям. Но способностью к обмену они обладают только как эквиваленты, а эквивалентами они являются только как равные количества овеществленного рабочего времени, так что их естественные свойства в качестве потребительных стоимостей, и, стало быть, отношение товаров к особенным потребностям, совершенно не принимаются во внимание. В качестве меновой стоимости товар осуществляет себя, напротив, тем, что он, как эквивалент, замещает любым образом определенное количество всякого другого товара, независимо от того, является ли он для владельца другого товара потребительной стоимостью или нет. Но для владельца другого товара он лишь постольку товар, поскольку он для него потребительная стоимость, и для своего собственного владельца он лишь постольку меновая стоимость, поскольку он товар для другого. Поэтому одно и то же отношение должно быть отношением товаров как величин, по существу равных и лишь количественно различных; равенством их как предметов, в которых материализовано всеобщее рабочее время; и вместе с тем оно должно быть отношением товаров как качественно различных вещей, как особенных потребительных стоимостей, удовлетворяющих особенные потребности, словом, оно должно быть отношением, в котором они различаются как действительные потребительные стоимости. Но это равенство и неравенство взаимно исключают друг друга. Таким образом обнаруживается не только порочный

круг проблем, поскольку разрешение одной из них уже предполагает разрешение другой, но и совокупность противоречивых требований, поскольку выполнение одного условия непосредственно связано с выполнением другого, ему противоположного.

Процесс обмена товаров должен быть как развертыванием, так и разрешением этих противоречий, которые, однако, не могут представляться в нем в этой простой форме. Мы видели только, как сами товары относятся друг к другу как потребительные стоимости, т. е. каким образом товары в *самом* процессе обмена выступают в качестве потребительных стоимостей. Напротив, меновая стоимость, как мы ее до сих пор рассматривали, существовала только в нашей абстракции или, если угодно, в абстракции отдельного товаровладельца, у которого товар, как потребительная стоимость, лежит на складе, а как меновая стоимость — на совести. Однако в самом процессе обмена товары должны быть налицо не только как потребительные стоимости, но и как меновые стоимости друг для друга, и это их бытие должно проявляться как их собственное отношение друг к другу. Трудность, на которую мы прежде всего натолкнулись, заключается в том, что товар для того, чтобы представиться как меновая стоимость, как овеществленное всеобщее рабочее время, сначала должен быть отчужден, сбыт с рук, как потребительная стоимость, в то время как отчуждение его в качестве потребительной стоимости предполагает, напротив, его бытие в качестве меновой стоимости. Допустим, однако, что эта трудность разрешена. Предположим, что товар сбросил с себя особую потребительную стоимость и через отчуждение ее выполнил материальное условие — быть общественно-полезным трудом, а не особым трудом отдельного лица для самого себя. Тогда товар должен в процессе обмена стать для других товаров меновой стоимостью, всеобщим эквивалентом, овеществлением всеобщего рабочего времени, и, таким образом, вместо ограниченного действия особой потребительной стоимости он должен приобрести способность непосредственно выражаться во всех потребительных стоимостях как в своих эквивалентах. Но каждый товар есть mow товар, который таким образом, через отчуждение своей особой потребительной стоимости должен выступить как непосредственная материализация всеобщего рабочего времени. Но, с другой стороны, в процессе обмена противостоят друг Другу только особенные товары, труд частных индивидуумов, воплощенный в особенных потребительных стоимостях. Всеобщее рабочее время само есть абстракция, которая, как таковая, для товаров не существует.

Рассмотрим сумму уравнений, в которых меновая стоимость товара находит свое реальное выражение; например:

1 аршин холста = 2 фунтам кофе,

1 аршин холста = $^1/_2$ фунта чая,

1 аршин холста = 8 фунтам хлеба и т. д.

Эти уравнения говорят только о том, что в 1 аршине холста, 2 фунтах кофе, $^1/_2$ фунта чая и т. д. овеществлено всеобщее общественное рабочее время одинаковой величины. Но в действительности индивидуальный труд, который представлен в этих особых потребительных стоимостях, становится всеобщим и в этой форме общественным трудом лишь благодаря тому, что эти потребительные стоимости действительно обмениваются друг на друга пропорционально продолжительности содержащегося в них труда. Общественное рабочее время существует в этих товарах, так сказать, в скрытом виде и обнаруживается только в процессе их обмена. Исходным является не труд индивидуумов как общественный труд, а, наоборот, особенный труд частных индивидуумов, труд, который только в процессе обмена, через снятие его первоначального характера, оказывается всеобщим общественным трудом. Следовательно, всеобщий общественный труд есть не готовая предпосылка, а становящийся результат. Таким образом, возникает новое затруднение, заключающееся в том, что товары, с одной стороны, должны вступать в процесс обмена как овеществленное всеобщее рабочее время, а с другой стороны, овеществление рабочего времени индивидуумов как всеобщего само есть лишь продукт процесса обмена.

Каждый товар должен через отчуждение своей потребительной стоимости, т. е. своего первоначального существования, приобрести свое соответствующее существование в качестве меновой стоимости. Поэтому товар должен в процессе обмена удвоить свое существование. С другой стороны, его второе существование в качестве меновой стоимости может быть только другим товаром, так как в процессе обмена противостоят друг другу только товары. Возникает вопрос, как особенный товар представить непосредственно в качестве *овеществленного всеобщего* рабочего времени или, что то же самое, каким образом индивидуальному рабочему времени, овеществленному в особенном товаре, придать непосредственно характер всеобщности. Реальное выражение меновой стоимости товара, т. е. каждого товара как всеобщего эквивалента, представляется в бесконечной сумме уравнений, например:

1 аршин холста = 2 фунтам кофе,

1 аршин холста = $^1/_2$ фунта чая,

1 аршин холста = 8 фунтам хлеба,

1 аршин холста = 6 аршинам ситца,

1 аршин холста = и т. д.

Это представление было теоретическим до тех пор, пока товар только *мыслился* как определенное количество овеществленного всеобщего рабочего времени. Бытие особенного товара в качестве всеобщего эквивалента из чистой абстракции превращается в *общественный* результат самого процесса обмена, если просто обернуть вышеприведенный ряд уравнений. Например:

2 фунта кофе = 1 аршину холста,

$^1/_2$ фунта чая = 1 аршину холста,

8 фунтов хлеба = 1 аршину холста,

6 аршин ситца = 1 аршину холста.

В то время как кофе, чай, хлеб, ситец, словом, все товары выражают содержащееся в них самих рабочее время в холсте, меновая стоимость холста, напротив, раскрывается во всех других товарах как в своих эквивалентах, и рабочее время, овеществленное в самом холсте, становится непосредственно всеобщим рабочим временем, которое одинаково выражается в различных количествах всех других товаров. Холст становится здесь *всеобщим эквивалентом* благодаря *всестороннему действию* на него всех других товаров. В качестве меновой стоимости, каждый товар стал мерой стоимостей всех других товаров. Здесь же, наоборот, вследствие того, что все товары измеряют свою меновую стоимость в одном особенном товаре, этот -выделенный товар становится адекватным бытием меновой стоимости, ее бытием в качестве всеобщего эквивалента. Бесконечный ряд или бесконечное множество уравнений, в которых выражалась меновая стоимость каждого товара, сокращается до одного единственного уравнения, состоящего всего лишь из двух членов. Уравнение: 2 фунта кофе = 1 аршину холста есть теперь исчерпывающее выражение меновой стоимости кофе, так как последняя в этом выражении непосредственно выступает как эквивалент для определенного количества всякого другого товара. Следовательно, теперь в самом процессе обмена товары существуют или выступают друг для друга меновыми стоимостями в форме холста. То, что все товары, в качестве меновых стоимостей, относятся друг к другу только как различные количества овеществленного всеобщего рабочего времени, проявляется теперь таким образом, что они в качестве

меновых стоимостей представляют только различные количества *одного и того же* предмета — холста. Поэтому всеобщее рабочее время в свою очередь представляется как особая вещь, как товар, существующий наряду со всеми другими товарами и вне их всех. Но вместе с тем уравнение, в котором один товар представляется для другого товара меновой стоимостью, например 2 фунта кофе = 1 аршину холста, есть уравнение, которое должно еще осуществиться. Только путем отчуждения товара как потребительной стоимости, зависящего от того, окажется ли он в процессе обмена предметом, годным для удовлетворения какой-либо потребности, — товар действительно превращается из своего бытия в качестве кофе в свое бытие в качестве холста, принимает, таким образом, форму всеобщего эквивалента и становится действительно меновой стоимостью для всех других товаров. Наоборот, вследствие того, что все товары через отчуждение их как потребительных стоимостей превращаются в холст, холст становится превращенным бытием всех других товаров, и только как результат этого превращения в него всех других товаров он становится непосредственно *овеществлением всеобщего рабочего времени,* т. е. продуктом всестороннего отчуждения, снятия, индивидуальных видов труда. Если, таким образом, товары для того чтобы выступать друг для друга меновыми стоимостями удваивают свое существование, то товар, выделенный в качестве всеобщего эквивалента, удваивает свою потребительную стоимость. Кроме своей особенной потребительной стоимости как особенного товара, он получает еще всеобщую потребительную стоимость. Эта его потребительная стоимость сама есть определенность формы, т. е. она вытекает из специфической роли, которую данный товар играет благодаря всестороннему действию на него других товаров в процессе обмена. Потребительная стоимость каждого товара, как предмета особой потребности, имеет различную стоимость в различных руках: например, одну стоимость в руках того, кто его отчуждает, другую — в руках того, кто его приобретает. Товар, выделенный в качестве всеобщего эквивалента, представляет собой теперь предмет всеобщей потребности, выросшей из самого процесса обмена, и имеет для всех одинаковую потребительную стоимость, состоящую в том, чтобы быть носителем меновой стоимости, всеобщим средством обмена. Таким образом, в этом одном товаре разрешено противоречие, которое заключает в себе товар как таковой, а именно: быть особенной потребительной стоимостью и вместе с тем всеобщим эквивалентом, а поэтому и потребительной стоимостью для каждого, всеобщей потребительной стоимостью. Следовательно,

в то время как все другие товары теперь выражают свою меновую стоимость в мысленном, подлежащем еще реализации равенстве с выделенным товаром, потребительная стоимость этого выделенного товара, хотя и реально существующая, выступает в самом процессе как только формальное бытие, которое должно еще реализоваться путем превращения в действительные потребительные стоимости. Первоначально товар представлялся как товар вообще, как всеобщее рабочее время, овеществленное в особенной потребительной стоимости. В процессе обмена все товары относятся к выделенному товару как к товару вообще, к *товару* товаров, как к бытию всеобщего рабочего времени в особенной потребительной стоимости. Поэтому как *особенные* товары они противопоставляются одному особенному товару как *всеобщему* товару*. Следовательно, то что товаровладельцы взаимно относятся к труду друг друга как к всеобщему и общественному представляется таким образом, что они относятся к своим товарам как к меновым стоимостям; взаимное отношение товаров друг к Другу как меновых стоимостей представляется в процессе обмена в виде их всестороннего отношения к одному особенному товару как адекватному выражению их меновой стоимости, что, напротив, выступает опять как специфическое отношение этого особенного товара ко всем остальным товарам и потому как определенный, общественный характер вещи, как бы естественно возникший. Особенный товар, представляющий, таким образом, адекватное бытие меновой стоимости всех товаров, или меновая стоимость товаров в качестве особенного, выделенного товара и есть *деньги.* Деньги — это кристаллизация меновой стоимости товаров, создаваемая ими в самом процессе обмена. Поэтому в то время как товары в процессе обмена становятся друг для друга *потребительными стоимостями,* поскольку они сбрасывают с себя всякую определенность формы и относятся друг к другу в своем непосредственном материальном виде, — эти же товары для того, чтобы выступать по отношению друг к другу *меновыми стоимостями,* должны принять новую определенность формы, должны развиться в форму денег. Деньги не символ, как не является символом бытие потребительной стоимости в форме товара. То, что общественное производственное отношение представляется как предмет, находящийся вне индивидуумов, и что определенные отношения, в которые эти индивидуумы вступают в процессе производства своей общественной жизни, представляются как специфические свойства вещи, — это извращение; эта

* Пометка Маркса на его личном экземпляре книги: «Это выражение встречается у Дженовези». *Ред.*

не воображаемая, а прозаически реальная мистификация характеризует все общественные формы труда, создающего меновую стоимость. В деньгах это выступает только разительнее, чем в товаре.

Необходимые физические свойства особенного товара, в котором должно кристаллизоваться денежное бытие всех товаров, поскольку эти свойства вытекают непосредственно из природы меновой стоимости, суть: произвольная делимость, однородность частей и отсутствие различий между всеми экземплярами этого товара. Как материализация всеобщего рабочего времени, он должен быть однородным и способным представлять только количественные различия. Другим необходимым свойством является прочность его потребительной стоимости, так как он должен сохраняться в процессе обмена. Благородные металлы обладают этими свойствами в превосходной степени. Так как деньги не являются продуктом сознания или соглашения, а созданы инстинктивно в процессе обмена, то весьма различные, более или менее неподходящие товары попеременно исполняли функцию денег. Возникшая на известной ступени развития процесса обмена необходимость полярного разделения товаров, сообразно их назначению, как меновой стоимости и потребительной стоимости, так что один товар, например, фигурирует как средство обмена, в то время как другой отчуждается как потребительная стоимость, —приводит к тому, что всюду один или же несколько товаров, обладающих наиболее всеобщей потребительной стоимостью, вначале случайно играют роль денег. Если эти товары даже не являются предметами непосредственно существующей потребности, то им обеспечивает более всеобщий характер, чем остальным потребительным стоимостям, то обстоятельство, что они образуют вещно наиболее значительную часть богатства.

Непосредственная меновая торговля — первоначальная форма процесса обмена, — представляет собой скорее начало превращения потребительных стоимостей в товары, чем товаров в деньги. Меновая стоимость не получает еще никакой самостоятельной формы, она еще непосредственно связана с потребительной стоимостью. Это обнаруживается двояким образом. Само производство всей своей структурой направлено на создание потребительной стоимости, а не меновой стоимости, и поэтому только вследствие производства сверх того, что требуется для потребления, избыточная часть потребительных стоимостей здесь перестает быть потребительными стоимостями и становится средством обмена, товарами. С другой стороны, они становятся товарами только в границах непосредственной потребительной стоимости, хотя и располагаются полярно, так

что товары, обмениваемые товаровладельцами, должны быть потребительными стоимостями для обоих, но каждый из них — потребительной стоимостью для его невладельца. В действительности процесс обмена товаров возникает первоначально не внутри первобытных общин[*], а там, где они кончаются, на их границах, в тех немногих пунктах, где они соприкасаются с другими общинами. Здесь начинается меновая торговля и отсюда она проникает во внутрь общины, на которую она действует разлагающим образом. Особенные потребительные стоимости, которые в меновой торговле между различными общинами становятся товарами, например рабы, скот, металлы, чаще всего образуют поэтому первые деньги внутри самой общины. Мы видели, что меновая стоимость товара тем в большей степени представляется как меновая стоимость, чем длиннее ряд его эквивалентов, или чем *больше* сфера обмена для этого товара. Поэтому постепенное расширение меновой торговли, увеличение числа актов обмена и разнообразия входящих в меновую торговлю товаров развивают товар как меновую стоимость, необходимо ведут к образованию денег и тем самым действуют разлагающим образом на непосредственную меновую торговлю. Экономисты имеют обыкновение выводить деньги из внешних затруднений, на которые наталкивается расширившаяся меновая торговля, но они забывают при этом, что эти затруднения проистекают из развития меновой стоимости и, стало быть, общественного труда как труда всеобщего. Например, товары как потребительные стоимости не обладают произвольной делимостью, которой они должны обладать как меновые стоимости. Или, товар владельца ***A*** может быть потребительной стоимостью для ***B***, между тем как товар владельца ***B*** не является потребительной стоимостью для ***A***. Или, товаровладельцы могут нуждаться в предназначенных к обмену друг на друга неделимых товарах в неравных стоимостных пропорциях. Другими словами, под предлогом исследования простой меновой торговли, экономисты уясняют себе известные стороны противоречия, которое скрывается в бытии товара как непосредственного единства потребительной и меновой стоимости. С другой стороны, они затем последовательно придерживаются мнения, что меновая торговля есть адекватная форма процесса обмена товаров, которая только сопряжена с известными техническими неудобствами, для устранения которых деньги

[*] Аристотель отмечает то же самое в отношении частной семьи как первоначальной формы общения. Но первоначальная форма семьи есть сама родовая семья, из исторического разложения которой только и появляется частная семья. «В первой форме общения (т. е. в семье), очевидно, не было никакой надобности в нем (т. е. в обмене)». (Аристотель. «Политика», кн. 1, гл. 9, изд. Беккера, Оксфорд, 1837, стр. 14).

служат хитро придуманным средством. Исходя из этой совершенно поверхностной точки зрения, один остроумный английский экономист правильно утверждал, что деньги представляют собой всего лишь материальное орудие, как корабль или паровая машина, а не выражение какого-нибудь общественного производственного отношения, и, следовательно, не экономическую категорию. Поэтому, по его мнению, деньги лишь по ошибке исследуются в политической экономии, которая в действительности не имеет ничего общего с технологией*.

В товарном мире предполагается развитое разделение труда или, вернее, оно представляется непосредственно в разнообразии потребительных стоимостей, которые противостоят друг другу как особенные товары и в которых заключены столь же разнообразные виды труда. *Разделение труда,* как совокупность всех особенных видов производительной деятельности, есть общее состояние общественного труда, рассматриваемого с его вещественной стороны в качестве труда, производящего потребительные стоимости. Но как таковое разделение труда существует, с точки зрения товаров и в самом процессе обмена, только в своем результате, в обособлении самих товаров.

Обмен товаров есть процесс, в котором общественный обмен веществ, т. е. обмен особенных продуктов частных индивидуумов, представляет собой вместе с тем создание определенных общественных производственных отношений, в которые вступают индивидуумы в этом обмене веществ. Развивающиеся отношения товаров друг к другу кристаллизуются как различные определения всеобщего эквивалента, и, таким образом, процесс обмена есть вместо с тем процесс образования денег. В целом этот процесс, выступающий в качестве течения различных процессов, есть *обращение.*

———

А. К ИСТОРИИ АНАЛИЗА ТОВАРА

Сведение товара к труду в его двойственной форме — потребительной стоимости к реальному труду, или целесообразно производительной деятельности, а меновой стоимости к рабочему времени, или равному общественному труду, есть конечный

* «Деньги представляют собой в сущности лишь орудие для совершения покупок и продаж» (однако скажите, пожалуйста, что вы понимаете под покупками и продажами?), «и изучение их относится к политической экономии не в большей мере, чем изучение кораблей, паровых машин или любых других орудий, употребляемых для облегчения производства и распределения богатств» (Th. Hodgskin. «Popular political economy etc.». London, 1827, p. 178—179 [Т. Годскин. «Популярная политическая экономия и т. д.». Лондон, 1827, стр. 178—179]).

критический результат более чем полуторавековых исследований классической политической экономии, которая начинается в Англии с Уильяма Петти, а во Франции с Буагильбера* и завершается в Англии Рикардо, а во Франции Сисмонди.

Петти сводит потребительную стоимость к труду, нисколько не обманываясь относительно природной обусловленности его творческой силы. Действительный труд он с самого начала рассматривает во всем его общественном целом как *разделение труда***. Этот взгляд на источник вещественного богатства

---

* Сравнительное изучение трудов и личностей Петти и Буагильбера, не говоря уже о том ярком свете, который оно пролило бы на социальную противоположность Англии и Франции в конце XVII и начале XVIII столетий, явилось бы генетическим изложением национального контраста между английской и французской политической экономией. Тот же контраст повторяется в заключение у Рикардо и Сисмонди.

** Петти раскрыл значение *разделения труда* и как производительной силы, и притом в более обширном плане, чем Адам Смит. См. «An Essay concerning the multiplication of mankind etc.», 3 edition,1686, p. 35—36 [«Очерк об увеличении численности рода человеческого и т. д.», 3-е издание, 1686, стр. 35—36]. Он показывает здесь преимущества разделения труда для производства не только на примере фабрикации карманных часов, как позднее А. Смит это сделал на примере фабрикации булавок, но также в масштабе города и целой страны, рассматриваемых в качестве крупных фабричных предприятий. «Spectator»[17] от 26 ноября 1711 г. ссылается на эту «иллюстрацию превосходного сэра Уильяма Петти». Таким образом, Мак-Куллох ошибочно предполагает, что «Spectator» спутал Петти с другим писателем, который был моложе Петти на 40 лет. (См. Mac Culloch. «The Literature of Political Economy, a classified catalogue». London, 1845, p. 102 [Мак-Куллох. «Литература по политической экономии — систематический каталог». Лондон, 1845, стр. 102]). Петти чувствует себя основателем новой науки. Его метод, как он говорит, «не традиционный». Вместо набора целого ряда слов в сравнительной и превосходной степени и спекулятивных аргументов, он решил говорить посредством terms of number, weight or measure [чисел, весов и мер], пользоваться исключительно аргументами, взятыми из чувственного опыта, и рассматривать только такие причины, as have visible foundations in nature (которые имеют видимое основание в природе]. Он предоставляет другим исследование причин, зависящих от mutable minds, opinions, appetites and passions of particular men [изменчивости умственных способностей, мнений, желаний и страстей отдельных людей] («Political Arithmetic etc.». Lond., 1699, Preface [«Политическая арифметика и т. д.». Лондон, 1699. Предисловие]). Его гениальная смелость обнаруживается, например, в предложении перевести всех жителей Ирландии и горной Шотландии вместе с их движимым имуществом в свободную часть Великобритании. Тем самым сберегалось бы рабочее время, увеличилась бы производительная сила труда, и «король и его подданные стали бы богаче и сильнее» («Политическая арифметика», гл. 4). Или, например, в той главе его «Политической арифметики», в которой он в период, когда Голландия играла все еще преобладающую роль в качества торговой нации, а Франция, казалось, становилась господствующей торговой державой, доказывает, что Англия призвана завоевать мировой рынок: «что подданные английского короля имеют достаточные и подходящие средства для ведения торговли всего коммерческого мира» (цитированное произведение, гл. 10), «что препятствия для величия Англии — случайны и устранимы», стр. 247 и сл. Оригинальным юмором проникнуты все сочинения Петти. Так, он показывает, например, что завоевание мирового рынка Голландией, которая в то время была точно такой же образцовой страной для английских экономистов, как теперь Англия для континентальных, произошло естественным путем «без того ангельского ума и рассудительности, которые приписываются голландцам некоторыми людьми» (цитированное произведение, стр. 175—176). Он защищает свободу совести как условие торговли, «потому что бедные прилежны и рассматривают труд и усердие как долг перед богом до тех пор, пока им позволено будет думать, что, имея меньше богатства, они зато имеют больше ума и понимания в божественных делах, которые считаются ими специальной собственностью бедных». Поэтому тор-

не остается, как, например, у его современника Гоббса, более или менее бесплодным, а приводит его к *политической арифметике* — первой форме, в которой политическая экономия выделяется как самостоятельная наука. Однако меновую стоимость он берет в таком виде, как она *проявляется* в процессе обмена товаров, как деньги, а сами деньги — как существующий товар, как золото или серебро. Опутанный представлениями монетарной системы, он объявляет тот особенный вид реального труда, которым добывается золото и серебро, трудом, создающим меновую стоимость. В сущности он полагает, что буржуазный труд должен производить не непосредственную потребительную стоимость, а товар, — потребительную стоимость, которая способна путем своего отчуждения в процессе обмена представляться в виде золота и серебра, т. е. как деньги, т. е. как меновая стоимость, т. е. как овеществленный всеобщий труд. Между тем его пример показывает очень наглядно, что признание труда источником вещественного богатства никоим образом не исключает непонимания той определенной общественной формы, в которой труд представляет собой источник меновой стоимости.

Буагильбер, со своей стороны, сводит если не сознательно, то фактически меновую стоимость товара к рабочему времени, определяя «истинную стоимость» (la juste valeur) правильной пропорцией, в которой рабочее время индивидуумов разделяется между отдельными отраслями производства, и представляя свободную конкуренцию как общественный процесс, который устанавливает эту правильную пропорцию. Но одно-

говля «связана не с какой-нибудь определенной религией, а скорей всего с иноверческой частью населения» (цитированное произведение, стр. 183—186). Он предлагает специальный общественный налог в пользу мошенников, потому что лучше обществу самому обложить себя податью в пользу мошенников, чем предоставить это делать им (цитированное произведение, стр. 199). Напротив, он осуждает те налоги, которые переносят богатство из промышленных рук в руки тех, которые «ничего не делают, кроме как едят, пьют, поют, играют, танцуют и *занимаются метафизикой».* Сочинения Петти являются почти библиографической редкостью и имеются только в разрозненном виде в старых плохих изданиях; это тем более удивительно, что У. Петти не только отец английской политической экономии, но в то же время предок Нестора английских вигов Генриха Петти, иначе именуемого маркизом Ленсдауном. Впрочем, семья Ленсдаунов едва ли могла бы издать полное собрание сочинений Петти, не снабдив его биографией автора, а в этом случае применимо следующее замечание, верное относительно origines [родословной] большинства знатных вигских фамилий: the less said of them the better [чем меньше о них говорят, тем лучше]. Смелый мыслитель, но совершенно фривольный армейский хирург, который одинаково был способен грабить Ирландию под эгидой Кромвеля, как и, пресмыкаясь, выманивать у Карла II титул баронета за этот грабеж, — это такой образ предка, который едва ли подходящ для публичного обозрения. Кроме того, Петти в большинстве своих произведений, изданных им при жизни, старается доказать, что расцвет Англии приходится на времена Карла II, что является еретическим воззрением для наследственных эксплуататоров «glorious revolution» [«славной революции»].

временно с этим и в противоположность Петти он фанатически борется против денег, которые, по его мнению, своим вторжением нарушают естественное равновесие или гармонию товарного обмена и, как фантастический Молох, требуют себе в жертву все естественное богатство. И хотя, с одной стороны, эта полемика против денег связана с определенными историческими обстоятельствами, поскольку Буагильбер нападает на бессмысленно-разорительную алчность к золоту двора Людовика XIV, его откупщиков казенных денежных доходов и его дворянства*, тогда как Петти прославляет алчность к золоту как могучий стимул, побуждающий народ к промышленному развитию и завоеванию мирового рынка, — тем не менее здесь в то же время обнаруживается и более глубокая принципиальная противоположность, повторяющаяся как постоянный контраст между истинно английской и истинно французской** политической экономией. Буагильбер в сущности обращает внимание только на вещественное содержание богатства, на потребительную стоимость, потребление***, и рассматривает буржуазную форму труда, производство потребительных стоимостей как товаров и процесс обмена товаров, как нормальную общественную форму, в которой индивидуальный труд достигает указанной цели. Поэтому там, где он встречается со специфической особенностью буржуазного богатства, как, например, в деньгах, там он усматривает вмешательство узурпирующих чуждых элементов и, восставая против буржуазного труда в одной его форме, одновременно, впадая в утопию, возводит его в апофеоз в другой****. Буагильбер представляет нам пример того, что рабочее время может рассматриваться как мера

---

* В противоположность «финансовой черной магии» тогдашнего времени Буагильбер говорит: «Финансовая наука есть только углубленное понимание интересов земледелия и торговли». «Le détail de la France». 1697. Издание Eugène Daire «Economistes financiers du XVIII siècle». Paris, 1843, vol. I, p. 241 [«Розничная торговля Франции». 1697. Издание Эжена Дэра «Экономисты-финансисты XVIII века». Париж 1843, том I, стр. 241].

** Но не *ромашкой* политической экономией, ибо итальянцы в двух школах, неаполитанской и миланской, повторяют противоположность между английской и французской политической экономией, в то время как испанцы более ранней эпохи либо просто меркантилисты или модифицированные меркантилисты, как Устарис, либо, как Ховельянос (см. его Obras. Barcelona, 1839—40 (Произведения. Барселона, 1839—40]), вместе с А. Смитом придерживаются «золотой середины».

*** «Истинное богатство ... это полное пользование не только предметами жизненной необходимости, но также и всем тем, что является роскошью и что может доставить удовольствие чувствам». Boisguillebert. «Dissertation sur la nature de la richesse etc.», 1. c., p. 403 [Буагильбер. «Рассуждение о природе богатства и т. д.», цитированное издание, стр. 403]. Но в то время как Петти был легкомысленным, жаждавшим грабежа и бесхарактерным авантюристом, Буагильбер, хотя и был одним из интендантов Людовика XIV, однако он с большим умом и такой же большой смелостью выступал за угнетенные классы.

**** Французский социализм в лице Прудона страдает тем же самым национальным наследственным недугом.

величины стоимости товаров, хотя и смешивается труд, овеществленный в меновой стоимости товаров и измеряемый временем, с непосредственной естественной деятельностью индивидуумов.

Первый сознательный, почти тривиально ясный анализ меновой стоимости, сводящий ее к рабочему времени, мы находим у человека Нового Света, где буржуазные производственные отношения, ввезенные туда вместе с их носителями, быстро расцвели на почве, на которой недостаток исторической традиции уравновешивался избытком гумуса. Этот человек — *Бенджамин Франклин,* который в своей первой юношеской работе, написанной в 1729 г. и напечатанной в 1731 г., сформулировал основной закон современной политической экономии[*]. Он объявляет необходимым искать иную меру стоимостей, чем благородные металлы. Эта мера — труд.

«Трудом можно измерять стоимость серебра так же хорошо, как и всех других вещей. Допустим, например, что один человек занят производством зерна, в то время, как другой добывает и очищает серебро. В конце года или какого-либо иного определенного периода времени готовый продукт зерно и готовый продукт серебро представят друг для друга естественную цену, и если первого было произведено 20 бушелей, а второго 20 унций, то одна унция серебра стоит такого же количества труда, какое было затрачено на производство одного бушеля зерна. Если, однако, благодаря открытию более близких, более доступных и богатых рудников один человек может добыть уже 40 унций серебра с такой же легкостью, как раньше 20, между тем как для производства 20 бушелей зерна необходимо то же количество труда, что и раньше, то 2 унции серебра будут стоить не больше, чем тот же труд, затраченный на производство одного бушеля зерна, и таким образом, бушель, который раньше стоил 1 унцию серебра, теперь caeteris paribus[**] будет стоить 2 унции серебра. Поэтому богатство страны должно оцениваться по тому *количеству труда,* которое ее жители способны купить»[***].

Рабочее время с самого начала представляется у Франклина в экономически одностороннем виде как мера стоимостей. Превращение действительных продуктов в меновые стоимости у него разумеется само собой, и поэтому речь идет только о том, чтобы найти меру величины их стоимости.

«Так как», — говорит он, — «торговля вообще есть не что иное, как обмен труда на труд, то стоимость всех вещей наиболее правильно оценивается трудом»[****].

[*] Franklin, B. The works of etc., ed. by J. Sparks, vol. II. Boston, 1836: «A modest inquiry into the nature and necessity of a paper currency» [Франклин, Б. Сочинения, под ред. Дж. Спаркса. том II. Бостон, 1836: «Скромное исследование о природе и необходимости бумажных денег»].

[**] — при прочих равных условиях. *Ред.*

[***] Цитированное произведение, стр. 265: «Thus a riches of a country are to be valued by the quantity of labour its inhabitants are able to purchase».

[****] «Trade in general being nothing else but the exchange of labour for labour, the value of all things is, as I have said before, most justly measured by labour», цитированное произведение, стр. 267.

Если вместо слова «труд» поставить здесь действительный труд, то сейчас же обнаружится смешение труда в одной форме с трудом в другой форме. Так как торговля состоит в обмене, например, труда сапожника, труда рудокопа, труда прядильщика, труда художника и т. д., то разве стоимость сапог не оценивается наиболее верно трудом художника? Франклин полагает обратное, что стоимость сапог, руды, пряжи, картин и т. д. определяется абстрактным трудом, который не обладает никаким особенным качеством и поэтому измеряется лишь в количественном отношении*. Но так как он не развивает понятия труда, содержащегося в меновой стоимости, как абстрактно всеобщего общественного труда, возникающего из всестороннего отчуждения индивидуального труда, то он неизбежно не понимает денег как непосредственной формы существования этого отчужденного труда. Поэтому у него деньги и труд, создающий меновую стоимость, не находятся ни в какой внутренней связи; скорее деньги у него суть орудие, привнесенное в обмен извне ради технического удобства**. Анализ меновой стоимости, данный Франклином, не оказал непосредственного влияния на общее развитие науки, так как он занимался только отдельными вопросами политической экономии в связи с определенными практическими задачами.

Противоположность между действительным полезным трудом и трудом, создающим меновую стоимость, волновала Европу в течение XVIII столетия в форме проблемы: какой особенный вид действительного труда есть источник буржуазного богатства? Тем самым предполагалось, что не всякий труд, который осуществлен в потребительных стоимостях или производит продукты, уже поэтому создает непосредственно богатство. Для физиократов, однако, как и для их противников, жгучим спорным вопросом являлось не то, какой труд создает *стоимость,* а то, какой труд создает *прибавочную стоимость.* Следовательно, они рассматривали проблему в сложной форме, прежде чем разрешили ее в элементарной форме; так же, как историческое развитие всех наук приводит к их действительным исходным пунктам лишь через множество перекрещивающихся и окольных путей. В отличие от других архитекторов, наука не только рисует воздушные замки, но и возводит отдельные жилые этажи здания, прежде чем заложить его фундамент. Не останавливаясь

* L. c.: «Remarks and tacts relative to the American paper money», 1764. [Цитированное произведение: «Замечания и факты относительно американских бумажных денег», 1764].

** Смотри «Papers on American Politics» [«Статьи по вопросам американской политики»]. «Замечания и факты относительно американских бумажных денег», 1764 (цитированное произведение).

здесь долее на физиократах и пройдя мимо целого ряда итальянских экономистов, которые в более или менее метких высказываниях подходят к правильному анализу товара*, обратимся сразу к первому британцу, выработавшему целостную систему буржуазной политической экономии, к сэру *Джемсу Стюарту***. Как абстрактные категории политической экономии находятся у него еще в процессе отделения от их вещественного содержания и поэтому представляются неустановившимися и колеблющимися, так у него обстоит дело и с категорией меновой стоимости. В одном месте он определяет *реальную стоимость* (what a workman can perform in a day***) рабочим временем, но рядом с этим странным образом фигурируют заработная плата и сырой материал****. В другом месте его борьба с вещественным содержанием выступает еще более разительно. Природный материал, содержащийся в товаре, например серебро в серебряном плетеном изделии, он называет его *внутренней стоимостью* (intrinsic worth), тогда как рабочее время, содержащееся в нем, — его *потребительной стоимостью* (useful value).

«Первая», — говорит он, — «есть само по себе нечто реальное ... Напротив, потребительная стоимость должна оцениваться трудом, которого стоило ее производство. Труд, затраченный на видоизменение материала, представляет некоторую долю времени человека и т. д.»*****.

Стюарт отличается от своих предшественников и тех, кто выступал после него тем, что он проводит резкое различие между специфически общественным трудом, который представляется в меновой стоимости, и реальным трудом, создающим потребительные стоимости. Труд, говорит он, который через свое отчуждение (alienation) создает всеобщий эквивалент (universal equivalent), я называю *промышленностью.* Труд как промышленность он отличает не только от реального труда, но и от других общественных форм труда. Этот труд есть для него буржуазная форма труда в противоположность к его античным и средневековым формам. Особенно его интересует различие между бур-

---

* См., например, Galiani. «Della Moneta», vol. III, в «Scrittori classici italiani di economia politica» (изд. Custodi). Parte moderna. Milano, 1803 [Галиани. «О деньгах», в издании Кустоди «Итальянские классики политической экономии. Современные экономисты», т. III. Милан, 1803]: «Только fatica [труд], — говорит он, — придает вещи стоимость», стр. 74. Обозначение труда словом fatica характерно для южан.

** Произведение Стюарта «An inquiry into the principles of political economy, being an essay on the science of domestic policy in free nations» [«Исследование о началах политической экономии, или Очерк о науке внутренней политики в свободных странах»] появилось впервые в 1767 г. в двух томах in quarto в Лондоне за 10 лет до «Богатства народов» Адама Смита. Я цитирую по дублинскому изданию 1770 года.

*** — того, что работник может произвести в продолжение дня. *Ред.*

**** Стюарт, цитированное произведение, т. I, стр. 181—183.

***** Стюарт, цитированное произведение, т. I, стр. 361—362; «represents a portion of a man's time».

жуазным и феодальным трудом, последний из которых он наблюдал в стадии его упадка как в самой Шотландии, так и во время своих обширных путешествий по континенту. Стюарт, конечно, очень хорошо знал, что и в добуржуазные эпохи продукт принимает форму товара, а товар — форму денег, но он обстоятельно доказывает, что товар, как элементарная основная форма богатства, и отчуждение, как господствующая -форма присвоения, принадлежат только буржуазному периоду производства, что, следовательно, характер труда, создающего меновую стоимость, является специфически буржуазным*.

После того как особые формы реального труда: земледелие, мануфактура, судоходство, торговля и т. д. поочередно объявлялись истинными источниками богатства, *Адам Смит* провозгласил труд вообще, и притом в его общественной совокупности, *как разделение труда,* единственным источником материального богатства, или потребительных стоимостей. В то время как здесь он совершенно упускает из вида элемент природы, последний преследует его в сфере чисто общественного богатства, в сфере меновой стоимости. Правда, Адам определяет стоимость товара содержащимся в нем рабочим временем, но затем он снова относит действительность этого определения стоимости к доадамовым временам. Другими словами, то, что ему представляется правильным с точки зрения простого товара, становится для него неясным, как только вместо товара выступают более высокие и более сложные формы: капитал, наемный труд, земельная рента и т. д. Он выражает это таким образом, что стоимость товаров измерялась содержащимся в них рабочим временем в paradise lost** бюргерства, где люди противостояли друг другу еще не в качестве капиталистов, наемных рабочих, земельных собственников, фермеров, ростовщиков и т. д., а лишь в качестве простых товаропроизводителей и лиц, обменивающихся товарами. Он постоянно смешивает определение стоимости товаров заключенным в них рабочим временем с определением их стоимости стоимостью труда, обнаруживает непоследовательность при детальном анализе и ошибочно принимает за субъективное приравнивание индивидуальных работ объективное равенство, которое общественный процесс насиль-

* Патриархальное земледелие,направленное непосредственно на создание потребительных стоимостей для владельца земли, он объявляет поэтому «злоупотреблением», правда, не в Спарте или Риме или даже в Афинах, а в промышленных странах XVIII столетия. Это «abusive agriculture» [«плохо поставленное земледелие»] не есть «trade» («промысловая деятельность»], а «только средство существования». Как буржуазное земледелие очищает деревню от лишних ртов, так буржуазная мануфактура очищает фабрику от лишних рук.

** — потерянном раю. *Ред*.

ственно устанавливает между неравными работами[*]. Переход от действительного труда к труду, создающему меновую стоимость, т. е. к буржуазному труду в его основной форме, он пытается осуществить посредством *разделения труда.* Между тем, насколько верно, что частный обмен предполагает разделение труда, настолько неверно, что разделение труда предполагает частный обмен. Например, у перуанцев разделение труда было чрезвычайно развито, хотя никакого частного обмена, обмена продуктов как товаров, у них не существовало.

В противоположность Адаму Смиту, *Давид Рикардо* выработал четкое определение стоимости товара рабочим временем и показал, что этот закон господствует также и над буржуазными производственными отношениями, на первый взгляд более всего противоречащими ему. Исследования Рикардо ограничиваются исключительно *величиной стоимости,* и относительно ее он, по меньшей мере, догадывается, что осуществление этого закона зависит от определенных исторических предпосылок. Ведь он говорит, что определение величины стоимости рабочим временем действительно лишь для тех товаров,

> «количество которых может быть произвольно увеличено промышленностью и над производством которых господствует неограниченная конкуренция»[**].

В действительности это означает лишь то, что закон стоимости для своего полного развития предполагает общество с крупным промышленным производством и свободной конкуренцией, т. е. современное буржуазное общество. В остальном Рикардо рассматривает буржуазную форму труда, как вечную естественную форму общественного труда. Первобытного рыбака и первобытного охотника он заставляет сразу, в качестве владельцев товаров, обменивать рыбу и дичь пропорционально овеществленному в этих меновых стоимостях рабочему времени. При этом он впадает в тот анахронизм, что первобытный рыбак и первобытный охотник пользуются при учете своих орудий

---

[*] Так, например, Адам Смит говорит: «Одинаковые количества труда должны иметь в» все времена и во всех местах одинаковую стоимость для того, кто трудится. При нормальном состоянии здоровья, силы и деятельности и при средней степени умения, которым он обладает, он должен всегда отдавать одну и ту же долю своего покоя, свободы и счастья. Таким образом, каково бы ни было количество товаров, которое он получает как вознаграждение за свой труд, цена, которую он оплачивает, всегда одинакова. Правда, за эту цену можно купить то меньшее, то большее количество определенных товаров, но это только потому, что изменяется стоимость этих товаров, а не стоимость труда, покупающего их. Таким образом, один только труд никогда не изменяет своей собственной стоимости. Следовательно, он представляет собой реальную цену товаров» и т. д.

[**] Ricardo, David. «On the principles of political economy and taxation», 3 edition. London, 1821, p. 3 [Рикардо, Давид. «Начала политической экономии и налогового обложения», 3 изд., Лондон, 1821, стр. 3].

труда таблицами ежегодных процентных погашений, действовавшими на лондонской бирже в 1817 году. «Параллелограммы г-на Оуэна»[18], кажется, были единственной формой общества, которую он знал кроме буржуазной. Хотя и ограниченный этим буржуазным горизонтом, Рикардо анализирует буржуазную экономику, которая в глубине выглядит совершенно иначе, чем она кажется на поверхности, с такой теоретической проницательностью, что лорд Брум мог о нем сказать:

«Казалось, будто мистер Рикардо упал с другой планеты».

В прямой полемике с Рикардо *Сисмонди* подчеркивал специфически общественный характер труда, создающего меновую стоимость[*], и усматривал «характерную черту нашего экономического прогресса» в том, что величина стоимости сводится к *необходимому* рабочему времени, к

«отношению между потребностью всего общества и количеством труда, которого достаточно, чтобы удовлетворить эту потребность»[**].

Сисмонди уже освободился от представления Буагильбера, что труд, создающий меновую стоимость, искажается деньгами, но он нападает на крупный промышленный капитал точно так же, как Буагильбер — на деньги. Если в лице Рикардо политическая экономия беспощадно делает свои конечные выводы и этим завершается, то Сисмонди дополняет этот итог, представляя на себе самом ее сомнения.

Так как Рикардо в качестве завершителя классической политической экономии наиболее последовательно сформулировал и развил определение меновой стоимости рабочим временем, то, естественно, против него и направляется полемика, поднятая экономистами. Если эту полемику освободить от ее, в большинстве своем, нелепой[***] формы, то она сводится к следующим пунктам:

Во-первых: Труд сам имеет меновую стоимость и различные виды труда имеют различные меновые стоимости. Делать меновую стоимость мерой меновой стоимости значит создавать порочный круг, так как измеряющая меновая стоимость сама нуждается в мере. Это возражение сводится к следующей проблеме: дано рабочее время в качестве имманентной меры

[*] Sismondi. «Etudes sur l'economie politique», t. 2, p. 162. Bruxelles, 1838 [Сисмонди. «Очерки политической экономии», т. 2. Брюссель, 1838, стр. 162]: «Торговля свела все к противоположности между потребительной стоимостью и меновой стоимостью» и т. д.

[**] Сисмонди, цитированное произведение, стр. 163—166 и сл.

[***] Наиболее нелепую форму эта полемика приняла в примечаниях Ж. Б. Сэя к французскому переводу Рикардо, сделанному Констансио; а наиболее педантически-претенциозную — в недавно появившейся книге «Theory of Exchange»[19]), London, 1858 [«Теории валютного курса», Лондон, 1858] г-на Маклеода.

меновой стоимости; развить на этой основе заработную плату. Учение о наемном труде дает на это ответ.

Во-вторых: Если меновая стоимость продукта равна содержащемуся в нем рабочему времени, то меновая стоимость рабочего дня равна его продукту. Другими словами, заработная плата должна быть равна продукту труда*. Между тем, в действительности имеет место обратное. Ergo**, это возражение сводится к проблеме: каким образом производство на базе меновой стоимости, определяемой исключительно рабочим временем, приводит к тому результату, что меновая стоимость труда меньше, чем меновая стоимость его продукта? Эту проблему мы разрешаем в исследовании капитала.

В-третьих: Рыночная цена товаров падает ниже или поднимается выше их меновой стоимости вместе с изменением отношения между спросом и предложением. *Поэтому* меновая стоимость товаров определяется отношением спроса и предложения, а не содержащимся в этих товарах рабочим временем. В действительности в этом странном заключении лишь ставится вопрос, каким образом на основе меновой стоимости развивается отличная от нее рыночная цена, — или, вернее, каким образом закон меновой стоимости осуществляется только в своей собственной противоположности. Эта проблема разрешается в учении о конкуренции.

В-четвертых: Последнее противоречие и, по-видимому, самое разительное, хотя оно и не преподносится, как обычно, в форме курьезных примеров, следующее: если меновая стоимость есть не что иное, как содержащееся в товаре рабочее время, то каким образом могут товары, вовсе не содержащие в себе труда, обладать меновой стоимостью или, другими словами, откуда берется меновая стоимость того, что создано исключительно силами природы? Эта проблема разрешается в учении о земельной ренте.

* Это возражение, выдвинутое против Рикардо буржуазными экономистами, впоследствии было подхвачено социалистами. Предполагая теоретическую верность этой формулы, они обвиняли практику в том, что она противоречит теории и призывали буржуазное общество осуществить на практике мнимый вывод из его теоретического принципа. По крайней мере, таким способом английские социалисты обратили формулу меновой стоимости Рикардо против политической экономии. На долю г-на Прудона осталось не только объявить основной принцип старого общества принципом нового общества, но одновременно и провозгласить себя творцом формулы, в которой Рикардо подвел общий итог английской классической политической экономии. Доказано, что даже утопическое толкование формулы Рикардо в Англии уже бесследно исчезло, когда г-н Прудон по ту сторону пролива ее «открыл» (ср. мое сочинение «Misère de la Philosophie etc.». Paris, 1847 [«Нищета философии и т. д.». Париж, 1847] параграф о *la valeur constituée* [конституированной стоимости]).

** — Следовательно. *Ред.*

ГЛАВА ВТОРАЯ
ДЕНЬГИ, ИЛИ ПРОСТОЕ ОБРАЩЕНИЕ

Во время парламентских прений по поводу банковских актов сэра Роберта Пиля от 1844 и 1845 гг.[20] Гладстон заметил, что даже любовь не сделала стольких людей дураками, сколько мудрствование по поводу сущности денег. Он говорил о британцах и обращался к британцам. Напротив, голландцы, эти люди, которые издавна обладали, вопреки сомнениям Петти, «божественным остроумием» в денежных спекуляциях, никогда не теряли своего остроумия и в спекулятивных размышлениях по поводу денег.

Главная трудность в анализе денег преодолена как только понято происхождение их из самого товара. При этой предпосылке дело заключается только лишь в том, чтобы понять в их чистом виде своеобразные присущие деньгам определенности формы, а это в известной мере затрудняется тем, что все буржуазные отношения выступают позолоченными или посеребренными, как денежные отношения, и поэтому кажется, что денежная форма обладает бесконечно многообразным содержанием, которое чуждо ей самой.

При дальнейшем исследовании необходимо иметь в виду, что речь идет только о тех формах денег, которые вырастают непосредственно из обмена товаров, но не о тех формах, которые принадлежат к более высокой ступени процесса производства, как, например, кредитные деньги. Ради упрощения в качестве денежного товара везде предполагается золото.

1. МЕРА СТОИМОСТЕЙ

Первый процесс обращения есть, так сказать, теоретический подготовительный процесс к действительному обращению. Товары, существующие как потребительные стоимости, создают

себе прежде всего форму, в которой они идеально выступают по отношению друг к другу как меновые стоимости, как определенные количества овеществленного *всеобщего* рабочего времени. Первый необходимый акт этого процесса заключается, как мы видели, в том, что товары выделяют из своей среды один специфический товар, скажем *золото,* в качестве непосредственной материализации всеобщего рабочего времени или в качестве всеобщего эквивалента. Вернемся на минуту назад к форме, в которой товары превращают золото в деньги:

1 тонна железа = 2 унциям золота,

1 квартер пшеницы = 1 унции золота,

1 центнер кофе мокко = $^1/_4$ унции золота,

1 центнер поташа = $^1/_2$ унции золота,

1 тонна бразильского дерева = $1^1/_2$ унциям золота,

Y товара = ***X*** унции золота.

В этом ряде уравнений железо, пшеница, кофе, поташ и т. д. выступают друг для друга как материализация однородного труда, а именно материализованного в золоте труда, в котором совершенно стерты все особенности действительных видов труда, представленных в различных потребительных стоимостях этих товаров. Как стоимости, они тождественны; они суть воплощение *одного и того же* труда или *одна и та же* материализация труда, золото. Как однородная материализация одного и того же труда, они обнаруживают только *одно* различие, количественное, или выступают как стоимости различной величины, потому что в их потребительных стоимостях содержится *неравное* количество рабочего времени. В качестве таких отдельных товаров они вместе с тем относятся друг к другу как овеществление всеобщего рабочего времени, поскольку они относятся к самому всеобщему рабочему времени как к выделенному товару, золоту. Это же самое, имеющее характер процесса отношение, посредством которого они представляются друг для друга как меновые стоимости, представляет содержащееся в золоте рабочее время как всеобщее рабочее время, данное Количество которого выражается в различных количествах железа, пшеницы, кофе и т. д., — короче, в потребительных стоимостях всех товаров, или непосредственно развертывается в бесконечном ряде товарных эквивалентов. В то время как товары всесторонне выражают свои меновые стоимости в золоте, золото непосредственно выражает свою меновую стоимость во всех товарах. В то время как товары придают самим себе форму меновой стоимости по отношению друг к другу, золоту они придают форму всеобщего эквивалента, или денег.

Так как *все* товары измеряют свои меновые стоимости в золоте соответственно отношению, в котором определенное количество золота и определенное количество товара содержат равное рабочее время, то золото становится *мерой стоимостей;* и первоначально только благодаря этому своему определению как меры стоимостей, в качестве которой оно измеряет свою собственную стоимость непосредственно во всех имеющихся товарных эквивалентах, золото становится всеобщим эквивалентом, или деньгами. С другой стороны, меновая стоимость всех товаров выражается теперь в золоте. В этом выражении следует различать качественный и количественный моменты. Меновая стоимость товара существует как материализация одного и того же однородного рабочего времени; величина стоимости товара представлена исчерпывающе, так как в том же отношении, в котором товары приравнены к золоту, они приравнены и друг к другу. С одной стороны, здесь выступает *всеобщий* характер содержащегося в них рабочего времени, с другой стороны — количество последнего в их золотом эквиваленте. Меновая стоимость товаров, выраженная таким образом, как всеобщая эквивалентность и одновременно как степень этой эквивалентности в одном специфическом товаре, или в одном-единственном уравнении товаров со специфическим товаром, есть *цена.* Цена — это превращенная форма, в которой меновая стоимость товаров *выступает* в процессе обращения.

Таким образом, посредством того самого процесса, в котором товары представляют свои стоимости как цены в золоте, они представляют золото как меру стоимости, т. е. как деньги. Если бы товары всесторонне измеряли свои стоимости в серебре, пшенице или меди и поэтому представляли их в качестве цен в серебре, пшенице или меди, то серебро, пшеница или медь сделались бы мерой стоимости и тем самым всеобщим эквивалентом. Чтобы выступить в обращении в качестве цен, товары должны быть до обращения меновыми стоимостями. Мерой стоимостей золото становится только потому, что все товары в нем оценивают свою меновую стоимость. Всесторонность этого находящегося в состоянии процесса отношения, из которого только и возникает характер золота как меры стоимости, предполагает, однако, что каждый отдельный товар измеряется в золоте в соответствии с содержащимся в них обоих рабочим временем, что, следовательно, действительной мерой товара и золота служит сам труд, или что товар и золото путем непосредственной меновой торговли приравниваются Друг к другу как меновые стоимости. Каким образом происходит это приравнивание на практике, не может быть исследовано

в сфере простого обращения. Очевидно, однако, что в странах, производящих золото и серебро, определенное рабочее время непосредственно воплощается в определенном количестве золота и серебра, тогда как в странах, не производящих ни золота, ни серебра, тот же самый результат достигается окольным путем, при помощи прямого или опосредствованного обмена товаров данной страны, т. е. при помощи обмена определенной части национального среднего труда, на определенное количество материализованного в золоте и серебре рабочего времени стран, обладающих рудниками. Чтобы золото могло служить мерой стоимостей, оно должно быть стоимостью, способной *изменяться,* ибо оно может сделаться эквивалентом других товаров только как воплощение рабочего времени, между тем одно и то же рабочее время с изменением производительной силы реального труда воплощается в неравных количествах тех же самых потребительных стоимостей. Как при выражении меновой стоимости всякого товара в потребительной стоимости другого товара, так и при оценке всех товаров в золоте предполагается лишь, что золото в данный момент представляет определенное количество рабочего времени. В отношении изменений в стоимости золота имеет силу развитый -выше закон меновых стоимостей. Если меновая стоимость товаров остается неизменной, то всеобщее повышение их цен в золоте возможно только в том случае, если падает меновая стоимость золота. Если меновая стоимость золота остается неизменной, то всеобщее повышение цен в золоте возможно лишь в том случае, если меновые стоимости всех товаров повышаются. Обратное происходит в случае всеобщего понижения товарных цен. Если стоимость унции золота вследствие изменения рабочего времени, требуемого для ее производства, падает или повышается, то она падает или повышается *равномерно* для всех других товаров, следовательно, она по-прежнему представляет по отношению ко всем товарам рабочее время *данной* величины. Те же самые меновые стоимости оцениваются теперь, в больших или меньших количествах золота, чем прежде, но они оцениваются соответственно величине своей стоимости, следовательно их стоимости сохраняют то же самое отношение друг к другу. Отношение 2:4:8 есть то же самое, что отношение 1:2:4 или 4:8:16. Измененное количество золота, в котором меновые стоимости оцениваются при изменившейся стоимости золота, так же мало мешает золоту выполнять функцию меры стоимостей, как мало мешает вытеснить серебро из этой функции то обстоятельство, что стоимость серебра в 15 раз меньше стоимости золота. Так как мерой золота

и товара служит рабочее время, а золото становится мерой стоимостей лишь постольку, поскольку все товары измеряются в нем, то представление, будто деньги делают товары соизмеримыми, есть всего лишь видимость процесса обращения*. Наоборот, только соизмеримость товаров как овеществленного рабочего времени делает золото деньгами.

Реальная форма, в которой товары вступают в процесс обмена, это —форма их потребительных стоимостей. Действительным всеобщим эквивалентом они должны еще стать посредством своего отчуждения. Определение их цен есть только идеальное превращение их во всеобщий эквивалент, есть такое приравнение к золоту, которое еще подлежит реализации. Но так как товары в своих ценах превращены в золото лишь идеально или превращены только в мысленно представляемое золото, так как их денежное бытие в действительности еще не отделено от их реального бытия, то золото превратилось пока только в идеальные деньги, оно есть еще только мера стоимостей, а определенные количества золота функционируют в действительности еще только как названия для определенных количеств рабочего времени. От определенного способа, которым товары выражают друг в друге свою собственную меновую стоимость, зависит в каждом случае та определенность формы, в которой золото кристаллизуется как деньги.

Теперь товары противопоставляются друг другу как двойственные существа: реально — как потребительные стоимости, идеально — как меновые стоимости. Двойственную форму труда, содержащегося в них, они представляют теперь друг для друга таким образом, что особенный реальный труд в качестве их потребительной стоимости действительно имеется налицо, между тем как всеобщее абстрактное рабочее время получает

* Аристотель, правда, понимает, что меновая стоимость товаров является предпосылкой товарных цен: «Что ... обмен происходил, когда еще не было денег, это ясно, ибо нет никакой разницы в том, взять ли за дом пять лож или столько денег, сколько стоят пять лож». Но, с другой стороны, так как товары только в цене приобретают форму меновой стоимости друг для друга, то, по его мнению, они становятся соизмеримыми лишь при помощи денег. «Поэтому необходимо, чтобы все было оценено; благодаря этому всегда будет обмен, а следовательно и общество. В самом деле, деньги в качестве меры делают соизмеримыми все предметы и после этого приравнивают их. Ибо не будь обмена, не было бы общества, не будь приравнения, не было бы обмена, не будь соизмеримости предметов, не было бы приравнения». Аристотель не скрывает от себя, что эти различные вещи, измеряемые деньгами, представляют собой совершенно несоизмеримые величины. Он ищет, в чем заключается единство товаров как меновых стоимостей, но, как античный грек, он этого найти не мог. Он выходит из этого затруднения, предполагая, что предметы, сами по себе несоизмеримые, становятся через посредство денег соизмеримыми, поскольку это необходимо для практических потребностей: «В сущности невозможно, чтобы столь различные предметы были соизмеримы, но для практической надобности это делается» (Arist. «Ethic. Nicom.», L. 5, C. 8, edit. Bekkeri, Oxonii, 1837 [Аристотель. «Никомахова этика», кн. 5, гл. 8, изд. Беккера, Оксфорд, 1837]).

в их цене мысленно представляемое бытие, в котором они суть однородная и только количественно различная материализация одной и той же субстанции стоимости.

Различие между меновой стоимостью и ценой представляется, с одной стороны, только номинальным; так, Адам Смит говорит, что труд есть реальная, а деньги — номинальная цена товаров. Вместо того, чтобы оценивать 1 квартер пшеницы в 30 рабочих дней, его оценивают теперь в 1 унцию золота, если одна унция золота представляет собой продукт 30 рабочих дней. Но, с другой стороны, это различие отнюдь не есть только различие названий, ибо в нем сосредоточены все превратности, угрожающие товару в действительном процессе обращения. 30 рабочих дней содержатся уже в квартере пшеницы, и поэтому его не приходится лишь теперь представлять в рабочем времени. Золото же — товар, отличный от пшеницы, и только в обращении может обнаружиться, действительно ли квартер пшеницы станет унцией золота, как об этом заранее объявляет его цена. Это зависит от того, окажется ли он потребительной стоимостью или нет, окажется ли содержащееся в нем количество рабочего времени общественно необходимым рабочим временем, требуемым для производства квартера пшеницы, или нет. Товар как таковой *есть* меновая стоимость, он *имеет* цену. В этом различии между меновой стоимостью и ценой проявляется то, что содержащийся в товаре особенный индивидуальный труд еще должен через процесс отчуждения предстать в качестве своей противоположности, как лишенный индивидуальности абстрактно-всеобщий, и только в этой форме общественный труд, т. е. как деньги. Способен ли труд к такому превращению или нет, кажется делом случая. Поэтому, хотя в цене меновая стоимость товара получает отличное от него существование только идеально, а двойственное бытие содержащегося в товаре труда существует пока еще только как различие в способе выражения, и поэтому, с другой стороны, материализация всеобщего рабочего времени, золото, противостоит реальному товару еще только как мысленно представляемая мера стоимостей, — тем не менее в бытии меновой стоимости как цены или золота как меры стоимостей, уже заключается в скрытом виде необходимость отчуждения товара за звонкое золото и возможность того, что он не будет отчужден, короче, заключается в скрытом виде все противоречие, которое проистекает из того, что продукт является товаром или что особенный труд частного лица, чтобы иметь общественное значение, должен представляться как его прямая противоположность, как абстрактно-всеобщий труд. Утописты, которые хотят сохранить товар,

но не деньги, сохранить покоящееся на частном обмене производство, но без необходимых условий этого производства, последовательны поэтому, когда они «уничтожают» деньги не только в их осязаемой форме, но уже в их газообразной и призрачной форме меры стоимостей. В невидимой мере стоимостей скрываются реальные деньги.

Если имеется налицо процесс, посредством которого золото стало мерой стоимостей, а меновая стоимость — ценой, то все товары в своих ценах суть лишь мысленно представляемое золото различного количества. Как такие различные количества одной и той же вещи, золота, они приравниваются друг к другу, сравниваются друг с другом и измеряются друг другом; таким образом возникает техническая необходимость относить их к определенному количеству золота как к *единице измерения;* последняя развивается далее в масштаб благодаря тому, что она делится на равные части, которые, в свою очередь, опять-таки делятся на равные части*. Но количества золота, как таковые, измеряются по весу. Следовательно, масштаб находится уже в готовом виде в общих мерах веса металлов; поэтому эти меры веса при всяком металлическом обращении служат первоначально также масштабом цен. Так как товары относятся друг к другу уже не как меновые стоимости, подлежащие измерению рабочим временем, но как одноименные величины, измеряемые в золоте, золото превращается из *меры стоимостей* в *масштаб цен.* Сравнение товарных цен между собой, как различных количеств золота, кристаллизуется таким образом в знаках, которые соответствуют воображаемому количеству золота и представляют последнее как масштаб, разделенный на равные части. Золото как мера стоимостей и как масштаб цен обладает совершенно различными определенностями формы, и смешение одной с другой породило самые сумасбродные теории. Мерой стоимостей золото является как овеществленное рабочее время, масштабом цен — как определенный вес металла. Мерой стоимостей золото становится благодаря тому, что оно как меновая стоимость относится к товарам как к меновым стоимостям; а в качестве масштаба цен определенное количество золота служит единицей для других количеств золота.

* Тот странный факт, что в Англии унция золота, как денежная единица измерения, не делится на целое число равных частей, объясняется следующим: «Наша монетная система первоначально была приспособлена к употреблению одного только серебра, —поэтому одна унция серебра может быть всегда разделена на определенное число равных монет; но так как золото было введено позднее в монетную систему, приспособленную исключительно к серебру, то одна унция золота не может быть разделена на целое число равноценных монет». Maclaren. «History of the currency», p. 16. London, 1858 [Макларен. «История средств обращения». Лондон, 1858, стр. 161.

Мерой стоимостей золото является потому, что его стоимость изменчива, масштабом же цен — потому, что оно фиксируется в качестве неизменной весовой единицы. Здесь, как и при всяких определениях меры одноименных величин, устойчивость и определенность отношений меры являются решающим моментом. Необходимость установления определенного количества золота в качестве единицы измерения, а части, на которые оно разделено, — в качестве подразделений этой единицы, породила такое представление, будто определенное количество золота, которое имеет, конечно, изменчивую стоимость, поставлено в постоянное стоимостное отношение к меновым стоимостям товаров; при этом не замечают только, что меновые стоимости товаров превращены в цены, в количества золота раньше, чем золото развивается в масштаб цен. Как бы ни изменялась стоимость золота, различные количества золота находятся всегда в одинаковом стоимостном отношении друг к другу. Если бы стоимость золота упала на 1000 процентов, то и тогда, как и прежде, 12 унций золота обладали бы в 12 раз большей стоимостью, чем одна унция, а ведь в ценах дело идет только об отношении различных количеств золота друг к другу. Так как, с другой стороны, унция золота с понижением или повышением ее стоимости никоим образом не изменяет своего веса, то не изменяется и вес ее подразделений, и таким образом золото, как твердо установленный масштаб цен, всегда оказывает ту же самую услугу, как бы ни изменялась его стоимость[*].

Исторический процесс, который мы ниже объясним из природы металлического обращения, имел своим следствием то, что одно и то же весовое название сохранялось для постоянно изменяющегося и уменьшающегося веса благородных металлов в их функции масштаба цен. Так, английский фунт обозначает менее $^1/_3$ своего первоначального веса, шотландский фунт накануне объединения[21] — всего лишь $^1/_{36}$, французский ливр — $^1/_{74}$ испанское мараведи — менее $^1/_{1000}$ а португальский рейс — еще меньшую долю. Так денежные названия весовых частей металла исторически отделились от их общих

[*] «Деньги могут постоянно меняться в своей стоимости и тем не менее так же хорошо служить мерой стоимостей, как если бы их стоимость оставалась неизменной. Предположим, например, что их стоимость понизилась ... До понижения за одну гинею покупали три бушеля пшеницы, или 6 дней труда, после понижения — только два бушеля, или 4 дня труда. В обоих случаях, если дано отношение пшеницы и труда к деньгам, их взаимное отношение может быть определено; другими словами, мы можем утверждать, что один бушель пшеницы стоит 2 дней труда. Это все, что нам может дать мера стоимостей, и она оказывает эту услугу после понижения стоимости так же, как и до него. Пригодность какой-нибудь вещи в качестве меры стоимости совершенно не зависит от изменений ее собственной стоимости» (Bailey. «Money and its vicissitudes». London, 1837, p. 9—10 [Бейли. «Деньги и изменения их стоимости». Лондон, 1837, стр. 9—10]).

весовых названий*. Так как определение единицы измерения, ее кратных частей и их названий носит, с одной стороны, чисто условный характер, а с другой стороны, должно в пределах обращения обладать общепризнанным и обязательным характером, то оно по необходимости должно было стать таким определением, которое устанавливается *законом.* Таким образом, на долю правительств выпала чисто формальная операция**. Определенный металл, служивший в качестве денежного материала, был дан общественными условиями. В различных государствах узаконенный масштаб цен, конечно, различен. В Англии, например, унция, как единица веса металла, делится на pennyweights, grains и carats troy***, но унция золота, как единица меры денег, делится на $3^7/_8$ соверена, соверен на 20 шиллингов, шиллинг на 12 пенсов, так что 100 фунтов 22-каратного золота (1200 унций) = 4672 соверенам и 10 шиллингам. Однако на мировом рынке, где исчезают государственные границы, эти национальные характеры денежных

* «Монеты, названия которых теперь лишь идеальны, суть самые старые монеты каждой нации; некогда все они были реальны» (последнее в таком широком объеме неправильно), «и так как они были реальны, то на них и велся счет». (Galiani. «Della Moneta», 1. с., р. 153 [Галиани. «О деньгах», цитированное издание, стр. 153]).

** Романтик А. Мюллер говорит: «По нашему представлению, каждый независимый государь имеет право ввести в обращение металлические деньги, предписать им общественную номинальную стоимость, степень достоинства, курс и название» (S. 288. Zweiter Teil. A. H. Muller. «Die Elemente der Staatskunst». Berlin, 1809 [стр. 288. Часть вторая. А. Г. Мюллер. «Основы искусства государственного управления». Берлин, 1809]). Что касается названия, то господин придворный советник прав; он забывает только о *содержании.* Насколько путанными были его «представления», показывает, например, следующее место: «Каждому ясно, какое большое значение имеет правильное определение монетной цены, особенно в такой стране, как Англия, где правительство с *великодушной щедростью* бесплатно чеканит монету (по-видимому, господин Мюллер полагает, что чиновники английского правительства покрывают расходы по чеканке монет из собственного кармана), не взимает монетной пошлины и т. п. Следовательно, если бы это правительство значительно повысило монетную цену золота сравнительно с его рыночной ценой, если бы, например, оно установило монетную цену одной унции золота в 3 фунта 19 шиллингов вместо 3 фунтов 17 шиллингов $10^1/_2$ пенсов, то все золото устремилось бы на монетный двор, полученное там серебро было бы обменено на рынке на более дешевое золото, и последнее было бы опять доставлено на монетный двор, и все монетное дело пришло бы в беспорядок» (стр. 280, 281 цитированного произведения). Чтобы сохранить порядок на английском монетном дворе, Мюллер приводит в «беспорядок» самого себя. В то время как шиллинги и пенсы суть только названия определенных частей унции золота, названия, представленные серебряными и медными знаками, Мюллер соображает, что унция золота оценивается в золоте, серебре и меди и таким образом осчастливливает англичан тройной standard of value [мерой стоимостей]. Правда, серебро в качестве денежной меры, существующей наряду с золотом, было формально отменено только в 1816 г. законом, изданным на 56-м году царствования Георга III, глава 68. Но по существу оно было отменено уже в 1734 г. законом, изданным на 14-м году царствования Георга II, глава 42, а практикой намного раньше. Двум обстоятельствам *А. Мюллер* был специально обязан своей способностью к так называемому *более высокому* пониманию политической экономии. Это были, с одной стороны, его полное незнакомство с экономическими фактами, а с другой стороны — его исключительно дилетантское, мечтательное отношение к философии.

*** — пеннивайт, граны и тройские караты. *Ред.*

мер также исчезают и уступают место общим мерам веса металлов.

Цена товара, или количество золота, в которое товар идеально превращается, выражается теперь, следовательно, в денежных названиях золотого масштаба. Таким образом, вместо того, чтобы сказать, что квартер пшеницы равняется одной унции золота, в Англии сказали бы, что он равняется 3 фунтам стерлингов 17 шиллингам $10^1/_2$ пенсам. Все цены выражаются, таким образом, в одних и тех же названиях. Своеобразная форма, которую товары придают своей меновой стоимости, превратилась в *денежное название,* в котором они объявляют друг другу, сколько они стоят. Деньги, в свою очередь, становятся *счетными деньгами*[*].

Превращение товара в счетные деньги в голове, на бумаге, на словах происходит всякий раз, когда какой-нибудь вид богатства оценивается с точки зрения меновой стоимости[**]. Для этого превращения необходим золотой материал, но лишь мысленно представляемый. Для того, чтобы оценить стоимость 1000 тюков хлопка в определенном количестве унций золота, а затем само это количество унций выразить в счетных названиях унции, т. е. в фунтах стерлингов, шиллингах и пенсах, не требуется ни одного атома реального золота. Так, в Шотландии перед банковским актом сэра Роберта Пиля 1845 г. в обращении не было ни одной унции золота, хотя унция золота, как английский счетный масштаб, выраженный в 3 ф. ст. 17 шилл. $10^1/_2$ п. служила узаконенной мерой цен. Так, серебро служит мерой цен при товарном обмене между Сибирью и Китаем, хотя эта торговля на деле является простой меновой торговлей. Поэтому для золота, как счетных денег, безразлично, действительно ли его единица измерения и ее подразделения чеканятся в виде монет или нет. В Англии, во времена Вильгельма Завоевателя, фунт стерлингов, равнявшийся тогда одному фунту чистого серебра, и шиллинг, равнявшийся $^1/_{20}$ фунта, существовали только в качестве счетных денег, между тем как пенни, составлявший $^1/_{240}$ фунта серебра, был наиболее крупной из существовавших тогда серебряных монет. Наоборот,

[*] «Когда спросили Анахарсиса, для чего эллины употребляют деньги, он ответил: для счета» (Athen. «Deipnosophlstae», L. IV, 49, v. 2, ed. Schweighauser, 1802 [Атеней. «Застольные беседы ученых мужей», в пятнадцати книгах, кн. IV, 49, т, 2, издание Швейгхойзера, 1802, стр. 120]).

[**] *Гарнье*, одному из первых французских переводчиков Адама Смита, пришла в голову странная мысль установить пропорцию между употреблением счетных денег и употреблением реальных денег. Такой пропорцией, по его мнению, является 10:1 (Garnier, G. «Histoire de la monnaie depula les temps de la plus haute antiquite etc.», t. I, p. 78 [Гарнье, Ж. «История денег со времени самой ранней античности и т. д.», т. I, стр. 78]).

в современной Англии не существует ни шиллингов, ни пенсов, хотя они представляют собой узаконенные счетные названия для определенных частей унции золота. Деньги как счетные деньги могут существовать вообще лишь идеально, в то время как действительно существующие деньги вычеканены по совершенно иному масштабу. Так, во многих английских колониях Северной Америки деньги, находившиеся в обращении вплоть до конца XVIII столетия, состояли из испанских и португальских монет, в то время как счетные деньги были повсюду те же самые, что и в Англии*.

Так как золото в качестве масштаба цен выступает под теми же самыми счетными названиями, как и товарные цены, — например, унция золота, точно так же как и тонна железа, выражается в 3 ф. ст. 17 шилл. $10^{1}/_{2}$ п., — то эти счетные наименования золота назвали его *монетной ценой.* Отсюда возникло странное представление, будто золото оценивается в своем собственном материале и, в отличие от всех других товаров, получает от государства *твердую* цепу. Установление счетных названий для определенных весовых количеств золота ошибочно принималось за установление стоимости этих весовых количеств**. Золото там, где оно служит элементом определения цен, а потому счетными деньгами, не имеет не только *твердой,* но и вообще *никакой* цены. Для того, чтобы золото имело цену, т. е. чтобы оно было выражено в каком-нибудь *специфическом* товаре в качестве *всеобщего* эквивалента, этот специфический товар должен был бы играть в процессе обращения такую же исключительную роль, как и золото. Но два товара, исключающие все другие товары, взаимно исключают друг друга. Поэтому там, где серебро и золото согласно закону одновременно функционируют как деньги, т. е. как мера стоимостей, постоянно делались тщетные попытки рассматривать их как *одну и ту же материю.* Предполагать, что одинаковое рабочее время неизменно овеществляется в одинаковых пропорциях серебра и золота, значит предполагать в сущности, что серебро

* В Мэриленде в 1723 г. был издан закон, по которому табак объявлялся законной монетой, но стоимость его была переведена на английские золотые деньги, а именно 1 пенни за фунт табака. Этот закон напоминает leges barbarorum[22], где, наоборот, определенные денежные суммы приравнивались к быкам, коровам и т. п. В последнем случае не золото и не серебро, а бык и корова составляли действительный материал счетных денег.

** Так, например, мы читаем в «Familiar words» [«Дружеских словах»] г-на *Давида Уркарта:* «Стоимость золота должна измеряться при помощи самого золота; но как может какое-нибудь вещество быть мерилом своей собственной стоимости в других вещах? Стоимость золота должна быть установлена при помощи его собственного веса, которому при этом дается другое, фальсифицированное название, — таким образом получается, что унция золота стоит столько-то фунтов и частей фунта. Но это — фальсификация меры, а не установление ее масштаба».

и золото суть одна и та же материя и что серебро, этот менее ценный металл, есть неизменная дробная часть золота. Начиная с правления Эдуарда III до времен Георга II история английского денежного обращения представляла собой непрерывный ряд его нарушений, вызванных коллизией между установленным по закону соотношением стоимости золота и серебра и действительными колебаниями их стоимости. То золото оценивалось слишком высоко, то серебро. Металл, оцененный слишком низко, изымался из обращения, переплавлялся в слитки и вывозился за границу. Тогда соотношение стоимостей обоих металлов вновь изменялось законодательным путем, но вскоре новая номинальная стоимость приходила в такой же конфликт с действительным соотношением стоимостей, как и старая. В наше время даже очень слабое и преходящее падение стоимости золота по сравнению с серебром, вследствие спроса на серебро со стороны Индии и Китая, вызвало во Франции в самых крупных масштабах то же явление, а именно вывоз серебра и вытеснение его из обращения золотом. В течение 1855, 1856 и 1857 гг. ввоз золота во Францию превышал его вывоз на 41580000 ф. ст., между тем как превышение вывоза серебра над его ввозом составляло 34704000 фунтов стерлингов. Фактически в таких странах, как Франция, где по закону оба металла являются мерой стоимостей и оба должны приниматься при платежах, — причем каждый по желанию может платить в том или другом металле, — тот металл, стоимость которого повышается, приобретает лаж и, подобно всякому другому товару, измеряет свою цену в металле, оцененном слишком высоко, в то время как мерой стоимостей служит только этот последний. Весь исторический опыт в этой области сводится просто к тому, что там, где по закону функцией меры стоимостей были наделены два товара, фактически эта функция всегда закреплялась лишь за одним из них[*].

B. ТЕОРИИ ДЕНЕЖНОЙ ЕДИНИЦЫ ИЗМЕРЕНИЯ

То обстоятельство, что товары в своих ценах превращаются в золото только идеально, а золото поэтому только идеально превращается в деньги, послужило причиной появления теории

[*] «Деньги, как мера в торговле, должны, подобно всякой другой мере, как можно дольше сохранять устойчивость. Но это невозможно там, где деньги состоят из двух металлов, отношение стоимостей которых постоянно изменяется». (John Locke. «Some considerations on the lowering of interest etc.». 1691; p. 65, в его «Works», 7 ed., London, 1768, vol. II [Джон Локк. «Некоторые соображения о понижении процента и т. д.». 1691; стр. 65, Сочинения, т. II, изд. 7, Лондон, 1768]).

идеальной денежной единицы измерения. Так как при определении цены золото и серебро функционируют только как мысленно представляемое золото и серебро, только как счетные деньги, то стали утверждать, что названия фунт стерлингов, шиллинг, пенс, талер, франк и т. д. обозначают не весовые части золота, или серебра, или каким-либо иным образом овеществленный труд, а обозначают, наоборот, идеальные атомы стоимости. Таким образом, если, например, стоимость унции серебра возросла, то она заключала бы больше таких атомов и должна была бы поэтому исчисляться и чеканиться в большем количестве шиллингов. Эта доктрина, вновь получившая распространение во время последнего торгового кризиса в Англии и даже представленная в двух специальных парламентских отчетах, приложенных к отчету Комитета по банковским делам за 1858 год, появилась на свет в конце XVII века. Ко времени начала правления Вильгельма III монетная цена унции серебра составляла в Англии 5 шилл. 2 п., или $^{1}/_{62}$ унции серебра называлась пенни, а 12 таких пенсов — шиллингом. В соответствии с этим масштабом из куска серебра весом, например, в 6 унций чеканили 31 монету под названием шиллинг. Но *рыночная цена* унции серебра поднялась выше ее *монетной цены,* с 5 шилл. 2 п. до 6 шилл. 3 п., и для того, чтобы купить одну унцию чистого серебра, нужно было уплатить 6 шиллингов 3 пенса. Каким образом рыночная цена унции серебра могла подняться выше ее монетной цены, если монетная цена есть только счетное название для кратных частей унции серебра? Эта загадка разрешалась просто. Из 5600000 ф. ст. серебряных денег, находившихся тогда в обращении, четыре миллиона ф. ст. состояли из стертых и обрезанных монет. В результате одной проверки обнаружилось, что 57200 ф. ст. в серебряных монетах, которые должны были весить 220000 унций, весили только 141000 унций. Монетный двор чеканил по прежнему масштабу, но действительно находившиеся в обращении легковесные шиллинги представляли меньшие части унции, чем показывало их название. Следовательно, за унцию серебра на рынке приходилось уплачивать большее число этих уменьшенных в весе шиллингов. Когда вследствие возникшего таким образом расстройства решено было произвести общую перечеканку монет, secretary to the treasury* *Лаундс* утверждал, что стоимость унции серебра повысилась и поэтому впредь из нее надо чеканить 6 шилл. 3 п. вместо 5 шилл. 2 п., как было до сих пор. Таким образом, он в сущности утверждал, что так как стоимость

* — секретарь казначейства. *Ред.*

унции повысилась, то стоимость ее частей понизилась. Но его ложная теория была лишь прикрасой для правильной практической цели. Государственные долги были сделаны в легковесных шиллингах, так следует ли уплачивать их в полновесных? Вместо того, чтобы сказать: возвратите 4 унции серебра там, где вы получили номинально 5 унций, а фактически только 4 унции, он говорил наоборот: возвратите номинально 5 унций, но сведите их металлическое содержание до 4 унций и назовите шиллингом то, что вы до сих пор называли $^{4}/_{5}$ шиллинга. Таким образом, Лаундс на деле придерживался металлического содержания, в то время как в теории он отстаивал счетное название. Его противники, которые придерживались только счетного названия и потому объявляли шиллинг, потерявший 25—50% своего веса, равнозначным полновесному шиллингу, утверждали, наоборот, что они придерживаются только металлического содержания. *Джон Локк,* который представлял новую буржуазию во всех ее формах — промышленников против рабочих и пауперов, коммерсантов против старомодных ростовщиков, финансовую аристократию против государственных должников, и который даже доказывал в одном своем сочинении, что буржуазный рассудок есть нормальный человеческий рассудок, — принял также и вызов Лаундса. Джон Локк одержал победу, и деньги, полученные взаймы в гинеях, содержавших в себе от 10 до 14 шиллингов, были возвращены в гинеях, содержавших 20 шиллингов[*]. Сэр

[*] Локк говорит между прочим: «Назовите кроной то, что раньше называлось половиной кроны. Стоимость ее по-прежнему будет определяться металлическим содержанием. Если бы вы могли уменьшить вес серебряной монеты на $^{1}/_{20}$ ее веса, не уменьшая этим ее стоимости, то с таким же успехом вы могли бы уменьшить ее вес и на $^{19}/_{20}$. По этой теории за фартинг, если он назван кроной, можно было бы купить такое же количество пряностей, шелка или других товаров, как за полноценную крону, содержащую в шестьдесят раз больше серебра. Все, что вы можете сделать, это снабдить меньшее количество серебра штемпелем и названием большего количества. Но ведь серебром, а не названием погашают долги и покупают товары. Если повышение стоимости денег по вашему мнению означает не что иное, как присвоение кратным частям куска серебра произвольных названий, например одной восьмой доли унции серебра названия пенни, то вы, действительно, можете поднять стоимость денег так высоко, как вам угодно»[23]. Одновременно Локк отвечал Лаундсу, что повышение рыночной цены серебра выше его монетной цены происходит не от «повышения стоимости серебра, а от уменьшения веса серебряных монет». 77 стертых и обрезанных шиллингов не весят ни на гран больше, чем 62 полновесных. Наконец, он правильно подчеркивал, что, независимо от уменьшения количества серебра в обращающихся монетах, рыночная цена серебра в слитках в Англии может подняться несколько выше монетной цены по той причине, что вывоз серебра в слитках разрешен, вывоз же серебряной монеты воспрещен (см. цитированное произведение, стр. 54—116, в разных местах). Локк чрезвычайно остерегался затрагивать жгучий вопрос о государственных долгах, равно как осторожно избегал обсуждения одного деликатного экономического вопроса. Последний заключался в следующем: вексельный курс, так же как отношение между серебром в слитках и серебряной монетой, показывали, что находящиеся в обращении деньги обесценивались отнюдь *не* пропорционально действительному уменьшению в них серебра. Мы вернемся к этому вопросу в общей форме в разделе о средствах обра-

Джемс Стюарт иронически описывает всю эту операцию следующим образом:

«Правительство значительно выиграло на налогах, кредиторы — на капитале и процентах, а народ — единственный обманутый — радовался, так как его *Standard* (масштаб его собственной стоимости) не понизился»[*].

Стюарт думал, что по мере дальнейшего развития торговли народ покажет себя более проницательным. Он ошибся. Приблизительно 120 лет спустя повторилось то же самое quid pro quo[**].

Было в порядке вещей, что епископ *Беркли,* представитель мистического идеализма в английской философии, придал учению об идеальной денежной единице измерения теоретический характер, т. е. сделал то, что упустил сделать практичный «секретарь казначейства». Он спрашивает:

«Разве названия: ливр, фунт стерлингов, крона и т. п., не следует рассматривать как всего лишь простые *названия отношений* (а именно отношений абстрактной стоимости как таковой)? Разве золото, серебро или бумажные деньги представляют собой нечто большее, чем только билеты или знаки для счета, регистрирования и контроля (отношений стоимости)? Разве *власть,* позволяющая командовать промышленной деятельностью других людей (общественным трудом), не богатство? И разве деньги на самом деле суть что-либо другое, чем марка, или знак для перенесения и регистрации такой власти, и разве представляет большую важность, из какого материала эти марки сделаны?»[***]

Здесь имеет место смешение, с одной стороны, меры стоимостей с масштабом цен, а с другой стороны, золота или серебра в качестве меры стоимостей и в качестве средства обращения. Из того, что в акте обращения благородные металлы могут быть заменены знаками, Беркли заключает, что эти знаки, в свою очередь, не представляют *ничего,* т. е. представляют только абстрактное понятие стоимости.

Учение об идеальной денежной единице измерения развито у сэра *Джемса Стюарта* с такой полнотой, что его последователи — последователи бессознательные, так как они его не знали, — не находят ни новой формы выражения, ни даже нового примера.

«Счетные деньги», — говорит он, — «суть не что иное, как произвольный масштаб с равными делениями, изобретенный для измерения отношения. *Николай Барбон* в «A discourse concerning coining the new money lighter, in answer to Mr. Locke's considerations etc.», London, 1696 [«Трактат о чеканке новой монеты более легкого веса в ответ на «Соображения» г. Локка и т. д.», Лондон, 1696] безуспешно пытался заманить Локка в опасное место.

[*] Стюарт, цитированное произведение, т. II, стр. 156.
[**] — недоразумение. *Ред.*
[***] «Вопрошатель». Раздел «Queries on money» [«Вопросы о деньгах»], кстати, написан остроумно. Между прочим, Беркли справедливо замечает, что как раз развитие североамериканских колоний «показало со всей ясностью, что золото и серебро не так необходимы для богатства нации, как воображают профаны всех рангов».

сительной стоимости предметов, подлежащих продаже. Счетные деньги совершенно отличны от монетных денег (money coin), представляющих собой цену*; они могли бы существовать даже в том случае, если бы на свете не существовало никакой субстанции, представляющей собой пропорциональный эквивалент для всех товаров. Счетные деньги служат тем же для стоимости предметов, чем градусы, минуты, секунды и т. д. для углов или масштабы — для географических карт и т. п. Во всех этих изобретениях всегда какое-нибудь наименование принимается за единицу. Как полезность всех подобных установлений ограничивается только тем, что они — *показатель пропорций,* так и полезность денежной единицы ограничивается тем же. Поэтому денежная единица не может иметь неизменно определенную пропорцию с какой-нибудь частью стоимости, т. е. она не может быть закреплена за каким-нибудь определенным количеством золота, серебра или какого-нибудь другого товара. Но если только эта единица дана, то мы можем посредством умножения доходить до наивысшей стоимости. Так как стоимость товаров зависит от общей совокупности влияющих на них обстоятельств и от капризов людей, то стоимости товаров должны рассматриваться как изменяющиеся только в их взаимном отношении. Все то, что нарушает и запутывает точное определение изменений пропорций посредством всеобщего, определенного и неизменного масштаба, должно вредным образом влиять и на торговлю. Деньги — только *идеальный масштаб* с равными делениями. Если меня спросят, что должно служить единицей измерения стоимости какого-нибудь из этих делений, то я отвечу на это другим вопросом: а какова нормальная величина градуса, минуты, секунды? Они не имеют никакой нормальной величины; но если только определено одно какое-нибудь деление, то, в соответствии с природой масштаба, все остальные деления должны устанавливаться соответственно данному делению. Примером таких идеальных денег служат банковские деньги в Амстердаме и деньги в Анголе, на африканском побережье»**.

Стюарт ограничивается только *проявлением* денег в обращении в качестве *масштаба цен* и в качестве *счетных денег.* Если в прейскуранте цены различных товаров обозначены в 15 шилл., 20 шилл., 36 шилл., то при сравнении величины их стоимостей меня, в сущности, не интересуют ни серебряное содержание шиллинга, ни его название. Отношение чисел 15:20:36 говорит нам теперь все, и число 1 сделалось единственной единицей измерения. Чисто абстрактным выражением пропорции является вообще только сама абстрактная пропорция чисел. Чтобы быть последовательным, Стюарт должен был поэтому игнорировать не только золото и серебро, но и их установленные законом монетные названия. Не понимая превращения меры стоимостей в масштаб цен, он, естественно, полагает, что определенное количество золота, служащее единицей измерения, относится как мера не к другим количествам золота, а к стоимостям как таковым. Так как товары благодаря превращению своих меновых стоимостей в цены выступают

* *Цена* означает здесь реальный эквивалент, как у английских писателей-экоиомистов XVII столетия.
** Стюарт, цитированное произведение, т. II, стр.102—107.

как одноименные величины, то он отрицает качественную особенность меры, которая и делает их одноименными; так как в этом сравнении различных количеств золота величина того количества золота, которое служит единицей измерения, условна, то он отрицает, что эта величина вообще должна быть установлена. Вместо того, чтобы $^{1}/_{360}$ часть круга называть градусом, он может назвать градусом $^{1}/_{180}$ часть; тогда прямой угол равен был бы 45 градусам вместо 90, и соответственно изменилось бы измерение острых и тупых углов. Тем не менее, мерой угла по-прежнему осталась бы, во-первых, качественно определенная математическая фигура — круг и, во-вторых, количественно определенный отрезок круга. Что касается экономических примеров Стюарта, то одним из них он сам себя побивает, а другим ничего не доказывает. Банковские деньги в Амстердаме были в действительности только счетным названием для испанских дублонов, которые полностью сохранили свой жир благодаря праздному лежанию в подвалах банка, между тем как деятельно обращающаяся ходкая монета от постоянных трений с внешним миром отощала. Что же касается африканских идеалистов, то мы должны предоставить их собственной судьбе, пока путешественники в своих критических описаниях не сообщат нам более точных сведений о них*. Почти идеальными деньгами в стюартовском смысле можно было бы назвать французский ассигнат: *«Национальная собственность. Ассигнат в 100 франков»*. Здесь, правда, была точно указана та потребительная стоимость, которую ассигнат должен был представлять, а именно конфискованная земля, но количественное определение единицы измерения было забыто, и «франк» поэтому превратился в слово, лишенное смысла. Много или мало земли представлял франк ассигнатами, зависело от результатов публичного аукциона. На практике, однако, франк ассигнатами обращался как знак стоимости серебряных денег, и поэтому обесценение его измерялось в этом серебряном масштабе.

Период приостановки Английским банком размена банкнот на золото едва ли был богаче бюллетенями о сражениях, чем денежными теориями. Обесценение банкнот и превышение рыночной цены золота над его монетной ценой вновь вызвали к жизни среди некоторых защитников банка доктрину об идеальной мере

* В связи с последним торговым кризисом определенные круги в Англии велеречиво прославляли африканские идеальные деньги, причем на этот раз их местонахождение перенесли с побережья в глубь Берберии. Отсутствие у берберийцев торговых и промышленных кризисов объясняли идеальной единицей измерения в виде их «Bars» [брусков металла]. Не проще ли было бы сказать, что conditio sine qua non [необходимым условием] торговых и промышленных кризисов является наличие торговли и промышленности?

денег. Классически путаное выражение для этой путаной теории нашел лорд *Каслри,* определивший денежную единицу измерения как «a sense of value in reference to currency as compared with commodities»*. Когда через несколько лет после заключения Парижского мира обстоятельства позволили возобновить размен банкнот на золото, возник в почти неизмененной форме тот же самый вопрос, который поднял Лаундс при Вильгельме III. Громадный государственный долг и накопившаяся в течение более 20 лет масса частных долгов, фиксированных обязательств и т. д., — были заключены в обесцененных банкнотах. Следовало ли возвратить эти долги в банкнотах, которые в 4672 ф. ст. 10 шилл. не только номинально, но и фактически представляли 100 фунтов 22-каратного золота? *Томас Атвуд,* бирмингемский банкир, выступил как Lowndes redivivus**. Атвуд полагал, что кредиторы должны получить номинально столько же шиллингов, сколько номинально было обусловлено договором; но если, согласно прежнему достоинству монеты, шиллингом называлась, примерно, $^1/_{78}$ унции золота, то теперь следовало окрестить шиллингом, скажем, $^1/_{90}$ унции. Сторонники Атвуда известны под именем бирмингемской школы «little Shillingmen»***. Спор об идеальной мере денег, начавшийся в 1819 г., продолжался еще и в 1845 г. между сэром Робертом Пилем и Атвудом, вся мудрость которого в части, касающейся функции денег как меры, исчерпывающим образом изложена в следующей цитате:

«Сэр Роберт Пиль в своей полемике с Бирмингемской торговой палатой спрашивает: что будет представлять ваша банкнота в 1 фунт стерлингов? Что такое фунт стерлингов?.. Или, наоборот, что следует понимать под нынешней единицей измерения стоимости? Означают ли 3 ф. ст. 17 шилл. и $10^1/_2$ п. одну *унцию золота* или же ее *стоимость?* Если самое *унцию золота,* то почему не называть вещи своими именами и вместо фунтов стерлингов, шиллингов и пенсов не говорить: унции, весовые пенни и граны? Тогда мы возвратимся к системе непосредственной меновой торговли... Или они означают *стоимость?* Если одна унция = 3 ф. ст. 17 шилл. $10^1/_2$ п., почему же она в различные времена стоила то 5 ф. ст. 4 шилл., то 3 ф. ст. 17 шилл. 9 п.?.. Выражение «фунт стерлингов» (£) имеет отношение к стоимости, но не к стоимости, закрепленной за каким-либо неизменным весовым количеством золота. Фунт стерлингов — *идеальная единица... Труд* — субстанция, к которой сводятся издержки производства, и труд придает золоту, равно как и железу, его относительную стоимость. *Поэтому, какое бы особое счетное название ни употреблялось для обозначения дневного или недельного труда человека,* оно выражает также стоимость произведенного товара»****.

* — «представление о стоимости, вытекающее из сравнения денег с товарами». *Ред.*
** — воскресший Лаундс. *Ред.*
*** — «сторонников малого шиллинга». *Ред.*
**** «The currency question, the Gemini letters». London, 1844, p. 266—272 passim [«Вопросы денежного обращения, письма близнецов». Лондон, 1844, стр. 266— 272, в разных местах].

В последних словах рассеивается туманное представление об идеальной мере денег и прорывается его настоящее идейное содержание. Счетные названия золота: фунт стерлингов, шиллинг и т. п., должны быть названиями определенных количеств рабочего времени. Так как рабочее время есть субстанция и имманентная мера стоимостей, то, следовательно, эти названия действительно представляли бы самые пропорции стоимости. Другими словами, рабочее время утверждается в качестве истинной денежной единицы измерения. Тем самым мы уже выходим за пределы бирмингемской школы, но мимоходом заметим еще, что учение об идеальной мере денег приобрело новое значение в спорном вопросе о разменности или неразменности банкнот. Если бумажные деньги получают свое наименование от золота или серебра, то разменность банкноты, т. е. ее способность обмениваться на золото или серебро, остается экономическим законом, независимо от того, каков юридический закон. Так, например, прусский бумажный талер, хотя и неразменный по закону, немедленно подвергся бы обесценению, если бы он стоил в обыденном обращении меньше серебряного талера, т. е. если бы он не разменивался на практике. Поэтому последовательные защитники неразменных бумажных денег в Англии искали прибежища в идеальной мере денег. Если счетные названия денег, фунты стерлингов, шиллинги и т. п., суть названия для определенной суммы атомов стоимости, которые то в большем, то в меньшем количестве поглощаются или выделяются данным товаром при обмене его на другие товары, то, например, английская пятифунтовая банкнота так же независима от своего отношения к золоту, как от своего отношения к железу и хлопку. Так как название этой банкноты перестало бы означать теоретическое приравнивание ее к определенному количеству золота или какого-либо другого товара, то требование ее разменности, т. е. ее практического приравнивания к определенному количеству какой-либо специфической вещи, было бы исключено самим понятием этой банкноты.

Учение о рабочем времени как непосредственной денежной единице измерения было впервые систематически развито *Джоном Греем*[*]. Он предлагает, чтобы национальный центральный

[*] John Gray. «The social system. A treatise on the principle of exchange». Edinburgh, 1831 [Джон Грей. «Социальная система. Трактат о принципах обмена». Эдинбург, 1831]. Ср. его же «Lectures on the nature and use of money». Edinburgh, 1848 [«Лекции о природе и употреблении денег». Эдинбург, 1848]. После февральской революции Грей послал французскому временному правительству памятную записку, в которой поучал последнее тому, что Франция якобы нуждается не в «organisation of labour» [«организации труда»], а в «organisation of exchange» [«организации обмена»], план которой полностью разработан в измышленной им денежной системе. Добрый Джон не подозревал, что через 16 лет после появления его «Социальной системы» патент на это самое открытие будет получен столь изобретательным Прудоном.

банк при помощи своих филиалов удостоверял рабочее время, затраченное на производство различных товаров. В обмен за свой товар производитель получает официальное свидетельство его стоимости, т. е. квитанцию на такое количество рабочего времени, какое содержится в его товаре*; эти банкноты на 1 рабочую неделю, 1 рабочий день, 1 рабочий час и т. д. вместе с тем служат удостоверением на получение эквивалента в виде любого из других товаров, находящихся на складах банка**. Таков основной принцип Грея, тщательно разработанный им в деталях и во всем приспособленный к существующим английским учреждениям. При такой системе, — говорит Грей, —

> «было бы в любое время так же легко продать за деньги, как теперь легко за деньги купить; производство было бы равномерным и никогда неиссякающим источником спроса»***.

Благородные металлы утратили бы свое «привилегированное» положение по отношению к другим товарам и

> «заняли бы подобающее им место на рынке рядом с маслом, яйцами, сукном и ситцем, а их стоимость интересовала бы нас не больше, чем стоимость алмазов»****.

> «Должны ли мы сохранить нашу воображаемую меру стоимостей, золото, и тем самым сковать производительные силы страны или мы должны обратиться к естественной мере стоимостей, к труду, и освободить производительные силы страны?»*****.

Если рабочее время — имманентная мера стоимостей, то почему же рядом с ним существует другая, внешняя мера? Почему меновая стоимость развивается в цену? Почему все товары измеряют свою стоимость в одном особом товаре, который превращается таким образом в адекватное бытие меновой стоимости, в деньги? Такова была проблема, которую Грей должен был разрешить. Вместо того, чтобы ее разрешить, он вообразил, что товары могли бы находиться в непосредственном отношении друг к другу как продукты общественного труда. Но они могут относиться друг к другу только в качестве того, что они дей-

* Грей. «Социальная система и т. д.», стр. 63: «Деньги должны быть только квитанцией, свидетельством того, что обладатель их либо вложил известную стоимость в фонд национального богатства, либо приобрел право на указанную стоимость от какого-либо лица, вложившего ее туда».

** «Когда определенная стоимость уже овеществлена в продукте, она может быть положена в банк и может быть по первому требованию взята из него обратно, с тем, однако, общепризнанным условием, что лицо, вложившее в проектируемый национальный банк какое-нибудь имущество, может взять обратно равноценную стоимость в любом другом виде, не будучи обязано взять именно ту самую вещь, которую оно положило в банк». Цитированное произведение, стр. 67—68.

*** Цитированное произведение, стр. 16.

**** Грей. «Лекции о природе и употреблении денег», стр. 182.

***** Цитированное произведение, стр. 169.

ствительно собой представляют. Товары суть непосредственно продукты обособленных, независимых частных работ, которые посредством своего отчуждения в процессе частного обмена должны доказать свой характер всеобщего общественного труда; иначе говоря, труд на основе товарного производства становится общественным трудом лишь посредством всестороннего отчуждения индивидуальных работ. Если же Грей принимает содержащееся в товарах рабочее время за *непосредственно общественное,* то он принимает его за обобществленное рабочее время или за рабочее время непосредственно ассоциированных индивидуумов. В таком случае действительно какой-нибудь один специфический товар, вроде золота и серебра, не мог бы противостоять другим товарам в качестве воплощения всеобщего труда, меновая стоимость не превращалась бы в цену; но вместе с тем и потребительная стоимость не становилась бы меновой стоимостью, продукт не становился бы товаром, и таким образом была бы уничтожена самая основа буржуазного производства. Это, однако, совсем не то, что имеет в виду Грей. Грей считает, что *продукты должны производиться как товары, но обмениваться не как товары.* Грей возлагает исполнение этого благого желания на национальный банк. С одной стороны, общество в лице банка делает индивидуумов независимыми от условий частного обмена, а с другой стороны, оно заставляет этих индивидуумов продолжать производство на основе частного обмена. Между тем внутренняя последовательность заставляет Грея отвергать одно за другим условия буржуазного производства, хотя он хочет «реформировать» только возникшие из товарного обмена деньги. Так, он превращает капитал в национальный капитал[*], земельную собственность — в национальную собственность[**], и если внимательно приглядеться к деятельности его банка, то можно обнаружить, что он не только одной рукой принимает товары, а другой выдает свидетельства на доставленный труд, но и регулирует самое производство. В своем последнем сочинении «Лекции о природе и употреблении денег», в котором он робко старается представить свои рабочие деньги как чисто буржуазную реформу, Грей запутывается в еще более вопиющей бессмыслице.

Каждый товар есть непосредственно деньги. Такова была теория Грея, выведенная из его неполного и потому неверного анализа товара. «Органическое» конструирование «рабочих

[*] «Дела каждой страны должны вестись на национальный капитал» (Джон Грей. «Социальная система», стр. 171).

[**] «Земля должна быть обращена в национальную собственность». (Цитированное произведение, стр. 298.)

денег», «национального банка» и «товарных складов» — всего лишь фантазия, в которой догма обманчиво преподносится как управляющий миром закон. Догма, согласно которой товар есть непосредственно деньги или содержащийся в товаре особенный труд частного лица есть непосредственно общественный труд, не становится, конечно, истиной оттого, что какой-то банк верит в нее и действует сообразно с ней. Напротив, в таком случае банкротство взяло бы на себя роль практической критики. То, что у Грея остается скрытым и неизвестным ему самому, а именно, что рабочие деньги суть экономически звучащая фраза, прикрывающая благое желание уничтожить деньги, вместе с деньгами — меновую стоимость, вместе с меновой стоимостью — товар, а с товаром — буржуазную форму производства, — это прямо высказывается некоторыми английскими социалистами, писавшими частью раньше Грея, частью после него[*]. Но только на долю господина *Прудона* и его школы выпала задача — всерьез проповедовать низвержение *денег* и превознесение *товара* в качестве сущности социализма и тем самым свести социализм к элементарному непониманию необходимой связи между товаром и деньгами[**].

2. СРЕДСТВО ОБРАЩЕНИЯ

После того как товар в процессе установления цены приобрел свою пригодную для обращения форму, а золото — свой характер денег, обращение стало одновременно представлять и разрешать те противоречия, которые заключал в себе процесс обмена товаров. Действительный обмен товаров, т. е. общественный обмен веществ, происходит в виде перемены форм, в которой развертывается двойственная природа товара как потребительной стоимости и меновой стоимости, но в которой вместе с тем перемена форм самого товара кристаллизуется в определенных формах денег. Представить эту перемену форм значит представить обращение. Подобно тому, как товар есть, как мы видели, развитая меновая стоимость только тогда, когда предполагается мир товаров и тем самым фактически развитое разделение труда, так и обращение предполагает всесторонние акты обмена и постоянное их возобновление. Вторая предпо-

[*] См., напр., W. Thompson. «An inquiry into the distribution of wealth etc.». London, 1824 [У. Томпсон. «Исследование принципов распределения богатства и т. д.». Лондон, 1824]; Bray. «Labours wrongs and labours remedy». Leeds, 1839 [Брей. «Несправедливости в отношении труда и средства к их устранению». Лидс, 1839].

[**] В качестве сжатого изложения этой мелодраматической теории денег можно рассматривать книгу: Alfred Darimon. «De la reforme des banques». Paris, 1856 [Альфред Даримон. «О реформе банков». Париж, 1856].

сылка заключается в том, что товары вступают в процесс обмена как товары с *определенными ценами* или в самом процессе обмена *выступают* в двойственном существовании друг для друга; реально как потребительные стоимости, идеально — в цене — как меновые стоимости.

На самых оживленных улицах Лондона теснятся магазины, в витринах которых сверкают все богатства мира: индийские шали, американские револьверы, китайский фарфор, парижские корсеты, русские меха и тропические пряности; но все эти вещи мирского наслаждения носят на лбу роковые беловатые бумажные знаки с арабскими цифрами и лаконичными надписями £, s., d.[*]. Таков вид товаров, вступающих в обращение.

а) Метаморфоз товаров

При ближайшем рассмотрении процесс обращения показывает нам две различные формы кругооборотов. Если мы назовем товар — *Т,* а деньги — *Д,* то мы можем обе эти формы выразить следующим образом:

Т—Д—Т

Д—Т—Д

В настоящем разделе нас занимает исключительно первая форма, или непосредственная форма товарного обращения.

Кругооборот *Т—Д—Т* разлагается на движение *Т—Д,* обмен товара на деньги, или *продажу,* на противоположное движение *Д—Т,* обмен денег на товар, или *покупку,* и на единство обоих движений, *Т—Д—Т,* обмен товара на деньги с целью обмена этих денег на товар, или *продажу* для *покупки.* Однако результатом, в котором самый процесс угасает, оказывается *Т—Т,* обмен товара на товар, действительный обмен веществ.

Т—Д—Т, если взять за исходный пункт первый товар, представляет собой превращение этого товара в золото и его обратное превращение из золота в товар, или движение, в котором товар сначала существует как особенная потребительная стоимость, затем сбрасывает это существование и приобретает освобожденное от всякой связи с его природным бытием существование в качестве меновой стоимости или всеобщего эквивалента; потом он сбрасывает и эту форму и, в конце концов, остается в качестве действительной потребительной стоимости, предназначенной для удовлетворения отдельной потребности.

[*] — фунт стерлингов, шиллинг, пенс. *Ред.*

В этой последней форме он покидает сферу обращения и переходит в сферу потребления. Обращение *Т—Д—Т* в целом представляет собой поэтому прежде всего полный ряд метаморфозов, которые каждый отдельный товар проходит для того, чтобы стать непосредственной потребительной стоимостью для своего владельца. Первый метаморфоз происходит в первой половине обращения *Т—Д,* второй — во второй половине *Д—Т,* а обращение в целом образует curriculum vitae* товара. Но обращение *Т—Д—Т* есть полный метаморфоз отдельного товара только тогда, когда оно одновременно есть сумма определенных односторонних метаморфозов других товаров, потому что каждый метаморфоз первого товара есть его превращение в другой товар, следовательно, превращение другого товара в него, следовательно, двустороннее превращение, совершающееся в одной и той же стадии обращения. Мы должны сначала рассмотреть отдельно каждый из двух процессов обмена, на которые распадается обращение *Т—Д—Т.*

Т—Д, или *продажа: Т,* товар, вступает в процесс обращения не только как особенная потребительная стоимость, например как тонна железа, но как потребительная стоимость определенной цены, предположим в 3 ф. ст. 17 шилл. $10^1/_2$ п., или в 1 унцию золота. Эта цена, будучи с одной стороны показателем содержащегося в железе количества рабочего времени, т. е. величины его стоимости, вместе с тем выражает благое желание железа превратиться в золото, т. е. придать содержащемуся в нем самом рабочему времени форму всеобщего общественного рабочего времени. Если эта перемена субстанции не удается, тонна железа перестает быть не только товаром, но и продуктом, ибо она является товаром только потому, что представляет собой непотребительную стоимость для своего владельца, иначе говоря, труд последнего есть действительный труд только в качестве полезного труда для других, для него же самого он полезен только в качестве абстрактно-всеобщего труда. Поэтому задача железа или его владельца заключается в том, чтобы найти в мире товаров тот пункт, где железо притягивает золото. Но эта трудность, salto mortale** товара, преодолевается, если продажа, как мы и предполагаем здесь в анализе простого обращения, действительно совершается. Тонна железа, реализуясь как потребительная стоимость путем своего отчуждения, т. е. своего перехода из рук, где она является не потребительной стоимостью, в руки, где она является

* — жизненный путь. *Ред.*
** — головоломный прыжок. *Ред.*

потребительной стоимостью, вместе с тем реализует свою цену и превращается из золота лишь мысленно представляемого в действительное золото. На место названия одной унции золота, или 3 ф. ст. 17 шилл. $10^1/_2$ п., теперь вступила одна унция действительного золота, а тонна железа освободила свое место. Благодаря продаже *Т—Д* не только товар, который в своей цене был идеально превращен в золото, превращается в золото реально, но благодаря этому же самому процессу золото, которое в качестве меры стоимости было только идеальными деньгами и в сущности фигурировало только как денежные названия самих товаров, превращается в действительные деньги*. Если раньше золото сделалось идеальным всеобщим эквивалентом, потому что все товары измеряли в нем свою стоимость, то теперь в качестве продукта всестороннего отчуждения товаров на золото, — а продажа *Т—Д* и есть процесс всеобщего отчуждения, — золото становится абсолютно отчуждаемым товаром, реальными деньгами. Но в продаже золото становится деньгами реально только потому, что меновые стоимости товаров в своих ценах были уже золотом идеально.

В продаже *Т—Д,* как и в покупке *Д—Т,* друг другу противостоят два товара, каждый из которых представляет собой единство меновой стоимости и потребительной стоимости; но в товаре меновая стоимость его существует лишь идеально как цена, между тем как в золоте, хотя оно само представляет собой действительную потребительную стоимость, его потребительная стоимость существует лишь как носитель меновой стоимости и поэтому лишь как формальная потребительная стоимость, не относящаяся ни к какой действительной индивидуальной потребности. Таким образом, противоположность между потребительной стоимостью и меновой стоимостью разделяется полярным образом между обоими членами формулы *Т—Д*, так что товар противостоит золоту как потребительная стоимость, которая свою идеальную меновую стоимость, цену, должна еще реализовать в золоте, между тем как золото противостоит товару как меновая стоимость, которая свою формальную потребительную стоимость материализует только в товаре. Лишь путем этого раздвоения товара на товар и золото и, далее, путем двойного противопоставления, в котором каждый крайний

* «Деньги бывают двух родов, идеальные и реальные, и употребляются они двояким образом: для оценки вещей и для покупки их. Для оценки вещей идеальные деньги так же пригодны, как и реальные, и, может быть, даже более пригодны... Другое употребление денег состоит в покупке тех самых вещей, которые они оценивают... Цены определяются и контракты заключаются в идеальных деньгах, а приводятся в исполнение в реальных деньгах». (Галиани, цитированное произведение, стр. 112 и сл.)

член идеально представляет собой то, что противоположный ему член есть реально, и реально представляет собой то, что противоположный член есть идеально» т. е. только путем представления товаров как двусторонне полярных противоположностей, разрешаются противоречия, заключенные в процессе их обмена.

Мы рассматривали до сих пор *Т—Д* как продажу, превращение товара в деньги. Но если мы взглянем со стороны другого крайнего члена, то этот же самый процесс представится, напротив, как *Д—Т,* как покупка, как превращение денег в товар. Продажа неизбежно есть одновременно и ее противоположность, покупка: это продажа, если рассматривать процесс с одной стороны, и покупка, если рассматривать его с другой стороны. Иначе говоря, в действительности этот процесс различается лишь тем, что в *Т—Д* инициатива исходит со стороны товара, или продавца, а в *Д—Т* — со стороны денег, или покупателя. Следовательно, представляя первый метаморфоз товара, превращение товара в деньги, как результат завершения первой стадии обращения *Т*—Д, мы вместе с тем предполагаем, что какой-то другой товар уже превратился в деньги и, стало быть, находится уже во второй стадии обращения *Д—Т*. Таким образом, мы попадаем в порочный круг предпосылок. Само обращение есть этот порочный круг. Если мы не будем рассматривать *Д* в *Т—Д* как уже совершившийся метаморфоз какого-нибудь другого товара, то мы вырвем данный акт обмена из процесса обращения. Но вне последнего исчезает форма *Т*—Д, и друг другу противостоят только два различных *Т*, например железо и золото, обмен которых представляет собой не особый акт обращения, а акт непосредственной меновой торговли. Золото у источника своего производства — такой же товар, как и всякий другой товар. Его относительная стоимость и относительная стоимость железа или любого другого товара представляется здесь в тех количествах, в которых они взаимно обмениваются. Но в процессе обращения эта операция уже предполагается; в товарных ценах собственная стоимость золота уже дана. Поэтому не может быть ничего ошибочнее, чем представление, будто в *процессе обращения* золото и товар вступают между собой в отношение непосредственной меновой торговли, и поэтому их относительная стоимость устанавливается якобы посредством их обмена как простых товаров. Если кажется, будто в процессе обращения золото обменивается на товары как простой товар, то эта иллюзия проистекает просто оттого, что в ценах определенное количество товара уже приравнено к определенному количеству

золота, т. е. отнесено уже к золоту как к деньгам, как к всеобщему эквиваленту, и *поэтому* может непосредственно на него обмениваться. Поскольку цена товара *реализуется* в золоте, товар обменивается на золото как на товар, как на особую материализацию рабочего времени; но поскольку в золоте реализуется *цена* товара, последний обменивается на золото не как на товар, а как на деньги, т. е. на золото как всеобщую материализацию рабочего времени. Но в обоих отношениях количество золота, на которое обменивается товар в процессе обращения, определяется не обменом, а, наоборот, обмен определяется ценой товара, т. е. его меновой стоимостью, выраженной в золоте*.

В процессе обращения золото в любых руках выступает результатом продажи *Т—Д.* Но так как *Т—Д*, продажа, вместе с тем есть *Д—Т,* покупка, то оказывается, что в то время как *Т*, товар, с которого процесс начинается, совершает свой первый метаморфоз, другой товар, составляющий противоположный полюс *Д*, совершает свой второй метаморфоз и поэтому проходит вторую половину обращения, в то время как первый товар находится еще в первой половине своего пути.

Как результат первого процесса обращения, продажи, появляется исходный пункт второго процесса, деньги. На место товара в его первоначальной форме вступил его золотой эквивалент. Этот результат может прежде всего образовать пункт приостановки процесса, так как товар в этой второй форме обладает способностью к самостоятельному стойкому существованию. Товар, не имевший в руках своего владельца никакой потребительной стоимости, находится теперь в форме, всегда пригодной для потребления, ибо всегда может быть обменен, и только от обстоятельств зависит, когда и в каком пункте товарного мира он вступит опять в обращение. Пребывание товара в виде золотой куколки образует самостоятельный период в его жизни, в котором он может находиться более или менее продолжительное время. В то время как в меновой торговле обмен одной особенной потребительной стоимости непосредственно связан с обменом другой особенной потребительной стоимости, всеобщий характер труда, создающего меновую стоимость, проявляется в разделении и в произвольном распадении актов покупки и продажи.

Д—Т, *покупка,* есть движение, обратное *Т—Д*, и вместе с тем второй или заключительный метаморфоз товара. В качестве

---

* Это не исключает, конечно, того, что рыночная цена товаров может быть выше или ниже их стоимости. Однако эта оговорка не касается простого обращения и относится к совершенно другой сфере, которая подлежит рассмотрению позднее, там, где мы подвергнем исследованию отношение между стоимостью и рыночной ценой.

золота или в своем бытии в качестве всеобщего эквивалента товар обладает способностью быть непосредственно представленным в потребительных стоимостях всех других товаров, которые в своих ценах все стремятся к золоту как к своему потустороннему существованию, но вместе с тем указывают количество звонкой монеты, потребное для того, чтобы их тела, потребительные стоимости, перескочили на сторону денег, а их души, меновая стоимость, перешли в самое золото. Всеобщий продукт отчуждения товаров есть абсолютно отчуждаемый товар. Не существует никакого качественного предела для превращения золота в товар, а существует лишь количественный предел, определяемый его собственным количеством или величиной стоимости. «Все куплю, — сказало злато». В то время как товар в движении *Т—Д,* путем своего отчуждения в качестве потребительной стоимости, реализует свою собственную цену и потребительную стоимость чужих денег, в движении *Д—Т* он, путем своего отчуждения в качестве меновой стоимости, реализует свою собственную потребительную стоимость и цену другого товара. Если товар, реализуя свою цену, тем самым превращает золото в действительные деньги, то своим обратным превращением он превращает золото в свое собственное лишь преходящее денежное бытие. Так как товарное обращение предполагает развитое разделение труда, следовательно, многосторонность потребностей отдельного лица, в противоположность односторонности, его продукта, то покупка *Д—Т* иногда представляется в виде уравнения с одним товарным эквивалентом, иногда же раздробляется на ряд товарных эквивалентов, определяемый кругом потребностей покупателя и размерами его денежной суммы. Как продажа есть вместе с тем покупка, так и покупка есть вместе с тем продажа, *Д—Т* есть вместе с тем *Т—Д,* но инициатива здесь принадлежит золоту, или покупателю.

Если мы вернемся теперь к обращению *Т—Д—Т* в целом, то окажется, что в нем товар проходит полный ряд своих метаморфозов. Но одновременно с тем как он начинает первую половину обращения и совершает первый метаморфоз, другой товар вступает во вторую половину обращения, совершает свой второй метаморфоз и выпадает из обращения; и наоборот, первый товар вступает во вторую половину обращения, совершает свой второй метаморфоз и выпадает из обращения в то время, как третий товар вступает в обращение, проходит первую половину своего пути и совершает первый метаморфоз. Таким образом, обращение *Т—Д—Т* в целом, как полный метаморфоз одного товара, представляет собой вместе с тем всегда конец

полного метаморфоза другого товара и начало полного метаморфоза третьего товара, т. е. ряд без начала и конца. Для наглядности, чтобы отличать товары Друг от друга, обозначим *Т* на обоих концах формулы различным образом, например *Т'—Д—Т''*. В сущности первое звено *Т'—Д* предполагает *Д* как результат другого *Т—Д*, т. е. само есть лишь последнее звено *Т—Д—Т';* второе же звено *Д—Т'' в* своем результате представляет собой *Т''—Д, т. е.* само представляется как первое звено *Т''—Д—Т'''* и т. д. Далее, оказывается, что последнее звено *Д—Т,* хотя *Д* есть результат лишь *одной* продажи, может представляться в виде *{Д —* Т') + (*Д—Т''*) + *(Д—Т''')* + и т. д., т. е. может раздробиться на множество покупок и, значит, множество продаж, т. е. на множество первых звеньев новых полных метаморфозов товаров. Если, следовательно, полный метаморфоз единичного товара представляется не только звеном одной цепи метаморфозов без начала и без конца, но и звеном многих таких цепей, то процесс обращения товарного мира, — так как каждый единичный товар совершает обращение *Т—Д—Т, —* представляется бесконечно запутанным клубком цепей этого движения, постоянно заканчивающегося и постоянно вновь начинающегося в бесконечно различных пунктах. Но вместе с тем каждая единичная продажа или покупка существует в качестве самостоятельного изолированного акта, а другой акт, служащий его дополнением, может быть отделен от него во времени и в пространстве и поэтому не должен непосредственно присоединяться к нему, как его продолжение. Так как каждый отдельный процесс обращения *Т—Д* или *Д—Т,* как превращение одного товара в потребительную стоимость и другого товара в деньги, как первая и вторая стадии обращения, образует для обеих сторон самостоятельный пункт приостановки, и с другой стороны, так как все товары начинают свой второй метаморфоз и занимают исходный пункт второй половины обращения в общей для них всех форме всеобщего эквивалента, золота, то в действительном обращении любое *Д—Т* может примыкать к любому *Т—Д*, вторая глава жизненного пути одного товара — к первой главе жизненного пути другого товара. Например, ***А*** продает железо за 2 ф. ст., т. е. совершает *Т—Д*, или первый метаморфоз товара — железа, но покупку откладывает на более позднее время. Одновременно ***В****,* продавший две недели тому назад 2 квартера пшеницы за 6 ф. ст., покупает на эти же 6 ф. ст. костюм у фирмы «Мозес и сын», т. е. совершает *Д—Т*, или второй метаморфоз товара — пшеницы. Оба эти акта *Д—Т* и *Т—Д* выступают здесь только как звенья одной

цепи, так как в *Д,* золоте, один товар выглядит так же, как другой, и по золоту нельзя узнать, есть ли оно превращенное железо или превращенная пшеница. Таким образом, в действительном процессе обращения *Т—Д—Т* представляет собой бесконечное множество случайных существующих один рядом с другим и один за другим беспорядочно разбросанных звеньев различных полных метаморфозов. Действительный процесс обращения *выступает,* таким образом, не как полный метаморфоз товара, не как его движение через противоположные фазы, а как простой агрегат множества случайно совершающихся рядом или следующих друг за другом покупок и продаж. Таким образом, определенность формы этого процесса исчезает, и исчезает тем полнее, что каждый единичный акт обращения, например продажа, есть вместе с тем его противоположность, покупка, и наоборот. С другой стороны, процесс обращения есть движение метаморфозов товарного мира и поэтому должен отражать это движение также в своем общем движении. Каким образом процесс обращения отражает его, мы рассмотрим в следующем разделе. Здесь же следует лишь заметить, что в *Т—Д—Т* оба крайние члена *Т* находятся, с точки зрения формы, не в одинаковом отношении к *Д.* Первый *Т* относится к деньгам как особенный товар к всеобщему товару, между тем как деньги относятся -ко второму *Т* как всеобщий товар к единичному товару. Следовательно, абстрактно-логически *Т—Д—Т* может быть сведен к форме силлогизма *О—В—Е,* где особенность образует первый крайний член, всеобщность — связующий средний член и единичность — последний крайний член.

Товаровладельцы вступили в процесс обращения просто как хранители товаров. В самом этом процессе они выступают друг против друга в противоположной форме покупателей и продавцов, один, скажем, как персонифицированная голова сахара, другой — как персонифицированное золото. Как только голова сахара становится золотом, продавец становится покупателем. Эти определенные общественные роли вытекают отнюдь не из человеческой индивидуальности вообще, но из меновых отношений между людьми, производящими свои продукты в форме товаров. Отношения, существующие между покупателем и продавцом настолько не индивидуальны, что они оба вступают в них лишь поскольку отрицается индивидуальный характер их труда, именно поскольку он, как труд *не* индивидуальный, становится деньгами. Поэтому настолько же бессмысленно считать эти экономические буржуазные роли покупателя и продавца вечными общественными формами челове-

ческого индивидуализма, насколько несправедливо оплакивать эти роли как причину уничтожения этого индивидуализма*. Они суть необходимое выражение индивидуальности на основе определенной ступени общественного процесса производства. Кроме того, в противоположности между покупателем и продавцом антагонистическая природа буржуазного производства выражена еще столь поверхностным и формальным образом, что эта противоположность присуща также добуржуазным формам общества, так как она требует только, чтобы индивидуумы относились друг к другу как владельцы товаров.

Если мы рассмотрим теперь результат *Т—Д—Т*, то он сводится к обмену веществ *Т—Т*. Товар обменен на товар, потребительная стоимость на потребительную стоимость, и превращение товара в деньги, или товар как деньги, служит только для опосредствования этого обмена веществ. Деньги выступают, таким образом, только как *средство обмена* товаров; но не как средство обмена вообще, а как средство обмена, характеризуемое процессом обращения, т. е. как *средство обращения***.

Из того, что процесс обращения товаров сводится к *Т—Т* и поэтому кажется лишь меновой торговлей, совершающейся при посредстве денег, или из того, что вообще *Т—Д—Т* не только распадается на два изолированных процесса, но вместе с тем выражает их находящееся в движении единство, — из этого делать вывод, что существует только единство покупки и продажи, но не их разделение, значило бы обнаружить такой способ мышления, критика которого относится к области логики, а не политической экономии. Отделение в меновом про-

* Как глубоко поражает прекраснодушных людей даже совершенно поверхностная форма антагонизма, выражающегося в покупке и продаже, показывает следующая выдержка из книги г-на Исаака Перейры «Lecons sur l'industrie et les finances». Paris, 1832 [«Лекции о промышленности и финансах». Париж, 1832]. То обстоятельство, что этот же самый Исаак как изобретатель и диктатор «Crédit Mobilier»[24] приобрел печальную славу парижского биржевого волка, показывает, какова цена его сентиментальной критики политической экономии. Г-н Перейра, в то время апостол Сен-Симона, говорит: «Вследствие того, что индивидуумы изолированы, отделены друг от друга как в своем труде, так и в потреблении, между ними существует обмен продуктов их производства. Из необходимости обмена вытекает необходимость определять относительную стоимость предметов. Идеи стоимости и обмена, таким образом, тесно связаны между собой, и в своей действительной форме обе они выражают индивидуализм и антагонизм... Определять стоимость продуктов можно только потому, что существуют продажа и покупка, другими словами, антагонизм между различными членами общества. Заботиться о цене, стоимости приходится только там, где происходят продажа и покупка, словом, где каждый индивидуум должен *бороться,* чтобы обеспечить себе предметы, необходимые для поддержания своего существования» (цитированное произведение, стр. 2, 3 и сл.).

** «Деньги — только средство и способ, между тем как товары, полезные для жизни, представляют конечную цель». Буагильбер. «Розничная торговля Франции», 1697, в сборнике Эжена Дэра «Экономисты-финансисты XVIII века», т. I, Париж, 1843, стр. 210.

цессе покупки от продажи разрывает местные, первобытные, традиционно-благочестивые, наивно-нелепые границы общественного обмена веществ; вместе с тем оно представляет собой всеобщую форму разрыва связанных друг с другом моментов этого общественного обмена и противопоставления их друг другу; одним словом, всеобщую возможность торговых кризисов, однако только потому, что противоположность товара и денег есть абстрактная и всеобщая форма всех противоположностей, заключенных в буржуазном труде. Поэтому денежное обращение может иметь место без кризисов, но кризисы не могут иметь места без денежного обращения. Это, однако, означает только, что там, где основанный на частном обмене труд в своем развитии еще не дошел до образования денег, там он, конечно, тем более не в состоянии вызвать такие явления, которые предполагают полное развитие буржуазного процесса производства. Можно поэтому оценить по достоинству всю глубину той критики, которая стремится путем отмены «привилегий» благородных металлов и посредством так называемой «рациональной денежной системы» устранить «пороки» буржуазного производства. С другой стороны, в качестве образца экономической апологетики достаточно привести одну теорию, которая рекламировалась как необычайно остроумная. *Джемс Милль,* отец известного английского экономиста Джона Стюарта Милля, говорит:

«Никогда не может быть недостатка в покупателях на все товары. Всякий, кто предлагает товар для продажи, желает получить в обмен за него другой товар, и, следовательно, он — покупатель уже в силу одного того факта, что он продавец. Поэтому покупатели и продавцы всех товаров, вместе взятые, должны в силу метафизической необходимости сохранять равновесие.. Стало быть, если имеется больше продавцов, чем покупателей одного какого-либо товара, то должно быть больше покупателей, чем продавцов какого-нибудь другого товара»[*].

Милль устанавливает это равновесие тем, что превращает процесс обращения в непосредственную меновую торговлю,

[*] В ноябре 1807 г. в Англии появилось сочинение Уильяма Спенса под заглавием «Britain independent of commerce» [«Британия не зависит от торговли»], основную идею которого Уильям Коббет развил в своем «Political register» [«Политический журнал»] под более резким названием «Perish commerce» [«Долой торговлю»]. В противовес этому Джемс Милль выпустил в 1808 г. свое сочинение «Defence of commerce»[25], в котором уже имеется приведенный в тексте аргумент, заимствованный нами из его «Elements of political economy» [«Основы политической экономии»]. Ж. Б. Сэй в своей полемике с Сисмонди и Мальтусом относительно торговых кризисов присвоил себе эту хитроумную находку, а так как невозможно сказать, какой новой идеей этот комический «prince de la science» [«принц науки»] обогатил политическую экономию, — его заслуга заключалась в том беспристрастии, с которым он одинаково извращал своих современников: Мальтуса, Сисмонди и Рикардо, — то его континентальные почитатели торжественно провозгласили, что он, Сэй, нашел это сокровище — идею о метафизическом равновесии между покупками и продажами.

а затем в эту непосредственную меновую торговлю опять контрабандным путем вводит взятые из процесса обращения фигуры покупателей и продавцов. Выражаясь его путаным языком, можно сказать, что в такие моменты, когда все товары не находят сбыта, — как было, например, в Лондоне и Гамбурге в известные моменты торгового кризиса 1857—1858 гг., — действительно имеется больше покупателей, чем продавцов на *один* товар, именно на *деньги* и больше продавцов, чем покупателей на *все другие виды денег,* а именно на товары. Метафизическое равновесие между покупками и продажами ограничивается тем, что каждая покупка есть продажа и каждая продажа — покупка, что, однако, не представляет особенного утешения для товаровладельцев, которые не в состоянии продать, а тем самым и купить*.

Отделение продажи от покупки делает возможным наряду с собственно торговлей множество фиктивных сделок, предшествующих окончательному обмену между производителями и потребителями товаров. Это дает возможность массе паразитов проникать в процесс производства и извлекать выгоды из этого отделения. Но это опять-таки означает только, что вместе с деньгами, как всеобщей формой буржуазного труда, дана *возможность* развития противоречий последнего.

b) Обращение денег

Действительное обращение представляется прежде всего как масса случайно совершающихся друг подле друга покупок и продаж. Как при покупке, так и при продаже товар и деньги противостоят друг другу всегда в одном и том же отношении: продавец — на стороне товара, а покупатель — на стороне

* Как изображают экономисты различные определения формы товара, можно увидеть из следующих примеров: «Владея деньгами, мы должны совершить только один обмен для получения желаемого предмета; если же мы имеем другие продукты, для нас. излишние, мы должны совершить два обмена, из которых первый (получение денег) несравненно труднее, чем второй». G. Opdyke. «A treatise on political economy». New York, 1851, p. 287—288 [Д. Опдайк. «Трактат о политической экономии». Нью-Йорк, 1851, стр. 287—288].

«Превосходная способность денег к отчуждению есть прямой результат или естественное следствие меньшей способности товаров к отчуждению» (Th. Corbet. «An inquiry into the causes and modes of the wealth of individuals etc.». London, 1841, p. 117 [Т. Корбет. «Исследование причин и форм индивидуального богатства и т. д.». Лондон, 1841, стр. 117]). «Деньги обладают способностью обмениваться всегда на то, что они измеряют» (Bosanquet. «Metallic, paper and credit currency etc.». London, 1842, p. 100 [Бозанкет. «Металлические, бумажные и кредитные деньги и т. д.». Лондон, 1842, стр. 100]).

«Деньги могут всегда купить другие товары, между тем как другие товары не всегда могут купить деньги» (Th. Tooke. «An inquiry into the currency principle», 2 ed. London, 1844, p. 10 [Т. Тук. «Исследование законов денежного обращения», 2-е изд. Лондон, 1844, стр. 10]).

денег. Поэтому деньги, как средство обращения, выступают всегда в качестве *покупательного средства,* вследствие чего различия их назначений в противоположных фазах товарного метаморфоза стали незаметными.

Деньги переходят в руки продавца в том же самом акте, в котором товар переходит в руки покупателя. Следовательно, товар и деньги движутся в противоположных направлениях, и эта перемена мест, при которой товар переходит на одну сторону, а деньги на другую, совершается одновременно в неопределенно большом числе пунктов на всей поверхности буржуазного общества. Однако первый шаг, который товар делает в обращении, есть вместе с тем и его последний шаг*. Перемещается ли товар потому, что золото притягивается им (*Т—Д),* или потому, что он притягивается золотом *(Д—Т),* по одним этим движением, одной переменой места он переходит из сферы обращения в сферу потребления. Обращение есть беспрестанное движение товаров, но всегда новых товаров, каждый из которых совершает движение лишь один раз. Каждый товар начинает вторую половину своего обращения не как тот же самый товар, а как другой товар, как золото. Таким образом, движение претерпевшего метаморфоз товара есть движение золота. Те же самые деньги или тот же самый кусок золота, которые в акте *Т—Д* один раз поменялись местом с одним товаром, появляются опять, но в обратном порядке, в качестве исходного пункта *Д—Т* и таким образом меняются местом второй раз, с другим товаром. Подобно тому как эти деньги перешли из рук покупателя ***В*** в руки продавца ***А***, так теперь они переходят из рук ***А*,** ставшего покупателем, в руки ***С***. Таким образом, движение формы товара, его превращение в деньги и обратное превращение его из денег, или движение полного метаморфоза товара, представляется как внешнее движение одних и тех же денег, которые два раза меняются местами с двумя различными товарами. Как бы разрозненно и случайно ни совершались рядом друг с другом покупки и продажи, тем не менее в действительном обращении покупателю всегда противостоит продавец, и деньги, переходящие на место проданного товара, должны были прежде чем попасть в руки покупателя уже однажды обменяться местом с каким-нибудь другим товаром. С другой стороны, рано или поздно они опять перейдут из рук продавца, ставшего покупателем, в руки нового продавца, и в этом частом повторении перемены места деньги выражают

* Один и тот же товар может быть много раз куплен и опять продан. Он обращается тогда не как простой товар, а в таком определении, которого еще нет с точки зрения простого обращения, простой противоположности товара и денег.

сцепление метаморфозов товаров. Следовательно, одни и те же деньги перемещаются, одна монета чаще, другая реже, с одного места обращения на другое всегда в направлении, противоположном движению товаров, описывая при этом более или менее длинную дугу обращения. Эти различные движения одних и тех же денег могут следовать друг за другом только во времени, между тем как, наоборот, многочисленность и разрозненность покупок и продаж проявляется в одновременных, совершающихся пространственно рядом, однократных переменах места между товарами и деньгами.

Обращение товаров *Т—Д—Т* в своей простой форме совершается в виде перехода денег из рук покупателя в руки продавца и из рук продавца, ставшего покупателем, в руки нового продавца. На этом заканчивается метаморфоз товара, а следовательно, и движение денег, поскольку последнее есть выражение этого метаморфоза. Но так как новые потребительные стоимости должны постоянно производиться как товары и поэтому постоянно вновь выбрасываться в обращение, то *Т—Д—Т* повторяется и возобновляется теми же самыми товаровладельцами. Деньги, которые они израсходовали как покупатели, возвращаются обратно в их руки, как только они выступают снова в качестве продавцов товаров. Постоянное возобновление товарного обращения отражается, таким образом, в том, что деньги не только постоянно перекатываются из одних рук в другие по всей поверхности буржуазного общества, но вместе с тем описывают множество различных маленьких кругооборотов, выходя из бесконечно различных точек и возвращаясь к тем же самым точкам, чтобы снова повторить то же самое движение.

Так как перемена форм товаров выступает как простое перемещение денег и непрерывность движения обращения выпадает целиком на долю денег, — ибо товар делает всегда только один шаг в направлении, противоположном движению денег, деньги же делают всегда второй шаг вместо товара и говорят *Б* там, где товар сказал *А*, — то *кажется,* что все движение исходит от денег, хотя при продаже товар притягивает деньги из их места и, следовательно, так же приводит в движение деньги, как при покупке деньги приводят в движение товар. Далее, так как деньги противостоят товару всегда в одном и том же отношении, именно как *покупательное средство,* а в качестве такового приводят товары в движение лишь посредством реализации их цен, — то все движение обращения выступает в таком виде, что деньги меняются местами с товарами, реализуя их цены либо в одновременных, совершающихся

рядом отдельных актах обращения, либо в последовательно совершающихся актах, когда одна и та же монета реализует цены различных товаров по очереди один за другим. Если, например, мы будем рассматривать *Т—Д—Т'—Д—Т''— Д—Т'''* и т. д., не обращая внимания на качественные моменты, которые в действительном процессе обращения становятся незаметными, то мы увидим только одну и ту же монотонную операцию. *Д,* реализовав цену *Т,* реализует по очереди цены *Т'—Т''* и т. д., а товары *Т'—Т''—Т'''* и т. д. занимают постоянно место, оставленное деньгами. Поэтому кажется, что деньги, реализуя цены товаров, приводят последние в движение. В этой функции, заключающейся в реализации цен, деньги сами постоянно находятся в обращении, то меняя только место, то проделывая дугу обращения, то описывая маленькую окружность, на которой исходная точка и точка возвращения совпадают. Как средство обращения деньги имеют свое собственное обращение. Поэтому движение форм товаров, находящихся в процессе обращения, выступает как собственное движение денег, опосредствующее обмен товаров, которые сами по себе неподвижны. Таким образом, движение процесса обращения товаров представляется в виде движения денег как Средства обращения — в виде *обращения денег.*

Если товаровладельцы представляют продукты своего частного труда как продукты общественного труда, превращая одну вещь, золото, в непосредственное бытие всеобщего рабочего времени, а потому и в деньги, то теперь их собственное всестороннее движение, которым они опосредствуют обмен веществ своего труда, противостоит им как своеобразное движение этой вещи, как обращение золота. Само общественное движение есть для товаровладельцев, с одной стороны, внешняя необходимость, с другой — только формальный посредствующий процесс, который дает каждому индивидууму возможность за ту потребительную стоимость, которую он бросает в обращение, извлекать из него другие потребительные стоимости, имеющие стоимость такой же величины. Потребительная стоимость товара выступает на сцену с выходом его из обращения, между тем как потребительная стоимость денег как средства обращения есть само их обращение. Движение товара в обращении есть только преходящий момент, между тем как непрестанное движение в обращении становится функцией денег. Эта своеобразная функция денег в процессе обращения придает деньгам как средству обращения новую определенность формы, которая теперь должна быть нами развита подробнее.

Прежде всего очевидно, что денежное обращение есть движение бесконечно раздробленное, так как в нем отражаются бесконечное раздробление процесса обращения на покупки и продажи и произвольное распадение взаимно дополняющих друг друга фаз товарного метаморфоза. Правда, в небольших кругооборотах денег, в которых исходная точка и точка возвращения совпадают, обнаруживается возвратное движение, действительное круговое движение; но таких исходных точек имеется столько же, сколько и товаров, и уже благодаря своему неопределенному множеству эти кругообороты не поддаются никакому контролю, измерению и вычислению. Столь же неопределенно время между удалением от исходной точки и возвращением к ней. Безразлично также, совершается ли в данном случае подобный кругооборот или нет. Нет более общеизвестного экономического факта, чем тот, что можно одной рукой расходовать деньги, не получая их обратно другой рукой. Деньги выходят из бесконечно различных точек и возвращаются в бесконечно различные точки, но совпадение исходной точки и точки возвращения случайно, так как в движении *Т—Д—Т* обратное превращение покупателя в продавца не является необходимым условием. Но в еще меньшей степени денежное обращение представляет такое движение, которое излучается из одного центра ко всем точкам периферии и из всех точек последней возвращается к тому же центру. Так называемый круговой оборот денег, как он рисуется нашему воображению, ограничивается тем, что во всех пунктах видно появление и исчезновение денег, их непрестанное перемещение. В более высокой опосредствованной форме денежного обращения, например в обращении банкнот, мы увидим, что условия выдачи денег заключают в себе условия их обратного притока. Напротив, при простом денежном обращении является случайностью, что тот же самый покупатель становится опять продавцом. Там, где при простом денежном обращении обнаруживаются действительные круговые движения постоянного характера, они суть лишь отражение более глубоких процессов производства. Например, фабрикант берет в пятницу деньги у своего банкира, в субботу выплачивает ими заработную плату своим рабочим, рабочие тотчас же отдают большую часть этих денег лавочникам и т. п., а последние в понедельник приносят **их** обратно банкиру.

Мы видели, что деньги одновременно реализуют данную массу цен в покупках и продажах, пестро расположенных рядом друг с другом в пространстве и что они только один раз меняются местами с товарами. Но, с другой стороны, поскольку

в движении денег проявляется движение всей совокупности метаморфозов товаров и цепная связь этих метаморфозов, то одни и те же деньги реализуют цены различных товаров и таким образом совершают большее или меньшее число оборотов. Если мы возьмем процесс обращения какой-нибудь страны за данный промежуток времени, например, за один день, то количество золота, необходимое для реализации цен и, следовательно, для обращения товаров, определяется двумя моментами: с одной стороны, общей суммой этих цен, с другой стороны, средним числом оборотов одних и тех же золотых денег. Это число оборотов, или скорость обращения денег, в свою очередь, определяется или служит лишь выражением той средней скорости, с которой товары проходят различные фазы своих метаморфозов, с которой эти метаморфозы следуют друг за другом как звенья цепи, и скорости, с которой товары, совершившие свои метаморфозы, замещаются в процессе обращения новыми товарами. Следовательно, в то время как в процессе определения цен меновая стоимость всех товаров идеально превратилась в равновеликое по стоимости количество золота и в обоих изолированных актах обращения *Д—Т* и *Т—Д* одна и та же сумма стоимости имелась налицо дважды, на одной стороне в товаре, на другой стороне в золоте, — бытие золота как средства обращения определяется не изолированным его отношением к единичным неподвижным товарам, а подвижным его бытием в движущемся мире товаров; определяется его функцией — выражать своей переменой мест перемену форм товаров и, следовательно, скоростью своей перемены мест — скорость перемены форм товаров. Его действительное наличие в процессе обращения, т. е. действительная масса золота, находящаяся в обращении, определяется, таким образом, его функциональным бытием в самом процессе, взятом как целое.

Предпосылкой денежного обращения является товарное обращение, а именно, деньги приводят в обращение товары, которые имеют цепы, т. е. которые идеально уже приравнены к определенным количествам золота. При определении цен самих товаров величина стоимости того количества золота, которое служит единицей измерения, или стоимость золота, предполагается данной. При этой предпосылке количество золота, необходимое для обращения, определяется прежде всего общей суммой товарных цен, подлежащих реализации. Но эта общая сумма, в свою очередь, определяется: 1) уровнем цен, относительно высоким или низким уровнем меновых стоимостей товаров, выраженных в золоте, и 2) массой товаров, обращающихся по определенным ценам, следовательно, мас-

сой покупок и продаж, совершаемых по данным ценам*. Если квартер пшеницы стоит 60 шилл., то для того, чтобы привести его в обращение или реализовать *его* цену, необходимо в два раза больше золота, чем в том случае, если бы он стоил только 30 шиллингов. Для обращения 500 квартеров пшеницы по 60 шилл. требуется в два раза больше золота, чем для обращения 250 квартеров по той же цене. Наконец, для обращения 10 квартеров по 100 шилл. требуется лишь половина того количества золота, которое необходимо для обращения 40 квартеров по 50 шиллингов. Отсюда следует, что количество золота, необходимое для обращения товаров, может уменьшиться, несмотря на повышение цен, если масса находящихся в обращении товаров уменьшается в большей степени, чем возрастает общая сумма цен; и, наоборот, масса средств обращения может увеличиться, если масса находящихся в обращении товаров уменьшается, а сумма их цен повышается в большей степени. Превосходные детальные исследования англичан показали, например, что в Англии на первых стадиях вздорожания хлеба масса обращающихся денег увеличивается, потому что сумма цен уменьшившейся массы хлеба превышает прежнюю сумму цен большей массы хлеба, а вместе с тем обращение остальной товарной массы продолжается в течение некоторого времени без помех по прежним ценам. Напротив, в более поздней стадии вздорожания хлеба масса обращающихся денег уменьшается — потому, что кроме хлеба остальные товары продаются или в меньшем количестве по прежним ценам, или же в том же самом количестве по более низким ценам.

Однако количество обращающихся денег определяется, как мы видели, не только общей суммой подлежащих реализации товарных цен, но также и скоростью, с которой деньги обращаются, или продолжительностью времени, в течение которого они совершают эту реализацию. Если один и тот же соверен совершает в течение одного дня десять покупок товара, каждый раз ценой в один соверен, переходя таким образом 10 раз из рук в руки, то он совершает точь-в-точь такую же работу, как 10 соверенов, каждый из которых в продолжение дня совер-

* Масса денег безразлична, «лишь бы их было достаточно для того, чтобы поддерживать цены, соответствующие товарам». Буагильбер, цитированное произведение, стр. 209. «Если обращение товаров в 400 млн. фунтов стерлингов требует массы золота в 40 млн., и эта пропорция в $^1/_{10}$ представляла собой адекватный уровень, то в том случае, если стоимость находящихся в обращении товаров повысится по естественным причинам до 450 млн., масса золота, чтобы остаться на том же адекватном уровне, должна увеличиться до 45 млн.». W. Blake, «Observations on the effects produced by the expenditure of government etc.». London, 1823, p. 80 [У. Блейк. «Замечания о действии правительственных расходов и т. д.». Лондон, 1823, стр. 80].

шает лишь один оборот[*]. Скорость обращения золота может, стало быть, возместить его количество; или бытие золота в процессе обращения определяется не только его бытием в качестве эквивалента рядом с товаром, но также его бытием в самом движении товарных метаморфозов. Однако скорость обращения денег возмещает их количество только до определенного предела, так как в каждый данный момент бесконечно раздробленные покупки и продажи происходят рядом друг с другом в пространстве.

Если сумма цен находящихся в обращении товаров возрастает, по в меньшей степени, чем скорость обращения денег, то масса средств обращения уменьшается. Если, наоборот, скорость обращения уменьшается в большей степени, чем сумма цен находящейся в обращении товарной массы, то масса средств обращения увеличивается. Возрастание количества средств обращения при всеобщем падении цен или уменьшение количества средств обращения при всеобщем повышении цен — одно из наиболее точно установленных явлений в истории товарных цен. Однако причины, которые вызывают повышение уровня цен и одновременно еще большее увеличение скорости обращения денег, равно как и обратное движение, находятся вне области исследования простого обращения. В качестве примера можно указать между прочим на то, что в периоды, когда кредит процветает, скорость обращения денег увеличивается быстрее, чем возрастают цены товаров, между тем как при сокращении кредита цены товаров падают медленнее, чем скорость обращения. Поверхностный и формальный характер простого денежного обращения обнаруживается как раз в том, что все моменты, определяющие количество средств обращения, а именно масса обращающихся товаров, цены, повышение или падение цен, число одновременных покупок и продаж, скорость обращения денег, зависят от процесса метаморфозов товарного мира, который, в свою очередь, зависит от общего характера способа производства, численности населения, отношения между городом и деревней, развития средств транспорта, от большего или меньшего разделения труда, кредита и т. д., — словом, от обстоятельств, которые все лежат *вне* простого денежного обращения и в нем только отражаются.

Если скорость обращения дана, то масса средств обращения определяется, следовательно, просто ценами товаров. Таким образом, цены не потому высоки или низки, что в обращении

[*] «Скорость обращения денег, а не количество металла, создает впечатление большего или меньшего количества денег» (Галиани, цитированное произведение, стр. 99).

находится большее или меньшее количество денег, а наоборот, в обращении потому находится большее или меньшее количество денег, что цены высоки или низки. Это один из важнейших экономических законов, детальное доказательство которого при помощи истории товарных цен составляет, быть может, единственную заслугу послерикардовской английской политической экономии. Если опыт показывает, что уровень металлического обращения или масса обращающегося золота или серебра в данной стране хотя и подвержена временным, иногда очень сильным, приливам и отливам*, но в общем на протяжении более длительных периодов остается -постоянным, и отклонения от среднего уровня составляют лишь слабые колебания, — то это явление объясняется просто противоречивым характером условий, определяющих массу находящихся в обращении денег. Одновременное изменение этих условий парализует их действие и оставляет все по-старому.

Закон, по которому при данной скорости обращения денег и при данной сумме товарных цен количество обращающихся средств представляет собой определенную величину, может быть выражен еще таким образом, что, если даны меновые стоимости товаров и средняя скорость их метаморфозов, то количество обращающегося золота зависит от его собственной стоимости. Поэтому, если бы стоимость золота, т. е. необходимое для его производства рабочее время, увеличилась или уменьшилась, то товарные цены повысились бы или понизились в обратном отношении, и этому всеобщему повышению ил к падению цен соответствовала бы, при неизменной скорости обращения, большая или меньшая масса золота, необходимого для обращения той же самой товарной массы. Такая же перс-мена имела бы место и в том случае, если бы прежняя мера стоимости была вытеснена другим металлом с более высокой или более низкой стоимостью. Так, когда Голландия из нежной заботливости о государственных кредиторах и из боязни последствий открытия калифорнийских и австралийских рудников заменила золотые деньги серебряными, ей потребовалось

* Пример чрезвычайного падения металлического обращения ниже среднего уровня представляла Англия в 1858 году; это видно из следующей выдержки из лондонского «Economist»[26]. «По самой природе явления» (а именно раздробленного характера простого обращения) «невозможно точно установить количество наличных денег, находящихся в обращении на рынке и в руках классов, которые не связаны с банками. Но, быть может, деятельность или бездеятельность монетных дворов больших торговых наций является одним из лучших показателей изменений этого количества. Много монеты чеканится, когда ее требуется много, и мало — когда ее требуется мало... На английском монетном дворе было выпущено монет: в 1855 г. — 9245000 ф. ст., в 1856 г. — 6476000 ф. ст., в 1857 г. — 5293858 ф. ст. В течение 1858 г. монетный двор почти не имел работы». «Economist» 10 июля, 1858 года. Одновременно с этим в подвалах банка лежало золота приблизительно на 18 миллионов фунтов стерлингов.

для обращения той же самой товарной массы в 14—15 раз больше серебра, чем прежде золота.

Из зависимости количества обращающегося золота от изменяющейся суммы товарных цен и от изменяющейся скорости обращения следует, что масса металлических средств обращения должна быть способна к сокращению и расширению, т. е., что в соответствии с потребностями процесса обращения золото то должно вступать в этот процесс как средство обращения, то снова должно выходить из него. Каким образом процесс обращения сам осуществляет эти условия, мы увидим в дальнейшем.

с) Монета. Знак стоимости

Золото в своей функции средства обращения получает особую Facon*, оно становится *монетой.* Чтобы его обращение не задерживалось техническими затруднениями, оно чеканится в виде монет соответственно масштабу счетных денег. Куски золота, оттиск и фигура которых показывают, что они содержат весовые количества золота, представляемые в счетных названиях денег: в фунте стерлингов, шиллинге и т. п., — суть монеты. Как определение монетной цены, так и техническое дело чеканки выпадает на долю государства. Деньги в качестве монеты, как и в качестве счетных денег приобретают *местный и политический* характер, они говорят на разных языках и носят разные национальные мундиры. Поэтому сфера, в которой деньги обращаются как монета, отделяется, как *внутреннее* товарное обращение, ограниченное пределами одного государства, *от всеобщего* обращения товарного мира.

Между тем золото в слитках и золото в монете отличаются друг от друга не в большей мере, чем его монетное название от названия весового. То, что в последнем случае выступает как различие в названии, в первом случае выступает лишь как различие внешней формы. Золотая монета может быть брошена в тигель и таким путем вновь превращена в золото sans phrase**, как и наоборот: достаточно послать золотой слиток на монетный двор, чтобы он получил форму монеты. Превращение и обратное превращение из одной внешней формы в другую представляется чисто технической операцией.

За 100 фунтов или 1200 тройских унций 22-каратного золота на английском монетном дворе можно получить $4672^1/_2$ фунта стерлингов или золотых соверенов; если положить эти соверены на одну чашку весов, а 100 фунтов золота в слитках

* — форму. *Ред.*
** — без дальнейших околичностей. *Ред.*

на другую, то установится равновесие; и таким образом доказано, что соверен есть не что иное, как определенное весовое количество золота, обозначенное в английской монетной цене этим названием и имеющее особую внешнюю форму и особый штемпель. Эти $4672^1/_2$ золотых соверена выбрасываются в обращение из различных пунктов и, поглощаемые им, они совершают в продолжение дня определенное число оборотов — один соверен большее число оборотов, другой — меньшее. Если бы среднее число ежедневных оборотов каждой унции равнялось 10, то 1200 унций золота реализовали бы товарные цены на общую сумму 12000 унций, или 46725 соверенов. Как ни верти унцию золота, она никогда не будет весить 10 унций золота. Но здесь, в процессе обращения, 1 унция действительно имеет вес 10 унций. Бытие монеты в процессе обращения равнозначно содержащемуся в ней количеству золота, умноженному на число ее оборотов. Таким образом, монета, помимо своего действительного бытия в виде отдельного куска золота определенного веса, получает идеальное бытие, вытекающее из ее функции. Однако, совершает ли соверен один оборот или десять оборотов, в каждой отдельной покупке или продаже он действует только как один соверен. Здесь происходит то же, что и с генералом, который в день сражения своевременным появлением в 10 различных пунктах заменяет 10 генералов; но в каждом из этих пунктов это тот же самый генерал. Идеализация средства обращения, возникающая в денежном обращении вследствие замещения количества монет скоростью, касается только функционального бытия монеты в процессе обращения, но не затрагивает бытия отдельной монеты.

Денежное обращение представляет собой, однако, внешнее движение, и соверен, хотя и non olet*, вращается в смешанном обществе. От трения со всякого рода руками, сумками, карманами, кошельками, мешочками, шкатулками и сундуками монета стирается, оставляет один золотой атом тут, другой там и таким образом, шлифуясь в скитаниях по миру, все больше и больше теряет в своем внутреннем содержании. Находясь в употреблении она изнашивается. Рассмотрим соверен в тот момент, когда его первоначальной солидности был нанесен, по-видимому, еще только незначительный урон.

«Пекарь, который сегодня только что получил прямо из банка совершенно новенький соверен и завтра отдает его мельнику, отдает не точно тот же самый (veritable) соверен; он стал легче, чем был в тот момент, когда пекарь его получил»**.

* — не пахнет. *Ред.*

** Dodd. «Curiosities of industry etc.». London, 1854. [Додд. «Особенности промышленности и т. д.», Лондон, 1854, стр. 16].

«Ясно, что монеты по самой природе вещей должны постоянно одна за другой обесцениваться вследствие хотя бы только обычного и неизбежного стирания. Физически невозможно на некоторое время, даже на один день, совершенно изъять из обращения легкие монеты»*.

По оценке Джейкоба, из 380 миллионов фунтов стерлингов, имевшихся в 1809 году в Европе, к 1829 году, т. е. за 20 лет, совершенно исчезли вследствие стирания 19 миллионов фунтов стерлингов**. Таким образом, если товар после первого же своего шага, которым он вступает в обращение, из него выпадает, то монета после нескольких своих шагов в обращении представляет больше металлического содержания, чем она в действительности имеет. Чем дольше монета обращается при неизменной скорости обращения или чем быстрее ее обращение в продолжение одного и того же промежутка времени, тем больше ее бытие в качестве монеты отделяется от ее золотого или серебряного бытия. То, что остается, — это magni nominis umbra***. Тело монеты становится всего лишь тенью. Если первоначально монета приобрела благодаря процессу обращения больший вес, то теперь она становится благодаря ему легче, но продолжает в каждой отдельной покупке или продаже приниматься за первоначальное количество золота. Соверен, как *призрачный* соверен, как призрачное золото, продолжает выполнять функцию законных золотых денег. В то время как другие существа вследствие соприкосновения с внешним миром теряют свой идеализм, монета вследствие практики идеализируется, превращается в чисто призрачное бытие своего золотого или серебряного тела. Эта вторичная, вызываемая самим процессом обращения идеализация металлических денег, или отделение их номинального содержания от реального, используется частью правительствами, частью частными авантюристами путем самых разнообразных подделок монеты. Вся история монетного дела с начала средневековья и до конца XVIII столетия сводится к истории этих двусторонних и антагонистических подделок, и многотомное собрание сочинений итальянских экономистов, изданное Кустоди, вращается большей частью вокруг этого вопроса.

* «The currency question reviewed etc. by a banker». Edinburgh, 1845, p. 69 etc. [«Вопрос денежного обращения, рассмотренный и т. д. одним банкиром». Эдинбург, 1845, стр. 69 и т. д.]. «Если бы один, немного потертый экю принимался за несколько меньшую стоимость, чем совершенно новый экю, то обращение постоянно испытывало бы задержки, и не было бы ни одного платежа, который совершался бы без спора» (Ж, Гарнье, цитированное произведение, т. I, стр. 24).

** W. Jacob. «An historical inquiry into the production and consumption of the precious metals». London, 1831, Vol. II, ch. XXVI, p. 322 [У. Джейкоб. «Историческое исследование производства и потребления благородных металлов». Лондон, 1831, т. II, гл. XXVI, стр. 322].

*** — тень великого имени. *Ред.*

Призрачное бытие золота в пределах его функции вступает, однако, в конфликт с его действительным бытием. В обращении одна золотая монета теряет в своем металлическом содержании больше, другая — меньше, и потому один соверен стоит теперь в действительности больше, чем другой. Но так как они п своем функциональном бытии в качестве монет считаются равноценными и соверен, действительно составляющий $^1/_4$ унции, стоит не больше, чем соверен, только по видимости составляющий $^1/_4$ унции, то полновесные соверены часто подвергаются в руках недобросовестных владельцев хирургическим операциям, и с ними искусственно проделывается то, что само обращение естественным путем проделало с их легковесными братьями. Они обрезываются и подделываются, а их излишний золотой жир отправляется в тигель. Если $4672^1/_2$ золотых соверена, положенные на чашку весов, весят в среднем только 800 унций вместо 1200, то на рынке золота они смогут купить уже только 800 унций золота, или рыночная цена золота поднялась бы выше его монетной цены. Каждая денежная единица, даже если она полновесная, в своей монетной форме стоила бы меньше, чем в форме слитка. Полновесные соверены превращались бы обратно в слитки золота, в форму, в которой большее количество золота имеет большую стоимость, чем меньшее его количество. Как только это уменьшение металлического содержания охватило бы достаточное количество соверенов, чтобы вызвать длительное превышение рыночной цены золота над его монетной ценой, — счетные названия монеты хотя и остались бы те же самые, однако впредь означали бы меньшее количество золота. Другими словами, изменился бы масштаб денег, и золотые монеты в дальнейшем чеканились бы соответственно этому новому масштабу. Вследствие идеализации золота в качестве средства обращения, оно, оказывая обратное действие, изменило бы установленные законом отношения, при которых оно было масштабом цен. Такая же революция повторилась бы через некоторый промежуток времени вновь, и таким образом золото как в своей функции масштаба цен, так и в качестве средства обращения подвергалось бы постоянным переменам, причем перемена в одной форме вызывала бы перемену в другой, и наоборот. Этим объясняется упомянутое выше явление, что в истории всех современных народов одно и то же денежное название сохранялось за постоянно уменьшающимся металлическим содержанием. Противоречие между золотом как монетой и золотом как масштабом цен становится также противоречием между золотом как монетой и золотом как всеобщим эквивалентом, в качестве которого оно обращается

не только в пределах отдельных стран, но и на мировом рынке. Как мера стоимостей, золото было всегда полновесным, так как оно служило лишь в качестве идеального золота. Как эквивалент в изолированном акте *Т—Д,* золото из своего подвижного состояния сейчас же переходит обратно в состояние покоя; но в монете его естественная субстанция вступает в постоянный конфликт с его функцией. Совершенно избежать превращения золотого соверена в призрачное золото невозможно, но законодательство старается воспрепятствовать закреплению такого соверена в качестве монеты, изымая его из обращения при известном уменьшении его субстанции. Например, согласно английскому закону, соверен, потерявший в весе более 0,747 грана, перестает быть законным совереном. Английский банк, в котором только за время с 1844 по 1848 г. было взвешено 48 миллионов золотых соверенов, имеет для взвешивания золота машину г-на Коттона, которая не только обнаруживает разницу между двумя соверенами в $^1/_{100}$ грана, но, подобно разумному существу, немедленно сбрасывает неполновесный соверен на доску, откуда он попадает в другую машину, которая с восточной жестокостью разрезает его на части.

При этих условиях золотая монета вообще не могла бы обращаться, если бы ее обращение не было ограничено определенными сферами, в пределах которых она не так быстро изнашивается. Поскольку золотая монета в обращении имеет значение $^1/_4$ унции, тогда как она весит уже только $^1/_5$ унции, она в сущности сделалась простым знаком или символом золота на $^1/_{20}$ унции; таким образом, всякая золотая монета самим процессом обращения в большей или меньшей степени превращается в простой знак, или символ, своей субстанции. Но ни одна вещь не может быть своим собственным символом. Нарисованный виноград есть не символ действительного винограда, а кажущийся виноград. Тем более не может легковесный соверен быть символом полновесного, как не может отощавшая лошадь быть символом упитанной. Так как золото, следовательно, становится символом самого себя, но служить символом самого себя не может, то в тех сферах обращения, в которых оно изнашивается наиболее быстро, т. е. в сферах, где покупки и продажи постоянно возобновляются в мельчайших размерах, оно получает отделенное от его золотого бытия символическое серебряное или медное бытие. В этих сферах постоянно обращалась бы в качестве монеты определенная доля от общей суммы золотых денег, хотя это и не были всегда одни и те же золотые монеты. Эта доля золота замещается серебряными или медными знаками. Если, таким образом,

в качестве меры стоимостей и, стало быть, в качестве денег в пределах данной страны может функционировать только один специфический товар, то в качестве монеты рядом с деньгами могут служить различные товары. Эти вспомогательные средства обращения, например, серебряные или медные знаки, являются внутри обращения представителями определенных долей золотой монеты. Поэтому их собственное серебряное или медное содержание определяется не отношением стоимости серебра и меди к стоимости золота, а произвольно устанавливается законом. Они должны выпускаться только в таких количествах, в каких постоянно обращались бы представляемые ими мелкие доли золотой монеты, необходимые для размена более крупных золотых монет, либо для реализации соответственно мелких товарных цен. В пределах розничного товарного обращения серебряные и медные знаки, в свою очередь, принадлежат к особым сферам. По самой природе вещей скорость их обращения находится в обратном отношении к цене, которую они реализуют в каждой отдельной покупке и продаже, или к величине той доли золотой монеты, которую они представляют. Если учесть громадные размеры ежедневного розничного оборота в такой стране, как Англия, то относительно незначительное общее количество обращающихся вспомогательных монет показывает быстроту и непрерывность их обращения. Из одного недавно изданного парламентского отчета мы видим, например, что в 1857 г. английский монетный двор вычеканил золота на сумму 4859000 ф. ст., серебра по номинальной стоимости на 733000 ф. ст., а по стоимости металла—на 363000 фунтов стерлингов. Общая сумма золота, вычеканенного в течение десяти лет, кончая 31 декабря 1857 г., составляла 55239000 ф. ст., а серебра — только 2434000 фунтов стерлингов. Медные монеты составляли в 1857 г. только 6720 ф. ст. по номинальной стоимости и 3492 ф. ст. по стоимости меди; причем 3136 ф. ст. — пенсами, 2464 ф. ст. — полупенсами и 1120 ф. ст. — фартингами. Общая стоимость медной монеты, вычеканенной в продолжение последних десяти лет, составила 141477 ф. ст. по номинальной стоимости и 73503 ф. ст. по стоимости металла. Подобно тому, как золотая монета не может навсегда утвердиться в своей функции монеты вследствие того, что закон определяет степень потери металла, при которой она демонетизируется, так и, наоборот, серебряные и медные знаки не могут перейти из своих сфер обращения в сферу обращения золотой монеты и там утвердиться в качестве денег, вследствие того, что установлен размер цены, которую они реализуют согласно закону. Так, например, в Англии медь

обязательна к приему при платежах только на сумму до 6 пенсов, серебро — на сумму до 40 шиллингов. Если бы серебряные и медные знаки были выпущены в большем количестве, чем необходимо для потребностей их сфер обращения, то товарные цепы от этого не повысились бы, но произошло бы накопление этих знаков у розничных торговцев, которые в конце концов вынуждены были бы продать их как металл. Так, в 1798 г. английские медные монеты, израсходованные частными лицами, скопились на сумму 20350 ф. ст. у лавочников, которые тщетно пытались пустить их снова в обращение и в конце концов вынуждены были продать их как товар на медном рынке*.

Серебряные и медные знаки, которые в определенных сферах внутреннего обращения служат представителями золотой монеты, содержат установленное законом количество серебра и меди, но, поглощенные обращением, они стираются, подобно золотой монете, и еще быстрее, соответственно скорости и непрерывности своего обращения, превращаются в идеальные, призрачные тела. Если бы и здесь начали устанавливать предел уменьшения металлического содержания, за которым серебряные и медные знаки утрачивают свой характер монеты, то уже и в определенной части их собственной сферы обращения серебряные и медные знаки пришлось бы, в свою очередь, заменить другими символическими деньгами, скажем, железными или свинцовыми; и это представительство одних символических денег другими символическими деньгами было бы бесконечным процессом. Поэтому во всех странах с развитым обращением сама необходимость денежного обращения принуждает к тому, чтобы сделать монетный характер серебряных и медных знаков совершенно независимым от любой степени утраты ими металла. Тем самым обнаруживается то, что заключалось в природе вещей, а именно, что они суть символы золотой монеты не потому, что они сделаны из серебра или меди, не потому, что они имеют стоимость, а поскольку они никакой стоимости не имеют.

Отсюда следует, что функционировать в качестве символов золотых денег могут вещи, относительно лишенные стоимости, например *бумажка.* Существование вспомогательной монеты в виде металлических знаков, серебряных, медных и т. п., объясняется большей частью тем, что в большинстве стран менее ценные металлы, как серебро в Англии, медь в древней

* David Buchanan. «Observations on the subjects treated of in Doctor Smith's Inquiry on the wealth of nations, etc.». Edinburgh, 1814, p. 3 [Давид Бьюкенен. «Замечания о предметах, трактуемых в «Исследовании о богатстве народов и т. д.» доктора Смита». Эдинбург, 1814, стр. 3].

Римской республике, Швеции, Шотландии и т. д., обращались как деньги до того, как процесс обращения низвел их до разменной монеты и поставил на их место более благородный металл. Впрочем, по самой природе вещей, денежный символ, непосредственно вырастающий из металлического обращения, первоначально сам является также металлом. Подобно тому как та часть золота, которая постоянно должна была бы обращаться в качестве разменной монеты, замещается металлическими знаками, так и та часть золота, которая в качестве монеты постоянно поглощается сферой внутреннего обращения и, следовательно, должна постоянно находиться в обращении, может быть замещена знаками, лишенными стоимости. Уровень, ниже которого масса обращающихся монет никогда не падает, определяется в каждой стране эмпирически. Первоначально незаметное различие между номинальным содержанием металлической монеты и ее металлическим содержанием может таким образом дойти до абсолютного их отделения. Монетное название денег отделяется от их субстанции и существует вне последней, в лишенных стоимости бумажках. Как меновая стоимость товаров благодаря процессу их обмена кристаллизуется в золотых деньгах, точно так же золотые деньги в обращении испаряются до своего собственного символа, сперва в форме изношенной золотой монеты, потом в форме вспомогательных металлических монет и, наконец, в форме не имеющих стоимости знаков, бумажек, простого *знака стоимости.*

Золотая монета произвела, однако, своих заместителей, сперва металлических, а затем бумажных, только потому, что она, несмотря на потерю части металла, продолжала функционировать в качестве монеты. Она не потому обращалась, что истерлась, а она истерлась до превращения в символ потому, что она долго обращалась. Лишь поскольку золотые деньги в процессе обращения сами становятся простым знаком своей собственной стоимости, они могут быть замещены простыми знаками стоимости.

Поскольку движение *Т—Д—Т* есть протекающее в виде процесса единство двух непосредственно переходящих один в другой моментов *Т—Д* и *Д—Т,* или поскольку товар пробегает процесс своего полного метаморфоза, он развивает свою меновую стоимость в цену и в деньги, чтобы тотчас же опять снять эту форму и сделаться снова товаром или, скорее, потребительной стоимостью. Следовательно, товар достигает *только кажущейся самостоятельности* своей меновой стоимости. Мы видели, с другой стороны, что золото, поскольку оно функционирует только как монета или постоянно находится в обращении,

в действительности является всего лишь связующим звеном метаморфозов товаров и их *лишь мимолетным денежным бытием;* оно реализует цену одних товаров только для того, чтобы потом реализовать цену других товаров, но нигде не выступает как находящееся в покое бытие меновой стоимости или даже как находящийся в покое товар. Реальность, которую меновая стоимость товаров получает в этом процессе и которую золото представляет в своем обращении, есть только реальность электрической искры. Хотя это действительное золото, функционирует оно здесь лишь как кажущееся золото и потому может быть замещено в этой функции знаком самого себя.

Знак стоимости, например, бумажка, функционирующий как монета, есть знак количества золота, выраженного в его монетном названии, следовательно, *знак золота.* Как определенное количество золота само по себе не выражает отношения стоимости, так не выражает его и знак, замещающий золото. Поскольку определенное количество золота, как овеществленное рабочее время, обладает стоимостью определенной величины, постольку знак золота есть представитель стоимости. Но величина стоимости, представляемая этим знаком, зависит каждый раз от стоимости представляемого им количества золота. По отношению к товарам знак стоимости представляет *реальность их цены,* он есть signum pretii* и знак их стоимости только потому, что эта их стоимость выражена в их цене. В процессе *Т—Д—Т,* поскольку он представляется лишь как протекающее в виде процесса единство или как непосредственное превращение друг в друга обоих метаморфозов, — а таким он и представляется в сфере обращения, в которой функционирует знак стоимости, — меновая стоимость товаров получает в цене только идеальное, а в деньгах только представляемое, символическое существование. Меновая стоимость, таким образом, *только* проявляется как воображаемая или представляемая в виде вещи, но она не обладает никакой *реальностью,* кроме как в самих товарах, поскольку в них овеществлено определенное количество рабочего времени. Поэтому *кажется,* будто знак стоимости представляет *непосредственно* стоимость товаров, выступая не как знак золота, а как знак меновой стоимости, которая в цене лишь выражена, но существует только в самом товаре. Эта видимость, однако, ложна. Знак стоимости непосредственно есть только *знак цены,* следовательно, *знак золота,* и лишь окольным путем — знак стоимости

* — знак цены. *Ред.*

товара. Золото не продало, подобно Петеру Шлемилю, своей тени[27]; оно, наоборот, покупает своей тенью. Поэтому знак стоимости действует лишь постольку, поскольку он в процессе обращения представляет цену одного товара по отношению к другому товару или поскольку он по отношению к каждому товаровладельцу *представляет золото.* Определенная, относительно лишенная стоимости вещь, например, кусочек кожи, бумажка и т. д., становится первоначально в силу обычая знаком денежного материала, но утверждается в этой роли только тогда, когда бытие ее как символа гарантируется всеобщей волей товаровладельцев, т. е. когда она приобретает обусловленное законом бытие и, поэтому, принудительный курс. Государственные бумажные деньги с принудительным курсом есть законченная форма *знака стоимости* и единственная форма бумажных денег, которая вырастает непосредственно из металлического обращения или из простого товарного обращения. *Кредитные деньги* принадлежат к более высокой сфере общественного процесса производства и управляются совершенно другими законами. Символические бумажные деньги в сущности совершенно не отличаются от вспомогательной металлической монеты, они только действуют в более обширной сфере обращения. Если чисто техническое развитие масштаба цен или монетной цены и, далее, внешнее преобразование золота в слитках в золотую монету уже вызвали вмешательство государства и тем самым привели к явному отделению внутреннего обращения от всеобщего товарного обращения, то это отделение завершается развитием монеты. в знак стоимости. Деньги, как простое средство обращения, могут получить самостоятельное существование вообще только в сфере внутреннего обращения.

Наше изложение показало, что монетное бытие золота в виде знака стоимости, отделенного от самой золотой субстанции, возникает из самого процесса обращения, а не из какого-нибудь. соглашения или вмешательства государства. Россия представляет поразительный пример естественного возникновения знака стоимости. В те времена, когда деньгами там служили шкуры и меха, противоречие между этим неустойчивым и неудобным материалом и его функцией в качестве средства обращения породило обычай заменять его маленькими кусочками штемпелеванной кожи, которые таким образом превращались в ассигновки, подлежавшие оплате шкурами и мехами. Впоследствии эти кусочки кожи превратились под названием копеек в простые знаки долей серебряного рубля и в некоторых местах удержались в этой роли до 1700 г., когда Петр Великий

приказал обменять их на мелкие медные монеты, выпущенные государством[*]. Античные писатели, которые могли наблюдать только явления металлического обращения, уже рассматривали золотую монету как символ или знак стоимости. Таковы Платон[**] и Аристотель[***]. В странах, где кредит совершенно не развит, например в Китае, бумажные деньги с принудительным курсом встречаются уже очень рано[****]. У более поздних защитников бумажных денег также ясно указывается на то, что превращение металлической монеты в знак стоимости происходит

[*] Henry Storch. «Cours d'economie politique etc. avec des notes par J. B. Say». Paris, 1823, t. IV, p. 79 [Генрих Шторх. «Курс политической экономии и т. д. с примечаниями Ж. Б. Сэя». Париж, 1823, т. IV, стр. 79]. Шторх издал свое сочинение в Петербурге на французском языке. Ж. Б. Сэй немедленно перепечатал его в Париже, дополнив своими так называемыми «примечаниями», которые на самом деле не содержали в себе ничего, кроме общих мест. Шторх принял это дополнение «принца науки» к его сочинению отнюдь не любезно (см. его «Considerations sur la nature du revenu national», Paris, 1824 [«Соображения о природе национального дохода». Париж, 1824]).

[**] Plato. De Rep., L. II: «νομισμα ευμβολον τηζ αλλαγηζ», Opera omnia, etc., ed. G. Stallbaumius, London, 1850, p. 304 [Платон. «Республика», кн. II: «Деньги—знак обмена». Собрание Сочинений, и т. д., изд. Г. Штальбаума, Лондон, 1850, стр. 304]. Платон развивает понятие денег только в двух определениях, а именно как меры стоимостей и как знака стоимости; но кроме знака стоимости, служащего для внутреннего обращения, он требует другого знака стоимости для сношений с Грецией и другими странами (ср. также 5-ю книгу его «Законов»).

[***] Аристотель. «Никомахова этика», кн. 5, гл. 8: «Всеобщим средством обмена деньги сделались по соглашению. Они потому и называются νομισμα, что существуют не по природе, а по установлению (νομω), и в нашей власти заменить их и сделать бесполезными». Аристотель понял деньги несравненно многостороннее и глубже, чем Платон. В следующем отрывке он прекрасно объясняет, как из меновой торговли между различными общинами возникает необходимость придать характер денег какому-нибудь специфическому товару, т. е. субстанции, которая сама по себе имеет стоимость: «Когда стали более удаленными источники взаимной помощи, откуда можно было бы ввозить недостающие предметы и куда можно было бы вывозить свои излишки, неизбежно прибегли к употреблению денег... Пришли к соглашению давать и брать при взаимном обмене нечто такое, что, будучи ценным само по себе, было бы удобным в обиходе, — например, железо, серебро или что-нибудь в этом роде». Аристотель. «Политика», кн. I, гл. 9. Это место Мишель Шевалье, который либо не читал Аристотеля, либо не понял его, цитирует для доказательства того, что, согласно мнению Аристотеля, средство обращения должно состоять из субстанции, которая сама по себе имеет стоимость. Напротив, Аристотель ясно говорит, что деньги в качестве простого средства обращения существуют, по-видимому, только в силу соглашения или закона. Это доказывается уже их названием νομισμα, а также тем, что деньги в действительности получают свою потребительную стоимость в качестве монеты только от своей функции, а не от какой-нибудь потребительной стоимости, присущей им самим. «Деньги кажутся чем-то ничего не значащим, сплошной условностью, не имеющей ничего от природы, ибо вне обращения они теряют всякую стоимость и являются непригодными ни для чего». (Цитированное произведение [стр. 15]).

[****] Mandeville, Sir John. «Voyages and Travels». London, ed. 1705, p. 105 [Мандевиль, сэр Джон. «Путешествия и странствования». Лондон, изд. 1705, стр. 105]: «Этот император (китайский) может тратить столько, сколько хочет, без всякого расчета. Ибо он не тратит и не изготовляет никаких других денег, кроме как из штемпелеванной кожи или бумаги. И когда эти деньги обращаются так долго, что начинают портиться, люди несут их в императорское казначейство и там получают новые деньги взамен старых. И эти деньги ходят по всей стране и по всем ее провинциям... они не изготовляют денег ни из золота, ни из серебра», и, как полагает Мандевиль, «он может поэтому тратить непрестанно и безгранично».

в самом процессе обращения. В таком смысле высказываются Бенджамин Франклин[*] и епископ Беркли[**].

Сколько стоп бумаги, разрезанной на билеты, может обращаться в качестве денег? В такой постановке вопрос был бы нелеп. Знаки, не имеющие стоимости, суть знаки стоимости лишь постольку, поскольку они представляют в процессе обращения золото, а представляют они золото лишь постольку, поскольку оно само входило бы в процесс обращения в виде монеты, — это количество определяется его собственной стоимостью, если даны меновые стоимости товаров и скорость их метаморфозов. Билеты с наименованием в 5 ф. ст. могли бы обращаться только в количестве в пять раз меньшем, чем билеты с наименованием в 1 ф. ст., а если бы все платежи совершались в билетах в 1 шиллинг, то в обращении должно было бы находиться в 20 раз больше шиллинговых билетов, чем билетов в 1 фунт стерлингов. Если бы золотая монета была представлена билетами разного наименования, например, билетами в 5 ф. ст., 1 ф. ст. и 10 шилл., то количества этих различных видов знаков стоимости определялись бы не только количеством золота, необходимым для обращения в целом, но и количеством золота, необходимым для сферы обращения каждого отдельного вида билетов. Если бы 14 миллионов фунтов стерлингов (эта цифра принята английским банковым законодательством, но не для монеты, а для кредитных денег) составляли уровень, ниже которого обращение в данной стране никогда не падает, то могли бы обращаться 14 миллионов бумажных билетов, каждый из которых являлся бы знаком стоимости в 1 фунт стерлингов. Если стоимость золота упадет или повысится вследствие того, что уменьшилось или увеличилось необходимое для его производства рабочее время, то при неизменившейся меновой стоимости той же товарной массы количество обращающихся однофунтовых билетов увеличится или уменьшится в обратном отношении к изменению стоимости золота.

---

[*] Benjamin Franklin. «Remarks and facts relative to the American paper money». 1764, p. 348, 1. c. [Бенджамин Франклин. «Замечания и факты, касающиеся американских бумажных денег». 1764, стр. 348 цитированного издания]: «В настоящее время даже серебряные деньги в Англии обязаны частью своей стоимости своей роли законного платежного средства; это та часть стоимости, которая составляет разницу между их реальным весом и их наименованием. Бо́льшая часть шиллингов и шестипенсовых монет, обращающихся в настоящее время, от изнашивания потеряла в весе 5, 10 и 20%, а некоторые шестипенсовые монеты даже 50%. Этой разнице между *реальным* и *номинальным* содержанием не соответствует никакая внутренняя стоимость; ей не соответствует даже бумага, ей ничто не соответствует. Серебряная монета стоимостью в 3 пенса обращается как 6 пенсов только потому, что она — законное платежное средство, и все знают, что ее легко можно сбыть по той же стоимости».

[**] Беркли, цитированное произведение: «Если наименование монеты сохранится после того, как ее металл разделит судьбу всех тленных вещей, то разве несмотря на это не будет продолжаться торговля?»

Если бы золото в качестве меры стоимостей было заменено серебром, то — при отношении стоимости серебра к стоимости золота как 1:15 и при том условии, что впредь каждый билет будет представлять такое же количество серебра, как раньше золота, — в обращении должны были бы находиться вместо 14 миллионов уже 210 миллионов однофунтовых билетов. Количество бумажных билетов определяется, стало быть, количеством золотых денег, которые они замещают в обращении, а так как бумажные билеты — знаки стоимости лишь постольку, поскольку они замещают золотые деньги, то стоимость их определяется просто их *количеством.* Таким образом, в то время как количество обращающегося золота зависит от товарных цен, стоимость обращающихся бумажных билетов зависит, наоборот, исключительно от их собственного количества.

Кажется, будто вмешательство государства, выпускающего бумажные деньги с принудительным курсом, — а мы здесь говорим только о таких бумажных деньгах, — уничтожает экономический закон. Кажется, будто государство, которое в монетной цене только давало определенному весовому количеству золота определенное имя, а при чеканке монеты только накладывало на золото свой штемпель, превращает теперь магической силой своего штемпеля бумажки в золото. Так как бумажные билеты имеют принудительный курс, то никто не может помешать государству втиснуть в обращение произвольно большое количество этих билетов и напечатать на них любые монетные названия: 1 фунт стерлингов, 5 фунтов стерлингов, 20 фунтов стерлингов. Билеты, раз попавшие в обращение, не могут быть оттуда выброшены, так как пограничные столбы данного государства задерживают их движение и так как *вне* обращения они теряют всякую стоимость, как потребительную, так и меновую. Оторванные от своего функционального бытия, они превращаются в никчемные клочки бумаги. Однако эта власть государства — только иллюзия. Государство может бросить в обращение любое количество бумажных билетов с любыми монетными названиями, но этим механическим актом и прекращается его контроль. Захваченные обращением знаки стоимости, или бумажные деньги, подпадают под власть его имманентных законов.

Если бы 14 миллионов фунтов стерлингов составляли сумму золота, необходимую для товарного обращения, а государство бросило бы в обращение 210 миллионов бумажных билетов с наименованием каждого в 1 фунт стерлингов, то эти 210 миллионов билетов превратились бы в представителей золота на

общую сумму 14 миллионов фунтов стерлингов. Получилось бы то же самое, как если бы государство сделало однофунтовые бумажные билеты представителями другого, в 15 раз менее ценного металла или представителями количества золота, которое по весу в 15 раз меньше прежнего. Ничто не изменилось бы, кроме наименования масштаба цен, которое, естественно, носит условный характер, безразлично, изменяется ли оно прямо путем изменения содержания монеты или косвенно путем увеличения количества бумажных билетов в размере, соответствующем новому, более низкому масштабу. Так как название «фунт стерлингов» обозначало бы теперь в 15 раз меньшее количество золота, то все товарные цены повысились бы в 15 раз, и 210 миллионов однофунтовых билетов были бы теперь действительно столь же необходимыми, как раньше 14 миллионов. В той же мере, в которой увеличилась бы общая сумма знаков стоимости, уменьшилось бы количество золота, представляемого каждым отдельным знаком. Повышение цен было бы только реакцией процесса обращения, насильственно приравнивающего знаки стоимости к тому количеству золота, вместо которого они обращаются.

В истории порчи монеты английским и французским правительствами мы неоднократно встречаем, что цены повышались не в такой степени, в какой портилась серебряная монета. Это происходило просто потому, что степень, в которой количество монеты возрастало, не соответствовала той степени, в которой она фальсифицировалась, т. е. потому, что количество выпущенных монет с пониженным металлическим составом было недостаточным для того, чтобы меновые стоимости товаров впредь оценивались в этом металле как в мере стоимостей и реализовались посредством монет, соответствующих этой более низкой единице измерения. Этим разрешается затруднение, оставшееся неразрешенным в поединке между Локком и Лаундсом. Отношение, в котором знак стоимости, — безразлично, бумажные билеты или фальсифицированные золотые и серебряные монеты, — замещает весовое количество золота или серебра, соответствующее монетной цене, зависит не от материала самого этого знака, а от количества, в котором такие знаки находятся в обращении. Трудность понимания этого отношения происходит оттого, что деньги в обеих своих функциях, как мера стоимостей и как средство обращения, подчиняются законам, которые не только противоположны друг другу, но, по-видимому, противоречат противоположному характеру обеих этих функций. Для функции денег как меры стоимостей, в которой деньги служат лишь счетными деньгами,

а золото лишь идеальным золотом, решающее значение имеет природный материал денег. Меновые стоимости, оцененные в серебре, или в виде серебряных цен, имеют, естественно, совершенно другой вид, чем выражение в золоте или в виде золотых цен. Наоборот, в функции денег как средства обращения, в которой деньги не только выступают в представлении, но и должны быть в наличности как реальная вещь рядом с другими товарами, материал денег становится безразличным и все зависит от их количества. Для единицы измерения имеет решающее значение, является ли она фунтом золота, серебра или меди; наоборот, только число монет, независимо от их собственного материала, делает их соответственным воплощением каждой из этих единиц измерения. Но обыденному человеческому рассудку противоречит, что в деньгах, только мысленно представляемых, все зависит от их материальной субстанции, а в телесно существующей монете все зависит от идеального числового отношения.

Таким образом, повышение или падение товарных цен в зависимости от увеличения или уменьшения массы бумажных билетов, — последнее там, где средством обращения служат исключительно бумажные билеты, — есть только насильственное осуществление процессом обращения закона, механически нарушенного извне, закона, по которому количество находящегося в обращении золота определяется товарными ценами, а количество находящихся в обращении знаков стоимости — количеством золотой монеты, замещаемой ими в обращении. Поэтому, с другой стороны, какая угодно масса бумажных билетов поглощается и как бы переваривается процессом обращения, так как знак стоимости, с каким бы золотым титулом он ни вступал в обращение, в сфере последнего сжимается в знак того количества золота, которое могло бы обращаться вместо него.

В обращении знаков стоимости все законы действительного денежного обращения выступают перевернутыми и поставленными на голову. В то время как золото обращается потому, что имеет стоимость, бумажные деньги имеют стоимость потому, что они обращаются. В то время как при данной меновой стоимости товаров количество находящегося в обращении золота зависит от его собственной стоимости, стоимость бумажных денег зависит от находящегося в обращении их количества. В то время как количество находящегося в обращении золота увеличивается или уменьшается вместе с повышением или падением товарных цен, товарные цены повышаются или падают, по-видимому, в зависимости от изменения количества

бумажных денег, находящихся в обращении. В то время как товарное обращение может поглотить только определенное количество золотой монеты и потому попеременное сокращении и увеличение количества обращающихся денег представляется необходимым законом, — бумажные деньги могут вступать в обращение, по-видимому, в любом количестве. В то время, как государство фальсифицирует золотую и серебряную монету и тем самым нарушает функционирование ее в качество средства обращения, если оно выпускает монету хотя бы только на $^{1}/_{100}$ грана ниже ее номинального содержания, оно совершает вполне правильную операцию, выпуская лишенные стоимости бумажные билеты, не имеющие с металлом ничего общего,. кроме их монетного названия. В то время как золотая монета, очевидно, представляет стоимость товаров лишь постольку, поскольку последняя сама выражена в золоте или представлена в виде цены, кажется, будто знак стоимости представляет непосредственно стоимость товара. Отсюда ясно, почему исследователи, изучавшие явления денежного обращения односторонне, на обращении бумажных денег с принудительным курсом, не могли правильно понять все имманентные законы денежного обращения. Действительно, в обращении знаков стоимости эти законы не только извращены, но и незаметны, так как бумажные деньги, выпущенные в надлежащем количестве, совершают такие движения, которые им, как знакам стоимости, несвойственны, между тем как свойственное им самим движение, вместо того, чтобы проистекать непосредственно из метаморфоза товаров, возникает из нарушения правильной пропорции между бумажными деньгами и золотом.

3. ДЕНЬГИ

Деньги в отличие от монеты, будучи результатом процесса обращения в форме *Т— Д—Т,* образуют исходный пункт процесса обращения в форме *Д—Т—Д,* т. е. обмена денег на товар с целью обмена товара на деньги. В форме *Т—Д—Т* исходный и конечный пункты движения образует товар, а в форме *Д—Т—Д —* деньги. В первой форме деньги опосредствуют обмен товаров, во второй форме товар опосредствует превращение денег в деньги. Деньги, которые в первой форме являются простым средством, во второй форме являются конечной целью обращения; товар же, который в первой форме является конечной целью, во второй является простым средством. Так как деньги сами суть уже результат обращения *Т—Д—Т,* то в форме *Д—Т—Д* результат обращения

выступает вместе с тем его исходным пунктом. В то время как в *Т—Д—Т* действительное содержание процесса составляет обмен веществ, действительное содержание второго процесса *Д—Т—Д* составляет само бытие формы товара, вытекающее из этого первого процесса.

В форме *Т—Д—Т* оба крайних члена суть товары одной и той же величины стоимости, но вместе с тем качественно различные потребительные стоимости. Их обмен *Т—Т* есть действительный обмен веществ. Напротив, в форме *Д—Т—Д* оба крайних члена суть золото, и притом золото одной и той же величины стоимости. Обменивать золото на товар для того, чтобы обменять товар на золото, или, рассматривая результат *Д—Д,* обменивать золото на золото кажется нелепым. Если, однако, выразить *Д—Т—Д* формулой: *купить* для того, чтобы *продать,* — что означает не что иное, как обменивать при помощи опосредствующего движения золото на золото, — то мы тотчас же узнаем в ней господствующую форму буржуазного производства. На практике, однако, не просто покупают, чтобы продать, но покупают дешево, чтобы продать дороже. Деньги обмениваются на товар для того, чтобы этот же товар снова обменять на большее количество денег, так что крайние члены *Д* и *Д* различны, если не качественно, то количественно. Такое количественное различие предполагает *обмен неэквивалентов,* между тем как товар и деньги, как таковые, суть только противоположные формы самого товара, стало быть, различные формы существования одной и той же величины стоимости. Следовательно, кругооборот *Д—Т—Д* скрывает под формами денег и товара более развитые производственные отношения и представляет собой в сфере простого обращения лишь отражение более сложного движения. Поэтому мы должны деньги, в отличие от средств обращения, выводить из непосредственной формы товарного обращения *Т—Д—Т.*

Золото, т. е. специфический товар, который служит мерой стоимостей и средством обращения, становится без дальнейшего содействия со стороны общества *деньгами.* В Англии, где серебро не представляет собой ни меры стоимостей, ни господствующего средства обращения, оно не становится и деньгами, точно так же, как в Голландии золото перестало быть деньгами со времени его низвержения как меры стоимостей. Следовательно, товар становится деньгами прежде всего как единство меры стоимостей и средства обращения, или — единство меры стоимостей и средства обращения есть деньги. Но в качестве такого единства золото обладает и самостоятельным существованием, отличным от его бытия в обеих

этих функциях. Как мера стоимостей, золото есть только идеальные деньги и идеальное золото; как простое средство обращения, оно есть символические деньги и символическое золото; но в своей простой металлической телесности золото есть деньги или деньги — действительное золото.

Рассмотрим теперь находящийся в покое товар золото, который, представляет собой деньги, в его отношении к другим товарам. Все товары представляют в своих ценах определенную сумму золота; они суть, следовательно, только представляемое золото или представляемые деньги, *представители золота,* тогда как, наоборот, в качестве знака стоимости деньги выступали только простым представителем товарных цен*. Так как, следовательно, все товары суть только представляемые деньги, то деньги суть единственный действительный товар. В противоположность товарам, которые только представляют самостоятельное бытие меновой стоимости, всеобщего общественного труда, абстрактного богатства, золото есть *материальное бытие абстрактного богатства.* Со стороны потребительной стоимости каждый товар выражает своим отношением к особой потребности только один момент вещественного богатства, только одну отдельную сторону богатства. Деньги же удовлетворяют всякую потребность, поскольку они могут быть непосредственно обменены на предмет любой потребности. Их собственная потребительная стоимость реализуется в бесконечном ряде потребительных стоимостей, составляющих эквивалент денег. В своей солидной металлической плоти они содержат в нераскрытом виде все вещественное богатство, развернутое в мире товаров. Таким образом, если товары в своих ценах являются представителями всеобщего эквивалента, или абстрактного богатства, золота, то золото в своей потребительной стоимости является представителем потребительных стоимостей всех товаров. Следовательно, золото — *материальный представитель вещественного богатства.* Оно — «precis de toutes les choses»** *(Буагильбер),* компендиум общественного богатства. Оно одновременно по форме — непосредственное воплощение всеобщего труда, а по содержанию — совокупность всех реальных видов труда. Оно есть всеобщей богатство как индивидуум***. В своей роли посредника

* «Не только благородные металлы являются представителями вещей... но и, наоборот, вещи... являются представителями золота и серебра». A. Genovesi. «Lezioni di Economia civile» (1765), p. 281 [А. Дженовези. «Лекции по гражданской экономике» (1765), стр. 281] в издании Кустоди. Современные экономисты, т. VIII.

** — «итог всех вещей». *Ред.*

*** Петти: «Золото и серебро суть «universel wealth» [«всеобщее богатство»]», «Политическая арифметика», стр. 242.

обращения золото терпело всякого рода невзгоды, оно обрезывалось и даже утончалось до простого символического клочка бумаги. Но в качестве денег оно вновь обретает свое золотое величие. Из слуги оно становится господином*, из простого подручного — богом товаров**.

a) Образование сокровищ

Золото в качестве денег первоначально отделилось от средства обращения вследствие того, что товар прервал процесс своего метаморфоза и застыл в виде золотой куколки. Это происходит каждый раз, когда продажа не переходит в покупку. Таким образом, самостоятельное обособление золота в качестве денег есть прежде всего наглядное выражение распадения процесса обращения или метаморфоза товара на два отдельных, существующих независимо друг от друга акта. Сама монета становится деньгами, как только ее движение прерывается. В руках продавца, который получил ее за свой товар, она представляет собой деньги, а не монету; как только она уходит из его рук, она становится опять монетой. Каждый является продавцом того одностороннего товара, который он производит, и покупателем всех других товаров, которые ему нужны для общественного существования. В то время как его выступление в качестве продавца зависит от рабочего времени, необходимого для производства его товара, его выступление в качестве покупателя обусловлено постоянным возобновлением его жизненных потребностей. Чтобы иметь возможность покупать, не продавая, он должен был продавать, не покупая. В действи-

* E. Misselden. «Free trade or the means to make trade florish etc.». London, 1622 [Э. Мисселден. «Свободная торговля или средство сделать торговлю процветающей и т. д.». Лондон, 1622]. «Естественным предметом торговли является товар, which merchants from the end of the trade have stiled comodities [то что по окончании производства купцы признают полезностью]. Искусственный предмет торговли — это деньги, получившие название of sinewes of warre and of state [нервов войны и государства]. Хотя деньги и по природе вещей, и по времени появляются после товара yet for as much as it is now in use has become the chiefe [но в настоящее время они на практике получили первенствующее значение]» (стр. 7). Он сравнивает товар и деньги с «двумя сыновьями древнего Иакова, который правую руку возложил на младшего сына, а левую — на старшего» (цитированное произведение). Boisguillebert. «Dissert, sur la nature des richesses etc.», 1. c. (p. 395, 399) [Буагильбер. «Трактат о природе богатств и т. д.», цитированное издание (стр. 395, 399)] ... «и вот раб торговли становится ее господином... Бедствия народов происходят только оттого, что бывшего раба сделали господином, или, вернее, тираном».

** Буагильбер: «Из этих металлов (золота и серебра) сделали идола и, пренебрегая целью и намерением, ради которых они были введены в торговлю, — а именно, чтобы служить залогом при обмене и взаимной передаче, — их почти отстранили от выполнения этой службы и превратили в божества, которым приносили и продолжают приносить в жертву больше богатств, драгоценностей и даже жизней человеческих, чем слепая древность когда-либо приносила в жертву этим ложным божествам» (цитированное произведение, стр. 395).

тельности обращение *Т—Д—Т* есть находящееся в состоянии процесса единство продажи и покупки лишь постольку, поскольку оно вместе с тем есть постоянный процесс их отделения. Для того, чтобы деньги постоянно текли как монета, монета должна постоянно оседать в виде денег. Постоянное обращение монеты обусловлено постоянной задержкой со в больших или меньших количествах в резервных монетных фондах, повсюду возникающих в сфере обращения и вместе с тем обусловливающих его; образование, распределение, исчезновение и возобновление этих резервных фондов постоянно изменяются, их существование постоянно исчезает, их исчезновение постоянно имеет место. Адам Смит выразил это беспрестанное превращение монеты в деньги и денег в монету таким образом, что каждый товаровладелец наряду с тем особым товаром, который он продает, должен постоянно иметь в запасе известную сумму всеобщего товара, на которую он покупает. Мы видели, что в обращении *Т—Д—Т* второй член *Д—Т* расщепляется на ряд покупок, которые совершаются не сразу, а последовательно во времени, так что одна часть *Д* обращается в качестве монеты, в то время как другая часть покоится в качестве денег. Деньги здесь в сущности только *отложенная монета,* и отдельные составные части находящейся в обращении монетной массы всегда появляются попеременно то в одной форме, то в другой. Следовательно, это первое превращение средства обращения в деньги представляет лишь технический момент самого денежного обращения[*].

Первая, естественно возникшая форма богатства, это — излишек, или избыток продуктов, т. е. та часть продуктов, которая не нужна непосредственно в качестве потребительной стоимости, или же владение такими продуктами, потребительная стоимость которых находится вне круга первых необходимых потребностей. При рассмотрении перехода товара в деньги мы видели, что именно этот излишек, или избыток, продуктов на неразвитых ступенях производства образует сферу товарного обмена. Избыточные продукты становятся продуктами, способными к обмену, или товарами. Адекватной формой существования этого излишка являются золото и серебро, первая

[*] Буагильбер в первом же переходе денег, этого perpetuum mobile, в неподвижное состояние, т. е. в отрицании их функционального бытия в качестве средства обращения, предугадывает самостоятельное обособление денег по отношению к товарам. Деньги, — говорит он, — должны находиться «в непрерывном движении, а это возможно только до тех пор, пока они обладают подвижностью; как только они становятся неподвижными, все погибло» («Розничная торговля Франции», стр. 213). Он не понимает, что эта остановка денег есть условие их движения. В сущности он хочет, чтобы стоимостная форма товаров выступала только мимолетной формой их обмена веществ, но никогда не закреплялась как самоцель.

форма, в которой богатство утверждается как абстрактное общественное богатство. Товары не только могут сохраняться в форме золота и серебра, т. е. в денежном материале, но золото и серебро суть богатство в сохранной форме. Каждая потребительная стоимость как таковая служит тем, что она потребляется, т. е. уничтожается. А потребительная стоимость золота как денег состоит в том, чтобы быть носителем меновой стоимости, чтобы в качестве бесформенного сырья быть материализацией всеобщего рабочего времени. В виде бесформенного металла меновая стоимость обладает непреходящей формой. Золото или серебро, приведенные таким образом в виде денег в неподвижное состояние, суть *сокровище.* У народов с чисто металлическим обращением, например у древних, образование сокровищ представляет собой повсеместный процесс, который осуществляется как отдельными лицами, так и государством, охраняющим свое государственное сокровище. В более древние времена, в Азии и в Египте, эти сокровища, охраняемые царями и жрецами, выступают скорее как свидетельство их могущества. В Греции и в Риме образование государственных сокровищ, как всегда надежной и всегда готовой к использованию формы избытков, становится задачей политики. Быстрое перемещение таких сокровищ из одной страны в другую завоевателями и их частичный внезапный прилив в обращение составляют особенность античной экономики.

Как *овеществленное рабочее время,* золото гарантирует величину своей собственной стоимости, а так как оно есть материализация *всеобщего* рабочего временя, то процесс обращения гарантирует ему его постоянное действие в качестве меновой стоимости. Благодаря одному тому факту, что товаровладелец может сохранить товар в его форме меновой стоимости или же самое меновую стоимость как товар, обмен товаров с целью получить их обратно в превращенном образе золота становится собственным мотивом обращения. Метаморфоз товара *Т—Д* происходит ради самого его метаморфоза с целью превратить товар из особенного естественного богатства во всеобщее общественное богатство. Вместо обмена веществ самоцелью становится смена форм. Из простой формы меновая стоимость превращается в содержание движения. Товар сохраняется как богатство, как товар, лишь постольку, поскольку он сохраняется в пределах сферы обращения, а в этом текучем состоянии он сохраняется лишь постольку, поскольку затвердевает в виде серебра и золота. Он остается в потоке как кристалл процесса обращения. Между тем, сами золото и серебро фиксируются в качестве денег лишь постольку, поскольку они

не являются средствами обращения. Как не средства обращения они становятся деньгами. Следовательно, извлечение товара из обращения в форме золота есть единственное средство постоянно удерживать товар в сфере обращения.

Товаровладелец может получить обратно из обращения в виде денег лишь столько, сколько он дает обращению в виде товара. Постоянно продавать, непрерывно бросать товары в обращение, — таково поэтому первое условие образования сокровищ с точки зрения товарного обращения. С другой стороны, деньги как средство обращения постоянно исчезают в самом процессе обращения, поскольку они постоянно реализуются в потребительных стоимостях и уничтожаются в преходящем потреблении. Поэтому деньги должны быть вырваны из пожирающего потока обращения, или товар должен быть задержан в своем первом метаморфозе с тем, чтобы помешать деньгам выполнять их функцию покупательного средства. Товаровладелец, ставший теперь собирателем сокровищ, должен как можно больше продавать и как можно меньше покупать, как этому учил уже старый Катон: patrem familias vendacem, non emacem esse[28]. Как трудолюбие — положительное, так бережливость — отрицательное условие образования сокровищ. Чем в меньшей степени эквивалент товара извлекается из обращения в виде особенных товаров или потребительных стоимостей, тем в большей степени он извлекается оттуда в форме денег или меновой стоимости[*]. Следовательно, присвоение богатства в его всеобщей форме обусловливает отречение от богатства в его вещественной реальности. Поэтому жизненный стимул собирания сокровищ, это — *скупость,* для которой потребностью является не товар как потребительная стоимость, а меновая стоимость как товар. Чтобы овладеть излишком в его всеобщей форме, особые потребности должны рассматриваться как роскошь и излишества. Так, в 1593 г. кортесы сделали Филиппу II представление, в котором между прочим говорится:

«Кортесы Вальядолида в 1586 г. просили Ваше величество не разрешать впредь ввоза в королевство свечей, стеклянных товаров, ювелирных изделий, ножей и тому подобных вещей, которые привозятся из-за границы с целью обмена этих столь бесполезных для человеческой жизни вещей на золото, как будто бы испанцы — *индейцы*».

Собиратель сокровищ презирает светские, временные и преходящие наслаждения, гоняясь за вечным сокровищем, которого не ест ни тля, ни ржа, которое является всецело небесным и в то же время всецело земным.

[*] «Чем более возрастает запас в товарах, тем более уменьшается запас, существующий в виде сокровища (in treasure)». Мисселден, цитированное произведение, стр. 23.

«Всеобщая конечная причина нашего недостатка в золоте», —говорит Мисселден в указанном сочинении, — «заключается в большом излишестве в потреблении нашим королевством иноземных товаров, которые вместо того, чтобы быть для нас commodities*, оказываются для нас discommodities**, так как они лишают нас столь многих сокровищ, которые в противном случае ввозились бы вместо этих безделушек (toys). Мы потребляем у себя в очень большом избытке вина из Испании, Франции, Рейнской провинции, Леванта; изюм из Испании, коринку из Леванта, линобатист (сорт тонкого полотна) и батист из Эно, шелковые изделия из Италии, сахар и табак из Вест-Индии, пряности из Ост-Индии — все это не является для нас *абсолютной потребностью,* и тем не менее эти вещи мы покупаем за чистое золото»***.

Золото и серебро — богатство непреходящее как потому, что их меновая стоимость существует в неразрушимом металле, так и потому особенно, что золоту и серебру в качестве средства обращения препятствуют стать лишь мимолетной денежной формой товара. Преходящее содержание приносится таким образом в жертву непреходящей форме.

«Если посредством налогов деньги отбираются у того, кто их проедает и пропивает, и передаются тому, кто употребляет их на улучшение земли, рыболовство, горное дело, мануфактуры или даже на платье, то для общества это всегда представляет выгоду, потому что даже платье имеет не столь преходящий характер, как пища и напитки. Если деньги употребляются на домашнюю мебель, то выгода тем больше; она будет еще больше, если деньги употребляются на постройку домов и т. д., и больше всего, если в страну привозятся золото и серебро, так как только эти вещи имеют непреходящий характер и ценятся как богатство во все времена и повсеместно; все прочее есть богатство лишь pro hic et nunc [в определенном месте и времени]»****.

Извлечение денег из потока обращения и предохранение их от общественного обмена веществ проявляется также внешним образом в *закапывании* денег в землю, так что общественное богатство, как скрытое под землей, непреходящее сокровище превращается в совершенно тайное частное отношение к товаровладельцу. Доктор Бернье, который провел некоторое время в Дели при дворе Аурензеба, рассказывает, как купцы тайно закапывают свои деньги глубоко в землю, особенно немагометане-язычники, которые держат в своих руках почти всю торговлю и все деньги; они

«проникнуты верой, что золото и серебро, которые они зарывают при жизни, будут служить им после смерти в загробном мире»*****.

* — полезными. *Ред.*
** — вредными. Ред.
*** Цитированное произведение, стр. 11—13 и сл.
**** Петти. «Политическая арифметика», стр. 196.
***** Francois Bernier. «Voyage contenant la description des etats du Grand Mogol», tome I, conf. p. 312—314 [Франсуа Бернье. «Путешествие по государствам Великого Могола», т. I, ср. стр. 312—314], парижское издание 1830 года.

Впрочем, собиратель сокровищ, поскольку его аскетизм связан с деятельным трудолюбием, по своей религии в сущности — протестант и еще более пуританин.

«Нельзя отрицать, что купля и продажа — вещь нужная, без которой нельзя обойтись; ведь можно покупать по-христиански, особенно вещи, служащие потребностям и приличию, ибо и патриархи покупали и продавали скот, шерсть, хлеб, масло, молоко и прочие блага. Это — дары бога, которые он берет из земли и делит между людьми. Но внешняя торговля, которая из Калькутты, Индии и т. п. доставляет товары вроде драгоценных шелков, золотых изделий и пряностей, служащих только роскоши, а не для пользы, и высасывает из страны и из населения деньги, — не должна была бы допускаться, если бы мы имели единое правление и государя. Но об этом я не хочу теперь писать, ибо я полагаю, что в конце концов, когда мы больше не будем иметь денег, эта торговля прекратится сама собой, равно как роскошь и обжорство: ведь никакие писания и поучения не помогут, пока нас не принудят нужда и нищета»*.

В периоды потрясений в общественном обмене веществ даже в развитом буржуазном обществе имеет место закапывание о землю денег как сокровище. Общественная связь в ее компактной форме — для товаровладельца эта связь состоит в товаре, а адекватное бытие товара суть деньги—предохраняется от общественного Движения. Общественный nervus rerum** предается земле вместе с телом, нервом которого он служит.

Сокровище было бы лишь бесполезным металлом, его денежная душа покинула бы его, и оно сохранилось бы как перего-

* Dr. Martin Luther. «Bucher vom Kaufhandel und Wucher». 1524 [Д-р Мартин Лютер. «Книги о торговле и ростовщичестве». 1524]. В том же месте Лютер говорит: «По попущению божию мы, немцы, должны отдавать свое золото и серебро в чужие страны, обогащать весь мир, а сами оставаться нищими. Англия имела бы меньше золота, если бы Германия оставляла ей ее сукно, и король португальский также имел бы меньше золота, если бы мы оставляли ему его пряности. Если ты подсчитаешь, сколько денег без надобности и причин вывозится из немецких государств на одну только франкфуртскую ярмарку, то ты удивишься, каким образом в немецких государствах остается еще хоть один грош. Франкфурт, это — серебряная и золотая дыра, через которую из немецкой земли вытекает все, что только создается и растет, чеканится и превращается в монету у нас; если бы эта дыра была заткнута, не приходилось бы теперь слышать жалоб, что повсюду одни только долги и нет денег, что все деревни и города разорены ростовщическими долгами. Но пусть все идет, как должно идти: мы, немцы, должны остаться немцами! Мы не отступим, ведь мы должны».

Мисселден в вышеназванном сочинении хочет удержать золото и серебро, по крайней мере, в кругу христианских народов. «Денег становится меньше вследствие торговли с нехристианскими странами, с Турцией, Персией и Ост-Индией. Эта торговля ведется большей частью на наличные деньги, однако совершенно иначе, чем торговля между самими христианами. Ибо, хотя торговля в пределах христианского мира ведется на наличные деньги, но деньги остаются постоянно заключенными в границах этого мира. Действительно, в торговле между христианскими странами существуют течения и противотечения, приливы и отливы денег, потому что иногда в одном месте имеется денег больше, в другом месте меньше, в зависимости от того, что одна страна испытывает недостаток, а другая имеет избыток; деньги приходят, уходят и обращаются в кругу христианских народов, но остаются всегда в его пределах. Деньги же, которые вывозятся для торговли с нехристианскими народами в вышеуказанные страны, всегда расходуются и никогда не возвращаются назад».

** — буквально: нерв вещей, в переносном смысле — движущая сила всех вещей. *Ред.*

ревший пепел обращения, как его caput mortuum*, если бы оно не стремилось постоянно к обращению. Деньги, или ставшая самостоятельной меновая стоимость, по своему качеству есть бытие абстрактного богатства, но, с другой стороны, всякая данная сумма денег есть количественно ограниченная величина стоимости. Количественная граница меновой стоимости противоречит ее качественной всеобщности,. и собиратель сокровищ чувствует эту границу как предел, который в действительности превращается вместе с тем в качественный предел или делает сокровище лишь ограниченным представителем вещественного богатства. Деньги как всеобщий эквивалент, как мы видели, непосредственно представляются в виде уравнения, в котором они сами составляют одну сторону, а бесконечный ряд товаров — другую сторону. От величины меновой стоимости зависит, насколько деньги в своей реализации приближаются к такому бесконечному ряду, т. е. насколько они соответствуют своему понятию меновой стоимости. Движение меновой стоимости, как меновой стоимости, как автомата, вообще может заключаться только в том, чтобы выходить за свою количественную границу. Но как только переступается одна количественная граница сокровища, создается новый предел, который должен быть опять устранен. Пределом оказывается не какая-либо определенная граница сокровища, а всякая его граница. Образование сокровища не имеет, стало быть, в самом себе никакой имманентной границы, никакой меры, а есть бесконечный процесс, который в достигнутом им каждый раз результате находит мотив своего начала. Если сокровище умножается только потому, что оно сохраняется, то и наоборот, оно сохраняется только потому, что оно умножается.

Деньги представляют собой не только *один* из предметов страсти к обогащению, но *единственный* ее предмет. Эта страсть по существу есть auri sacra fames**. Страсть к обогащению, в отличие от страсти к определенному натуральному богатству или к потребительным стоимостям, как, например, к платью, украшению, стадам и т. п., возможна только тогда, когда всеобщее богатство как таковое индивидуализируется в особой вещи и потому может сохраниться в виде отдельного товара. Таким образом, деньги выступают как предметом, так и источником страсти к обогащению***. В сущности в основе здесь

* — буквально: мертвая голова, здесь в смысле: мертвые останки. *Ред.*

** — проклятая страсть к золоту. *Ред.*

*** «В деньгах кроется источник скупости ... постепенно она разгорается до безумия: это уже не скупость, а страсть к золоту». Plin. «Hist. nat.», L. XXXIII, c. III, [sect. 14] [Плиний. «Естественная история», кн. XXXIII, гл. III, параграф 14].

лежит то, что меновая стоимость как таковая, а тем самым и ее умножение, становится целью. Скупость сохраняет сокровище, не позволяя деньгам стать средством обращения, но жажда золота сохраняет денежную душу сокровища, его постоянное стремление к обращению.

Деятельность, посредством которой образуется сокровище, представляет собой, с одной стороны, извлечение денег из обращения путем постоянно повторяемых продаж, а с другой стороны — простое собирание, *накопление.* В сущности, только в сфере простого обращения, и именно в форме образования сокровищ, имеет место накопление богатства как таковое, в то время как остальные так называемые формы накопления, как мы увидим позднее, считаются накоплением ошибочно, лишь вследствие того, что они напоминают простое денежное накопление. Все другие товары накопляются или в виде потребительных стоимостей, и в таком случае способ их накопления определяется особенностью их потребительной стоимости. Накопление хлеба, например, требует особых приспособлений. Накопление овец делает меня пастухом, накопление рабов и земли делает необходимыми отношения господства и подчинения и т. д. Собирание запасов особенных видов богатства требует особых процессов, отличных от простого акта накопления самого по себе и развивает особые стороны индивидуальности. Или же богатство в форме товаров накопляется как меновая стоимость, и тогда накопление выступает как торговая или специфически экономическая операция. Субъект этой операции становится хлеботорговцем, скототорговцем и т. п. Золото и серебро суть деньги не благодаря какой-либо деятельности индивидуума, который их накопляет, а как кристаллы процесса обращения, протекающего без его содействия. Ему не приходится делать ничего другого, как только откладывать золото и серебро и присоединять одно весовое их количество к другому, — совершенно бессодержательная деятельность, которая, будучи применена ко всем другим товарам, обесценила бы их[*].

---

[*] Гораций, следовательно, ничего не понимает в философии собирания сокровищ, когда говорит (Satir. L. II, Satir 3. [Вторая книга сатир. Сатира 3]):

«Ежели цитр кто накупит и в общую сложит их груду,
Сам не учася на цитре, из муз не любя ни единой,
Если с ножом и колодками сам не сапожник, а также
Купит морских парусов, ненавидя торговлю, безумцем
По справедливости он прослывет. От таких чем отличен
Тот, кто деньги и золото прячет, не зная, что делать
С тем, что скопил, и боясь коснуться его, как святыни?»

Господин *Сениор* понимает это дело лучше: «Деньги, по-видимому, единственный предмет, стремление к которому является всеобщим, и это происходит потому, что деньги — *абстрактное богатство,* и люди, владея ими, могут удовлетворять все свои потребности, какого бы рода они ни были». «Principes tondamentaux de l'Ec. pol.», traduit par le comte Jean Arrivabene, Paris, 1836, p. 221 [«Основные принципы политической экономии», перевод графа Жана Аривабена, Париж, 1836, стр. 221]; или *Шторх:* «Так как деньги являются представителем всех других богатств, то достаточно накопить их, чтобы можно было приобрести все существующие в мире виды богатства» (цитированное произведение, т. 2, стр. 135).

Наш собиратель сокровищ выступает мучеником меновой стоимости, благочестивым аскетом на вершине металлического столба. Он имеет дело только с богатством в его общественной форме и поэтому прячет его от общества. Он жаждет товара в его постоянно пригодной для обращения форме и поэтому извлекает его из обращения. Он мечтает о меновой стоимости и поэтому не обменивает. Текучая форма богатства и его окаменелая форма, жизненный эликсир и философский камень, как в алхимии, яростно сталкиваются друг с другом. В своей воображаемой безграничной жажде наслаждений он отказывается от всякого наслаждения. Желая удовлетворить все общественные потребности, он едва удовлетворяет свои естественно-необходимые потребности. Сохраняя богатство в его металлической телесности, он превращает его в простой призрак. В сущности накопление денег ради денег есть варварская форма производства ради производства, т. е. развитие производительных сил общественного труда за пределы обычных потребностей. Чем менее развито товарное производство, тем более важное значение имеет это первое самостоятельное обособление меновой стоимости в виде денег, собирание сокровищ, которое играет поэтому большую роль у древних народов, в Азии до настоящего времени, и у современных земледельческих народов, где меновая стоимость еще не охватила всех производственных отношений. Специфически экономическую функцию образования сокровищ в сфере самого металлического обращения мы сейчас рассмотрим, но прежде отметим еще другую форму образования сокровищ.

Серебряные и золотые товары, совершенно независимо от своих эстетических свойств, могут быть — поскольку материал, из которого они состоят, представляет собой денежный материал — превращены в деньги, так же как золотые деньги или золотые слитки могут быть превращены в эти товары. Так как золото и серебро представляют собой материал абстрактного богатства, то наилучший способ демонстрации богатства заключается в употреблении их как конкретных потребительных стоимостей, и если на известных ступенях производства товаровладелец прячет свое сокровище, то повсюду, где он может делать это с безопасностью, он чувствует влечение вы-

ступить перед другими товаровладельцами в качестве rico hombre*. Он позолачивает себя и свой дом**. В Азии, в частности в Индии, где образование сокровищ не является подчиненной функцией механизма производства в целом, как в буржуазной экономии, но где богатство в этой форме остается конечной целью, золотые и серебряные товары представляют собой в сущности лишь эстетическую форму сокровища. В средневековой Англии золотые и серебряные товары рассматривались законом как простая форма сокровища, так как стоимость их лишь в незначительной мере увеличивалась от прибавленного к ним простого труда. Назначение их заключалось в том, чтобы вновь быть брошенными в обращение, и поэтому проба их предписывалась с такой же точностью, как и проба самих монет. Возрастающее потребление золота и серебра как предметов роскоши вместе с возрастанием богатства представляет собой такую простую вещь, что древним она была вполне понятна***, тогда как современные экономисты выдвинули ложное положение, будто потребление серебряных и золотых товаров возрастает не пропорционально росту богатства, а лишь пропорционально падению стоимости благородных металлов, Поэтому данные этих экономистов о потреблении калифорнийского и австралийского золота, в остальном точные, обнаруживают всегда пробел, так как возросшее потребление золота в качестве сырого материала, согласно их ошибочному представлению, не оправдывается соответствующим падением его стоимости. За время с 1810 по 1830 год, вследствие войны американских колоний с Испанией[29] и перерыва в работе рудников, вызванного революциями, среднегодовое производство благородных металлов сократилось более чем наполовину. В 1829 г., по сравнению с 1809 г., убыль монет, находящихся в обращении в Европе, составляла почти $^{1}/_{6}$. Таким образом, хотя размеры производства сократились и издержки производства, — если они вообще изменились, — возросли, тем не менее потребление благородных металлов как предметов роскоши чрезвычайно возросло, в Англии уже во время войны, а на континенте со времени Парижского мира. Оно повысилось вместе с ростом всеобщего богатства****. В качестве всеобщего

* — богатого человека. *Ред.*

** Насколько внутренний человек товарного индивидуума остается не изменившимся даже там, где последний цивилизуется и развивается в капиталиста, показывает пример лондонского представителя одного международного банкирского дома, повесившего за стеклом и в раме в качестве подобающего фамильного герба банкноту в 100000 фунтов стерлингов. Вся соль заключается здесь в том, что эта банкнота насмешливо и свысока взирает на обращение.

*** См. цитируемое ниже место из Ксенофонта.

**** Джейкоб, цитированное произведение, т. II, гл. 25 и 26.

закона можно выставить положение, что превращение золотых и серебряных денег в предметы роскоши происходит преимущественно в мирное время, а обратное превращение их в слитки, а также в монеты — только в бурные времена*. Насколько значительно отношение золотого и серебряного сокровища, существующего в форме предметов роскоши, к благородному металлу, служащему в качестве денег, можно видеть из того, что в 1829 г. это отношение, по данным Джейкоба, составляло в Англии 2:1, а во всей Европе и Америке количество благородного металла в предметах роскоши было на $^{1}/_{4}$ больше, чем в деньгах.

Мы видели, что денежное обращение есть только проявление метаморфоза товаров, или смены форм, в которой совершается общественный обмен веществ. Поэтому при изменении суммы цен находящихся в обращении товаров или объема их одновременных метаморфозов, с одной стороны, и при данной каждый раз быстроте смены их форм, с другой стороны, общее количество золота, находящегося в обращении, должно было постоянно увеличиваться или уменьшаться; а это возможно лишь при условии, если общее количество денег, имеющихся в данной стране, находится в постоянно изменяющемся отношении к количеству денег, находящихся в обращении. Это условие выполняется посредством образования сокровищ. Если цены падают или скорость обращения увеличивается, то резервуары сокровищ поглощают часть денег, выпадающую из обращения; если же цены повышаются или скорость обращения уменьшается, то сокровища открываются и частично приливают обратно в обращение. Это застывание обращающихся денег в форме сокровища и приливы сокровищ в обращение представляют собой постоянно изменяющееся колебательное движение, в котором преобладание того или другого направления определяется исключительно колебаниями товарного обращения. Сокровища выступают, таким образом, как приводные и отводные каналы находящихся в обращении денег, так что в качестве монеты всегда обращается лишь такое количество денег, которое обусловлено непосредственными потребностями самого обращения. Если объем обращения в целом вдруг расширяется и преобладает текучее единство покупок и продаж, и при этом общая сумма подлежащих реализации цен возрастает еще быстрее, чем скорость денежного обращения, то ре-

* «Во времена больших волнений и опасностей, особенно во времена внутренних потрясений и нашествий, золотые и серебряные вещи быстро превращаются в деньги; в периоды же спокойствия и процветания деньги превращаются в посуду и ювелирные изделия» (т, II, стр. 357 цитированного произведения).

зервуары сокровищ заметно опустошаются; как только в общем движении наступает необычная заминка или упрочивается разрыв между продажей и покупкой, средства обращения в значительной мере застывают в виде денег и резервуары сокровищ наполняются намного выше их среднего уровня. В странах с чисто металлическим обращением или находящихся на неразвитой ступени производства сокровища бесконечно раздроблены и рассеяны по всей стране, между тем как в развитых буржуазных странах они концентрируются в резервуарах банков. Не следует смешивать сокровище с монетным резервом, который сам образует составную часть общего количества денег, постоянно находящихся в обращении, в то время как активное соотношение между сокровищем и средствами обращения предполагает уменьшение или увеличение указанного общего количества денег. Золотые и серебряные товары, как мы видели, составляют равным образом как отводной канал для благородных металлов, так и скрытый источник их прилива. Но в обычные времена только первая их функция имеет важное значение для экономии металлического обращения*.

b) Средство платежа

Двумя формами, в которых деньги до сих пор отличались от средства обращения, были: форма *отложенной монеты* и форма *сокровищ.* Первая форма отражала в преходящем превращении монеты в деньги то обстоятельство, что второе звено *Т—Д—Т,* покупка *Д—Т,* должно расщепиться в пределах определенной сферы обращения на ряд следующих одна за другой покупок. Образование же сокровищ покоилось просто на изолировании акта *Т—Д,* который не развивался в *Д—Т;*

* В следующем месте Ксенофонт развивает понятие денег в их специфической определенности формы в качестве денег и сокровища:

«Это единственная область, — из всех, которые я знаю, — где новый предприниматель не внушает зависти старым... Чем богаче оказывается серебряный рудник и чем больше в нем добывается серебра, тем больше людей привлекает он к себе. В самом деле, когда приобретено столько утвари, сколько нужно для хозяйства, редко прикупают еще; напротив, денег никто не имеет столько, чтобы не желать иметь их еще больше, а если у кого-нибудь они оказались в избытке, то он, закапывая излишек, получает не меньше удовольствия, чем если бы он им пользовался. Когда государство процветает, граждане особенно нуждаются в деньгах; мужчины хотят покупать красивое оружие, добрых коней, великолепные дома и обстановку; женщины жаждут нарядов и золотых украшений; если же государство страдает от неурожая или войны, то деньги необходимы для приобретения продовольствия, ввиду необработанности полей, или для найма вспомогательных войск...» Xen. «De vectig.», c. IV [Ксенофонт. «О налогах», гл. IV]. Аристотель в «Республике», гл. 9, кн. 1, развивает оба движения обращения *Т—Д—Т* и *Д—Т—Д* в их противоположности под названиями «экономики» и «хрематистики». Греческими трагиками, в частности Еврипидом, обе эти формы противопоставляются, как διχη [справедливость] и χερδοζ [корысть].

или оно было лишь самостоятельным развитием первого метаморфоза товара; оно представляло собой деньги, развившиеся здесь в качестве отчужденного бытия всех товаров, в противоположность средству обращения как бытию товара в его постоянно отчуждающейся форме. Монетный резерв и сокровище были деньгами только как не средство обращения, а не средством обращения они были только потому, что не обращались. В том определении, в котором мы рассматриваем деньги теперь, они обращаются или вступают в обращение, однако не в функции средства обращения. Как средство обращения деньги всегда были покупательным средством, теперь же они действуют как непокупательное средство.

Как только деньги, вследствие образования сокровищ, развились в качестве бытия абстрактного общественного богатства и материального представителя вещественного богатства, они получают в этой своей определенности в качестве денег своеобразные функции в процессе обращения. Если деньги циркулируют как простое средство обращения и тем самым как покупательное средство, то предполагается, что товар и деньги одновременно противостоят друг другу и, следовательно, одна и та же величина стоимости имеется налицо дважды: на одном полюсе — как товар в руках продавца, на другом полюсе — как деньги в руках покупателя. Это одновременное существование обоих эквивалентов на противоположных полюсах и одновременная перемена ими мест или их взаимное отчуждение предполагает, в свою очередь, что продавец и покупатель относятся друг к другу только как владельцы наличных эквивалентов. Между тем процесс метаморфоза товаров, который создает различные определенности формы денег, метаморфозирует также и товаровладельцев, или изменяет общественные роли, в которых они представляются друг другу. В процессе метаморфоза товара товарохранитель так же часто меняет свою шкуру, как часто товар совершает свое превращение или как часто деньги принимают новые формы. Так, первоначально товаровладельцы противостояли друг другу только в качестве товаровладельцев; потом один товаровладелец стал продавцом, другой — покупателем, далее каждый из них становится попеременно то покупателем, то продавцом, после этого они стали собирателями сокровищ и, наконец, богатыми людьми. Таким образом товаровладельцы выходят из процесса обращения не такими, какими они в него вступили. В сущности различные определенности формы, принимаемые деньгами в процессе обращения, представляют собой только кристаллизованную смену формы самих товаров, смену, которая, в свою очередь, есть лишь вещное выражение

изменяющихся общественных отношений, в которых товаровладельцы совершают свой обмен веществ. В процессе обращения возникают новые отношения общения, и, как носители этих изменившихся отношений, товаровладельцы получают новые экономические роли. Подобно тому, как деньги в сфере внутреннего обращения идеализируются и простая бумага в качестве представителя золота выполняет функцию денег, точно так же этот процесс придает покупателю или продавцу, который вступает в него просто как представитель денег или товара — т. е. представляет будущие деньги или будущий товар, — значимость действительного продавца или покупателя.

Все определенности формы, в которых золото развивается в деньги, представляют собой только развитие тех определений, которые заключены в метаморфозе товаров, но которые в простом денежном обращении, — при появлении денег в качестве монеты или в движении *Т—Д—Т,* как совершающемся в виде процесса единстве, — не выделились в самостоятельный вид, или же выступали только в качестве возможностей, как, например, в перерыве метаморфоза товара. Мы видели, что в процессе *Т—Д* товар, как действительная потребительная стоимость и идеальная меновая стоимость, относился к деньгам как к действительной меновой стоимости и лишь идеальной потребительной стоимости. Продавец, отчуждая товар как потребительную стоимость, реализует его собственную меновую стоимость и потребительную стоимость денег. Наоборот, покупатель, отчуждая деньги как меновую стоимость, реализует потребительную стоимость денег и цену товара. Соответственно этому происходила перемена мест товара и денег. Живой процесс этой двусторонней полярной противоположности теперь снова раскалывается в своем осуществлении. Продавец действительно отчуждает товар, но цену его реализует вначале лишь только идеально. Он продал товар по его цене, которая, однако, будет реализована лишь позднее, в установленный срок. Покупатель покупает как представитель будущих денег, тогда как продавец продаст как владелец наличного товара. На стороне продавца товар как потребительная стоимость действительно отчуждается, хотя цена его еще в действительности не реализована; на стороне покупателя деньги действительно реализуются в потребительной стоимости товара, хотя как меновая стоимость они еще в действительности не отчуждены. Вместо знака стоимости, как было раньше, сам покупатель выступает здесь символически представителем денег. Но как раньше всеобщая символика знака стоимости требовала гарантии и принудительного курса со стороны государства, так теперь личная символика

покупателя порождает частные контракты между товаровладельцами, исполнение которых охраняется законом.

Наоборот, в процессе *Д—Т* деньги могут быть отчуждены как действительное покупательное средство и цена товара может быть таким образом реализована прежде, чем будет реализована потребительная стоимость денег или прежде чем будет отчужден товар. Это имеет место, например, в обычной форме платы вперед, или же в той форме, в какой английское правительство закупает опиум у райятов в Индии, или в какой поселившиеся в России иностранные купцы закупают у русских значительную часть земледельческих продуктов. Однако здесь деньги действуют лишь в уже известной нам форме покупательного средства и поэтому не получают никакой новой определенности формы[*]. Мы поэтому не останавливаемся на последнем случае; однако относительно превращенной формы, в которой здесь выступают оба процесса *Д—Т* и *Т—Д,* заметим, что различие между покупкой и продажей, которое непосредственно в обращении выступает только мысленным, теперь становится действительным различием, потому что в одной форме имеется в наличности только товар, в другой — только деньги, в обеих же формах имеется только крайний член, от которого исходит инициатива. Кроме того, обе формы имеют то общее, что в обеих один из эквивалентов существует только в общей воле покупателя и продавца, — воле, которая связывает обоих и получает определенные законом формы.

Продавец и покупатель становятся кредитором и должником. Если товаровладелец, как хранитель сокровища, представлял собой скорее комическую фигуру, то теперь он становится страшным, так как он уже не самого себя, а своего ближнего рассматривает как бытие определенной денежной суммы, и не себя, а его делает мучеником меновой стоимости. Из верующего он становится доверяющим, из религии он впадает в юриспруденцию.

«I stay here on my bond!»[**]

Следовательно, в измененной форме *Т—Д,* в которой товар имеется в наличности, а деньги только представлены, деньги функционируют, во-первых, как мера стоимостей. Меновая стоимость товара оценивается в деньгах как в своей мере; но цена, как меновая стоимость, определенная контрактом, суще-

[*] Конечно, капитал авансируется также в форме денег, и авансированные деньги могут быть авансированным капиталом; однако эта точка зрения выходит за пределы простого обращения.

[**] — «Я за вексель мой стою!» (Шекспир. «Венецианский купец»). *Ред.*

ствует не только в голове продавца, но является одновременно мерой обязательства покупателя. Во-вторых, деньги функционируют здесь как покупательное средство, хотя они бросают перед собой лишь тень своего будущего бытия. А именно они перемещают товар с его места, из рук продавца в руки покупателя. Когда наступает срок исполнения контракта, деньги вступают в обращение, так как они меняют место и переходят из рук бывшего покупателя в руки бывшего продавца. Но они вступают в обращение не как средство обращения или как покупательное средство. В качестве таковых деньги функционировали раньше, чем имелись налицо, а появляются они уже после того, как перестали функционировать в качестве таковых. Напротив, они вступают в обращение как единственный адекватный эквивалент товара, как абсолютное бытие меновой стоимости, как последнее слово процесса обмена, — короче говоря, как деньги, и притом как деньги в определенной функции *всеобщего платежного средства.* В этой функции платежного средства деньги выступают как абсолютный товар, но в сфере самого обращения, а не вне его, как это было с сокровищем. Различие между покупательным средством и платежным средством обнаруживается весьма неприятным образом во времена торговых кризисов*.

Первоначально превращение продукта в деньги выступает в обращении лишь как индивидуальная необходимость для товаровладельца, поскольку его продукт не представляет для него потребительной стоимости, но еще только должен сделаться таковой путем своего отчуждения. Но чтобы уплатить в срок, обусловленный договором, он должен сперва продать товар. Следовательно, совершенно независимо от его индивидуальных потребностей, продажа благодаря движению процесса обращения превратилась для него в общественную необходимость. Как бывший покупатель товара, он принудительным образом становится продавцом какого-либо другого товара, не для того, чтобы получить деньги как покупательное средство, а для того, чтобы получить их как платежное средство, как абсолютную форму меновой стоимости. Превращение товара в деньги, как завершающий акт, или первый метаморфоз товара, как самоцель, — то, что при собирании сокровищ казалось прихотью товаровладельца, — теперь стало экономической функцией. Мотив и содержание продажи для того, чтобы уплатить, представляет собой содержание процесса обращения, возникающее из самой формы этого процесса.

* Пометка Маркса на его личном экземпляре книги: «Различие между покупательным средством и платежным средством подчеркивается Лютером». *Ред.*

В этой форме продажи товар меняет свое место, находится в обращении, между тем как свой первый метаморфоз, свое превращение в деньги, он откладывает. Напротив, на стороне покупателя второй метаморфоз, т. е. превращение денег обратно в товар, совершается раньше, чем совершился первый метаморфоз, т. е. раньше, чем товар превратился в деньги. Таким образом, первый метаморфоз выступает здесь во времени после второго. И тем самым деньги, этот образ товара в его первом метаморфозе, получают новую определенность формы. Деньги, или самостоятельное развитие меновой стоимости, представляют собой уже не посредствующую форму товарного обращения, а его завершающий результат.

Что подобные *продажи на срок,* в которых оба полюса продажи существуют раздельно Друг от друга во времени, возникают естественным образом из простого товарного обращения, — не требует подробных доказательств. Прежде всего развитие обращения приводит к тому, что поочередное выступление одних и тех же товаровладельцев по отношению друг к другу, как продавца и покупателя, повторяется. Это повторяющееся выступление не остается только случайным, но, например, товар заказывается на какой-нибудь будущий срок, к которому он должен быть поставлен и оплачен. В этом случае продажа совершается идеально, т. е. в данном случае юридически, без появления товара и денег в их телесном виде. Обе формы денег, как средства обращения и как платежного средства, здесь еще совпадают, так как, с одной стороны, товар и деньги меняют место, одновременно, а с другой стороны, деньги не покупают товара, а реализуют цену товара, проданного ранее. Далее, в силу самой природы целого ряда потребительных стоимостей они действительно отчуждаются не в момент фактической передачи товара, а лишь путем предоставления последнего на определенный срок. Например, если дом сдан в аренду на один месяц, то потребительная стоимость дома будет передана лишь по истечении месяца, хотя дом перешел из рук в руки в начале этого месяца. Так как фактическая передача потребительной стоимости и ее действительное отчуждение здесь во времени друг с другом не совпадают, то и реализация ее цены также происходит позже, чем перемена ею места. Наконец, разница в продолжительности и времени производства различных товаров обусловливает то, что один выступает в качестве продавца тогда, когда другой еще не может выступить в качестве покупателя; при более частом повторении покупок и продаж между одними и теми же товаровладельцами оба момента продажи, таким образом, в соответствии с условиями производства их товаров,

не совпадают друг с другом. Так между товаровладельцами возникает отношение кредитора и должника, — отношение, которое, хотя и составляет естественную основу кредитной системы, но может вполне развиться и до существования последней. Ясно, однако, что с развитием кредитного дела и, следовательно, буржуазного производства вообще функция денег как платежного средства будет расширяться за счет их функции как покупательного средства и еще более как элемента образования сокровищ. В Англии, например, деньги в виде монеты вытеснены почти исключительно в сферу розничной и мелкой торговли между производителями и потребителями, тогда как в качестве платежного средства они господствуют в сфере крупных торговых сделок[*].

В качестве всеобщего платежного средства деньги становятся *всеобщим товаром* контрактов, — сперва только в сфере товарного обращения[**]. Однако по мере развития денег в этой функции все другие формы платежей постепенно сводятся к денежным платежам. Степень развития денег как исключительного платежного средства показывает ту степень, в которой меновая стоимость овладела производством во всем его объеме[***].

[*] Господин Маклеод, несмотря на свое доктринерское пристрастие к дефинициям, настолько не понимает элементарнейших экономических отношений, что выводит происхождение денег вообще из их наиболее развитой формы, из денег как платежного средства. Он говорит между прочим: так как люди нуждаются во взаимных услугах не всегда одновременно и не на одинаковую сумму стоимости, то «остается известная разница или количество услуг, причитающихся от одного лица другому, т. е. долг». Владелец этого долга нуждается в услугах какого-нибудь третьего лица, которое в его услугах непосредственно не нуждается, и «передает этому третьему лицу долг, причитающийся ему от первого. Долговое свидетельство таким образом переходит из рук в руки, — это и есть денежное обращение. Когда лицо получает обязательство, выраженное в металлических деньгах, оно может распоряжаться услугами не только первоначального должника, но и всех членов производительного общества». Macleod. «Theory and practice of banking etc.». London, 1855, v. I, ch. 1 [Маклеод. «Теория и практика банковского дела и т. д.». Лондон, 1855, т. I, гл. 1].

[**] Бейли, цитированное произведение, стр. 3, говорит: «Деньги составляют всеобщий товар контрактов, или тот предмет, в котором выражено большинство имущественных сделок, подлежащих исполнению в будущем».

[***] Сениор, цитированное произведение, стр. 221, говорит: «Так как стоимость всех вещей в течение определенного времени изменяется, то в качестве платежного средства принимают такую вещь, которая менее всех изменяется в своей стоимости и дольше всех сохраняет данную среднюю способность покупать вещи. Так деньги становятся выражением или представителем стоимостей». Наоборот. Именно потому, что золото, серебро и т. п. стали деньгами, т. е. бытием меновой стоимости, получившей самостоятельное существование, они становятся всеобщим платежным средством. Когда появляется упомянутый господином Сениором интерес к устойчивости величины стоимости денег, т. е. в периоды, когда деньги силой обстоятельств утверждаются в качестве всеобщего платежного средства, как раз тогда обнаруживаются и колебания в величине стоимости денег. Таким периодом в Англии была эпоха Елизаветы, и в это время лорд Бёрли и сэр Томас Смит, принимая во внимание становившееся явным обесценение благородных металлов, провели парламентский акт, который обязывал Оксфордский и Кембриджский университеты выговаривать себе треть земельной ренты в пшенице и солоде.

Масса денег, обращающихся в качестве платежного средства, определяется прежде всего суммой платежей, т. е. суммой цен отчужденных товаров, а не товаров, подлежащих отчуждению, как при простом денежном обращении. Однако определенная таким образом сумма изменяется двояким путем: во-первых, под влиянием скорости, с которой одни и те же деньги повторяют одну и ту же функцию или с которой масса платежей следует друг за другом в виде движущейся цепи платежей. ***А*** уплачивает ***В,*** после чего ***В*** уплачивает ***С*** и так далее. Скорость, с которой одни и те же деньги повторяют свою функцию платежного средства, зависит, с одной стороны, от переплетения отношений кредитора и должника между товаровладельцами, — так что один и тот же товаровладелец представляет собой кредитора по отношению к одному лицу, должника по отношению к другому и т. д., — а с другой стороны, от продолжительности промежутков времени, разделяющих различные сроки платежей. Эта цепь платежей или отсроченных первых метаморфозов товаров качественно отлична от той цепи метаморфозов, которая обнаруживается в обращении денег как средства обращения. Последняя цепь метаморфозов не только проявляется во временной последовательности, но и впервые *возникает* в ней. Товар становится деньгами, потом опять товаром и дает таким образом другому товару возможность стать деньгами и т. д., или продавец становится покупателем, благодаря чему какой-либо другой товаровладелец становится продавцом. Эта связь возникает случайно в самом процессе обмена товаров. Однако в том, что деньги, которые ***А*** уплатил ***В,*** ***В*** уплачивает далее ***С,*** а ***С*** уплачивает ***Д*** и т. д., и притом в быстро следующие друг за другом промежутки времени, — в этой внешней связи лишь обнаруживается уже существующая в готовом виде общественная связь. Одни и те же деньги проходят через различные руки не потому, что они выступают как платежное средство, но они обращаются как платежное средство потому, что различные товаровладельцы уже ударили по рукам. Следовательно, скорость, с которой обращаются деньги как платежное средство, показывает гораздо более глубокое вовлечение индивидуумов в процесс обращения, чем скорость, с которой обращаются деньги в качестве монеты или покупательного средства.

Сумма цен покупок и продаж, совершающихся одновременно и потому пространственно рядом друг с другом, образует границу для возмещения количества монет скоростью их обращения. Это ограничение отпадает для денег, функционирующих как платежное средство. Если платежи, которые должны быть совершены одновременно, концентрируются в одном месте, —

что первоначально происходит, естественно, только в крупных узловых пунктах товарного обращения, — то эти платежи взаимно погашаются как отрицательные и положительные величины, потому что ***А*** должен уплатить ***В*** и в то же время получить платеж от ***С*** и т. д. Поэтому сумма денег, необходимых в качестве платежного средства, определяется уже не суммой платежей, которые должны быть произведены одновременно, но большей или меньшей концентрацией платежей и величиной баланса, который получается после их взаимного погашения как отрицательных и положительных величин. Особые учреждения для этих взаимных расчетов возникают совершенно независимо от развития кредитного дела, как, например, в Древнем Риме. Однако рассмотрение их сюда не относится, равно как и рассмотрение всеобщих сроков платежей, которые устанавливаются повсюду в определенных общественных кругах. Здесь заметим только, что специфическое влияние, оказываемое этими сроками на периодические колебания количества обращающихся денег, было научно исследовано только в самое последнее время.

Поскольку платежи взаимно погашаются как положительные и отрицательные величины, не происходит никакого вмешательства действительных денег. Деньги функционируют здесь только в своей форме меры стоимостей: с одной стороны — в цене товара, с другой стороны — в величине взаимных обязательств. Следовательно, помимо своего идеального бытия меновая стоимость не получает здесь никакого самостоятельного бытия, даже бытия в качестве знака стоимости, т. е. деньги становятся только идеальными счетными деньгами. Таким образом, функция денег как платежного средства заключает в себе то противоречие, что они, с одной стороны, поскольку платежи взаимно погашаются, действуют только идеально как мера, с другой же стороны, поскольку платежи должны быть действительно произведены, они вступают в обращение не как мимолетное средство обращения, но как находящееся в покое бытие всеобщего эквивалента, как абсолютный товар, — одним словом, как деньги. Поэтому там, где развилась цепь платежей и искусственная система их взаимного погашения, там при потрясениях, насильственно прерывающих течение платежей и нарушающих механизм их погашения, деньги внезапно превращаются из своего газообразного, призрачного образа меры стоимостей в звонкую монету, или платежное средство. Таким образом, в условиях развитого буржуазного производства, когда товаровладелец давно уже стал капиталистом, когда он уже знает своего Адама Смита и высокомерно посмеивается над

предрассудком, будто только золото и серебро суть деньги или будто деньги вообще представляют собой абсолютный товар в отличие от других товаров, — деньги неожиданно снова выступают не как посредник обращения, но как единственно адекватная форма меновой стоимости, как единственное богатство, совершенно в том же смысле, как понимает его собиратель сокровищ. То, что деньги представляют собой такую исключительную форму бытия богатства, проявляется не в воображаемом только, как в монетарной системе, но в действительном частичном или полном обесценении всякого вещественного богатства. Это тот особый момент кризисов мирового рынка, который называется денежным кризисом. Summum bonum*, которого в подобные моменты требуют как единственного богатства, составляют деньги, наличные деньги, и напротив, все другие товары, именно потому, что они суть потребительные стоимости, представляются чем-то бесполезным, пустяками и безделушками или, как говорит наш д-р Мартин Лютер, лишь предметами щегольства и обжорства. Это внезапное превращение кредитной системы в монетарную прибавляет к практической панике теоретический страх, и агенты обращения содрогаются перед непостижимой тайной своих собственных отношений**.

Платежи, в свою очередь, делают необходимым резервный фонд, накопление денег как платежного средства. Образование этих резервных фондов уже не выступает, как при собирании сокровищ, в виде деятельности, несущественной для самого обращения, или, как при монетном резерве, в виде простой технической задержки монеты; здесь деньги должны постепенно накопляться для того, чтобы быть в наличии к определенным срокам предстоящих платежей. Таким образом, в то время как собирание сокровищ в той абстрактной форме, в которой оно считается обогащением, с развитием буржуазного производства уменьшается, собирание сокровищ, требуемое непосредственно процессом обмена, возрастает, или вернее, часть сокровищ, образующихся вообще в сфере товарного обращения, превращается в резервный фонд платежных средств. Чем более развито

* — Высшее благо. *Ред.*

** *Буагильбер*, который хотел бы помешать буржуазным производственным отношениям становиться на дыбы против самих буржуа, предпочитает рассматривать те формы денег, в которых они выступают лишь идеально или мимолетно. Таковым было прежде средство обращения, таково и платежное средство. Чего он опять-таки не видит, так это непосредственного перехода денег из идеальной формы в их внешнюю действительность, не видит, что звонкая монета скрыто содержится уже в мысленно представляемой мере стоимостей. То обстоятельство, говорит он, что деньги — только форма самих товаров, обнаруживается в оптовой торговле, где обмен происходит без вмешательства денег, после того, как «les marchandises sont appréciées» [«товары оценены»], «Розничная торговля Франции», стр. 210.

буржуазное производство, тем больше эти резервные фонды ограничиваются необходимым минимумом. Локк в своем сочинении о понижении процентной ставки* дает интересные данные относительно размера этих резервных фондов в его время. Из этих данных видно, какую значительную часть денег, находившихся вообще в обращении, поглощали в Англии резервуары платежных средств как раз в ту эпоху, когда начинало развиваться банковское дело.

Закон относительно количества находящихся в обращении денег, в том виде как он вытекал из анализа простого денежного обращения, существенно видоизменяется вследствие обращения платежных средств. При данной скорости обращения денег, в качестве ли средства обращения или в качестве платежного средства, общая сумма денег, находящихся в обращении на данном отрезке времени, определяется общей суммой подлежащих реализации товарных цен плюс общая сумма платежей, приходящихся на этот же период времени, минус платежи, взаимно уничтожающиеся путем погашения. Общий закон, по которому масса находящихся в обращении денег зависит от товарных цен, ни в малейшей мере этим не нарушается, ибо сама сумма платежей определяется ценами, установленными в контрактах. Попри этом ясно обнаруживается, что даже при предположении, что скорость обращения денег и экономия в платежах остаются неизменными, — сумма цен массы товаров, находящихся в обращении в течение определенного периода времени, например в течение одного дня, и масса обращающихся в течение того же дня денег никоим образом не совпадают, так как в обращении находится определенная масса товаров, цена которых будет реализована в деньгах лишь впоследствии, и так как в обращении находится определенная масса денег, которая соответствует массе товаров, давно уже выпавших из обращения. Последняя масса денег, в свою очередь, будет зависеть от того, как велика по своей стоимости сумма платежей, приходящихся на тот же день, хотя бы договоры по ним были заключены в самое различное время.

Мы видели, что изменение в стоимости золота и серебра не затрагивает их функции меры стоимостей или счетных денег. Это изменение приобретает, однако, решающее значение для денег в качестве сокровища, так как вместе с повышением или падением стоимости золота и серебра повышается или падает величина стоимости золотого или серебряного сокровища. Еще важнее это изменение для денег как платежного средства.

* Локк, цитированное произведение, стр. 17, 18.

Платеж наступает позже, чем продажа товара, или деньги действуют в два различных периода времени в двух различных функциях, сперва как мера стоимостей, а потом как соответствующее этому измерению платежное средство. Если за этот промежуток времени изменяется стоимость благородных металлов или необходимое для их производства рабочее время, то одно и то же количество золота или серебра в тот момент, когда оно выступает как платежное средство, будет иметь больше или меньше стоимости, чем в то время, когда оно служило мерой стоимостей или когда был заключен контракт. Функция особого товара, например, золота и серебра, в качестве денег или получившей самостоятельное существование меновой стоимости, приходит здесь в коллизию с природой его как особого товара, величина стоимости которого зависит от изменения в издержках его производства. Великая социальная революция, вызванная падением стоимости благородных металлов в Европе, есть столь же общеизвестный факт, как и противоположная революция, вызванная в раннюю эпоху древнеримской республики повышением стоимости меди, в которой были заключены долги плебеев. Не вдаваясь в дальнейшее исследование влияния изменений стоимости благородных металлов на систему буржуазной экономики, мы видим уже здесь, что падение стоимости благородных металлов приносит выгоду должникам за счет кредиторов, повышение же их стоимости, наоборот, приносит выгоду кредиторам за счет должников.

c) Мировые деньги

Золото становится деньгами, в отличие от монеты, сперва удаляясь из обращения как сокровище, затем вступая в него как не средство обращения и, наконец, ломая границы внутреннего обращения, чтобы функционировать в мире товаров как всеобщий эквивалент. Так золото становится *мировыми деньгами.*

Если общие меры веса благородных металлов служили первоначальными мерами стоимостей, то на мировом рынке счетные названия денег опять превращаются в соответствующие весовые названия. Если бесформенный сырой металл (aes rude) был первоначальной формой средств обращения, а сама монетная форма была первоначально лишь официальным свидетельством содержащегося в кусках металла веса, то благородный металл в качестве мировой монеты опять сбрасывает с себя свою форму и печать и превращается обратно в безразличную форму слитка; иными словами — если национальные монеты, как русские империалы, мексиканские талеры и английские соверены, обра-

щаются за границей, то их название не имеет значения и в расчет принимается только их содержание. Наконец, в качестве международных денег благородные металлы опять выполняют свою первоначальную функцию средства обмена, которая, как и самый товарный обмен, возникла не внутри первобытных общин, а в пунктах соприкосновения различных общин. Таким образом, деньги в качестве мировых денег снова приобретают свою естественно возникшую первоначальную форму. Покидая сферу внутреннего обращения, деньги опять сбрасывают с себя те особенные формы, которые выросли из развития процесса обмена внутри этой особенной сферы, т. е. сбрасывают свои локальные формы масштаба цен, монеты, разменной монеты и знака стоимости.

Мы видели, что во внутреннем обращении какой-либо страны только один товар служит мерой стоимостей. Но так как в одной стране эту функцию исполняет золото, а в другой — серебро, то на мировом рынке действует двоякая мера стоимостей, и во всех других своих функциях деньги получают также двоякое существование. Перевод товарных стоимостей из золотых цен в серебряные и наоборот определяется каждый раз относительной стоимостью обоих металлов, которая постоянно изменяется и установление которой поэтому выступает как постоянный процесс. Товаровладельцы каждой сферы внутреннего обращения вынуждены употреблять для внешнего обращения попеременно то золото, то серебро и таким образом обменивать металл, который является деньгами внутри страны, на металл, который им необходим в качестве денег за границей. Следовательно, каждая нация употребляет в качестве мировых денег оба металла, золото и серебро.

В международном товарном обращении золото и серебро выступают не как средство обращения, а как *всеобщее средство обмена.* Но всеобщее средство обмена функционирует только в обеих: развитых формах *покупательного средства* и *платежного средства,* отношение между которыми, однако, становится на мировом рынке обратным. В сфере внутреннего обращения деньги, поскольку они были монетой и представляли собой среднее звено в движущемся единстве *Т—Д—Т* или лишь мимолетную форму меновой стоимости в непрерывной перемене мест товаров, действовали исключительно как покупательное средство. На мировом рынке — наоборот. Золото и серебро выступают здесь как покупательное средство тогда, когда обмен веществ является только односторонним, и поэтому покупка и продажа распадаются. Например, пограничная торговля в Кяхте представляет собой фактически и согласно договору[30]

меновую торговлю, в которой серебро — лишь мера стоимостей. Война 1857—1858 гг.[31] заставила китайцев продавать не покупая. Тогда серебро вдруг выступило покупательным средством. Считаясь с буквой договора, русские перерабатывали французские пятифранковые монеты в грубые серебряные товары, которые и служили средством обмена. Серебро постоянно функционирует как покупательное средство между Европой и Америкой, с одной стороны, и Азией, где оно оседает как сокровище, — с другой. Далее, благородные металлы функционируют в качестве международного покупательного средства, когда внезапно нарушается обычное равновесие в обмене веществ между двумя нациями, как например, при неурожае, который вынуждает одну из этих наций покупать в чрезвычайно большом количестве. Наконец, благородные металлы представляют собой международное покупательное средство для стран, производящих золото и серебро, где последние являются непосредственным продуктом и товаром, а не превращенной формой товара. Чем больше развивается обмен товаров между различными национальными сферами обращения, тем более развивается функция мировых денег как *платежного средства* для сведения международных балансов.

Международное обращение, как и внутреннее, требует постоянно изменяющегося количества золота и серебра. Поэтому часть накопленных сокровищ служит у каждого народа резервным фондом мировых денег, который то исчерпывается, то снова наполняется соответственно колебаниям товарного обмена[*], Кроме особенных движений, при которых мировые деньги текут туда и обратно, из одной национальной сферы обращения в другую, они обладают всеобщим движением, исходные пункты которого лежат у источников производства золота и серебра, откуда золотые и серебряные потоки растекаются в различных направлениях по мировому рынку. В качестве товаров золото и серебро вступают здесь в мировое обращение и обмениваются как эквиваленты, пропорционально заключенному в них рабочему времени, на товарные эквиваленты, прежде чем попадают в сферы внутреннего обращения. В последних они выступают поэтому уже с данной величиной стоимости. Поэтому каждое уменьшение или увеличение их издержек производства оказывает на мировом рынке соответственное воздействие на их отно-

[*] «Накопленные деньги прибавляются к той сумме, которая, для того чтобы быть действительно в обращении и удовлетворять возможным потребностям торговли, удаляется и *выходит из сферы самого обращения».* Д. Р. Карли, примечание и работе Verri, «Meditazioni sulla Economia Politica», t. XV, p. 162 [Верри, «Размышления о политической экономии», т. XV, стр. 162] в издании Кустоди, цитированное произведение.

сительную стоимость, которая, напротив, совершенно не зависит от степени, в какой различные национальные сферы обращения поглощают золото или серебро. Доля металлического потока, улавливаемая каждой отдельной сферой товарного мира, частью входит непосредственно во внутреннее денежное обращение для замены стершихся металлических монет, частью задерживается в различных сокровищных резервуарах монеты, платежных средств и мировых денег, частью превращается в предметы роскоши, а остаток, наконец, становится просто сокровищем. На развитой ступени буржуазного производства образование сокровищ ограничивается минимумом, которого требуют различные процессы обращения для свободного действия своего механизма. Сокровищем как таковым становится здесь только праздно лежащее богатство, —если только это не мимолетная форма избытка в балансе платежей, не результат прерванного обмена веществ и, следовательно, не затвердение товара в первом его метаморфозе.

Если золото и серебро как деньги, по своему понятию, суть всеобщий товар, то в мировых деньгах они получают соответствующую форму существования универсального товара. В той мере, в какой все продукты отчуждаются за золото и серебро, последние становятся превращенной формой всех товаров и поэтому всесторонне отчуждаемым товаром. Материализацией всеобщего рабочего времени они действительно становятся в той мере, в какой обмен веществ реальных видов труда охватывает весь земной шар. Они становятся всеобщим эквивалентом в той степени, в какой развивается ряд особенных эквивалентов, образующих сферу их обмена. Так как в мировом обращении товары развертывают свою собственную меновую стоимость универсальным образом, то превращенная в золото и серебро форма последней выступает как мировые деньги. Таким образом, если нации товаровладельцев благодаря своему разнообразному производству и всеобщему обмену превращают золото в адекватные деньги, то производство и обмен выступают для них лишь средством для того, чтобы извлекать из мирового рынка деньги в форме золота и серебра. Поэтому золото и серебро как мировые деньги представляют собой в такой же мере продукт всеобщего товарного обращения, как и средство дальнейшего расширения его сферы. Подобно тому, как за спиной алхимиков, пытавшихся делать золото, выросла химия, так за спиной товаровладельцев, гоняющихся за товаром в его магической форме, возникают источники мировой промышленности и мировой торговли. Золото и серебро помогают созданию мирового рынка, предвосхищая его бытие в своем понятии как денег.

То обстоятельство, что это магическое действие золота и серебра никоим образом не ограничивается периодом детства буржуазного общества, а необходимо вырастает из того извращения [Verkehrung], в котором носителям товарного мира представляется их собственный общественный труд, —доказывается чрезвычайно сильным влиянием, оказанным на мировой обмен открытием новых золотоносных земель в середине XIX века.

Как деньги развиваются в мировые деньги, так товаровладелец развивается в космополита. Космополитическое отношение людей друг к другу первоначально представляет собой только отношение их как товаровладельцев. Товар сам по себе выше всяких религиозных, политических, национальных и языковых границ. Его всеобщий язык — это цена, а его общая сущность [Gemeinwesen] — это деньги. Вместе с развитием мировых денег, в противоположность национальной монете, развивается космополитизм товаровладельца, как вера практического разума, в противоположность традиционным религиозным, национальным и прочим предрассудкам, которые затрудняют обмен веществ среди человечества. Когда одно и то же золото, которое, прибыв в Англию в форме американских eagles[*], становится здесь совереном, через три дня обращается в Париже как наполеондор, а через несколько недель оказывается в Венеции в виде дуката, сохраняя, однако, всегда ту же самую стоимость, — товаровладельцу становится ясно, что национальность «is but the guinea's stamp»[**]. Возвышенная идея, в которой для него раскрывается весь мир, — это идея рынка, *мирового рынка*[***].

4. БЛАГОРОДНЫЕ МЕТАЛЛЫ

Буржуазный процесс производства первоначально овладевает металлическим обращением, как переданным ему в готовом виде органом, который, хотя постепенно и преобразовывается, однако постоянно сохраняет свою основную конструкцию. Вопрос, почему денежным материалом служат золото и серебро, а не другие товары, выходит за пределы буржуазной системы. Поэтому мы лишь кратко изложим наиболее существенные положения.

[*] — орлов. *Ред.*

[**] — «есть только отпечаток гинеи». *Ред.*

[***] Монтанари. «О деньгах» (1683), цитированное издание, стр. 40: «Сношение народов между собой распространилось по всему земному шару до такой степени, что можно сказать, весь мир сделался почти одним городом, в котором происходит непрерывная ярмарка всех товаров, где каждый человек, сидя дома, может посредством денег приобретать и наслаждаться всем, что производится землей, животными и человеческой промышленностью. Удивительное изобретение».

Так как всеобщее рабочее время само допускает только количественные различия, то предмет, который обязан служить в качестве его специфического воплощения, должен обладать способностью выражать чисто количественные различия, что предполагает тождественность, качественную однородность. Это — первое условие для функционирования товара в качестве меры стоимостей. Если, например, я оцениваю все товары в быках, шкурах, зерне и т. д., то я должен, в сущности, измерять их в идеальных средних быках, средней шкуре и т. п., так как один бык качественно отличается от другого, одна партия зерна — от другой, одна шкура — от другой шкуры. Напротив, золото и серебро, как простые тела, всегда равны самим себе, и поэтому равные количества их представляют равновеликие стоимости[*]. Другим условием для товара, который должен служить всеобщим эквивалентом, — условием, непосредственно вытекающим из функции, заключающейся в том, чтобы представлять чисто количественные различия, —является возможность разрезать данный товар на любые части и вновь соединять их вместе, так, чтобы счетные деньги могли быть представлены также чувственно-осязаемым образом. Золото и серебро обладают этими свойствами в высшей степени.

Как средства обращения, золото и серебро по сравнению с другими товарами обладают тем преимуществом, что их большому удельному весу—они представляют относительно большую тяжесть в малом объеме — соответствует их экономический удельный вес — они в малом объеме заключают относительно много рабочего времени, т. е. большую меновую стоимость. Благодаря этому обеспечивается легкость транспортировки, перехода из одних рук в другие и из одной страны в другую, способность так же быстро появляться, как и исчезать, — словом, материальная подвижность, это sine qua non[**] товара, который должен служить perpetuum mobile[***] процесса обращения.

Высокая удельная стоимость благородных металлов, их прочность, относительная неразрушаемость, неокисляемость на воздухе, а специально у золота — его нерастворимость в кислотах, за исключением царской водки, — все эти естественные свойства делают благородные металлы естественным материалом для образования сокровищ. Поэтому Петр Мученик, который

[*] «Металлы отличаются той особенностью, что только в них одних все отношения сводятся к одному, которое является их количеством, так как они от природы не отличаются различными качествами ни по внутреннему своему составу, ни по внешней форме и строению» (Галиани, цитированное произведение, стр. 126—127).

[**] — необходимое условие. *Ред.*

[***] — вечным двигателем. *Ред.*

был, по-видимому, большим любителем шоколада, делает следующее замечание о мешках какао, представлявшего собой один из видов мексиканских денег:

«О счастливая монета, которая доставляет роду людскому приятный и полезный напиток и оберегает своих невинных обладателей от адской язвы скупости, так как ее нельзя ни закопать в землю, ни долго сохранять» («О новом мире»[32]).

Большое значение металлов вообще в непосредственном процессе производства связано с их функцией как орудий производства. Не говоря уже о редкости золота и серебра, их большая мягкость по сравнению с железом и даже медью (в закаленном виде, в каком употребляли ее древние) делает их непригодными к такому использованию и лишает их поэтому в значительной степени того свойства, на котором покоится потребительная стоимость металлов вообще. Насколько они бесполезны в непосредственном процессе производства, настолько же они являются ненужными и как жизненные средства, как предметы потребления. Поэтому любое их количество может войти в общественный процесс обращения без ущерба для процессов непосредственного производства и потребления. Их индивидуальная потребительная стоимость не вступает в конфликт с их экономической функцией. С другой стороны, золото и серебро не только в отрицательном смысле излишни, т. е. суть предметы, без которых можно обойтись, но их эстетические свойства делают их естественным материалом роскоши, украшений, блеска, праздничного употребления, словом, положительной формой излишка и богатства. Они представляются в известной степени самородным светом, добытым из подземного мира, причем серебро отражает все световые лучи в их первоначальном смешении, а золото лишь цвет наивысшего напряжения, красный. Чувство же цвета является популярнейшей формой эстетического чувства вообще. Этимологическая связь названий благородных металлов с соотношениями цветов в различных индогерманских языках была доказана Якобом Гриммом (см. его «Историю немецкого языка»[33]).

Наконец, способность золота и серебра к превращению из монетной формы в форму слитков, из последней — в форму предметов роскоши и обратно, то их преимущество по сравнению с другими товарами, что они не связаны с раз навсегда данными, определенными потребительными формами, делает их естественным материалом денег, которые постоянно должны переходить из одной определенности формы в другую.

Природа не создает денег, так же как она не создает банкиров или вексельный курс. Но так как буржуазное производство

должно кристаллизовать богатство как фетиш в форме единичной вещи, то золото и серебро суть соответствующее воплощение этого богатства. Золото и серебро по природе своей не деньги, но деньги по своей природе — золото и серебро. С одной стороны, серебряный или золотой денежный кристалл есть Не только продукт процесса обращения, но в сущности его единственный остающийся продукт. С другой стороны, золото и серебро — готовые продукты природы, и как непосредственный продукт процесса обращения и как продукт природы, они не отделимы никакими различиями формы. Всеобщий продукт общественного процесса, или самый общественный процесс как продукт, представляет собой особый продукт природы, —металл, скрытый в недрах земли и оттуда добываемый*.

Мы видели, что золото и серебро не могут удовлетворять тому требованию, которое предъявляется к ним как к деньгам, — быть стоимостями неизменной величины. Однако, как заметил уже Аристотель, они обладают стоимостью более постоянной величины, чем в среднем остальные товары. Не говоря уже о всеобщем влиянии повышения или понижения стоимости благородных металлов, колебания в соотношении между стоимостью золота и стоимостью серебра имеют особое значение, так как оба металла служат на мировом рынке рядом друг с другом как денежный материал. Чисто экономические причины такого изменения стоимости, — завоевания и другие политические перевороты, которые оказывали большое влияние на стоимость металлов в древнем мире, имеют только местное и преходящее значение, — должны быть сведены к изменениям в рабочем времени, необходимом для производства этих металлов. Само же это рабочее время зависит от их относительной естественной редкости, как и от большей или меньшей трудности, которую представляет получение их в виде чистого металла. Золото было в сущности первым металлом, который открыл человек. С одной стороны, сама природа представляет его в самородной кристаллической форме, обособленным, химически не соединенным с другими веществами, или, как говорили алхимики, в девственном состоянии; с другой стороны, сама природа берет на себя большую технологическую работу, промывая золото в реках. Таким образом, от человека требуется

* В 760 г. множество бедных людей переселилось к югу от Праги с целью промывать там речной золотой песок, и три человека могли в один день добыть три марки золота. Вследствие этого наплыв людей к приискам и число рабочих рук, оторванных от земледелия, настолько возросли, что в следующем году страну постиг голод (см. M. G. Korner. «Abhandlung von dem Altertum des bohmischen Bergwerks». Schneeberg, 1758 [М. Г. Кёрнер. «Трактат о прошлом богемского горного дела». Шнеберг, 1758, [стр. 37—38]).

только самый простой труд как для добывания золота из рек, так и для его добывания из наносной земли, между тем как добывание серебра предполагает рудокопные работы и вообще сравнительно высокое развитие техники. Поэтому первоначально стоимость серебра, несмотря на его меньшую абсолютную редкость, была относительно выше, чем стоимость золота. Утверждение Страбона, что у одного арабского племени 10 фунтов золота отдавались за 1 фунт железа и 2 фунта золота за 1 фунт серебра, отнюдь не кажется невероятным. Но по мере того как развиваются производительные силы общественного труда и вследствие этого продукт простого труда дорожает по сравнению с продуктом сложного труда, по мере того как кора земли все более раскапывается и первоначальные поверхностные источники добычи золота иссякают, стоимость серебра падает относительно стоимости золота. Наконец, на определенной ступени развития техники и средств сообщения важное значение приобретает открытие новых стран, обладающих золотом или серебром. В древней Азии золото относилось к серебру как 6:1 или как 8:1, — последнее отношение имело место в Китае и Японии еще в начале XIX столетия; существовавшее во времена Ксенофонта отношение 10:1 может рассматриваться как нормальное для среднего периода древности. Эксплуатация испанских серебряных рудников Карфагеном и позднее Римом оказывала в древнее время приблизительно такое же действие, какое оказало на современную Европу открытие американских рудников. Для эпохи Римской империи за приблизительно среднее соотношение можно принять 15 или 16:1, хотя мы часто встречаем в Риме более сильное обесценение серебра. Такое же движение, начинающееся с относительно низкой стоимости золота и кончающееся падением стоимости серебра, повторяется в последующую эпоху, начиная от средних веков и до новейшего времени. Как и во времена Ксенофонта, среднее соотношение в период средневековья составляет 10:1, а вследствие открытия американских рудников превращается опять в отношение 16 или 15:1. Открытие австралийских, калифорнийских и колумбийских источников золота делает вероятным новое падение стоимости золота[*].

[*] До сих пор австралийское и прочие открытия еще не сказались на соотношении стоимости золота и серебра. Противоположные утверждения Мишеля Шевалье имеют ровно такую же цену, как и социализм этого бывшего сен-симониста. Правда котировки серебра на лондонском рынке показывают, что средняя цена серебра, выраженная в золоте, в 1850—1858 гг. почти на 3 % выше, чем цена периода 1830—1850 годов. Но это повышение следует объяснить просто спросом на серебро со стороны Азии. В течение 1852—1858 гг. цена серебра в отдельные годы и месяцы колеблется *исключительно* в зависимости от этого спроса, а отнюдь не от притока золота из вновь открытых источников. Вот таблица цен на серебро, выраженных в золоте, на лондонском рынке:

Цена серебра за унцию:

Год	1852	Март	$60\frac{1}{8}$	пенса	Июль	$60\frac{1}{4}$	пенса	Ноябрь	$61\frac{7}{8}$	пенса
»	1853	»	$61\frac{3}{8}$	»	»	$61\frac{1}{2}$	»	»	$61\frac{7}{8}$	»
»	1854	»	$61\frac{7}{8}$	»	»	$61\frac{3}{4}$	»	»	$61\frac{1}{2}$	»
»	1855	»	$60\frac{7}{8}$	»	»	$61\frac{1}{2}$	»	»	$60\frac{7}{8}$	»
»	1856	»	60	пенсов	»	$61\frac{1}{4}$	»	»	$62\frac{1}{8}$	»
»	1857	»	$61\frac{3}{4}$	пенса	»	$61\frac{5}{8}$	»	»	$61\frac{1}{2}$	»
»	1858	»	$61\frac{5}{8}$	»	»	—	—	»	—	—

С. ТЕОРИИ СРЕДСТВ ОБРАЩЕНИЯ И ДЕНЕГ

Если всеобщая жажда золота гнала народы и государей в XVI и XVII столетиях, в этот период детства современного буржуазного общества, в заморские крестовые походы за золотой чашей*, то первые истолкователи современного мира, творцы монетарной системы, одним из вариантов которой является меркантилистская система, провозгласили золото и серебро, т. е. деньги, единственным богатством. Они справедливо объявили призванием буржуазного общества «делать деньги», следовательно, с точки зрения простого товарного обращения, собирать вечное сокровище, которого не ест ни тля, ни ржа. Нельзя опровергнуть монетарную систему тем, что тонна железа ценой в 3 фунта стерлингов представляет собой стоимость такой же величины, как и 3 фунта стерлингов в золоте. Дело здесь не в величине меновой стоимости, а в ее адекватной форме. Если монетарная и меркантилистская система выделяла мировую торговлю и отдельные отрасли национального труда, непосредственно связанные с мировой торговлей, в качестве единственно истинных источников богатства или денег, то необходимо принять во внимание, что в ту эпоху большая часть национального производства пребывала еще в феодальных формах и служила непосредственным источником существования для самих производителей. Продукты большей частью не превращались еще в товары и, следовательно, в деньги, вообще не вступали во всеобщий общественный обмен веществ, не выступали поэтому как овеществление всеобщего абстрактного труда и не составляли в действительности буржуазного богатства. Деньги, как цель обращения, — это меновая стоимость или абстрактное богатство, а не какой-либо вещественный элемент богатства, в качестве определяющей цели и движущего мотива производства. Как это и соответствовало зачаточной ступени буржуазного производства, эти непризнанные пророки придерживались массивной, осязательной и блестящей формы

* Пометка Маркса на его личном экземпляре книги: «Золото — удивительная вещь! Кто обладает им, тот господин всего, чего он захочет. Золото может даже душам открыть дорогу в рай» *(Колумб* в письме с Ямайки в 1503 г.). *Ред.*

меновой стоимости, формы всеобщего товара в противоположность всем особым товарам. Собственно буржуазной экономической сферой в то время была сфера товарного обращения. Поэтому с точки зрения этой элементарной сферы они рассматривали весь сложный процесс буржуазного производства и смешивали деньги с капиталом. Непрекращающаяся борьба современных экономистов против монетарной и меркантилистской системы происходит большей частью оттого, что эта система выбалтывает в грубо-наивной форме тайну буржуазного производства, его полное подчинение меновой стоимости. Рикардо — хотя и с ошибочной практической целью — замечает в одном месте, что даже во время голода хлеб ввозится не потому, что народ голодает, а потому, что хлеботорговец делает деньги. Таким образом, в своей критике монетарной и меркантилистской системы политическая экономия ошибается, восставая против нее как против простой иллюзии, как всего лишь ложной теории, и не узнавая в ней варварской формы своего собственного основного положения. Кроме того, эта система сохраняет не только историческое право, но так же в определенных сферах современной экономики она сохраняет полное право гражданства. На всех ступенях буржуазного процесса производства, где богатство принимает элементарную форму товара, меновая стоимость принимает элементарную форму денег, и во всех фазах процесса производства богатство постоянно возвращается на какой-то момент ко всеобщей элементарной форме товара. Даже в самой развитой буржуазной экономике специфические функции золота и серебра как денег, в отличие от их функции средства обращения и в противоположность всем другим товарам, не упраздняются, а только ограничиваются, и, стало быть, монетарная и меркантилистская системы сохраняют свое право. Тот католический факт, что золото и серебро, как непосредственное воплощение общественного труда и, следовательно, как бытие абстрактного богатства, противопоставляются другим, обыкновенным товарам, оскорбляет, разумеется, протестантскую point d'honneur* буржуазной политической экономии, и последняя из страха перед предрассудками монетарной системы на долгое время утратила понимание явлений денежного обращения, как это покажет последующее изложение.

Было вполне в порядке вещей, что, в противоположность монетарной и меркантилистской системам, которым деньги известны только в их определенности формы как кристаллический продукт обращения, классическая политическая экономия

* — честь. *Ред.*

рассматривала деньги прежде всего в их текучей форме, как возникающую внутри самого товарного метаморфоза и вновь исчезающую форму меновой стоимости. Поэтому, подобно тому, как товарное обращение рассматривается исключительно в форме *Т—Д—Т,* а эта последняя опять-таки исключительно в качестве совершающегося в виде процесса единства продажи и купли, так и деньги признаются в их определенности формы как средство обращения, в противоположность их определенности формы в качестве денег. Если средство обращения само обособляется в своей функции как монета, то оно превращается, как мы видели, в знак стоимости. А так как классическая политическая экономия имела перед собой прежде всего металлическое обращение как господствующую форму обращения, то она рассматривает металлические деньги как монету, а металлическую монету — как простой знак стоимости. В соответствии с законом обращения знаков стоимости выдвигается то положение, что цены товаров зависят от массы обращающихся денег, а не наоборот, что масса обращающихся денег зависит от цен товаров. Мы находим такой взгляд более или менее намеченным у итальянских экономистов XVII века; этот взгляд то принимается, то отрицается *Локком,* определенно развивается в «Spectator» (в номере от 19 октября 1711 г.) *Монтескьё* и *Юмом.* Так как *Юм* — самый значительный представитель этой теории в XVIII столетий, то с него мы и начнем наш обзор.

При определенных предпосылках увеличение или уменьшение количества либо находящихся в обращении металлических денег, либо находящихся в обращении знаков стоимости оказывает на товарные цепы как будто *равномерное* воздействие. Если падает или повышается *стоимость* золота или серебра, в которых меновые стоимости товаров выражаются как цены, то повышаются или падают цены, ибо изменилась их мера стоимостей; а большее пли меньшее количество золота и серебра находится в обращении в качестве монеты потому, что цены повысились или понизились. Однако видимое явление есть изменение цен вследствие увеличения или уменьшения количества средств обращения при неизменившейся меновой стоимости товаров. С другой стороны, если количество находящихся в обращении знаков стоимости уменьшается или увеличивается относительно их необходимого уровня, то оно насильственно сводится к этому необходимому уровню падением или повышением товарных цен. В обоих случаях кажется, что один и тот же результат вызван одной и той же причиной, и этой иллюзии твердо придерживается *Юм.*

Всякое научное исследование отношения между количеством средств обращения и движением товарных цен требует

принятия стоимости денежного материала за данную. Юм, напротив, рассматривает исключительно эпохи революций в стоимости самих благородных металлов, следовательно, революций в мере стоимостей. Повышение товарных цен одновременно с увеличением количества металлических денег- со времени открытия американских рудников образует историческую подоснову его теории, подобно тому, как полемика против монетарной и меркантилистской системы обнаруживает ее практический мотив. Приток благородных металлов может, конечно, увеличиться при неизменяющихся издержках их производства. С другой стороны, уменьшение их стоимости, т. е. необходимого для их производства рабочего времени, обнаруживается раньше всего лишь в увеличении их притока. Следовательно, — говорили более поздние ученики Юма, — уменьшившаяся стоимость благородных металлов обнаруживается в возрастающей массе средств обращения, а возрастающая масса средств обращения — в повышении товарных цен. В действительности, однако, возрастает только цена экспортных товаров, которые обмениваются на золото и серебро как на товары, а не как на средства обращения. Таким образом, цена этих товаров, оцениваемых в золоте и серебре понизившейся стоимости, возрастает по сравнению со всеми остальными товарами, меновая стоимость которых продолжает оцениваться в золоте или серебре в соответствии с масштабом их прежних издержек производства. Эта двойная оценка меновых стоимостей товаров в одной и той же стране может, конечно, быть только временной, и цены, выраженные в золоте или серебре, должны выравняться пропорционально самим меновым стоимостям, так что в конце концов меновые стоимости всех товаров оцениваются в соответствии с новой стоимостью денежного материала. Развитие этого процесса, равно как и способов, посредством которых вообще прокладывает себе путь среди колебаний рыночных цен меновая стоимость товаров, не подлежит здесь рассмотрению. Но что это уравнивание в менее развитые эпохи буржуазного производства происходит весьма постепенно и занимает долгие периоды и, во всяком случае, не идет в ногу с возрастанием количества обращающихся наличных денег, — это убедительно доказано новыми критическими исследованиями о движении товарных цен в XVI веке[*]. Совершенно не относятся

[*] Эту постепенность Юм, впрочем, признает, хотя она не соответствует его основному положению. См. David Hume. «Essays and treatises on several subjects». London, 1777, vol. I, p. 300 [Давид Юм. «Очерки и трактаты по различным вопросам». Лондон, 1777, т. I, стр. 300].

к делу излюбленные ссылки учеников Юма на повышение цен в античном Риме в результате завоевания Македонии, Египта и Малой Азии. Характерное для древнего мира внезапное и насильственное перемещение накопленных денежных сокровищ из одной страны в другую, временное уменьшение издержек производства благородных металлов для данной страны благодаря простому процессу грабежа, столь же мало затрагивает имманентные законы денежного обращения, как бесплатная раздача египетского и сицилийского хлеба в Риме не затрагивает общего закона, регулирующего цену хлеба. Юму, как и всем другим писателям XVIII столетия, недоставало материалов, необходимых для детального изучения денежного обращения: с одной стороны, достоверной истории товарных цен, а с другой — официальной непрерывной статистики расширения и сокращения количества средств обращения, прилива и отлива благородных металлов и т. д.; словом, такого материала, который появляется вообще только с полным развитием банковского дела. Теория обращения Юма сводится к следующим положениям: 1) цены товаров в данной стране определяются массой находящихся в ней денег (реальных или символических); 2) деньги, обращающиеся в данной стране, суть представители всех находящихся в ней товаров; по мере увеличения числа представителей, т. е. денег, на каждого отдельного представителя приходится большее или меньшее количество представляемой вещи; 3) если увеличивается количество товаров, цена их падает или стоимость денег возрастает. Если же увеличивается количество денег, то, наоборот, цена товаров возрастает, а стоимость денег падает[*].

«Дороговизна всех вещей», — говорит Юм, — «вследствие избытка денег невыгодна для всякой существующей торговли, так как она позволяет более бедным странам успешно конкурировать с более богатыми на всех иностранных рынках[**]... Если рассматривать данную нацию самое по себе, то наличие большего или меньшего количества монет для счета или представительства товаров не оказывает никакого влияния, ни хорошего, ни дурного, точно так же, как не изменится баланс какого-нибудь купца, если в бухгалтерии он будет применять вместо арабской системы счета, требующей немногих цифр, римскую, требующую большего их количества. Более того, большое количество денег, подобно римским счетным знакам, представляет даже неудобство и требует большего труда как для их сохранения, так и для транспортировки»[***].

Чтобы вообще что-либо доказать, Юм должен был бы показать, что при *данной* системе счетных знаков количество употребляемых цифр зависит не от величины числового значения,

[*] Ср. Стюарт, цитированное произведение, т. I, стр. 394—400.
[**] Давид Юм, цитированное произведение, стр. 300.
[***] Там же, стр. 303.

а, наоборот, величина числового значения зависит от количества употребляемых знаков. Совершенно справедливо, что никакой выгоды не представляет оценивать или «считать» товарные стоимости в золоте или серебре, стоимость которых упала; поэтому вместе с ростом суммы стоимостей обращающихся товаров народы всегда находили более удобным считать в серебре, чем в меди, и в золоте, чем в серебре. По мере того, как они становились богаче, они превращали менее ценные металлы во вспомогательную монету, а более ценные — в деньги. С другой стороны, Юм забывает, что для исчисления стоимостей в золоте и серебре ни золото, ни серебро не должны непременно иметься в «наличности». Счетные деньги и средства обращения у него совпадают, и те и другие являются для него монетой (coin). Так как изменение стоимости меры стоимостей, или благородных металлов, функционирующих как счетные деньги, приводит к повышению или падению товарных цен, а, стало быть, также и массы обращающихся денег при неизменной быстроте обращения, то Юм делает вывод, что повышение или падение товарных цен зависит от количества обращающихся денег. Что в XVI и XVII столетиях не только увеличилось количество золота и серебра, но одновременно уменьшились издержки их производства — в этом Юм мог убедиться на факте закрытия европейских рудников. В XVI и XVII столетиях товарные цены в Европе повышались вместе с ростом массы ввозимого американского золота и серебра; следовательно, товарные цены в каждой стране определяются массой находящегося в ней золота и серебра. Это было первым «необходимым выводом» Юма[*]. В XVI и XVII столетиях цены возрастали не в одинаковой степени с увеличением количества благородных металлов; прошло более полувека, прежде чем обнаружилось *какое-то* изменение в товарных ценах, и даже потом прошло еще много времени, прежде чем меновые стоимости товаров стали оцениваться повсеместно в соответствии с понизившейся стоимостью золота и серебра, следовательно, прежде чем революция охватила все товарные цепы. Поэтому, заключает Юм, — который в полном противоречии с основами своей философии некритически превращает в общие положения односторонне наблюдаемые факты, — цена товаров или стоимость денег определяется не абсолютным количеством находящихся в данной стране денег, а количеством золота и серебра, которое действительно входит в обращение; однако, в конце концов, все находящееся в стране золото и серебро должно быть в виде монеты поглощено обра-

[*] Давид Юм, цитированное произведение, стр. 303.

щением*. Ясно, что если золото и серебро обладают собственной стоимостью, то, — отвлекаясь от всех других законов обращения, —только определенное количество золота и серебра может находиться в обращении как эквивалент данной суммы товарных стоимостей. Стало быть, если любое случайно находящееся в стране количество золота и серебра, безотносительно к сумме товарных стоимостей, должно входить в качестве средства обращения в процесс товарного обмена, то золото и серебро не обладают никакой имманентной стоимостью и поэтому не представляют собой в сущности действительных товаров. Это третий «необходимый вывод» Юма. По его мнению, товары входят в процесс обращения без цены, а золото и серебро — без стоимости. Поэтому он никогда и не говорит о стоимости товаров и о стоимости золота, а только о их количественном соотношении. Уже Локк говорил, что золото и серебро имеют якобы только воображаемую или условную стоимость; это — первая грубая форма противоположности по отношению к утверждению монетарной системы, что только золото и серебро имеют истинную стоимость. То обстоятельство, что денежное бытие золота и серебра проистекает только из их функции в общественном процессе обмена, истолковывается в таком смысле, будто они имеют свою собственную стоимость и, следовательно, величину своей стоимости благодаря общественной функции**. Таким образом, золото и серебро суть вещи, не имеющие стоимости, по в процессе обращения они получают фиктивную величину стоимости как *представители товаров.* Благодаря этому процессу они превращаются не в деньги, а в стоимость. Эта их стоимость определяется пропорцией между собственным их количеством и количеством товаров, так как оба эти количества должны друг друга покрывать. Если, таким образом, Юм вводит золото и серебро в мир товаров как не-товары, то, наоборот, как только они появляются в определенности формы монеты, он превращает их в простые товары, который обмениваются на другие товары путем простой меновой

* «Очевидно, что цены зависят не столько от абсолютного количества товаров и денег, имеющихся у данной нации, сколько от количества товаров, которые могут быть доставлены на рынок, и от количества денег, находящихся в обращении. Если монета запирается в сундук, то с ценами происходит то же самое, как если бы эта монета была уничтожена; если товары будут накоплены в магазинах и на складах, результат будет такой же. Так как деньги и товары в этих случаях никогда друг с другом не встречаются, то невозможно и их взаимное влияние. В конечном счете общий уровень цен достигает в точности *пропорции, соответствующей новому количеству звонкой монеты, имеющейся в стране»* (цитированное произведение, стр. 307, 308, 303).

** Пометка Маркса на его личном экземпляре книги: «См. у *Ло* и *Франклина* о дополнительной стоимости, которую золото и серебро приобретают благодаря их функционированию в качестве денег; см. также *Форбонне». Ред.*

торговли. Если бы товарный мир состоял из одного-единственного товара, например из одного миллиона квартеров зерна, то было бы весьма просто представить себе, что один квартер обменивается на две унции золота, если золота имеется 2 миллиона унций, и на 20 унций золота, если золота имеется 20 миллионов унций; что, следовательно, цена товара и стоимость денег повышаются или падают в обратной пропорции к наличному количеству денег*. Но товарный мир состоит из бесконечно различных потребительных стоимостей, относительная стоимость которых никоим образом не определяется их относительными количествами. Каким же образом представляет себе Юм этот обмен между массой товаров и массой золота? Он довольствуется бессмысленно наивным представлением, что каждый товар, как часть совокупной товарной массы, обменивается на соответствующую часть золотой массы. Совершающееся в виде процесса движение товаров, которое возникает и силу заключающегося в них противоречия между меновой стоимостью и потребительной стоимостью, которое проявляется в обращении денег и кристаллизуется в различных определенностях формы денег, исчезает, таким образом, и на его место вступает воображаемое механическое уравнение между весовой массой находящихся в стране благородных металлов и имеющейся в это время налицо товарной массой.

Сэр Джемс Стюарт начинает свое исследование о монете и деньгах подробной критикой Юма и Монтескьё**. Он, в сущности, первый, кто ставит вопрос: определяется ли количество обращающихся денег товарными ценами или товарные цены — количеством обращающихся денег? Хотя его изложение затемняется фантастическим взглядом на меру стоимостей, неопределенным представлением о меновой стоимости вообще и пережитками меркантилистской системы, тем не менее он открывает существенные определенности форм денег и общие законы денежного обращения, так как он не ставит механически товары на одну сторону и деньги на другую, а действительно развивает различные функции денег из различных моментов самого товарного обмена.

«Употребление денег для внутреннего обращения может быть сведено к двум основным пунктам: это — уплата того, что кто-либо должен, и покупка того, что кому-либо необходимо; и то и другое, вместе взятое, образует спрос на наличные деньги (ready money demands) ... Состояние торговли и мануфактур, образ жизни и обычные расходы жителей — все это,

* Пометка Маркса на его личном экземпляре книги: «Эта фикция дословно встречается у Монтескьё». *Ред.*
** Стюарт, цитированное произведение, т. I, стр. 394 и сл.

вместе взятое, регулирует и определяет размер спроса на наличные деньги, т. е. количество отчуждений. Чтобы осуществить эти разнообразные платежи, необходимо определенное количество денег. Это количество, в свою очередь, может увеличиваться или уменьшаться, смотря по обстоятельствам, хотя количество отчуждений остается одним и тем же... Во всяком случае, обращение какой-либо страны может поглотить только определенное количество денег»[*].

«Рыночная цена товара определяется запутанным действием спроса и конкуренции (demand and competition), которые совершенно не зависят от находящейся в стране массы золота и серебра. Что же делается с золотом и серебром, которые не требуются в качестве монеты? Они накопляются как сокровище или служат материалом для выработки предметов роскоши. Если же масса золота и серебра падает ниже необходимого для обращения уровня, то их заменяют символическими деньгами или другими вспомогательными средствами. Если благоприятный вексельный курс привлекает в страну избыток денег и одновременно прекращает спрос на их пересылку за границу, то они часто попадают в сундуки, где становятся столь же бесполезными, как если бы они лежали в рудниках»[**].

Второй открытый *Стюартом* закон заключается в том, что обращение, основанное на кредите, возвращается к своему исходному пункту. Наконец, он выясняет, какое действие вызывает различие нормы процента в различных странах на международный отлив и прилив благородных металлов. Оба последних пункта мы отмечаем здесь лишь ради полноты, так как они далеки от нашей темы простого обращения[***]. Символические

[*] Джемс Стюарт, цитированное произведение, т. II, стр. 377—379 и сл.

[**] Цитированное произведение, стр. 379—380 и сл.

[***] «Добавочные монеты будут запрятаны или превращены в утварь... Что касается бумажных денег, то, выполнив первую задачу удовлетворения спроса тех, кто взял их взаймы, они возвращаются должниками и реализуются ... Поэтому, в какой бы пропорции ни возрастало или ни уменьшалось количество звонкой монеты в стране, товары будут дорожать или дешеветь согласно принципам спроса и конкуренции, а последние будут всегда зависеть от склонностей лиц, владеющих собственностью или каким-либо другим эквивалентом для покупки, но никогда не от количества монет, которым они владеют... Пусть количество звонкой монеты в стране очень незначительно, но если существует реальная собственность того или иного рода и стремление владельцев ее к потреблению, то цены будут удержаны на высоком уровне при помощи меновой торговли, символических денег, взаимных платежей и *тысячи* других изобретений... Вели данная страна имеет сношения с другими нациями, то должна существовать известная пропорция между ценами на многие виды товаров внутри страны и за границей, и внезапное увеличение или уменьшение звонкой монеты, если мы предположим, что оно *само по себе* могло бы вызвать повышение или падение цен, было бы *ограничено* в своем действии иностранной конкуренцией» (цитированное произведение, т. I, стр. 400—401). «В каждой стране денежное обращение должно быть пропорционально производственной деятельности жителей, которые производят товары, поступающие на рынок... Поэтому, если количество монет в стране уменьшается и перестает соответствовать ценам на произведенные и предлагаемые к продаже изделия, то прибегают к изобретениям, например, символических денег, обеспечивающих эквивалент для этих изделий. Если же звонкая монета будет превышать размеры производства, то они не вызовут повышения цен и не вступят в обращение: *они будут накопляться как сокровище...* Каково бы ни было у данной нации количество денег сравнительно с другими странами, но *в обращении* сможет всегда оставаться только количество, приблизительно пропорциональное потреблению богатых жителей и труду и производственной деятельности бедных жителей», а эта пропорция не определяется «количеством фактически находящихся в стране денег» (цитированное произведение, стр. 403—408 и сл.). «Все нации будут стараться перебросить свои наличные деньги, не требующиеся для их собственного обращения, в такую страну, где процент на деньги высок по сравнению с их собственной страной» (цитированное произведение, т. II, стр. 5). «Самая богатая нация в Европе может быть самой бедной по количеству обращающейся звонкой монеты» (цитированное произведение, т. II, стр. 6). (См. полемику *Артура Юнга* против Стюарта). [Последняя фраза в круглых скобках — пометка Маркса на его личном экземпляре книги. *Ред.]*

деньги или кредитные деньги — Стюарт еще не различает эти две формы денег — могут замещать благородные металлы как покупательное и как платежное средство во внутреннем обращении, но не на мировом рынке. Поэтому бумажные деньги суть деньги данного общества (money of the society), в то время как золото и серебро суть деньги всего мира (money of the world)*.

Характерная особенность народов с «историческим» развитием в смысле исторической школы права[34] заключается в том, что они постоянно забывают свою собственную историю. Поэтому, хотя спорный вопрос об отношении между товарными ценами и количеством средств обращения беспрестанно волновал парламент в течение первой половины текущего столетия и вызвал в Англии появление тысяч памфлетов, больших и малых, — Стюарт оставался «мертвой собакой» еще в большей степени, чем Спиноза казался Моисею Мендельсону во времена Лессинга. Даже новейший историк «currency»** Макларен превращает Адама Смита в автора стюартовой теории, а Рикардо — в автора юмовской теории***. Но в то время как Рикардо улучшил теорию Юма, Адам Смит только регистрирует результаты исследований Стюарта как мертвые факты. Свое мудрое шотландское изречение: «если вы приобрели немногое, то зачастую легко будет приобрести многое, но трудность состоит в том, чтобы приобрести немногое», *Адам Смит* применил и к духовному богатству и потому с мелочной заботливостью скрыл источники, которым он обязан тем немногим, из чего он сделал поистине многое. Неоднократно предпочитает он притуплять острие вопроса там, где резкая формулировка заставила бы его свести счеты со своими предшественниками. Так он поступает с теорией денег. Он молчаливо принимает

* Стюарт, цитированное произведение, т. II, стр. 370. Луи Блан превращает эти «money of the society», означающие не что иное, как внутренние, национальные деньги, в социалистические деньги, не означающие ровно ничего, и, следуя своей логике, превращает Джона Ло в социалиста (см. первый том его «Истории французской революции»).

** — денежного обращения. *Ред.*

*** Макларен, цитированное произведение, стр. 43 и сл. Патриотизм побудил одного преждевременно умершего немецкого писателя (Густава Юлиуса) противопоставить старого Бюша, в качестве авторитета, школе Рикардо. Достопочтенный Бюш перевел гениальный английский язык Стюарта на гамбургский диалект и своими ошибочными поправками настолько исказил оригинал, насколько было возможно.

теорию Стюарта, рассказывая, что находящиеся в стране золото и серебро частью употребляются как монета, частью накопляются как резервный фонд для купцов в странах, не имеющих банков, или как банковский резерв в странах с кредитным обращением, частью служат сокровищем для выравнивания международных платежей, частью перерабатываются в предметы роскоши. Вопрос о количестве находящихся в обращении монет он молчаливо устраняет, рассматривая деньги совершенно ложно как простой товар[*]. Его вульгаризатор, пошлый *Ж. Б. Сэй,* которого французы произвели в prince de la science[**], — подобно тому, как Иоганн Кристоф Готшед произвел своего Шенайха в Гомеры, а Пиетро Аретино самого себя в «terror principum» и «lux mundi»[***], — с великой важностью возвел эту не совсем наивную ошибку Адама Смита в догму[****]. Впрочем острая полемика против иллюзий меркантилистской системы мешала Адаму Смиту объективно понять явления металлического обращения, между тем как его взгляды на кредитные деньги оригинальны и глубоки. Подобно тому, как в теориях палеонтологии XVIII столетия постоянно пробивается скрытое течение, берущее начало из критического или апологетического отношения к библейскому преданию о всемирном потопе, так за всеми теориями денег XVIII столетия скрывается тайная борьба с монетарной системой, этим призраком, который стоял на страже у колыбели буржуазной экономии и все еще продолжал отбрасывать свою тень на законодательство.

Исследования о деньгах в XIX столетии были непосредственно вызваны не явлениями металлического обращения, а, скорее, явлениями банкнотного обращения. К первому обращались только для того, чтобы открыть законы последнего. Приостановка размена банкнот на золото Английским банком с 1797 г., последовавшее затем повышение цен многих товаров, падение монетной цены золота ниже его рыночной цены, обесценение банкнот, особенно с 1809 г., — все это послужило непосредственным практическим поводом для борьбы партий в парламенте и для теоретического состязания вне парламента,

---

[*] Пометка Маркса на его личном экземпляре книги: «Это не точно. В некоторых местах *Адам Смит,* напротив, правильно формулирует закон». *Ред.*

[**] — принца науки. *Ред.*

[***] — «ужас князей» и «свет мира». *Ред.*

[****] Поэтому различие между «currency» и «money», т. е. между средством обращения и деньгами, не отмечается в «Богатстве народов». Обманутый кажущимся беспристрастием Адама Смита, который отлично знал своего Юма и Стюарта, честный Макларен замечает: «Теория зависимости цен от размеров денежного обращения до настоящего времени не привлекала к себе такого внимания; и доктор Смит, как и Локк» (Локк колеблется в своих взглядах) «рассматривает металлические деньги только как товары» (Макларен, цитированное произведение, стр. 44).

причем и то, и другое велось одинаково страстно. Историческим фоном для этих дебатов служили: история бумажных денег в XVIII столетии, крах банка Ло[35], происходящее одновременно с возрастанием количества знаков стоимости обесценение провинциальных банкнот в английских колониях Северной Америки с начала и до середины XVIII столетия; затем, позднее, — бумажные деньги, навязанные посредством закона (Continental bills) американским центральным правительством во время войны за независимость, и, наконец, проведенный в еще большем масштабе эксперимент с французскими ассигнатами. Большинство английских писателей того времени смешивает банкнотное обращение, которое определяется совершенно другими законами, с обращением знаков стоимости, или государственных бумажных денег с принудительным курсом; утверждая, что явления этого принудительного обращения бумажных денег они объясняют из законов металлического обращения, они на самом деле, наоборот, выводят законы последнего из явлений первого. Мы оставляем в стороне всех этих многочисленных писателей периода 1800—1809 гг. и обращаемся прямо к Рикардо как потому, что он подытоживает своих предшественников и яснее формулирует их взгляды, так и потому, что теория денег в том виде, который он ей придал, господствует в английском банковском законодательстве до настоящего времени. Рикардо, как и его предшественники, смешивает обращение банкнот, или кредитных денег, с обращением простых знаков стоимости. Для него важнейшим фактом является обесценение бумажных денег и одновременное возрастание товарных цен. Чем американские рудники были для Юма, тем станки для печатания бумажных денег на Треднидл-стрит[36] были для Рикардо; и в одном месте он сам открыто отождествляет оба эти фактора. Его первые произведения, посвященные исключительно денежному вопросу, относятся к периоду ожесточеннейшей полемики между Английским банком, на стороне которого стояли министры и военная партия, и его противниками, вокруг которых группировались парламентская оппозиция, виги и партия мира. Эти произведения явились прямыми предшественниками знаменитого доклада комитета о слитках от 1810 г., в котором были приняты взгляды Рикардо[*]. То странное обстоятельство, что Рикардо и его сторонники, объявляющие деньги

[*] David Ricardo. «The high price of bullion a proof of the depreciation of banknotes», 4 edition. London, 1811 [Давид Рикардо. «Высокая цена слитков — доказательство обесценения банкнот», 4 издание. Лондон 1811] (первое издание появилось в 1809 г.). Далее — «Reply to Mr. Bosanquet's practical observations on the report of the bullion committee». London, 1811 [«Ответ на практические замечания г-на Бозанкета по докладу комитета о слитках». Лондон, 1811].

простым знаком стоимости, называются «бульонистами» (сторонниками золотых слитков), объясняется не только названием этого комитета, но и самим содержанием учения Рикардо. В своем труде по политической экономии Рикардо повторил и далее развил те же взгляды, но нигде не исследовал денег самих по себе, как он исследовал меновую стоимость, прибыль, ренту и т. д.

Рикардо сначала определяет стоимость золота и серебра, как и стоимость всех других товаров, количеством овеществленного в них рабочего времени*. В золоте и серебре, как в товарах данной стоимости, и измеряются стоимости всех других товаров**. Следовательно, количество средств обращения в какой-нибудь стране определяется стоимостью денежной единицы измерения, с одной стороны, и суммой меновых стоимостей товаров — с другой. Это количество изменяется благодаря экономии платежных средств***. Так как, следовательно, количество, в котором могут обращаться деньги данной стоимости, составляет определенную величину и их стоимость проявляется в процессе обращения только в их количестве, то простые знаки стоимости денег, если они выпущены в пропорции, определяемой стоимостью денег, могут в обращении замещать последние; и действительно,

> «денежное обращение находится в самом совершенном состоянии, когда оно состоит исключительно из бумажных денег одинаковой стоимости с тем золотом, которое они должны представлять»****.

Таким образом, до сих пор Рикардо определяет количество средств обращения — предполагая стоимость денег данной — ценами товаров, и деньги как знак стоимости означают для Рикардо знак определенного количества золота, а не, как для Юма, знак не имеющего стоимости представителя товаров.

Там, где Рикардо внезапно сворачивает с прямого пути своего изложения и переходит к противоположному взгляду, он тотчас же обращается к международному обращению благород-

* Давид Рикардо. «Начала политической экономии и т. д.», стр. 77: «Стоимость благородных металлов, как и стоимость всех других товаров, зависит в конечном счете от общего количества труда, необходимого для их получения и доставки на рынок».

** Цитированное произведение, стр. 77, 180, 181.

*** Рикардо, цитированное произведение, стр. 421: «Количество денег, которое может употребляться в стране, зависит от их стоимости; если бы в обращении находилось одно только золото, его требовалось бы в пятнадцать раз меньше, чем серебра, если бы употреблялось только последнее». См. также Ricardo: «Proposals for an economical and secure currency». London, 1816, p. 8 [Рикардо. «Предложения в пользу экономного и устойчивого денежного обращения и т. д.». Лондон, 1816, стр. 8], где он говорит: «Количество обращающихся банкнот зависит от суммы, которая необходима стране для обращения, а эта сумма регулируется стоимостью денежной единицы измерения, суммой платежей и экономией в их реализации».

**** Давид Рикардо. «Начала политической экономии»), стр. 432, 433.

ных металлов и таким образом запутывает проблему привнесением в нее чуждых точек зрения. Следуя за внутренним ходом его мыслей, мы сперва отбросим в сторону все искусственные,, случайные обстоятельства и поэтому перенесем золотые и серебряные рудники внутрь тех стран, где благородные металлы обращаются как деньги. Единственное положение, вытекающее из предыдущего изложения Рикардо, заключается в том, что при данной стоимости золота количество обращающихся денег определяется товарными ценами. Следовательно, масса обращающегося в стране в данный момент золота определяется просто меновой стоимостью обращающихся товаров. Предположим теперь, что сумма этих меновых стоимостей уменьшается, либо потому, что производится меньше товаров по прежним меновым стоимостям, либо потому, что вследствие увеличения производительной силы труда та же самая товарная масса заключает меньшую меновую стоимость. Или предположим, наоборот, что сумма меновых стоимостей увеличивается, потому что увеличивается масса товаров при неизменяющихся издержках производства или потому, что возросла стоимость той же самой или даже меньшей товарной массы вследствие уменьшения производительной силы труда. Что же станет в обоих случаях с *данным* количеством обращающегося металла? Если золото есть деньги только потому, что оно находится в обороте как средство обращения, если оно вынуждено оставаться всегда в обращении, как выпущенные государством бумажные деньги с принудительным курсом (а их и имеет в виду Рикардо), то количество обращающихся денег в первом случае будет чрезмерным по отношению к меновой стоимости металла; во втором случае оно было бы ниже ее нормального уровня. Поэтому, хотя золото обладает собственной стоимостью, оно в первом случае станет знаком металла с более низкой меновой стоимостью, чем его собственная, а во втором случае — знаком металла с более высокой стоимостью. В нервом случае золото как знак стоимости будет стоять ниже, во втором случае — выше своей действительной стоимости (опять-таки вывод, вытекающий из обращения бумажных денег с принудительным курсом). В первом случае было бы то же самое, как если бы товары оценивались в металле более низкой стоимости, чем золото, во втором случае — в металле более высокой стоимости. Поэтому в первом случае товарные цены поднялись бы, во втором случае упали бы. В обоих случаях движение товарных цен, их повышение или падение, было бы следствием относительного расширения или сокращения массы обращающегося золота выше или ниже уровня, соответствующего его собственной стоимости,

т. е. выше или ниже нормального количества, определяемого отношением между его собственной стоимостью и стоимостью товаров, которые должны находиться в обращении.

Тот же самый процесс имел бы место, если бы сумма цен обращающихся товаров оставалась неизменной, но масса обращающегося золота упала бы ниже или поднялась выше надлежащего уровня: первое — если бы стершиеся в обращении золотые монеты но возмещались соответствующей новой продукцией рудников, второе — если бы новый приток золота из рудников превысил потребности обращения. В обоих случаях предполагается, что издержки производства золота или его стоимость остаются неизменными.

Резюмируем. Обращающиеся деньги находятся на нормальном уровне, если их количество, при данной меновой стоимости товаров, определяется их собственной металлической стоимостью. Они превышают этот уровень, золото опускается ниже своей собственной металлической стоимости и цепы товаров возрастают, поскольку сумма меновых стоимостей товарной массы уменьшается или приток золота из рудников увеличивается. Их количество опускается ниже своего нормального уровня, золото поднимается выше своей собственной металлической стоимости и товарные цены падают, поскольку сумма меновых стоимостей товарной массы увеличивается или приток золота из рудников не возмещает массы стершегося золота. В обоих случаях обращающееся золото есть знак стоимости, знак большей или меньшей стоимости, чем та, которую оно действительно заключает в себе. Оно может стать переоцененным или недооцененным знаком самого себя. Как только все товары начнут оцениваться в этой новой стоимости денег и все товарные цены соответственно поднимутся или упадут, количество находящегося в обращении золота окажется опять в соответствии с потребностями обращения (вывод, который Рикардо подчеркивает с особым удовольствием), но в противоречии с издержками производства благородных металлов и, следовательно, с отношением их как товара к другим товарам. В соответствии с рикардовской теорией меновой стоимости вообще, повышение стоимости золота выше его меновой стоимости, т. е. стоимости, определяемой содержащимся в нем рабочим временем, вызовет увеличение производства золота до тех пор, пока его увеличенный приток не понизит его стоимости снова до нормальной величины. Наоборот, падение золота ниже его стоимости вызовет сокращение его производства до тех пор, пока его стоимость не повысится опять до своей нормальной величины. Этими противоположными движениями разрешится противоречие

между металлической стоимостью золота и стоимостью его как средства обращения, восстановится нормальный уровень обращающейся массы золота и уровень товарных цен снова будет соответствовать мере стоимостей. Эти колебания в стоимости обращающегося золота распространятся в такой же мере и на золото в слитках, ибо, согласно предположению, все золото, кроме употребляемого в качестве предметов роскоши, находится в обращении. Так как само золото, будьте в форме монеты или в форме слитков, может стать знаком большей или меньшей стоимости, чем его собственная металлическая стоимость, то, разумеется, и находящиеся в обращении разменные банкноты разделяют ту же участь. Хотя банкноты разменны, и, следовательно, их реальная стоимость соответствует их номинальной стоимости, совокупная масса обращающихся денег, золота и банкнот (the aggregate currency consisting of metal and of convertible notes), может быть оценена выше или ниже своей стоимости, соответственно тому, поднимается ли общее их количество, по изложенным уже причинам, выше или падает ниже того уровня, который определяется меновой стоимостью обращающихся товаров и металлической стоимостью золота. Неразменные бумажные деньги с этой точки зрения обладают лишь тем преимуществом но сравнению с разменными, что они могут обесцениваться вдвойне. Они могут упасть ниже стоимости металла, который они должны представлять, вследствие того, что они выпущены в слишком большом количестве, или же они могут упасть вследствие того, что представляемый ими металл упал ниже своей собственной стоимости. Это обесценение, — не бумажных денег по отношению к золоту, а золота и бумажных денег, вместе взятых, или совокупной массы средств обращения данной страны, — представляет собой одно из главных открытий Рикардо, которое лорд Оверстон и К° поставили себе на службу и сделали основным принципом банковского законодательства сэра Роберта Пиля 1844 и 1845 годов.

Что должно было быть доказано, так это то, что цена товаров или стоимость золота зависит от количества обращающегося золота. Доказательство же состоит в предположении того, что должно быть еще доказано, а именно, что любое количество благородного металла, служащего в качестве денег, —каково бы ни было отношение этого количества металла к его внутренней стоимости, — должно сделаться средством обращения, монетой и, следовательно, знаком стоимости для обращающихся товаров, какова бы ни была общая сумма стоимости этих товаров. Другими словами, доказательство состоит в отвлечении от

всех других функций, выполняемых деньгами, кроме их функции средства обращения. Прижатый к стене, как например, в полемике с Бозанкетом, Рикардо, находясь всецело под давлением факта обесценения знаков стоимости вследствие роста их количества, прибегает к догматическим утверждениям*.

Если бы Рикардо абстрактно развил эту теорию в том виде, как мы это сделали, без привнесения конкретных отношений и случайных моментов, отвлекающих от самого вопроса, то пустота этой теории обнаружилась бы весьма отчетливо. Но он придает всему изложению *международный* аспект. Однако легко показать, что кажущаяся грандиозность масштаба ничуть не изменяет ничтожности основных идей.

Итак, первое положение было следующее: количество обращающихся металлических денег нормально, если оно определяется суммой стоимостей обращающихся товаров, оцененной в металлической стоимости этих денег. В международном масштабе это положение гласит: при нормальном состоянии обращения каждая страна обладает массой денег, соответствующей ее богатству и ее производству. Деньги обращаются по своей действительной стоимости, или по стоимости, соответствующей их издержкам производства; это значит, что они имеют одинаковую стоимость *во всех странах***. Поэтому деньги никогда не должны были бы ввозиться или вывозиться из одной страны в другую***. Таким образом, имело бы место равновесие между currencies (совокупными массами обращающихся денег) различных стран. Нормальный уровень национального денежного обращения (currency) выражен теперь в виде интернационального равновесия между currencies, и в сущности этим ничего не сказано кроме того, что национальность ничего не изменяет во всеобщем экономическом законе. Мы пришли теперь снова к тому же самому роковому пункту, что и раньше. Каким образом нарушается нормальный уровень, т. е. каким образом нарушается международное равновесие между currencies, или каким образом деньги перестают иметь одну и ту же стоимость во всех странах, или, наконец, каким образом они перестают иметь в каждой стране свою собственную стоимость?

---

* Давид Рикардо. «Ответ на практические замечания г-на Бозанкета и т. д.», стр. 49. «То, что товары повышаются или падают в цене пропорционально увеличению или уменьшению количества денег, — я *считаю бесспорным фактам».*

** Давид Рикардо. «Высокая цена слитков и т. д.», стр. 4: «Деньги будут иметь *одинаковую стоимость* во всех странах». В своих «Началах политической экономии» Рикардо видоизменил это положение, но не таким образом, чтобы оно имело здесь значение.

*** Цитированное произведение, стр. 3—4.

Подобно тому, как раньше нормальный уровень нарушался из-за того, что масса обращающихся денег увеличивалась или уменьшалась при неизменяющейся сумме стоимостей товаров, или из-за того, что количество обращающихся денег оставалось неизменным при увеличении или уменьшении меновых стоимостей товаров, точно так же теперь международный уровень, определяемый стоимостью самого металла, нарушается из-за того, что масса находящегося в данной стране золота возрастает вследствие открытия в ней новых рудников*, или из-за того, что сумма меновых стоимостей обращающихся товаров в какой-нибудь отдельной стране возросла или уменьшилась. Подобно тому как раньше производство благородных металлов уменьшалось или увеличивалось смотря по тому, было ли необходимо сократить или расширить currency и соответственно понизить или повысить товарные цены, точно такое же действие оказывают теперь вывоз и ввоз из одной страны в другую. В той стране, в которой цены возрастут и стоимость золота вследствие разбухшего денежного обращения упадет ниже его металлической стоимости, золото обесценится по сравнению с другими странами, и, следовательно, цены товаров, по сравнению с другими странами, повысятся. Золото поэтому будет вывозиться, а товары ввозиться. В противном случае будет иметь место обратный результат. Как раньше производство золота продолжалось до тех пор, пока не восстанавливалось правильное стоимостное соотношение между металлом и товарами, так теперь ввоз или вывоз золота, а вместе с этим повышение или падение товарных цен будет продолжаться до тех пор, пока не восстановится снова равновесие в международных currencies. Как в первом случае производство золота увеличивалось или уменьшалось только потому, что золото стояло выше или ниже своей стоимости, точно так же только по этой причине будет происходить международное перемещение золота. Как в первом случае каждое изменение в производстве золота влияло на количество обращающегося металла и тем самым на цены, так теперь будут оказывать влияние международный ввоз и вывоз золота. Как только была бы восстановлена относительная стоимость золота и товаров, или нормальное количество средств обращения, в первом случае прекратилось бы дальнейшее производство золота, а во втором случае — дальнейший вывоз или ввоз золота, кроме необходимого для замены стершихся монет и потребления промышленностью, изготовляющей предметы роскоши. Отсюда следует, что

* Давид Рикардо. «Высокая цена слитков и т. д.», стр. 4.

«соблазн вывозить золото в качестве эквивалента за товары или неблагоприятный торговый баланс никогда не может иметь место, кроме как вследствие чрезмерного количества средств обращения»*.

Только обесценение или слишком высокая оценка металла в результате расширения или сокращения массы средств обращения выше или ниже их нормального уровня, вызывают ввоз или вывоз металла**. Далее отсюда вытекает следующее: так как в первом случае производство золота увеличивается или уменьшается, а во втором случае золото ввозится или вывозится только потому, что его количество находится выше или ниже его нормального уровня и оно оценивается выше или ниже своей металлической стоимости, а поэтому и товарные цены слишком высоки или слишком низки, — то каждое такое движение действует как корректирующее средство***, ибо путем увеличения или уменьшения обращающихся денег оно приводит цены опять к их нормальному уровню, в первом случае к уровню стоимости золота и товаров, во втором случае — к международному уровню currencies. Другими словами, деньги обращаются в различных странах лишь постольку, поскольку они в каждой стране обращаются в качестве монеты. Деньги представляют собой только монету, и поэтому находящееся в данной стране количество золота должно вступить в обращение, и, следовательно, оно может, в качестве знака своей собственной стоимости, подняться выше или упасть ниже этой своей стоимости. Так окольным путем этих международных перипетий мы вновь благополучно пришли к той простой догме, которая составляет исходный пункт.

Как Рикардо насильственным образом подгоняет действительные явления под свою абстрактную теорию, покажут некоторые примеры. Он утверждает, например, что во времена неурожаев, весьма частых в Англии в период 1800—1820 гг., золото вывозилось не потому, что имелась нужда в хлебе, — а золото есть деньги, т. е. всегда действенное покупательное п платежное средство на мировом рынке, — а потому, что золото обесценилось в своей стоимости по сравнению с другими товарами и, следовательно, currency страны, в которой имеет место неурожай, обесценилось по сравнению с другими национальными currencies. Именно потому, что неурожай уменьшил

* «An unfavourable balance of trade never arises but from a redundant currency» (Ricardo, 1. c., p. 11, 12) [«Неблагоприятный торговый баланс никогда не возникает иначе как только вследствие избытка средств обращения». (Рикардо, цитированное произведение, стр. 11, 12)].

** «Вывоз монеты вызывается ее дешевизной и является не следствием, а причиной неблагоприятного баланса» (цитированное произведение, стр. 14).

*** Цитированное произведение, стр. 17.

массу обращающихся товаров, данное количество обращающихся денег превысило нормальный уровень, и вследствие этого повысились все товарные цены*. В противоположность этому парадоксальному объяснению, было статистически доказано, что с 1793 г. и до последнего времени в случае неурожаев в Англии наличное количество средств обращения оказывалось не чрезмерным, а недостаточным, и поэтому в обращении находилось и должно было находиться больше денег, чем прежде**.

Во время наполеоновской континентальной блокады[37] и английского декрета о блокаде[38] Рикардо утверждал также, что англичане вывозили на континент золото вместо товаров по той причине, что их деньги обесценились по сравнению с деньгами континентальных стран, их товары вследствие этого относительно повысились в цене, и, таким образом, более выгодной торговой спекуляцией являлся вывоз золота вместо товаров. По его мнению, Англия являлась тем рынком, где товары были дороги и деньги дешевы, тогда как на континенте товары были дешевы и деньги дороги.

«Это факт», — говорит один английский писатель, — «что цены наших фабрикатов и колониальных продуктов под влиянием континентальной системы в последние шесть лет войны были разорительно низкими. Например, цены на сахар и кофе, выраженные в золоте, были на континенте в четыре или пять раз выше, чем те же цены в Англии, выраженные в банкнотах. Это было время, когда французские химики изобрели свекловичный сахар и заменили кофе цикорием, тогда как английские фермеры в это время делали опыты откармливания быков патокой и сиропом; это было время, когда Англия овладела Гельголандом, чтобы устроить здесь складочный пункт для товаров с целью облегчения контрабандной торговли с севером Европы, и когда более ходкие сорта британских фабрикатов искали себе путь в Германию через Турцию ... Почти все товары земного

---

* Рикардо, цитированное произведение, стр. 74, 75: «Англия в результате неурожая окажется в положении страны, лишившейся части своих товаров и поэтому требующей меньшего количества средств обращения. Средства обращения, которые раньше соответствовали платежам, окажутся теперь чрезмерно обильными и относительно подешевевшими пропорционально уменьшению производства. Вывоз этой суммы, следовательно, опять приведет стоимость средств обращения в соответствие со стоимостью средств обращения других стран». Смешение денег и товара, а также денег и монеты, обнаруживается смехотворным образом в следующем положении Рикардо: «Если бы можно было предположить, что после неурожая, когда Англии необходим необычайно большой ввоз зерна, какая-нибудь другая нация обладает избытком этого товара, но не нуждается ни в каких других товарах, то, бесспорно, подобная нация не станет вывозить свое зерно в обмен на товары. Но *также не будет она вывозить зерно и за деньги,* так как деньги — товар, в котором все нации нуждаются не абсолютно, а лишь относительно». Цитированное произведение, стр. 75. В поэме Пушкина отец героя никак не может понять, что товар — деньги. Но что деньги — товар, это русские поняли уже давно, что доказывается не только ввозом хлеба в Англию в 1838—1842 гг., но и всей историей их торговли.

** Ср. Thomas Tooke. «History of prices» [Томас Тук. «История цен»] и James Wilson. «Capital, currency and banking» [Джемс Уилсон. «Капитал, средства обращения и банковское дело»]. (Последняя книга представляет собой перепечатку ряда статей, появившихся в 1844, 1845 и 1847 гг. в Лондоне, в «Economist».)

шара были накоплены на наших товарных складах и лежали там неподвижно, кроме небольшого количества, которое продавалось по французской лицензии, за которую гамбургские и амстердамские купцы уплачивали Наполеону от 40000 до 50000 фунтов стерлингов. Это были, должно быть, забавные купцы, если они платили такие суммы за разрешение перевезти партию товара с дорогого рынка на дешевый! Какая очевидная альтернатива стояла перед купцом? Либо купить кофе по 6 пенсов в банкнотах за фунт и отправить его туда, где он непосредственно мог быть продан по 3 или 4 шиллинга золотом, либо купить на банкноты золото по цене 5 ф. ст. за унцию и переслать его туда, где оно оценивалось в 3 фунта стерлингов 17 шиллингов $10^1/_2$ пенсов. Следовательно, нелепо говорить, что пересылка золота вместо кофе представляла собой более предпочтительную торговую операцию... Ни в одной стране в мире нельзя было в то время получить такое большое количество желанных товаров, как в Англии. Бонапарт постоянно внимательно следил за английскими прейскурантами. Пока он находил, что золото в Англии дорого, а кофе дешево, он был доволен действием своей континентальной системы»[*].

Как раз в то время, когда Рикардо впервые выдвинул свою теорию денег, а комитет о слитках воспользовался ею в своем парламентском докладе, в 1810 г. имело место разорительное падение цен на все английские товары по сравнению с 1808 и 1809 гг., тогда как золото сравнительно поднялось в своей стоимости. Исключение составляли продукты сельского хозяйства, так как ввоз их извне наталкивался на препятствия, а их количество, находившееся внутри страны, уменьшилось вследствие неурожаев[**]. Рикардо настолько не понимал роли благородных металлов как международного платежного средства, что в своем выступлении перед комитетом палаты лордов (1819 г.) заявил:

«Утечка золота вследствие вывоза совершенно прекратится, как только будут восстановлены платежи наличными и денежное обращение будет возвращено к своему металлическому уровню».

Он умер вовремя, как раз перед началом кризиса 1825 г., который показал ошибочность его пророчества. Период, к которому относится литературная деятельность Рикардо, вообще был мало подходящим для изучения функции благородных металлов как мировых денег. До введения континентальной системы торговый баланс был почти всегда благоприятным для Англии, во время же этой системы сделки с европейским континентом были слишком незначительны, чтобы влиять на английский вексельный курс. Пересылки денег носили преимущественно политический характер, и Рикардо, по-видимому, совершенно не понимал той роли, которую в английском экспорте золота играли денежные субсидии[***].

---

[*] James Deacon Hume. «Letters on the cornlaws». London, 1834, p. 29—31 [Джемс Дикон Юм. «Письма о хлебных законах». Лондон, 1834, стр. 29—31].

[**] Томас Тук. «История цен и т. д.». Лондон, 1848, стр. 110.

[***] Ср. У. Блейк, цитированные выше «Замечания и т. д.».

Среди современников Рикардо, образовавших школу последователей принципов его политической экономии, наиболее значительным является *Джемс Милль.* Он попытался изложить теорию денег Рикардо на основе простого металлического обращения, без тех не относящихся сюда осложняющих международных моментов, за которыми Рикардо скрывал несостоятельность своих взглядов, и без всякого полемического отношения к операциям Английского банка. Главные его положения следующие*.

«Стоимость денег равна пропорции, в которой их обменивают на другие предметы, или количеству денег, которое отдают в обмен за определенное количество других вещей. Это отношение определяется совокупным количеством денег, находящихся в данной стране. Если мы предположим на одной стороне все товары данной страны, а на другой — все ее деньги, то очевидно, что при обмене обеих этих сторон стоимость денег, т. е. количество товаров, на которое они обмениваются, целиком зависит от количества самих денег. Совершенно так же обстоит дело в действительном ходе вещей. Совокупная масса товаров данной страны обменивается на совокупную массу денег не сразу, а частями, и нередко весьма малыми частями, в различное время в течение года. Та же самая монета, которая сегодня послужила для одного обмена, может завтра служить для другого. Одна часть денег употребляется для большего числа актов обмена, другая — для очень малого, а третья часть накопляется и совсем не служит для обмена. При наличии этих вариаций образуется средняя, основанная на таком числе актов обмена, для совершения которых была бы употреблена каждая монета, если бы каждая из них реализовала одинаковое число актов обмена. Установим это среднее число произвольно, например 10. Если каждая находящаяся в стране монета обслужила по 10 покупок, то это то же самое, как если бы совокупная масса монет удесятерилась и каждая из них служила бы только для одной покупки. В этом случае стоимость всех товаров равна десятикратной стоимости денег и т. д. Если бы, наоборот, вместо того, чтобы каждая монета служила в течение года для 10 покупок, совокупная масса денег удесятерилась и каждая монета совершала бы лишь один обмен, то ясно, что всякое увеличение этой массы вызвало бы соответственное уменьшение стоимости каждой монеты в отдельности. Так как предположено, что масса всех товаров, на которые деньги могут обменяться, остается неизменной, то стоимость всей массы денег после увеличения их количества не стала больше, чем она была до этого. Если предположить увеличение на одну десятую, то стоимость каждой части совокупной массы, например, одной унции, должна уменьшиться на одну десятую часть. Какова бы, следовательно, ни была степень уменьшения или увеличения совокупной массы денег, если количество других вещей остается неизменным, то стоимость общей массы денег и каждой из ее частей испытывает обратно пропорциональное уменьшение или увеличение. Ясно, что это положение представляет собой абсолютную истину. Всякий раз, когда стоимость денег испытывала повышение или падение и когда количество товаров, на которые их можно было обменивать, и быстрота обращения денег оставались неизменными, — это изменение должно было иметь своей причиной соответственное увеличение или уменьшение

* James Mill. «Elements of political economy» [Джемс Милль. «Основы политической экономии»]. В тексте дан перевод с французского перевода, осуществленного Ж. Т. Паризо, Париж, 1823.

денег и не может быть приписано никакой другой причине. Если уменьшается масса товаров, в то время как количество денег остается неизменным, то происходит то же самое, как если бы увеличилась общая сумма денег, и наоборот. Подобные же изменения являются результатом каждого изменения в быстроте обращения денег. Каждое увеличение числа оборотов производит такое же действие, как и увеличение общего количества денег; уменьшение числа этих оборотов вызывает непосредственно обратное действие... Если какая-нибудь часть годового продукта совсем не поступает в обмен, как например, часть, которую потребляют сами производители, то эта часть не принимается в расчет. Так как она не обменивается на деньги, то по отношению к деньгам она как бы вообще не существует... Пока увеличение и уменьшение денег может происходить беспрепятственно, находящееся в стране их общее количество регулируется стоимостью благородных металлов... Но золото и серебро суть товары, стоимость которых, как и всех остальных товаров, определяется издержками их производства, количеством содержащегося в них труда»[*].

Вся проницательность Милля сводится к ряду столь же произвольных, как и нелепых предположений. Он хочет доказать, что цена товаров или стоимость денег определяются «совокупным количеством денег, находящихся в данной стране». Если *предполагают,* что масса и меновая стоимость обращающихся товаров остаются неизменными, равно как и скорость обращения и определяемая издержками производства стоимость благородных металлов, и если вместе с тем *предполагают,* что все-таки количество *обращающихся* металлических денег увеличивается или уменьшается пропорционально массе *существующих* в стране денег, то действительно становится «очевидным», что здесь предполагается именно то, что следовало доказать. Впрочем, Милль впадает в ту же ошибку, что и Юм, когда он пускает в обращение потребительные стоимости, а не товары с определенной меновой стоимостью, и поэтому его положение ложно, даже если согласиться со всеми его «предположениями». Скорость обращения может остаться неизменной, равно как стоимость благородных металлов, а также *количество* обращающихся товаров, и, тем не менее, вместе с изменением меновой стоимости товаров для их обращения может потребоваться то большее, то меньшее количество денег. Милль видит тот факт, что одна часть существующих в стране денег обращается, тогда как другая лежит неподвижно. Но при помощи в высшей степени забавного исчисления средней он *предполагает,* что на самом деле обращаются все находящиеся в стране деньги, хотя в действительности, по-видимому, происходит иначе. Если предположить, что в данной стране 10 миллионов серебряных талеров оборачиваются дважды в течение года, то могли бы обращаться и 20 миллионов, если бы каждый талер совершил только одну

[*] Цитированное произведение, стр. 128—136 и сл.

покупку. И если общая сумма находящегося в стране серебра во всех его формах составляет 100 миллионов талеров, то можно предположить, что эти 100 миллионов могли бы обращаться, если бы каждая монета совершала одну покупку в пять лет. Можно было бы также предположить, что деньги всего мира обращаются в Хэмпстеде[39], но каждая часть их, вместо, скажем, трех оборотов в течение года, совершает один оборот в 3000000 лет. Одно предположение совершенно так же важно, как и другое, для определения соотношения между суммой товарных цен и количеством средств обращения. Милль чувствует, что для него решающее значение имеет сопоставление товаров непосредственно не с тем количеством денег, которое находится в обращении, а с совокупным запасом денег, существующим в стране в данный момент. Он признает, что совокупная масса товаров страны «не сразу» обменивается на совокупную массу денег, но что различные части товарной массы обмениваются в различные периоды года на различные части денег. Чтобы устранить эту несообразность, он *предполагает,* что таковая не существует. Впрочем, все это представление о непосредственном противопоставлении товаров и денег и их непосредственном обмене выведено из движения простых покупок и продаж или из функции денег как покупательного средства. Уже в движении денег как платежного средства это одновременное появление товара и денег исчезает.

Торговые кризисы XIX столетия, особенно большие кризисы 1825 и 1836 гг., не вызвали дальнейшего развития теории денег Рикардо, но вызвали новое ее применение. Теперь это были уже не единичные экономические явления, — как обесценение благородных металлов в XVI и XVII столетиях у Юма или обесценение бумажных денег в течение XVIII и в начале XIX столетий у Рикардо, — а великие бури мирового рынка, в которых разряжалось противоречие всех элементов буржуазного процесса производства; происхождение этих бурь и способы защиты от них искали в самой поверхностной и самой абстрактной сфере процесса, в сфере денежного обращения. Собственно теоретическая предпосылка, из которой исходит эта школа заклинателей экономических бурь, состоит в сущности не в чем ином, как в догме, будто Рикардо открыл законы чисто металлического обращения. Им оставалось лишь подвести под эти законы кредитное или банкнотное обращение.

Наиболее всеобщее и ощутительное явление торговых кризисов, это — внезапное всеобщее падение товарных цен, наступающее после довольно длительного всеобщего их повышения. Всеобщее падение товарных цен может быть выражено как по-

вышение относительной стоимости денег по сравнению со всеми товарами, а всеобщее повышение цен, наоборот, — как падение относительной стоимости денег. В обоих способах выражения явление лишь названо, но не объяснено. Ставлю ли я задачу объяснить всеобщее периодическое повышение цен, сменяющееся всеобщим их падением, или же я формулирую ту же самую задачу так: объяснить периодическое падение и повышение относительной стоимости денег по сравнению с товарами, — эта различная фразеология точно так же не изменяет задачу, как не изменил бы ее перевод с немецкого языка на английский. Поэтому теория денег Рикардо пришлась необычайно кстати, ибо она придает тавтологии видимость причинного отношения. Отчего происходит периодическое всеобщее падение товарных цен? От периодического повышения относительной стоимости денег. Отчего, наоборот, происходит всеобщее периодическое повышение товарных цен? От периодического падения относительной стоимости денег. С таким же правом можно было бы сказать, что периодическое повышение и падение цен происходит от их периодического повышения и падения. В самой постановке задачи заключена предпосылка, что имманентная стоимость денег, т. е. их стоимость, определяемая издержками производства благородных металлов, остается *неизменной.* Если эта тавтология должна быть чем-то большим, чем тавтологией, то она покоится на непонимании элементарнейших понятий. Если меновая стоимость ***A***, измеряемая в ***B***, падает, то мы знаем, что это может происходить как от падения стоимости ***A***, так и от повышения стоимости ***B***. Точно так же и наоборот, если меновая стоимость ***A***, измеряемая в ***B***, повышается. Если только согласиться с превращением тавтологии в причинное отношение, то все остальное получается очень легко. Повышение товарных цен происходит от падения стоимости денег, падение же стоимости денег, как мы узнаем от Рикардо, происходит от переполнения денежного обращения, т. е. оттого что масса обращающихся денег превышает уровень, определяемый их собственной имманентной стоимостью и имманентной стоимостью товаров. Точно так же, наоборот, всеобщее падение товарных цен происходит от повышения стоимости денег выше их имманентной стоимости вследствие недостаточного количества их в обращении. Следовательно, цены периодически повышаются и падают потому, что периодически в обращении находится слишком много или слишком мало денег. Если же будет доказано, что повышение цен совпадало с сокращением денежного обращения, а падение цен — с расширением денежного обращения, то можно будет, несмотря на это, утверждать, что, вследствие

некоторого, хотя статистически и совершенно недоказуемого, уменьшения или увеличения находящейся в обращении товарной массы, количество обращающихся денег, пусть не абсолютно, но относительно увеличилось или уменьшилось. Мы уже видели, что, по мнению Рикардо, эти всеобщие колебания цен должны иметь место и при чисто металлическом обращении, но они выравниваются благодаря своему чередованию, так например, недостаточное денежное обращение вызывает падение товарных цен, это падение товарных цен вызывает вывоз товаров заграницу, этот вывоз влечет за собой прилив денег в страну, а последний вновь вызывает возрастание товарных цен. Обратное происходит при избыточном денежном обращении, когда ввозятся товары и вывозятся деньги. Хотя эти всеобщие колебания цен вытекают из самой природы металлического обращения, как его понимал Рикардо, однако, их бурная и насильственная форма, форма кризисов, присуща периодам развитого кредита; поэтому становится совершенно ясно, что выпуск банкнот не регулируется точно по законам металлического обращения. Металлическое обращение обладает своим целебным средством в виде импорта и экспорта благородных металлов, которые немедленно в качестве монеты вступают в обращение и таким образом своим приливом или отливом вызывают падение или повышение товарных цен. Такое же действие на товарные цены должны теперь искусственно оказывать банки путем подражания законам металлического обращения. Если золото притекает из-за границы, то это доказывает, что в обращении недостаточно денег, что стоимость денег слишком высока, а товарные цены — слишком низки; следовательно, банкноты должны быть брошены в обращение пропорционально количеству вновь ввозимого золота. И наоборот, они должны быть изъяты из обращения пропорционально количеству золота, отливающему ил страны. Другими словами, выпуск банкнот должен регулироваться в соответствии с импортом и экспортом благородных металлов или с вексельным курсом. Ложная предпосылка Рикардо, будто золото есть только монета и поэтому все ввозимое золото увеличивает количество обращающихся денег и тем самым повышает цены, а все вывозимое золото уменьшает количество монеты и тем самым понижает цены, — эта теоретическая предпосылка становится здесь *практическим экспериментом, предписывающим выпускать в обращение столько монеты, сколько в данный момент имеется в наличности золота.* Лорд *Оверстон* (банкир Джонс Лойд). полковник Торренс, Норман, Клей, Арбатнот и множество других писателей, известных в Англии под названием школы

«currency principle», не только проповедовали эту доктрину, но через посредство банковских актов сэра Роберта Пиля от 1844 и 1845 гг. сделали ее основой существующего английского и шотландского банковского законодательства. Позорное фиаско этой доктрины, как теоретическое, так и практическое, после экспериментов в самом крупном национальном масштабе, может быть изложено только в учении о кредите*. Однако уже теперь видно, как теория Рикардо, обособляющая деньги в их текучей форме средства обращения, кончает тем, что приписывает приливу и отливу благородных металлов такое абсолютное воздействие на буржуазную экономику, которое никогда не снилось суеверной монетарной системе. Таким образом Рикардо, объявляющий бумажные деньги наиболее совершенной формой денег, стал пророком бульонистов.

После того, как теория Юма, или абстрактная противоположность монетарной системы, была таким образом развита до последних ее выводов, конкретное толкование денег, данное Стюартом, было, наконец, опять восстановлено в своих правах *Томасом Туком***. Тук выводит свои принципы не из какой-нибудь теории, но из добросовестного анализа истории товарных цен за время с 1793 по 1856 год. В первом издании своей «Истории цен», появившемся в 1823 г., Тук находится еще целиком под влиянием теории Рикардо и тщетно старается согласовать факты с этой теорией. Его памфлет «О деньгах», который вышел в свет после кризиса 1825 г., может рассматриваться даже как первое последовательное изложение взглядов, которые Оверстон впоследствии применил практически. Однако дальнейшие исследования истории товарных цен заставили Тука понять, что та прямая связь между ценами и количеством средств обращения, которая предполагалась указанной

* За несколько месяцев до начала всеобщего торгового кризиса 1857 г. заседала комиссия палаты общин по изучению действия банковских законов 1844 и 1845 годов. Лорд Оверстон, теоретический отец этих законов, в своей речи перед комиссией рассыпался в следующих похвалах: «Благодаря точному и решительному соблюдению принципов акта 1844 г. все совершалось регулярно и без затруднений; денежная система прочна и непоколебима, процветание страны бесспорно, вера публики в мудрость акта 1844 г. с каждым днем возрастает. Если бы комиссия пожелала дальнейших практических доказательств здравости принципов, на которых покоится этот акт, или благодетельных результатов, обеспеченных им, то правильным и достаточным ответом комиссии были бы слова: взгляните вокруг себя; посмотрите на теперешнее положение торговли в стране, посмотрите на довольство народа, на богатство и процветание всех классов общества, — и после этого пусть комиссия решает, должна ли она препятствовать дальнейшему действию акта, при котором достигнуты такие результаты». Так победно трубил Оверстон самому себе 14 июля 1857 г., а 12 ноября того же года министерство было вынуждено приостановить под свою ответственность действие чудотворного закона 1844 года.

** Сочинение Стюарта было Туку совершенно неизвестно, как это видно из его «History of prices from 1839—1847», London, 1848 [«История цен с 1839 по 1847 гг.», Лондон, 1848], в которой он излагает историю теорий денег.

теорией, — простая фантазия, что расширение и сокращение средств обращения, при неизменяющейся стоимости благородных металлов, есть всегда следствие и никогда не является причиной колебаний цен, что денежное обращение вообще есть только вторичное движение и что деньги в действительном процессе производства получают еще совершенно другие определенности формы, чем форма средства обращения. Детальные исследования Тука, равно как и принадлежащие к тому же направлению исследования *Уилсона* и *Фуллартона,* относятся к другой области, а не к сфере простого металлического обращения, и потому не могут быть здесь рассмотрены*. Все эти писатели понимают деньги не односторонне, а в их различных моментах, однако только вещественно, вне всякой живой связи этих моментов как между собой, так и с общей системой экономических категорий. Поэтому *деньги,* в отличие от *средства обращения,* они ошибочно смешивают с *капиталом* или даже с товаром, хотя, с другой стороны, они при случае вынуждены признать отличие денег от того и другого**. Если, например, золото вывозится за границу, то в сущности за границу вывозится капитал, но то же самое имеет место, когда экспортируется железо, хлопок, хлеб, — словом, любой товар. И то, и другое есть капитал и различаются поэтому между собой не как капитал, а как деньги и товар. Роль золота как международного средства обмена вытекает, таким образом, не из его определенности формы в качестве капитала, а из его специфической функции в качестве денег. Точно так же, когда золото

---

* Наиболее значительным сочинением Тука, кроме «Истории цен», изданной его сотрудником Ньюмарчем в шести томах, является «An inquiry into the currency principle, the connexion of currency with prices etc.», 2 edition, London, 1844 [«Исследование закона средств обращения, связи средств обращения с ценами и т. д.», 2 изд., Лондон, 18441. Сочинение Уилсона мы уже цитировали. Наконец, остается еще упомянуть сочинение: John Fullarton. «On the regulation of currencies», 2 edition. London, 1845 [Джон Фуллартон. «О регулировании средств обращения», 2 изд. Лондон, 1845].

** «Необходимо проводить различие между золотом как товаром, т. е. капиталом, и деньгами как средством обращения» (Тук. «Исследование закона средств обращения и т. д.», стр. 10). «Можно считать, что аолото и серебро при их поступлении почти в точности покроют требуемую сумму... Золото и серебро обладают бесконечным преимуществом перед всеми другими товарами... благодаря тому обстоятельству, что они повсеместно употребляются как деньги... Обычно договариваются оплачивать долги, внешние и внутренние, не чаем, кофе, сахаром или индиго, а монетой; и поэтому пересылка денег либо в той самой валюте, которая указана в контракте, либо в слитках, которые могут быть быстро превращены в данную монету на монетном дворе или на рынке той местности, куда они пересылаются, представляет для отправителя всегда наиболее верный, быстрый и точный способ уплаты, не подвергающий его риску иметь неприятность, вследствие недостатка спроса или колебаний цен» (Фуллартон, цитированное произведение, стр. 132, 133). «Всякий другой предмет (кроме золота и серебра) может по своему количеству или качеству оказаться не соответствующим обычному спросу той страны, куда он пересылается» (Тук. «Исследование и т. д.»).

или вместо него банкноты функционируют как платежное средство во внутренней торговле, они одновременно представляют собой капитал. Но капитал в форме товара не мог бы стать на их место, как это весьма наглядно показывают, например, кризисы. Поэтому опять-таки отличие золота в качестве денег от товара, а не бытие его в качестве капитала, делает его платежным средством. Даже когда капитал экспортируется непосредственно как капитал, например, когда определенная сумма стоимости отдается за границу в ссуду под проценты, то от общей конъюнктуры зависит, будет ли этот капитал экспортирован в форме товара или в форме золота, и если он экспортируется в последней форме, то это происходит в силу специфической определенности формы благородных металлов как денег, в противоположность товару. Вообще указанные писатели не рассматривают деньги сначала в том абстрактном виде, как они развиваются в сфере простого товарного обращения и вырастают из отношений самих товаров, находящихся в движении. Поэтому они постоянно колеблются между абстрактными определенностями формы, которыми обладают деньги в противоположность товару, и теми определенностями формы денег, в которых скрываются более конкретные отношения — например, капитал, revenue* и т. п.**.

---

* — доход. *Ред.*

** Превращение денег в капитал будет нами рассмотрено в третьей главе, трактующей о капитале и составляющей конец настоящего первого отдела.

К. МАРКС

* ВОПРОС ОБ ОБЪЕДИНЕНИИ ИТАЛИИ

Подобно мальчику, поднимавшему ложную тревогу из-за волка[40], итальянцы так часто повторяли, что «возбуждение Италии дошло до крайнего предела, и она стоит на пороге революции», а коронованные особы Европы так часто болтали о «разрешении итальянского вопроса», что будет не удивительно, если действительное появление волка окажется незамеченным и если подлинная революция и всеобщая европейская война вдруг разразятся и захватят нас врасплох! Европа 1859 г. имеет весьма воинственный вид, и если враждебная позиция и явные приготовления Франции и Пьемонта к войне с Австрией ни к чему не приведут, то не исключена возможность, что жгучая ненависть итальянцев к своим угнетателям в сочетании с их все возрастающими страданиями найдет себе выход во всеобщей революции. Мы ограничиваемся формулой: *«не исключена возможность»,* ибо если долго не сбывающаяся надежда томит сердце, то долго не сбывающееся пророчество настраивает ум скептически. Однако, если верить сообщениям английских, итальянских и французских газет, состояние общественного мнения Неаполя является facsimile[*] его физического строения, и поток революционной лавы вызвал бы не больше удивления, чем новое извержение старика Везувия. Корреспонденты из Папской области подробно описывают растущие злоупотребления клерикального правительства и говорят о глубоко укоренившейся вере римского населения в то, что реформа или улучшение невозможны, что единственным средством является

[*] — факсимиле, точной копией. *Ред*.

полное свержение этого правительства, что это средство было бы давным-давно применено, если бы не присутствие швейцарских, французских и австрийских войск[41], и что, несмотря на эти существенные препятствия, такая попытка может быть предпринята в любой день и час.

Сообщения из Венеции и Ломбардии более определенны и сильно напоминают нам симптомы, которыми были отмечены в этих провинциях конец 1847 и начало 1848 годов[42]. Все единодушно воздерживаются от употребления австрийского табака и промышленных изделий, всеобщее распространение получили также воззвания к народу не посещать увеселительных мест. Преднамеренное проявление ненависти к эрцгерцогу* и ко всем австрийским чиновникам дошло до того, что князь Альфонсо Парча, итальянский аристократ, преданный Габсбургской династии, не решился при народе снять шляпу перед проезжавшей по улице эрцгерцогиней; последовавшее за такой проступок наказание, в виде приказа эрцгерцога о немедленном выезде князя из Милана, побуждает людей его класса присоединиться к всеобщему требованию: fuori i Tedeschi!** Если к этим безмолвным проявлениям народных чувств прибавить ежедневные ссоры народа с солдатами, всегда затеваемые им, а также студенческие беспорядки в Павии и последовавшее за ними закрытие университета, то перед нами будет повторение пролога к пяти миланским дням 1848 года[43].

Однако, хотя мы и уверены, что Италия не может вечно находиться в нынешнем положении, ибо всему бывает конец, хотя мы знаем, что по всему полуострову идет деятельная организация, мы пока еще не в состоянии сказать, являются ли эти действия всецело стихийной вспышкой народной воли или они поощряются агентами Луи-Наполеона и его союзника, графа Кавура. Судя по внешним признакам, Пьемонт, поддерживаемый Францией, а может быть также и Россией, замышляет этой весной нападение на Австрию. Судя по приему, оказанному императором австрийскому послу в Париже, он, кажется, не питает дружелюбных намерений по отношению к правительству, представляемому г-ном Хюбнером[44]; судя по концентрации столь мощных военных сил. в Алжире, естественно предположить, что враждебные действия против Австрии начнутся с нападения на ее итальянские провинции, военные приготовления Пьемонта, заявления, граничащие с объявлением войны Австрии, которые ежедневно исходят от официальной и полуофи-

* — Фердинанду-Максимилиану. *Ред.*
** — вон немцев! *Ред.*

циальной части пьемонтской прессы, дают повод предполагать, что король воспользуется первым предлогом, чтобы перейти Тичино. Кроме того, из частных, заслуживающих доверия источников подтверждается слух о том, что герой Монтевидео и Рима, Гарибальди[45], был вызван в Турин. Кавур имел с ним беседу, осведомил его о перспективах войны в ближайшем будущем и высказал мысль, что было бы целесообразно собрать и организовать добровольцев. Австрия, одна из главных заинтересованных сторон, ясно показывает, что она верит этим слухам. В дополнение к 120000 человек, сосредоточенных в ее итальянских провинциях, она всеми возможными средствами увеличивает свои силы: еще недавно она отправила подкрепления в 30000 человек. Оборонительные сооружения Венеции, Триеста и др. расширяются и усиливаются; во всех прочих австрийских провинциях землевладельцам и всем лицам, имеющим лошадей, предлагается сдать их, так как верховые лошади потребуются для кавалерии и саперов. С одной стороны, Австрия ничего не упускает, чтобы подготовить сопротивление «на благоразумный австрийский манер», а с другой стороны, она также принимает меры на случай возможного поражения. Со стороны Пруссии — этого немецкого Пьемонта, интересы которого диаметрально противоположны ее собственным интересам, — Австрия в лучшем случае может надеяться только на нейтралитет. Миссия ее посланца, барона Зеебаха, в С.-Петербург с целью добиться поддержки в случае нападения, по-видимому, потерпела полную неудачу. Намерения царя* во многих отношениях, и не в последнюю очередь в вопросе о Средиземном море, где он тоже бросил якорь[46], слишком совпадают с проектами его бывшего противника, а ныне верного союзника в Париже, поэтому он не решится защищать «благодарную» Австрию[47]. Хорошо известное сочувствие английского *народа* итальянцам в их ненависти к giogo tedesco** заставляет весьма серьезно сомневаться в том, что какой-либо британский кабинет министров осмелится поддержать Австрию, как бы каждый из них ни хотел это сделать. Кроме того, Австрия, равно как и многие другие, сильно подозревает, что претендент на роль «мстителя за Ватерлоо»*** отнюдь не отказался от своего страстного желания унизить «коварный Альбион»[48], что, не рискуя напасть на врага в его собственном логове, он, однако, не задумается бросить ему вызов на Востоке, напав вместе с Россией на Турецкую империю (вопреки своим клятвам сохранять эту импе-

* — Александра II. *Ред.*
** — немецкому игу. *Ред.*
*** — Наполеон III. *Ред.*

рию неприкосновенной); таким образом он заставил бы половину британских сил действовать на восточном театре войны, а другую половину, пользуясь Шербуром, удерживал бы в вынужденном бездействии, для охраны британских берегов. Поэтому Австрия остается с неутешительным чувством, что в случае действительной войны ей придется полагаться только на самое себя. При этом стоит отметить один из многих ее способов максимально уменьшить свои потери в случае поражения, характеризующий ее наглую изобретательность. Казармы, дворцы, арсеналы и другие казенные строения по всей Венецианской Ломбардии, постройка и содержание которых непомерно отягощали налогами итальянцев, тем не менее считаются собственностью империи. В настоящее время правительство принуждает различные муниципалитеты покупать все эти здания по баснословным ценам, мотивируя это тем, что на будущее время оно намерено *арендовать* их, вместо того, чтобы быть их собственником. Получат ли когда-либо муниципалитеты хотя бы один грош *арендной платы,* даже если Австрия сохранит свое владычество, в лучшем случае представляется сомнительным; но если она будет изгнана из всех своих итальянских владений или из части их, она сможет поздравить себя со своей ловкой выдумкой, благодаря которой она превратила значительную долю своего потерянного имущества в наличные деньги, которые легко забрать с собой. Кроме того, утверждают, что Австрия всеми силами старается убедить римского папу, неаполитанского короля, герцогов Тосканы, Пармы и Модены также решительно, как и она сама, сопротивляться до конца всем попыткам народа или коронованных особ изменить существующий порядок вещей в Италии. Но никто лучше самой Австрии не знает, сколь безуспешны были бы все усилия этих ее жалких орудий сопротивляться волне народного восстания или иностранному вмешательству. И хотя каждый истинный итальянец страстно желает войны с Австрией, мы можем не сомневаться, что значительное большинство итальянцев считает, что по своим перспективам война, начатая Францией и Пьемонтом, имела бы, по меньшей мере, сомнительный результат. Хотя никто не верит искренне, что палач Рима под влиянием какого-то гуманного чувства мог бы превратиться в спасителя Ломбардии, тем не менее небольшая клика относится благоприятно к планам Луи-Наполеона посадить Мюрата на неаполитанский трон и заявляет, что верит в его намерение удалить папу из Италии или ограничить его власть городом Римом и Римской Кампаньей и помочь Пьемонту присоединить к своим владениям всю Северную Италию. Затем существует еще небольшая, но честная

партия, которая воображает, что мысль об итальянской короне прельщает Виктора-Эммануила, как она, по-видимому, прельщала его отца*; партия эта уверена, что он с нетерпением ждет удобного случая обнажить свой меч ради приобретения итальянской короны, и что он воспользуется помощью Франции или любой другой помощью с единственной целью — обрести это столь желанное сокровище. Гораздо более многочисленная группа, имеющая приверженцев повсюду в угнетенных провинциях Италии, особенно в Ломбардии и среди ломбардской эмиграции, не питая особой веры в пьемонтского короля или пьемонтскую монархию, все же говорит: «Каковы бы ни были его цели, Пьемонт обладает армией в 100000 человек, флотом, арсеналами и казной; пусть он бросит вызов Австрии, мы последуем за ним на поле битвы; если он сохранит верность делу, то получит свою награду; если же он не оправдает надежд, у нации найдется достаточно сил, чтобы продолжать уже начатую борьбу и довести ее до победы».

Напротив, итальянская национальная партия заявляет, что провозглашение войны за независимость Италии под покровительством Франции и Пьемонта она считает национальным несчастьем. Для нее вопрос заключается не в том, — как это часто ошибочно предполагают, — объединится ли Италия, освобожденная от чужеземного владычества, при республиканской или монархической форме правления, а в том, что предлагаемые средства не приведут к завоеванию Италии для итальянцев и в лучшем случае смогут лишь заменить одно чужеземное иго другим, не менее тяжким. Сторонники этой партии считают, что герой 2 декабря[49] не предпримет войны иначе, как под давлением растущего нетерпения своей армии или угрожающей позиции французского народа; что, будучи вынужден прибегнуть к войне, он выберет Италию в качестве театра военных действий с целью выполнения плана своего дяди** — превратить Средиземное море во «французское озеро», — чего он достиг бы, посадив Мюрата на неаполитанский трон; что, диктуя свои условия Австрии, он стремится к завершению начатого в Крыму реванша за договоры 1815 г., когда Австрия была одной из сторон, продиктовавших Франции условия, крайне унизительные для фамилии Бонапартов. Эта партия смотрит на Пьемонт как на простое орудие в руках Франции и убеждена, что Наполеон III, по достижении своих собственных целей, не рискуя помочь Италии в завоевании той свободы, в которой

* — Карла-Альберта. *Ред.*

** — Наполеона I, *Ред.*

он отказывает Франции, заключит мир с Австрией и задушит все попытки итальянцев продолжать войну. Если Австрия в общем удержит свои позиции, то Пьемонт должен будет удовлетвориться присоединением к своей нынешней территории герцогств Пармы и Модены; по если Австрия будет побеждена в этой борьбе, то на Адидже будет заключен мир, который оставит всю Венецианскую область и часть Ломбардии в руках ненавистных австрийцев. Относительно этого *мира на Адидже,* утверждают они, Пьемонт и Франция уже пришли между собой к молчаливому соглашению. Хотя национальная партия и уверена в торжестве нации в случае национальной войны против Австрии, она все же утверждает, что если эта война будет иметь своим вдохновителем Наполеона, а диктатором короля Сардинии, то итальянцы не смогут сделать и шага против ими же самими признанных вождей, они не смогут никоим образом предотвратить плутни дипломатии, капитуляции, договоры и в результате всего этого должны будут снова позволить надеть на себя оковы; они указывают на поведение Пьемонта по отношению к Венеции и Милану в 1848 г., а также при Новаре в 1849 г.[50] и убеждают своих соотечественников учесть этот горький опыт их рокового доверия к монархам. Все усилия национальной партии направлены на то, чтобы завершить организацию полуострова, побудить народ объединиться для последнего усилия и не вступать в борьбу до тех пор, пока он не почувствует себя в силах начать великое национальное восстание, которое, низложив папу, короля-бомбу[*] и компанию, сделает возможным использование армий, флотов и военного имущества соответствующих провинций для уничтожения чужеземного врага. Считая пьемонтскую армию и народ ревностными борцами за свободу Италии, члены этой партии чувствуют, что король Пьемонта, если он пожелает, будет, таким образом, иметь полную возможность способствовать свободе и независимости Италии; если же он окажется на стороне реакции, то они знают, что армия и народ будут на стороне национального дела. Если король оправдает надежды, возлагаемые на него его приверженцами, то итальянцы не замедлят проявить свою благодарность в самой осязательной форме. Во всяком случае нация окажется в состоянии решить свою собственную судьбу. Предчувствуя, что успешная революция в Италии послужит сигналом к общей борьбе всех угнетенных национальностей с целью освобождения от своих угнетателей, эта партия не боится вмешательства со стороны Франции, ибо у Наполеона III будет слишком много

[*] — Пия IX и Фердинанда II. *Ред.*

своих собственных внутренних хлопот, чтобы вмешиваться в дела других наций даже ради успеха своих собственных честолюбивых замыслов. A chi tocca-tocca?[*] — как говорят итальянцы. Мы не решаемся предсказывать, кто — революционеры или регулярные армии — первыми появятся на поле сражения. Но, по-видимому, с достаточной уверенностью можно сказать, что война, начавшись в любой части Европы, не окончится там, где началась; и если эта война в самом деле неизбежна, то мы искренне и от всей души желаем, чтобы она принесла с собой подлинное и справедливое решение итальянского вопроса, равно как и разных других вопросов, ибо, пока эти вопросы не будут разрешены, они от времени до времени будут нарушать мир в Европе и, следовательно, мешать прогрессу и процветанию всего цивилизованного мира.

Написано К. Марксом около 5 января 1859 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5541, 24 января 1859 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

[*] — Кому начинать? *Ред.*

К. МАРКС

ПЕРСПЕКТИВЫ ВОЙНЫ В ЕВРОПЕ [51]

Париж, 11 января 1859 г.

Ответ австрийского императора на необычные новогодние поздравления, присланные ему из Парижа от имени «голландского племянника Аустерлицкой битвы»[52] и речь добродетельного Эммануила при открытии сардинского парламента отнюдь не содействовали рассеянию охватившей Европу тревоги перед возможностью войны. Во всех центрах денежного рынка барометр показывает «бурю». Неаполитанский король внезапно стал великодушным и враждебно настроенным по отношению к России: он начал целыми партиями освобождать политических заключенных, изгнал Поэрио и его сторонников и отказал России в угольной базе в Адриатике; ссоры с немцами и кампания против потребителей правительственных сигар продолжались в Милане, Лоди, Кремоне, Брешии, Бергамо, Парме и Модене, а в Павии по приказу правительства были временно прекращены занятия в университете; вызванному в Турин Гарибальди поручено реорганизовать добровольческий корпус; в Турине формируется новый егерский корпус приблизительно в 15000 человек, а в Касале ускоренными темпами ведется строительство укреплений. Австрийская армия, численностью примерно в 30000 человек, т. е. полный corps d'armée* (3-й), к этому времени, вероятно, уже вступила в Ломбардо-Венецианское королевство, а граф Дьюлаи, генерал школы Радецкого, человек с инстинктами Гайнау, уже прибыл в Милан, чтобы взять бразды правления из рук мягкого, благонамеренного, но слабого эрцгерцога Фердинанда-Максимилиана. Во Франции военные маневры стали

* — армейский корпус. *Ред.*

постоянным явлением, а сам император проявляет огромное рвение в деле проведения испытаний новой пушки в Венсенне. Наконец и прусское правительство ввело в действие свою новую либеральную систему, запросив от палат денег на увеличение постоянной армии и превращение ландвера в придаток линейных войск[53]. При наличии таких туч на горизонте Европы нас может удивить сравнительно незначительное падение курсов на лондонской бирже, которая обычно является более точным показателем биения пульса европейского общества, нежели денежные обсерватории Парижа и других частей континента.

Во-первых, проницательные наблюдатели лондонской биржи были не прочь рассматривать новогодние причуды Наполеона попросту как спекулятивный биржевой маневр со стороны их августейшего союзника. Действительно, как только французские ценные бумаги стали падать, публика стремглав бросилась в храм Ваала, чтобы сбыть с рук государственные облигации, а также облигации Credit Mobilier[54] и акции железных дорог за любую цену, какую только они смогут получить. Затем, когда с частью спекулянтов, игравших на повышение, было покончено, 6 января на парижской бирже вдруг последовало легкое оживление в результате распространившегося слуха о том, что в «Moniteur»[55] будет помещена правительственная заметка для того, чтобы сгладить впечатление от обращения «его величества» к австрийскому послу. Такая заметка действительно появилась в пятницу 7 января. Тогда государственные ценные бумаги поднялись, и не мало молодцов, которые известны как свои люди в Тюильри, в ту же самую пятницу получили огромные прибыли. Таким образом, эти господа самым выгодным способом возместили себе свои расходы на новогодние подарки. Подобный же заговор, назревавший в Лондоне, был, по-видимому, расстроен не благодаря какой-либо необычайной проницательности британских финансовых умов, а благодаря их тайному господству над некоторыми из финансовых распорядителей елисейских menus plaisirs*. Однако сравнительная устойчивость британских ценных бумаг вызвана главным образом другим обстоятельством, менее лестным для Луи-Наполеона, но более характерным для положения в Европе. Ни один духовник не знает уязвимые места в сердце прелестной кающейся грешницы лучше, чем денежные дельцы Чапел-стрита, Ломбард-стрита и Треднидл-стрита[56] знают, какие затруднения переживают европейские правители. Они знают, что

* — буквально: «мелких удовольствий»; в переносном смысле: добавочных расходов на всякого рода прихоти. *Ред.*

России нужен заем приблизительно в 10 миллионов фунтов стерлингов; что Франция, несмотря на ожидаемое в бюджете превышение доходов над расходами (об этом превышении всегда говорят, употребляя будущее время), остро нуждается в деньгах; что Австрия стремится получить для покрытия части задолженности по крайней мере 6 или 8 миллионов фунтов стерлингов; что маленькая Сардиния жаждет займа не только для новой итальянской кампании, но и для уплаты старых долгов, в которые она влезла в связи с Крымской войной, и что венценосцы и меченосцы должны сначала получить из английского кошелька займы на общую сумму в 30 миллионов фунтов стерлингов, прежде чем смогут двинуться армии, прольется кровь и раздастся неистовый грохот пушек. Но, чтобы осуществить все эти денежные операции, требуется по крайней мере двухмесячная отсрочка; так что, совершенно независимо от военных соображений, если суждено быть войне, ее приходится отложить до весны.

Однако было бы большой ошибкой делать поспешный вывод о том, что воинственным псам их зависимость от благоусмотрения миролюбивых капиталистов наверняка помешает сорваться с цепи. При процентной ставке, едва достигающей $2^1/_2$%, при наличии более 40 миллионов золотом, залежавшихся в подвалах Английского и Французского банков, при общем недоверии к коммерческим спекуляциям, самому сатане, если бы он выпустил заем для новой кампании, удалось бы после нескольких жеманных отсрочек и двух-трех лицемерных уговоров продать свои облигации по стоимости выше номинальной.

Обстоятельства, которые могли бы отсрочить европейскую войну, те же самые, которые толкают события к такой развязке. После своих блестящих дипломатических успехов в Азии[57] Россия стремится вернуть себе главенствующую роль в Европе. Действительно, подобно тому, как тронную речь короля маленькой Сардинии предварительно проверили в Париже, точно так же новогодний boutade[*] Бонапарта (Малого)[58] явился всего лишь эхом лозунга, данного из С.-Петербурга. При таком положении, когда Франция и Сардиния идут на поводу у С.-Петербурга, Австрия находится под угрозой, Англия изолирована, а Пруссия колеблется, русское влияние в случае войны стало бы господствующим, по крайней мере на некоторое время. Россия могла бы держаться в стороне, ослабить Францию и Австрию в борьбе друг против друга и под конец «облегчить» затруднения этой последней державы, ныне загораживающей ей дорогу

---

[*] — выпад. *Ред.*

на юг и препятствующей ее панславистской пропаганде. Рано или поздно русскому правительству пришлось бы вмешаться; его внутренние затруднения могли бы быть разрешены войной за пределами страны, и благодаря успеху в ней императорская власть смогла бы сломить дворянскую оппозицию у себя в стране. Но, с другой стороны, финансовое бремя, порожденное крымской кампанией, утроилось бы, дворянство, к которому при таких критических обстоятельствах пришлось бы обратиться, получило бы повое оружие для нападения и защиты, а крестьянство, перед лицом все еще невыполненных обещаний[59], раздраженное новыми отсрочками, новыми рекрутскими наборами и новыми налогами, возможно, было бы доведено до восстания. Что касается Австрии, то она боится войны; однако ей, конечно, могут навязать ее. В свою очередь Бонапарт, весьма вероятно, пришел к верному заключению, что теперь наступил момент пустить в ход свой главный козырь. Aut Caesar, aut nihil![*] Фальшивая слава Второй империи быстро исчезает, и, чтобы снова скрепить это чудовищное жульничество, требуется кровь. Разве мог бы Бонапарт надеяться на успех, если бы он не выступал в столь выигрышной роли освободителя Италии и если бы не нынешние столь благоприятные обстоятельства, когда Англия вынуждена соблюдать нейтралитет, Россия тайно поддерживает его, а Пьемонт признал себя его вассалом? С другой же стороны, клерикальная партия во Франции резко противится нечестивому крестовому походу; буржуазия напоминает ему его слова: «L'Empire c'est la paix»[60]; то обстоятельство, что Англия и Пруссия вынуждены пока соблюдать нейтралитет, сделает их в ходе войны господами положения, а всякое поражение на равнинах Ломбардии прозвучит похоронным звоном по этой поддельной империи.

Написано К. Марксом 11 января 1859 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5547, 31 января 1859 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

[*] — «Либо Цезарь, либо ничто!» (слова, приписываемые Юлию Цезарю). *Ред.*

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

ДЕНЕЖНАЯ ПАНИКА В ЕВРОПЕ [61]

Париж, 13 января 1859 г.

Паника на европейских биржах еще не улеглась, и по очень осторожным подсчетам стоимость государственных ценных бумаг понизилась приблизительно на 300000000 долларов. В то время как французские, сардинские и австрийские государственные бумаги понизились на 5%, железнодорожные акции этих же стран упали на 15—35%, а ломбарде-венецианские железнодорожные акции упали почти на 50%. Все европейские биржи, за исключением лондонской, убеждены теперь в том, что будет война. У меня нет оснований изменить свое мнение, ранее высказанное по этому вопросу[*]. Я убежден в том, что Луи-Наполеон в действительности воевать не собирается и что его замыслы не выходят за рамки дипломатической победы над Австрией, сочетающейся с крупной наживой для него лично и для его приспешников, авантюристов с парижской биржи. Крикливый тон бонапартистской прессы, а также «Independance belge»[62], этой продажной собирательницы сплетен, хвастовство, с которым возвещается о военных приготовлениях, достаточно ясно доказывают, что дело идет не о войне, а о запугивании войной. Сейчас даже корреспондент лондонского «Times»[63] признает, что запутавшиеся в долгах лакеи двора опять получили возможность в невиданных доселе размерах обирать «почтенных» спекулянтов и мелких держателей ценных бумаг по всей Франции, как никогда играя на понижение курса. Один граф де Морни, говорят, заработал на этом деле до 5 января не менее 2000000 фр., а общая сумма денег, перешедших

[*] См. настоящий том, стр. 176—177. *Ред.*

из карманов буржуазии в карманы бонапартистских авантюристов, должно быть, во много раз превосходит эту цифру.

Существуют три фактора, которые заставляют Луи-Наполеона добиваться расположения итальянцев и занимать угрожающую позицию по отношению к Австрии. Это, во-первых, Россия, которая со времени Парижского мира[64] использует его как свое орудие. Второй фактор мало известен, так как Наполеон и его двор из кожи вон лезут, чтобы скрыть его от взоров публики, хотя существование этого фактора является доказанным. С момента покушения Орсини, до его казни и после нее, французский император непрерывно получал множество писем от Верховной венты итальянских карбонариев, тайного общества, членом которого он был в 1831 году[65]. Ему напоминали, какие клятвы он давал, вступая в это общество, как он нарушил их и как по уставу общества наказывают подобных изменников. Когда Орсини был в тюрьме, карбонарии предупредили императора, что в случае казни Орсини покушения на его жизнь будут продолжаться до тех пор, пока они не увенчаются успехом, а после казни Орсини Луи-Наполеон получил официальный смертный приговор, вынесенный ему Вентой. Этот удачливый авантюрист, проникнутый суеверием, был крайне потрясен таким приговором тайного трибунала. Его нервы, ставшие хотя и не железными, но нечувствительными и жесткими как дубленая кожа (он их закалял в течение 20 лет, проводя ночи напролет за игорным столом), не выдержали этой постоянной угрозы дамоклова меча. Это таинственное вмешательство невидимой силы, известной ему по опыту прежних лет, по недавнему выстрелу Пианори и по бомбе Орсини, было как раз тем, что могло внести смятение в рассудок человека, который за будничной политикой непосредственной выгоды не замечал в истории причинных связей, а видел лишь таинственное действие каких-то фатальных сил, непостижимых для человеческого разума и часто возводящих чистейший вздор до положения высшей власти. Этот постоянный страх перед грозившей ему опасностью в огромной степени способствовал целому ряду тех явных грубых промахов, которыми ознаменовалось его правление за последний год.

И в самом деле, чтобы уйти от своей судьбы — ибо он верит во всемогущество итальянских террористов не меньше, чем гаданиям цыганок на эпсомских скачках[66], — он должен был умилостивить невидимую силу. Поэтому были опубликованы фальсифицированные письма Орсини, которые подтасованы таким образом, что из них вытекало, будто на Луи-Наполеона возлагалось, как некий священный долг, осуществление надежд итальянцев[67]. Но карбонариев не так-то легко было удовлетво-

рить: они не переставали напоминать обвиняемому, что он все еще приговорен к смерти и отмену приговора может заслужить только делами. Наконец, за последнее время значительно обострилось и его положение в самой Франции. Важнейший вопрос — где добыть деньги — с каждым днем все более грозно встает перед ним. Получить заем нет ни малейших надежд: государственный долг за последнее время так быстро вырос, что об этом не может быть и речи. Credit Mobilier и Credit Foncier[68], выкачивание миллионов под предлогом оросительных работ, осушки болот, лесонасаждения, возведения дамб — все это уже дело прошлого и не может быть снова повторено. Но в сложившейся обстановке требуется все больше и больше денег; его собственная расточительность и, прежде всего, с каждым днем возрастающие требования хищной военщины, чиновников и авантюристов, верность которых он вынужден каждый день покупать, делают для него денежный вопрос вопросом жизни и смерти; поэтому с чисто денежной точки зрения война с перспективой принудительных займов, грабежей и военных контрибуций с завоеванных провинций явилась бы в момент крайней необходимости единственным выходом из положения. Но дело не только в финансах, дело в общей непрочности его положения во Франции. Дело в сознании того факта, что хотя он стал императором по милости армии, он не может перейти известные границы в борьбе против общественного мнения как буржуазии, так и пролетариата. В то же время, поскольку он стал императором по милости армии, он должен выполнить ее волю. Вследствие всего этого уже давно очевидно для него самого, а также для всего мира, что последним его козырем в случае крайней опасности является война, и именно война за возвращение левого берега Рейна. Совсем не обязательно, чтобы такая война началась на самом Рейне. Наоборот, указанная территория может быть завоевана, вернее ее завоевание может быть начато в Италии, совершенно так же, как первое завоевание этих провинций было завершено благодаря победам генерала Бонапарта на полях Ломбардии.

Такая война неизбежно является последней картой Луи-Наполеона. Он ставит на нее все, и как опытный игрок очень хорошо знает, какие грозные силы противостоят ему. Он знает, что с каким бы таинственным видом он ни хранил молчание, всему миру известно, и было известно с первых дней его властвования, что представляет собой эта последняя карта. Наполеон знает, что своей маской сфинкса ему никого не удастся ввести в заблуждение на этот счет. Он знает, что ни одна европейская держава не потерпела бы такого расширения французской

территории и что на дружбу России можно положиться почти так же, как и на его собственные клятвы. Для такого человека, как он, который так развил девиз Людовика XV «Après moi le déluge»* и который знает, что это будет за потоп, каждый час является определенным и неоценимым выигрышем, посредством которого он может отсрочить развязку, выиграть время и одурачить окружающих его игроков.

Но в то же время он отнюдь не является хозяином положения: необходимость может заставить его пустить в ход главный козырь раньше, чем ему хотелось бы. По крайней мере за последние три месяца вооружение Франции ведется в колоссальных масштабах. После того, как значительное число старых солдат было уволено в отпуск, в 1858 г. были призваны полностью 100000 человек рекрутов по сравнению с 60000 обычного ежегодного набора мирного времени. Кипучая работа всех арсеналов и военных заводов еще три месяца назад убедила весь высший командный состав в том, что идут приготовления к серьезной кампании. А теперь мы узнаем, что государственные литейные заводы получили заказ на изготовление 75 батарей или 450 орудий новой системы Луи-Наполеона (легкие 12-фунтовые пушки); что осуществлено дальнейшее усовершенствование ружейной пули (предложенное Неслером, официальным преемником Минье); что численность егерских батальонов увеличена с 400 до 700, а численность батальонов линейных полков с 900 или 1000 до 1300 человек, путем перевода из учебно-запасных частей (которые комплектуются из рекрутов) около 60000 человек; что в Тулоне накапливаются военные материалы и что предполагается организовать два лагеря, местонахождение которых еще не известно. Однако их расположение нетрудно угадать: один будет около Лиона, или южнее, близ Тулона, а другой у Меца в качестве обсервационной армии против Пруссии и Германского союза[69]. Все это неизбежно разжигает до предела воинственные настроения в армии; и на войну рассчитывают с такой уверенностью, что офицеры больше не заказывают штатской одежды, полагая, что в течение некоторого времени им придется носить только форму.

В то время как во Франции дела обстоят таким образом, в Пьемонте король еще перед рождеством объявил своим генералам о том, чтобы они были наготове, так как возможно еще до весны им придется понюхать пороха. Речь, которой он открыл недавно заседание палаты, настолько изобиловала высокопарными фразами об итальянском патриотизме и намеками на

* — «После меня хоть потоп». *Ред.*

несправедливость австрийского владычества, что напрашивается вывод: либо он решительно намерен воевать, либо он готов примириться с тем, что весь мир назовет его круглым дураком. В Ломбардии, в Риме, в герцогствах наблюдаются волнения, с которыми можно сравнить только волнения, предшествовавшие взрыву 1848 года; население, по-видимому, оказывает иностранным войскам открытое неповиновение и стремится только к одному: продемонстрировать свое крайнее презрение к существующей власти и свою полную уверенность в том, что через несколько месяцев австрийцам придется покинуть Италию. В ответ на все это Австрия преспокойно усиливает свою армию в Ломбардии. Эта армия состояла из трех армейских корпусов — 5-го, 7-го и 8-го, насчитывающих всего около 100000 человек. Как я уже отмечал в предыдущей статье*, к ним на подкрепление идет 3-й корпус. Сообщают, что шесть полков пехоты (30 батальонов), четыре батальона тирольских стрелков, два кавалерийских полка, шесть батарей, весь штаб и инженерный обоз 3-го армейского корпуса находятся в пути, или уже прибыли в Ломбардию. Тем самым численность армии увеличивается до 130000 или 140000 человек. Занимая позиции между Адидже и Минчо, эти силы смогут выдержать натиск по крайней мере вдвое превосходящих сил противника.

Итак, повсюду накапливается горючий материал. В состоянии ли Луи-Наполеон справиться со всеми этими событиями? Нет. Многое совершенно вне его власти. Если произойдет вспышка в Ломбардии, Риме или в одном из герцогств, если генерал Гарибальди вторгнется на непосредственно прилегающую территорию и поднимет народ на восстание, — сумеют ли Пьемонт и Луи-Наполеон устоять? После того, как французской армии было по существу обещано завоевание Италии, где ее должны встретить как освободительницу, как можно потребовать от нее, чтобы она стояла вольно, с опущенными ружьями, в то время как австрийские войска топчут очаги итальянского восстания? Вот в чем суть. Ход событий в Италии уже не подчиняется воле Луи-Наполеона; в любой момент может ускользнуть из-под его влияния и ход событий в самой Франции.

Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом 13 января 1859 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5548, 1 февраля 1859 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

---

* См. настоящий том, стр. 175. *Ред.*

К. МАРКС

ПОЛОЖЕНИЕ ЛУИ-НАПОЛЕОНА

Париж, 26 января 1859 г.

Вам уже, разумеется, известно о тайной связи между новой итальянской политикой Луи Бонапарта и глубоко укоренившимся в нем страхом перед итальянскими террористами. Несколько Дней тому назад вы могли бы прочитать в «France Centrale», провинциальной газете, которая, к сожалению, никогда не пересекает Атлантический океан, следующую историю:

«Мы упоминали о бале, состоявшемся в прошлый понедельник в Тюильри. В письмах из Парижа нам сообщают об одном происшествии, которое причинило немало волнений на этом празднестве. Гостей было много. То ли потому, что одна дама почувствовала себя дурно, то ли по другой причине, произошло замешательство и 3 или 4 тысячи гостей вообразили, что случилось какое-то несчастье. Это вызвало смятение. Несколько человек бросилось к трону, и император, чтобы успокоить присутствующих, прошелся по залам».

Однако на балу, о котором идет речь, в Salle du Trone* находилось около 200 или 300 человек, и они явились свидетелями происшествия, весьма отличного от того, которое было разрешено описать газете «France Centrale». На самом деле гости почему-то внезапно заметались по различным залам и всей толпой стали напирать на Salle du Trone, а в этот момент Луи Бонапарт и Евгения поспешно оставили трон и стремглав бросились через зал к выходу, причем императрица на бегу кое-как подхватила свои юбки и выглядела такой бледной, что ее лучшие друзья говорили потом: «Она была бледна, как смерть».

Это состояние мучительного беспокойства, которое узурпатор и его друзья испытывали со времени покушения Орсини, сильно напоминает известное место в «Государстве» Платона:

* — Тронном зале. *Ред.*

«Тиран не достигает даже своей основной цели — быть правителем. Кем бы ни казался тиран, он всегда раб. Его сердце вечно будет преисполнено страхами, терзаемо ужасом и угрызениями совести. С каждым днем он будет все более и более становиться тем, кем он был с самого начала, т. е. человеком, которому завидуют и которого ненавидят, подозрительным, лишенным друзей, несправедливым, врагом всего святого и защитником и поощрителем всего бесчестного. Таким образом, тиран — несчастнейший из людей».

Враждебная позиция, которую занимает Бонапарт по отношению к Австрии, хотя, несомненно, и рассчитана на то, чтобы дать ропщущей армии какую-то надежду на активные действия иного характера, чем полицейская служба, выполняемая ею в настоящее время, все же главным образом имеет целью обезвредить итальянский кинжал и заверить итальянских патриотов в том, что император верен своей прежней клятве карбонариев. Брак принца Наполеона, или генерала Плон-Плона, как его называют парижане, с сардинской принцессой Клотильдой должен был в глазах всего мира неизбежно привести к единению Франции и Италии и таким образом явиться, как это хотят изобразить обитатели Тюильри, первым взносом в счет долга Бонапартов итальянцам. Но вы ведь знаете героя Сатори![70] Он известен своим упрямством в преследовании раз поставленной цели, но его пути извилисты, его продвижение вперед сопровождается постоянными отступлениями и всякий раз, как он добирается до кульминационного пункта, для него возникают величайшие осложнения, которые как бы парализуют его.

В такие моменты, как Булонь, Страсбург[71] и ночь с 1 на 2 декабря 1851 г. какие-нибудь наглые, самоуверенные, горячие сорви-головы всегда стояли у него за спиной и не давали ему больше откладывать выполнение давно задуманных им планов, силой заставляя его войти в Рубикон. Благополучно перейдя его, он снова начинает действовать с присущим ему коварством, преступными замыслами, тайными заговорами, нерешительностью и флегматичностью. Самая лживость его натуры толкает его к двойной игре по отношению к своим же собственным планам. Этот сардинский брак, например, замышлялся восемь месяцев тому назад под предлогом итальянского крестового похода, который должен был быть возглавлен Францией. После стольких неудачных попыток пробраться в круг королевских семей, было бы не плохим политическим ходом под ложным предлогом заманить в бонапартистские сети дочь представителя старейшей европейской династии!

Но у Луи-Наполеона были более веские причины, заставившие его прибегнуть к reculade[*] и применить тактику успокоения

[*] — отступлению. *Ред.*

после того, как раздался трубный глас, призывающий к войне. Никогда еще за все его правление буржуазия не проявляла таких несомненных признаков недовольства, а ее тревога, вызванная лишь слухами о войне, вылилась в колоссальные потрясения на бирже, на сельскохозяйственных рынках и в промышленных центрах. Финансовые магнаты протестовали. Граф де Жермини, директор Французского банка, лично уведомил императора о том, что упорство в проведении опасного политического курса неизбежно приведет к потрясению коммерческой жизни всей страны.

Префекты Марселя, Бордо и других крупных торговых городов, докладывая о небывалой панике в торговых кругах, делали из ряда вон выходящие намеки на признаки нелояльности со стороны этих «друзей собственности и порядка». Г-н Тьер счел этот случай подходящим для того, чтобы нарушить свое длительное молчание и открыто и резко критиковать в салонах, кишащих правительственными шпионами, «безумную политику» Тюильри. Давая обстоятельный политический и стратегический анализ шансов войны, он доказывал, что Франция не сможет избежать поражения, если только она не будет располагать в начале борьбы 400000 солдат, не считая тех, которых она должна держать в Алжире и тех, которых нужно оставить внутри страны. Даже правительственная «Constitutionnel»[72], хотя и в тоне притворного негодования, не могла не признать, что воинственный пыл Франции испарился и что подобно трусу она приходит в ужас от одной мысли о серьезной войне. G другой стороны, шпионы низшего ранга в один голос сообщали о насмешках, которые вызывает у населения одна только мысль о том, что деспот Франции собирается играть роль освободителя Италии, причем наряду с этими насмешками распеваются весьма непочтительные куплеты по поводу сардинского брака. Один из этих куплетов начинается словами:

«Итак на сей раз супругом Марии-Луизы должен стать Плон-Плон»[73].

Несмотря на инструкции, разосланные всем префектам с целью внести успокоение, и строго официальное опровержение слухов о какой бы то ни было опасности, угрожающей status quo*, всеобщая паника далеко еще не улеглась. Прежде всего, здесь стало известно, что полубога из Тюильри заставили пойти дальше, чем он намеревался. Ходят слухи, что принцесса Клотильда, которая несмотря на свою молодость, обладает сильным характером, приняла предложение Плон-Плона со словами: «Я выхожу за Вас замуж для того, чтобы обеспечить моему папе

* — существующему положению. *Ред.*

поддержку со стороны Франции. Если бы не было полной уверенности в этом, я не пошла бы за Вас». Она отказывалась дать свое согласие на обручение, пока ее отцу не будут даны «твердые гарантии» активной помощи со стороны Франции. Таким образом, Луи Бонапарт должен был подписать с Виктором-Эммануилом оборонительно-наступательный союз[74] — факт, о котором агенты Плон-Плона постарались тотчас же поведать всей Европе на страницах «Independance belge». Этот Плон-Плон и его свита фактически претендуют на то, чтобы в данный момент играть ту же роль, которую пришлось играть Персиньи в Булонской экспедиции, а Морни, Флёри и Сент-Арно в ночь на 2 декабря, а именно: бросить Луи Бонапарта в Рубикон. Плон-Плон, как вы знаете, не славится военной доблестью. Во время крымской кампании он представлял собой весьма жалкую фигуру, не обладая даже мужеством, необходимым для рядового солдата; он даже не умеет сохранять надлежащее равновесие при верховой езде. А между тем сейчас он является настоящим Марсом династии Бонапартов. Стать вице-королем Ломбардии — это, по его мнению, очередной шаг на пути к трону Франции. Его друзья стали настолько нескромными, что их главарь, г-н Эмиль де Жирарден, когда зашла речь о намерениях императора, осмелился заявить в присутствии почти двадцати человек: «О каком императоре вы говорите? Единственным, фактическим императором является тот, который находится в Пале-Рояле»[75]. В то время как правительственные газеты для вида проповедуют мир, вестник Плон-Плона — «Presse»[76] самым хладнокровным образом изо дня в день трубит о приготовлениях к войне. В то время как Луи Бонапарт демонстративно уговаривает Виктора-Эммануила сдерживать мадзинистов, Плон-Плон подстрекает короля к тому, чтобы «возбуждать их». В то время как Бонапарт составил свиту, которая должна сопровождать его двоюродного брата в Турин, из наиболее консервативных людей, подобно генералу Ньелю, Плон-Плон, чтобы придать своему entourage* видимость революционности, согласился ехать только при том условии, что его будет сопровождать г-н Биксио, бывший министр Французской республики 1848 года. А в народе говорят: «Если Луи-Наполеон не готов пойти на все, ничто не может быть более опасным, чем позерство Плон-Плона и статьи, опубликованные его друзьями». Вот почему опасения все еще не улеглись. С другой стороны, все понимают, что Луи-Наполеон совершил бы самоубийство, если бы, запуганный криками французской

* — окружению. *Ред.*

буржуазии и неодобрением европейских династий, отступил после того, как скомпрометирован Виктор-Эммануил и воинственные мечты французской армии достигли высшей точки. Чтобы дать армии quid pro quo[*], он, по слухам, намерен послать ее в какую-нибудь заморскую экспедицию — в Марокко, Мадагаскар или какое-нибудь другое отдаленное место, не значащееся в Венском трактате[77]. Однако, вопреки воле коронованного шулера, любое непредвиденное событие может привести к войне с Австрией.

Написано К. Марксом 28 января 1859 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5563, 18 февраля 1859 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

[*] — одно вместо другого, замену. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

ФРАНЦУЗСКАЯ АРМИЯ

Парижская газета «Constitutionnel» недавно выступила с утверждением, имеющим целью доказать, что в случае войны Франция могла бы отправить за пределы страны армию в 500000 человек[78]. Согласно письму из Парижа г-на Гайярде, опубликованному во вчерашнем номере «Gourrier des Etats-Unis»[79], это заявление и цифры, на которых оно основывается, были переданы нашему парижскому собрату непосредственно самим императором, без ведома кого-либо из его министров. Первый пункт этого заявления заключается в том, что если отозвать из отпуска всех солдат и не давать больше отпусков, то французская армия к 1 апреля этого года будет состоять из 568000 человек; если призвать всех рекрутов 1858 г., ее численный состав увеличится на 64000 человек; и если будет объявлена война, правительство может с полной уверенностью рассчитывать по крайней мере на 50000 добровольцев как из старых солдат, срок службы которых истек, так и молодых добровольцев. Все это в общем итоге дало бы 682000 человек, которые делятся, согласно нашему венценосному статистику, на следующие категории:

Пехота	390 978	Обоз	10 120
Кавалерия	83 000	Гвардия	29 942
Артиллерия	46 450	Прочие	49 000
Инженерные войска	12 110	Итого	621 600

В этом общем итоге допущена явная ошибка; недостает 60000 человек, которых императорское перо второпях позабыло

отнести к какой-нибудь категории. Но не в этом дело. Предположим, что цифра 682000 человек правильна. В случае войны в учебно-запасных частях, которые в то же время являются внутренними гарнизонами, осталось бы 100000 человек. Они были бы поддержаны 25000 жандармов; а для Алжира было бы достаточно 50000 человек. Вычитая эти 175000 человек из полученного выше общего итога, имеем 507000 человек. Однако его величество опять умудрился куда-то девать 10000 человек и производит вычитание не из 682000, а из 672000, и тем самым сокращает численный состав полевых войск до 497000 человек. Таким образом, согласно нашему авторитетному источнику, к 1 июня 1859 г. Франция может располагать для войны за своими пределами армией в 500000 человек, не производя никаких изменений в существующей организации армии.

Теперь посмотрим, из чего в действительности состоит французская армия. Существующая организация любой армии известным образом ограничивает возможности ее увеличения; батальоны, эскадроны, батареи соответствующего рода войск не могут иметь больше известного количества людей, лошадей и пушек, в противном случае будет нарушена система и сведены на нет тактические особенности каждого рода войск. Так, например, французские батальоны, в составе восьми рот каждый, не могли бы удвоить численность своих рот, обычно насчитывающих 118 бойцов, не делая необходимым коренное изменение начального и батальонного обучения солдат; равным образом французские батареи не могли бы увеличить число своих пушек с шести до восьми или двенадцати, не вызывая подобных же последствий; в обоих случаях роты и батареи сделались бы крайне громоздкими, если бы они не членились на более мелкие подразделения. Таким образом, организация любой армии ставит известный предел ее численному составу; и если уж эти пределы превзойдены, то становятся необходимыми новые формирования. Однако, поскольку их нельзя скрыть от общественности, если они уже созданы в каком-то количестве, и поскольку, как заявляет «Constitutionnel», пока нет необходимости в новых формированиях, мы можем принять организационную структуру армии такой, какой она была в самом конце войны с Россией[80], в качестве предела того количества, которое армия способна вместить в настоящее время.

Французский линейный батальон пехоты с его сложной организацией из шести линейных и двух отборных рот вряд ли может иметь в своем составе более 1000 человек. В таком случае 100 линейных полков, в каждом из которых по три баталь-

она, насчитывали бы 300000 человек. Мы умышленно включаем третий батальон, ибо, хотя вплоть до войны с Россией он фигурировал всего лишь в качестве учебно-запасного батальона, он затем был мобилизован, и в каждом полку образованы три дополнительных учебно-запасных роты, которые, без сомнения, еще существуют. Эти 300 учебно-запасных рот дадут в общем итоге около 36000 человек. 20 батальонов chasseurs a pied*, которые должны вести бой скорее отдельными ротами, чем целыми батальонами, могут иметь большую численность; каждый из них насчитывает около 1300 человек и, таким образом, их общая численность составляет 26000 человек, причем у них почти нет учебно-запасных подразделений, ибо они получают большое количество людей из других полков. Гвардия состоит из двух дивизий пехоты, и ее полки, вплоть до заключения мира с Россией, имели только по два батальона каждый, что соответствует утверждению «Constitutionnel», согласно которому пехота гвардии будет состоять из 18 батальонов, т. е. из 18000 человек. Вышеуказанные части составляют всю французскую пехоту, за исключением войск, предназначенных для службы в Африке. Последние состоят из 9 батальонов зуавов, насчитывающих 9000 человек и кроме того около 500 человек в учебно-запасных ротах; 3 дисциплинарных батальона (зефиров), или 3000 человек, и 9 батальонов алжирских (туземных) стрелков, которые, в полном своем составе, будут насчитывать 9000 человек[81]. Таким образом, общий численный состав французской пехоты можно суммировать следующим образом:

Линейные части, включая учебно-запасные, — 336000 человек в 300 батальонах и 300 учебно-запасных ротах. Стрелки — 26000 человек в 20 батальонах. Гвардия — 18000 человек в 18 батальонах. Зуавы — 9500 человек в 9 батальонах. Зефиры — 3000 человек в 3 батальонах. Алжирские туземные стрелки — 9000 человек в 9 батальонах.

В общем итоге 401500 человек в 359 батальонах и 300 учебно-запасных ротах.

Из этого числа 36500 человек принадлежат к учебно-запасным ротам, иными словами на действительной военной службе во Франции и за ее пределами состоит 365000 человек.

Считалось, что французская кавалерия в 1856 г. состояла из 12 полков тяжелой кавалерии — 72 эскадрона и 12 учебно-запасных эскадронов — 14400 человек в строю и 1800 человек в запасе; 20 линейных полков — 120 эскадронов и 20 учебно-

* — пеших стрелков. *Ред.*

запасных эскадронов — 24600 человек в строю и 3820 человек в запасе; 21 полк легкой кавалерии — 126 эскадронов и 21 учебно-запасной эскадрон — 27100 человек в строю и 4230 человек в запасе; 4 африканских полка — 16 эскадронов и 4 учебно-запасных — 3000 человек в строю и 450 человек в запасе; 3 туземных полка — 12 эскадронов — 3600 человек в строю.

В общем итоге 346 строевых и 57 учебно-запасных эскадронов — 72700 человек в строю и 10300 человек в запасе. К этому числу надо добавить кавалерию гвардии — 30 строевых эскадронов — 6000 человек в строю.

Общий итог — 376 строевых, 57 запасных эскадронов — 78700 человек в строю и 10300 человек в запасе.

Однако нельзя забывать, что хотя с 1840 г. были достигнуты большие успехи в улучшении пород лошадей во Франции, все же лошади, выведенные в этой стране, исключительно малопригодны для кавалерийской службы. Только в результате огромных усилий и расходов за последние годы оказалось возможным снабдить кавалерию, да и то не блестяще, по преимуществу французскими лошадьми. Впрочем, это справедливо только для армии мирного времени, когда требуется едва ли больше 50000 лошадей; и несмотря на возможность снабжать армию лошадьми из Алжира, пришлось купить много лошадей за границей, среди которых оказалось не малое количество ранее проданных кавалерией других стран ввиду их непригодности для строевой службы. В настоящий момент лошади для французской кавалерии покупаются в Германии, и австрийское правительство только недавно воспретило вывоз лошадей через свою юго-западную границу. При наличии всех этих трудностей не приходится опасаться, что французская кавалерия когда-либо превзойдет указанные выше цифры или что, за исключением небольшой части кавалерии, имеющей алжирских лошадей, она когда-либо отличится в бою, разве что благодаря завоеваниям она получит большее количество хороших лошадей, нежели то, какое она имеет теперь.

Артиллерия, включая артиллерию гвардии, возможно, насчитывает около 50000 человек с 207 батареями полевой артиллерии или 1242 пушками. Из этого числа по крайней мере 5000 человек принадлежит учебно-запасным батареям. Численность инженерных войск не превышает 9000 или 10000 человек, но мы, вслед за «Constitutionnel», будем считать, что их 12000. Обоз, рабочие роты, медицинский персонал и т. д. — все нестроевые — насчитывают в военное время около 11000 человек. Таким образом, максимальное число людей, которое

могла бы вместить французская армия при ее нынешней организации, равняется следующему:

	В строю	В запасе	Всего
Пехота	365 000	36 500	401 500
Кавалерия	78 700	10 300	89 000
Артиллерия	45 000	5 000	50 000
Инженерные: войска	12 000	—	12 000
Нестроевые	—	11 000	11 000
Всего	500 700	62 800	563 500

Этот результат вполне согласуется с обычными мероприятиями по комплектованию французской армии. Каждый год 100000 молодых людей призываются в ее ряды, но раньше в мирное время фактически направлялось в полки только 60000 человек, и так как они были обязаны служить семь лет, то армия не могла превышать 400000 или 420000 человек. Однако при Луи-Филиппе действительный срок службы редко превышал четыре — пять лет, так что в то время фактическая численность армии была не более 300000 человек, а остальные находились в отпуску. Но, так как с тех пор были приданы один дополнительный батальон к каждому пехотному полку, один дополнительный эскадрон к каждому кавалерийскому полку и кроме того была образована гвардия[82], то организационная структура армии настолько разрослась, что ее численность можно довести почти до 600000 человек; и едва ли Франция, за исключением случая оборонительной национальной войны, когда-либо будет одновременно иметь большее количество обученных солдат.

Итак, если мы возьмем приведенные нами выше цифры и прибавим к ним 49000 жандармов, муниципальных гвардейцев и никому не известных «прочих», которые «Constitutionnel» включает для получения своего итога, то общее число почти совпадает с тем составом, который согласно этой газете должна иметь армия к 1 апреля 1859 года. Однако здесь начинается расхождение. В нашем окончательном итоге фигурируют учебно-запасные подразделения, 300 рот и 57 эскадронов, которых едва хватает для предварительного обучения и организации 46800 пехотинцев и кавалеристов, ныне состоящих в них. Предположим, что они будут внезапно отозваны для того, чтобы дать место новым рекрутам и заполнить в полках места тех, которые уже окончили срок службы; в таком случае, какое же число рекрутов должны были бы обучить эти учебно-запасные подразделения? 100000 рекрутов набора 1859 г. и по крайней

мере 20000 необученных добровольцев, а всего 120000 человек, т. е. на 70000 больше, нежели учебно-запасные подразделения могут принять. Но тогда несомненно, что между 1 апреля и 1 июня три учебно-запаспые роты каждого пехотного полка должны вырасти до размеров полного батальона, а также для каждого кавалерийского полка должны быть созданы два учебно-запасных эскадрона вместо одного. Ибо если теперь, когда вся армия несет лишь гарнизонную службу, учебно-запасные подразделения являются попросту пересыльными пунктами для рекрута, из которых он, еще необученный или полуобученный, как можно скорее отсылается в свой полк, чтобы там пройти обучение, то не следует забывать, что во время войны, когда армия несет боевую службу, учебно-запасное подразделение должно снарядить и обучить солдата в полной мере, так, чтобы он мог вступить в полк подготовленным для службы в армии. Таким образом, утверждая, что французская армия может увеличить свой состав до 700000 человек, не прибегая к новым формированиям, «Gonstitutionnel» очень сильно отходит от истины. Сформирование же 100 учебно-запасных батальонов из 300 учебно-запасных рот и 57 дополнительных учебно-запасных эскадронов потребует отозвания из рядов действующей армии по крайней мере 2000 офицеров и 10000 унтер-офицеров как раз тогда, когда их служба всего более нужна.

Однако предположим, что будет набрано 700000 человек, — а мы вовсе не утверждаем, что Франция в самом начале войны не сможет набрать такого количества молодых людей, — сколько же из этих 700000 будет пригодных для службы солдат? Не более 580000 человек, а из них, согласно «Gonstitutionnel», 50000 человек должны оборонять Алжир. Жандармов и прочих для внутренней службы мы должны брать не в количестве 25000, но придерживаться первоначального исчисления «Constitutionnel», а именно 49000. Таким образом, остается 481000 человек. Однако наш венценосный собрат по перу должно быть слишком уверен в устойчивости своей династии, если он думает, что ее защита может быть доверена только 120000 необученных рекрутов, 49000 жандармов и прочей военной полиции. Учебно-запасных частей едва ли хватит для образования гарнизонов более важных крепостей, исключая Париж и Лион. Эти два города Луи-Наполеон ни за что не доверил бы необученным рекрутам; и хотя «Constitutionnel» думает, что 40000 человек вполне достаточно для того, чтобы держать их в своих руках, можно наверняка сказать, что 100000 человек будет не слишком большой цифрой для этой цели. Однако, если мы вычтем 100000 человек, необходимых для охраны больших городов

внутри Франции и ее роялистского юга, численность всей армии, которой можно располагать для войны за пределами страны, уменьшится до 381000 человек. Из этого числа по крайней мере 181000 человек должны были бы составлять обсервационную армию на бельгийской, немецкой и швейцарской границах, и для нападения на Италию осталось бы только 200000 человек. Мы утверждаем, что 150000 австрийцев, на их сильной позиции на Минчо и Адидже, равны по силе по крайней мере 300000 французов и сардинцев, и если действительно начнется война, то в один прекрасный день они могут это доказать.

Написано Ф. Энгельсом 31 января 1859 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5568, 24 февраля 1859 г. в качестве передовой.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ВОЕННЫЕ РЕСУРСЫ ГЕРМАНИИ

Недавнее хвастовство Луи-Наполеона относительно численности вооруженных сил, которые он в состоянии выставить против Австрии, вызвало аналогичные заявления немецких газет о военных ресурсах, которые вероятно будут объединены против него в случае войны. Однако эти заявления в общем могут лишь в ничтожной степени претендовать на точность и основательность, и в связи с этим мы вынуждены были обратиться к первоисточникам и официальным документам за фактами и цифрами, которые теперь и доводим до сведения читателей.

Австрийская армия, безусловно, значительно сильнее всех тех армий, которые были бы выставлены против Франции в случае такой войны. Ее пехота состоит из 62 линейных полков (в каждый полк входят один гренадерский, четыре линейных и один учебно-запасной батальон), равных 310 строевым батальонам и 62 учебно-запасным батальонам; 14 пограничных полков (из двух полевых и одного резервного батальона каждый), составляющих в целом 28 строевых и 14 резервных батальонов (помимо одного отдельного батальона) и 32 стрелковых батальона. Австрийские батальоны численно не одинаковы, так как они имеют в своем составе от четырех до шести рот. При полной укомплектованности пехота будет иметь следующую численность:

Линейные войска	370 000	чел.
Полки с Военной границы[83]	55 000	»
Стрелковые войска	32 000	»
Итого, включая учебно-запасные подразделения	457 000	чел.

Линейные и пограничные полки вооружены гладкоствольными пистонными ружьями, замки которых имеют своеобразную, отнюдь не блестящую конструкцию, но все же эти ружья довольно неплохие. В пограничных полках каждая рота имеет 20 нарезных ружей. 32 батальона стрелков полностью снабжены нарезными ружьями, но их дальнобойность намного меньше, чем у французского нарезного ружья Минье или английского Энфилд. Пехота является во всех отношениях первоклассной, и австрийские солдаты не уступают солдатам любой европейской страны, хотя по сравнению с английской или прусской пехотой, где каждый солдат вооружен нарезным дальнобойным ружьем, неблагоприятно сказывается худшее вооружение. По сравнению с французскими и русскими войсками такое невыгодное положение не будет иметь места, если не принимать в расчет 20 батальонов французских стрелков и если не изменится вооружение французской линейной пехоты.

Австрийская кавалерия насчитывает 16 полков тяжелой кавалерии и 24 полка легкой кавалерии — первые состоят из 6, вторые — из 8 эскадронов, помимо одного учебно-запасного эскадрона на полк. Эскадрон тяжелой кавалерии имеет в своем составе 194 человека, эскадрон легкой кавалерии — 227 человек. В таком составе австрийский кавалерийский полк сильнее, чем французская кавалерийская бригада. В целом это составляет 67000 человек, обеспеченных превосходными лошадьми, причем большая часть легкой кавалерии комплектуется из двух национальностей, прирожденных наездников: венгров и поляков. Нет сомнения, что эти 67000 человек были бы сильнее 81000 кавалеристов Франции, которых предполагает выставить Луи-Наполеон. В настоящее время австрийская кавалерия, несомненно, не имеет себе равной.

Артиллерия состоит из 12 полков полевой артиллерии по 13 восьмиорудийных батарей каждый, 1 полка береговой артиллерии и 1 ракетного полка из 20 батарей, а всего — 1248 орудий, 240 ракетных установок и 50000 человек. Саперы, медико-санитарная служба и др. составляют дополнительно около 20000 человек.

В целом вся армия в мирное время, включая обоз и пр., насчитывала бы от 580000 до 600000 человек. Из них около 200000 обычно, а также и в настоящее время, находятся в отпуске и лишь 400000 человек состоит на действительной службе. Однако не только эти 200000, но и 120000 резервистов (уволенных после восьмилетней службы и подлежащих призыву еще на два года) могут быть призваны в случае войны, и, если верить утверждениям австрийских авторов, все они могут быть

поставлены под ружье в течение 14 дней. И все же ресурсы империи этим не исчерпываются. Военная граница освобождена от обязанности выставлять резервистов, но там каждый мужчина является солдатом до 60-летнего возраста и в любой момент может быть вызван в свой полк. В 1848 г. эта область дала войска, которые спасли Радецкого в Италии, а с ним и австрийскую монархию. Еще не изгладились из памяти воспоминания о том, как формировались и отправлялись в Италию батальон за батальоном этих дюжих славонцев; между прочим, армия, которая отбила Вену у повстанцев, имела такой же контингент[84]. Эта область, войска которой в обычных условиях ограничены 55000 человек, может, в случае необходимости, выставить 200000 солдат. Итак, австрийская армия с резервистами и лишь 80000 солдат с Военной границы насчитывали бы полных 800000 человек, к которым, по мере организации батальонов, можно добавить еще свыше 100000 солдат с Военной границы. Таким образом, одна Австрия, при наличии необходимых денежных средств, располагала бы достаточными силами для защиты своих итальянских владений от нападения объединенных сил Франции и Пьемонта.

Следующей державой является Пруссия. Пехота этого королевства состоит из 36 линейных и гвардейских полков, имеющих в своем составе 108 батальонов; 9 резервных полков, состоящих в свою очередь из 18 батальонов; вместе с 8 резервными батальонами и 10 стрелковыми батальонами это составляет всего 144 батальона, насчитывающих, в военных условиях, около 150000 человек. Прибавим сюда ландвер первого призыва — 116 батальонов — около 120000 человек, в итоге получится 270000 человек. Во время войны 8 резервных батальонов преобразуются в 36 учебно-запасных батальонов для 36 линейных и гвардейских полков, а 9 резервных полков с соответствующими 9 батальонами ландвера предназначены для гарнизонной службы; таким образом, действующие полевые войска составят 228 батальонов, насчитывающих около 230000 человек.

Кавалерия состоит из 38 линейных полков, по 4 эскадрона в каждом, а всего 152 эскадрона, и 34 полков или 136 эскадронов ландвера первого призыва, т. е. около 49000 человек.

Артиллерия состоит из 9 полков по 11 восьмиорудийных батарей и 4 рот для несения службы в крепостях — всего 792 полевых орудия и 20000 человек.

Инженерные войска, обоз и пр. составят в общем 40000 человек.

Таким образом, в целом, Пруссия располагает армией в 380000 человек линейных войск и ландвера первого призыва,

из которых по меньшей мере 340000 человек готовы начать кампанию. Ландвер второго призыва не организован и практически предназначается лишь для несения службы в крепостях. В случае войны, однако, он может быть приведен в состояние удовлетворительной готовности приблизительно в течение четырех месяцев, если говорить о пехоте и артиллерии; кавалерия же вряд ли будет достаточно пригодна для несения полевой службы. Во всяком случае можно смело рассчитывать на 100000 или 120000 человек ландвера второго призыва, которые освободят от несения гарнизонной службы такое же количество линейных войск. Таким образом, Пруссия может собрать армию в 500000 человек; кроме того, имеется большое количество обученных строевой службе, которых ландвер первого призыва при существующей организации не смог бы вместить и которые могли быть использованы для формирования новых частей.

В связи с тем, что срок службы в прусской армии непродолжителен (3 года) и весь состав ландвера первого призыва не был в рядах армии в среднем от 4 до 5 лет (с незначительными перерывами), в начале войны она по качеству личного состава будет уступать австрийской армии. Однако пруссаки имеют значительную склонность к военному делу, и поэтому достаточно несколько недель военных действий, чтобы они стали хорошими солдатами. Пруссия должна бояться лишь первого или первых двух месяцев войны. При условии, когда больше половины армии состоит из ополчения, она плохо приспособлена для наступательной войны, но тем лучше она будет действовать в оборонительной, так как нигде, за исключением Швейцарии[85], нет такой армии, как в Пруссии, которая бы имела под ружьем всю нацию. Что же касается вооружения, то вся гвардия и по одному батальону в каждом линейном полку вооружены новыми игольчатыми ружьями, имеющими дальнобойность в 1000 ярдов и, наряду с английскими нарезными ружьями Энфилд, они по дальнобойности превосходят все другие ружья, находящиеся в настоящий момент на вооружении. Остальные линейные войска вооружены ружьями обычного образца, которые, однако, весьма несложным способом были нарезаны по принципу Минье и мало уступают по дальности и точности стрельбы настоящим нарезным ружьям Минье. Ландвер первого призыва, когда он будет набран, также получит игольчатые ружья. Таким образом, прусская пехота имеет наилучшее вооружение в Европе, если не считать английской пехоты.

Австрия формирует первый, второй и третий армейские корпуса для немецкой союзной армии, а Пруссия — четвертый, пятый и шестой. Седьмой формирует Бавария. Она обязана

выставить обычный контингент в 36500 человек и резерв в 17800, а всего — 54300 человек. Но баварская армия насчитывает значительно больше, а именно: 54 батальона — 54000 человек пехоты, 56 эскадронов — 9000 человек кавалерии, 224 орудия и 5600 человек артиллеристов, кроме того, инженерные войска и т. д., а всего более 72000 человек, не считая резерва, в котором состоят все уволенные с действительной службы солдаты в возрасте от 27 до 40 лет; они могут быть использованы для новых формирований.

Восьмой корпус насчитывает по контингенту и резерву:

Вюртемберг	21 000	чел.	Существующая армия	19 000	чел.
Баден	15 000	»	Существующая армия	15 000	»
Гессен-Дармштадт	9 300	»	Существующая армия	10 500	»
Требуется	45 300	чел.	В действительности имеется	44 500	чел.

Девятый корпус по контингенту и резерву должен насчитывать 36000 человек, однако армии, составляющие его, в действительности насчитывают 44000 человек.

Десятый корпус должен насчитывать 42000 человек и мы предполагаем, что составляющие его армии будут иметь примерно такое количество. Резервная дивизия (контингент малых государств) насчитывает около 17000 человек. Таким образом, в общем итоге мы имеем:

Австрия	800 000	чел.
Пруссия	400 000	»
Бавария	70 000	»
Восьмой корпус	45 000	»
Девятый корпус	44 000	»
Десятый корпус	42 000	»
Резервная дивизия	17 000	»
Всего	1 418 000	чел.

Из числа этой колоссальной военной силы последние пять ее составных частой, всего 218000 человек, находятся всегда в полной боевой готовности и представляют собой лишь *регулярные силы мирного времени* соответствующих государств, после призыва всех, находящихся в отпуску. Эти государства поэтому могли бы легко выставить еще от 100000 до 150000 человек, но так как для них не существует никакой организации, мы не учитывали их вовсе, также как и прусский ландвер второго призыва. Австрия может безусловно поставить под

ружье 700000 человек в двухнедельный срок. В Пруссии призыв военного резерва (отпускников) занял бы еще меньше времени, и в результате линейные части были бы доведены до полного состава в 225000 человек. Таким образом, в течение двух недель Германия может выставить 1150000 человек, месяц спустя — еще 270000 человек. И даже после этого она будет иметь в своем распоряжении весь прусский ландвер второго призыва, весь баварский резерв и примерно 100000 солдат с австрийской Военной границы. Когда же эти ресурсы будут исчерпаны, то тогда, и только тогда, станут необходимы чрезвычайные меры.

Таким образом, военные силы, находящиеся в распоряжении Германии, настолько велики, что, если они будут под единым и твердым руководством, ей нечего бояться одновременного нападения Франции, Италии и России. Но будут ли вооруженные силы использованы таким образом, является, конечно, сомнительным; но, в случае если во всеобщей войне мелкая зависть, нерешительность и рутина будут затруднять действия этих армий и приведут к поражению, нынешние правительства Германии могут упаковывать свои чемоданы: им вскоре придется удирать. Германия 1859 г. так же отличается от Германии времен Базельского мира, Йены, Аустерлица и Ваграма[86], как нынешняя Франция от революционной Франции 1793 г., ибо 1848 г. хотя и не привел к большим результатам, все же пробудил национальные чувства немцев во всех уголках страны, даже среди тех, кого ранее обвиняли во франкофильстве. Луи-Наполеон может еще пытаться разыгрывать роль освободителя Италии, но он не осмеливается делать это на Рейне; и даже если бы он добился частичного успеха в войне, то этим он лишь вызвал бы революцию в Германии, которая привела бы к его полному поражению и своим примером поставила бы под угрозу его же собственный уже шатающийся трон.

Написано Ф. Энгельсом 10 февраля 1859 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5582, 12 марта 1859 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

КАК АВСТРИЯ ДЕРЖИТ В СВОИХ РУКАХ ИТАЛИЮ

Когда в 1796 г. генерал Бонапарт спустился с Приморских Альп, то одной великой недели сражений при Дего, Миллезимо, Монтенотте и Мондови оказалось достаточно, чтобы завоевать весь Пьемонт и Ломбардию[87]. Его колонны, не встречая сопротивления, продвигались вперед, пока они не достигли Минчо. Но тут положение коренным образом изменилось. Стены Мантуи остановили его, и величайшему полководцу своего века потребовалось девять месяцев, чтобы преодолеть это препятствие. Вся вторая половина первой итальянской кампании ушла на завоевание Мантуи. Сражения при Риволи, Кастильоне, Арколе и поход через долину Бренты — все подчинено этой главной цели[88]. Дважды Наполеон был остановлен крепостью: в первый раз Мантуей, а во второй раз Данцигом[89]. Наполеон отлично знал, что Мантуя — ключ к Италии. Однажды завладев ею, он уже никогда не выпускал ее из рук, пока не расстался со своей короной; а до тех пор его владычество над Италией никогда не подвергалось серьезной опасности.

Географическая конфигурация Италии ясно показывает, что держава, которая способна удержать северную часть Италии — Цизальпинскую Галлию римлян, — господствует над всей страной. Бассейн реки По всегда был полем сражений, в которых решались судьбы полуострова. Начиная от Мариньяно и Павии, включая Турин, Арколе, Риволи, Нови и Маренго, и кончая Кустоцей и Новарой, — все решающие сражения за господство в Италии разыгрывались именно здесь[90]. Да это и вполне естественно. Французы или немцы, кто бы из них ни вытеснил своего противника из долины По, тем самым изолиро-

вали его от вытянутого в длину полуострова, а этот полуостров изолировали от союзников. Вынужденный ограничиваться лишь своими собственными ресурсами, этот полуостров — наименее населенная и наименее культурная часть Италии — вскоре оказывается покоренным. И вот в этом бассейне реки По самой центральной позицией является Мантуя. Она отстоит на одинаковом расстоянии от Адриатического и Средиземного морей, приблизительно в 70 милях от каждого; таким образом, эта позиция, будучи защищаемой полевой армией, действительно запирает всякий доступ к полуострову. К вышесказанному следует добавить огромные тактические преимущества ее положения посреди озера, с тремя предмостными укреплениями для выхода войск, причем местность вокруг нее со всех сторон пересечена реками, что способствует изоляции друг от друга различных частей осаждающей армии; и нет ничего удивительного в том, что существует старинная поговорка: кто держит в своих руках Мантую, тот господствует в Италии.

Этих немногих соображений достаточно, чтобы показать, что будет не так-то легко выгнать австрийцев из Италии, даже если в их руках будет одна только Мантуя. Что потребовало от первого полководца своей эпохи девяти месяцев, с тем не справиться в такой же срок бывшему капитану швейцарской артиллерии[91]. Однако положение Ломбардии с военной точки зрения чрезвычайно изменилось с 1796 и даже с 1848 года. Кампания 1848 г. до некоторой степени является противоположностью кампании 1796 года. Если 1796 г. показал, что может сделать Мантуя в оборонительной войне, то 1848 г. показал, что могут сделать совместно Мантуя, Пескьера, Леньяго и Верона в войне наступательной. А с тех пор эта великолепная позиция, едва ли не лучшая во всей Европе, была изучена и усовершенствована во всех отношениях, к тому же с такой тщательностью, старанием и ensemble*, которые делают величайшую честь австрийскому штабу и австрийским военным инженерам.

Взглянем на карту. От озера Гарда до реки По течет Минчо, река довольно незначительная, которую летом можно перейти вброд во многих местах, но в целом пригодная для оборонительной позиции. Длина этой линии, которую нужно считать от Пескьеры до Боргофорте, хотя последнее место находится в стороне от реки, равняется приблизительно 30 милям, так что армия, расположенная посредине, может в результате однодневного марша достигнуть каждой ее оконечности. Прикрытая справа (с севера) озером и Тирольскими Альпами, а слева

* — умением координировать все действия. *Ред.*

рекой По, эта короткая линия в 30 миль представляет первую пригодную для обороны линию, которую австрийская армия может использовать против наступающего с запада неприятеля. Но это не единственное ее достоинство. Почти параллельно озеру, рекам Минчо и По, на расстоянии 10—30 миль в тылу, протекает Адидже, образующая вторую и значительно более сильную оборонительную линию и во все времена года представляющая препятствие, которое можно преодолеть только с помощью мостов. Взглянув на карту, мы увидим, что эта двойная линия естественным образом превращает Тироль и прилегающие австрийские провинции в одно компактное целое; с военной точки зрения, она представляет их необходимое дополнение. И на этом-то обстоятельстве основывается принцип австрийской политики, гласящий, что линия Минчо необходима для защиты Германии и что Рейн нужно защищать на По.

Эта позиция, сильная уже от природы, была сделана еще сильнее рукой человека. Линия Минчо разрезается на две части крепостью Мантуей. Эта крепость лежит настолько близко к устью реки, что часть ее ниже крепости можно совсем не принимать в расчет. Таким образом, линия реки сокращается еще приблизительно на 7 или 8 миль; южная оконечность этой линии усилена первоклассной крепостью, образующей предмостные укрепления по обеим сторонам реки. Другая оконечность, где река вытекает из озера, защищена маленькой крепостью, Пескьерой. Эта крепость, конечно, не очень сильна, и в 1848 г. пьемонтцы взяли ее; однако она достаточно сильна, чтобы отразить случайные атаки, и поэтому может держаться, пока австрийцы ведут полевую войну; в то же время она позволяет им выйти на западный берег Минчо.

Линией Адидже пренебрегали вплоть до 1815 года. С 1797 по 1809 г. она составляла границу между Австрией и Италией, но с 1815 г. Австрия получила во владение оба берега этой реки. Приблизительно в 25 милях за Мантуей на Адидже находилась небольшая крепость Леньяго, но ближайший город за Пескьерой, Верона, не был укреплен. Однако австрийцы вскоре обнаружили, что для того, чтобы сделать эту позицию действительно тем, чем она должна быть, следует укрепить Верону. Так и было сделано. Но при допотопной австрийской медлительности выполнению этой задачи уделили так мало внимания, что в 1848 г., когда вспыхнула революция, левый или восточный берег реки, который мог быть обращен против Австрии, был укреплен довольно сносно, тогда как сторона, обращенная к неприятелю, была оставлена сравнительно беззащитной.

Радецкий и его начальники штаба Хесо и Шёнхальс после того как они были изгнаны революцией из Милана, немедленно принялись исправлять этот недостаток. Высоты, окружающие Верону на западе, были увенчаны укреплениями, которые лишали противника возможности держать под обстрелом крепостные валы города. Для Австрии было счастьем, что они сделали это. Линию Минчо пришлось покинуть. Пескьера была осаждена пьемонтцами; последние приблизились почти к самым валам редутов Вероны. Однако здесь они были остановлены. Сражение при Санта-Лючии (6 мая 1848 г.) показало им, что все дальнейшие атаки на оборонительные сооружения Вероны совершенно бесполезны.

Тем не менее вся Северная Италия находилась в руках революционной армии. У Радецкого не оставалось ничего, кроме его четырех крепостей, из которых Верону он использовал в качестве укрепленного лагеря для своей армии. Территория перед его фронтом и на флангах, а также почти весь тыл были в руках неприятеля. Даже сообщение с Тиролем находилось под угрозой и временами прерывалось. И все же одной дивизии под командованием генерала Нугента удалось пробить себе дорогу через восставшую Венецианскую область и присоединиться к Радецкому в конце мая. Тогда-то Радецкий показал, что можно сделать, располагая этой блестящей позицией, которую он только что создал для себя. Будучи не в состоянии дольше кормить свою армию в опустошенных окрестностях Вероны, будучи слишком слабым для того, чтобы начать решительное сражение, он смелым и искусным фланговым маршем передвинул свою армию через Леньяго к Мантуе; и раньше, чем до неприятеля дошли какие-либо точные сведения о том, что происходит, Радецкий двинулся от Мантуи вперед с целью атаковать его на западном берегу Минчо; он отодвинул неприятельскую линию блокады и принудил главную армию пьемонтцев отступить от Вероны. Тем не менее он не мог предотвратить падение Пескьеры, и, добившись всех результатов, на которые только он мог рассчитывать в своем походе на Мантую, он снова собрал свои войска, направился через Леньяго к Виченце и отбил ее у итальянцев; этим он подчинил себе всю венецианскую территорию на континенте, восстановил свои коммуникации и завладел ресурсами большой и богатой области в своем тылу; после этого Радецкий снова отступил к своей твердыне, Вероне, из которой пьемонтцы настолько отчаялись его выгнать, что потеряли целый месяц в полном бездействии. Тем временем прибыли три сильные австрийские бригады, и тогда положение в корне изменилось. В течение трех дней Радецкий очистил от

пьемонтцев высоты между Адидже и Минчо, обойдя одновременно их правый фланг у Мантуи, и дал им такой урок, что они не оказывали никакого сопротивления, пока не очутились за Тичино.

Эта кампания Радецкого показывает, что может сделать генерал, имея армию слабее, чем у противника, если он опирается на хорошо защищенную систему речных рубежей. Независимо от того, где пьемонтцы стояли или куда они старались развернуться фронтом, они не могли атаковать австрийцев, и действия наугад, к которым сводились их военные операции в течение последних пяти недель перед их окончательным поражением, ясно показывают, в каком беспомощном положении они оказались. В чем же заключалась сила позиции Радецкого? Она заключалась попросту в том, что крепости не только прикрывали его в случае наступления, но и заставляли неприятеля дробить свои силы, между тем как Радецкий под их прикрытием мог действовать всей совокупностью своих сил в любом данном пункте против той части неприятельской армии, которая оказывалась перед ним. Пескьера нейтрализовала значительное количество войск; пока Радецкий находился в Вероне, Мантуя нейтрализовала другую часть войск неприятеля, и едва лишь он направился к Мантуе, как Верона заставила пьемонтцев оставить около нее обсервационный корпус. Более того: итальянцам приходилось действовать разрозненными корпусами по обеим сторонам рек, и ни один из этих корпусов не мог оказать быстрой поддержки другому, между тем как Радецкий, благодаря своим крепостям и предмостным укреплениям, мог по своему желанию передвигать всю свою армию с одного берега реки на другой. Виченца и Венецианская область никогда бы не пали, если бы пьемонтцы были в состоянии оказать им поддержку. При таком положении дела Радецкий овладел ими обеими, между тем как пьемонтцы были скованы гарнизонами Вероны и Мантуи.

Когда в Алжире колонне французских войск приходится продвигаться через неприятельскую область[92], они образуют четыре пехотных каре и расставляют их по четырем углам параллелограмма; кавалерию и артиллерию они помещают в центре. Если происходит нападение арабов, то пехота стойким огнем отражает его, и как только ряды нападающих приходят в расстройство, кавалерия бросается в их гущу, а артиллерия снимается с передков, чтобы послать в них свои ядра. Если атака кавалерии отражена, то она находит надежную защиту позади пехотных каре. Такое же значение, какое имеет сомкнутый строй пехоты в борьбе против таких иррегулярных орд, имеет система крепостей для армии, сражающейся против превосходящего

противника, в особенности, если эти крепости расположены среди сети рек. Верона, Мантуя, Пескьера, Леньяго образуют четыре угла каре, и пока по крайней мере три из них не будут взяты неприятелем, невозможно заставить более слабую армию сдать свою позицию. Но как же эти крепости могут быть взяты? Пескьерой действительно всегда можно будет легко овладеть, если австрийцы не смогут вести полевую войну; но Мантую в 1848 г. даже не попытались блокировать со всех сторон, не говоря уже об осаде. Чтобы блокировать Мантую, требуется три армии: одна на западном берегу Минчо, другая на восточном, предназначенные для осады, и третья — для прикрытия осады против австрийцев, находящихся в Вероне. При искусном маневрировании посреди рек и крепостей *каждая* из этих трех армий может быть, ad libitum*, атакована *всеми* силами австрийцев. Как же вести осаду при таких обстоятельствах? Если одна только Мантуя потребовала девятимесячных усилий генерала Бонапарта для взятия ее измором, то насколько сильнее станет она при поддержке армии, опирающейся на Верону, Леньяго и Пескьеру, — армии, способной маневрировать соединенными силами на обоих берегах Минчо и Адидже, и для которой никогда не могут быть отрезаны пути отступления, так как она имеет две линии сообщения — одну через Тироль и другую через Венецианскую область? Мы без колебаний можем сказать, что эта позиция является одной из сильнейших в Европе, и так как австрийцы не только вполне ее подготовили, но и вполне поняли ее значение, то мы считаем, что 150000 австрийцев, расположенным там, нечего бояться противника, численно превосходящего их вдвое.

Однако предположим, что они выбиты с этой позиции. Предположим, что они потеряли Мантую, Пескьеру и Леньяго. Пока они держат в своих руках Верону и не выбиты полностью с полевых позиций, они могут сделать чрезвычайно рискованным для любой французской армии поход на Триест и на Вену. Удерживая Верону в качестве аванпоста, они могут отойти к Тиролю, пополнить свои ряды и снова принудить неприятеля раздробить свои силы. Одна часть неприятеля должна будет осаждать Верону, другая защищать долину Адидже; останется ли у неприятеля достаточно сил для того, чтобы идти на Вену? Если да, то тирольская армия может обрушиться на него через ту долину Бренты, стратегическое значение которой генерал Бонапарт научил австрийцев понимать в 1796 г. посредством столь жестокого урока. Однако подобный эксперимент определенно

* — по желанию. *Ред.*

оказался бы ошибкой, если бы у австрийцев не было другой армии для защиты прямой дороги в Германию. Ибо если главные силы австрийцев должны были быть брошены в Тирольские Альпы, то неприятель все же мог пройти мимо и вступить в Вену раньше, чем австрийцам удалось бы выбраться из гористой местности. Но предположим, что Вена будет укреплена (что, как мы полагаем, делается теперь), тогда это соображение отпадает. Армия прибыла бы своевременно, чтобы освободить Вену от осады, и могла свести защиту каринтийской границы к тому, чтобы постоянно держаться в Альпах, нависая над левым флангом вторгшейся армии, угрожая обрушиться на нее либо у Бассано, либо у Корнелиано, и перерезать ее коммуникации, как только она прошла бы мимо.

Эта косвенная оборона южногерманской границы является, кстати сказать, лучшим ответом на попытки со стороны австрийцев оправдать свою оккупацию Италии тем соображением, что линия Минчо представляет естественную границу Германии на юге. Если бы это было так, то Рейн являлся бы естественной границей Франции. Всякий аргумент, имеющий силу в одном случае, может быть полностью применен в другом. Однако, к счастью, ни Франция не нуждается в Рейне, ни Германия — в По или Минчо. Кто обходит другого с фланга, тот сам бывает обойден. Если Венецианская область угрожает с фланга Тиролю, то Тироль угрожает всей Италии. Бормийский проход ведет прямо на Милан и может послужить средством для того, чтобы приготовить новое Маренго неприятелю, нападающему на Триест и Градиску, точно так же как Большой Сен-Бернар сыграл эту роль для Меласа, атаковавшего линию Вара[93]. В конце концов, на войне тот имеет всего больше шансов на победу, кто дольше и успешнее всех ведет полевую войну. Пусть Германия крепко держит в своих руках Тироль, тогда она вполне может предоставить итальянцам распоряжаться равниной по их собственному усмотрению. Пока ее армии в состоянии вести полевую войну, для нее имеет мало значения, принадлежит ли ей политически Венецианская область или нет. С военной точки зрения альпийская граница *господствует* над Венецианской областью, и этого должно быть вполне достаточно.

Это, конечно, является исключительно вопросом отношений между Италией и Германией. Коль скоро вмешивается Франция, положение меняется; и если Франция пустит в ход все свое влияние, то каждая сражающаяся сторона, естественно, должна будет, насколько возможно, обеспечить свои позиции. Германия может позволить себе покинуть линию Минчо, а также линию

Адидже; но она может покинуть их, отдав их только Италии, а не какой-либо другой стране.

До сих пор мы рассматривали шансы оборонительной войны только со стороны австрийцев. Если же дело дойдет до войны, то их позиция такова, что она повелительно навязывает им наступательный план кампании. Этой теме мы посвятим следующую статью.

Написано Ф. Энгельсом в середине февраля 1859 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5575, 4 марта 1859 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

СОСТОЯНИЕ БРИТАНСКОЙ ФАБРИЧНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Лондон, 25 февраля 1859 г.

Фабричные инспектора Англии, Шотландии и Ирландии опубликовали свои регулярные полугодовые отчеты по 31 октября 1858 г., относящиеся к их различным округам, и я, как обычно, посылаю вам мой краткий обзор этих в высшей степени важных промышленных бюллетеней[94]. Сводный отчет на этот раз сжат в несколько строк; он констатирует только, что, за единственным исключением Шотландии, резко возросло число случаев нарушения фабрикантами установленного законом рабочего времени для подростков и женщин и особенно времени, отведенного им для еды. Поэтому инспектора считают своей обязанностью настаивать на том, чтобы эти нарушения закона были пресечены дополнительным законодательным актом.

«Недостатки фабричного законодательства», — говорят они, — «чрезвычайно затрудняющие для инспекторов и их помощников задачу обнаружения и наказания его нарушителей, а также выполнение ясных намерений законодательства, касающихся весьма важных задач ограничения рабочего времени и обеспечения рабочим достаточных возможностей для того, чтобы отдохнуть и подкрепиться в течение дня, создают необходимость некоторых изменений в законах. Если бы парламент предполагал, что станут прибегать к таким уклонениям от закона, он несомненно предусмотрел бы соответствующие постановления против этого».

Так как я добросовестно изучил бурные парламентские прения, из которых вышли ныне действующие фабричные законы, то позволю себе не согласиться с заключением фабричных инспекторов и продолжать придерживаться того взгляда, что фабричные законы были составлены с явным намерением предоставить всяческие возможности для их нарушения и обхода. Ожесточенная вражда между землевладельцами и фабрикан-

тами, вызвавшая к жизни эти законы, была все же смягчена общей ненавистью обоих правящих классов к тем, кого они называют «простонародьем». В то же время я охотно пользуюсь случаем, чтобы выразить уважение тем британским фабричным инспекторам, которые, наперекор всемогущим классовым интересам, стали на защиту угнетенных масс с нравственным мужеством, с упорной энергией и с умственным превосходством, подобных которым найдется не много в нашу эпоху всеобщего поклонения мамоне.

Автором первого отчета является г-н Леонард Хорнер, округ которого охватывает промышленный центр Англии, весь Ланкашир, части Чешира, Дербишира, Западный Райдинг в Йоркшире, Северный Райдинг и четыре северных графства Англии. Так как фабричные законы все еще встречают непримиримую оппозицию со стороны фабрикантов и почти каждый год ведется парламентская кампания за их отмену, то г-н Хорнер начинает с защиты законодательства, изъявшего детей и женщин из-под неограниченной власти неумолимых законов свободной торговли. Официальные экономисты объявили, что фабричное законодательство противоречит всем здравым «принципам» и несомненно последствия его окажутся весьма вредными для промышленности. В ответ на первое возражение г-н Хорнер заявляет:

«Так как на всех фабриках значительные суммы основного капитала вложены в здания и машины, то чем большее число часов будут работать машины, тем больший получится доход. И само собой разумеется, что если бы эта работа могла выполняться без вреда для людей, то не было бы никакого законодательного вмешательства в это дело. Но когда было обнаружено, что, в целях получения большей прибыли на капитал, дети, подростки обоих полов и женщины работали ежедневно, а часто также и по ночам, столько времени, что это было совершенно несовместимо с сохранением их здоровья, нравственностью, воспитанием детей, с нормальным бытом и вообще не позволяло хоть в какой-то степени разумно пользоваться радостью жизни, то самые очевидные требования *нравственных* принципов побудили законодательную власть положить конец такому великому злу».

Иначе говоря, г-н Хорнер высказывает ту мысль, что при нынешнем состоянии общества какой-либо принцип может казаться «здравым» в глазах экономиста и классов, теоретическим выразителем которых он является, и, тем не менее, не только противоречить всем законам человеческой совести, но и, подобно раковой опухоли, высасывать жизненные соки целого поколения. Что же касается ссылки противников фабричных законов на то, что они якобы тормозят развитие промышленности, то их фразеологии г-н Хорнер противопоставляет факты. В отчете, изданном по постановлению палаты общин от 19 марта 1835 г.,

число фабрик и лиц, занятых на них в рассматриваемом округе выражалось в таких цифрах:

	Число фабрик	Число лиц, занятых на них
Хлопчатобумажные	775	132 898
Шерстяные и камвольные	220	8 738
Полотняные	60	3 546
Шелковые	23	5 445
Итого	1 078	150 627

В отчете, представленном палате общин в феврале 1857 г., имеются такие цифры:

	Число фабрик	Число лиц, занятых на них
Хлопчатобумажные	1 535	271 423
Шерстяные и камвольные	181	18 909
Полотняные	49	6 738
Шелковые	46	10 583
Итого	1 811	307 653

Данные этих таблиц показывают, что за 22 года число хлопчатобумажных фабрик почти удвоилось, тогда как число лиц, занятых на них, увеличилось более чем вдвое. В шерстяной и камвольной промышленности значительное сокращение числа фабрик одновременно с ростом, более чем вдвое, числа лиц, занятых на них, свидетельствует о концентрации капитала и о вытеснении в значительной степени мелких фабрик крупными. Тот же процесс, хотя и в меньшем масштабе, можно наблюдать также и в полотняном производстве. Что касается шелковых фабрик, то их число удвоилось, число же лиц, занятых в них, почти удвоилось.

«Однако», — замечает г-н Хорнер, — «прогресс промышленности не исчерпывается ростом числа фабрик, ибо крупные усовершенствования, произведенные во всех видах машин, чрезвычайно повысили их производительную силу».

Важным моментом является здесь то, что стимул для этих улучшений, особенно поскольку речь идет о большей скорости машин за определенный отрезок времени, был дан безусловно законодательным ограничением рабочего времени.

«Эти усовершенствования», — говорит г-н Хорнер, — «и то обстоятельство, что рабочие получили возможность относиться к работе с большим усердием, имели тот результат, как я неоднократно имел возможность

убедиться, что в течение меньшего количества времени стало выполняться столько же работы, сколько обычно выполнялось за более длительный срок».

Именно в округе г-на Хорнера происходили все чаще со времени недавнего улучшения состояния промышленности случаи предумышленного и сознательного нарушения постановлений, ограничивающих рабочие часы, а также постановлений, касающихся возраста рабочих и посещения школы детьми от восьми до тринадцати лет, которым по закону полагается работать только половину времени. Цитирую отчет:

«Соблазну увеличения прибыли поддаются те фабриканты, для кодекса морали которых нарушение парламентского постановления не есть преступление, и которые рассчитывают, что любой штраф, наложенный на них в случае их изобличения, составит очень небольшую часть прибыли, выручаемой ими благодаря несоблюдению предписаний закона».

Чтобы понять эту обычную жалобу, которая повторяется из отчета в отчет, необходимо, во-первых, принять во внимание, что в большинстве случаев судьями являются фабриканты или их родственники, что, во-вторых, налагаемые законом штрафы весьма невелики и что, наконец, подростки и женщины считаются работающими только в том случае, *«если не будет доказано противоположное».* А между тем, г-н Хорнер заявляет:

«Для недобросовестного фабриканта нет ничего легче, как доказать это *противоположное.* Для этого ему нужно только остановить свою паровую машину, как только появится инспектор, и тогда вся работа прекращается; в каждом заявлении инспектор должен доказать, что названное в жалобе лицо было найдено действительно за работой. Как только начинается незаконная работа, а это происходит шесть раз в различное время дня, ибо общая сумма часов работы за день составляется из маленьких частей, так выставляется наблюдатель, который должен дать знать о приближении инспектора, и едва лишь последний покажется, как немедленно дается сигнал остановить машину и удалить рабочих с фабрики».

Улики могут добыть только те помощники инспектора, которые преодолевают свойственное порядочным людям отвращение к приемам, сходным с приемами полицейского детектива. Так как инспектор и его помощники скоро становятся хорошо известными в своих округах, то они теряют возможность обнаружить наиболее ловких нарушителей закона, и у них остается единственное средство — обратиться к своим коллегам из соседних округов, которые, будучи ошибочно приняты за посторонних купцов, прибывших для производства закупок, могут поэтому пройти незаметно для соглядатаев, поставленных фабрикантами на различных железнодорожных станциях.

Нижеследующий бюллетень потерь ранеными и убитыми в течение полугодовой промышленной кампании в округе г-на Хорнера наверное представит интерес для изучающих военную науку, которые убедятся, что регулярная дань частями

человеческого тела, как-то: кистями рук, руками, костями, ногами, головами и лицами, приносимая современной промышленности, превосходит потери многих считающихся наиболее кровопролитными сражений.

Несчастные случаи, причиной которых были машины

Виды повреждений	Взрослые		Подростки		Дети		Всего	
	м. пола	ж. пола	м. пола	ж. пола	м. пола	ж. пола	м. пола	ж. пола
Смертельные случаи	4	—	3	1	2	—	9	1
Ампутация правой руки или кисти …............................	2	—	1	—	—	—	3	—
Ампутация левой руки или кисти…............................	2	—	1	1	1	—	4	1
Ампутация части правой кисти ………………………….	8	19	14	14	6	4	28	37
Ампутация части левой кисти ....…...........................	14	14	8	12	5	3	27	29
Перелом конечностей и костей тела............................	18	4	10	4	3	3	31	11
Перелом кисти или ступни……………………….....	26	27	23	19	8	9	57	55
Повреждение головы и лица………………………….	11	16	12	13	7	1	30	30
Разрывы, ушибы и прочие повреждения, не перечисленные выше............……………..	146	97	122	138	33	35	301	270
Итого....................	231	177	194	202	65	55	490	434

Несчастные случаи, причиной которых были не машины

Виды повреждений	Взрослые		Подростки		Дети		Всего	
	м. пола	ж. пола	м. пола	ж. пола	м. пола	ж. пола	м. пола	ж. пола
Смертельные случаи.....….......	3	1	—		—	—	3	1
Повреждения головы и лица…………………………	2	—	1	—	—	—	3	—
Разрывы, ушибы и прочие повреждения, не перечисленные выше.......………………...	3	2	4	2	—	1	7	5
Всего......................	8	3	5	2	—	1	13	6

Второй отчет, составленный сэром Джоном Кинкейдом, охватывает данные по всей Шотландии, где, как он указывает, законы, регулирующие труд женщин, подростков и детей на фабриках, по-прежнему строго соблюдаются. Сказанное не относится к предписаниям, касающимся школьного обучения детей, ибо у шотландских фабрикантов, по-видимому, существует излюбленный прием получать для своих малолетних рабочих школьные удостоверения от специально созданных для этой цели заведений, которые, однако, вовсе не посещаются детьми, а если и посещаются, то оказываются совершенно непригодными для того, чтобы дать детям какое-либо образование. Чтобы убедиться в этом, достаточно будет привести два случая. В 1858 г. сэр Джон Кинкейд, в сопровождении г-на Кэмпбелла, помощника инспектора, посетил две школы, от которых дети, работавшие в нескольких ситценабивных фабриках Глазго, обычно получали свои удостоверения. Цитирую отчет:

«Первая школа принадлежала г-же Анн Киллин в Смитс-Корте, Бриджтон; при нашем посещении в школьном помещении детей не оказалось; когда мы попросили г-жу Киллин сказать по буквам свою фамилию, она стала путать и назвала сначала букву *С,* но тут же поправилась и сказала, что ее фамилия начинается с буквы *К.* Однако, рассматривая ее подпись на школьных удостоверениях детей, я заметил, что она не всегда одинаково писала свою фамилию, причем ее почерк свидетельствовал о том, что она была совершенно неспособна к преподаванию, и она сама признала, что не может вести классный журнал. Вторая школа, которую я посетил, принадлежала Уильяму Логу на улице Лондресси в Калтоне; его удостоверения я тоже счел своим долгом признать недействительными. Школьное помещение имело около 15 футов в длину и 10 футов в ширину, и в таком помещении мы насчитали 75 детей, во весь голос кричавших что-то невразумительное. Я попросил учителя назвать мне некоторых из детей, и по тому, с каким видом он оглядывал их толпу, я понял, что он не знает, кто из детей присутствует, а кого нет».

Действительно, хотя статьи фабричных законов, касающиеся обучения, требуют, чтобы дети имели свидетельство о посещении школы, они не требуют, чтобы дети выносили оттуда какие-либо познания.

Число несчастных случаев от машин в Шотландии равнялось 237, из которых 58 среди мужчин и 179 среди женщин; других несчастных случаев было только 10. Наблюдается рост числа несчастных случаев, потребовавших ампутации, а равно и более легких случаев; однако разница объясняется большим числом рабочих рук, занятых во второй половине 1858 года. Смертельный случай был только один. Согласно отчетам помощников инспекторов западных округов Шотландии, некоторые бумажные фабрики, которые остановились в 1857 г., еще не возобновили работу, а работа на модном ситценабивном производстве в течение всего года происходила вяло. Новейшие отчеты, полученные

сэром Джоном Кинкейдом из восточного района, сообщают, что в Данди и Арброте несколько фабрик стоит вследствие недавних банкротств и других причин, и что на некоторых Других фабриках, которые считаются работающими полное время, много машин бездействует; сообщается, что такое положение дел в весьма значительной степени следует приписать перепроизводству, меньшему, чем обычно, подвозу льна из прибалтийских стран и вызванным этим фактом высоким ценам на сырье. Число лиц, обычно занятых на фабриках, сокращалось, и среди льнопрядильщиков фактически замечалось стремление к сокращению работы фабрик до 42 часов в неделю, пока продолжается депрессия. С другой стороны, в районах шерстяного производства, особенно в районах изготовления материи «твид», отрасли производства, которая с каждым днем расширяется, наблюдалось сильное оживление в Харидже, Галашилсе, Селкерке и др., причем все отрасли промышленности работали полным ходом, за исключением тканья на ручных станках, которое, в связи с ростом числа механических станков, постепенно падает и вскоре исчезнет совсем.

Сэр Джон Кинкейд дает следующую таблицу, показывающую перемены, происшедшие в отраслях шотландской фабричной промышленности за 20 лет, между 1835 и 1857 годами:

Годы	Фабрики	Число рабочих		
		мужчин	женщин	Всего
	Хлопчатобумажные всех видов			
1835.....................	159	10 529	22 051	32 580
1857....................	152	7 609	27 089	34 698
	Шерстяные			
1835.....................	90	1 712	1 793	3 505
1857.....................	196	4 942	4 338	9 280
	Полотняные			
1835.....................	170	3 392	10 017	13 409
1857.....................	168	8 331	23 391	31 722

Обзор двух других отчетов я откладываю до следующей статьи, тем более, что отчет г-на Роберта Бейкера содержит материалы, представляющие интерес для промышленников любой страны.

Написано К. Марксом 25 февраля 1859 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5584, 15 марта 1859 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ШАНСЫ УСПЕХА В ПРЕДСТОЯЩЕЙ ВОЙНЕ

Последняя слабая надежда на сохранение мира в Европе начинает покидать самых ревностных друзей мира, и вместо обсуждения возможности мирного урегулирования они обсуждают теперь шансы успеха будущих воюющих сторон. Поэтому позвольте нам продолжить наши замечания относительно характера долины реки По с военной точки зрения и возможностей, которые она может предоставить для маневрирования противостоящих друг другу французско-сардинской и австрийской армий.

Мы уже описали сильную позицию австрийцев на Минчо и Адидже*. Теперь обратимся к другой стороне. Протекая в общем с запада на восток, река По образует большую излучину и около 16 миль течет с северо-запада на юго-восток, после чего снова принимает восточное направление. Эта излучина находится на сардинской территории, на расстоянии около 25 миль от австрийской границы. В северном углу излучины в По впадает Сезия, текущая в южном направлении с Альп, а в южном углу — Бормида, текущая в северном направлении с Апеннин. Многочисленные реки меньшего размера вливаются в обе эти реки неподалеку от их впадения в главную реку, так что на карте местность к западу от них представляет собой обширную систему речных потоков с амфитеатра гор, окружающих Пьемонт с трех сторон, причем все они направляются к одному общему центру, подобно радиусам, проведенным от периферии круга к его центру. Такова выгодная оборонительная позиция

* См. настоящий том, стр. 202-209. *Ред.*

Пьемонта, что отлично понимал уже Наполеон; однако как он, так и сардинское правительство, пришедшее на смену французскому владычеству, пренебрегали ею, и создание оборонительных сооружений на ней началось лишь после тяжелых поражений 1849 года. Но даже и тогда оборонительные сооружения возводились так медленно и скупо, что и в настоящий момент они еще не закончены, и укрепления, которые должны были бы иметь выложенный камнем эскарп и контр-эскарп, строятся сейчас как простые полевые укрепления, для того, чтобы быть готовыми к обороне предстоящей весной.

Приблизительно в 4-х милях выше впадения Сезии в По на этой последней реке расположен Касале, который укрепляли и продолжают еще укреплять, чтобы превратить его в основу обороны северного, или левого, фланга позиции. В точке слияния Танаро и Бормиды, в 8 милях выше впадения этой последней реки в По, лежит Алессандрия, самая мощная крепость Пьемонта, которая ныне превращается в центральный пункт большого укрепленного лагеря, прикрывающего южный, или правый, фланг всей позиции. Расстояние между этими двумя городами равно 16 милям, и река По протекает параллельно дороге, соединяющей их, в 5—6 милях от нее. Левый фланг какой-либо армии, расположенной на этой позиции, прикрывается, во-первых, Сезией, и во-вторых, Касале и рекой По, а правый — Алессандрией и реками Орба, Бормида, Бельбо и Танаро, которые все соединяются у самой Алессандрии. Фронт позиции прикрыт излучиной реки По.

Если Сардиния сосредоточит на этой позиции свою армию численностью от 80000 до 90000 человек, то в ее распоряжении для активных действий будет около 50000 человек, готовых обрушиться на фланги любой армии, пытающейся обойти эту позицию у Нови и Аккуи на юге или у Верчелли на севере. Поэтому можно считать, что и Турин хорошо прикрывается этой позицией, тем более, что эта столица обладает цитаделью, для взятия которой требуется предварительная правильная осада, и никакая армия, обходящая эту позицию, не смогла бы вести осаду, предварительно не выбив пьемонтскую армию из ее укрепленного лагеря. Однако позиция Касале — Алессандрия имеет один недостаток: у нее нет глубины, и ее тыл совершенно не прикрыт. Австрийцы, между Минчо и Адидже, имеют четырехугольник, прикрытый четырьмя крепостями — по одной на каждом углу; у пьемонтцев же на По и Бормиде имеется линия с двумя крепостями на каждом фланге, и с хорошо защищенным фронтом, но их тыл совершенно открыт. Обходить Алессандрию с юга было бы рискованно и сравни-

тельно бесполезно; но Касале можно обойти с севера, если не у Верчелли, то, по крайней мере, у Сесто-Календе, Новары, Бьеллы, Сантии и Крешентино; и если численно превосходящая армия перейдет По выше Касале и атакует тыл пьемонтцев, то они сразу будут вынуждены отказаться от преимуществ сильно укрепленной позиции и принять сражение в открытом поле. Это было бы повторением Маренго, только на противоположном берегу Бормиды.

Итак, дав описание двух операционных баз в бассейне реки По, — австрийской базы в одной из предыдущих статей и франко-пьемонтской в приведенных выше заметках, — мы перейдем теперь к рассмотрению того, как эти базы могут быть использованы. Взглянув на карту, увидим прежде всего, что вся северо-восточная часть альпийского хребта, от Женевы и не доходя одной мили до Стельвийского прохода, принадлежащая Швейцарии, будет нейтральной территорией до тех пор, пока одна из воюющих сторон не сочтет нужным нарушить ее нейтралитет. Так как в настоящее время швейцарцы собирают довольно сильную армию для оборонительных целей, то маловероятно, чтобы это произошло в самом начале войны. Поэтому в настоящий момент мы будем рассматривать Швейцарию как действительно нейтральную и недоступную для обеих сторон территорию. В таком случае у французов имеются только четыре пути в Пьемонт. Лионская армия должна будет пройти через Савойю и Монсени. Менее крупные силы могут пройти через Бриансон и Мон-Женевр; обе группировки спустятся с гор и соединятся в Турине. Армия, сосредоточенная в Провансе, сможет частью идти из Тулона через Ниццу и Коль-ди-Тенду, частью же она может быть посажена в Тулоне на суда и в гораздо более короткое время доставлена в Геную. Для обеих частей этой армии местом сосредоточения будет Алессандрия. Здесь есть еще несколько дорог, но они либо непригодны для прохода крупных воинских соединений, либо имеют второстепенное значение по сравнению с вышеупомянутыми, которые ведут к тем же самым пунктам сосредоточения.

Диспозиция для итальянской армии французов (теперь мы можем взять на себя смелость так называть ее) уже составлена в соответствии с вышеописанным положением вещей. Двумя главными пунктами сосредоточения войск являются Лион и Тулон; меньшая группировка должна быть сосредоточена в долине реки Роны, между этими пунктами, и быть готовой выступить через Бриансон. Для того, чтобы быстро сосредоточить сильную французскую армию в долине реки По, за Алессандрией и Касале, действительно необходимо использовать все

названные выше дороги, причем самые крупные силы пойдут через Лион и Монсени, меньшие — через Бриансон и Мон-Женевр, и возможно большая часть армии Прованса должна быть перевезена в Геную морем, ибо, в то время как силам, идущим от Вара через Коль-ди-Тенду, понадобится свыше 10 дней на переход к Алессандрии, морем они могут покрыть расстояние от Тулона до Генуи за 24 часа и оттуда достигнуть Алессандрии в три форсированных или четыре обычных перехода.

Если предположить, что Австрия объявит войну, как только хотя бы один французский батальон войдет в Пьемонт (а это, вероятно, так и будет), то спрашивается, какого рода действия может предпринять итальянская армия австрийцев? Она может остаться в Ломбардии и ожидать, не пуская в ход оружия, сосредоточения 200000 французов и 50000 пьемонтцев и затем отступить перед ними к своей операционной базе на Минчо, оставив всю Ломбардию. Такие действия привели бы австрийскую армию в уныние и воодушевили бы ее противников неожиданно дешево доставшимся им успехом. Или же австрийская армия может ожидать нападения французов и пьемонтцев на открытых равнинах Ломбардии. В этом случае она была бы разбита численно превосходящими силами, имея только 120000 человек против неприятеля, обладающего в два раза большим количеством войск, и, кроме того, оказалась бы в затруднительном положении ввиду восстания итальянцев, которое охватило бы всю страну. Австрийская армия, правда, могла бы добраться до своих крепостей, но использование этой великолепной операционной базы было бы сведено к бесплодной обороне, поскольку наступательная сила полевой армии была бы к этому времени уже растрачена. Важнейшее назначение этой системы крепостей — а она была создана, чтобы служить базой более слабой армии для успешного и прикрытого нападения на более сильную армию, — было бы сведено на нет до прибытия подкреплений из внутренних районов Австрии; но за это время могла бы пасть Пескьера, мог бы пасть Леньяго, а коммуникации, проходящие через Венецианскую область, были бы наверняка потеряны. Оба рассмотренных выше способа действия были бы невыгодными и допустимы лишь в силу крайней необходимости. Однако у австрийской армии остается еще один ход.

Австрийцы могут выставить по крайней мере 120000 человек. Если они хорошо выберут момент, то против них окажется только 90000 пьемонтцев, из которых лишь 50000 смогут участвовать в боевых действиях. Французы прибывают по четырем дорогам, которые все направляются к Алессандрии. Углы, заключенные между этими четырьмя дорогами, т. е. между линией,

проведенной от Монсени к Алессандрии, и линией от Генуи к Алессандрии, имеют в сумме около 140 градусов; таким образом, о взаимодействии различных французских группировок, пока они еще не сосредоточены, не может быть и речи. Если австрийцы сумеют хорошо выбрать момент, — а мы видели в 1848 и 1849 гг., что они умеют это делать, —и выступят против операционной базы пьемонтцев, либо атакуя ее с фронта, либо обходя ее с севера, то мы отваживаемся утверждать, даже отдавая должное храбрости пьемонтской армии, что у сардинцев будет мало шансов устоять против превосходящих сил австрийцев; а коль скоро пьемонтцы будут вытеснены с открытого поля и вынуждены ограничиться лишь пассивной обороной своих крепостей, австрийцы могут превосходящими силами атаковать поодиночке каждую группировку французов при ее выходе из Альп или Апеннин; и даже если бы они отступили, то это отступление было бы обеспечено, пока нейтралитет Швейцарии прикрывает их северный фланг, и их армия, подойдя к Мантуе, все еще была бы пригодна для активной наступательной обороны своей операционной базы.

Другая возможность для австрийцев состоит в том, чтобы занять позицию в окрестностях Тортоны и ожидать прибытия французской колонны, которая на марше из Генуи в Алессандрию должна будет подставить австрийцам свой фланг. Однако это был бы довольно неудачный способ наступления, потому что французы, возможно, преспокойно оставались бы в Генуе до тех пор, пока другие колонны сосредоточивались в Алессандрии, а в этом случае австрийцы не только совершенно лишились бы каких-либо преимуществ, но и могли быть отрезаны от Минчо и Адидже.

Предположим, что австрийцы разбиты и должны отступать к своей операционной базе; но и французы, если они двинутся дальше Милана, могут быть обойдены. Дорога от Стельвио ведет из Тироля прямо на Милан по долине Адды; дорога от Тонале проходит по долине Ольо, а от Джудикарие — по долине Кьезе. Эти две дороги ведут в самое сердце Ломбардии и в тыл всякой армии, атакующей Минчо с запада. Через Тироль Австрия обходит всю Ломбардо-Венецианскую область, и если будут сделаны необходимые приготовления, она в любой день сможет устроить своему противнику новое Маренго на равнинах Ломбардии. Пока Швейцария остается нейтральной, подобная военная хитрость не может быть пущена в ход против Австрии, наступающей на Пьемонт.

Итак, при настоящем положении дел в Италии наилучшим способом действий для Австрии будет наступление. Движение

прямо в середину сосредоточивающейся неприятельской армии является одним из самых блестящих в ряду тех великолепных маневров современной войны, которые так искусно умел применять Наполеон. И именно против австрийцев он применял его с наибольшим успехом; об этом свидетельствуют битвы при Монтенотте, Миллезимо, Мондови и Дего, об этом же свидетельствуют битвы при Абенсберге и Экмюле[95]. Что австрийцы научились этому маневру у Наполеона, это они блестяще доказали в битвах при Соммакампаньи[96] и Кустоце, и в особенности при Новаре. Поэтому такой же маневр, по-видимому, больше всего подходил бы ныне австрийцам для ведения войны; и хотя это потребует большой бдительности и точного выполнения операции во времени, все же австрийцы упустят блестящие возможности добиться успеха, если они ограничатся простой обороной своих территорий.

Написано Ф. Энгельсом в конце февраля 1859 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5586, 17 марта. 1859 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

НОВЫЙ БИЛЛЬ О ПАРЛАМЕНТСКОЙ РЕФОРМЕ В АНГЛИИ [97]

Лондон, 1 марта 1859 г.

На вечернем заседании 28 февраля г-н Дизраэли посвятил палату общин в тайны правительственного билля о парламентской реформе. Этот билль можно кратко охарактеризовать как билль г-на Лока Кинга, поскольку в нем предусматривается снижение избирательного ценза для избирателей в графствах с 50 ф. ст. до 10 ф. ст.[98], до некоторой степени компенсируемое тем, что у фригольдеров с сорокашиллинговым доходом[99], которые проживают в городах, имеющих право представительства в парламенте, отнимается право голоса в графствах; этот билль также прикрашен сложной смесью замысловатых избирательных привилегий, которые в целом были бы ничтожны, с одной стороны, а с другой — лишь усилили бы существующую классовую монополию. Важные вопросы о допущении большинства народа к участию в выборах, об уравнении избирательных округов и об обеспечении тайного голосования даже не затрагиваются. Точность моей характеристики билля можно подтвердить следующим кратким изложением его основных положений: должно быть установлено единое избирательное право арендаторов как в графствах, так и в городах; другими словами, статья Чандоса в акте о парламентской реформе 1832 г., устанавливавшая имущественный ценз в 50 ф. ст. для арендаторов земли в графствах, должна быть отменена[100]. Избирательное право арендаторов недвижимости распространяется на все виды недвижимого имущества, независимо от того, включает ли недвижимость строения или нет. Введение в графствах имущественного ценза в 10 ф. ст., по подсчетам г-на Ньюмарча, увеличило бы количество избирателей в графствах на 103000, в то время как

г-н Дизраэли считает, что прирост избирателей в графствах составил бы 200000 голосов. С другой стороны, сорокашиллинговый фригольд номинально по-прежнему давал право голоса, однако сорокашиллинговые фригольдеры, проживающие в городах, которые до сих пор, благодаря своим фригольдерским владениям имели право голоса в графствах, потеряют это право, будучи обязанными голосовать в тех городах, где они проживают. В результате этого около 100000 голосов было бы перенесено из графств в города, в то же время около 40000, если не больше, избирателей, проживающих в графствах непостоянно, вовсе лишились бы своих прав. Такова суть нового законопроекта. Одной рукой он отнимает у избирательного права в графствах то, что другой рукой дает, особенно заботясь, чтобы уничтожить целиком влияние, которое города, со времени парламентской реформы 1832 г., оказывали на выборы в графствах посредством покупки сорокашиллинговых фригольдерских участков. В своей длинной речи при внесении билля в палату г-н Дизраэли изо всех сил старался показать, что в течение последних 15 лет фабрикация городами сорокашиллинговых фригольдов дошла до того,

«что количество избирателей в графствах, в них не проживающих, ныне превосходит число тех, которые голосуют на основании статьи о праве голоса арендаторов», так что в день выборов «некоторые большие города благодаря железной дороге наводнили бы графства множеством своих избирателей и численно подавили бы членами одного какого-нибудь городского клуба голоса тех лиц, которые постоянно живут в графстве».

На речь этого джентльмена в защиту графств г-н Брайт дал такой победоносный ответ:

«Ваша цель — еще более ограничить избирательное право в графствах. По-видимому, вас ничто не страшит так сильно, как полнокровные избирательные округа, в особенности в графствах. Весьма знаменательно, что в значительной части Англии в течение продолжительного времени число избирателей в графствах не увеличивалось, но во многих уменьшалось. Г-н Ньюмарч показал, что имеется 11 графств, в которых за 15 лет, с 1837 по 1852 г., количество избирателей уменьшилось не менее чем на 2000, между тем как общее число имеющих право голоса в графствах только Англии и Уэльса, увеличилось за эти 15 лет на 36000, причем более чем 17000 этого прироста приходится на Ланкашир, Чешир и Западный Райдинг в Йоркшире. В остальных частях Англии трудности покупки фригольдов настолько велики и размеры ферм настолько увеличились, что количество избирателей в целом почти во всех графствах осталось либо неизменным, либо безусловно уменьшилось».

Переходя теперь от графств к небольшим городам, мы встречаем новые замысловатые избирательные привилегии, которые частично заимствованы из неудачных проектов 1852 и 1854 гг. лорда Джона Рассела[101], а частично обязаны своим появлением

гению лорда Элленборо, высидевшему путаный, злополучный индийский билль[102]. Среди них прежде всего имеются так называемые льготы по образованию, которые, как иронически заметил г-н Дизраэли, хотя и не зависят от каких-либо научных занятий, однако означают, что образование соответствующих классов «потребовало довольно значительных денежных затрат», и поэтому может быть отнесено к общей категории имущественного ценза. В соответствии с этими льготами право голоса предоставляется лицам, имеющим высшее образование, духовенству англиканской церкви и всех других религиозных общин, адвокатам, частным поверенным и нотариусам, стряпчим и прокторам в судах, врачам, дипломированным педагогам, словом — представителям различных свободных профессий или, как обычно называли их французы в эпоху г-на Гизо, «талантам». Поскольку значительная часть этих «талантов» уже имеет избирательные права как лизгольдеры[103], получающие 10 ф. ст. дохода, это условие едва ли увеличит число избирателей в сколько-нибудь ощутительной степени, хотя оно может содействовать росту клерикального влияния. Другие вновь вводимые избирательные льготы даются: 1) жильцам и съемщикам любого дома, меблированного или немеблированного, платящим 8 шиллингов в неделю или 20 ф. ст. в год; 2) лицам, получающим доход в размере 20 ф. ст. в год с движимого имущества в виде государственных бумаг или ренты, ост-индских акций или банковских акций, либо же получающим пенсию или пособие в размере 20 ф. ст. в год за многолетнюю службу в армии, во флоте или в гражданском ведомстве, и не состоящим на действительной службе; 3) вкладчикам сберегательных касс, размер вкладов которых составляет 60 фунтов стерлингов.

С первого же взгляда становится понятным, что все эти новые избирательные льготы, допуская к выборам некоторые новые группы буржуазии, явно придуманы с целью не допустить к участию в выборах рабочий класс и оставить его в его нынешнем положении политического «пария», как г-н Дизраэли имел неосторожность назвать людей, не имеющих права голоса. Новой чертой оппозиции, выступившей в палате общин, можно считать то, что все противники правительства, от г-на Джона Брайта и вплоть до лорда Джона Рассела, подчеркивали именно этот момент нового билля о реформе, как вызывающий больше всего возражений. Сам г-н Дизраэли заявил:

> «когда в 1831 г. был представлен билль об избирательной реформе, то все признали, что его целью было дать английской буржуазии возможность иметь свою узаконенную оппозицию в законодательных учреждениях».

«Видите ли, сэр», — сказал лорд Джон Рассел, — «с того момента, когда я отказался рассматривать закон 1832 г. как предел, я придерживался этого взгляда на том основании, которое казалось мне единственно достаточным для нарушения обширного и сложного соглашения, а именно на основании факта исключения огромного количества лиц, вполне достойных избирательного права, причем эти лица принадлежат к трудящимся классам нашей страны».

«Билль 1832 г.», — сказал г-н Робак, — «должен был дать власть буржуазии. Без трудящихся классов в этом случае не было бы никакого билля об избирательной реформе. Рабочие вели себя таким образом, что я никогда этого не забуду; не следует забывать об этом и английской буржуазии. Во имя трудящихся классов нашей страны я и обращаюсь теперь к буржуазии».

«Я», — сказал г-н Брайт, — «презирал бы до последней степени трудящиеся классы Англии, вернее сказать, я не только презирал бы их, но потерял бы в них всякую веру, если бы я мог предположить, что они смирятся с лишением их избирательных прав, как это делает билль Дизраэли».

Исключение трудящихся классов из числа избирателей вместе с лишением избирательных прав фригольдеров, живущих в городах, явится боевым кличем, с которым будет вестись атака на нынешний билль о парламентской реформе и на его авторов. В то же самое время разногласия в правительственном лагере, уже давшие о себе знать тем, что из кабинета вышли г-н Уолпол и г-н Хенли, и возникшие из-за отмены статьи Чандоса, отнюдь не будут содействовать усилению средств их защиты.

Что касается других статей билля, то они имеют сравнительно небольшое значение. Ни у одного города, имеющего право посылки депутата в парламент, это право не отнимается, но создается 15 новых мест, из которых Западный Райдинг в Йоркшире получит 4, Южный Ланкашир — 2, Мидлсекс — 2; в то же время 7 новых мест в палате будет дано недавно выросшим небольшим городам, а именно: Хартлпулу, Бёркенхеду, соединенным Уэст-Бромуичу и Уэнсбери, Бёрнли, Хейлибриджу, Кройдону и Грейвсенду. Чтобы выкроить места для этих дополнительных членов парламента, число представителей, посылаемых в палату 15 небольшими городами с населением менее 6000 человек, должно быть сокращено с двух до одного. Таковы пропорции, в которых должно быть осуществлено «уравнение» избирательных округов.

Избирательные пункты должны быть устроены в каждом приходе или группе приходов, насчитывающих не менее 200 избирателей; дополнительные избирательные пункты должны быть учреждены за счет графств. В виде компромисса со сторонниками тайного голосования избиратели, не желающие голосовать в местах, где проходят выборы, могут прибегать к избирательным бюллетеням, рассылаемым избирателям, при-

чем последние возвращают их комиссару по выборам заказным письмом, подписанным в присутствии двух свидетелей, один из которых должен быть домовладельцем; письмо подлежит вскрытию особым уполномоченным в день голосования. Наконец, билль вводит некоторые улучшения в систему регистрации избирателей в графствах. В Лондоне нет ни одной газеты, за исключением «Times» и правительственного органа[104], которая питала бы какую-либо надежду на успех этого билля[105].

Написано К. Марксом 1 марта 1859 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5586, 17 марта 1859 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

СОСТОЯНИЕ БРИТАНСКОЙ ФАБРИЧНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Лондон, 4 марта 1859 г.

Сегодня я намерен дать обзор двух фабричных отчетов, упомянутых уже в одной из предыдущих статей*. Первый составлен г-ном А. Редгрейвом, фабричный округ которого охватывает Мидлсекс (Лондон и его окрестности), Суррей, Эссекс, часть Чешира, Дербишира и Ланкашира, а также Восточный Райдинг (Йоркшир). В этом округе в течение полугода — по 31 октября 1858 г. —произошел 331 несчастный случай, причиненный машинами, из которых 12 оказались смертельными. Отчет г-на Редгрейва касается почти исключительно одного пункта, а именно постановлений относительно обучения детей, работающих на ситценабивных и других фабриках. Раньше чем принять для постоянной работы ребенка или подростка на ситценабивную или иную фабрику, владелец обязан получить удостоверение от участкового врача, который в силу закона 7-го года царствования Виктории, 15-я глава, приложение A[106], должен отказать в таковом, если представленное для освидетельствования лицо

«не обладает по меньшей мере силой и внешним видом обычного 8-летнего ребенка, а для категории подростков — внешностью по крайней мере 13-летнего, или если болезнь и физическая слабость сделали малолетнего неспособным к ежедневной работе на фабрике в течение времени, разрешенного законом».

Дети в возрасте от 8 до 13 лет по закону признаются негодными для работы полное время и они должны часть своего времени отдавать посещению школы, причем врач имеет полномочия выдавать им свидетельства только на половинное время работы. Из отчета г-на Редгрейва явствует, что, с одной стороны, родители, когда они могут получить для своих детей заработную плату за полный рабочий день, всячески стараются избежать того, чтобы их дети посещали школу и получали половинную заработную плату, с другой же стороны, дети для владельца фабрики представляют интерес лишь как физическая сила,

* См. настоящий том, стр. 216. *Ред.*

способная выполнять ту или иную работу. В то время как родители добиваются заработка за полное время, фабрикант добивается рабочих, занятых полное время. Нижеследующее объявление, появившееся в газете крупного фабричного центра в округе г-на Редгрейва, поразительно напоминает приемы работорговли; оно показывает, как фабриканты выполняют предписание закона. Объявление гласит буквально следующее:

«*Требуется* 12—20 *мальчиков,* по внешнему виду *могущих сойти* минимум за тринадцатилетних... Заработная плата 4 шиллинга в неделю».

Фактически наниматель по закону не обязан требовать удостоверение о возрасте ребенка из какого-либо достоверного источника; для него достаточно *суждения* о возрасте по внешнему виду ребенка. Система половинного рабочего времени, основанная на том принципе, что детский труд не должен разрешаться, если ребенок параллельно с работой на фабрике не посещает ежедневно школу, встречает возражения фабрикантов по двум причинам. Они не желают нести ответственность за обязательное посещение школы работающими половинное время (детьми моложе 13-летнего возраста) и находят более дешевым и менее хлопотливым для себя использовать одну смену детей вместо двух, работающих попеременно по 6 часов. Поэтому первым результатом введения системы половинного рабочего времени было номинальное сокращение, почти наполовину, количества детей моложе 13 лет, работавших на фабриках. С 56455 в 1835 г. это число понизилось до 29283 в 1838 году. Впрочем, это уменьшение в значительной степени было только номинальным, так как услужливость выдающих удостоверения участковых врачей произвела внезапно резкое изменение в соответствующих возрастах малолетних рабочих Соединенного королевства. Поэтому в той мере, в какой выдающие удостоверения врачи были подчинены более строгому наблюдению со стороны фабричных инспекторов и их помощников, и в той мере, в какой возросла возможность удостоверять действительный возраст детей на основании записи рождений, началось, после 1838 г., движение в обратную сторону. С цифры в 29283, до которой упало количество детей ниже 13 лет, занятых на фабриках в 1838 г., оно поднялось снова до цифры в 35122 в 1850 г, и до 46071 в 1856 г., причем последний официальный отчет далеко не отражает действительного масштаба применения детского труда. С одной стороны, многие из выдающих удостоверения врачей все еще умеют обходить бдительность инспекторов, с другой же стороны, много тысяч детей перестали посещать школу и подчиняться системе половинного рабочего времени

уже в возрасте 11 лет в силу изменения закона, касающегося шелковых фабрик[107], —

«жертва, которая», — как говорит один из фабричных инспекторов, — «возможно принесена ради владельцев фабрик, но которая оказалась вредной для социального благополучия округов шелковой промышленности».

Хотя мы, таким образом, можем вывести заключение, что количество детей от 8 до 13 лет, занятых ныне на ситценабивных и других фабриках Соединенного королевства, превосходит число детей, занятых такой же работой в 1835 г., тем не менее не может быть сомнения, что система половинного рабочего времени сыграла большую роль в стимулировании изобретений в целях замены детского труда. Так г-н Редгрейв заявляет:

«В настоящее время один разряд фабрикантов — шерстопрядильщики — фактически редко применяет труд детей моложе 13 лет (т. е. работающих половинное рабочее время). Они ввели усовершенствованные и новые машины различных видов, которые полностью устраняют необходимость применения детского труда. Так, например, в качестве иллюстрации этого уменьшения количества детей на производстве я могу упомянуть один производственный процесс, в котором благодаря присоединению к ныне действующей машине аппарата, называемого сучильной машиной, труд работающих половинное рабочее время шести или четырех детей, — в зависимости от особенностей каждой машины, — может быть выполнен всего лишь одним подростком».

До какой степени современная промышленность, по крайней мере в странах, где она развита уже с давних пор, заставляет детей искать денежного заработка, снова было наглядно показано недавними примерами в Пруссии. Прусский фабричный закон 1853 г. постановил, что после 1 июля 1855 г. ни один ребенок не должен допускаться к работе на фабрике, пока ему не минет 12 лет, и что дети от 12 до 14 лет не должны работать больше шести часов в день и обязаны посещать школу по крайней мере три часа в день. Этот закон встретил такое сопротивление со стороны фабрикантов, что правительство было принуждено уступить и ввести его не повсюду в Пруссии, но, в виде опыта, только в Эльберфельде и Бармене, двух тесно соприкасающихся промышленных городах с многочисленным фабричным населением, занятым прядением, набивкой ситца и т. д. В годовом отчете торговой палаты Эльберфельда и Бармена за 1856 г. по этому поводу сделаны следующие представления прусскому правительству:

«Повышение заработной платы, равно как и рост цен на уголь и все материалы, необходимые для этих отраслей промышленности, как-то: на кожу, масло, металл и т. д., оказались в высшей степени невыгодными для производства. В добавление к этому строгое осуществление закона от

1 мая 1853 г. относительно применения детского труда на фабриках оказалось очень вредным. Оно не только вызвало удаление с производства известного количества детей, но лишило также возможности дать им раннюю выучку, рассчитанную на то, чтобы сделать из них искусных рабочих. Вследствие недостатка этих малолетних рабочих в некоторых промышленных предприятиях машины были остановлены, так как для управления ими взрослые рабочие были непригодны. Мы рекомендуем видоизменение вышеупомянутого закона в смысле сокращения времени обязательного посещения школы детьми, достигшими известного уровня знаний, как меры, выгодной для многочисленных семейств и для владельцев фабрик».

Последний из фабричных отчетов, автором которого является г-н Бейкер, инспектор Ирландии, выделяется анализом причин, вызывающих несчастные случаи, и характеристикой общего состояния производства. Что касается первого вопроса, то г-н Бейкер констатирует, что на каждые 340 рабочих приходится один несчастный случай, что составляет увеличение на 21% по сравнению с полугодием, которое окончилось в апреле, и что из числа несчастных случаев, вызванных машинами, — а лишь 10% несчастных случаев не связаны с машинами, — около 40% можно было бы избежать и предупредить с помощью ничтожных издержек, но

«благодаря недавнему изменению закона в настоящее время их очень трудно произвести, так как одно увещевание не действует».

Г-н Бейкер утверждает, что состояние производства улучшилось, однако, по его мнению,

«во многих случаях снова был достигнут максимум, за пределами которого фабричная промышленность постепенно становится все менее прибыльной, пока вовсе не перестает быть таковой».

Изменение в соотношении между ценой сырья и готовых фабричных изделий справедливо приводится им как одна из главных причин, вызывающих, вместе с увеличением машинного оборудования, чередование благоприятных и неблагоприятных циклов. В качестве примера г-н Бейкер приводит перемены в камвольной промышленности:

«В течение прибыльных для камвольной промышленности годов — 1849 и 1850 — цена английской чесаной шерсти составляла 1 шил. 1 п., а цена австралийской шерсти колебалась от 1 шил. 2 п. до 1 шил. 5 п. за фунт. В среднем же за 10 лет — от 1841 до 1850 г., включая оба эти года,— средняя цена английской шерсти ни разу не превысила 1 шил. 2 п., а цена австралийской шерсти — 1 шил, 5 п. за фунт. В начале злополучного 1857 г. цена австралийской шерсти равнялась сначала 1 шил. 11 п., затем она упала до 1 шил. 6 п. в декабре, когда паника достигла высшей своей точки, но потом постепенно снова поднялась до 1 шил. 9 п. в течение 1858 года; между тем цена английской шерсти равнялась сначала 1 шил. 8 п., в апреле и сентябре 1857 г. поднялась до 1 шил. 9 п., упав в январе 1858 г. до 1 шиллинга 2 пенсов; с тех пор она поднялась до 1 шил. 5 п., что на 3 п. за фунт выше, чем средняя цена за упомянутое выше

десятилетие. Это доказывает, что либо забыты банкротства, вызванные подобными же ценами в 1857 г., либо то, что произведенной шерсти едва хватает для наличного количества веретен, способных ее переработать».

В общем г-н Бейкер, по-видимому, придерживается того мнения, что как число веретен и ткацких станков, так и число оборотов, достигаемых на них, увеличивается в пропорции, не соответствующей производству шерсти. В этом отношении в Англии не существует надежной статистики; однако статистические данные по сельскому хозяйству Ирландии, собранные полицейскими управлениями, и статистические данные по Шотландии, собранные г-ном Холлом Максуэллом, являются вполне достаточными для всех практических целей. Эти данные показывают, что между тем как в 1857 г. возделывание некоторых хлебных злаков, а также животноводство в целом в Ирландии и Шотландии существенно расширились, овцеводство представляло исключение, причем в Ирландии в 1858 г. количество овец было меньше на 114557, чем в 1855 году; и хотя в 1858 г. имело место увеличение на 35533 сравнительно с 1857 г., общее число было на 95177 меньше, нежели среднее число за три предшествующих года, и главным образом это касается маток. В Шотландии соответствующие цифры были следующие:

	Овцы всех возрастов на племя	Овцы всех возрастов на убой	Ягнята
В 1856 г.	2 714 301	1 146 427	1 955 832
» 1857 г.	2 632 283	1 181 782	1 869 103
Убыль	82 018	Прирост 35 355	Убыль 86 729

Это показывает не только общую убыль овец в 133392, но и то, что на убой овец разводилось больше, чем до сих пор. Определяя настриг шерсти с одной овцы в 7 фунтов, мы благодаря указанным цифрам узнаем, что в то время как в 1855 г. Ирландия могла дать 16810934 фунта шерсти, не считая шерсти ягнят, в 1858 г. она была в состоянии дать только 16276330 фунтов, и что уменьшение количества шерсти в Шотландии, тоже не считая ягнят, в 1857 г. равнялось 326641 фунту; таким образом, общий дефицит шерсти в обеих странах равнялся 861245 фунтов, или, согласно более или менее точному подсчету, $^1/_{95}$ части всего количества произведенной в Англии шерсти, необходимой ежегодно для переработки в камвольной промышленности.

Написано К. Марксом 4 марта 1859 г.

Напечатана в газете «New-York Daily Tribune» № 5592, 24 марта 1859 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПО И РЕЙН [108]

Написано Ф. Энгельсом в конце февраля-начале марта 1859 г.

Напечатано отдельной брошюрой в Берлине в апреле 1859 г.

Печатается по тексту брошюры

Перевод с немецкого

I

С начала этого года лозунгом большей части германской печати стала формула: *Рейн надо оборонять на реке По.*

Этот лозунг находил свое полное оправдание ввиду военных приготовлений и угроз Бонапарта. Верным инстинктом в Германии почувствовали, что если По для Луи-Наполеона только предлог, то основной его целью при всех обстоятельствах должен быть Рейн. Пожалуй, только война за установление границы на Рейне может послужить бонапартизму громоотводом против обоих элементов, угрожающих ему внутри Франции: против «патриотического избытка сил»* революционных масс и против бурлящего недовольства «буржуазии». Одним это дало бы задачу национального значения, другим — перспективу на завоевание нового рынка. Поэтому разговоры об освобождении Италии не могли в Германии никого ввести в заблуждение. Это был случай, о котором старая пословица говорит: бьют по мешку, но имеют в виду осла. Если Италия была вынуждена изображать мешок, то Германия не имела на этот раз никакого желания играть роль осла.

Таким образом, удерживать за собой реку По в данном случае означало бы только то, что Германия, находясь под угрозой нападения, при котором дело в конечном счете касается захвата нескольких ее лучших провинций, никоим образом не может думать о том, чтобы уступить без боя одну из сильнейших, если не самую сильную из своих военных позиций. В этом смысле, конечно, вся Германия всерьез заинтересована в обороне

* Гейне. «На прибытие ночного сторожа в Париж» (цикл «Современные стихотворения»). *Ред.*

По. Накануне войны, как и во время самой войны, обычно овладевают каждой пригодной позицией, с которой можно угрожать врагу и вредить ему, и не занимаются нравоучительными размышлениями о том, совместимо ли это с вечной справедливостью или с принципом национальности. Тогда защищают только свою шкуру.

Однако эта постановка вопроса о защите Рейна на реке По весьма отлична от стремления очень многих германских военных и политиков объявить По, т. е. Ломбардию и Венецианскую область, стратегически необходимым дополнением и, так сказать, неотъемлемой частью Германии. Эта точка зрения была выдвинута и теоретически защищалась особенно со времени итальянских походов 1848 и 1849 годов; ее доказывали генерал фон *Радовиц* в соборе св. Павла[109] и генерал фон *Виллизен* в своей книге «Итальянский поход 1848 г.»[110]. В неавстрийской Южной Германии эту же тему с пристрастием, граничащим с вдохновением, развивал баварский генерал фон *Хайльброннер.* Главный аргумент, выдвигаемый во всех этих случаях, был всегда политического характера: Италия совершенно не в состоянии оставаться независимой; в Италии должны господствовать либо Германия, либо Франция; если бы сегодня австрийцы убрались из Италии, то завтра в долине Эча и у ворот Триеста появились бы французы, и вся южная граница Германии была бы обнажена перед «исконным врагом». Поэтому Австрия от имени и в интересах всей Германии удерживает Ломбардию.

Как видим, военные авторитеты, высказывавшиеся за эту точку зрения, принадлежат к числу наиболее видных в Германии. Несмотря на это, мы должны самым решительным образом выступить против них.

Для аугсбургской «Allgemeine Zeitung», которая взяла на себя задачу быть официальной защитницей германских интересов в Италии, эта точка зрения стала символом веры, защищаемым с подлинным фанатизмом. Несмотря на свою ненависть к евреям и туркам, эта христианско-германская газета готова скорее сама подвергнуться «обрезанию», чем допустить таковое по отношению к «германским» областям в Италии. То, что пускающимися в политику генералами защищается, в конце концов, лишь как прекрасная военная позиция в руках Германии, то для аугсбургской «Allgemeine Zeitung» является важнейшей составной частью определенной политической теории. Мы имеем в виду теорию так называемой «великой среднеевропейской державы», союзного государства, образованного из Австрии, Пруссии и остальной Германии под гегемонией Австрии; Венгрия и славяно-румынские страны вдоль Дуная должны

быть германизированы с помощью колонизации, школ и осторожно применяемого принуждения — тем самым центр тяжести всего этого комплекса стран все более и более переносится на юго-восток, в Вену; кроме того должны быть завоеваны вновь Эльзас и Лотарингия[111]. Эта «великая среднеевропейская держава» должна быть своего рода возрождением Священной Римской империи германской нации[112] и, по-видимому, среди прочих целей должна иметь также в виду присоединение, в качестве вассальных государств, бывших Австрийских Нидерландов[113], а также Голландии. Немецкое отечество в этом случае раскинулось бы почти вдвое шире тех пределов, где ныне звучит немецкая речь; если это все действительно осуществится, то Германия станет арбитром и господином Европы. Судьба уже позаботилась о том, чтобы все это могло осуществиться. Романские народы быстро вырождаются: испанцы и итальянцы окончательно погибли; французы в данный момент также переживают распад. С другой стороны, славяне совершенно неспособны создать подлинное современное государство и они ходом всемирной истории предназначены к германизации, причем омоложенной Австрии опять-таки отводится роль главнейшего орудия провидения. Таким образом, лишь германские народы сохраняют моральную силу и способность к историческому творчеству, причем из них англичане так глубоко погрязли в своем островном эгоизме и материализме, что от их влияния, от их торговли и промышленности приходится отгораживаться высокими охранительными пошлинами, создав на европейском материке своего рода рациональную континентальную систему[114]. Таким образом, у строгой германской добродетели и у юной «среднеевропейской державы» имеется абсолютно все, чтобы в течение короткого времени захватить мировое господство на суше и на море и открыть новую историческую эру, когда Германия, наконец, после долгого перерыва, снова станет играть первую скрипку, под которую будут плясать остальные народы.

Французам и русским — подвластна земля,
Британцам — море покорно,
Но в царстве воздушном мечтательных грез
Немецкая мощь бесспорна[*].

Мы отнюдь не собираемся заниматься здесь обсуждением политической стороны этих патриотических фантазий. Мы обрисовали их в нескольких словах лишь в общей связи для того, чтобы впоследствии никто не мог воспользоваться всем этим великолепием как новым аргументом для подтверждения

[*] Гейне. «Германия. Зимняя сказка», глава VII. *Ред.*

необходимости «германского» господства в Италии. Здесь нас интересует только военная сторона вопроса, а именно, нуждается ли Германия для своей обороны в постоянном господстве над Италией и, в частности, в полном военном обладании Ломбардией и Венецианской областью?

Этот вопрос с чисто военной точки зрения можно сформулировать следующим образом: нужно ли Германии для обороны своей южной границы обладание реками Эч, Минчо и нижним По с предмостными укреплениями Пескьерой и Мантуей?

Прежде чем попытаться ответить на этот вопрос, мы должны твердо запомнить следующее: когда мы здесь говорим о Германии, то мы понимаем под этим названием единое государство, руководство вооруженными силами и действия которого осуществляются из одного центра; мы представляем себе Германию не как какой-то воображаемый, но как реально существующий политический организм. При иных предпосылках не может быть вообще речи о каких бы то ни было политических или военных потребностях Германии.

II

В течение целых столетий Северная Италия, еще в большей мере, чем Бельгия, являлась полем сражения, на котором велись войны между французами и немцами. Обладание Бельгией и долиной реки По является необходимым условием для нападающего, независимо от того, идет ли речь о немецком вторжении во Францию или о французском вторжении в Германию; только обладание этими странами вполне гарантирует тыл и фланги вторгающейся во Францию или Германию армии. Только в случае полнейшего нейтралитета Бельгии и Северной Италии можно было бы говорить об исключении из указанного правила, но такого случая до сих пор еще никогда не бывало.

Если еще со времени битвы под Павией[115] на полях сражения в долине По косвенным образом решалась судьба Франции и Германии, то судьба Италии в этих боях решалась там прямо и непосредственно. С появлением в новое время больших постоянных армий, при непрерывно возрастающей силе Германии и Франции, при политическом распаде Италии, собственно древняя Италия, Италия к югу от Рубикона, потеряла какое бы то ни было военное значение, и обладание древней Цизальпинской Галлией неизбежно влекло за собой господство над всем узким, вытянутым в длину Апеннинским полуостровом. Наиболее густо населенными местностями были бассейны По и Эча, генуэзское, романьольское и венецианское побережье; в этих районах сосредоточились самое цветущее земледелие, наиболее развитая промышленность и наиболее оживленная торговля Италии. Полуостров, т. е. Неаполь и Папская область, оставался относительно стабильным в своем общественном развитии; с военной точки зрения эти области уже в течение столетий не играли никакой роли. Тот, кто владел долиной реки По, отрезывал сухопутные сообщения полуострова с материком и мог при случае без труда подчинить себе всю Италию.

Французы делали это дважды во время революционных войн; тех же результатов добивались два раза и австрийцы за последнее столетие. Поэтому только бассейн рек По и Эч имеет военное значение.

С трех сторон бассейн этих рек охвачен непрерывной цепью Альпийских и Апеннинских гор, а с четвертой — от Аквилеи до Римини — он замыкается Адриатическим морем; сама природа резко очертила этот отрезок территории, по которому По протекает с запада на восток. Южная или апеннинская граница этой области в данном случае нас не интересует, но зато тем более нас интересует северная граница, альпийская. К ее снежным хребтам лишь в немногих местах ведут шоссейные дороги, даже дорог для колесного и вьючного транспорта, а также пешеходных троп имеется ограниченное число; длинные дефиле долин ведут к перевалам через высокие горы.

Германская граница охватывает Северную Италию от устья Изонцы до Штильфского перевала, отсюда до Женевы тянется граница Швейцарии, а от Женевы до устья Вара Италия соприкасается с Францией. По мере движения с востока на запад, от Адриатического моря к Штильфскому перевалу, каждый следующий проход через горы ведет все глубже в сердце бассейна По и, следовательно, обходит все лежащие к востоку позиции итальянской или французской армий. Пограничная линия по реке Изонца может быть обойдена также через ближайший с запада проход Карфрейт (Капоретто) в направлении на Чивидале. Понтафельский перевал дает возможность обойти позицию у Тальяменто, которую также можно атаковать с фланга через два нешоссированных прохода из Каринтии и Кадоры. Перевал Бреннер обходит линию Пьяве через перевал Пёйтельштейн от Брунека на Кортина д'Ампеццо и Беллуно; линию реки Бренты можно обойти через Валь-Сугану на Бассано, линию реки Эч — по долине этой реки. Позицию на Кьезе можно обойти через Джудикарие, позицию на Ольо — по нешоссированному пути через Тонале и, наконец, всю область к востоку от Адды — через Штильфский перевал и Вальтеллину.

Поэтому можно сказать, что при таком выгодном стратегическом положении действительное обладание равниной вплоть до реки По для нас, немцев, может быть совершенно безразличным. Где бы, при равенстве сил, ни расположилась неприятельская армия — к востоку от Адды или к северу от По, все ее позиции могут быть обойдены. Где бы она ни перешла По или Адду, она везде подставляет свои фланги под удар: если она расположится к югу от По, то ее сообщение с Миланом и Пьемонтом оказывается под угрозой, если она отойдет за Тичино, тогда

она рискует потерять связь со всем полуостровом. Наконец, если бы она отважилась перейти в наступление на Вену, то она в любое время могла быть отрезана и вынуждена принять сражение тылом к неприятельской стране и фронтом к Италии. Если бы она потерпела поражение, то это было бы второе Маренго, в котором французы и немцы поменялись бы ролями; если же неудачу в этом сражении потерпели бы немцы, то все же они должны были бы быть круглыми дураками, чтобы упустить возможность отступления к Тиролю.

Сооружение дороги через Штильфский перевал свидетельствует о том, что австрийцы сделали правильные выводы из своего поражения при Маренго. Наполеон построил дорогу через Симплон, чтобы получить безопасный путь в самое сердце Италии; австрийцы дополнили свою систему активной обороны в Ломбардии проведением шоссе от Штильфса на Бормио. Могут сказать, что упомянутый проход лежит на такой высоте, что он непроходим зимой; что весь путь представляет слишком большие затруднения, так как он пролегает на протяжении по крайней мере 50 немецких миль* (от Фюссена в Баварии до Лекко на озере Комо) по негостеприимной горной местности; что на этом пространстве придется преодолеть три горных перевала; что, наконец, его легко заградить в длинном дефиле на озере Комо и в самих горах. Попробуем разобраться в этом.

Действительно, из всех проходимых перевалов в цепи Альп этот перевал является самым высоким: он лежит на высоте 8600 футов и зимой сильно заносится снегом. Но, если мы вспомним, например, зимний поход Макдональда 1799—1800 гг. через Шплюген и Тонале, то не станем придавать такому препятствию слишком большого значения. В Альпах зимой все проходы заносятся снегом, но все же по ним проходят. Реорганизация всей артиллерии, сделавшаяся неотложной со времени изготовления Армстронгом удобной, заряжающейся с казны нарезной пушки, позволит ввести более легкое орудие также в полевую артиллерию и тем самым значительно увеличить ее подвижность. Более серьезным препятствием явится длинный переход в горной местности и следующие один за другим горные перевалы. Штильфский проход находится не на водоразделе рек северного и южного склона Альп, а на водоразделе Адды и Эча,двух рек бассейна Адриатического моря, и чтобы из долины Инна достичь долины Эча, необходимо предварительно преодолеть главную цепь Альп, следуя через Бреннерский или Финстермюнцкий перевалы. Но так как Инн в Тироле течет

* Немецкая миля равна 7420 метрам. *Ред*.

в общем с запада на восток между двумя горными цепями, то войска, отправленные от Боденского озера и из Баварии, должны перевалить также через северную из этих двух цепей, так что в общем на одном этом пути мы имеем два или три горных перевала. Однако, как бы трудно это ни было, такое препятствие не является решающей помехой для того, чтобы провести таким путем армию в Италию. Трудности этого перехода скоро будут сведены к минимуму благодаря железной дороге в долине реки Инн, уже частью готовой, и благодаря проектируемой железной дороге в долине Эча. Правда, путь Наполеона через Сен-Бернар, от Лозанны до Ивреа, проходил через высокогорные районы лишь на протяжении около 30 миль; но зато дорога от Удине на Вену, по которой Бонапарт наступал в 1797 г. и по которой в 1809 г. принц Евгений и Макдональд прошли на соединение с Наполеоном у Вены, пролегает на протяжении более 60 миль по горной местности и ведет также через три альпийских прохода. Путь от Пон-де-Бовуазена, через Малый Сен-Бернар на Ивреа, который, не захватывая Швейцарии, прямо из Франции ведет наиболее глубоко в пределы Италии и, следовательно, наиболее удобен для обхода, также на протяжении 40 миль проходит через высокие горы, точно так же как и дорога через Симплон от Лозанны до Сесто-Календе.

Что же касается возможности запереть дорогу в самом перевале или у озера Комо, то со времени походов французов в Альпах уже менее склонны верить в действительность таких заградительных укрепленных пунктов. Господствующие высоты и возможность обхода делают их почти бесполезными. Многие из них французы брали штурмом, и укрепления в горных проходах никогда не могли всерьез задержать их. Укрепления в проходах, воздвигнутые на итальянском склоне Альп, могут быть обойдены через Чеведале, Монте-Корно и Гавиа, а также через Тонале и Априку. Из Вальтеллины несколько вьючных дорог ведут на Бергамаску, и заграждение в длинном дефиле на озере Комо может быть обойдено частью здесь, частью от Дервио или от Беллано через Валь-Сассину. Тактика горной войны и без того требует движения одновременно несколькими колоннами, и если одна из них прорвется, то обычно цель бывает достигнута.

Что самые трудные перевалы проходимы почти во всякое время года, если только для выполнения этой задачи посланы хорошие войска и решительные генералы, что точно так же самые маловажные, параллельные проходы, даже недоступные для колесного движения, могут быть использованы как хорошие операционные линии, в особенности для обходных движений, и как мало полезны заградительные укрепления в горах — все

это лучше всего доказывается походами в Альпах с 1796 по 1801 год. Ни один перевал в Альпах в то время не был еще шоссирован, и, тем не менее, армии переходили горы во всех направлениях. В 1799 г. Луазон уже в начале марта перешел с французской бригадой по пешеходным тропам через водораздел между реками Рейс и Рейн; в то же время Лекурб перешел через Бернардин и Виамала, оттуда через перевалы Альбула и Юльер (7100 футов высоты) и уже 24 марта путем обхода овладел дефиле Мартинсбрука, в то же время послав Дессоля Мюнстерской долиной через Пиццок и Вормский перевал (пешеходная тропа на высоте в 7850 футов) в долину верхнего Эча, а оттуда в Решен-Шейдек. В начале мая Лекурб отступил снова через Альбулу.

В сентябре того же года последовал поход Суворова, в котором, как выразился на своем сильном и образном языке старый солдат, «русский штык прорвался сквозь Альпы» (Ruskij styk prognal cres Alpow). Большую часть своей артиллерии он послал через Шплюген, обходную колонну направил по Валь-Бленио на Лукманир (пешеходная тропа на высоте 5948 футов) и оттуда через Сикс-Мадун (около 6500 футов) в долину верхнего Рейса, в то же время сам он перешел через Сен-Готард по едва проезжей тогда колесной дороге (высота 6594 фута). 24—26 сентября он штурмом захватил заграждения у Чертова моста; но по прибытии в Альтдорф он оказался перед озером, имея вокруг себя французов; тогда ему не оставалось ничего другого, как подняться по Шехенталь, через Кинцигкульм, в Муотаталь. Прибыв туда, после того как он оставил всю артиллерию и обозы в долине Рейса, он снова увидел перед собой превосходящие силы французов, в то время как Лекурб продолжал следовать по его пятам. Тогда Суворов перешел через Прагель в долину реки Клен, чтобы этим путем достичь рейнской равнины. В Нефельском дефиле он натолкнулся на непреодолимое сопротивление неприятеля, и был вынужден по тропе через проход Паникс, лежащий на высоте 8000 футов, добраться до долины Верхнего Рейна и восстановить свои сообщения с Шплюгеном. Переход начался 6 октября, а 10-го его главная квартира была уже в Иланце. Этот переход был самым выдающимся из всех совершенных до того времени альпийских переходов.

Мы не будем долго останавливаться на переходе Наполеона через Большой Сен-Бернар. Эта операция уступает другим подобным операциям того времени. Время года было благоприятным, и единственно достойным внимания был мастерский способ, который Наполеон применил для обхода заградительного пункта форта Бард.

Напротив, операции Макдональда зимой 1800—1801 гг. заслуживают особенно лестного упоминания. Имея задание со своим 15-тысячным отрядом, составлявшим левый фланг французской армии, обойти правый фланг австрийцев, стоявших на Минчо и Эче, Макдональд перешел Шплюген (6510 футов) *в самый разгар зимы с войсками всех родов оружия.* Среди величайших трудностей, часто останавливаемый лавинами и снежными бурями, он провел свою армию с 1 по 7 декабря через перевал и поднялся вверх по Адде через Вальтеллину к Априке. Австрийцы столь же мало испугались зимы в горах. Они удерживали Альбулу, Юльер и Браулио (Вормский перевал) и даже произвели в последнем пункте нападение на французов, захватив в плен отряд спешенных гусар. После того как Макдональд перешел через перевал Априка из долины Адды в долину Ольо, он поднялся по пешеходным тропам на чрезвычайно высокий перевал Тонале и 22 декабря атаковал австрийцев, которые укрепили дефиле в проходе глыбами льда. Так как в этот день его атака была отбита, точно так же как и вторая атака (это было 31 декабря, следовательно он пробыл в горах 9 дней!), то он спустился по Валь-Камоника к озеру Изео, послал конницу и артиллерию по равнине, а с пехотой вновь переправился через три горных хребта, которые ведут к Валь-Тромпия, Валь-Саббия и Джудикарие, куда он и прибыл, в Норо, уже 6 января. Одновременно с этим Бараге д'Илье пришел из долины Инн, через Решен-Шейдек (перевал Финстермюнц), в долину верхнего Эча. Если такие движения были возможны 60 лет тому назад, то чего только не смогли бы мы сделать теперь, когда большая часть проходов имеет отличные шоссейные дороги!

Уже из этого краткого очерка мы видим, что из всех заградительных пунктов только те на некоторое время могут, быть удержаны, которые по недостатку времени или в силу неумения командного состава не были обойдены. Так, например, Тонале стало невозможно удерживать, как только Бараге д'Илье появился в долине верхнего Эча. Прочие кампании доказывают, что заградительные пункты были взяты либо путем обхода, либо часто также посредством штурма. Луциенштейг был два или три раза взят с бою, точно так же как и Мальборг на перевале Понтафель в 1797 и 1809 годах. Тирольские заградительные пункты не задержали ни Жубера в 1797 г., ни Нея в 1805 году. Известно утверждение Наполеона, что для обхода можно воспользоваться всякой тропой, по которой может пройти козел. И с того времени ведут войну таким образом, что обходят всякий заградительный пункт.

Поэтому нельзя себе представить, каким образом враждебная немцам армия, при равенстве сил, может в открытом поле защищать Ломбардию, к востоку от реки Адды, против наступающей из-за Альп немецкой армии. Ей остается один лишь шанс — расположиться между существующими крепостями или теми крепостями, которые должны быть заново сооружены, и маневрировать между ними. Эту возможность мы разберем в дальнейшем.

Посмотрим теперь, какими проходами может воспользоваться Франция для своего вторжения в Италию? В то время как немецкая граница полностью охватывает половину Северной Италии, французская представляет собой почти прямую линию с севера на юг и, следовательно, не дает Франции выгод охватывающего положения. Только в случае завоевания Савойи и части генуэзского побережья французы получили бы возможность подготовить обходные движения через Малый Сен-Бернар и через проходы Приморских Альп; влияние этих обходных движений, однако, распространяется лишь до рек Сезии и Бормиды; таким образом, ни Ломбардия, ни герцогства, а тем более самый полуостров не подвергаются опасности обхода со стороны Франции. Только десант в Генуе, который, однако, для крупной армии будет представлять достаточные трудности, мог бы повести к обходу всего Пьемонта. Десант далее на восток, например в Специи, не мог бы уже базироваться на Пьемонт и Францию, а только на полуостров, и поэтому был бы в такой же мере обойден, в какой сам обходил противника.

До сих пор мы рассматривали Швейцарию как страну, находящуюся в состоянии нейтралитета. В том случае, если она была бы втянута в войну, Франция могла бы располагать еще одним проходом, а именно Симплоном (Большой Сен-Бернар, выводящий так же, как и Малый Сен-Бернар, на Аосту, не дает никаких новых выгод, кроме меньшей длины пути). Путь через Симплон выводит к Тичино и открывает поэтому французам Пьемонт. Немцы при подобных обстоятельствах получили бы в свое распоряжение имеющий второстепенное значение Шплюген, который у озера Комо сходится со штильфской дорогой; кроме того, они могли бы использовать Бернардин, влияние которого простирается вплоть до Тичино. Сен-Готардский перевал, в зависимости от обстоятельств, мог быть использован той и другой стороной, но он дает им обеим лишь немного новых выгод флангового положения. Таким образом, мы видим, что сфера действия французского обходного движения через Альпы, с одной стороны, и немецкого, с другой, простирается до нынешней ломбарде пьемонтской границы, т. е. до Тичино. Но если

немцы появятся у Тичино, если даже они станут только у Пиаченцы и Кремоны, то они закроют французам сухопутную дорогу на итальянский полуостров. Другими словами, если Франция господствует над Пьемонтом, то Германия господствует над всей остальной Италией.

Немцы располагают еще одним тактическим преимуществом: по всей германской границе, на всех важнейших перевалах, за исключением Штильфского, линия водораздела лежит в немецких пределах. Фелла в Понтафельском проходе имеет свой исток в Каринтии; Бойте в Пёйтельштейнском перевале берет начало в Тироле. В этой последней провинции указанное преимущество имеет решающее значение. Долина верхней Бренты (Валь-Сугана), долина верхней Кьезе (Джудикарие) и большая половина течения Эча находятся в Тироле. Если в каждом отдельном случае, не изучив хорошо данную местность, нельзя окончательно высказаться, действительно ли владение линией водораздела на высокогорных перевалах дает тактические выгоды, то, как общее правило, несомненно, что шансы на командование местностью и на обход находятся на стороне того, кто владеет гребнем горы и частью склона на неприятельской стороне; далее, несомненно, что это дает возможность еще до начала войны сделать наиболее трудные места на второстепенных перевалах проходимыми для всех родов войск, что в Тироле имеет решающее значение для обеспечения сообщения. Если наша территория настолько вклинивается в страну неприятеля, как территория Германского союза в Южном Тироле; если, как в данном случае, оба главных перевала, Бреннер и Финстермюнц, далеко отстоят от неприятельской границы; если, кроме того, важнейшие параллельные проходы, как например, те, которые проходят через Джудикарие и Валь-Сугану, также лежат целиком в немецких пределах, то все это настолько значительно облегчает тактические условия вторжения в Северную Италию, что в случае войны их нужно только разумно использовать, и успех будет обеспечен.

Пока Швейцария остается нейтральной, кратчайшим путем для германской армии, действующей против Италии, является Тироль, а если она перестает быть нейтральной—Тироль и Граубюнден (долина Инна и Рейна). По этому пути в свое время проникали в Италию Гогенштауфены. Ни в каком другом направлении не может нанести быстрые решающие удары в Италии Германия, действующая в военном отношении как *единое* государство. Однако для этого направления операционной базой служит не внутренняя Австрия, а Бавария и Верхняя Швабия от Боденского озера до Зальцбурга. Так оно и было в течение

всего средневековья. Лишь после того, как Австрия утвердилась на среднем Дунае, когда Вена стала центральным пунктом монархии, когда Германская империя распалась и когда в Италии стали вестись уже не германские, а лишь австрийские войны, только тогда была оставлена старая, короткая, прямая дорога от Инсбрука на Верону и от Линдау на Милан, только тогда вместо них стали пользоваться длинным, извилистым и плохим путем от Вены — через Клагенфурт и Тревизо — на Виченцу. Этим путем германская армия раньше пользовалась лишь в случаях крайней необходимости, при отступлении под угрозой со стороны противника, но никак не для наступления.

Пока Германская империя существовала как действительно военная держава, пока соответственно этому базой ее нападения на Италию служили Верхняя Швабия и Бавария, до тех пор она могла стремиться к подчинению Северной Италии по соображениям политическим, но вовсе не по чисто военным. Во время долгих войн за обладание Италией Ломбардия бывала то германской, то независимой, то испанской, то австрийской; но не нужно забывать, что Ломбардия была отделена от Венеции, а Венеция была самостоятельной. И хотя Ломбардия владела Мантуей, однако как раз линия Минчо и область между Минчо и Изонцей не входили в ее границы, т. е. та область, относительно которой нас ныне уверяют, что, не владея ею, Германия не может спать спокойно. Лишь с 1814 г. Германия (при посредстве Австрии) полностью овладела линией Минчо. И если Германия, как единый политический организм, также и в XVII и XVIII столетиях играла отнюдь не блистательную роль, то это ни в коем случае нельзя приписать тому, что она не обладала линией Минчо.

Во всяком случае идея стратегического округления государств и установления их границ по линиям, удобным для обороны, выступила больше на первый план с того времени, когда французская революция и Наполеон создали более мобильные армии и прошли с этими армиями Европу из конца в конец. Если во время Семилетней войны[116] район операций армии ограничивался только одной провинцией, маневрирование происходило целыми месяцами вокруг отдельных крепостей, позиций или отдельных операционных баз, то теперь в каждой войне приходится принимать во внимание топографию целых стран; то значение, которое раньше придавали отдельным тактическим позициям, принадлежит теперь лишь большим группам крепостей, длинным речным линиям или высоким, резко выраженным горным цепям. И с этой точки зрения такие линии, как линии рек Минчо и Эч, конечно, имеют теперь гораздо большее значение, чем раньше.

Итак, рассмотрим эти линии.

Все реки, которые текут с Альпийских гор к востоку от Симплона по североитальянской равнине в По или прямо в Адриатическое море, образуют вместе с По или сами по себе дугу, обращенную вогнутостью на восток. Благодаря этому защищать их удобнее для армии, стоящей к востоку от каждой из них, чем для армии, стоящей от них к западу. Посмотрите на Тичино, Адду, Ольо, Кьезе, Минчо, Эч, Бренту, Пьяве и Тальяменто: каждая из этих рек, сама по себе или с прилегающей к ней частью По, представляет дугу круга, центр которого лежит к востоку от реки. Благодаря этому армия, стоящая на левом, восточном, берегу этих рек, способна занять позади них центральную позицию, с которой она может в сравнительно короткое время достичь любой подвергшийся атаке пункт по течению реки; она удерживает линию, названную Жомини «внутренней линией»[117], и движется по радиусам или по хорде, в то время как неприятель вынужден маневрировать на более длинных путях, по окружности. Если же армии, стоящей на правом берегу реки. приходится обороняться, то это обстоятельство также становится для нее неблагоприятным: местность благоприятствует врагу в его ложных атаках, а короткие расстояния от отдельных точек периферии, которые так облегчали противнику маневрирование при обороне, дают ему теперь при наступлении решающее превосходство. Таким образом, линии ломбардо-венецианских рек чрезвычайно благоприятствуют именно германской армии как при обороне, так и при наступлении; для итальянской же или итало-французской армии они неблагоприятны. А если к этому еще добавить уже рассмотренное выше обстоятельство, а именно, что тирольские проходы дают возможность обойти все эти линии, то действительно нет никакого основания сомневаться в безопасности Германии даже в том случае, если ни одного австрийского солдата не будет на итальянской земле, так как мы в состоянии овладеть Ломбардией всякий раз, как мы того пожелаем.

Кроме того, эти речные рубежи Ломбардии большей частью весьма незначительны и мало пригодны для серьезной обороны. За исключением самой По, относительно которой мы будем говорить далее, как для Франции, так и для Германии во всем бассейне этой реки имеются только две действительно важные позиции; соответствующие генеральные штабы правильно оценили их силу; они были укреплены и, конечно, будут играть решающую роль в ближайшей войне. В Пьемонте, одной милей ниже Касале, По, течение которой имело до сих пор восточное направление, изгибается и протекает затем три добрых мили

на юго-юго-восток, а затем вновь сворачивает на восток. На северном изломе в По впадает с севера Сезия, а на южном с юго-запада — Бормида. В последнюю реку, непосредственно у слияния ее с По, впадают около самой Алессандрии Танаро. Орба и Бельбо, и все они вместе образуют систему речных линий, лучеобразно сходящихся к одному центральному пункту, очень важный узел которых прикрыт укрепленным лагерем Алессандрии. Из Алессандрии армия может по желанию оперировать на любом из берегов этих маленьких рек: может защищать линию По, лежащую непосредственно впереди, кроме того может в Касале, так же укрепленном, перейти через По или действовать по течению реки По, на ее правом берегу. Эта позиция, усиленная достаточными укреплениями, представляет собой единственную позицию, которая прикрывает Пьемонт или может служить базой для наступательных операций против Ломбардии и герцогств. Она страдает, однако, отсутствием глубины, и поскольку эта позиция может быть как обойдена, так и прорвана по фронту, то это обстоятельство является весьма неблагоприятным; сильное и искусное наступление могло бы быстро свести ее размеры до границ еще незаконченного укрепленного лагеря Алессандрии. В какой степени этот лагерь мог бы оградить его защитников от необходимости принять сражение при неблагоприятных условиях, об этом мы не можем судить, ибо не имеем данных ни о новейших укреплениях, находящихся там, ни о степени готовности их. Значение этой позиции для обороны Пьемонта против наступления с востока было признано еще Наполеоном, в связи с чем Алессандрия была снова укреплена. В 1814 г. крепость не проявила своей оборонительной силы; насколько она к этому способна в наши дни, мы, быть может, увидим в ближайшем будущем.

Другая позиция, которая имеет для Венецианской области то же самое или даже гораздо большее значение против наступления с запада, чем Алессандрия для Пьемонта, это — позиция, образуемая реками Минчо и Эч. Вытекая из озера Гарда, Минчо течет в южном направлении на протяжении четырех миль до Мантуи, образует в районе этого города заводь, окруженную подобно озеру болотами, и течет далее на юго-восток до впадения в По. Протяжение реки к югу от болот Мантуи и до впадения в По слишком коротко для переправы целой армии, поскольку противник, сделав вылазку из Мантуи, может атаковать ее с тыла и заставить принять бой в самых невыгодных условиях. Поэтому обходное движение должно быть направлено дальше к югу от Мантуи, и переправа через По должна быть произведена

у Ревере или Феррары. На севере позиция на Минчо на большом протяжении обеспечена от обхода озером Гарда, так что действительно подлежащая обороне линия Минчо от Пескьеры до Мантуи не превышает четырех миль и опирается на каждом фланге на крепость, которая обеспечивает выход на правый берег реки. Сама река Минчо не представляет собой сколько-нибудь серьезного препятствия, причем высоким является в зависимости от местности то правый, то левый берег. Все это привело к тому, что линия Минчо до 1848 г. имела, в некоторой степени, дурную славу, и если бы не влияние особого обстоятельства, благодаря которому эта линия делается значительно сильнее, то она вряд ли получила бы такую большую известность. Это особое обстоятельство заключается в том, что в четырех милях позади протекает вторая река Северной Италии — Эч, в виде дуги, почти параллельной Минчо и нижнему По, и образует, таким образом, вторую, более мощную позицию, усиленную еще двумя расположенными на ней крепостями — Вероной и Леньяго. Эти два речных рубежа с их четырьмя крепостями в совокупности образуют для германской или австрийской армии против армии, наступающей из Италии или Франции, такую сильную оборонительную позицию, с которой не может сравниться никакая другая в Европе; так что армия, которая после выделения гарнизонов еще способна к полевым действиям, может спокойно противостоять на этой позиции нападению даже вдвое превосходящих сил противника. Радецкий в 1848 г. показал, что может дать такая позиция. После мартовской революции в Милане[118], после отпадения итальянских полков и перехода пьемонтских войск через Тичино, Радецкий с остатками своих войск, численностью около 45000 человек, отошел к Вероне. После выделения гарнизонов крепостей численностью в 15000 человек в его распоряжении оставалось около 30000 человек. Его противник, силой до 60000 человек, составленных из войск Пьемонта, Тосканы, Модены и Пармы, расположился между Минчо и Эчем. В тылу у Радецкого появилась 45-тысячная армия Дурандо, организованная из добровольцев и войск, выставленных папой и Неаполем[119]. В распоряжении Радецкого оставалась лишь одна коммуникационная линия — через Тироль, но даже и эта линия в горах находилась под угрозой, хотя и не серьезной, ломбардских добровольческих отрядов. Несмотря на это, Радецкий держался. Наблюдение за Пескьерой и Мантуей отняло у пьемонтцев столько войск, что 6 мая для атаки позиции у Вероны (сражение у Санта-Лючии) они могли выставить всего четыре дивизии, численностью от 40000 до 45000 человек; Радецкий же мог ввести в бой, считая и

гарнизон Вероны, 36000 человек. Таким образом, равновесие на поле сражения, если принять во внимание сильную в тактическом отношении оборонительную позицию австрийцев, было уже восстановлено, и пьемонтцы разбиты. Контрреволюция 15 мая в Неаполе освободила Радецкого от присутствия 15000 неаполитанцев[120] и сократила венецианскую армию примерно до 30000 человек, из которых, однако, только 5000 папских швейцарцев и приблизительно такое же количество папских линейных войск из итальянцев были пригодны для действий в открытом поле; остальную часть составляли добровольческие отряды. Почти 20-тысячная резервная австрийская армия под командой Нугента, сформировавшаяся в апреле на Изонце, легко пробилась через эти войска и соединилась с Радецким 25 мая в Вероне. Теперь старый фельдмаршал мог, наконец, выйти из состояния пассивной обороны. С целью освободить Пескьеру, осажденную пьемонтцами, и расширить занимаемую им территорию, он предпринял свой знаменитый фланговый марш со всей своей армией к Мантуе (27 мая); 29 мая он перешел здесь на правый берег Минчо, взял штурмом неприятельскую позицию у Куртатоне и 30-го вышел у Гойто в тыл и фланг итальянской армии. Но в тот же день пала Пескьера, погода установилась неблагоприятная, к тому же Радецкий еще не чувствовал себя достаточно сильным для решительного сражения. Поэтому 4 июня он вернулся обратно через Мантую на Эч, отослал резервный корпус в Верону и с остальными своими войсками пошел через Леньяго на Виченцу, которую Дурандо укрепил и в которой засел со своими 17000 человек. 10-го он бросил на штурм Виченцы 30000 человек, и 11-го Дурандо капитулировал после мужественного сопротивления. 2-й армейский корпус (Д'Аспре) овладел Падуей, верхней долиной Бренты и вообще Венецианской областью, а затем последовал за 1-м корпусом в Верону; в это время вторая резервная армия под командой Вельдена подошла со стороны Изонцы. В течение всего этого времени и вплоть до самого исхода всей кампании пьемонтцы с суеверным упорством концентрировали все свое внимание на Риволийском плато, которое они со времени победы Наполеона, по-видимому, рассматривали как ключ к обладанию Италией, но которое в 1848 г. не имело более никакого значения, после того как австрийцы вновь открыли надежную коммуникационную линию с Тиролем через Валь-д'Арсу, т. е. прямое сообщение с Веной через Изонцу. В то же время пьемонтцам необходимо было предпринять какие-нибудь действия против Мантуи, они ее поэтому блокировали на правом берегу Минчо; эта операция могла иметь один только смысл —

удостоверить господствовавшую в пьемонтском лагере беспомощность, растянуть армию на целых восемь миль между Риволи и Боргофорте и вдобавок разделить ее течением Минчо на две половины, которые не могли оказать друг другу поддержку.

И вот когда пьемонтцы попытались блокировать Мантую также и на левом берегу Минчо, Радецкий, к которому присоединились тем временем еще 12000 человек из войск Вельдена, решился прорвать ослабленный центр пьемонтцев и затем по частям бить подходящие войска противника. 22 июля он приказал атаковать Риволи, которое и было очищено пьемонтцами 23-го; 23 июля он сам выступил из Вероны с 40000 человек против позиции у Соны и Соммакампаньи, обороняемой лишь 14000 пьемонтцев, захватил ее и разорвал таким образом всю неприятельскую линию. 24 июля левый фланг пьемонтцев был окончательно отброшен за Минчо, а их правый фланг, в это время сосредоточившийся и перешедший в наступление против австрийцев, был 25-го разбит при Кустоце; 26-го вся австрийская армия перешла Минчо и нанесла пьемонтцам еще одно поражение — у Вольты. На этом кампания была закончена; пьемонтцы, почти не оказывая сопротивления, отошли за Тичино.

Этот краткий очерк кампании 1848 г. доказывает лучше всякого теоретического обоснования силу позиции на Минчо и Эче. Прибыв в четырехугольник крепостей, пьемонтцы должны были выделить столько войска для наблюдения за ними, что их наступательная сила, как это показало сражение при Санта-Лючии, уже благодаря этому была значительно подорвана, между тем Радецкий, как только он получил первые подкрепления, мог передвигаться совершенно свободно между крепостями, базируясь то на Мантую, то на Верону, сегодня угрожать тылу противника на правом берегу Минчо, через несколько дней после этого захватить Виченцу и все время держать инициативу кампании в своих руках. Правда, пьемонтцы делали ошибку за ошибкой. Но в этом и состоит сила позиции, что она ставит врага в трудное положение и чуть ли не заставляет его делать ошибки. Наблюдение за отдельными крепостями, а тем более их осада вынуждают его дробить, ослаблять наступательную силу своих наличных войск; реки вынуждают его увеличивать это дробление, почти исключая возможность взаимной поддержки различных корпусов. Какие громадные силы нужны для осады Мантуи при том условии, что каждое мгновение полевая армия противника может обрушиться на осаждающего, выйдя из веронских отдельных фортов!

Только Мантуя была в состоянии в 1797 г. задержать победоносную армию генерала Бонапарта. Только дважды крепость внушила ему уважение: это была Мантуя и десять лет спустя — Данциг. Вся вторая часть похода 1797 г., т. е. Кастильоне, Медоле, Каллиано, Бассано, Арколе, Риволи[121], — все это группируется вокруг Мантуи, и лишь после того, как эта крепость пала, победитель отважился продолжать наступление на восток и переправиться через Изонцу. В то время Верона еще не была укреплена; в 1848 г. на правом берегу Эча была готова только стена вокруг Вероны и сражение при Санта-Лючии было дано на том месте, где вскоре после этого были построены австрийские редуты, а затем отдельные форты; и только благодаря этому укрепленный лагерь Вероны ныне становится ядром, редюитом всей позиции, которая тем самым приобретает очень большую силу.

Как видите, мы не стремимся преуменьшить значение линии Минчо. Но не будем упускать из виду, что эта линия приобрела значение лишь с тех пор, как Австрия стала вести войны в Италии на свой риск и страх и коммуникационная линия Боцен — Инсбрук — Мюнхен была отодвинута на задний план другой линией, именно Тревизо — Клагенфурт — Вена. И для Австрии, в ее современном виде, обладание линией Минчо есть действительно жизненный вопрос. Австрия, как самостоятельное государство, которое хочет действовать в качестве великой европейской державы, независима от Германии, поставлена перед необходимостью либо сохранять в своих руках линию Минчо и нижнего По, либо отказаться от обороны Тироля; иначе Тироль был бы обойден с двух сторон и связь с остальной монархией могла бы поддерживаться лишь через Тоблахский проход (дорога из Зальцбурга на Инсбрук проходит через Баварию). Однако среди старшего поколения военных существует мнение, что Тироль сам по себе обладает очень большой обороноспособностью и господствует как над бассейном Дуная, так и над бассейном По. Но это мнение безусловно опирается на фантазерство и никогда не было подтверждено опытом, так как повстанческая война, какой была война 1809 г.[122], не может служить основанием для выводов, касающихся операций регулярной армии.

Автором такой точки зрения является *Бюлов;* он высказывает ее между прочим в своей истории Гогенлинденской[123] и Маренгской операций. Один экземпляр французского перевода этой книжки[124], принадлежавший английскому военному инженеру Эммету, который еще при жизни Наполеона был командирован на остров Св. Елены, попал в 1819 г. в руки

пленного полководца. Он сделал на полях многочисленные замечания, и Эммет в 1831 г. переиздал эту книгу вместе с пометками Наполеона.

Вначале эта книга, видимо, произвела на Наполеона хорошее впечатление. Предложение Бюлова развертывать всю пехоту в стрелковые цепи он отмечает одобрительно: «De l'ordre, toujours de l'ordre, les tirailleurs doivent toujours etre soutenus par les lignes»*. Затем следует несколько раз: «Bien, c'est bien»**, и снова «bien». Но подойдя к двадцатой странице Наполеон теряет терпение, видя как бедный Бюлов мучается над тем, чтобы объяснить — в высшей степени неудачно и неловко — все превратности войны своей теорией эксцентрического отступления и концентрического наступления, видя, как он своим ученическим толкованием лишает смысла мастерские шахматные ходы. Сначала он отмечает несколько раз: «Mauvais», «cela est mauvais», «mauvais principe»***, дальше он замечает: «cela n'est pas vrais», «absurde», «mauvais plan bien dangereux», «restez unis si vous voulez vaincre», «il ne faut jamais separer son armee par un fleuve», «tout cet echafaudage est absurde»**** и т. д. И когда Наполеон находит далее, что Бюлов постоянно хвалит плохие операции и порицает хорошие, что он приписывает генералам глупейшие мотивы и дает им комичнейшие советы, что, наконец, он хочет упразднить штык и вместо этого вторую шеренгу пехоты вооружить пиками, то у него вырывается восклицание: «bavardage inintelligible, quel absurde bavardage, quelle absurdite, quel miserable bavardage, quelle ignorance de la guerre»*****.

Бюлов упрекает австрийскую дунайскую армию, которой командовал Край, за то, что она отошла к Ульму, вместо того, чтобы идти в Тироль. Тироль — это неприступный бастион из гор и скал; если его займет достаточно сильная армия, она будет господствовать одновременно над Баварией и частью Ломбардии. (Здесь замечание Наполеона: «On n'attaque pas les montagnes, pas plus le Tirol que la Suisse, on les observe et on les tourne par les plaines»******). Затем Бюлов упрекает Моро за то, что он позволил задержать себя у Ульма армией

* «Порядок, всегда порядок, — стрелковые цепи всегда должны поддерживаться линейными построениями». *Ред.*

** «Хорошо, это — хорошо». *Ред.*

*** — «Плохо», «это плохо», «плохой принцип». *Ред.*

**** — «это не верно», «абсурдно», «плохой и весьма опасный план», «оставайтесь сосредоточенными, если вы хотите победить», «никогда не следует разделять свою армию рекой», «все это нагромождение абсурдно». *Ред.*

***** — «непостижимая болтовня, какая бессмысленная болтовня, какой абсурд, какая жалкая болтовня, какое незнание войны». *Ред.*

****** — «Горы не атакуют, этого не делают ни по отношению к Тиролю, ни по отношению к Швейцарии, за ними наблюдают и их обходят по равнинам». *Ред.*

Края, вместо того, чтобы оставить ее без внимания, а самому овладеть Тиролем, в котором было мало войска: завоевание Тироля, по мнению Бюлова, было бы гибельно для австрийской монархии (Наполеон: «Absurde, quand meme le Tirol eut ete ouvert, il ne fallait pas y entrer»[*]).

После того как Наполеон закончил чтение всей книги, он охарактеризовал систему концентрического наступления и эксцентрического отступления, а также теорию господства гор над равнинами следующими словами: «Si vous voulez apprendre la maniere de faire battre une armee superieure par une armee inferieure, etudiez les maximes de cet ecrivain; vous aurez des idees sur la science de la guerre, il vous prescrit le contre-pied de ce qu'il faut enseigner»[**].

Три или даже четыре раза Наполеон повторяет предостережение: «il ne faut jamais attaquer le pays des montagnes»[***]. Этот страх перед горами появляется у него, несомненно, в более поздние годы, когда его армии достигли колоссальных размеров и их привязывали к равнинам как вопросы довольствия, так и условия тактического развертывания. Испания[125] и Тироль, вероятно, также этому содействовали. Раньше он не так уж боялся гор. Первая половина его похода 1796 г. прошла вся в горах, а в последующие годы Массена и Макдональд достаточно доказали, что и в горной войне — и именно в горной войне прежде всего — можно с малыми силами достичь очень больших результатов. Но в целом ясно то, что наши современные армии могут лучше всего использовать свои силы в условиях местности, где равнины перемежаются с невысокими холмами, и что неверна та теория, которая предписывает направить большую армию в высокие горы, — не для того, чтобы через них пройти, а для того, чтобы занять там позицию на продолжительное время, — особенно, если справа и слева лежат свободные равнины, подобно баварской или ломбардской, в которых можно решить исход войны. Как долго, например, можно прокормить 150-тысячную армию в Тироле? Ведь голод весьма скоро выгнал бы ее вновь на равнину, в которой она за это время дала противнику укрепиться и где ее могут вынудить принять бой в крайне невыгодных условиях. Наконец, где же в узких горных долинах армия могла бы найти позицию для развертывания всех своих сил?

---

[*] — «Абсурд, если бы даже Тироль был совершенно открыт, не следовало бы туда входить». *Ред.*

[**] — «Если вы хотите узнать способ подвергнуть более сильную армию поражению со стороны более слабой армии, изучите принципы этого писателя; вы получите представление о военной науке, он предписывает вам обратное тому, чему следует обучать». *Ред.*

[***] — «никогда не следует атаковать горную местность». *Ред.*

Если бы Австрия не владела больше Минчо и Эчем, то Тироль для нее был бы обреченной позицией, которую она принуждена была бы сдать, как только он был бы атакован с севера или с юга. Германия же имеет возможность осуществить обход Ломбардии вплоть до реки Адды через проходы Тироля, но в случае сепаратного действия Австрии, наоборот, из Ломбардии и Венецианской области обойти Тироль вплоть до реки Бренты. Тироль может быть удержан Австрией только до тех пор, пока он прикрыт с севера Баварией, а с юга — благодаря обладанию линией Минчо. Создание Рейнского союза[126] сделало для Австрии совершенно невозможным всерьез защищать даже Тироль и Венецианскую область вместе, и потому Наполеон был совершенно последователен, когда он по Пресбургскому миру отторгнул обе эти области от Австрии[127].

Следовательно, для Австрии обладание линией Минчо с Пескьерой и Мантуей представляет безусловную необходимость. Для Германии же в целом нет никакой необходимости владеть этой линией, хотя с военной точки зрения владение ею представляет все еще крупную выгоду. В чем эта выгода состоит, представляется совершенно очевидным. Она заключается лишь в том, что эта линия заранее обеспечивает нам сильную позицию в ломбардской равнине, которую нам не придется сначала завоевывать, и что эта линия хорошо округляет нашу оборонительную полосу и значительно усиливает наше наступление.

Ну, а если Германия не будет располагать линией Минчо?

Предположим, что вся Италия стала независимой, единой и находится в союзе с Францией для наступательной войны против Германии. Из всего до сих пор сказанного вытекает, что в этом случае операционной линией и путем отхода для немцев было бы не направление Вена — Клагенфурт — Тревизо, а Мюнхен — Инсбрук — Боцен и Мюнхен — Фюссен — Финстермюнц — Глюрнс, и что выходы этих линий на ломбардскую равнину лежат между Валь-Сугана и швейцарской границей. Где же находится в таком случае решающий пункт, на который должна быть направлена атака? Очевидно, это будет та часть Северной Италии, которая связывает полуостров с Пьемонтом и Францией, именно: среднее течение По от Алессандрии до Кремоны. Но проходов между озерами Гарда и Комо вполне достаточно для проникновения немцев в эту местность и для отхода по тому же самому пути, а в худшем случае через Штильфский перевал. В этом случае крепости на Минчо и Эче, которые в соответствии с принятыми нами предположениями находятся в руках итальянцев, лежали бы далеко в сто-

роне от поля решающей битвы. Занятие укрепленного лагеря Вероны войсками, достаточно сильными для наступательных действий, было бы лишь бесполезным распылением сил со стороны нашего противника. Или, быть может, ожидают, что итальянцы основной массой будут прикрывать от немцев долину Эча на излюбленном Риволийском плато? С тех пор как построена дорога на Стельвио (через Штильфский перевал), выход из долины Эча перестал играть такую важную роль. Но если даже допустить, что Риволи снова должно будет сыграть роль ключа к обладанию Италией и что итальянская армия, стоящая там, будет настолько привлекать немцев, чтобы они ее атаковали, — то для чего тогда должна была бы служить Верона? Она не запирает выхода из долины Эча, ибо в противном случае марш итальянцев на Риволи был бы излишним. Для того, чтобы прикрыть отход в случае поражения, совершенно достаточно Пескьеры, которая обеспечивает переправу через Минчо и таким образом делает безопасным дальнейшее движение на Мантую или Кремону. Сосредоточение всей массы боевых сил итальянцев между четырьмя крепостями для того, чтобы, не принимая боя, ожидать здесь прибытия французов, с самого начала кампании разделило бы силы противника на две части, и сделало бы для нас возможным, расположившись между двумя армиями, броситься соединенными силами сперва на французов, разбить их и затем предпринять, правда, несколько длительный процесс вытеснения итальянцев из их крепостей. Такая страна, как Италия, национальная армия которой при каждом успешном наступлении с севера и востока неизбежно будет поставлена перед дилеммой выбирать в качестве своей операционной базы или полуостров или Пьемонт, — такая страна должна, очевидно, иметь крупные оборонительные сооружения в том районе, где ее армия может быть поставлена перед этой дилеммой. В данном случае опорные точки дают места впадения Тичино и Адды в По. Генерал фон Виллизен (в своем «Итальянском походе 1848 г.») высказал пожелание, чтобы оба эти пункта были укреплены австрийцами. Но это невозможно уже потому, что территория, необходимая для укреплений, не принадлежит австрийцам (у Кремоны правый берег По принадлежит Парме, а в Пиаченце они имеют лишь право содержать гарнизон); кроме того, оба эти пункта находятся слишком глубоко в стране, *и* которой австрийцы в случае любой войны будут окружены восставшими. Далее Виллизен, который но может видеть слияния двух рек без того, чтобы тотчас же не спроектировать крупный укрепленный лагерь, забывает, что ни Тичино, ни Адда не представляют собой пригодных для обороны линий и поэтому,

даже согласно его собственным взглядам, не прикрывают расположенную за ними местность. Но то, что для австрийцев явилось бы бесполезной тратой сил, для итальянцев представляет безусловно хорошую позицию. Для них По — главная оборонительная линия; треугольник Пиццигеттоне, Кремона и Пиаченца с Алессандрией, лежащей влево от них, и Мантуей— вправо, образовали бы действительную защиту этой линии и позволили бы армии пли под прикрытием ожидать прибытия издалека союзников, или даже, в определенном случае, повести наступление на решающем поле битвы, на равнине между Сезией и Эчем.

Генерал фон Радовиц высказался по этому поводу во франкфуртском Национальном собрании следующим образом: если Германия потеряет линию Минчо, то она будет поставлена в такое положение, в котором она теперь оказалась бы лишь в результате проигрыша целой кампании. Тогда война сразу развернулась бы на немецкой территории; она началась бы на Изонце и в итальянском Тироле, и вся Южная Германия, до Баварии включительно, была бы обойдена, так что и в Германии война шла бы на Изаре, вместо того, чтобы разыграться на Верхнем Рейне.

По-видимому, генерал фон Радовиц имел совершенно правильное суждение о военных познаниях своей публики. Совершенно верно: если Германия отказывается от линии Минчо, то она теряет в смысле территории и позиции столько же, сколько могла бы принести французам и итальянцам целая удачная кампания. Но этой уступкой Германия ставит себя далеко не в то же положение, в которое ее поставил бы неудачный поход. Разве сильная, свежая германская армия, сосредоточенная в Баварии, у подножья Альп, и наступающая через тирольские проходы для вторжения в Ломбардию, находится в том же самом положении, как разбитое и деморализованное неудачным походом войско, которое, преследуемое противником, поспешно отступает к Бреннерскому перевалу? Разве можно сравнить шансы на успешное наступление, начатое с позиции, которая во многих отношениях господствует над районом соединения французов с итальянцами, с шансами потерпевшей поражение армии переправить свою артиллерию через Альпы? Мы гораздо чаще завоевывали Италию в то время, когда не владели линией Мипчо, чем с тех пор, как мы ею владеем. Кто усомнится в том, что в случае нужды мы еще раз повторим этот фокус?

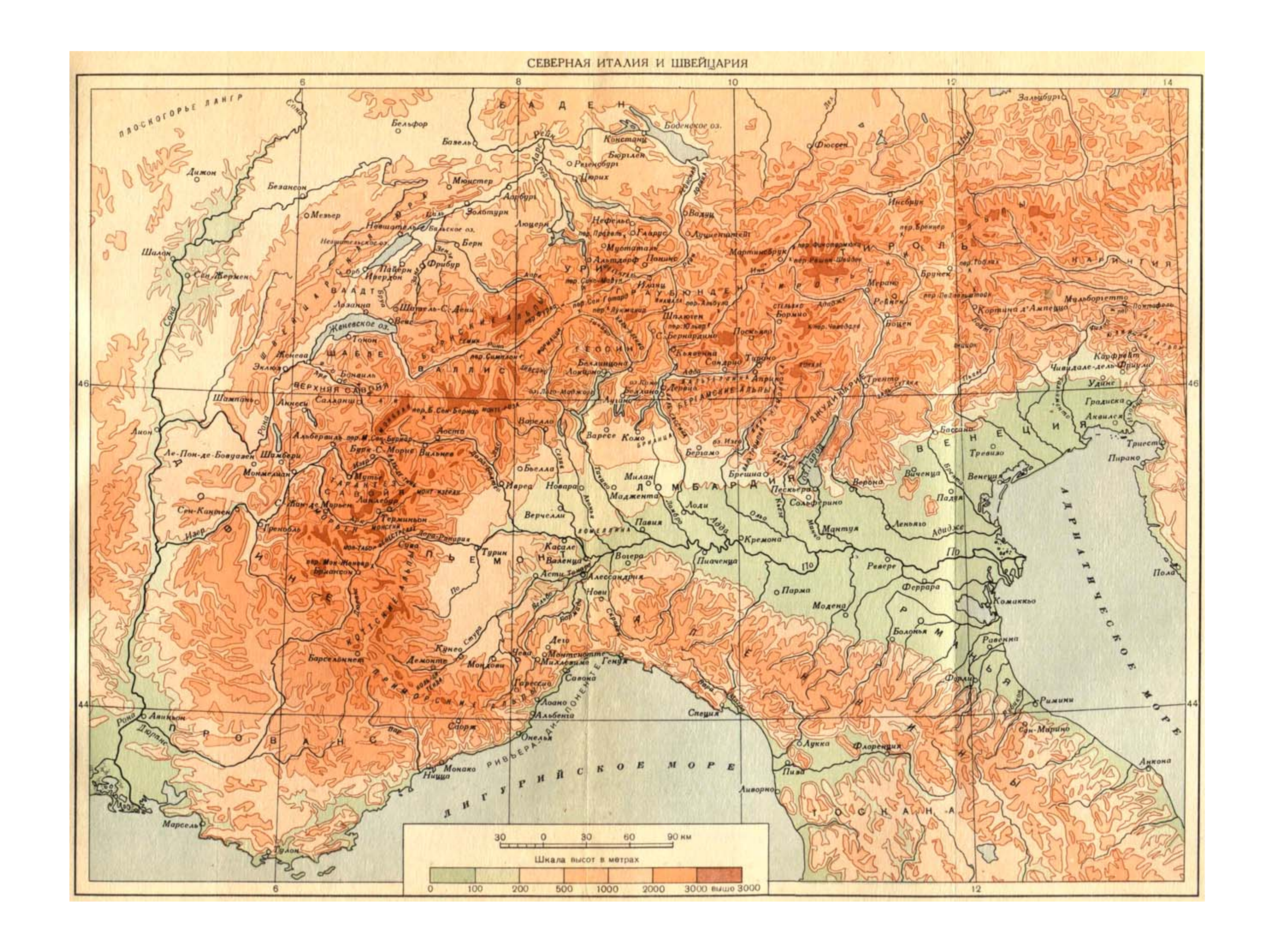
Что касается утверждения, что без линии Минчо война сразу начнется в Баварии и Каринтии, то это также неверно. Наша

точка зрения по этому вопросу целиком сводится к тому, что без линии Минчо защита южной германской границы может быть *только наступательной.* Это обусловлено горным характером немецких пограничных областей, которые не могут служить местом решающих битв; к этому же ведет и благоприятное положение альпийских проходов. Поле битвы находится на равнине перед ними. Мы должны туда спуститься, и никакая сила на свете не может нам в этом помешать. Нельзя себе представить более благоприятной предпосылки для наступления, чем та, которая имеется здесь для нас, даже в том самом неблагоприятном случае, если образуется франко-итальянский союз. Усовершенствованием проходов через Альпы и укреплением узлов путей в Тироле можно было бы еще улучшить эту обстановку. Эти укрепления в узловых пунктах дорог должны быть достаточно солидными, чтобы в случае нашего отступления если не совсем задержать врага, то хотя бы заставить его выделить сильные отряды для обеспечения своих коммуникаций. Что же касается альпийских дорог, то все альпийские войны доказывают нам, что не только большинство главных нешоссированных дорог, но также многие вьючные тропы проходимы без особого труда для всех родов войск. При этих условиях немецкое наступление в Ломбардию действительно может быть так организовано, чтобы оно имело все шансы на успех. Конечно, несмотря на это, мы все же можем потерпеть поражение, и тогда мог бы иметь место тот случай, о котором говорит Радовиц. А как же тогда будет обстоять дело с оставлением без прикрытия Вены и обходом Баварии через Тироль?

Прежде всего совершенно ясно, что ни один неприятельский батальон не отважится перейти Изонцу до тех пор, пока германская армия в Тироле не будет полностью и окончательно отброшена за Бреннерский перевал. С того момента, как Бавария станет германской операционной базой против Италии, итальянско-французское наступление в направлении на Вену не имеет более никакого смысла, ибо оно было бы бесполезным дроблением сил. Но даже если бы и тогда Вена была столь важным центром, что стоило бы направить главные силы неприятельской армии для овладения ею, то это говорит лишь о том, что она должна быть укреплена. Если бы Вена была укреплена, то поход Наполеона в 1797 г., его вторжение в Италию и Германию в 1805 и 1809 гг. могли бы очень скверно окончиться для французов. Наступающие, так далеко продвинувшиеся вперед войска, всегда подвергаются опасности разбить свои последние силы о сопротивление укрепленной столицы. Даже если предположить, что противник отбросил германскую армию за Бреннер,

то какое громадное превосходство в силах должно быть у него, чтобы он мог выделить войска для эффективных действий во внутренней Австрии!

А как обстоит с возможностью обхода всей Южной Германии через Италию? В самом деле, если Ломбардия дает возможность обойти Германию вплоть до Мюнхена, то спрашивается тогда, как глубоко Германия обходит Италию? Уж во всяком случае до Милана и Павии. Таким образом, шансы в этом отношении одинаковы. Но так как территория Германии простирается в ширину гораздо больше, чем Италия, то германской армии, расположенной на Верхнем Рейне и «обойденной» через Италию в направлении на Мюнхен, вовсе не нужно тотчас же отступать. Укрепленный лагерь в Верхней Баварии или временные укрепления Мюнхена укрыли бы разбитую тирольскую армию и быстро остановили бы наступление преследующего ее противника, в то время как верхнерейнской армии оставался бы выбор базироваться либо на Ульм и Ингольштадт, либо на Майн, т. е. в худшем случае переменить операционную базу. Для Италии все обстоит совершенно иначе. Если итальянская армия будет обойдена с запада через тирольские проходы, то для завоевания всей Италии останется лишь вытеснить ее из крепостей. В одновременной войне против Италии и Франции Германия будет иметь всегда несколько армий, по меньшей мере три, и победа или поражение зависит от совокупного результата всех трех кампаний. Между тем Италия предоставляет поле действий для развертывания всего лишь одной армии; всякое разделение армии было бы ошибкой; и если эта одна армия уничтожена, го тем самым Италия завоевана. Для французской армии в Италии главным вопросом при всех обстоятельствах является сохранение коммуникаций с Францией; и поскольку эта коммуникационная линия не ограничивается Кольди-Тендой и Генуей, постольку французы подставляют немцам, находящимся в Тироле, свой фланг, — и это тем в большей мере, чем дальше французы продвинутся в Италию. Возможность вторжения французов и итальянцев в Баварию через Тироль должна быть, разумеется, предусмотрена, раз в Италии снова будут вестись *германские* войны и операционная база будет перенесена из Австрии в Баварию. Однако при помощи соответствующих фортификационных сооружений, построенных по современным принципам, когда крепости служат для армии, а не армии для крепостей, это вторжение в Германию гораздо легче может быть отражено, чем германское вторжение в Италию. Поэтому мы не должны делать пугала из так называемого «обхода» всей Южной Германии. Неприятель, который обойдет немецкую

СЕВЕРНАЯ ИТАЛИЯ И ШВЕЙЦАРИЯ
Шкала высот в метрах
0
100
200
500
1000
2000
3000
выше 3000
30
0
30
60
90 км
ЛИГУРИЙСКОЕ МОРЕ
АДРИАТИЧЕСКОЕ МОРЕ
ПЛОСКОГОРЬЕ ЛАНГР
БАДЕН
ЛОМБАРДИЯ
ВЕНЕЦИЯ
ПЬЕМОНТ
ПРОВАНС
ТОСКАНА
ВАЛЛИС
ВААДТ
ГРАУБЮНДЕН
ТЕССИН
ВЕРХНЯЯ САВОЙЯ
Бодeнское оз.
Женевское оз.
Милан
Турин
Генуя
Венеция
Верона
Мантуя
Павия
Кремона
Парма
Модена
Болонья
Феррара
Равенна
Римини
Флоренция
Пиза
Ливорно
Лукка
Специя
Савона
Ницца
Монако
Марсель
Тулон
Авиньон
Гренобль
Шамбери
Лион
Женева
Лозанна
Берн
Цюрих
Базель
Безансон
Дижон
Инсбрук
Тренто
Больцано
Брешиа
Бергамо
Комо
Варесе
Новара
Верчелли
Алессандрия
Асти
Пьяченца
Падуя
Виченца
Тревизо
Триест
Удине
Анкона
Сан-Марино
Форли
Комаккьо
Пола

верхнерейнскую армию через Италию и Тироль, должен будет продвинуться до Балтийского моря, прежде чем сможет воспользоваться плодами этого обхода. Марш Наполеона от Йены на Штеттин[128] едва ли может быть повторен в направлении от Мюнхена на Данциг.

Мы никоим образом не оспариваем того факта, что, отказываясь от линии Минчо и Эча, Германия лишается очень сильной оборонительной позиции. Но то мнение, что эта позиция *необходима* для безопасности южной германской границы, мы оспариваем со всей решительностью. Конечно, если исходить из того предположения, из которого, по-видимому, исходят представители противоположного взгляда, что всякая германская армия, где бы она ни показалась, всегда будет разбита, — в таком случае можно вообразить, что Эч, Минчо и По нам безусловно необходимы. Тогда и эти оборонительные линии на деле нам не могут быть ничем полезны; тогда нам не помогут ни крепости, ни армии; тогда нам лучше всего прямо идти под Кавдинское ярмо[129]! Мы себе представляем вооруженную мощь Германии иначе и поэтому считаем совершенно достаточными для обеспечения нашей южной границы те преимущества, которые она представляет для нашего наступления на территорию Ломбардии.

Здесь, правда, играют роль и политические соображения, которые мы не можем оставить без внимания. Национальное движение в Италии, начиная с 1820 г.[130], выходит из каждого поражения обновленным и все более сильным. Не много существует стран, так называемые естественные границы которых совпадали бы так точно с границами национальности и были бы в то же время так ясно выражены. Если в подобной стране, насчитывающей к тому же до 25 миллионов жителей, с некоторого времени усиливается национальное движение, то оно не может снова успокоиться, пока одна из лучших и важнейших в политическом и военном отношении частей страны, включающая почти четверть ее населения, находится под антинациональным чужеземным господством. С 1820 г. Австрия господствует в Италии только благодаря насилию, благодаря подавлению возобновляющихся восстаний, благодаря террористическому режиму осадного положения. Чтобы удержать свое господство в Италии, Австрия вынуждена обращаться со своими политическими противниками, т. е. с каждым итальянцем, который себя чувствует итальянцем, хуже, чем с обыкновенными преступниками. Манера, с которой Австрия обращалась, а местами еще и ныне обращается, с итальянскими политическими заключенными, является совершенно неслыханной

ни в одной цивилизованной стране. Чтобы лишить честного имени политических преступников в Италии, австрийцы с особой охотой применяли по отношению к ним избиение палками, как для того, чтобы вынудить признание, так и под предлогом их наказания. Много было излито нравственного негодования по поводу итальянского кинжала, по поводу политических убийств из-за угла, но, по-видимому, совершенно забывают, что все это является ответом на австрийские палки. Способы, которыми вынуждена пользоваться Австрия, чтобы удержать свое господство в Италии, служат лучшим доказательством того, что это господство не может быть длительным; и Германия, интересы которой в Италии, вопреки мнению Радовица, Виллизена и Хайльброннера, не совпадают с интересами Австрии, без сомнения спросит себя: являются ли эти интересы настолько крупными, чтобы они могли перевесить те многочисленные невыгоды, которые с ними связаны?

Северная Италия представляет собой придаток, который Германии при всех обстоятельствах может быть полезен только в военное время, в мирное же время он может только приносить вред. Военные силы, необходимые для удержания ее в подчинении, начиная с 1820 г., все время увеличивались, а с 1848 г., даже в период глубочайшего мира, они превышают цифру в 70000 человек, эти войска чувствуют себя всегда, как во враждебной стране, и должны каждую минуту ожидать нападения. Совершенно очевидно, что война 1848—1849 гг. и оккупация Италии стоили Австрии до сих пор гораздо больше, чем она, начиная с 1848 г., извлекла из Италии, несмотря на военную контрибуцию, взятую с Пьемонта, несмотря на повторные контрибуции с Ломбардии, принудительные займы и чрезвычайные налоги. А между тем за период с 1848 по 1854 г. с Италией систематически обращались, как со страной, находящейся только во временном владении, из которой высасывают возможно больше, прежде чем убраться оттуда. Лишь со времени Восточной войны, т. е. в течение каких-нибудь нескольких лет, Ломбардия находится до некоторой степени в более нормальных условиях; но как долго продлится такое состояние при нынешнем запутанном положении, когда национальное чувство итальянцев снова так сильно возбуждено?

Но гораздо важнее выяснить следующий вопрос: уравновешивают ли выгоды от владения Ломбардией всю ту ненависть, ту фанатическую вражду, которые это обладание вызвало против нас во всей Италии? Уравновешивают ли они общую ответственность немцев за те мероприятия, посредством которых Австрия, — от имени Германии и, как нас уверяют, в интере-

сах Германии, — обеспечивает свое господство в этой стране? Уравновешивают ли они невыгоды от постоянного вмешательства во внутренние дела всей остальной Италии? Как показывает практика до последнего дня и как австрийцы уверяют нас, без этого вмешательства Ломбардия не может быть удержана, а такое вмешательство еще больше раскаляет ненависть всей Италии против нас, немцев. Во всех наших предшествовавших военных соображениях мы всегда имели в качестве предпосылки худший случай, именно союз Франции и Италии. До тех пор, дока мы удерживаем Ломбардию, Италия безусловно является союзницей Франции во всякой войне Франции против Германии. Но, как только мы отказываемся от Ломбардии, это перестает быть неизбежным. В наших ли интересах удерживать четыре крепости, но зато гарантировать себе фанатическую вражду, а французам союз с 25 миллионами итальянцев?

Своекорыстная болтовня о политической неспособности итальянцев, о их призвании быть либо под немецким, либо под французским владычеством, и точно так же различные рассуждения о возможности или невозможности создания единой Италии нам кажутся несколько странными в устах немцев. Давно ли миновало то время, когда *мы,* великая немецкая нация, вдвое более многочисленная, чем итальянцы, избавились от «призвания» находиться либо под французским, либо под русским владычеством? И разве вопрос о единстве или раздробленности Германии на сегодняшний день практически разрешен? Разве в данный момент мы не стоим по всей вероятности накануне событий, которые подготовят вопрос о нашем будущем настолько, что он разрешится в том или другом направлении? Разве мы уже совсем забыли Наполеона в Эрфурте или австрийское обращение к России на конференциях в Варшаве, или, наконец, сражение при Бронцелле[131]?

Допустим на мгновение, что Италия должна находиться под немецким или французским влиянием. В этом случае, помимо вопроса симпатии или антипатии, решающим является также еще военно-географическое положение обеих стран, распространяющих на Италию свое влияние. Боевые силы Франции и Германии мы будем считать равными, хотя совершенно ясно, что Германия могла бы быть гораздо сильнее. Но мы считаем теперь доказанным, что даже в самом благоприятном случае, т. е. если Валлис и Симплон будут открыты для французов, их непосредственное военное влияние распространяется только на Пьемонт, и для того, чтобы распространить его на области, лежащие дальше, они прежде должны были бы выиграть сражение, тогда как наше влияние распространяется на всю Ломбардию и на

район, в котором Пьемонт смыкается с полуостровом, и, чтобы отнять у нас это влияние, наши противники должны сначала нанести нам поражение. Ну а при таком географическом положении, которое обеспечивает Германии преобладание, ей не приходится бояться конкуренции Франции.

Недавно генерал Хайльброннер в аугсбургской «Allgemeine Zeitung» высказал примерно следующее соображение: не для того существует Германия, чтобы служить громоотводом для ударов грозы, собирающейся над головой династии Бонапартов. С тем же правом итальянцы могли бы сказать: не для того существует Италия, чтобы служить для немцев в качестве буфера, смягчающего удары, которые Франция направляет против них, и в благодарность за это терпеть австрийские палки. Если же Германия заинтересована в том, чтобы удержать за собой такой буфер, то она при всех случаях гораздо лучше может достигнуть этого путем установления хороших отношений с Италией, путем признания национального движения, путем предоставления итальянцам возможности решать их собственные дела, поскольку итальянцы не вмешиваются в германские дела. Утверждение Радовица, что если Австрия сегодня уйдет из Северной Италии, то Франция завтра же неизбежно станет господствовать там, было столь же необоснованно в его время, как и три месяца назад. Обстановка, как она слагается на сегодняшний день, показывает, что утверждение Радовица начинает становиться истиной, но в смысле, противоположном высказанному им. Если 25 миллионов итальянцев не могут отстоять своей независимости, то тем менее этого могут достигнуть 2 миллиона датчан, 4 миллиона бельгийцев и 3 миллиона голландцев. Несмотря на это, мы не слышим, чтобы защитники германского господства в Италии жаловались по поводу французского и шведского господства в указанных странах и требовали, чтобы оно было заменено немецким.

Что же касается вопроса о единстве, то наше мнение таково: или Италия может образовать единое целое, и тогда у нее будет своя собственная политика, которая безусловно не явится ни французской, ни немецкой, и поэтому не может быть для нас более вредной, чем для французов; или же Италия останется раздробленной, и тогда эта раздробленность обеспечивает нам союзников в Италии при каждой войне с Францией.

Несомненно лишь одно: владеем мы Ломбардией или пет, мы всегда будем иметь значительное влияние в Италии, *пока мы будем сильны у себя дома.* Если мы предоставим Италии самой устроить свои дела, то ненависть итальянцев к нам прекратится сама собой, и наше естественное влияние на них станет во вся-

ком случае гораздо значительнее и может даже при известных обстоятельствах подняться до подлинной гегемонии. Поэтому, вместо того чтобы видеть источник своей силы во владении чужими землями и подавлении чужой национальности, способность которой к историческому развитию могут отрицать только ослепленные предрассудками, мы сделали бы лучше, если бы позаботились о том, чтобы *стать едиными и сильными в своем собственном доме.*

III

На что имеют право одни, на то должны иметь право и другие. Если мы требуем По и Минчо для обороны не столько против итальянцев, сколько против французов, то мы не должны удивляться, если французы также претендуют на речные рубежи для обороны против пас.

Центр тяжести Франции лежит не в ее середине, на Луаре близ Орлеана, а на севере, на Сене, в Париже, и двукратный опыт показал, что падение Парижа ведет к падению всей Франции[132]. Поэтому военное значение конфигурации границ Франции определяется прежде всего той защитой, которую сии обеспечивают Парижу.

Расстояние от Парижа до Лиона, Базеля, Страсбурга, Лотербура по прямой линии почти одинаково и составляет примерно 55 миль. При всяком вторжении во Францию из Италии, имеющем объектом Париж, если вторгающиеся не хотят подвергнуть опасности свои коммуникации, нужно непременно проникнуть в район Лиона между Роной и Луарой или еще севернее. Таким образом, альпийская граница Франции южнее Гренобля при движении врага на Париж может не приниматься во внимание, ибо с этой стороны Париж полностью прикрыт.

Начиная с Лотербура, французская граница отходит от Рейна и поворачивает под прямым углом к нему на северо-запад; от Лотербура до Дюнкерка она имеет почти прямую линию. Таким образом, дуга круга, которую мы описали радиусом Париж — Лион через Базель, Страсбург и Лотербур, в этом последнем пункте прерывается; северная граница Франции образует скорее хорду к этой дуге, и сегмент круга, лежащий по ту сторону этой хорды, принадлежит не Франции; Кратчайшая коммуникационная линия от Парижа до северной границы, линия Париж — Монс, составляет только половину радиуса Париж — Лион или Париж — Страсбург.

В этих простых геометрических отношениях дано обоснование того, почему Бельгия должна была служить полем битвы во всех войнах, которые велись на севере между Францией и Германией. Через Бельгию возможен обход всей Восточной Франции от Вердена и верхней Марны вплоть до Рейна, т. е. армия, вторгшаяся из Бельгии, может раньше оказаться под Парижем, чем французская армия, расположенная на Рейне, успеет отойти обратно к Парижу через Верден или Шомон; таким образом, при успешном наступлении, армия, вторгающаяся во Францию из Бельгии, всегда может вклиниться между Парижем и французской рейнской или мозельской армией; это тем легче сделать, что путь от бельгийской границы до пунктов на Марне, являющихся для обхода решающими (Мо, Шато-Тьерри, Эперне), еще короче, чем путь к самому Парижу.

Но мало того, по всей линии от Мааса до моря, в парижском направлении, враг не встретит ни малейших естественных препятствий до тех пор, пока он не дойдет до Эны и Нижней Уазы, расположение которых, однако, довольно неблагоприятно для обороны Парижа с севера. Ни в 1814, ни в 1815 г. они не представили для вторжения значительных трудностей. Но если даже допустить, что они могут быть включены в район оборонительной системы, образуемой рекой Сеной и ее притоками, — частично они были таким образом использованы в 1814 г., —то тем самым одновременно признается как факт, что подлинная оборона Северной Франции начинается только у Компьена и Суассона и что первая оборонительная позиция, прикрывающая Париж с севера, находится всего только в 12 милях от Парижа.

Трудно себе представить более слабую государственную границу, чем французская граница с Бельгией. Известно, каких усилий стоило Вобану возместить недостаток естественных оборонительных средств этой границы искусственными, известно также, что вторгшийся в 1814 и 1815 гг. враг прошел через тройной пояс крепостей, почти не обратив на них внимания. Известно, как в 1815 г. крепость за крепостью сдавались под натиском одного только прусского корпуса после неслыханно коротких осад и обстрелов. Авен сдался 22 июня 1815 г., после того, как был обстрелян в течение половины дня из 10 полевых гаубиц. Крепость Гюиз сдалась перед 10 полевыми орудиями, не сделав сама ни одного выстрела. Мобеж капитулировал 13 июля через 14 дней после начала осады; Ландреси открыл свои ворота 21 июля — через 36 часов после начала осады и двухчасового обстрела, после того как осаждающие выпустили всего 126 бомб и 52 ядра.

Марьембург только pro forma[*] потребовал, чтобы ему была оказана честь начать осадные работы и посылки единственного 24-фунтового ядра, и сдался 28 июля. Филипвиль выдержал двое суток осадных работ и несколько часов обстрела. Рокруа сдался через 26 часов после начала траншейных работ и двух часов бомбардировки. Только Мезьер держался 18 суток после начала осадных работ. Какое-то капитуляционное безумие царило среди комендантов крепостей, которое не многим уступало настроению, обнаружившемуся в Пруссии после сражения под Йеной; и если ссылаются на то, что в 1815 г. все эти крепости были в упадке, со слабыми гарнизонами и плохо вооружены, то нельзя все же забывать, что, за несколькими исключениями, эти крепости не могут не находиться *постоянно* в запущенном состоянии. Тройной пояс Вобана ныне потерял всякое значение, он является безусловно вредным для Франции. Ни одна из крепостей к западу от Мааса сама по себе не прикрывает какого бы то ни было участка территории, и мы нигде не можем найти четырех или пяти крепостей, образующих вместе группу, внутри которой армия нашла бы прикрытие и в то же время сохраняла способность маневрировать. Причина этого заключается в том, что ни одна из крепостей не лежит на большой реке. Реки Лис, Шельда и Самбра приобретают значение с военной точки зрения лишь в пределах Бельгии; поэтому влияние этих крепостей, лежащих разбросанно в открытой местности, не распространяется за пределы их пушечных выстрелов. За исключением нескольких больших укрепленных баз на границе, которые могут быть использованы при наступлении на Бельгию, и некоторых пунктов на Маасе и Мозеле, имеющих стратегическое значение, все остальные крепости и форты на северной французской границе служат только к бесполезнейшему распылению вооруженных сил. Всякое правительство, которое срыло бы их, оказало бы Франции услугу. По что сказало бы на это традиционное французское суеверие?

Таким образом, северная граница Франции в высшей стопени неблагоприятна для обороны; в действительности ее невозможно защищать, и вобановский пояс крепостей, вместо того, чтобы укрепить ее, служит ныне лишь признанием и памятником ее слабости.

Подобно тому, как теоретики «среднеевропейской великой державы» ищут в Италии, точно так же и французы ищут по ту сторону своей северной границы речной рубеж, который обеспе-

[*] — для вида, формально. *Ред.*

чил бы им хорошую оборонительную позицию. О какой же реке может идти речь?

Первая линия, на которой может остановиться внимание, это линия нижней Шельды и Дили, продолженная до впадения Самбры в Маас. Эта линия прирезала бы к Франции лучшую половину Бельгии. Она включила бы почти все знаменитые бельгийские поля сражения между французами и немцами — Ауденард, Жемап, Флёрюс, Линьи, Ватерлоо[133]. Однако и эта линия еще не образует оборонительной линии, она оставляет между Шельдой и Маасом крупную брешь, через которую неприятель может беспрепятственно вторгнуться.

Вторым рубежом явился бы сам Маас. Но если бы Франция владела левым берегом Мааса, то все-таки ее положение не было бы столь благоприятно, как положение Германии, если бы последняя владела в Италии только линией Эча. Линия Эча дает довольно полную округленность границ, тогда как Маас делает это очень несовершенно. Если бы Маас протекал от Намюра прямо на Антверпен, то он образовал бы значительно лучшую пограничную линию. Вместо этого Маас от Намюра сворачивает на северо-восток и только за Венло течет большой дугой к Северному морю.

Вся территория к северу от Намюра между Маасом и морем в случае войны была бы прикрыта только своими крепостями; поэтому враг, переправившись через Маас, всегда нашел бы французскую армию на равнине Южного Брабанта, между тем как французское наступление на немецкий левый берег Рейна наткнулось бы сразу на сильный рубеж Рейна, а именно прямо на кёльнский укрепленный лагерь. Входящий угол, образуемый течением Мааса между Седаном и Люттихом, также содействует ослаблению этой линии, несмотря на то, что этот угол заполнен Арденнами. Таким образом, линия Мааса дает французам в одном месте слишком много, в другом же слишком мало для хорошей обороны границ. Поэтому мы пойдем дальше.

Поставим снова на карте одну из ножек нашего циркуля на Париж и радиусом Париж — Лион опишем дугу от Базеля до Северного моря. Мы найдем, что течение Рейна *от Базеля до его устья* следует с удивительной точностью *по этой дуге.* Все главные пункты на Рейне, с точностью до нескольких миль, находятся на равном расстоянии от Парижа. *В этом и заключается подлинное реальное основание французских притязаний на рейнскую границу.*

Если бы Рейн принадлежал Франции, то Париж в случае войны с Германией действительно являлся бы центром страны. Все радиусы, отходящие от Парижа к угрожаемым границам,

будь то на Рейне или на Юре, будут одинаковой длины. Повсюду к противнику обращена выпуклая периферия круга, за которой он вынужден маневрировать в обход, в то время как французские армии могли бы двигаться по более короткой хорде и опережать врага. Операционные линии и линии отступления одинаковой длины необыкновенно облегчают нескольким армиям концентрическое отступление и тем самым дают возможность сосредоточить в данном пункте для главного удара две из них против еще рассредоточенного противника.

Если бы французы владели рейнской границей, то оборонительная система Франции, поскольку речь идет о *естественных* предпосылках, принадлежала бы к числу тех, которые генерал Виллизен называет «идеальными», т. е. не оставляющими желать ничего лучшего. Сильная внутренняя оборонительная система бассейна Сены, образуемая веерообразно впадающими в нее реками Йонной, Об, Марной, Эной и Уазой, — пользуясь которой Наполеон в 1814 г. дал союзникам такие тяжелые уроки стратегии[134], — эта речная система только при такой пограничной линии одинаково будет прикрыта во всех направлениях; противник подойдет к этому району почти одновременно со всех сторон и может быть задержан на реках до тех пор, пока французские армии будут в состоянии сосредоточенными силами напасть в отдельности на каждую из его изолированных колонн; между тем, без рейнской линии оборона в решающем районе, у Компьена и Суассона, может начаться только в 12 милях от Парижа. Ни в одной части Европы железные дороги не могут оказать большей помощи обороне путем быстрого сосредоточения крупных сил, как именно на пространстве между Рейном и Сеной. Железнодорожные линии разбегаются из центра, Парижа, по радиусам на Булонь, Брюгге, Гент, Антверпен, Маастрихт, Люттих и Кёльн, на Мангейм и Майнц через Мец, на Страсбург, Базель, Дижон и Лион. В каком бы пункте враг ни выступил с самыми крупными силами, всюду ему может быть брошена навстречу из Парижа по железным дорогам вся мощь резервной армии. Внутренняя обороноспособность бассейна Сены увеличивается еще особенно благодаря тому, что в этом районе все железнодорожные радиусы проходят по долинам рек (Уазы, Марны, Сены, Об, частью Йонны). Но и это еще не все. Три концентрические железнодорожные дуги, каждая по крайней мере в четверть круга, обходят Париж приблизительно на равных расстояниях одна от другой: первая проходит по железным дорогам на левом берегу Рейна, которые теперь уже почти без перерыва тянутся от Нёйсса до Базеля; вторая идет от Остенде и Антверпена через Намюр, Арлон, Тионвилль,

Мец и Нанси на Эпиналь и также почти закончена; наконец, третья идет от Кале через Лилль, Дуэ, Сен-Кантен, Реймс, Шалон на Марне и Сен-Дизье на Шомоне. Таким образом, в этом районе повсюду имеется возможность сосредоточить войска в любом его пункте в кратчайшее время; здесь, благодаря природе и искусству, даже без всяких крепостей, благодаря маневренной способности войск, оборона была бы настолько сильна, что враг должен был бы рассчитывать при своем вторжении во Францию на совершенно иное сопротивление, чем он встретил в 1814 и 1815 годах.

Одного только не хватало бы Рейну как пограничной реке. До тех пор, пока один из его берегов целиком немецкий, а другой — французский, ни один из этих народов не господствует над этой рекой. Более сильной армии, какой бы нации она ни принадлежала, нельзя было бы помешать переправиться через Рейн в любом месте; это мы наблюдали сотни раз, и стратегия объясняет нам, почему это должно произойти именно таким образом. При наступлении немцев превосходящими силами французы были бы вынуждены вести оборону на более близких подступах: северная армия — на Маасе, между Венло и Намюром, мозельская армия — на Мозеле, примерно при впадении в нее реки Саар, верхнерейнская — на верхнем Мозеле и верхнем Маасе. Для того, чтобы полностью господствовать на Рейне, для того, чтобы иметь возможность энергично сопротивляться переправе неприятеля, французы должны были бы располагать предмостными укреплениями на правом берегу Рейна. Поэтому Наполеон поступил совершенно последовательно, когда он без дальнейших околичностей присоединил к Французской империи Везель, Кастель и Кель[135]. При нынешнем положении дел его племянник должен был бы выпросить в дополнение к превосходным крепостям, которые немцы построили для него на левом берегу Рейна, еще Эренбрейтштейн, Дёйц, а в случае нужды также и предмостное укрепление у Гермерсгейма. Тогда военно-географическая система Франции с точки зрения наступления и обороны была бы совершенна, и каждое новое дополнение могло бы только повредить. Насколько хороша эта система по природным данным и насколько она говорит сама за себя, этому союзники в 1813 г. дали убедительное доказательство. Систему эту Франция создала за каких-нибудь 17 лет до того, и, тем не менее, она считалась уже чем-то само собой разумеющимся, так что высокочтимые союзники, несмотря на свой перевес и беззащитность Франции, со страхом отступили, как перед святотатством, перед мыслью попытаться поколебать эту систему; и если бы национально-

немецкие элементы движения не увлекли за собой союзников, Рейн был бы еще и сегодня французской рекой.

Но французы только тогда выполнили бы по отношению к себе тот долг, который мы, немцы, по мнению Радовица, Виллизена и Хайльброннера, выполняем по отношению к себе, удерживая Эч и Минчо с предмостными укреплениями Пескьерой и Мантуей на них, когда мы уступили бы французам не только Рейн, но также и предмостные укрепления на его правом берегу. Но тогда мы сделали бы Германию по отношению к французам такой же совершенно бессильной, какой является ныне Италия по отношению к Германии. Тогда Россия, как и в 1813 г., превратилась бы в естественного «освободителя» Германии (совершенно так же, как ныне выступает Франция или, вернее, французское правительство в качестве «освободителя» Италии) и попросила бы для себя в награду за свои бескорыстные старания лишь несколько «маленьких кусочков» территории — вроде Галиции и Пруссии — для округления Польши, так как через эти провинции Польшу также ведь можно «обойти».

Чем для нас являются Эч и Минчо, тем же для Франции — но только еще более важным — является Рейн. Если Венецианская область, находясь в руках Италии и, возможно, Франции, позволяет обойти Баварию и Верхний Рейн и открывает дорогу на Вену, то Бельгия и Германия через Бельгию обходят всю Восточную Францию и делают дорогу на Париж еще более открытой. Расстояние от Изонцы до Вены составляет все же 60 миль по местности, которая дает некоторые возможности для обороны; от Самбры до Парижа всего 30 миль, и только за 12 миль до Парижа, т. е. у Суассона или Компьена, оборона находит сколько-нибудь прикрывающий речной рубеж. Если Германия, по мнению Радовица, в случае уступки Минчо и Эча поставила бы себя заранее в положение, соответствующее проигрышу целой кампании, то Франция при ее современных границах поставлена в такое положение, будто она имела рейнскую границу и проиграла две кампании, причем одна велась из-за крепостей на Рейне и на Маасе, а другая на полях бельгийской равнины. Даже сильная позиция североитальянских крепостей до некоторой степени находит себе аналогию на нижнем Рейне и Маасе; разве нельзя было бы из Маастрихта, Кёльна, Юлиха, Везеля и Венло с небольшой дополнительной помощью им и, быть может, двумя промежуточными пунктами создать столь же сильную систему, которая вполне прикрыла бы Бельгию и Северный Брабант и дала бы возможность французской армии, слишком слабой для полевых операций, задер-

жать посредством маневрирования на реках значительно превосходящую по силе неприятельскую армию и, наконец, при посредстве железных дорог беспрепятственно отойти на бельгийскую равнину или в район Дуэ?

Во время всего этого исследования мы исходим из того предположения, что Бельгия совершенно открыта немцам для наступления против Франции и находится в союзе с ними. Так как мы должны были аргументировать с французской точки зрения, то мы имели такое же право на это, как и наш противник на Минчо, когда он считает Италию — также и свободную и объединенную Италию — страной всегда враждебной немцам. При всех подобных обстоятельствах вполне естественно рассматривать сперва наихудший случай и готовиться в первую очередь к нему; и французы должны поступать именно так, когда они рассматривают теперь обороноспособность и стратегическую конфигурацию своей северной границы. То обстоятельство, что Бельгия является, так же как и Швейцария, в силу европейских договоров, нейтральной страной, мы можем здесь оставить без внимания. Во-первых, историческая практика должна еще доказать, что этот нейтралитет при любой европейской войне есть нечто большее, чем клочок бумаги; во-вторых, Франция ни в каком случае не может рассчитывать на этот нейтралитет настолько твердо, чтобы содержать всю границу с Бельгией в военном отношении так, как если бы на месте этой страны образовался морской залив, прикрывающий Францию от Германии. Таким образом, граница остается в конце концов такой же слабой, будет ли она впредь действительно активно защищаться или будут только выделены войска, которые займут ее на случай возможного нападения.

Мы провели теперь достаточно параллелей между По и Рейном. Если исключить то обстоятельство, что рейнская проблема имеет более крупные размеры, чем проблема По, — а это только усиливает французские притязания, — то аналогия представляется настолько полной, что большего не нужно и желать. Можно надеяться, что в случае войны немецкие солдаты с большим успехом будут защищать Рейн на реке По практически, чем это делают теоретически проповедники «среднеевропейской великой державы». Последние, конечно, защищают Рейн на По, но ... *только для французов.*

Впрочем, если бы немцы когда-либо оказались столь неудачливыми, что потеряли бы свою «естественную границу» на Минчо и По, мы хотим, на этот случай, все же провести нашу аналогию несколько дальше. Французы владели своей «естественной

границей» всего 17 лет и с тех пор уже почти 45 лет вынуждены обходиться без нее. За это время их лучшие военные авторитеты также и теоретически пришли к тому мнению, что бесполезность вобановского пояса крепостей против вторжения находит свое обоснование в принципах современного военного искусства, что, таким образом, в 1814 и 1815 гг. не случай и не «trahison»* — столь излюбленное средство объяснения — позволили союзникам спокойно пройти между крепостями. После этого сразу стало очевидно, что для обеспечения открытой для нападения северной границы что-то следовало сделать. Но, несмотря на это, было совершенно ясно, что на возвращение рейнской границы в ближайшем будущем нельзя было рассчитывать. Что же надо было делать?

Французы нашли такой выход из положения, который делает честь великому народу: они укрепили Париж, они впервые в новой истории попытались превратить свою столицу в укрепленный лагерь колоссального масштаба. Военные специалисты старой школы качали головами, смотря на это неразумное предприятие. Выброшенные на ветер деньги единственно в угоду французской хвастливости! Ничего серьезного за этим не кроется, чистое бахвальство; кто слышал когда-либо о крепости, имеющей девять миль в окружности и миллион жителей! Как оборонять такую крепость, если только не поместить в ней гарнизон величиной в половину армии? Как снабжать продовольствием всех этих людей? Безумие, французская кичливость, святотатство, повторение строительства вавилонской башни! Так осуждал военный педант новое предприятие, тот самый педант, который изучает осадную войну по вобановскому шестиугольнику и пассивные методы обороны которого не знают более крупного контрудара, чем вылазка взвода пехоты от крытого хода до подножия гласиса! Французы, однако, спокойно продолжали строительство, и хотя Париж еще не получил боевого испытания, тем не менее они были удовлетворены, что не подверженные педантизму военные во всей Европе признали их правоту, что Веллингтон стал проектировать укрепление Лондона, что вокруг Вены, если только мы но ошибаемся, уже началось сооружение отдельных фортов и что вопрос об укреплении Берлина, по крайней мере, обсуждается. Им самим пришлось убедиться на примере Севастополя, какой огромной силой обладает колоссальный укрепленный лагерь, занятый целой армией, которая ведет активную оборону в крупном масштабе. Между тем Севастополь имел кругом только крепост-

* — «измена». *Ред.*

ную ограду и не имел вовсе отдельных фортов; были только полевые укрепления и никаких эскарпов с каменной кладкой!

С тех пор как Париж укреплен, Франция не нуждается в границе по Рейну. Подобно Германии в Италии, Франция будет оборонять свою северную границу прежде всего посредством наступления. Расположение железнодорожной сети показывает, что этот вопрос понят именно таким образом. Если наступление будет отбито, то французская армия остановится твердо на реках Уазе и Эне; дальнейшее продвижение врага потеряло бы всякий смысл, ибо армия, вторгающаяся из Бельгии, сама по себе была бы слишком слаба, чтобы действовать против Парижа. Французская северная армия могла бы ожидать подхода других армий позади реки Эны, обеспечив сообщение с Парижем, в худшем случае — позади Марны, опираясь левым флангом на Париж и находясь в наступательной фланговой позиции. Врагу не оставалось бы ничего другого, как продвинуться к Шато-Тьерри и действовать против коммуникаций французских армий на Мозеле и Рейне. Но эти действия далеко не имели бы того решающего значения, какое могли иметь до укрепления Парижа. Даже в самом худшем случае прочим французским армиям не может быть отрезано отступление за Луару; сосредоточившись в этом районе, французы будут все еще достаточно сильны, чтобы представлять опасность для вторгшейся армии, ослабленной и разделенной благодаря окружению Парижа, или же, чтобы пробиться в Париж. Одним словом, обход через Бельгию, благодаря укреплению Парижа, перестает быть опасным; влияние этого обхода уже не будет решающим; отрицательные моменты, которые обход влечет за собой, и средства, которые надо ему противопоставить, теперь уже легко поддаются учету.

Мы хорошо сделаем, последовав примеру французов. Вместо того, чтобы позволить оглушать себя криками о необходимости владений вне Германии, которые день ото дня становятся для Германии все менее прочными, мы поступили бы гораздо лучше, если бы. заранее подготовились к тому неизбежному моменту, когда откажемся от Италии. Чем раньше будут заложены необходимые нам в таком случае укрепления, тем лучше. Где и как их надо разместить, об этом говорить больше того, что уже в общих чертах сказано выше, не наше дело. Не нужно только впадать в иллюзию и строить заграждающие укрепленные пункты и пренебрегать в расчете на эти пункты единственным типом укреплений, который дал бы возможность отступающей армии остановиться, именно: укрепленным лагерем и группами крепостей на реках.

IV

Мы теперь увидели, к чему ведет теория «естественных границ», выдвинутая проповедниками идеи «великой среднеевропейской державы». Такое же право, которое Германия имеет на По, Франция имеет на Рейн. Если Франции не следует ради хорошей военной позиции присоединять к себе 9 миллионов валлонов, нидерландцев и немцев, то и мы не имеем также никакого права из-за военной позиции порабощать 6 миллионов итальянцев. И эта естественная граница, река По, в конце концов является лишь только военной позицией, и только поэтому, говорят нам, Германия должна ее удерживать.

Теория «естественных границ» кладет конец и шлезвиг-гольштейнскому вопросу одним лозунгом: Danmark til Eideren! Дания до Эйдера![136] Чего же другого требуют себе датчане, как не своих *Минчо* и *По,* называемых Эйдером, свою Мантую, называемую Фридрихштадтом?

Теория «естественных границ» требует с тем же самым правом, как для Германии По, для России Галицию и Буковину в такое округление в сторону Балтийского моря, которое включает по меньшей мере весь прусский правый берег Вислы. А спустя немного лет Россия с тем же правом сможет предъявить требование на то, что естественной границей русской Польши является река Одер.

Теория «естественных границ», примененная к Португалии, требует расширения этой страны до Пиренеев и позволяет включить всю Испанию в состав Португалии.

Уж если принимать во внимание законы вечной справедливости, то естественная граница княжества Рейс-Грейц-Шлейц-Лобенштейн[137] также должна расшириться по меньшей мере до границ Германского союза или даже больше того — до По, а может быть, и до Вислы. Ведь княжество Рейс-Грейц-Шлейц-Лобенштейн имеет такие же претензии на осуществление своих прав, как и Австрия.

Если теория «естественных границ», т. е. границ, основывающихся исключительно на военных соображениях, верна, то каким же именем должны мы тогда назвать немецких дипломатов, которые на Венском конгрессе поставили нас перед угрозой войны немцев против немцев, позволили лишить нас линии Мааса, оставили открытой немецкую восточную границу и предоставили иностранцам определить внешние границы Германии и перекроить ее внутри? По правде сказать, ни одна страна не имеет столько оснований жаловаться на Венский конгресс, как Германия; но если мы подойдем к вопросу с точки зрения естественных границ, то как тогда будет выглядеть репутация тогдашних германских государственных мужей? А между тем, те самые люди, которые защищают теорию естественных границ на реке По, живут наследием дипломатов 1815 г. и продолжают традиции Венского конгресса.

Не угодно ли вам один из примеров этого?

Когда Бельгия в 1830 г. отделилась от Голландии[138], то подняли крик именно те самые люди, которые ныне из Минчо делают вопрос жизни и смерти. Они кричали караул по поводу расчленения соседней сильной нидерландской державы, которая должна была служить бастионом против Франции и — так крепок еще предрассудок даже после двадцатилетнего опыта! — взять на себя обязательство противопоставить вобановскому поясу крепостей, бывшему несомненно в своем роде грандиозным сооружением, тоненькую ленточку крепостей. Великие державы будто бы боялись, что в одно прекрасное утро Аррас, Лилль, Дуэ и Валансьенн окажутся в Бельгии со всеми своими бастионами, полулюнетами, люнетами и устроятся там по-домашнему! Представители этого страдающего ограниченностью направления, с которым мы в данной работе боремся, сетовали тогда, что Германия находится в опасности, так как Бельгия, будучи лишь безвольным придатком Франции, неизбежно является врагом Германии, и что ценные крепости, построенные на немецкие (т. е. отнятые у французов) деньги в качестве защиты против Франции, могут быть теперь использованы французами против нас. Французская граница, говорили они, оказалась продвинутой вплоть до Мааса и Шельды и за эти реки; долго ли ждать, пока она окажется у Рейна! Большинство из нас еще совсем отчетливо помнит эти причитания. Что же произошло в действительности? С 1848 г., а особенно со времени бонапартистской реставрации, Бельгия все решительнее отворачивается от Франции и сближается с Германией. В настоящее время Бельгию даже можно рассматривать уже как иностранного члена Германского союза. И что делали бельгийцы, когда они

заняли своего рода оппозицию по отношению к Франции? Они срыли все те крепости, которые свыше были навязаны стране мудростью Венского конгресса, как *совершенно бесполезные против Франции,* и создали вокруг Антверпена укрепленный лагерь, достаточно большой, чтобы принять всю армию и там дать ей возможность в случае французского нашествия поджидать английскую или немецкую помощь. В этом они были совершенно правы.

Та самая мудрая политика, которая в 1830 г. хотела силой удержать католическую, говорящую преимущественно по-французски Бельгию прикованной к Голландии, стране протестантской, говорящей на голландском языке, эта же самая мудрая политика хочет с 1848 г. держать Италию насильно под австрийским игом и нас, немцев, сделать ответственными за действия Австрии в Италии. И все это исключительно из страха перед Францией. Весь патриотизм этих господ, по-видимому, заключается в том, что они приходят в лихорадочное возбуждение, как только речь заходит о Франции. Они, кажется, еще до сих пор не оправились от тех ударов, которые 50 и 60 лет назад нанес им старый Наполеон. Мы, конечно, не принадлежим к числу тех людей, которые недооценивают военной силы Франции. Мы отлично знаем, например, что ни одна армия в Германии не может сравниться с французской в отношении легкой пехоты, опыта и искусства в малой войне, а также в отношении некоторых сторон артиллерийской науки. Но когда люди сначала хвалятся наличием 1200000 немецких солдат, как будто те уже стоят наготове как шахматные фигурки, которыми д-р Кольб играет партию в шахматы с Францией на Эльзас и Лотарингию[139], и когда те же люди потом в каждом отдельном случае проявляют такую нерешительность, как будто само собой разумеется, что эти 1200000 солдат должны быть разбиты наголову вдвое меньшим числом французов, если только они не укроются на неприступных позициях, — тогда действительно пора потерять терпение. Мы считаем своевременным в противовес этой политике пассивной обороны напомнить, что если Германия в общем и целом осуждена на оборону с применением контрударов, то все же наиболее действенной является активная оборона, которая ведется наступательно. Своевременно напомнить, что мы достаточно часто доказывали свое превосходство перед французами и другими нациями именно в наступлении.

«Впрочем, духу наших войск свойственна атака, и это как раз очень хорошо», — говорит Фридрих Великий о своей пехоте[140].

А о том, как умела атаковать его конница, могли бы свидетельствовать Росбах, Цорндорф и Хоэнфридеберг[141]. Лучшим свидетельством того, как умела наступать германская пехота в 1813 и 1814 гг., является известная инструкция Блюхера, изданная в начале похода 1815 года:

«Так как опыт научил нас тому, что французская армия не выдерживает штыковой атаки наших батальонных масс, то, как правило, следует всегда прибегать к ней, когда дело идет о том, чтобы опрокинуть неприятеля или овладеть той или иной позицией».

Нашими лучшими сражениями являются наступательные сражения; и если немецкому солдату не хватает какого-нибудь из качеств французского, то, как это можно доказать, именно того, что он не умеет для целей обороны укрепляться в деревнях и домах; в наступлении он показал себя вполне равным французу и делал это достаточно часто.

Не касаясь мотивов, лежащих в основе этой политики, мы видим, что она состоит в том, чтобы сначала под предлогом защиты сомнительных или преувеличенных до абсурда немецких интересов сделать нас ненавистными для всех наших менее крупных соседей и затем возмущаться по поводу того, что они больше склоняются в сторону Франции. Понадобилось целых пять лет бонапартистской реставрации для того, чтобы оторвать Бельгию от союза с Францией, в который она была загнана политикой Священного союза[142], начатой в 1815 и продолженной в 1830 году; в Италии мы создали для французов положение, которое уравновешивает значение линии Минчо. А между тем, французская политика по отношению к Италии всегда была ограниченной, эгоистичной, эксплуататорской, так что итальянцы, при сколько-нибудь лояльном поведении с нашей стороны, безусловно были бы скорее за нас, чем за Францию. Достаточно хорошо известно, как Наполеон, его наместники и генералы в период с 1796 по 1814 г. вытягивали из Италии деньги, продовольствие, художественные ценности и людей. В 1814 г. австрийцы пришли как «освободители» и были приняты как освободители. (Как они освободили Италию, об этом лучше всего говорит та ненависть, которую ныне каждый итальянец питает к Tedeschi[*].) Такова практическая сторона французской политики в Италии; что же касается ее теории, то мы должны сказать лишь то, что она основывается на одном-единственном принципе: *Франция никогда не может допустить существования единой и независимой Италии.* Вплоть до Луи-Наполеона

[*] — немцам. *Ред.*

этот принцип остается незыблемым, и, чтобы предупредить все недоразумения, Ла Героньер принужден еще раз провозгласить его в настоящее время как вечную истину[143]. Неужели при такой ограниченной мещанской политике Франции, политике, которая без всякого стеснения претендует на право вмешательства во внутренние дела Италии, мы, немцы, должны бояться того, что Италия, уже более не находящаяся под прямым немецким господством, будет всегда послушным слугой Франции против нас? Такое опасение является поистине смешным. Это тот же старый панический крик, что и в 1830 г. по поводу Бельгии. И, несмотря на это, Бельгия пришла к нам, пришла непрошенная; Италия также должна будет прийти к нам.

Впрочем, необходимо твердо помнить, что вопрос о владении Ломбардией является вопросом взаимоотношений Италии с Германией, но отнюдь не отношений Луи-Наполеона с Австрией. По отношению же к третьему лицу, каким является Луи-Наполеон, который желает вмешаться лишь во имя своих, в некотором отношении антигерманских интересов, дело сводится лишь к простому удержанию провинции, которую оставляют только по принуждению, дело сводится к удержанию военной позиции, которую очищают лишь тогда, когда не могут ее более защитить. Политический вопрос в этом случае немедленно отступает перед вопросом военным: на нас нападают — мы защищаемся.

Если Луи-Наполеон хочет выступить в роли паладина итальянской независимости, то ему нечего воевать с Австрией. «Charitе bien ordonnеe commence chez soi-meme»*. «Департамент» Корсика является итальянским островом, итальянским, несмотря на то, что он — родина бонапартизма. Пусть Луи-Наполеон прежде всего уступит Корсику своему дяде Виктору-Эммануилу, тогда, может быть, мы и позволим разговаривать с нами. До тех же пор, пока он этого не сделал, было бы лучше, если бы он помолчал о своей горячей преданности интересам Италии.

Во всей Европе нет ни одного крупного государства, которое не включало бы в свои границы части других наций. Франция имеет фламандские, немецкие, итальянские провинции. Англия, являющаяся единственной страной, которая имеет действительно естественные границы, вышла за их пределы по всем направлениям и произвела завоевания во всех странах; ныне она ведет борьбу с одним из своих протекторатов, с Ионическими островами, после того как она подлинно австрийскими методами подавила колоссальное восстание в Индии[144]. Германия имеет

* —«Правильно организованное милосердие начинается с самого себя». *Ред.*

полуславянские провинции, славянские, мадьярские, валашские и итальянские придатки. А над сколькими языками господствует петербургский белый царь!

Никто не станет утверждать, что карта Европы установлена окончательно. Но все изменения, поскольку они рассчитаны на долгий срок, должны исходить из того, чтобы крупным и жизнеспособным европейским нациям во все большей и большей мере предоставить их *действительно* естественные границы, которые определяются языком и общностью симпатий; в то же время обломки народов, которые еще имеются кое-где и которые не способны более к самостоятельному национальному существованию, должны остаться в составе более крупных наций и либо раствориться в них, либо остаться лишь в качестве этнографических памятников, без всякого политического значения[145]. Военные соображения могут иметь здесь лишь второстепенное значение.

Но если карта Европы будет пересмотрена, то мы, немцы, имеем право требовать, чтобы это было сделано основательно и беспристрастно и чтобы жертвы не были потребованы, как это происходило обычно до сих пор, только от одной Германии, в то время как все другие народы только выигрывали от таких переделов, совершенно ничем не жертвуя. Мы можем отказаться от многого, что привешено к границам нашей страны и что впутывает нас в дела, в которые лучше было бы для нас так непосредственно не вмешиваться. Но это касается точно так же всех других; пусть они дадут нам пример бескорыстия или в противном случае пусть молчат. Конечный же вывод из всего этого исследования состоит в том, что мы, немцы, заключили бы замечательную сделку, если бы смогли обменять По, Минчо, Эч и всю итальянскую ветошь на *единство* Германии, которое предохранило бы нас от повторения Варшавы и Бронцелля и которое одно только может сделать нас сильными внутри и вовне. Как только мы добьемся этого единства, мы сможем прекратить оборону. Нам тогда не потребуется более никакой Минчо, тогда снова «особенность нашего духа» будет заключаться в том, чтобы «атаковать»; а ведь существуют еще такие гнилые места, где это весьма необходимо.

К. МАРКС

МИР ИЛИ ВОЙНА? [146]

Мы помещаем на другой странице недавно напечатанную в «Moniteur» статью, пророчески отрицающую какое-либо намерение со стороны ее хозяина и вдохновителя, Луи-Наполеона, ввергнуть Европу в войну[147], — статью, которая, по-видимому, подняла курс бумаг на биржах и наполовину рассеяла опасения Старого Света. И все же при внимательном чтении вы найдете в этой статье мало оснований для тех надежд, которые она возбудила. Помимо единственного утверждения, что обязательства императора по отношению к королю Сардинии не идут дальше обещаний защиты от австрийской агрессии — обещаний, в которых Виктор-Эммануил наверняка не нуждался, во всяком случае после того как его войска были посланы на поддержку французских и английских войск под Севастополем, — мы не видим в этом манифесте ничего, кроме нового издевательства над общественным мнением. В статье фактически предлагается миру забыть, в интересах французского узурпатора, что не газеты, а именно он встревожил и взбудоражил Европу необоснованной и демонстративной угрозой, адресованной Австрии через ее посла[*] в день Нового года, — что именно его печать, его памфлетисты, его кузен[**], накопление им вооружения и закупки военного снаряжения распространили военную панику, явившуюся результатом его же собственных преднамеренно произнесенных слов. В самой этой статье нет ни одной строчки, ни одной фразы, которая содержала бы хоть намек на отказ его от претензий и от интриг в Италии и княжествах Молдавии

[*] — Хюбнера. *Ред.*
[**] — Бонапарт, Наполеон Жозеф Шарль Поль. *Ред.*

и Валахии[148]. Он *возможно* решил отступить перед общественным мнением Европы (за исключением Италии, но *не* исключая Франции); но возможно также, что он решил заговорить миролюбивым и умеренным языком, дабы покрыть гигантские биржевые спекуляции и обманным путем вызвать у тех, на кого он собирается напасть, роковую уверенность в безопасности. Во всем его новом манифесте от первого до последнего слова нет и намека на то, что это изменение не столько самой позиции, сколько тона, было обусловлено и оправдано каким-либо уменьшением спесивости Австрии, каким-либо прояснением дипломатического горизонта. Кажется невозможным, чтобы человек, готовящий громовой удар, проявлял такие миролюбивые настроения; но не надо забывать, что это все тот же Луи-Наполеон, который в самый канун рокового дня, когда он изменническим образом задушил Французскую республику, жаловался одному республиканцу по поводу цинизма тех, которые считали его способным замышлять подобную низость. Поэтому мы считаем этот наполеоновский манифест «заключением, которое ничего не заключает». Это только белая куча, которая может оказаться либо обыкновенной мукой, либо просто вывалянным в муке котом, но чем именно — покажет только будущее.

Комментарии лондонского «Times» имеют большее значение в той части, где дается совет сдержанно отнестись к манифесту, чем в той, где он открыто одобряется. Луи-Наполеон больше никогда не сможет быть полубогом биржи и буржуазии. Отныне он управляет только силой меча.

Написано К. Марксом около 8 марта 1859 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5593, 25 марта 1859 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

ВЗДОХ ИЗ ТЮИЛЬРИ

Император Наполеон, должно быть, действительно находится в очень плачевном положении, раз он не только написал весьма слезливое письмо, но и адресовал его сэру Ф. Хеду, который является далеко не самым жизнерадостным из мелких государственных деятелей. Сэр Ф. Хед напечатал это письмо в лондонском «Times»[149], далеко не самой оптимистической из британских газет, придав тем самым всему делу особую торжественность, невиданную до сих пор в веселой стране галлов, и даже здесь, в туманной Англии, это прозвучало погребальным звоном. «Мой дорогой сэр Фрэнсис», гласит нежное обращение императора к баронету мыльных пузырей[150], в конце письма также стоит: «Мой дорогой сэр Фрэнсис». Сэр Фрэнсис, по-видимому, и до этого писал какие-то письма в защиту императора в лондонский «Times». Можно не сомневаться, что эти письма были прекрасны, как это часто бывает с корреспонденциями в прессе, написанными по собственной инициативе, по мы что-то не припоминаем, чтобы мы их читали или хотя бы бегло просматривали, и уверены, что они почти или вовсе не обсуждались в имперском парламенте. Его величество Наполеон получил эти произведения от автора, и так как великие люди часто бывают благодарны за поднесенные им ремни для правки бритв или большие головки сыра, то и его величество Наполеон с невеселым видом благодарит сэра Фрэнсиса Хеда за его статьи. Императору очень приятно убедиться в том, что его еще не забыли в Англии, и он трогательно вспоминает те дни, когда лавочники этой страны предоставляли ему такой кредит, каким никогда еще не пользовался ни один бродячий принц[151].

«Теперь», — говорит он, — «я ясно вижу, какие хлопоты несет с собой власть, и самым неприятным, по-моему, является то, что тебя не понимают и о тебе неверно судят именно те, кого ты больше всего ценишь и с кем хотел бы жить в добром согласии».

Кроме того, он открыто заявляет, что свобода — это обман.

«Я глубоко сожалею», — говорит он, — «что свобода, подобно всему хорошему, имеет свои крайности! Почему вместо распространения правды она прилагает все усилия, чтобы затемнить ее? Почему вместо поощрения и развития благородных чувств она сеет недоверие и ненависть?»

И император, священную особу которого таким образом уязвила свобода, благодарит дорогого сэра Фрэнсиса за то, что он без колебаний, честно, бескорыстно и энергично выступил против подобных заблуждений.

Нисколько не входя в политические детали его нынешних горестей, мы не понимаем, почему его величество Наполеон III рассчитывает на то, что он постоянно будет в радужном и веселом настроении? Разве жизненный путь семьи, мнимым членом которой он является, был таким радостным и солнечным, что, когда он добивался трона Франции, когда рисковал во время своих миниатюрных вторжений[152] своей жизнью, свободой и теми деньгами, которые ему удавалось занять, он мог предполагать, что гонится за розовым венком сибаритских наслаждений, за расположением людей, за личными удовольствиями, за благословениями Джона Буля и за расположением Европы, для получения которого нужны вымогательства! Разве он никогда не слышал замечания «божественного Вильяма»:

«Да, не легка ты, доля венценосца!»*

Разве он не считал, что из всех людей именно он призван судьбой и долгом к тому, чтобы страдать мигренью в Тюильри ради блага всей нации? Зачем же он бросается на широкую грудь уважаемого сэра Ф. Хеда и плачет от того, что корона, которой он так страстно домогался, жмет его чело? И если он считает нужным писать в «Times», то почему он этого не делает сам, вместо того чтобы за него писал захудалый баронет? Ведь он неоднократно грубо пренебрегал этикетом. Разве он не мог бы так же поступить и теперь?

Жалкие плутни, если можно употребить такое непочтительное выражение по адресу высокопоставленных лиц, были излюбленным приемом дяди, а племянник, по-видимому, довольно успешно копирует его. Основатель династии имел обыкновение пространно разглагольствовать, обильно заливаясь слезами и почти впадая в сентиментальность, о своих страданиях,

* Шекспир. «Король Генрих IV», часть II, акт III, сцена первая. *Ред.*

мучениях, испытаниях, об опасностях, которым он подвергался, и в особенности о плохом обращении с ним «коварного Альбиона». Но мы полагаем, что ему ни разу не удалось поместить в лондонском «Times» письмо, адресованное англичанину. Наполеон I добивался того, что над ним от души смеялись в Англии и его столь же искренне жалели во Франции, но зато иногда и ему удавалось заставить плакать своих хихикающих соседей. Но если бы Наполеон I занимался только лишь писанием писем к современным ему сэрам Фрэнсисам Хедам и никогда не делал ничего лучшего, то его бы, вероятно, освободили от мучительных обязанностей в Тюильри гораздо раньше, чем это случилось на самом деле, когда он отправился в спокойную обитель Св. Елены.

Написано К. Марксом около 8 марта 1859 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5594, 26 марта 1859 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ПЕРСПЕКТИВЫ ВОЙНЫ ВО ФРАНЦИИ

Париж, 9 марта 1859 г.

В то время, когда военная тревога охватила все европейские биржи, я писал, что Бонапарт еще далек от того, чтобы окончательно решиться воевать, но что, каковы бы ни были его действительные намерения, контроль над событиями, по-видимому, ускользнет из его рук*. Но в настоящий момент, когда большая часть европейской прессы, кажется, склонна верить в мир, я уверен, что разразится война, если только какое-либо счастливое стечение обстоятельств не приведет к внезапному свержению узурпатора и его династии. Даже самый поверхностный наблюдатель должен признать, что в то время, как перспективы мира ограничиваются сферой разговоров, перспективы войны, напротив, опираются на материальные факторы. Военные приготовления, как во Франции, так и в Австрии, ведутся в небывалых размерах, и если мы примем во внимание безнадежное состояние обоих императорских казначейств, то мы и без пространных доводов сможем прийти к заключению, что затевается война и к тому же в недалеком будущем. Я позволю себе заметить, что Австрию преследует беспощадный рок, нити которого тянутся, пожалуй, до С.-Петербурга, рок, который всякий раз, когда ее финансы должны вот-вот окрепнуть, отбрасывает ее назад в пропасть финансовых бедствий с такой же неотвратимостью, с какой невидимая рука низвергала злосчастный камень, с таким трудом вкатываемый на гору Сизифом, всякий раз, когда обреченный мученик приближался к ее вершине. Так, после ряда лет непрерывных усилий, Австрии в 1845 г. удалось

* См. настоящий том, стр. 179—183. *Ред.*

приблизиться к тому положению, когда расходы покрываются доходами; но тут разразилась краковская революция[153] и принудила ее к чрезвычайным расходам, которые привели к катастрофе 1848 года[154]. В другой раз, в 1858 г., она оповестила мир о возобновлении Венским банком наличного расчета, как вдруг новогоднее поздравление[155], присланное из Парижа, резко оборвало все расчеты Австрии на экономию и обрекло ее на такие затраты и такое истощение ресурсов, которые заставляют даже самых трезвых австрийских государственных деятелей смотреть на войну как на последнее средство спасения.

Из всех газет, которые могут похвастать тем, что имеют не только местное значение, «Tribune» является, пожалуй, единственной, которая никогда не опускалась до того, чтобы, следуя моде, — не скажу, восхвалять характер Луи Бонапарта, ибо это было бы слишком плохо, — приписывать ему гениальность и исключительную силу воли. «Tribune» подвергла анализу его политические, военные и финансовые подвиги и, на мой взгляд, неопровержимо доказала, что его успех, столь поразительный в глазах толпы, объясняется сплетением обстоятельств, которых он не создал и в использовании которых никогда не поднимался выше посредственного профессионального игрока, одаренного чутьем к возможным компромиссам, неожиданным маневрам и coups de main*, но всегда остающегося покорным рабом случая и старательно скрывающего под железной маской гуттаперчевую душонку. Это как раз тот взгляд, которого с самого начала все великие державы Европы молча решили придерживаться по отношению к grand saltimbanque**, как прозвали его русские дипломаты. Понимая, что он был опасен потому, что поставил себя в опасное положение, они согласились позволить ему разыгрывать из себя преемника Наполеона, однако на том определенном, молчаливом условии, что он всегда будет довольствоваться только видимостью влияния и никогда не перешагнет границ, которые отделяют актера от изображаемого им героя. Некоторое время эта игра шла успешно, однако, дипломаты по своей обычной манере проглядели в своих мудрых расчетах один важный фактор — народ. Когда взорвались бомбы Орсини, герой Сатори сделал вид, что он принимает повелительную позу по отношению к Англии, а британское правительство выразило полную готовность разрешить ему подобное поведение; однако громкие требования народа оказали такое сильное давление на парла-

* — смелым ударам, решительным действиям. *Ред.*
** — великому скомороху. *Ред.*

мент, что не только был выброшен Пальмерстон[156], но и непременным условием хозяйничания на Даунинг-стрите[157] сделалась антибонапартистская политика. Бонапарт уступил, и с этого момента его внешняя политика представляет собой непрерывную цепь грубых промахов, унижений и неудач. Достаточно указать на его план иммиграции свободных негров и на его португальские авантюры[158]. Между тем, покушение Орсини привело к возрождению деспотизма внутри Франции, в то время как торговый кризис, превращенный шарлатанством из острой лихорадки в хроническую болезнь, лишил трон этого парвеню единственного реального базиса, на который он опирался, а именно — материального процветания. В рядах армии появились признаки недовольства; раздались сигналы, свидетельствующие о том, что буржуазия начинает бунтовать; угрозы личной мести со стороны соотечественников Орсини лишили узурпатора сна. Тогда узурпатор внезапно попробовал создать для себя новое положение, повторив mutatis mutandis* резкий окрик Наполеона по адресу английского посла после Люневильского мира[159] и бросив от имени Италии вызов Австрии. Не по своей собственной воле, а в силу обстоятельств предпринял столь отчаянно смелый шаг этот человек, воплощенная осторожность, фельдмаршал компромиссов, герой ночных сюрпризов.

Нет сомнения, что на этот шаг его толкнули ложные друзья. Пальмерстон, который в Компьене льстиво уверял его в симпатиях английских либералов, демонстративно выступил против него при открытии парламента[160]. Россия, которая подстрекала его тайными нотами и открытыми газетными статьями, по-видимому, вступила в дипломатические pourparlers** со своим австрийским соседом. Но жребий был брошен, призыв к войне раздался, и Европа была, так сказать, вынуждена пересмотреть прошлое, настоящее и будущее удачливого шулера, дожившего наконец до итальянской кампании, которой его дядя начал свою карьеру. В декабрьские дни он восстановил наполеонизм по Франции, но итальянской кампанией, по-видимому, решил восстановить его во всей Европе. Он имел в виду не итальянскую войну, а унижение Австрии, достигнутое без всякой войны. Успехи, которые его тезка добыл дулами пушек, он намеревался вырвать при помощи страха перед революцией. Совершенно очевидно, что он предполагал не воевать, а лишь добиться succes d'estime***. В противном случае он начал бы с дипломатических переговоров и кончил войной, а не наоборот. Прежде чем

* — с соответствующими изменениями. *Ред.*
** — переговоры. *Ред.*
*** — успеха в силу одной только репутации. *Ред.*

говорить о войне, он приготовился бы к ней, словом, не поставил бы телегу впереди лошади.

Однако он сильно ошибся в державе, с которой затеял ссору. Англия, Россия и Соединенные Штаты могут далеко пойти в отношении кажущихся уступок, не теряя при этом ни йоты своего действительного влияния; но Австрия — в особенности когда дело идет об Италии — не может отклониться от своего пути, не подвергая опасности свою собственную империю. Поэтому Бонапарт получил от Австрии один ответ: приготовления к войне, что принудило его приняться за то же самое. Совершенно независимо от его воли и прямо вопреки его ожиданиям притворная ссора приняла постепенно размеры столкновения не на жизнь, а на смерть. Более того, все получилось не так, как ему хотелось. Во Франции он натолкнулся на пассивное, но упорное сопротивление, а острое желание наиболее заинтересованных его друзей удержать его от безрассудных действий не оставляли сомнения в том, что они не верят в его наполеоновские дарования. В Англии либеральная партия отвернулась от него и осудила его претензии на то, чтобы рассматривать свободу как статью французского экспорта. Единодушно проявленное к нему пренебрежение в Германии доказало ему, что каковы бы ни были представления косного французского крестьянства в 1848 г., по другую сторону Рейна существует твердое убеждение, что он только поддельный Наполеон и что почтение, оказываемое ему германскими правителями, является простой условностью, словом, что он такой же Наполеон «благодаря любезности», как младшие сыновья английских герцогов — «лорды благодаря любезности»[161].

Неужели вы всерьез думаете, что затруднения, которые в январе 1859 г. привели этого человека к осложнениям с Австрией, будут преодолены смешным и постыдным reculade[*], или же, что сам герой Сатори считает, что он улучшил свое безнадежное положение крупнейшим и самым недвусмысленным поражением, которое он когда-либо потерпел? Он знает, что французские офицеры даже для вида не скрывают своего крайнего раздражения по поводу его смехотворного вранья в «Moniteur» о нынешних военных приготовлениях; он знает, что парижский лавочник уже начинает проводить параллель между отступлением Луи-Филиппа перед европейской коалицией в 1840 г.[162] и grande retirade[**] Луи Бонапарта в 1859 году; он знает, что буржуазия охвачена явной, хотя и приглушенной яростью, в связи с тем, что должна подчиняться авантюристу,

[*] — отступлением, отходом. *Ред.*
[**] — широким отступлением. *Ред.*

который оказался еще и трусом; он знает, что в Германии господствует нескрываемое презрение к нему и что еще несколько шагов в том же направлении сделают его посмешищем всего мира. «N'est pas monstre qui veut»*, — сказал Виктор Гюго, но голландскому авантюристу нужна не просто репутация Квазимодо, ему надо прослыть за Квазимодо, внушающего ужас. Шансы, на которые он в настоящее время рассчитывает, чтобы начать войну всерьез, — а он знает, что должен начать ее, — таковы: Австрия не сделает ни малейшей уступки во время предстоящих дипломатических переговоров и тем самым даст ему довольно благовидный предлог для того, чтобы прибегнуть к оружию; Пруссия в своем ответе на австрийскую ноту от 22 февраля[163] проявила полное равнодушие, и антагонизм между обеими этими германскими державами может быть усилен. Внешняя политика Англии после падения кабинета Дерби перейдет в руки лорда Пальмерстона. Россия возьмет реванш над Австрией, сама не рискуя ни одним солдатом и ни одним рублем, а главное, она создаст в Европе осложнения, которые позволят ей получить все выгоды от тех сетей, которые она расставила Высокой Порте в Дунайских княжествах, Сербии и Черногории. Наконец, в Италии начнется пожар в то время, как дипломатический дым окутает конференцию в Париже, и народы Европы предоставят восставшей Италии то, в чем они отказывали ее самозванному защитнику. Таковы шансы, которые, как надеется Луи Бонапарт, еще раз направят ладью его счастья в открытое море. О том, какие муки страха приходится ему сейчас выносить, можно заключить хотя бы из того факта, что на недавнем заседании совета министров с ним случился сильный приступ рвоты. Ужас перед местью со стороны итальянцев стоит не на последнем месте в числе факторов, неумолимо толкающих его на войну. В том, что судьи итальянского Vehme[164] подстерегают его, он снова удостоверился три недели тому назад. В саду Тюильри был схвачен какой-то человек; его обыскали и нашли при нем револьвер и две или три ручные гранаты с затравками вроде тех, какие были найдены у Орсини. Разумеется, его арестовали и отвели в тюрьму. Он назвал итальянскую фамилию и говорил с итальянским акцентом. Он сказал, что может сообщить полиции много сведений, ибо он связан с тайным обществом. Однако в течение двух или трех дней он хранил полное молчание и наконец попросил поместить в его камеру еще кого-нибудь, заявив, что он не может и не хочет ничего говорить, пока его будут держать в одиночном заключении.

* — «не всякому дано быть чудовищем» (Гюго. «Наполеон Малый»). *Ред.*

Ему дали компаньона в лице одного из тюремных чиновников, вроде архивариуса или библиотекаря. Тогда итальянец раскрыл или сделал вид, что раскрывает много тайн. Однако по истечении нескольких дней допрашивавшие его лица вернулись и заявили ему, что, по наведенным справкам, все его сообщения не подтверждаются фактами и что он должен говорить откровенно. Итальянец обещал сделать это на следующий день. На ночь его оставили в покое. Однако около четырех часов утра он встал, взял бритву своего соседа и перерезал себе горло. Вызванный врач нашел, что рана нанесена с такой силой, что смерть, должно быть, последовала мгновенно.

Написано К. Марксом около 11 марта 1859 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5598, 31 марта 1859 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ПЕРСПЕКТИВЫ ВОЙНЫ В ПРУССИИ

Берлин, 15 марта 1859 г.

Войну у нас считают неизбежной, но вопрос о том, какую роль должна сыграть Пруссия в предстоящей борьбе между Францией и Австрией, является предметом общего спора, и ни правительство, ни общественное мнение, по-видимому, не пришли ни к какому определенному мнению. Один факт должен был поразить вас, а именно то, что единственные воинственные петиции, присланные в Берлин, прибыли не из собственно Пруссии, а из Кёльна, столицы Рейнской Пруссии. Однако не следует придавать большого значения этим петициям, ибо они, очевидно, являются делом католической партии, которая, как в Германии, так и во Франции и Бельгии, конечно, солидаризуется с Австрией. В одном отношении можно сказать, что исключительное единодушие охватило всю Германию. Никто не высказывается в пользу Луи-Наполеона, никто не проявляет какой бы то ни было симпатии к «освободителю», наоборот, против него ежедневно изливается настоящий поток ненависти и презрения. Католическая партия считает его мятежником против папы и, разумеется, проклинает святотатственный меч, который будет вот-вот направлен против державы, своим конкордатом с Римом снова подчинившей значительную часть Европы папскому престолу[165]. Феодальная партия, хотя она и делает вид, что ненавидит французского узурпатора, на самом деле ненавидит французскую нацию и льстит себя надеждой, что посредством праведной войны против всей этой нации ужасные новшества, ввезенные из страны Вольтера и Жан Жака Руссо, будут выметены прочь. Торговая и промышленная буржуазия, некогда прославлявшая Луи Бонапарта как

великого «спасителя порядка, собственности, религии и семьи», ныне не скупится на обличения безрассудного нарушителя мира, который, не желая довольствоваться подавлением бьющих через край сил Франции и усмирением смельчаков из числа социалистов полезными занятиями в Ламбессе и Кайенне[166], вбил себе в голову сумасбродную идею понизить курс ценных бумаг, расстроить ровный ход деловой жизни и снова пробудить революционные страсти. Широкие массы народа, по крайней мере, чрезвычайно довольны тем, что после вынужденного молчания, продолжавшегося годами, им разрешается дать волю своей ненависти к человеку, в котором они видят главную причину неудач революционного движения 1848—1849 годов. Вызывающих гнев воспоминаний о наполеоновских войнах и скрытого подозрения, что война против Австрии будет означать замаскированный ход против Германии, совершенно достаточно, чтобы придать произносимым против Бонапарта и вызванным самыми различными мотивами филиппикам некоторую видимость общенационального чувства. Глупая ложь в «Moniteur», пустозвонные памфлеты, сочиненные литературными кондотьерами императора, а также явные признаки колебаний, растерянности и даже страха, проявляемые лисой, которая вынуждена играть роль льва, — все это переполнило чашу и превратило всеобщую ненависть во всеобщее презрение.

Однако было бы величайшей ошибкой делать вывод, будто объединенная Германия станет на сторону Австрии, потому что вся Германия настроена против Бонапарта. Во-первых, мне нет надобности напоминать вам о застарелом и неизбежном антагонизме между австрийским и прусским правительствами, антагонизме, который вряд ли смягчат воспоминания о Варшавской конференции, о бескровном Бронцелльском сражении, об австрийской вооруженной прогулке в Гамбург и Шлезвиг-Гольштейн или даже о русско-турецкой войне[167]. Вы знаете, какой сдержанностью проникнуты последние манифесты прусского правительства. Как европейская держава, говорится в них, Пруссия в самом деле не видит причин, в силу которых она должна была бы высказаться в пользу той или другой стороны, а в качестве германской державы она сохраняет за собой право исследовать вопрос, насколько австрийские претензии в Италии соответствуют истинно германским интересам. Пруссия пошла даже еще дальше. Она объявила, что сепаратные договоры Австрии с Пармой, Моденой, Тосканой и Неаполем, а следовательно и поставленный на обсуждение вопрос об отмене этих договоров, должны рассматриваться с общеевропейской точки зрения, и отнюдь не являются вопросом, касающимся только Герман-

ского союза, Пруссия открыто выступила против Австрии в дунайском вопросе. Она отозвала из Союзного сейма во Франкфурте своего уполномоченного*, очевидно, слишком решительного сторонника австрийских интересов[168]. Наконец, чтобы отвести от себя подозрения в непатриотических действиях, она последовала примеру малых германских государств и запретила вывоз лошадей; однако, чтобы удалить из этого запрещения антифранцузское жало, она распространила запрещение на весь Таможенный союз[169], так что оно направлено против Австрии так же, как и против Франции. Пруссия является все еще той самой державой, которая некогда заключила сепаратный договор в Базеле[170], а в 1805 г. отправила в лагерь Наполеона Хаугвица с двумя посланиями: одно из этих посланий следовало передать императору в случае, если бы Аустерлицкое сражение было неудачным, другое же содержало раболепные поздравления чужеземному завоевателю. Независимо от традиционной фамильной политики, которой неизменно придерживается династия Гогенцоллернов, Пруссия еще запугана Россией, которая, как ей известно, тайно поддерживает хорошие отношения с Бонапартом и даже толкнула его на роковое заявление в день Нового года. Если мы видим, что такой орган, как «Neue Preusische Zeitung»[171], берет под свою защиту короля Пьемонта против Франца-Иосифа, то не надо большой проницательности для определения, с какой стороны дует ветер. Чтобы не оставалось никаких сомнений, г-н фон Мантёйфель выпустил анонимный памфлет, проповедующий русско-французский союз против союза австро-английского[172].

Однако действительная сущность вопроса заключается не столько в намерениях правительства, сколько в симпатиях народа. Я должен вам сказать, что, за исключением католической партии, феодальной партии и кое-каких остатков глупых тевтонских крикунов 1813—1815 гг., весь немецкий народ, а население Северной Германии в особенности, чувствует, что Германия стоит перед очень трудной дилеммой. Решительно становясь на сторону Италии против Австрии, немецкий народ в то же время не может не стать на сторону Австрии против Бонапарта. Конечно, если бы нам приходилось судить со слов аугсбургской «Allgemeine Zeitung», то мы пришли бы к единодушному убеждению, что Австрия является кумиром каждого немецкого сердца. Я позволю себе в нескольких словах изложить теорию, выдвинутую этой газетой. За исключением германской, все нации Европы разлагаются. Франция распадается;

* — Бисмарка. *Ред.*

Италия должна испытывать особое счастье от того, что она превращена в немецкую казарму; славянским народам недостает нравственных качеств, необходимых для того, чтобы самим управлять собой; Англия развращена коммерцией. Таким образом, остается прочной только одна Германия, а Австрия является представительницей Германии в Европе. Одной рукой она держит Италию, другой — славян и мадьяр под облагораживающим влиянием германской Sittlichkeit* (это слово переводу не поддается). Охраняя свое отечество от русского вторжения тем, что она держит в своей власти Галицию, Венгрию, побережье Далмации и Моравию и собирается оккупировать Дунайские княжества, Австрия в то же время охраняет Германию — это сердце человеческой цивилизации — от вредного влияния французского морального разложения, легкомыслия и честолюбия тем, что удерживает за собой Италию. Впрочем, мне нет надобности говорить вам, что за пределами Австрии эту теорию никогда никто не признавал, кроме некоторых баварских Krautjunkers**, которые с таким же, примерно, основанием претендуют на роль представителей германской цивилизации, с каким древние беотийцы[173] претендовали на роль представителей эллинского гения. Однако существовал, да и в настоящий момент еще существует, другой, более прозаический взгляд на дело, исходящий из тех же самых кругов. Утверждают, что Рейн нужно защищать на По и что австрийские позиции на По, Адидже и Минчо образуют естественную военную границу Германии против французского вторжения. Выдвинутая в 1848 г. в германском Национальном собрании во Франкфурте генералом Радовицем, эта доктрина одержала верх и побудила собрание встать на сторону Австрии против Италии; но над этим так называемым революционным парламентом, который не остановился перед тем, чтобы облечь австрийского эрцгерцога исполнительной властью[174], уже давно произнесен приговор. Немцы начинают понимать, что quid pro quo*** ввело их в заблуждение, что военные позиции, необходимые для защиты Австрии, вовсе не нужны для защиты Германии, и что французы с таким же, если не с большим правом, могут рассматривать Рейн своей естественной военной границей, как это делают немцы по отношению к По, Минчо и Адидже.

Написано К. Марксом 15 марта 1859 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5598, 31 марта 1859 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

* — приблизительный смысл: добродетельности, нравственности. *Ред.*
** — заскорузлых юнкеров. *Ред.*
*** — смешение одного с другим. *Ред.*

К. МАРКС

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ

Когда Луи-Наполеон в своем стремлении превзойти менее удачливого венецианского дожа Марино Фальеро добрался до трона с помощью клятвопреступления и измены, ночного заговора и арестов в постелях тех членов собрания, которых нельзя было подкупить, опираясь на огромную военную силу, выведенную на улицы Парижа, царствующие государи и аристократия Европы, крупные землевладельцы, промышленники, рантье и биржевые дельцы, почти все без исключения, ликовали по поводу его успеха, словно это был их собственный успех. «За преступления отвечает он», — в один голос говорили они, самодовольно хихикая, — «а плоды их принадлежат нам. Луи-Наполеон царствует в Тюильри, мы же еще более надежно и самовластно царствуем в наших владениях, на фабриках, на бирже и в наших конторах. Долой социализм! Vive L'Empereur![*]».

Удачливый узурпатор пустил в ход все свое искусство, чтобы вслед за военщиной привлечь под свое знамя богачей и власть имущих, скопидомов и спекулянтов. «Империя — это мир», — восклицал он, и миллионеры почти боготворили его. «Наш дражайший сын во Иисусе Христе» — любовно называл его римский папа; а римско-католическое духовенство (pro tempore[**]) приветствовало его, всячески выражая свое доверие и преданность. Поднимались курсы ценных бумаг; появились на свет и расцвели банки Credit Mobilier; одним росчерком пера наживались миллионы на новых железных дорогах, на

[*] — Да здравствует император! *Ред.*
[**] — пока что, временно. *Ред.*

новой торговле рабами и на новых, самых разнообразных спекуляциях. Повернувшись спиной к прошлому, британская аристократия восторженно приветствовала нового Бонапарта и заискивала перед ним. Он нанес семейный визит королеве Виктории[175], лондонское Сити устроило в честь его празднество, парижская и лондонская биржи чокнулись друг с другом; в среде апостолов биржевой спекуляции раздавались всеобщие поздравления, все обменивались рукопожатиями и питали уверенность, что золотой телец, наконец, превращен в настоящего бога, а его Аароном стал новый французский самодержец.

Прошло семь лет, и все изменилось. Наполеон III произнес слово, которое никогда нельзя будет взять назад или забыть. Независимо от того, сам ли он мчится навстречу своей судьбе столь же легкомысленно, как его предшественник в Испании и России, или всеобщий негодующий ропот царствующих особ и буржуазии Европы вынуждает его на временное подчинение их воле, — чары развеяны навсегда. Уже давно все они знали, что он негодяй, но они воображали, что он негодяй услужливый, податливый, послушный и способный к благодарности; теперь же они видят свою ошибку и раскаиваются в ней. Он все время использовал *их* в своих интересах, между тем как они воображали, что они используют его. Он любит их точь-в-точь, как любит свой обед и свое вино. До сих пор они служили ему известным образом; теперь они должны служить ему иначе или должны быть готовыми встретить его месть. Если и впредь «империя — это мир», то это мир на Минчо или на Дунае, мир с его императорскими орлами, победно развевающимися над По и Адидже, а то и мир на Рейне и Эльбе, это мир с железной короной на его челе[176], с Италией в качестве французской сатрапии и с Великобританией, Пруссией и Австрией в качестве простых сателлитов, вращающихся вокруг Франции и освещенных этим центральным светилом, этой новой империей Карла Великого.

Конечно, скрежет зубовный раздается в королевских дворцах, но он раздается и в залах банкиров и торговых магнатов. Ведь 1859 г. начался при предзнаменованиях, которые обещали возвращение золотых дней 1836 и 1856 годов[177]. Из-за сильно затянувшегося застоя фабричного производства исчерпаны запасы металлов, товаров и фабричных изделий. Многочисленные банкротства заметно очистили атмосферу торговли. Суда снова стали в цене; опять начали строиться и наполняться товарные склады. Ожили биржи, и миллионеры решительно повеселели; словом, никогда еще не было более блестящей торговой перспективы, более ясного, сулящего удачу неба.

Одно-единственное слово изменило все это; и это слово было произнесено героем coup d'etat*, избранником декабря, спасителем общества. Оно было сказано австрийскому послу г-ну Хюбнеру, без достаточного повода, хладнокровно, совершенно предумышленно, и оно явно указывало на заранее принятое намерение затеять ссору с Францем-Иосифом или запугиванием подвергнуть его унижению, более для него гибельному, нежели три проигранных сражения. Хотя это слово было явно рассчитано на то, чтобы произвести мгновенный эффект на бирже в интересах спекулятивных биржевых сделок, оно выдало также твердое намерение перекроить карту Европы. Австрия должна отказаться от тех номинально независимых итальянских государств, которые она фактически оккупирует ныне в силу договоров, заключенных с согласия их правителей, иначе Франция и Сардиния займут Милан и будут угрожать Мантуе такой армией, какой генерал Бонапарт никогда не имел в своем распоряжении в Италии. Папа должен устранить злоупотребления клерикального режима в Папской области, — злоупотребления, которые, кстати сказать, долго поддерживались французским оружием, — или последовать за мелкими деспотами Тосканы, Пармы, Модены и т. п. в их стремительном бегстве в Вену, где они рассчитывают быть в безопасности[178]. Ротшильды оплакивают 11 миллионов долларов, которые они потеряли вследствие обесценения бумаг, вызванного угрозой Бонапарта Хюбнеру, и решительно отказываются от утешений. Фабриканты и купцы горестно отдают себе отчет в том, что ожидавшаяся ими жатва 1859 г., как видно, должна уступить место «жатве смерти». Повсюду опасения, недовольство и негодование потрясают опору, на которой всего несколько месяцев тому назад столь надежно покоился трон героя декабря.

Повергнутый, разбитый кумир уже никогда не может быть восстановлен на своем пьедестале. Он может отступить в страхе перед бурей, вызванной им самим, и снова получить благословение папы и любезности британской королевы; но и то и другое будет только на словах. И папа и королева знают его теперь таким, каким народы уже давно знали его, — безрассудным игроком, отчаянным авантюристом, который так же охотно станет играть королевскими костями, как и всякими другими, если только игра сулит ему выигрыш. Они считают его человеком, которому, подобно Макбету, пробравшемуся к короне кровавым путем, легче идти вперед, чем вернуться к миру и спокойствию. С момента своего демонстративного выступления

* — государственного переворота. *Ред.*

против Австрии Луи-Наполеон стоял и стоит одиноко среди коронованных особ. Молодой русский император* еще может, ради своих собственных целей, казаться его другом; но это только видимость. Наполеон I в 1813 г. был прототипом Наполеона III в 1859 году. И этот последний, вероятно, так же устремится навстречу своему року, как устремился в свое время первый.

Написано К. Марксом около 18 марта 1859 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5598, 31 марта 1859 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

* — Александр II. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПРЕДСТОЯЩИЙ МИРНЫЙ КОНГРЕСС

Готовность, с которой Луи-Наполеон согласился на предложение о созыве конгресса для обсуждения итальянского вопроса, явилась скорее дурным, чем хорошим предзнаменованием для мира в Европе. Если монарх, каждое действие которого за последние шесть месяцев несомненно приближало войну, вдруг делает крутой поворот и хватается за предложение, по внешнему виду рассчитанное на сохранение мира, то мы сразу придем к заключению, что за кулисами скрываются вещи, которые, будь они известны, устранили бы кажущуюся непоследовательность его действий. Так и обстоит дело с европейским конгрессом. То, что на первый взгляд казалось попыткой сохранить мир, теперь оказывается новым предлогом для того, чтобы выиграть время в целях завершения военных приготовлений. Конгресс был предложен только недавно, и в то время как еще ничего не решено относительно места, где он должен собраться, а также и условий, на которых он должен происходить, в то время как его открытие, если ему вообще суждено состояться, откладывается по меньшей мере до конца апреля, — французская армия получила приказание приступить к формированию четвертого батальона в каждом полку, а шесть французских дивизий должны быть приведены в боевую готовность. На этих фактах стоит остановиться.

Французская пехота, кроме стрелков, зуавов, иностранного легиона, туземных алжирских отрядов и других специальных частей, состоит из 8 полков гвардии и 100 линейных полков. Эти 100 линейных полков в мирное время состоят из трех батальонов каждый, двух строевых и одного учебно-запасного баталь-

она; таким образом, полк насчитывает под ружьем от 1500 до 1800 человек. Но, кроме того, он включает в себя такое же или даже большее число людей, находящихся в отпуску, которые, когда полк переводится на положение военного, времени, обязаны тотчас присоединиться к своей части. В этом случае общая численность трех батальонов будет составлять от 3600 до 4000 человек. Так как для учебно-запасного батальона оставляется от 500 до 600 человек, то два строевых батальона должны насчитывать от 1500 до 1700 человек каждый; такая численность делает батальон совершенно неманевренным. Чтобы все эти обученные солдаты могли быть эффективно использованы в военных действиях, необходимо сразу же образовать в каждом полку новый строевой батальон, благодаря чему численный состав каждого батальона как тактической единицы сокращается приблизительно до 1000 человек, что и является в настоящее время средней цифрой, принятой в большинстве европейских армий. Формирование четвертых батальонов представляет поэтому необходимый предварительный шаг для приведения французской армии в боевую готовность; только тогда армия будет иметь организацию, необходимую для того, чтобы вместить имеющееся в наличии количество обученных людей. Это обстоятельство придает особое значение вышеупомянутому формированию четвертых батальонов: их наличие означает готовность к войне. Способ создания этих четвертых батальонов весьма прост: пятая и шестая роты трех существующих батальонов (каждый в шесть рот) объединяются в четвертый батальон, а из остающихся четырех рот выделяется необходимое число офицеров и солдат для образования в каждом батальоне двух новых рот. Новый батальон превращается в учебно-запасной, между тем как третий преобразуется в строевой. Вместе с гвардией, стрелками и прочими специальными частями число батальонов во французской армии будет в таком случае равняться приблизительно 480 — количество достаточное, чтобы вместить около 500000 человек; если этого оказалось бы недостаточно, то четвертые батальоны могли бы быть преобразованы в строевые, а вновь сформированные пятые батальоны стали бы учебно-запасными. Такой процесс действительно происходил в конце Крымской войны, когда армия насчитывала 545 батальонов.

Что этот шаг французского правительства действительно не означает ничего другого, кроме непосредственной готовности к войне, доказывается другой мерой, последовавшей непосредственно за первой. Шесть дивизий получили приказ перейти на положение военного времени, т. е. отозвать своих солдат из отпуска. Французская пехотная дивизия состоит из четырех

линейных полков, или двух линейных бригад и одного батальона пеших стрелков, или в целом 13 батальонов, что составляет около 14000 человек. Хотя номера этих шести дивизий не названы, нетрудно догадаться, к каким из них относится приказ. Тут имеются в виду в первую очередь четыре дивизии, ныне уже находящиеся на Роне, среди них — дивизия генерала Рено, только что вернувшаяся из Алжира; далее дивизия Бурбаки, ныне получившая приказание погружаться в Алжире на суда; и, наконец, одна дивизия парижской армии, которая, как сообщают, получила приказ быть наготове к выступлению в любой момент. Эти шесть дивизий имеют в своем составе около 85000 пехоты, что с соответствующей артиллерией, кавалерией и обозом составит армию, пожалуй, более чем в 100000 человек. Эти дивизии можно рассматривать как основное ядро военных сил, которые в предстоящей кампании должны образовать итальянскую армию.

Ввиду всеобщего желания мира во Франции, сильного национального и антифранцузского движения в Германии и позиция Англии, Луи-Наполеон, по-видимому, не решался предпринять такой шаг, как мобилизация своей армии, не сделав в то же время чего-либо такого, что заставило бы людей поверить, будто он не решил бесповоротно начать войну, а был бы рад всякой возможности улучшения положения Италии, которое могло бы быть достигнуто с помощью конгресса. История военных приготовлений подтверждает эту точку зрения и вскрывает новые причины того, почему такая мистификация входила в его планы.

Едва лишь новогодний прием в Тюильри показал, что его намерения направлены к тому, чтобы вызвать осложнения с Австрией, как началось то, что мы могли бы назвать гонкой вооружений, между Францией и Сардинией, с одной стороны, и Австрией — с другой. Однако эта последняя держава сразу доказала, что она опередила своих соперников. С поразительной быстротой целый армейский корпус в несколько дней был переброшен в Италию, и когда сообщения о сосредоточении французских и сардинских войск приняли еще более угрожающий характер, то солдаты, приписанные к итальянской армии в находившиеся в отпуску, в три недели были собраны и возвращены к своим полкам, между тем как отпускники и рекруты из итальянских провинций были тоже призваны и отправлены в гарнизоны к своим частям внутри страны. Порядок и быстрота, с которыми все это было выполнено, являются лучшим доказательством совершенства австрийской военной системы и полной боеспособности австрийской армии. Правда, когда-то австрийцы

слыли медлительными, педантичными и неповоротливыми, но эта репутация была уже с достаточной убедительностью Опровергнута тем, как Радецкий использовал свои войска в 1848— 1849 гг., однако такого бесперебойного функционирования механизма и такой боевой готовности в кратчайший срок едва ли можно было ожидать. Здесь не требовалось никаких новых формирований; строевые батальоны в Италии должны были только получить своих солдат запаса, чтобы достигнуть полной численности, между тем как преобразование учебно-запасных батальонов в строевые и организация новых учебно-запасных подразделений происходит в глубоком тылу и никоим образом не вызывает отсрочки в укомплектовании строевых частей армии.

Надо признать, что и Сардинии не потребовалось никаких новых формирований. Ее организация была вполне удовлетворительной. Иначе обстояло дело у французов. Процесс мобилизации потребовал значительного времени. Создание четвертых батальонов должно было предшествовать отозванию солдат из отпусков. Кроме того, Луи-Наполеон, в случае нападения на Австрию, должен был предвидеть возможность войны с Германским союзом. Таким образом, в то время как Австрия, открытая для нападения только на своей итальянской или южной границе и прикрытая с запада Германией, могла бросить в Италию весьма значительную часть своих военных сил и, в случае надобности, сразу начать войну, французское правительство, прежде чем решиться на наступательные операции, должно было сосредоточить все свои военные силы; поэтому надо было сначала провести одновременно новый набор рекрутов 1859 г. и 50000 добровольцев, на которых вообще рассчитывает Франция в случае войны. Все это потребовало бы значительного времени; и поспешное начало кампании было, таким образом, отнюдь не в интересах Луи-Наполеона. Действительно, если мы обратимся к знаменитой статье о французской армии в «Constitutionnel», которая, как помнят читатели, исходила непосредственно от самого Наполеона[*], то мы найдем, что время, когда французская армия достигнет приблизительно 700000 человек, он определял концом мая. Значит, до этого времени Австрия имела бы относительное преимущество перед Францией; и поскольку дело явно и быстро шло к открытому разрыву, мирный конгресс явился превосходным средством для того, чтобы выиграть время.

Необходимо рассмотреть еще один момент. В настоящее время не может быть сомнения в том, что к этому делу приложила свою руку Россия. Само собой разумеется, что она стре-

---

[*] См. настоящий том, стр. 189—195. *Ред.*

мится унизить Австрию; также очевидно и то, что замешательство в Западной Европе дает ей свободу действий на Дунае, чтобы вернуть себе то, что она потеряла по Парижскому миру; что она имеет свои собственные планы в отношении румынских княжеств, Сербии и славянского населения Турции, это доказывается ее недавней политикой в этих странах[179]. Лучшее, что она может сделать, чтобы отомстить Австрии, — это оживить, пока Австрия будет вести войну, панславистское движение среди миллионов австрийских славян. Чтобы выполнить все это, а если представится возможность, то и больше этого, она тоже должна сосредоточить свои войска и подготовить для этого почву; однако на все это ей потребуется время. Кроме того, чтобы занять пассивно враждебную позицию по отношению к Австрии, необходим предлог, а удобный случай затеять легкую ссору нигде нельзя так легко найти, как на подобном конгрессе. Поэтому этот конгресс, если только он когда-либо состоится, окажется не чем иным, как «самообольщением, посмешищем и ловушкой», вместо того, чтобы стать серьезной или, по крайней мере, честной попыткой сохранить мир; и едва ли можно сомневаться, что все великие державы в настоящее время вполне убеждены в том, что все это дело окажется пустой формальностью, которую необходимо проделать до конца, чтобы отвлечь внимание публики и скрыть подлинные замыслы, которые еще рано предавать гласности.

Написано Ф. Энгельсом в начале апреля 1859 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5618, 23 апреля 1859 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

СИЛЬНОЕ РАССТРОЙСТВО ФИНАНСОВ ИНДИИ

Лондон, 8 апреля 1859 г.

I

Финансовый кризис в Индии, являющийся наряду со слухами о войне и предвыборной агитацией главной темой, которая поглощает внимание английской общественности, следует рассматривать с двоякой точки зрения: он влечет за собой наряду с временными также и постоянные затруднения.

14 февраля лорд Стенли внес в палату общин билль, уполномочивающий правительство выпустить в Англии заем в 7000000 ф. ст. для покрытия чрезвычайных расходов индийской администрации в текущем году. Недель шесть спустя самодовольное торжество Джона Буля по поводу того, что индийское восстание[180] обошлось ему довольно дешево, было грубо нарушено прибытием континентальной почты, донесшей до его ушей вопль калькуттского правительства о тяжелом финансовом положении Индии. 25 марта в палате лордов поднялся лорд Дерби и заявил, что сверх займа в 7000000 ф. ст., который ныне предложен на утверждение парламента, потребуется еще новый индийский заем в 5000000 ф. ст. для покрытия потребностей нынешнего года, и что даже в этом случае останутся известные претензии на компенсации и на призовые деньги[181], достигающие по крайней мере суммы в 2000000 ф. ст., которые придется оплатить из каких-то, пока еще неизвестных, источников. Чтобы позолотить пилюлю, лорд Стенли в своем первом заявлении позаботился только о нуждах индийского казначейства в Лондоне, предоставив британскому правительству в Индии обходиться собственными средствами, хотя из полученных депеш он не мог не знать, что средства эти далеко не достаточны. Не считая расходов собственно британского правительства или

индийской администрации в Лондоне, лорд Каннинг оценивал дефицит бюджета правительства в Калькутте на текущий 1859/1860 г. в 12000000 ф. ст., исходя из прироста обычных доходов на сумму в 800000 ф. ст. и сокращения военных расходов на сумму в 2000000 фунтов стерлингов. Нужда в деньгах правительства в Калькутте дошла до того, что оно прекратило выплату жалования части своих гражданских служащих; его кредит настолько упал, что пятипроцентные правительственные бумаги котировались со скидкой в 12% с их нарицательной стоимости, и расстройство его финансов дошло до того, что спасти его от банкротства можно будет только переправив в течение нескольких месяцев из Англии в Индию морем серебро на 3000000 фунтов стерлингов. Таким образом, выясняются три обстоятельства. Во-первых, первоначальное заявление лорда Стенли было «уверткой»: не только не были приняты в расчет все индийские обязательства, но не было даже упомянуто о непосредственных потребностях индийского правительства в Индии. Во-вторых, в течение всего восстания, если не считать отправки из Лондона в Индию серебра на сумму в 1000000 ф. ст. в 1857 г., калькуттскому правительству было предоставлено самому изворачиваться, чтобы покрыть из собственных источников большую часть чрезвычайных военных расходов, которые, конечно, надлежало оплачивать в Индии, расходов по размещению в казармах дополнительно около 60000 европейских солдат, по компенсации разграбленных ценностей, а также доходов местной администрации, полностью исчезнувших в результате восстания. В-третьих, помимо нужд индийского ведомства в Англии, имеется еще дефицит в 12000000 ф. ст., который должен быть покрыт в нынешнем году. С помощью операций, о сомнительном характере которых мы распространяться не будем, эта сумма должна быть уменьшена до 9000000 ф. ст., из которых 5000000 ф. ст. должны быть добыты путем займа в Индии, а 4000000 ф. ст. путем займа в Англии. Из этой последней части 1000000 ф. ст. в серебряных слитках был уже отправлен морем из Лондона в Калькутту и еще 2000000 ф. ст. должны быть отправлены в наикратчайший срок.

Из этого краткого отчета можно видеть, что английские хозяева весьма недобросовестно поступили с правительством Индии, покинув его в тяжелом положении только для того, чтобы пустить Джону Булю пыль в глаза; с другой же стороны, следует признать, что финансовые операции лорда Каннинга превосходят по своей неумелости даже его военные и политические подвиги. Вплоть до конца января 1859 г. ему удавалось добывать необходимые средства с помощью займов в Индии,

выпускаемых частью в виде правительственных ценных бумаг, частью в виде казначейских векселей. Однако как ни странно, его усилия достигали цели в революционный период, но потерпели полную неудачу с того момента, как английское господство было восстановлено силой оружия. При этом они не только потерпели неудачу, но по отношению к правительственным бумагам возникла даже паника; произошло небывалое падение ценности всех фондов, сопровождавшееся протестами со стороны торговых палат Бомбея и Калькутты; в Калькутте публичные собрания, состоявшие из английских и местных денежных дельцов, осуждали неустойчивость, произвольный характер, беспомощность и непродуманность правительственных мероприятий. Ссудный капитал Индии, снабжавший правительство денежными средствами до января 1859 г., начал после этого иссякать и возможности получения кредитов правительством, видимо, были исчерпаны. Действительно, займы, которые в период от 1841 до 1857 г. достигли суммы в 21000000 ф. ст., только за два года, 1857 и 1858, поглотили около 9000000 ф. ст., что равняется почти половине денег, взятых взаймы в течение предшествующих 16 лет. Хотя такой недостаток средств и объясняет необходимость последующего взвинчивания процента на правительственные займы с 4% до 6%, он, конечно, далеко не может объяснить панику на индийском фондовом рынке и полную неспособность генерал-губернатора покрыть самые настоятельные потребности. Загадка решается тем, что лорд Каннинг усвоил себе привычку регулярно прибегать к такому маневру: он выпускает новые займы с более высоким процентом, чем процент по *займам, подписка на которые еще не закрыта,* без всякого предварительного предупреждения публики, которую он, кроме того, оставляет в полном неведении относительно финансовых операций, предполагаемых в дальнейшем. Обесценение фондов, вызванное этими маневрами, было определено не менее чем в 11000000 фунтов стерлингов. Стесненный бедностью казначейства, напуганный паникой на фондовом рынке, подталкиваемый протестами торговых палат, а также собраний в Калькутте, лорд Каннинг счел необходимым стать пай-мальчиком и стараться действовать в согласии с пожеланиями денежных кругов; однако его сообщение от 21 февраля 1859 г. снова показывает, что рассудок человека не зависит от его воли. Что ему следовало сделать? Следовало не выпускать одновременно двух займов на различных условиях, а сразу назвать денежным кругам сумму, необходимую для текущего года, и не обманывать их заявлениями, следующими друг за другом и противоречащими одно другому. А что делает в своем сообщении

лорд Каннинг? Сначала он говорит, что необходимо получить посредством займа на индийском рынке на 1859/1860 г. сумму в 5000000 ф. ст. из $5^1/_2$%*,* и что

«когда эта сумма будет реализована, подписка на заем 1859/1860 г. будет прекращена, и в течение этого года в Индии уже не будет проводиться новых, займов».

В этом же самом сообщении он, лишая всякой ценности только что данные им заверения, продолжает:

«В Индии в 1859/1860 г. не будет выпущено займа, приносящего более высокий процент, иначе, как при условии предписания со стороны индийской администрации в Англии».

Но и это еще не все. Фактически он открывает *двойной заем* на различных условиях. Возвещая, что «выпуск казначейских векселей на условиях, сообщенных 26 января 1859 г., будет прекращен 30 апреля», он заявляет, «что новый выпуск казначейских векселей будет объявлен с 1 мая», и что этот выпуск будет приносить около $5^3/_4$% и подлежать выкупу по истечении года со дня выпуска. Оба займа держатся открытыми одновременно, поскольку подписка на заем, объявленный в январе, еще не закончена. Единственный финансовый вопрос, который лорд Каннинг, по-видимому, способен понять, — это то, что его ежегодное жалованье номинально равняется сумме в 20000 ф. ст., а фактически доходит до 40000 фунтов стерлингов. В результате, несмотря на насмешки кабинета Дерби и свою всем известную неспособность, он держится за свой пост из «чувства долга».

Последствия индийского финансового кризиса для английского отечественного рынка стали уже вполне очевидными. Прежде всего, отправки серебра в счет правительства, в соединении с крупными отправками его по торговым расчетам, в период, когда обычное поступление серебра из Мексики задерживалось вследствие сильных волнений в этой стране[182], разумеется, подняли цену серебра в слитках. 25 марта она повысилась до искусственно вздутой цены в $62^3/_4$ пенса за стандартную унцию; это вызвало такой прилив серебра из всех частей Европы, что цена его в Лондоне снова упала до $62^3/_8$ пенса, между тем как учетная ставка в Гамбурге поднялась с $2^1/_2$ до 3%. В результате этого усиленного ввоза серебра курс на бирже изменился неблагоприятно для Англии, и начался отлив золота в слитках, который пока только освобождает лондонский денежный рынок от избытка денег, однако в конце концов может серьезно на нем отразиться, если принять еще во внимание, что к этому обстоятельству прибавляются значительные континентальные займы. Как бы то ни было, обесценение на

лондонском денежном рынке индийских правительственных бумаг и гарантированных железнодорожных акций, которое неблагоприятно отзовется на правительственных и железнодорожных займах, еще предстоящих в этом сезоне, несомненно является самым серьезным последствием индийского финансового кризиса на отечественном рынке. Акции многих индийских железных дорог продаются со скидкой в 2 или 3% с нарицательной стоимости, хотя 5%-й доход с них гарантирован правительством.

Однако, принимая все это во внимание, я все же считаю кратковременную индийскую финансовую панику делом второстепенной важности, по сравнению с общим кризисом индийского казначейства, рассмотреть который мне, быть может, еще представится случай.

II

Лондон, 12 апреля 1859 г.

Известия, доставленные последней континентальной почтой, не только не говорят о каком-либо ослаблении финансового кризиса в Индии, но, напротив, обнаруживают такое состояние расстройства, которое едва ли можно было предположить. Уловки, к которым вынуждено прибегать правительство Индии, чтобы покрыть свои наиболее неотложные нужды, лучше всего можно иллюстрировать недавним мероприятием губернатора Бомбея. Бомбей является рынком, на котором находит сбыт в среднем ежегодно 30000 ящиков опиума из Мальвы, поставляемого партиями в 2000—3000 ящиков ежемесячно; расчет по этим поставкам производится векселями, выданными на Бомбей. Налагая 400 рупий на каждый ящик, ввозимый в Бомбей, правительство ежегодно получает доход с мальвского опиума в 1200000 фунтов стерлингов. В настоящее время, с целью пополнить свою истощенную казну и предупредить назревающее банкротство, бомбейский губернатор объявил о повышении пошлины на каждый ящик мальвского опиума с 400 до 500 рупий; однако в то же время он указывает, что повышенная пошлина будет взиматься лишь начиная с 1 июля, так что владельцы мальвского опиума имеют право ввозить свое снадобье еще в течение четырех месяцев с уплатой старой пошлины. Так как 15 июня начинается муссон, то с середины марта, когда было объявлено о повышении пошлины, до 1 июля остается всего лишь два с половиной месяца, в течение которых можно ввозить опиум. Само собой разумеется, что владельцы мальвского опиума воспользуются предоставленным им промежутком времени для отправки опиума по старой пошлинной ставке и, следовательно, в течение двух с половиной месяцев сбудут весь свой наличный запас в президентство[183]. Так как количество опиума как старого, так и нового урожая, остающегося в Мальве, равняется 26000 ящиков, а цена мальвского опиума достигает

1250 рупий за ящик, то мальвские купцы должны будут выставить на бомбейских купцов векселя на сумму не менее чем в 3000000 ф. ст., из которых более 1000000 фунтов должны попасть в бомбейское казначейство. Цель этой финансовой уловки совершенно очевидна. Будущее повышение пошлины ставится перед торговцами опиумом in terrorem*, чтобы иметь возможность забрать вперед весь годичный доход от пошлины на опиум и принудить торговцев этим товаром уплатить ее сразу. Было бы совершенно излишним распространяться на тему о шарлатанском характере этого изобретения, которое наполняет казну в настоящий момент, но зато создает в ней соответствующую пустоту в ближайшие несколько месяцев; однако трудно привести более поразительный пример, свидетельствующий об истощении средств, находящихся в распоряжении наследников Великого Могола[184].

Обратимся теперь к рассмотрению общего состояния индийских финансов, в каком они оказались в результате последнего восстания. Согласно последним официальным отчетам, чистый доход, извлекаемый британцами из своего индийского владения, равняется 23208000 ф. ст., круглым счетом 24000000 фунтов стерлингов. Этого ежегодного дохода никогда не хватало для покрытия ежегодного расхода. С 1836 до 1850 г. чистый дефицит выразился в сумме 13171096 ф. ст., или в среднем примерно в 1000000 ф. ст. ежегодно. Даже в 1856 г., когда казначейство как никогда пополнилось благодаря широко проводимым лордом Далхузи аннексиям, ограблениям и вымогательствам, доход не равнялся расходу, но, напротив, к накопившемуся дефициту прибавилось около четверти миллиона фунтов стерлингов. В 1857 г. дефицит был равен 9000000 ф. ст., в 1858 г. он достиг 13000000 ф. ст., а в 1859 г. само индийское правительство определяло его в 12000000 фунтов стерлингов, Итак, первое заключение, к которому мы приходим, состоит в том, что даже при обычных обстоятельствах дефицит все увеличивался и что при обстоятельствах чрезвычайных он должен достигнуть размеров, равных половине и даже более ежегодного дохода.

Возникает вопрос, в какой степени этот уже существующий разрыв между расходами и доходами индийского правительства увеличился благодаря недавним событиям? Новый постоянный долг Индии, выросший в связи с подавлением восстания сипаев, даже самыми оптимистическими английскими финансистами оценивается в сумме от 40000000 до 50000000 ф. ст., между

* — в качестве угрозы. *Ред.*

тем как г-н Уилсон оценивает *постоянный дефицит,* или ежегодный процент по этому новому долгу, подлежащий выплате из ежегодного дохода, не менее чем в 3000000 фунтов стерлингов. Однако было бы большой ошибкой думать, что этот постоянный дефицит в 3000000 представляет единственное наследство, оставленное повстанцами своим победителям. Издержки на подавление восстания принадлежат не только к прошлому, но в значительной степени они относятся также к будущему. Даже в спокойные времена, до начала восстания, военные расходы поглощали по крайней мере 60% всего обычного дохода, ибо они превышали 12000000 ф. ст., но теперь положение изменилось. В начале восстания европейская армия в Индии насчитывала 38000 человек боевого состава, в то время как туземная армия насчитывала 260000 человек. Военные силы, которые находятся в настоящее время на службе в Индии, состоят из 112000 европейских и 320000 туземных солдат, включая туземную полицию. Можно было бы с достаточным основанием сказать, что эти небывалые цифры будут сведены к более умеренным с исчезновением тех чрезвычайных обстоятельств, из-за которых они выросли до их нынешних размеров. Однако военная комиссия, назначенная британским правительством, пришла к заключению, что в Индии понадобится постоянная европейская армия численностью в 80000 человек, при наличии туземной армии в 200000 человек, что означает повышение военных расходов почти вдвое сравнительно с их первоначальным размером. Во время прений в палате лордов об индийских финансах 7 апреля все авторитетные ораторы сходились в двух пунктах: они признавали, с одной стороны, что ежегодный расход только на армию, равный почти 20000000 ф. ст., несовместим с чистым доходом Индии всего в 24000000 ф. ст., а с другой стороны, что трудно представить себе такое положение вещей, которое позволило бы англичанам, без риска, оставить Индию на неопределенный ряд лет без европейской армии, вдвое превышающей ее численность перед началом восстания. Но предполагая даже возможным увеличение на длительный период европейских войск только на одну треть сравнительно с их первоначальным составом, мы получаем новый постоянный ежегодный дефицит, по крайней мере, в 4000000 фунтов стерлингов. Итак, новый постоянный дефицит, происходящий, с одной стороны, от консолидированного долга, образовавшегося в течение восстания, а с другой стороны, от постоянного роста численности британских войск в Индии, по самому умеренному подсчету будет не менее 7000000 фунтов стерлингов.

К этому необходимо прибавить еще две другие статьи, из которых одна происходит от роста обязательств, а другая — от уменьшения доходов. Согласно недавнему заявлению железнодорожного департамента индийского ведомства в Лондоне, общее протяжение железных дорог, утвержденных для Индии, равно 4 817 милям, из которых до сих пор построено только 559 миль. Вся сумма капитала, вложенного различными железнодорожными компаниями, равняется 40000000 ф. ст., из которых 19000000 ф. ст. уплачены, а 21000 000 ф. ст. еще должны быть внесены, причем на 96% всей суммы подписка была произведена в Англии и только на 4% — в Индии. На эту сумму в 40000000 ф. ст. правительство гарантировало 5% дохода, так что ежегодный процент, подлежащий уплате из доходов Индии, достигает 2000000 ф. ст., которые должны выплачиваться еще до того, как железные дороги начнут действовать и смогут приносить какой-либо доход. Граф Элленборо исчисляет убыток, проистекающий для индийских финансов из этого источника, на ближайшие три года в 6000000 ф. ст., а впоследствии постоянный дефицит от этих железных дорог — в полмиллиона ежегодно. Наконец, из 24000000 ф. ст. индийского чистого дохода сумма в 3619000 ф. ст. извлекается от продажи опиума в чужие страны, — источник дохода, который, как теперь повсюду признают, должен в значительной степени сократиться в силу последнего договора с Китаем[185]. Таким образом, становится очевидным, что, помимо экстренных расходов, вызываемых необходимостью довести до конца подавление восстания, ежегодный постоянный дефицит, по крайней мере в 8000000 ф. ст., придется покрывать из чистого дохода в 24000000 ф. ст., которые правительство, быть может, сумеет повысить до 26000000 ф. ст. посредством новых налогов. Неизбежным результатом такого положения вещей явится необходимость взвалить на английского налогоплательщика обязательства по индийскому долгу и, как объявил в палате общин сэр Д. К. Льюис,

«ежегодно вотировать четыре или пять миллионов в качестве субсидии для так называемой ценной колонии британской короны».

Приходится признать, что такой финансовый результат «славного» отвоевания Индии производит далеко не чарующее впечатление и что Джону Булю приходится платить весьма высокие покровительственные пошлины ради того, чтобы обеспечить манчестерским фритредерам монополию на индийском рынке.

Написано К. Марксом, 8 и 12 апреля 1859 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5624, 30 апреля 1859 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

* НЕИЗБЕЖНОСТЬ ВОЙНЫ

Лондон, пятница, 15 апреля 1859 г.

Хотя дипломатия все еще прилагает всяческие усилия для созыва конгресса, рассчитывая таким путем добиться мирного разрешения итальянского вопроса, никто уже не верит в возможность избежать войны. Английский кабинет и Пруссия безусловно искренни в своем стремлении к миру, но Франция и Россия приняли участие в происходящих сейчас переговорах исключительно с целью выиграть время. Глубокий снежный покров все еще лежит на Монсени, через который французская армия должна будет пройти на своем пути в Италию. Во Франции и Алжире должно еще быть укомплектовано несколько новых французских и арабских полков, а приготовления к транспортировке войск из Марселя и Тулона в Геную еще не закончены, в то же время русским требуется некоторое время для организации валашской милиции и иррегулярной сербской армии. Между тем в Вене берет верх военная партия, и Франц-Иосиф ничего не жаждет так пылко, как первого пушечного залпа. Почему же в таком случае он поддерживает предложения о созыве конгресса, если знает, что дипломатическая отсрочка только истощит его финансы и усилит его врагов? Ответом является позиция принца Прусского, который, не поддавшись охватившему немцев энтузиазму, пытается подыскать благовидный предлог для того, чтобы сохранить действительный нейтралитет и избежать разорительных расходов вооруженного нейтралитета, который рано или поздно приведет к войне. Если Австрия, стремясь сокрушить пьемонтскую армию, начнет войну, то такая политика берлинского кабинета будет оправдана даже в глазах немцев; между тем нападение французов

на Австрию в Ломбардии неизбежно повлечет за собой официальное обращение Франца-Иосифа к Германскому союзу с призывом привести союзную армию в состояние боевой готовности. Так как истинные намерения Австрии именно таковы, крайне забавно наблюдать, как дипломаты различных сторон стараются перещеголять друг друга в хитроумных планах, направленных на то, чтобы заставить противника первым нанести удар. Франция жалуется на деспотизм австрийцев; человек, который заселил Ламбессу и Кайенну французскими республиканцами, шокирован тем, что Франц-Иосиф заполняет свои тюрьмы итальянскими республиканцами! С другой стороны Австрия, захватившая Краков и отменившая венгерскую конституцию[186], всерьез взывает к святости договоров. Россия, внезапно вспомнившая, что бумажные деньги большое зло и получающая в связи с этим огромный заем, разумеется, не хочет войны, а предлагает в качестве основы для конгресса четыре пункта. Они полностью соответствуют широко известным четырем пунктам, предложенным России Австрией во время Крымской войны[187]. Они включают требования отказа от протектората над итальянскими герцогствами, созыва конгресса для упорядочения управления Италией и решения вопроса о необходимых в этой стране реформах, а также пересмотра второстепенных пунктов больших договоров, как например, права на содержание гарнизонов в Ферраре, Комаккьо и Пиаченце[188], которые станут излишними после объявления нейтралитета Италии. Англия добросовестно подхватывает эти предложения, придает им смягченную форму и доводит до сведения Австрии. Граф Буоль, разумеется, спешит принять их, но в таких двусмысленных выражениях, которые не оставляют никакого сомнения в его желании полностью отвергнуть их. Но он добавляет новый пункт — предварительное всеобщее разоружение. Лорд Малмсбери считает это предложение очень разумным и приглашает графа Кавура распустить часть сардинской армии и тем облегчить тяжкое бремя страны. Граф Кавур нисколько не возражает против такого прекрасного предложения, но, указывая на огромные военные силы австрийцев в Ломбардии, обращается к графу Буолю со словами: *«После вас».* Граф Буоль отвечает, что не может приступить к роспуску своих дорогостоящих батальонов, пока то же самое не сделает Наполеон. Наполеон хладнокровно возражает: «Я не вооружался и поэтому не могу разоружаться. Я не просил займа ни у Ротшильда, ни у Перейры; у меня нет военного бюджета. Я содержу свою армию за счет общего бюджета страны; как же я могу разоружаться?» Лорд Малмсбери, ошеломленный бесстыдством этого ответа,

но все еще горя желанием испытать свое дипломатическое счастье, предлагает далее, чтобы конгресс в первую очередь обсудил и разрешил вопрос о разоружении; однако, биржа и вместе с ней все разумные люди в Европе посмеиваются над его простодушием и готовятся к самому худшему. Немецкий народ охвачен сильным волнением. В Ганновере, однако, поощряемое двором раздражение против Франции неожиданно получило другой оборот. Пробужденные от апатии люди считают, что пришло время свести счеты внутри страны, а также за ее пределами, и в случае, если нынешнее неопределенное положение продлится еще месяца два, Германия наверняка выступит против Франции, но потребует свободы и единства своей страны как необходимое условие для своего выступления. Принцу Прусскому эти настроения его соотечественников известны лучше, чем Францу-Иосифу или баварскому королю*, и поэтому он пытается помешать распространению волнений, неизбежно несущих угрозу его полудеспотическим устремлениям.

России теперь представляется удобный случай либо разрушить Турецкую империю посредством восстаний в Боснии, Болгарии и Албании, либо отомстить австрийскому императору. Конечно, она не прибегнет к войне против Франца-Иосифа, но она может поощрять и поддерживать молдаво-валашское вторжение в Трансильванию и сербское вторжение в Венгрию. Именно через валашские и славянские элементы царь попытается вызвать волнения в Венгрии, так как в противном случае свободная и независимая Венгрия может оказаться более прочным барьером для его агрессивной политики, чем ослабленный централизованный деспотизм Австрии.

Неаполитанский король** при смерти. Королевство охвачено сильным волнением; одни поговаривают о конституции, другие о восстании сторонников Мюрата. Вероятнее всего образуется министерство во главе с Филанджери, герцогом Сатриано, представителем просвещенного абсолютизма по прусскому образцу. Но ввиду итальянского кризиса такая система не может быть прочной и скоро уступила бы место сначала конституции, а затем и восстанию в Сицилии, во время которого сторонники Мюрата ловили бы рыбу в мутной воде.

Написано Ф. Энгельсом около 11 апреля 1859 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5624, 30 апреля 1859 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

* — Максимилиану II. *Ред.*
** — Фердинанд II. *Ред.*

К. МАРКС

ПРЕДСТОЯЩИЙ МИРНЫЙ КОНГРЕСС

Париж, 14 апреля 1859 г.

Британское правительство сочло, наконец, нужным посвятить общественность в официальную историю европейского конгресса, этого deus ex machina*, выведенного на сцену русскими и французскими режиссерами, когда те увидели, насколько они отстают от Австрии в своих военных приготовлениях. Можно прежде всего отметить, что нота графа Буоля г-ну Балабину, русскому послу, помеченная; Вена, 23 марта 1859 г., и другая нота австрийского министра, адресованная лорду О. Лофтесу, британскому послу при венском дворе, и помеченная; Вена, 31 марта, были конфиденциально сообщены австрийским правительством венским газетам 8 апреля, между тем как Джон Буль познакомился с ними не ранее 13 апреля. Но это еще не все. Нота графа Буоля г-ну Балабину в том виде, в каком она была сообщена английским правительством лондонскому «Times», содержит только часть австрийской ноты; в ней опущены некоторые в высшей степени важные места; я постараюсь дать их в этой статье, чтобы предоставить Джону Булю возможность через Нью-Йорк познакомиться с дипломатическими новостями, которые английское правительство считает не безопасным доверять его проницательному уму.

Стоит только взглянуть на ноту Буоля г-ну Балабину, чтобы понять, что предложение созвать конгресс шло от России, или, другими словами, что это ход, совместно предпринятый союз-

* — буквально «бог из машины» (в античном театре актеры, изображавшие богов, появлялись на сцене с помощью особых механизмов); в переносном смысле — неожиданно появляющееся лицо или обстоятельство, которое спасает положение. *Ред.*

ными шахматистами С.-Петербурга и Парижа, — факт, едва ли рассчитанный на то, чтобы внушить нам особенное восхищение проницательностью или искренностью хозяев Даунинг-стрита, которые даже в парламенте не удержались от претензий на патент на это изобретение. Из самой ноты становится очевидным, что Австрия (и этот пункт был тщательно скрыт в сообщении французского «Moniteur» о присоединении Австрии к предложению о созыве общего конгресса) согласилась встретиться с прочими великими державами на конгрессе только на известных условиях.

«В случае если», — говорит граф Буоль, — «помимо этого вопроса» (т. е. уничтожения «политической системы Сардинии») «державам заблагорассудится выдвинуть для обсуждения другие вопросы, то необходимо, чтобы они были предварительно точно определены, и постольку, поскольку они касались бы внутреннего режима других суверенных государств, нижеподписавшийся не мог бы не настаивать прежде всего на том, чтобы процедура обсуждения в этом случае *соответствовала правилам, сформулированным Ахенским протоколом от 15 ноября 1818 года»*.

Таким образом, Австрия приняла русское предложение о созыве общего конгресса на следующих четырех условиях: во-первых, главной целью конгресса должно быть унижение Сардинии и принятие решений в интересах Австрии; во-вторых, Ахенский протокол[189] должен быть признан основой дискуссии; в-третьих, «до начала какой бы то ни было конференции Сардиния должна разоружиться», и наконец, вопросы, подлежащие обсуждению, «должны быть точно установлены заранее». Первый пункт не нуждается в комментариях. Чтобы не оставить никакого сомнения относительно его значения, граф Буоль нарочно добавляет, что считает его *«единственным существенно важным для морального умиротворения Италии»*.

Второй пункт — признание Ахенского протокола — привел бы к прямому признанию Францией договоров 1815 г. и специальных договоров Австрии с итальянскими государствами. Однако то, чего Бонапарт желает, — это как раз аннулирования договоров 1815 г., на которых покоится владычество Австрии над Ломбардо-Венецианским королевством, а также аннулирования отдельных договоров, которые обеспечивают ей преобладающее влияние над Неаполем, Тосканой, Пармой, Моденой и Римом. Третье условие — предварительное разоружение Сардинии — является со стороны Австрии предвосхищением того преимущества, которое могла бы ей дать только успешная война. Последнее условие — предварительное фиксирование подлежащих обсуждению вопросов — лишило бы Бонапарта главного результата, которого, помимо необходимой для его военных приготовлений отсрочки, он надеется добиться

благодаря конгрессу, а именно: возможности захватить Австрию врасплох и, запутав ее в сетях дипломатических переговоров, скомпрометировать ее перед общественным мнением Европы, заставив дать сигнал к разрыву мирных переговоров резким отказом удовлетворить требования, внезапно предъявленные ей Францией и Россией.

Условия, на которых Австрия в своей ноте русскому послу согласилась присоединиться к общему конгрессу, могут быть резюмированы следующим образом: Австрия примет участие в европейской конференции для разрешения итальянского вопроса, если до открытия этой конференции европейские державы согласятся стать на ее сторону против Сардинии, заставить Сардинию разоружиться, признать Венский договор и дополнительные договоры, на нем основанные, и наконец, если Бонапарт будет лишен всех предлогов для нарушения мира. Другими словами, Австрия согласится участвовать в конгрессе, если последний еще до открытия свяжет себя обязательством уступить ей все то, чего она теперь, по ее заявлениям, готова добиваться силой оружия. Если мы примем во внимание, что Австрия отлично знает, что конгресс только ловушка, расставленная для нее решившимися на войну врагами, то никто не будет ее порицать за столь ироническое отношение к русско-французским предложениям.

Места из австрийского документа, которые я прокомментировал, являются как раз теми, которые британское правительство нашло уместным опубликовать. А нижеследующие места, содержащиеся в послании Буоля, были выброшены в опубликованном в редакции Малмсбери тексте австрийской ноты:

«*Австрия разоружится, как только разоружится Пьемонт.* Австрия всячески стремится сохранить мир, ибо она желает мира и умеет ценить его. Однако она хочет искреннего и прочного мира, который, как она справедливо считает, она в состоянии обеспечить, не нанося ущерба своему могуществу и своей чести. Австрия принесла уже много жертв ради поддержания спокойствия в Италии. Пока не будут сформулированы и улажены вышеупомянутые предварительные вопросы, Австрия может сократить свои военные приготовления, но не прекратить их совсем. *Ее войска будут продолжать движение в Италию*».

После того, как русско-французская уловка была, таким образом, разоблачена, вмешалась Англия, подстрекаемая ее августейшим союзником по другую сторону Ла-Манша, чтобы побудить Австрию принять предложение о созыве конгресса великих держав, который рассмотрел бы осложнения в итальянском вопросе, и выразила свое желание, чтобы императорское правительство согласилось на предварительные предложения, разработанные на Даунинг-стрите. В летописях дипломатиче-

ской истории, пожалуй, не найдется более оскорбительно иронического документа, нежели ответ графа Буоля английскому послу в Вене. Во-первых, Буоль повторяет свое требование, чтобы до всякого конгресса Сардиния сложила оружие и, таким образом, отдала себя на милость Австрии.

«Австрия», — говорит он, — «не может явиться на конгресс, пока Сардиния не завершит свое разоружение и не приступит к роспуску corps francs*. Императорское правительство заявляет, что, когда эти условия будут выполнены, оно будет готово самым официальным образом дать заверения, что Австрия *не нападет на Сардинию, пока будет длиться конгресс,* поскольку последняя будет уважать территорию Империи и ее союзников».

Итак, если Сардиния разоружится, то Австрия обяжется только не нападать на *разоруженную Сардинию, пока будет длиться конгресс.* Ответ Буоля на предложения Англии составлен совсем в духе Ювенала. Что же касается британского предложения о том, чтобы «территориальные соглашения и договоры 1815 г. остались неприкосновенными», на это Буоль отвечает восклицанием: «Вполне согласен!» и лишь добавляет, что также и «договоры, заключенные во исполнение договоров 1815 г., должны быть неприкосновенны». Желание Англии найти средства, чтобы обеспечить поддержание мира между Австрией и Сардинией, Буоль истолковывает в том смысле, что «конгресс рассмотрит способы заставить Сардинию выполнить ее международные обязательства». В отношении предложений об «эвакуации Папской области и обсуждения реформ в итальянских государствах» Буоль согласен позволить Европе «всесторонне обсудить» эти вопросы, но в то же время сохраняет за «непосредственно заинтересованными государствами» право на «окончательное принятие выработанных рекомендаций». Что касается британской «комбинации, которая должна заменить специальные договоры между Австрией и итальянскими государствами», то Буоль настаивает на «сохранении договоров в силе», но соглашается на их пересмотр в том случае, если Сардиния и Франция согласятся сделать предметом обсуждения вопрос о своем владении, одна — Генуей, другая — Корсикой. По существу Австрия дала на английские предложения тот же самый ответ, который она уже дала на депешу России. После этой второй неудачи Россия и Франция побудили злосчастного лорда Малмсбери предложить Австрии, в качестве предварительного шага, *всеобщее разоружение.* Несомненно, в Тюильри предполагали, что Австрия, опередив всех своих соперников В деле вооружения, ответит на такое предложение категорическим отказом, однако Бонапарт снова обманулся в своих

* — отрядов добровольцев. *Ред.*

расчетах. Австрия знает, что Бонапарт не может разоружиться, не освободив себя в то же время от беспокойного бремени императорской короны. Поэтому Австрия согласилась на предложение, которое было сделано исключительно в расчете на ее отказ. Это вызвало величайшее замешательство в Тюильри, который после 24-часового размышления обогатил мир открытием, что «одновременное разоружение великих держав не может означать чего-либо иного, кроме разоружения Австрии». Стоит только прочитать следующую наглую статейку в «Patrie»[190] — газете, непосредственно вдохновляемой Наполеоном III;

«Во всяком случае предложение о разоружении должно коснуться только двух держав, Австрии и Пьемонта — Австрии, которая в небывалых размерах сосредоточила свои военные силы в Италии, и Пьемонта, который ввиду присутствия австрийской армии в Ломбардии принужден отвечать на угрозу войны приготовлениями к обороне. Вопрос о разоружении, поднятый Австрией, должен быть решен в первую очередь ею; когда она отзовет свою армию из Италии, Пьемонту останется только последовать ее примеру.

Что касается Франции, то у нее нет оснований для разоружения (elle n'a pas a desarmer) по той простой причине, что она не производила никаких чрезвычайных вооружений, что она не направляла войск к границам, что она даже не пожелала воспользоваться своим правом ответа на угрозы Австрии, — угрозы, направленные против Пьемонта и против мира в Европе. Для Франции не может быть и речи ни о сокращении боевого состава ее армии хотя бы на одного солдата, ни о сдаче хотя бы одной лишней пушки в ее арсеналы. Поскольку дело идет о ней, разоружение может означать только обязательство не предпринимать вооружений.

Мы не думаем, что Австрия что-либо возразит по этому поводу; это означало бы сведение на нет той гарантии, которую она — без сомнения, в более благоприятном настроении (mieux inspiree) — пожелала дать для сохранения мира в Европе, предложив разоружение, инициативу которого, как она прекрасно знает, она должна взять на себя».

Написано К. Марксом 14 апреля 1859 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5624, 30 апреля 1859 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС

СИМПТОМЫ ПРИБЛИЖЕНИЯ ВОЙНЫ. ВООРУЖЕНИЕ ГЕРМАНИИ [191]

Лондон, 22 апреля 1859 г.

В германских университетах, после того как университетское начальство, около 11 часов вечера, выпроводит студентов из различных пивных, студенческие корпорации обычно, если погода бывает благоприятна, собираются на рыночной площади. Здесь члены каждой корпорации, или «цвета», начинают игру с членами других «цветов», заключающуюся в «поддразнивании» друг друга; цель этой игры — вызвать одну из тех распространенных и не очень опасных дуэлей, которые относятся к наиболее характерным чертам студенческого быта. В этих предварительных словесных состязаниях на рыночной площади главное искусство заключается в том, чтобы придать своим насмешкам такую форму, которая не заключала бы в себе никакой действительной или формальной обиды, но в то же время как можно сильнее раздражала оппонента, заставив его в конце концов потерять хладнокровие и выступить с тем обычным формальным оскорблением, которое принуждает вас послать ему вызов на дуэль.

Такая именно предварительная игра уже в течение нескольких месяцев происходит между Австрией и Францией. Франция начала эту игру 1 января этого года, и Австрия ответила на нее. От слова к слову, от жеста к жесту противники приближались все ближе к вызову; однако дипломатический этикет требует, чтобы такая игра была разыграна до конца. Отсюда бесконечные предложения и контрпредложения, уступки, условия, оговорки, увертки.

Вот последний образец дипломатического поддразнивания: 18 апреля лорд Дерби объявил в палате лордов, что Англия делает

последнее усилие и в случае неудачи она должна отказаться от посредничества. Всего лишь три дня спустя, 21 апреля, «Moniteur» заявил, что Англия сделала четырем другим великим державам следующие предложения: 1) Осуществить еще до конгресса общее и одновременное разоружение. 2) Разоружение должно совершаться под руководством военной или гражданской комиссии, независимо от конгресса (причем эта комиссия должна состоять из шести членов, в том числе одного от Сардинии). 3) Как только комиссия начнет свою работу, конгресс соберется и приступит к обсуждению политических вопросов. 4) Немедленно после открытия конгресса представители итальянских государств должны быть приглашены занять места рядом с представителями великих держав, совершенно так же, как на конгрессе 1821 года[192]. В то же время «Moniteur» сообщил, что Франция, Россия и Пруссия выразили свое согласие с предложениями Англии, а телеграмма из Турина успокоила различные биржи Европы отрадным известием, что Луи-Наполеон побудил Пьемонт к такому же шагу. До сих пор все шло необычайно мирно, и казалось, что все препятствия для созыва конгресса непременно будут устранены. В сущности план был совершенно прозрачен. Франция еще не была готова к борьбе, Австрия же была готова. Чтобы не оставить никаких сомнений относительно своих действительных намерений, Луи-Наполеон через свою полуофициальную прессу дал ясно понять, что это разоружение может распространяться только на Австрию и Пьемонт, ибо Франция, которая не вооружалась, естественно, *не может разоружаться;* и в то же самое время в официальной газете «Moniteur» его статьи формулировались таким образом, чтобы не связывать его никакими обязательствами относительно распространения «принципа разоружения» на Францию. Его следующий шаг, очевидно, заключался бы в том, чтобы полуофициальное заявление, что Франция не вооружалась, превратить в официальное; тем самым вопрос с успехом был бы перенесен на неопределенную почву военных деталей, на которой легко почти бесконечно затягивать подобный спор утверждениями, контрутверждениями, требованиями доказательств, опровержениями, официальными отчетами и тому подобными уловками. Тем временем Луи-Наполеон получил бы возможность спокойно закончить свои приготовления, которые, согласно его новому принципу, он может не признавать вооружением, ибо ему ведь нужны не люди (которых он может призвать в любой день), а военные материалы и новые формирования. Он сам заявил, что к войне он не будет готов раньше 1 июня этого года. И в самом деле, если бы его приготовления были закончены к 15 мая, он

мог бы, пользуясь своими железными дорогами, отозвать из отпуска к этому сроку солдат, и около 1 июня они вернулись бы в свои части. Однако имеются серьезные основания думать, что вследствие колоссальных хищений, беспорядков, взяточничества и растрат, которые имеют место во французском военном ведомстве, в полном соответствии с похвальным примером, даваемым императорским двором, необходимая подготовка материальной части не может быть полностью закончена даже в тот срок, который первоначально определил сам Луи-Наполеон. Как бы то ни было, несомненно, что каждая неделя отсрочки представляет выигрыш для Луи-Наполеона и проигрыш для Австрии, которая, в результате этой дипломатической интермедии, не только лишилась бы военных преимуществ, вытекающих из того, что она опередила в своих военных приготовлениях другие страны, но и была бы раздавлена бременем колоссальных затрат, необходимых для продолжения военных приготовлений в нынешних масштабах.

Прекрасно понимая положение дел, Австрия не только отказалась принять английское предложение о созыве конгресса на тех же самых условиях, на каких происходил конгресс в Лайбахе, но и первая дала сигнал к войне. От ее имени генерал Дьюлаи направил туринскому двору *ультиматум,* настаивая на разоружении и роспуске добровольцев, причем для принятия решения Пьемонту было предоставлено лишь три дня, по истечении которых должна быть объявлена война. В то же самое время еще две дивизии австрийской армии, т. е. 30000 человек, были отправлены к Тичино. Таким образом, в дипломатическом отношении Наполеон прижал Австрию к стене, ибо он заставил ее первой произнести священное слово — объявить войну. Однако, если Австрия не будет вынуждена угрожающими нотами Лондона и С.-Петербурга отказаться от своего шага, то дипломатическая победа Бонапарта может стоить ему трона.

Тем временем военная лихорадка охватила другие страны. Мелкие немецкие государства, справедливо считая, что приготовления Луи-Наполеона угрожают им, дали выход выражению национальных чувств, достигшему степени, неслыханной в Германии со времени 1813 и 1814 годов. Свои действия они сообразовывают с этими «национальными чувствами». Бавария и соседние государства создают новые формирования, призывая резервы и ландвер. Седьмой и восьмой корпуса германской союзной армии (образуемые этими государствами), которые официально должны насчитывать 66000 человек на действительной службе и 33000 человек резерва, вероятно, вступят в войну, имея 100000 человек на действительной службе и 40000 резерва.

Ганновер и другие северные немецкие государства, образующие десятый союзный корпус, вооружаются в такой же степени, одновременно укрепляя свои берега против нападений с моря. Пруссия, которая благодаря приготовлениям, проводившимся в период мобилизации 1850 г.[193] и после нее, в военно-техническом отношении находилась на более высоком уровне, чем когда-либо раньше, уже в течение некоторого времени спокойно готовится к мобилизации своей армии. Теперь она все шире вооружает свою пехоту игольчатыми ружьями и только недавно снабдила всю пешую артиллерию 12-фунтовыми пушками; одновременно приводятся в боевую готовность ее крепости на Рейне. Она издала приказ о том, чтобы три ее армейских корпуса были готовы к военным действиям. В то же время ее позиция в союзной военной комиссии во Франкфурте является убедительным доказательством того, что она очень хорошо понимает, насколько опасна для нее политика Луи-Наполеона. И если ее правительство все еще колеблется, то общественное мнение в полной готовности. Нет сомнения, что Луи-Наполеон встретит в лице Германии такого единодушного и такого решительного противника Франции, какого у нее никогда не было, и это в то время, как между немцами и французами существует меньше вражды, чем когда-либо раньше.

Написано К. Марксом и Ф. Энгельсом
21—22 апреля 1859 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune»
№ 5631, 9 мая 1859 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПЕРСПЕКТИВЫ ВОЙНЫ

Мы не считали нужным отвечать на всякую поверхностную критику, появлявшуюся за последние два месяца каждый раз, как мы брались за обсуждение ресурсов и стратегической обстановки перед началом большой и кровавой войны, в которую втянута теперь Европа. Однако теперь, в многочисленных подробностях, которыми заполнены сегодня столбцы нашей газеты,— в подробностях, дающих яркую картину первых сцен этой ужасной и внушительной драмы, — мы имеем настолько полное, даже детальное, и в то же время, безусловно, заинтересующее публику подтверждение наших взглядов, что считаем возможным привлечь внимание к этой теме.

Еще два месяца назад мы указывали на то, что для Австрии верным способом обороны является наступление*. Мы утверждали, что австрийцы, армия которых в Италии уже в значительной степени была сосредоточена вблизи пьемонтской оборонительной позиции, хорошо оснащена и находилась в полной боевой готовности, сделали бы большую ошибку, если бы они не использовали этого временного превосходства над своими противниками, силы которых были все еще разбросаны, и не вступили бы немедленно на сардинскую территорию, разбив сначала сардинскую армию, а затем двинувшись против французов, которые должны были перейти через Альпы несколькими колоннами, рискуя, таким образом, быть разбитыми по частям. Этот наш вывод вызвал со стороны различных более или менее выдающихся и более или менее разбирающихся в стратегии критиков

* См. настоящий том, стр. 217—222. *Ред.*

изрядное количество возражений. Но как выяснилось, наша точка зрения подтверждается мнением всех военных специалистов, писавших по этому вопросу; и, наконец, оказывается, что таково же мнение австрийских генералов. Однако довольно об этом.

Поскольку война уже началась, давайте рассмотрим, каково соотношение сил и шансы каждой из сторон на успех.

Австрийцы имеют в Италии пять армейских корпусов — 2-й, 3-й, 5-й, 7-й, 8-й, — насчитывающих по крайней мере 26 пехотных полков, по пяти батальонов в каждом (из них один гренадерский), и 26 батальонов легкой пехоты — всего 156 батальонов, или 192000 человек. С кавалерией, артиллерией, инженерными и гарнизонными войсками их силы достигают, по самым скромным подсчетам, 216000 человек. Мы не знаем, насколько увеличилось это число благодаря подтягиванию в Италию свежих пограничных полков и резервистов. В том, что оно увеличилось, едва ли можно сомневаться. Но возьмем минимальную цифру — 216000 человек. Из них 56000 человек будет вполне достаточно для того, чтобы оборонять все крепости, форты и укрепленные лагери, которые австрийцы захотят удержать в Ломбардии. Возьмем, однако, максимальную цифру — 66000 человек. Тогда для вторжения в Пьемонт останется 150000 человек. Согласно телеграфным сообщениям, численность австрийской армии вторжения равняется 120000, но на эти данные, конечно, не следует особенно полагаться. Однако на всякий случай предположим, что для ведения боевых действий австрийцы имеют не больше 120000 человек. Как будут расположены французские и пьемонтские силы для встречи с этой компактной армией?

Пьемонтская армия сосредоточена между Алессандрией и Касале, на позиции, описанной нами несколько недель тому назад*. Она состоит из пяти пехотных дивизий и одной кавалерийской, или 45000 человек линейной пехоты, включая и резервы, 6000 стрелков и около 9000 человек кавалерии и артиллерии, — всего 60000 человек — максимальная численность армии, которую Пьемонт смог выставить для ведения боевых действий. Остальные 15000 человек нужны для гарнизонной службы. Итальянские добровольцы еще непригодны к встрече с противником на поле боя.

Как мы уже отмечали, пьемонтскую позицию нельзя по стратегическим соображениям обходить с юга, однако ее можно обойти с севера; но здесь она защищена линией реки Сезии,

* См. настоящий том, стр. 217—219. *Ред.*

которая впадает в По примерно в 4 милях к востоку от Касале и которую сардинцы, если верить телеграфным сообщениям, намерены удерживать.

Было бы совершенно нелепым, если бы 60000 человек, будучи атакованными вдвое превосходящими силами противника, приняли на этой позиции решающее сражение. По всей вероятности, некоторая видимость сопротивления, достаточная для того, чтобы заставить австрийцев обнаружить все свои силы, будет оказана противнику на этой реке, а затем сардинцы отойдут за Касале и По, оставив открытой прямую дорогу на Турин. Это могло бы произойти 29 или 30 апреля, если предположить, что английская дипломатия не вызвала новой отсрочки военных действий. На следующий день австрийцы попытались бы переправиться через По и в случае успеха оттеснили бы сардинцев на равнине к Алессандрии. Там они, возможно, оставили бы их на некоторое время. В случае необходимости австрийская колонна, выйдя из Пиаченцы к югу от По, могла бы разрушить железную дорогу между Генуей и Алессандрией и атаковать любой французский корпус, двигающийся из Генуи в Алессандрию.

Но что же, по нашим предположениям, делают все это время французы? Они, конечно, поспешно спускаются по направлению к будущему театру военных действий — долине верхнего По. Когда известие об австрийском ультиматуме достигло Парижа, силы, предназначенные для альпийской армии, едва превышали четыре пехотных дивизии в районе Лиона и еще три дивизии, либо расположенные на юге Франции и на Корсике, либо находящиеся в стадии сосредоточения. Кроме того, еще одна дивизия была на пути из Африки. Эти восемь дивизий должны были составить четыре корпуса; в качестве первого резерва французская армия располагала дивизией линейных войск в Париже и в качестве второго резерва — гвардией. Это дало бы в целом двенадцать линейных дивизий и две гвардейских, составляющих семь армейских корпусов. Двенадцать линейных дивизий, из которых каждая насчитывала бы до прибытия отпускников около 10000 человек, дали бы всего 120000, с кавалерией и артиллерией — 135000, а с 30000 гвардии составили бы в общей сумме 165000 человек. С отозванными из отпусков численность всей этой армии достигла бы 200000 человек. Пока все обстоит благополучно; это —прекрасная армия, достаточно большая, чтобы завоевать страну даже вдвое большую, чем Италия. Но где она могла бы находиться 1 мая или около этого, в тот момент, когда она нужна была в долине Пьемонта? Корпус Мак-Магона был отправлен примерно 23 или 24 апреля

в Геную; а так как он не был предварительно сосредоточен, то не сможет отправиться из Генуи раньше 30-го. Корпус Бараге д'Илье находился в Провансе и должен был двигаться, согласно одним сведениям, через Ниццу и Коль-ди-Тенду, согласно же другим, — отправиться на кораблях и произвести высадку на берегу Средиземного моря. Корпус Канробера должен был пройти в Пьемонт через Монсени и Мон-Женевр, а все другие войска должны были по мере своего прибытия следовать по тем же дорогам. Теперь определенно известно, что до 26 апреля никакие французские войска не вступили на сардинскую территорию, что три дивизии из парижской армии 24-го все еще находились в Париже, что одна из них только в этот день отправилась в Лион по железной дороге. Кроме того ожидалось, что гвардия выступит не раньше 27-го. Таким образом, предположив, что все остальные ранее перечисленные нами войска были сосредоточены на границе и готовы к походу, мы имеем восемь пехотных дивизий, или 80000 человек. Из них 20000 направляются в Геную; 20000 под командой Бараге, если только они вообще следуют в Пьемонт, идут туда через Коль-ди-Тенду; остается 40000 под командой Канробера и Ньеля для продвижения через Монсени и Мон-Женевр. Вот все, чем Луи-Наполеон сможет располагать в то время, когда его помощь будет больше всего нужна, т. е. в момент, когда австрийцы могут оказаться в Турине. И все это, заметим мимоходом, вполне совпадает с замечаниями, которые мы делали по этому вопросу несколько недель тому назад. Но даже имея в своем распоряжении все железные дороги мира, Луи-Наполеон не может перебросить остальные четыре дивизии парижской армии к началу первых боев без того, чтобы позволить австрийцам в течение целых двух недель делать с пьемонтцами все, что им угодно; и даже в этом случае его шансы на успех весьма незначительны, ибо он будет иметь восемь дивизий на двух горных проходах, а в пункте их соединения — противника, по меньшей мере, численно равного. Но человек в его положении не может по политическим соображениям допустить, чтобы в течение целых двух недель противник опустошал Пьемонт, и потому ему придется принять сражение, как только австрийцы его предложат, причем это сражение он должен будет вести в неблагоприятной обстановке. Чем скорее французы перейдут через Альпы, тем лучше для австрийцев.

Написано Ф. Энгельсом 28 апреля 1859 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5634, 12 мая 1859 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ФИНАНСОВАЯ ПАНИКА

Лондон, 29 апреля 1859 г.

Вчера был день платежа по иностранным фондам и акциям, и паника на бирже, начавшаяся 23 числа, достигла, в некотором роде, кульминационного пункта. С прошлого понедельника было объявлено не менее 28 банкротств членов фондовой биржи, из которых 18 имели место 28 числа. Сумма обязательств, вызвавших банкротство, достигла в одном случае 100000 ф. ст., что значительно превышает обычный средний размер подобных «экзекуций». Одновременное повышение директорами Английского банка учетной ставки до $3^1/_2$% с $2^1/_2$% — уровень, на котором она была фиксирована 9 декабря 1858 г., — повышение, последовавшее за отливом золота, вызванным покупкой серебра для отправки в Индию, в некоторой степени способствовало усилению расстройства. 3-процентные консоли, которые 2 апреля котировались по $96^1/_4$, 28 апреля упали до 89, а на несколько часов даже до $88^1/_4$. Русские $4^1/_2$-процентные бумаги, которые 2 апреля котировались по 100, 28 апреля упали до 87. В течение того же времени сардинские бумаги с 81 упали до 65, а турецкий 6-процентный заем понизился с $93^1/_2$ до .57, хотя позже он снова поднялся до 61. Австрийские 5-процентные бумаги котировались по очень низкому курсу — 49. Главной причиной, вызвавшей это огромное обесценение отечественных и иностранных ценных бумаг, которое сопровождалось подобным же падением железнодорожных акций, в особенности итальянских, явились известия о вторжении австрийцев в Сардинию, о продвижении французской армии в Пьемонт и о заключении оборонительных и наступательных договоров между Францией, Россией и Данией[194]. Правда, в течение дня телеграф

сообщил опровержение со стороны «Constitutionnel» слухов о заключении оборонительного и наступательного договора между Францией и Россией. Но при всем легковерии и оптимизме, которыми несомненно наделены умы фондовой биржи, на сей раз они осмелились не поверить в правдивость французских полуофициальных заявлений. Они еще не могли позабыть, что всего лишь неделю назад «Moniteur» осмелился отрицать, что Франция вооружается или намеревается вооружаться. Более того, отрицая наличие договора, французский оракул, однако, признал, что «соглашение» было достигнуто между двумя самодержцами, восточным и западным, так что опровержение в лучшем случае превращается в игру слов. Вместе с обанкротившимися британскими биржевиками одновременно провалился и русский заем в 12000000 ф. ст., который, если бы к этому времени Австрия не пришла к внезапному решению послать ультиматум Сардинии, был бы, наверное, проглочен Ломбард-стритом. Г-н Симпсон — автор финансовых статей в лондонском «Times» — высказывает такие любопытные замечания о том, как лопнул этот мыльный пузырь русского займа:

«Одним из особенно достойных внимания моментов нынешнего положения вещей является то, что публика избежала этого предполагавшегося займа России. Хотя замыслы этой державы были совершенно прозрачны еще с момента преждевременного окончания Крымской войны благодаря влиянию нашего «союзника» и последовавшему затем свиданию императоров в Штутгарте, было ясно, что никакие предостережения, кроме совершенно бесспорных доказательств, не могли бы помешать ей получить любую желательную для нее сумму, если бы можно было найти солидный банкирский дом, готовый взять на себя проведение этой сделки. Поэтому месяц или два тому назад, когда был выдвинут проект получения 12000000 ф. ст., все заинтересованные стороны обнаруживали признаки крайне приподнятого настроения и уверенности. Пусть английские владельцы капиталов делают все, что хотят, им достанется только весьма умеренная доля! В Берлине и в других местах люди были озабочены тем, чтобы приобрести облигации займа по цене на один или два процента выше цены, по которой он должен был быть предложен на лондонском рынке. При таких обстоятельствах было мало надежды на то, что какое-либо слово предостережения будет услышано. Правда, ни г-н Беринг, ни г-н Ротшильд, которые обычно достаточно сильно соперничают в таких делах, на этот раз не проявили никакой охоты иметь к займу какое-либо отношение. Кроме того, сообщали о таинственном сосредоточении 100000 русских войск в Грузии. Равным образом говорили, что русский посол в Вене открыто заявил, что требование императора Наполеона о пересмотре договоров 1815 г. было совершенно справедливо; и, наконец, недавние старания аннулировать Парижский договор в части, касающейся Дунайских княжеств, поездка великого князя Константина по Средиземному морю и ловкий ход с целью провалить мирную миссию лорда Каули — всего этого, как можно было предполагать, было достаточно, чтобы вызвать колебания. Однако ничто не может подействовать на оптимистически настроенного английского вкладчика, падкого до всякой бумаги, сулящей ему 5% дохода, и нет пределов его презрению к алармистам. Таким об-

разом, надежды лиц, взявших на себя размещение займа, не ослабевали, и фактически всего лишь за день или за два до известия об австрийском ультиматуме происходили последние совещания, с целью иметь наготове все для объявления выпуска займа в любой момент. После получения самых последних успокаивающих заверений французского «Moniteur», которые должны были подтвердить сделанные уже раньше заверения, что Франция не вооружается и не намеревается вооружаться, все дело могло увенчаться полным успехом. Однако «преступный» шаг Австрии, не пожелавшей ждать, пока ее противники получат все, что им нужно, испортил все дело, и, таким образом, сумме в 12000000 ф. ст. придется теперь остаться в Англии».

В Париже, конечно, паника на денежном рынке и последовавшие за ней банкротства намного сильнее расстройства на лондонской бирже. Но Луи-Наполеон, который только что через своих лакеев в Законодательном корпусе вотировал для себя новый заем в 500000000 франков, строжайшим образом запретил сообщать что-либо в прессе об этих неблагоприятных происшествиях. Тем не менее мы можем прийти к правильной оценке нынешнего положения вещей, просмотрев следующую таблицу, извлеченную мною из официального курсового бюллетеня:

	24 марта фр. сант.	7 апреля фр. сант.	28 апреля фр. сант.
3-процентная рента	69 20	67 95	62 00
Акции французского банка	2865 00	2840 00	2500 00
Credit Mobilier	805 00	707 50	530 до 542 00
Орлеанской железной дороги	1 368 00	1 257 50	1 150 00
Северной » »	940 00	915 00	835 00
Восточной » »	682 00	627 50	550 00
Средиземноморской железной дороги	850 00	830 00	752 00
Южной » »	523 00	503 75	412 50
Западной » »	600 00	537 50	485 00
Женевской » »	540 00	520 00	445 00
Австрийской » »	560 00	536 25	406 25
Виктора-Эммануила » »	400 00	390 00	315 00
Ломбардо-Венецианской » »	527 50	512 50	420 00

Финансовые умы Англии в настоящий момент чрезвычайно раздражены против британского правительства, обвиняя его в том, что оно сделало себя посмешищем в дипломатических кругах Европы и, что еще важнее, ввело в заблуждение коммерческий мир своей упрямой слепотой и недомыслием. Действительно, лорд Дерби в течение всей этой комедии переговоров позволил Франции и России превратить себя в какой-то футбольный мяч. Не довольствуясь своими прежними непрерывными

промахами, он снова попал в ту же самую ловушку, когда прибыло известие об австрийском ультиматуме, который он на обеде у лондонского лорд-мэра заклеймил как «преступный», причем он даже тогда еще ничего не знал о русско-французском договоре. Его последнее предложение посредничества, которое, по его мнению, Австрия не могла не принять, было простой предвыборной уловкой, которая могла привести только к одному результату: дать Бонапарту лишних 48 часов для концентрации своих войск и для того, чтобы парализовать неизбежные действия Австрии. Такова дипломатическая проницательность этой гордой аристократии, которая сопротивляется демократической парламентской реформе под тем предлогом, что эта реформа могла бы вырвать руководство иностранной политикой из искусных рук наследственных политиков. В заключение замечу, что восстания в Тоскане и в герцогствах[195] дают Австрии желанный повод для их оккупации.

Написано К. Марксом 29 апреля 1859 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5634, 12 мая 1859 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

СЛАДЕНЬКИЕ РЕЧИ

Нота Луи-Наполеона от 27 апреля, направленная через его дипломатических представителей правительствам Европы, а также его обращение от 3 мая к своему Законодательному корпусу показывают, что император вполне отдает себе отчет, насколько широко распространены подозрения относительно мотивов и конечных целей вмешательства в дела Италии и всеми силами стремится рассеять их. В ноте он стремится доказать, что в вопросе этого вмешательства он действовал все время только в согласии с Англией, Пруссией и Россией, представляя дело таким образом, что все эти державы так же, как и он, не удовлетворены положением в Италии, одинаково убеждены в опасностях, вытекающих из распространившегося там недовольства и проводимой там тайной агитации, и в равной степени стремятся предупредить неизбежный кризис посредством разумной предосторожности. Но когда он ссылается в качестве доказательства на миссию лорда Каули в Вену[196], на предложение России созвать конгресс и на поддержку Пруссией этих мер, он, по-видимому, забывает о том, что главной целью этих мероприятий была отнюдь не Италия, что их целью и импульсом к ним был наметившийся разрыв между Австрией и Францией, по сравнению с которым недовольство и волнения в Италии потеряли свое значение.

Только внезапное проявление особого интереса со стороны Наполеона к делам Италии придало в глазах других европейских держав чрезвычайную важность итальянскому вопросу. Хотя Австрия первой начала военные действия, остается непреложным фактом, что, не будь подстрекательства Сардинии

со стороны Наполеона, — подстрекательства, в котором ни Пруссия, ни Англия не принимала участия, — а также шагов, предпринятых Сардинией вследствие этого, не было бы никаких оснований думать, что военные действия будут начаты. В действительности Франция отнюдь не предлагала свое сотрудничество для дружеского урегулирования совместно с другими державами спора между Австрией и Сардинией; нельзя пройти мимо того факта, что только тогда, когда Франция по существу ввязалась в этот конфликт, другие державы сочли нужным более серьезно заинтересоваться им, при этом уже не как итальянским, а как общеевропейским вопросом. Именно то обстоятельство, что только одна Франция чувствует себя призванной стать на защиту Сардинии против нападения Австрии, противоречит мнению, которое пытаются утвердить, будто в итальянском вопросе Франция действовала исключительно в сотрудничестве с другими державами. Как в этой ноте, так и в своем обращении к Законодательному корпусу французский император особенно настойчиво отрицает всякое личное честолюбие, всякое стремление к завоеваниям, какое-либо желание установить французское влияние в Италии. Он хочет, чтобы поверили, что он посвящает себя исключительно установлению итальянской независимости и восстановлению того равновесия сил, которое было нарушено благодаря преобладанию Австрии. Те, кто помнят заявления, сделанные императором, и клятвы, данные им тогда, когда он был президентом Французской республики, едва ли будут склонны слепо верить одним только его декларациям; и даже эти его попытки успокоить страхи и рассеять подозрения Европы содержат намеки, в значительной степени рассчитанные на то, чтобы произвести обратное действие.

Никто не может сомневаться в том, что Луи-Наполеон в настоящий момент искренне желает предотвратить какое-либо вмешательство со стороны Англии и Германии в его войну против Австрии. Но этого далеко не достаточно, чтобы доказать, что он стремится лишь к тому, чтобы урегулировать итальянский вопрос. Предположим, что он стремится к гегемонии над Европой. В этом случае он, конечно, предпочел бы воевать с различными державами поодиночке. Он удивляется возбуждению, царящему в некоторых государствах Германии, хотя это возбуждение вызвано теми же самыми причинами, которыми он объясняет свою собственную поспешность, с какой бросается на помощь Сардинии.

Если Франция граничит с Сардинией, связана с ней старыми традициями, общностью происхождения и недавно заключенным с ней союзом, то между Германией и Австрией существуют та-

кие же и даже более тесные связи. Если Наполеон не хочет ждать, чтобы не очутиться лицом к лицу перед совершившимся фактом, а именно — перед победой Австрии над Сардинией, то и немцы также не намерены ждать, пока полная победа Франции над Австрией станет совершившимся фактом. Что Луи-Наполеон стремится унизить Австрию, по крайней мере изгнать ее из Италии, этого он не отрицает. Правда, он отрицает какое-либо намерение приобрести итальянскую территорию или влияние в Италии, заявляя, что целью войны является восстановление независимой Италии, а не навязывание ей смены хозяев. Но представьте себе, что итальянские правительства, независимость которых по отношению к Австрии предполагается восстановить, стали бы тревожить — как это, по всей вероятности, и будет — те, кого Луи-Наполеон изображает как «подстрекателей к беспорядкам и неисправных членов старых клик». Что же тогда?

«Франция», — говорит Луи-Наполеон, — «показала свою ненависть к анархии».

Этой самой ненависти к анархии, по его заявлению, он обязан своей нынешней властью. В этой ненависти к анархии он нашел оправдание для разгона Национального собрания, для нарушения своих собственных клятв, для свержения республиканского правительства военной силой, для уничтожения всякой свободы печати, для ссылки в изгнание или отправки в Кайенну всех противников своей неограниченной диктатуры. Не может ли подавление анархии сослужить ему такую же хорошую службу и в Италии? Если «подавление подстрекателей к беспорядкам и неисправимых членов старых клик» оправдывало уничтожение свободы во Франции, не может ли это точно так же послужить благовидным предлогом для уничтожения независимости Италии?

Написано К. Марксом около 6 мая 1859 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5639, 18 мая 1859 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ОТНОШЕНИЕ АВСТРИИ, ПРУССИИ И ГЕРМАНИИ К ВОЙНЕ

Вена, 10 мая 1859 г.

Нетерпение и разочарование венской публики, вызванные медленным ходом войны, которая, казалось, была столь решительно начата, побудили правительство расклеить на всех стенах столицы следующее сообщение:

«Вероятность того, что все известия, публикуемые австрийскими газетами о передвижениях императорской армии, могут в течение нескольких часов стать известны неприятелю и быть им использованы, налагает на нас обязанность соблюдать величайшую осторожность во всех таких сообщениях, предназначенных для публики. Согласно последним известиям, императорская армия заняла между По и Сезией позицию, которая может служить базой для наступательных операций. В ее руках находятся все переправы через Сезию, и хотя все еще продолжающийся подъем воды в По не допускает какой-либо решающей переброски сил на правый берег реки, территория между Понтекуроне и Вогерой по-прежнему занята значительными отрядами императорской армии; в то же время нами разрушен железнодорожный мост близ Валенцы».

Само собой разумеется, австрийское правительство с некоторой тревогой наблюдает за положением дел в мелких итальянских государствах. Военное министерство опубликовало следующее сообщение о военных силах этих государств:

Тоскана. 4 линейных пехотных полка, каждый полк состоит из 2 батальонов, каждый батальон из 6 рот — всего 6833 человека; 1 батальон стрелков — из 6 рот, 780 человек; 1 батальон островных стрелков — 780 человек; батальоны егерей-волонтеров — 2115 человек; 1 батальон ветеранов — 320 человек; 1 дисциплинарный отряд — 150 человек; 2 эскадрона драгун — 360 лошадей; 1 артиллерийский полк — 8 батарей по 6 орудий в каждой; 1 дивизион береговой артиллерии — 2218 человек; 1 полк жандармов — 1800 человек. Вместе с соответствующими

штабами, саперами, моряками и пр. это составляет 15769 человек.

Парма. Лейб-гвардия, алебардисты, гиды — 179 человек; 2 линейных батальона, 1 батальон егерей — 3 254 человека; артиллерийская батарея — 84 человека; саперы — 14 человек; четыре роты жандармов — 417 человек; со штабами, командным составом, учебными подразделениями, рабочими ротами — всего 4294 человека.

Модена. 4 линейных полка, только по 1 батальону в каждом — 4880 человек; рота егерей — 120 человек; 3 роты драгун — 300 человек; одна 6-орудийная батарея полевой артиллерии — 150 человек; одна 12-орудийная батарея береговой артиллерии — 250 человек; 1 рабочая рота— 130 человек; 1 саперная рота — 200 человек; кроме того некоторое количество ветеранов, алебардистов и пр., всего — 7594 человека.

Сан-Марино. Армия этой маленькой республики насчитывает 800 человек.

Рим. 2 полка швейцарской пехоты (третий полк в настоящее время формируется) — 1862 человека; 2 итальянских полка такой же численности; 2 оседлых батальона (категория солдат довольно странная) — 1200 человек; один полк драгун — 670 всадников; 1 артиллерийский полк с семью батареями по 4 орудия в каждой — 802 человека; жандармы — 4323 человека; со штабами, саперами и пр. — 15255 человек.

Неаполь и Сицилия. 4 швейцарских полка, 2 неаполитанских гвардейских гренадерских полка, 6 гренадерских полков, 13 пехотных полков, 1 полк карабинеров с учебно-запасными ротами, насчитывающие вместе 57096 человек; 12 батальонов егерей — 14976 человек, а с учебно-запасными ротами — 16740 человек; 9 кавалерийских полков, 2 полка тяжелых драгун, 3 драгунских полка, 1 полк карабинеров, 2 уланских полка, 1 полк конных егерей — 8415 всадников; 2 артиллерийских полка, каждый из 2 дивизионов полевой артиллерии и 1 дивизиона осадной артиллерии или из 16 батарей полевой артиллерии с 128 орудиями и 12 батарей осадной артиллерии, всего вместе с обозом — 52000 человек. Прибавив алебардистов, саперов, гидов, лейб-гвардию и пр., получаем всего 130307 человек.

Неаполитанский флот состоит из 2 линейных кораблей с 80 и 84 пушками, 50 парусных и 12 паровых фрегатов с 10 пушками каждый, 2 парусных и 4 паровых корветов, 2 парусных шхун, 11 небольших пароходов, 10 мортирных кораблей и 18 канонерок.

Австрийское правительство более пли менее предвидело события в Тоскане, так что они, можно сказать, до известной степени были учтены им. Но что действительно внушает ему

опасения, это безучастная, нерешительная и отнюдь не дружелюбная позиция, занятая прусским правительством. Прусское правительство вооружается, ибо его принуждают к этому решительные требования общественности, но в то же время оно, так сказать, парализует эти вооружения своими дипломатическими действиями. Читатели знают, что члены нынешнего прусского кабинета министров, и в особенности министр иностранных дел фон Шлейниц, принадлежат к партии, известной в Германии под названием Готской партии[197]. Эта партия тешит себя иллюзией, что крушение Австрии помогло бы Пруссии создать новую Германию под верховенством Гогенцоллернов. Эта партия с притворной доверчивостью выслушивает уверения бонапартовской дипломатии в том, что война будет «локализована» в Италии, и что формирование французского обсервационного корпуса в Нанси под командой Пелисье имеет целью только немного польстить этому «прославленному воину». Замечу en passant[*], что номер «Moniteur», содержащий эту успокоительную теорию, одновременно публикует также императорский приказ о сооружении в Париже статуи Гумбольдта. Этот маневр по меньшей мере показывает, что по мнению Бонапарта Готскую партию так же легко можно купить статуями, как французских зуавов колбасой[198]. Достоверно одно, что австрийский уполномоченный в Союзном сейме во Франкфурте[**] внес предложение, призывающее Германский союз высказаться, не является ли участие Бонапарта в итальянской борьбе угрозой для самого Союза, однако сейм, вследствие интриг Пруссии, до сих пор воздерживается от ответа на этот вопрос. Быть может, Пруссия права, протестуя против попыток большинства мелких германских «Landesvater»[***] диктовать ей свою волю, но в таком случае она была обязана взять в свои руки инициативу и сама предложить меры, необходимые для защиты Германии. До сих пор она придерживалась совершенно противоположной линии поведения. 29 апреля Пруссия направила ноту различным членам Германского союза, в которой довольно настоятельно рекомендует им сдержанность и осторожность. В ответ на это послание правительства Южной Германии в весьма выразительном тоне напомнили берлинскому кабинету римскую формулу: «Caveant consules ne quid respublica detrimenti capiat»[199].

Они заявили, что, по их убеждению, момент серьезной угрозы для безопасности Германии уже наступил и что время, когда

[*] — мимоходом. *Ред.*
[**] — Рехберг, Иоганн Бернхард. *Ред.*
[***] — «отцов народа». *Ред.*

можно было бездействовать, безусловно, прошло. В своих собственных владениях прусское правительство находит самых разнообразных союзников. Помимо самой Готской партии существует, во-первых, русская партия, которая проповедует нейтралитет. Далее имеется весьма влиятельная партия, представленная «Kolnische Zeitung»[200], состоящая из банкиров, биржевых маклеров и дельцов, материальные интересы которых подчинены парижскому Crédit Mobilier и, следовательно, бонапартизму. Наконец, существует псевдодемократическая партия, которая делает вид, что она настолько возмущена грубостью Австрии, что готова в политике героя декабря увидеть либерализм. Я утверждаю, что некоторые из членов этой последней партии были, несомненно, подкуплены наполеондорами, и что главный организатор этого торга совестью проживает в Швейцарии, что сам он не только немец по национальности, но и бывший член германского Национального собрания 1848 г. и ярый радикал[201]. Вы понимаете, что при таких обстоятельствах здесь в Вене зорко следят за каждым проявлением антинейтрализма в Пруссии, и что небольшой манифест прусского историка крестовых походов г-на Фридриха фон Раумера, озаглавленный *«Точка зрения Пруссии»*[202] и открыто оспаривающий теорию Готской партии, превозносится до небес. Нижеследующие выдержки дадут читателям возможность судить о смысле его излияний:

«Некая партия утверждает, что Пруссия должна сохранять полнейшую самостоятельность, не давая увлечь себя ни событиями, ни нетерпеливыми настояниями тех, кто хотел бы направить политику Германии на ложный путь и побудить к поспешным мероприятиям. Правительство, говорят представители этой партии, должно противостоять этим тенденциям с непоколебимой твердостью; и поскольку одно из крупных германских государств втянуто в итальянскую войну, другие германские государства должны сплотиться вокруг Пруссии как естественного центра германской политики.

Мы не можем подчиниться этим увещаниям без тщательного анализа их подлинного значения. Прежде всего утверждение о полнейшей самостоятельности Пруссии является преувеличением. Наоборот, Пруссия совершенно правильно осматривалась, расспрашивала, выражала пожелания, предостерегала, давала советы, ибо, окруженная четырьмя мощными государствами, она не может фактически претендовать на полную самостоятельность, а должна считаться с действиями своих соседей, не принося, однако, в жертву свое истинное призвание; Пруссия вошла в число великих держав не благодаря своим размерам, а благодаря своему разуму, своей решимости и энергии. При отсутствии этих качеств, она, как показывает история, превратится во второстепенное государство, которым будут пренебрегать другие державы, и над которым они, возможно, будут господствовать.

Целых четыре месяца дипломатия всеми силами боролась против такого противника, как Наполеон III, но совершенно ничего не добилась

и полностью обанкротилась. Разве не естественно, разве не похвально то, что немцы, наученные горьким опытом, отлично понимая, чего требуют честь, долг и интересы самосохранения, начинают терять терпение и не желают больше принимать призрачные облака за твердые скалы?

Как можно неизменно придерживаться старой точки зрения, когда изменились все основные условия, и для нас наступили решающие события! А так как позиция посредничества ни к чему не привела, то позволительно усомниться, была ли она с самого начала правильной? Не являлось ли величайшей ошибкой в вопросе об отношениях между Францией и Австрией занять такую же позицию, как если бы речь шла об отношениях между Францией и Турцией? Эта мнимая беспристрастность Пруссии, без какого-либо предпочтения Германии, не завоевала симпатий французов, но зато в остальной Германии уменьшила расположение и доверие к Пруссии.

Повторяем: без Германии Пруссия не может, в конечном счете, быть великой державой. Предложение и совет, состоящие в том, чтобы оставить Австрию на произвол судьбы и все надежды возложить на одну Пруссию, равносильны гибели Германии. Предлагают следующее: Германию, чувствующую себя, наконец, неделимым целым, нужно, следуя примеру Медеи, разрезать на куски и бросить в котел ведьм; при этом ей внушают, что дипломатические повара позаботятся о том, чтобы вновь собрать ее из этих кусков и возродить! Мы же не знаем ничего более безрассудного, более непатриотического, более гибельного, чем эта открыто провозглашаемая и контрабандой протаскиваемая доктрина об австрийской Германии и прусской Германии: именно эта достойная осуждения доктрина о какой-то демаркационной линии, рассекающей и расчленяющей наше отечество была широко распространена в 1805 г. и привела к 1806 году.

Интересы всей Германии являются в то же время интересами Пруссии, а Австрия на протяжении веков, невзирая на все недостатки, ошибки и неудачи, была всегда оплотом Германии против славян, турок и французов. Через несколько недель должен наступить решительный поворот в итальянской войне. Будет ли через несколько недель Германия готова в случае, если Наполеон, соблазняя Францию перспективой естественной границы по левому берегу Рейна, спросит согласия Пруссии на эту границу в силу Базельского мирного договора?

В *осторожности* до сих пор не было недостатка, — скорее не хватало *предусмотрительности;* события опередили всех выжидающих, заставили их забыть старую испытанную пословицу: «Время потеряно — все потеряно!»»

Чтобы не пропустить отходящую почту, я откладываю до следующего случая некоторые замечания о торговой панике и народных движениях в этом веселом и простодушном городе.

Написано К. Марксом 10 мая 1859 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5647, 27 мая 1859 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ВОЙНА

Наполеон III отплыл 11 мая из Марселя в Геную, где он должен был принять командование над французской армией и где уже были сделаны приготовления, чтобы встретить его с исключительной помпой. Окажутся ли его военные подвиги равными неоспоримым триумфам его дипломатии, это — проблема, для решения которой мы, вероятно, будем скоро иметь достоверный материал; до сих пор единственным, представленным им свидетельством его стратегических способностей является его план военных операций в Крыму, основные положения которого устарели и принадлежали к военной школе Бюлова, о котором великий Наполеон сказал, что его наука — наука поражения, а не победы[203].

Бесспорно, что французский император вступает в Италию, имея на своей стороне огромный моральный успех. После того как он заставил австрийцев, благодаря большей хитрости и ловкости, взять на себя тяжкую ответственность объявления войны, ему посчастливилось стать свидетелем того, как в течение двух недель фактического бездействия они потеряли единственное преимущество, на которое могли рассчитывать, совершая этот важный шаг. Вместо того, чтобы сокрушить пьемонтскую армию, пользуясь численным превосходством и быстротой движения, прежде, чем могли прибыть французские подкрепления, австрийцы упустили этот удобный случай, и теперь перед ними стоит союзная армия, вполне равная их собственной и с каждым днем приобретающая превосходство над ними. Вместо наступательных операций и победоносного продвижения вперед австрийцы, весьма вероятно, будут вскоре вынуждены оставить даже Милан и отступить на линию Минчо, где они ограничатся

чисто оборонительными действиями под прикрытием своих больших крепостей. Итак, Луи-Наполеон начинает карьеру полководца, имея на своей стороне преимущества в силу огромных и почти необъяснимых промахов, совершенных его противником. Его счастливая звезда все еще восходит.

Первые две педели войны представляют собой, с австрийской стороны, любопытную, хотя и однообразную историю, очень похожую на ту, которая рассказывается в знаменитом куплете о французском короле. 29 апреля австрийский авангард переправился через Тичино, не встретив особого сопротивления, а на следующий день за ним последовали главные силы. Судя по первым передвижениям, произведенным в направлении на Арону (на озере Лаго-Маджоре), Новару и Виджевано, казалось, что наступление было направлено на Верчелли и туринскую дорогу. Занятие Верчелли 1-го или утром 2 мая и телеграммы из Швейцарии, сообщающие, что силы вторгшейся армии сосредоточены на Сезии, как будто подтверждали эту точку зрения. Однако это наступление было, по-видимому, ложным и предпринято с целью обложить контрибуцией все районы, расположенные между Тичино и Сезией, и нарушить телеграфную связь между Пьемонтом и Швейцарией. Действительная цель наступления была указана сводкой генерала Дьюлаи, из которой явствует, что Коццо и Камбио являлись главными пунктами сосредоточения, и что вечером 2 мая его главная квартира находилась в Ломелло. Так как первый из названных пунктов расположен близ слияния Сезии и По (немного к востоку от него), второй пункт —на По, несколько к востоку от слияния Бормиды с этой рекой, а третий пункт находится несколько дальше в тылу, но на равном расстоянии от двух первых, то взглянув на карту, мы увидим, что австрийцы наступают против фронта пьемонтской позиции, расположенной за По и растянувшейся от Касале до Алессандрии с центром у Валенпы. Как явствует из дальнейших сообщений, полученных через Турин, 3 мая они навели мосты через По у Камбио и отправили разведывательные отряды по направлению к Тор-тоне, на южном берегу этой реки; они также производили разведку почти по всему фронту пьемонтской позиции, в особенности близ Валенпы, завязывая бои с неприятелем в нескольких пунктах, с целью заставить его обнаружить свои силы. Прошел также слух, что один австрийский корпус вышел из Пиаченцы и направился вдоль южного берега По к Алессандрии, однако это сообщение не подтвердилось. Тем не менее, ввиду наведения мостов через По у Камбио, это движение не представляло ничего невероятного.

Такова была картина кампании до 5 мая. Пока, разумеется также и в период после 5 мая, маневрирование австрийцев отличалось чрезвычайной медлительностью и осторожностью, чтобы не сказать большего. От Тичино до По, у Валенцы, наверное, не более 25 миль, или два обычных перехода, а так как военные действия начались 29 апреля, то все вторгнувшиеся войска могли бы быть сосредоточены напротив Валенцы к полудню 1 мая. Авангард мог бы закончить разведку в тот же самый день, и в течение ночи можно было бы принять решение относительно развертывания на следующий день решительных действий. Располагая только сообщениями, доставленными по почте Вандербилта, мы как и раньше, все еще не можем объяснить имевшее место промедление. Но так как обстоятельства настоятельно требовали от австрийцев быстроты действий и так как генерал Дьюлаи пользуется репутацией решительного и смелого командира, то естественно предположить, что они были принуждены к осторожному образу действий непредвиденными обстоятельствами. Существовал ли первоначально план идти на Турин через Верчелли, от которого отказались лишь по получении известий о прибытии в Геную такого числа французов, которое делало обходной маневр опасным? Находилось ли это в какой-либо связи с состоянием дорог, повсюду перерезанных и забаррикадированных пьемонтцами, или генерал Дьюлаи, способности которого как главнокомандующего совершенно неизвестны миру, оказался связан громоздкостью армии, которой ему пришлось руководить? На все эти вопросы трудно дать ответ. Впрочем, взгляд на позиции, занимаемые другой стороной, может пролить некоторый свет на положение дел.

Прежде чем хотя бы один австриец перешел границу, французы начали массовое вступление в Пьемонт. 26 апреля первые отряды прибыли в Геную; в тот же день дивизия генерала Буа прошла в Савойю, перевалила через Монсени и 30 апреля прибыла в Турин. В этот день 24000 французов были в Алессандрии и около 16000 в Турине и в Сузе. С тех пор их приток не прекращался, но в Геную их прибывало гораздо больше, нежели в Турин. Из обоих пунктов войска отправлялись дальше, к Алессандрии. Число французов, отправленных таким путем на фронт, конечно, не может быть определено, но, судя по обстоятельствам, на которые мы укажем ниже, не может быть сомнения, что к 5 мая оно, по-видимому, считалось достаточным, чтобы позволить союзным армиям держаться и помешать австрийцам обойти их позиции у Верчелли. Первоначальный план заключался в том, чтобы удерживать линию По от

Алессандрии до Касале главными силами пьемонтцев и теми французскими войсками, которые могли быть подтянуты из Генуи, а остальные силы пьемонтпев (савойские гвардейские бригады) вместе с французами, прибывающими через Альпы, должны были удерживать линию Дора-Балтеи от Ивреи до Кивассо, прикрывая тем самым Турин. Таким образом, любое наступление австрийцев на линию Доры могло бы быть парализовано атакой во фланг пьемонтцев, которые вышли бы из Касале и заставили вторгшегося врага разделить свои силы. Однако, несмотря на все это, позиция союзников была пригодна лишь в качестве временной и по существу была плохой. От Алессандрии до Ивреи она тянулась приблизительно на 50 миль, с одним исходящим и одним входящим углом; и хотя предоставляемая ею возможность для фланговой атаки значительно усиливала ее, все же наличие такой длинной линии давало неприятелю большие удобства для проведения ложных атак, к тому же на ней нельзя было организовать серьезного сопротивления решительному наступлению. Если бы линия Доры оказалась захваченной, а фланговая атака была бы на время парализована меньшими силами австрийцев, то победоносные австрийцы могли бы свободно вернуться на любой берег По и превосходящими силами оттеснить армию Алессандрии под защиту пушек этой крепости. Если бы австрийцы действовали энергично в первые два-три дня войны, то все это легко могло быть осуществлено. Тогда еще не было армии, сосредоточенной между Алессандрией и Касале, которая могла бы угрожать их действиям. Но в течение 3, 4 и 5 мая положение изменилось, и численность французов, прибывших на эту позицию и все еще продолжавших прибывать из Генуи, по-видимому, уже была достаточно велика, чтобы довести силы, защищающие ее, приблизительно до 100000 человек, из которых 60000 могли быть использованы для наступления через Касале. Что это число считалось достаточным для прикрытия Турина, косвенно доказывается тем фактом, что уже 3 мая как французские, так и сардинские войска двигались от линии Доры к Алессандрии. Таким образом, медлительность австрийцев позволила союзникам спокойно закончить этот опасный маневр — сосредоточение своих сил на алессандрийской позиции. Тем самым австрийское наступление потеряло всякий смысл и союзники достигли того, что мы назвали моральной победой.

До сих пор австрийский генерал, по-видимому, действовал, руководствуясь поочередно по крайней мере тремя различными планами кампании. Кажется, что сначала, переправляясь через Тичино, он намеревался идти прямо на Верчелли

и Дору; затем, узнав о прибытии в Геную крупных французских сил и считая фланговый марш мимо Касале слишком опасным, он изменил направление своего наступления и повернул к Ломелло и По; и, наконец, он снова меняет свое намерение, совсем отказывается от наступления и, укрепляясь на Сезии, ожидает приближения союзников с целью дать им сражение. Правда, наши сведения о его передвижениях весьма недостаточны, ибо они почерпнуты почти исключительно из французских и сардинских телеграмм, но лишь такой вывод, по-видимому, может быть сделан из длительной бездеятельности главных сил австрийцев и из различных, не столь важных и, по-видимому, нерешительных маневров передовых отрядов между 5 и 11 мая.

В случае, если наступление союзников будет отсрочено каким-нибудь происшествием еще на несколько дней, то не исключена возможность, что мы будем свидетелями еще одной перемены австрийской стратегии — в форме отступления к Тичино, даже без боя, ибо армия Дьюлаи не может долго оставаться в бездействии среди пагубных для нее болотистых рисовых полей, где, согласно нашим последним сведениям, она находилась, и должна либо рискнуть на наступление с очень сомнительными шансами на успех, либо занять новую позицию в более здоровой местности. Однако надо ожидать немедленного наступления союзников и сражения; и вероятно, известия об этом будут получены с ближайшей почтой. Но при таких обстоятельствах не удивительно, что, как нам сообщают из Вены, Хесс, наиболее вероятный преемник Дьюлаи на посту командующего, не одобряет его действия; и почти наверняка можно сказать, что, если австрийцы не выиграют предстоящей битвы, у них будет новый главнокомандующий раньше, чем завершится первый месяц войны. Впрочем, такое событие в военной истории Австрии не представляет ничего необычного.

Написано Ф. Энгельсом 12 мая 1859 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5643, 23 мая 1859 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ЧРЕЗВЫЧАЙНО ВАЖНЫЕ ИЗВЕСТИЯ ИЗ ВЕНЫ

Вена, 14 мая 1859 г.

Прусский генерал Виллизен (брат другого прусского генерала, носящего ту же фамилию, который завоевал некоторую славу своими работами в области военной науки[204] и потерял ее вновь из-за своего руководства войной в Шлезвиг-Гольштейне) прибыл сюда, очевидно с поручением из Берлина, для встречи безмозглого короля Пруссии и королевы[*] на их обратном пути в Пруссию. Говорят, что в действительности он преследует две цели: во-первых, потребовать от Австрии прекращения ее интриг во франкфуртском сейме, поскольку Пруссия не желает подчиняться диктату венского кабинета, действующего под прикрытием существующего лишь на бумаге Германского союза; во-вторых, подсластить преподнесенную таким образом пилюлю положительными заверениями в том, что Пруссия в настоящее время приняла твердое решение относительно «вооруженного посредничества». Этот туманный термин толкуется следующим образом: Пруссия, наведя порядок у себя дома и вооружившись до зубов, сделает какие-нибудь новые мирные предложения Бонапарту и после отклонения их бросит свой меч на чашу весов. Одновременно с этим важным сообщением австрийское правительство получило через Берн известия о том, что русско-французский договор, помимо еще неизвестных секретных пунктов, обязывает Францию ограничить военные действия рамками, соответствующими открыто провозглашенной ею цели освобождения Италии, а Россия обязуется при первом действительном вмешательстве Германского

[*] — Фридриха-Вильгельма IV и Елизаветы. *Ред.*

союза в борьбу двинуть через свои границы армию, насчитывающую не меньше 300000 человек.

Здесь слышно много жалоб на устаревшую стратегию генерала Дьюлаи, и даже распространился слух об его отставке, причем его преемником называют генерала Хесса. Но такой шаг, по-видимому, еще не собираются предпринимать, поскольку полковник Кун — наиболее выдающийся офицер австрийского генерального штаба — был направлен для укрепления руководства Дьюлаи, отличающегося нерешительностью. Сам Дьюлаи — мадьяр. Он родился в Пеште 1 сентября 1798 года. В возрасте 16 лет в чине младшего лейтенанта поступил в пехотный полк, которым командовал его отец, затем он был переведен в гусары, в сентябре 1827 г. стал майором императорских улан, вскоре после этого — полковником 19-го пехотного полка, а в 1837 г. получил чин генерал-майора и должность командира бригады в Санкт-Пёльтене. В 1845 г. он командовал 33-м пехотным полком в Вене; в 1846 г. получил звание фельдмаршал-лейтенанта и был послан в Триест в качестве дивизионного генерала и главнокомандующего. Здесь в 1848 г. ему представился случай отличиться. Возглавив, под свою собственную ответственность, морские силы, он уволил находившихся на подозрении итальянских офицеров и матросов, поставил военные корабли в безопасности в различных базах далматинского побережья и спас несколько военных кораблей, уже находившихся на пути в Венецию[205]. Он распорядился о необходимых оборонительных мероприятиях в Триесте, Поле, Пирано и в других важных пунктах побережья, укрепил границу, находившуюся под угрозой восстания, и подготовил наступление, которое и было проведено фельдцейгмейстером графом Нугентом 17 апреля 1848 г., после прибытия подкреплений из внутренних провинций. Гребная флотилия, организованная Дьюлаи, поддерживала действия армии на побережье. 23 мая пьемонтский флот появился перед Триестом, но благодаря произведенным Дьюлаи приготовлениям вынужден был держаться на почтительном расстоянии. Попытка флота захватить врасплох отдаленную батарею в Сан-Баркола также потерпела неудачу. В последний раз пьемонтский флот напал на Триест 8 июня, но убедившись в том, что Дьюлаи хорошо подготовился, скрылся за горизонтом 4 июля, а после боя у Кустоцы покинул Адриатическое море. За эти заслуги Дьюлаи получил от императора различные ордена и почетное гражданство от магистрата Триеста. Получив в начале июня 1849 г. назначение на должность военного министра Австрии, он проявил себя, как говорят, энергичным и деятельным человеком.

В момент занятия Рааба[206] он находился в свите императора. Из Вены, куда он вернулся в свое министерство, Дьюлаи, по получении сообщения о поражении при Аче[207], немедленно отправился в Коморн, чтобы принять там необходимые меры. Позднее он был послан в инспекционную поездку по всей империи и представил свой доклад Францу-Иосифу. Сменив в июле 1850 г. должность военного министра на командование 5-м корпусом в Милане, он был возведен в звание фельдцейгмейстера и получил орден Золотого руна. После отставки Радецкого он получил командование 2-й армией, которую он сейчас повел против Пьемонта. Он принадлежит к числу тех австрийских генералов, по происхождению в большинстве своем словенцев или мадьяр, которые опозорили себя поркой женщин и другими гнусными жестокостями.

Два батальона венских добровольцев уже отправились на театр военных действий, а сегодня отправляется третий батальон. Эти добровольцы, одетые в мундиры *легионеров* 1848 г.[208] и принадлежащие к *исконному* дворянству предместий, были вначале героями дня. Балы, концерты и театральные представления в их пользу давались в изобилии, и даже австрийский Орфей вальсов г-н Штраус перед своим довольно непатриотическим отъездом в Петербург написал в их честь новый марш. Однако нельзя отрицать, что за последнее время популярность этих новоявленных воинов катастрофически упала. Эти неотесанные грубияны предместий потребляли слишком много пива и сигар, позволяли себе чрезмерные вольности по отношению к прекрасному полу и довольно часто выходили за рамки даже венского «юмора». Что они собой представляют, видно из слов их излюбленной песенки:

«Ich bin ein achter Wiener,
Fuhr ein lustiges Leben,
Und da hat mich mein Vater
Zu den Deutschmeistern gegeben;
Deutschmeister ist ein
Gar lustiges Regiment,
Halt in der einen Hand den Sabel,
In der andern das Ciment».

(«Я истинный сын Вены, люблю веселое житье, и потому папаша отдал меня в полк «Дейчмейстеров»; наш полк — веселый полк, в одной руке сабля, в другой — цимент»).

Следует пояснить, что цимент — это пивная кружка, которая вмещает ужасающее количество жидкости.

Один из подвигов этих «свободных и веселых» людей принял довольно серьезный оборот и справедливо получил суро-

вую отповедь в печати. Казармы наших друзей расположены на улице Зальцгрис, которая, так же как и ведущие к ней улицы, в основном заселена евреями. Евреи из Галиции, приезжающие по делам в Вену, обычно также останавливались в этих довольно грязных районах. Однажды, возвращаясь вечером в свои казармы из «Шперля», где их публично чествовали и поздравляли с предстоящими проявлениями доблести, эти герои-гуляки, находясь в довольно возбужденном состоянии и предвкушая свои будущие деяния, внезапно напали на несчастных евреев. Они выбили окна в домах некоторых из них, других сбили с ног, у многих отрезали бороды, одного несчастного даже бросили в бочку с дегтем. К мирным прохожим обращались с вопросом: «Вы — еврей?» и, в случае утвердительного ответа, их безжалостно избивали под шумные выкрики: «Macht nichts, der Jud wird gefarn gelt» («Ничего, еврея надо поколотить»). О повышенной чувствительности этих венских гуляк можно судить по следующему факту: один пятнадцатилетний ученик сапожника, не допущенный сержантом-вербовщиком в добровольческий корпус, с отчаяния повесился.

Денежные и финансовые затруднения имеют место во всех слоях общества, начиная от наивысшего и кончая самым низшим. Во-первых, как вы, вероятно, ранее узнали из европейской прессы, сам император заложил свои фамильные драгоценности. Во-вторых, какой бы орган венской прессы вы ни взяли в руки, вам, безусловно, бросится в глаза помещенный на видном месте столбец, озаглавленный: «Патриотические пожертвования». Эти патриотические дары, предназначенные или для военных целей вообще, или специально для формирования добровольческих отрядов, весьма различны по своим размерам; одни состоят из незначительной суммы в 2 флорина 12 крейцеров, другие достигают таких больших сумм, как 10000—12000 флоринов. Денежные пожертвования кое-где перемежаются с подношениями более средневекового характера, в виде пары револьверов от торговца оружием, бумаги для патронов от владельца бумажной фабрики, ткани для обмундирования от суконщика и так далее. Среди пожертвований от отдельных лиц фигурируют, что довольно-таки подозрительно, средства, собранные в провинциальных общинах под официальным давлением мелких муниципальных чиновников и бургомистров (мэров). Отличительной чертой всех более ценных взносов является, однако, то, что они делаются не в каких-либо денежных знаках, а в государственных облигациях и купонах государственных процентных бумаг, так что государству в буквальном смысле платят «его же собственной

монетой». Самым безошибочным, бросающимся в глаза на каждом шагу признаком расстройства финансов является полное исчезновение мелкой разменной монеты из текущего денежного обращения. Как только было официально объявлено о приостановке платежей наличными и о сопутствующих финансовых мероприятиях, мелкая металлическая монета, как медная, так и серебряная, исчезла словно по мановению волшебной палочки. Население прибегло к тому же примитивному способу деления крупных банкнот на кратные части, который так смущал иностранцев, посещавших Вену в 1848 г., — каждый обладатель банкноты стоимостью в один флорин разрезает ее на столько мелких частей, сколько ему необходимо для розничных покупок. В Вене и в провинции правительство пыталось прекратить этот процесс кромсания, объявив, что обрезки банкнот не будут приниматься к оплате сборщиками налогов и банком. Что касается банка, то такое предупреждение кажется незаконным, поскольку до сих пор действует закон 1848 г., обязывающий банк принимать такие обрезки банкнот, и в банке даже существует целая система их учета. Имеются неофициальные заявления о том, что в обращении было на 28000000 флоринов мелкой монеты, что якобы вдвое превышает действительную потребность. Поэтому власти

«полны решимости самым серьезным образом противодействовать бессмысленной спекуляции, которая в настоящий момент создает недостаток разменной монеты».

Подобное предположение об избытке мелкой монеты, конечно, отнюдь не может компенсировать вполне очевидного дефицита этого необходимого предмета.

Властям следовало бы знать, что приплата к номинальной стоимости серебра резко возросла, что даже для меди эта разница составляет 10%, и что крестьяне повсюду кладут в кубышки все, что звенит как металл. Наместники Богемии и Нижней Австрии напомнили публике о законе, по которому всякая биржевая игра серебряными и медными монетами карается штрафом в 50 флоринов и даже более тяжкими наказаниями, но все напрасно. Такие репрессивные меры не приносят никаких результатов, в особенности, если они сопровождаются официальными заявлениями, вроде заявления, помещенного в официальном разделе «Wiener Zeitung»[209], о том, что с 1 июня в Ломбардо-Венецианском королевстве серебряные монеты достоинством в 6 крейцеров будут изъяты из законного обращения. Правительство, в конце концов, будет вынуждено удовлетворить ходатайство торговой палаты Нижней Австрии, как бы мало респектабельным это не выглядело, и выпустить для

розничного оборота государственные ассигнации достоинством в 5, 10 и 25 крейцеров.

Переходя теперь от низшей области, т. е. от розничного оборота, к области денежного рынка и коммерции в собственном смысле слова, мы в первую очередь должны отметить уже известное вам банкротство крупной фирмы Арнштейн и Эскелес, о котором было объявлено 5 мая. Они являлись основными вексельными маклерами столицы и на них главным образом был возложен учет векселей, не подлежащих непосредственному учету в банке, а также переучет промышленных и коммерческих векселей из провинции. В их руках были сосредоточены, не считая столицы, денежные операции промышленников Венгрии, Богемии и Силезии. Фирма гордилась своим 80-летним существованием, и ее глава, барон фон Эскелес, соединял в одном лице обязанности директора Национального банка, генерального консула в Дании, председателя правления компании по учету векселей в Нижней Австрии, председателя компании государственных железных дорог, директора Южной железной дороги и т. д. Одним словом, после Ротшильда он был крупнейшей финансовой фигурой империи. Арнштейн и Эскелес играли видную роль во время Венского конгресса, когда салон г-жи фон Арнштейн являлся центром встреч политических и литературных знаменитостей того времени. Одной из непосредственных причин, которые привели к банкротству, связанному с обязательствами на сумму почти в 30000000 долларов, явился отказ парижского Crédit Mobilier оплатить переводные векселя венской фирмы. После этого краха не проходило дня без того, чтобы на венской фондовой бирже не регистрировался целый ряд банкротств фирм, среди которых наиболее значительными были банкротства фирм Соломон-Коммандо, Эйдам и К°, Г. Бланк, Плехер и К°, Дием и Инглиш, И. Ф. Гартнер, Ф. С. Шмидт, М. Грегер и К°, братья Покарни, Мориц Коллинский, Карл Цолер, А. Киршман и другие. В провинции банкротства австрийских фирм, непосредственно связанные с этой катастрофой, имели место в Брюнне, Праге, Рейхенберге, Лемберге и т. д. Наиболее крупным был крах фирмы Лутерот и К° в Триесте, во главе которой стоял прусский консул, он же директор Австрийского Ллойда[210]. За пределами австрийского государства обанкротилось несколько крупнейших банкирских домов в Бреславле, Магдебурге, Мюнхене, Франкфурте, а также ссудный и коммерческий банк в Касселе. Вообще говоря, нынешняя паника напоминает торговую панику в Гамбурге осенью 1857 г. и принятые тогда в Гамбурге меры для ее ослабления[211] служат также

примером, которому собирается подражать австрийское правительство. Будут иметь место некоторые послабления в законах, касающихся переводных векселей; Национальный банк создает комитет для поддержки тех фирм, которые лишь кратковременно были вынуждены приостановить платежи вследствие всеобщего недостатка коммерческого кредита, и два миллиона бумажными ассигнациями будут предоставлены банкам в Праге и Брюнне.

Написано К. Марксом 14 мая 1859 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5655, 6 июня 1859 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

ВОЙНА НЕ ПОДВИГАЕТСЯ ВПЕРЕД

Последние телеграммы с театра войны, полученные нами вчера с «Азией», охватывают период до 13 мая, т. е. ровно на три дня больший, чем сообщения почты Вандербилта. Эти телеграммы состоят из коротких и довольно сбивчивых сводок, выпущенных сардинским правительством, между тем как австрийцы не публикуют отчетов о своих действиях. За эти три дня ничего значительного не случилось. По своей медлительности нынешняя кампания по-прежнему занимает первое место в летописях современных войн. Нам начинает казаться, будто мы перенесены назад в те допотопные времена помпезных и бездейственных войн, которым Наполеон столь внезапно и решительно положил конец. Здесь перед нами две огромных, противостоящих друг другу армии на линии, простирающейся более чем на 40 миль — армии, из которых каждая может вести боевые действия силами в 100000—140000 человек. Одна армия приближается, другая ведет разведку, осторожно продвигаясь то к той, то к другой точке неприятельской позиции, затем она отходит назад, между тем как первая армия не двигается с занимаемой ею местности; таким образом, обе армии отделяет расстояние, колеблющееся от 8 до 20 миль.

Правда, некоторые факты позволяют рационально объяснить это ненормальное положение, однако, положение тем не менее остается ненормальным и является следствием ошибки, совершенной в начале кампании нападающей стороной. Как мы уже показали*, осуществление цели и задачи австрийского

* См. настоящий том, стр. 344—347. *Ред.*

вторжения в Пьемонт было сорвано вялостью и нерешительностью движения австрийцев, что едва ли можно приписать чему-либо другому, кроме колебаний генерала Дьюлаи. Полученные с тех пор сообщения полностью подтверждают этот взгляд. Австрийцы не дают никаких объяснений по поводу странного поведения своей армии, а это с очевидностью доказывает, что они целиком возлагают ответственность на главнокомандующего. Действительно, только после первой недели кампании австрийские сводки заговорили о дурной погоде и о наводнении местности как о причине, заставившей их генерала отвести свои войска из зараженных лихорадкой болотистых рисовых полей долины По. А теперь наш хорошо осведомленный лондонский корреспондент пишет нам, что сам австрийский император, подражая примеру Луи-Наполеона, едет вместе с генералом Хессом, чтобы сместить Дьюлаи и взять на себя командование.

Насколько мы можем сейчас судить, кампания велась, по-видимому, следующим образом. Прежде всего правое крыло австрийцев продвинулось вперед в направлении к Новаре и Верчелли, производя демонстрации в направлении на Лаго-Маджоре. Центр и, может быть, левое крыло, следуя через Вид-жевано и Павию по параллельным линиям, оставались довольно далеко позади. Колонна, вышедшая из Павии, своими главными силами 2 мая достигла только Ломелло. Выдвижение вперед правого крыла, как теперь выясняется, имело целью, во-первых, отвлечь внимание союзников угрозой наступления на Дору и Турин и, во-вторых, реквизировать для нужд австрийской армии ресурсы верхней Ломеллины. Только 3 мая австрийские главные силы начали развивать наступление на линию Касале и Валенцы; 4 мая были произведены демонстрации в направлении на Фрассинето (расположенный против места слияния Сезии и По) и Валенцу, между тем как правый фланг был продвинут ближе к центру; в то же время был наведен мост через По между Камбио и Сале и создано предмостное укрепление на южном берегу реки. Согласно некоторым сообщениям, 8-й австрийский армейский корпус, который, как говорили, шел от Пиаченцы по южному берегу По, соединился здесь с главными силами и переправился через реку после небольшой экспедиции к Тортоне и Вогере и разрушения железнодорожного моста через Скривию. Однако, согласно другим сообщениям, и в том числе некоторым из наших последних телеграмм, австрийские силы еще находятся на дороге между Пиаченцей и Страделлой. Трудно решить, была ли упомянутая экспедиция к Вогере задумана в качестве ложной атаки на

Нови и на коммуникации между Генуей и Алессандрией. Во всяком случае, эта экспедиция ввела в заблуждение большинство опытных редакторов газет Турина, Парижа и Лондона, заставив их предсказывать решительную битву на старом поло сражения у Нови или где-либо возле Маренго; но это пророчество тут же было опровергнуто отходом австрийцев на северный берег По и разрушением наведенного ими моста. В начале мая, кроме того, начались очень сильные дожди. Уровень реки По возле Павии поднялся на 10—12 футов, и соответственно повысился также уровень ее притоков. Затопление рисовых полей в долине реки По, обычно не представляющее препятствия для находящейся в походе армии, так как дороги расположены на плотинах выше уровня воды, теперь стало серьезным Препятствием: вся местность и многие дороги оказались затопленными. Кроме того, австрийцы не двигались: они оставались в этих болотах, будучи вынуждены располагаться бивуаком либо на дорогах, либо на сырых полях. Поэтому, после того как они на несколько дней задержались среди этого потока, они столкнулись с настоятельной необходимостью перейти в более высокую и более сухую местность. По-видимому, они потерпели жестокий урон от болезней, в особенности от холеры и лихорадки. Следствием этого было отступление и сосредоточение в районе Мортары и Новары, отступление не перед неприятелем (ибо последний продолжал довольно спокойно стоять на своих позициях), а перед стихией. После этого австрийцы соорудили укрепления на линии Сезии и продвинули разведывательные отряды и команды фуражиров до самой линии Доры, которая образует крайний левый фланг позиции союзников.

Во всех этих действиях мы не можем усмотреть ни единого хода, который говорил бы о хорошем военном руководстве. Действительно, поскольку первый благоприятный момент для атаки на позиции союзников был упущен, все продвижение в Ломеллину стало совершенно бесцельным и утратило свое значение. Выдвижение австрийского правого фланга было бесспорной ошибкой. Нельзя было терять времени на искусственные маневры; идти прямо на неприятеля, атаковать и разбить его раньше, чем он мог бы полностью сосредоточить свои силы,— таков был единственно правильный план действий. Если 8-й корпус генерала Бенедека действительно шел по южному берегу По, то это было второй ошибкой; он был отделен от главных сил широкой рекой, и если бы дожди начались одним или двумя днями раньше, то навести мост у Камбио было бы невозможно, и австрийцы сами очутились бы в том разобщенном положении, в котором они надеялись застать неприятеля. Самый переход

через По был им, по-видимому, навязан необходимостью соединиться с Бенедеком. Почему с самого начала его не было на северном берегу? Наведение мостов через По и связанные с этим действия принудили их пробыть в крайне вредных для здоровья болотах на несколько дней дольше, нежели это было бы при других обстоятельствах. Наконец вся кампания, по-видимому, велась плохо. Во всех этих действиях австрийцев отсутствует всякая решимость; демонстрации производятся во всех направлениях, но нигде мы не видим движения для действительного наступления. Таким образом, они ощупью пробирались вперед вдоль всей неприятельской линии, пока наконец затопленная местность не стала непроходимой преградой в несколько миль шириной между обеими борющимися армиями. Тогда, за отсутствием настоящего дела и в то же время желая показать, что они что-то предпринимают, они проводят разведку в направлении к Доре. Но все разведывательные операции осуществляются небольшими подвижными отрядами, которые не могут наносить сильных ударов и принуждены отступать почти немедленно, после того как они встретятся с каким-либо головным дозором.

В то время как австрийцы, таким образом, в сущности ничего не делают, их противники, по-видимому, занимаются той же самой игрой. Теперь они достигли максимально возможной степени сосредоточения на длинной линии, которую они занимают. Их позиции таковы. Крайняя левая линия Доры и По, до Касале, занята французским корпусом генерала Ньеля, состоящим из двух дивизий, с левым флангом у Касале в составе двух пьемонтских дивизий и 3000 добровольцев под командой Гарибальди. Центр, в Валенце, образован французским корпусом генерала Мак-Магона и одной пьемонтской дивизией, всего тремя дивизиями. Правый фланг, у Алессандрии, состоит из французского корпуса Канробера и одной пьемонтской дивизии — всего из трех дивизий. Крайний правый фланг, у Нови и Арньято, составляют французский корпус Бараге д'Илье и одна пьемонтская дивизия — всего три дивизии. Резерв состоит из двух французских гвардейских дивизий в Генуе. Предполагая, что дивизия насчитывает 10000 человек (это достаточно высокая оценка, ибо французские дивизии, не имевшие времени призвать отпускников, насчитывают меньше, а сардинские больше этого числа), мы получаем общий итог в 150000 человек, что примерно равно общей численности войск, выставленных союзниками. Из этого числа от 110000 до 120000 человек могут непосредственно участвовать в боевых действиях. Их крайняя пассивность, возможно, вызвана от-

части недостаточной подготовкой французов, которые имеют в своем распоряжении очень мало артиллерии и боевых припасов, отчасти же приказами Луи-Наполеона, который несомненно собирается сам пожать первые лавры кампании. Этот новый полководец прибыл в Геную 12 мая и был встречен там шумными приветствиями народа. 13 числа он виделся с королем*, который прибыл из лагеря для этой встречи. В тот же день он выпустил прокламацию в стиле Наполеона, которую мы воспроизводим на другой странице, а 14 мая он должен был уехать в армию.

В настоящее время, по-видимому, прекратились также и дожди, и в ближайшем будущем почта может принести нам известия о более решительных действиях. Это состояние нерешительности и бездеятельности не может продолжаться слишком долго. Либо австрийцы должны будут снова перейти По, либо должно произойти сражение в Ломеллине. Возможно, что австрийцы искали и готовили сильную оборонительную позицию, на которой они сумели бы отразить натиск союзных войск. Если они нашли такую позицию, это было лучшее, что они могли сделать; ведь они не могут отступить, не дав боя, и в то же время на такой позиции они были бы в состоянии пустить в ход все силы, которые они теперь имеют в действующей армии, тогда как союзники были бы ослаблены оставлением гарнизонов в Касале, Алессандрии и Валенце.

Тем временем обе воюющие стороны ожидают подкреплений. Австрия отправила корпус в 50000 человек под командованием генерала Вимпфена в Триест и его окрестности с целью образовать резерв для итальянской армии, в то же время Луи-Наполеон организовал еще два армейских корпуса для своей итальянской армии. Ходят также слухи, что принц Наполеон станет во главе разношерстной экспедиции, с которой он намерен высадиться где-либо на берегу полуострова, чтобы завоевать себе королевство.

Написано Ф. Энгельсом 16 мая 1859 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5647, 27 мая 1859 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

* — Виктором-Эммануилом II. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

НАКОНЕЦ СРАЖЕНИЕ!

«Город Вашингтон», отплывший из Ливерпуля 25 мая и прошедший мыс Рейс в прошлый четверг вечером, доставил нам с театра военных действий сведения более интересные, чем обычно. Отступление австрийцев и наступление союзников с целью снова занять Ломеллину, безусловно, начались, хотя, по-видимому, это происходит не особенно быстро. Это видно из того, что австрийская главная квартира, которая 19 мая была перенесена в Гарласко — ферму близ Тичино, на дороге из Виджевано в Граполло, — 24 мая еще находилась там же. Однако к югу от По, у Монтебелло, маленького городка на дороге из Страделлы в Вогеру, между отрядом корпуса Стадиона и авангардом Бараге д'Илье произошло столкновение, в котором, согласно их собственной сводке, союзники имели решительный перевес. Наши отчеты об этом столкновении до сих пор поневоле чрезвычайно кратки. Французы сообщают, что дивизия Форе численностью от 6000 до 7000 человек (при полном составе 10000), с полком пьемонтской кавалерии, завязала бой с австрийским отрядом численностью в 15000 человек, или с половиной всего корпуса Стадиона, и что после четырехчасового жаркого боя австрийцы были отброшены, потеряв от 1500 до 2000 убитыми и ранеными и 200 пленными, часть которых уже прибыла в Марсель, между тем как потери союзников составляют только 600—700 человек. Однако поражение австрийцев не было настолько серьезным, чтобы позволить союзникам преследовать отступающего врага. Согласно австрийской версии, Стадион выслал отряд на другую сторону По для разведки. Отряд продвинулся по направлению к Во-

гере до Монтебелло, когда он встретил численно превосходящие силы французов и после жаркого боя в полном порядке отошел обратно за По. Это расхождение в военных сводках следует признать вполне естественным, принимая во внимание преувеличения, всегда встречающиеся в такого рода делах при отсутствии достоверных официальных данных. Чтобы судить о значении и действительном характере сражения, мы должны подождать более точных сведений. Но как бы то ни было, это было простое столкновение передовых отрядов, а не крупное сражение, в котором подвергаются настоящему испытанию сила борющихся армий и способности полководцев.

В то время как второй акт драмы, таким образом, несомненно начался, материалы для критического рассмотрения боевых действий во время первого акта пополнились весьма ценными сообщениями корреспондентов лондонского «Times» и аугсбургской «Allgemeine Zeitung» при австрийской главной квартире. Если бы не эти статьи, то нам пришлось бы судить о действиях австрийцев по пьемонтским сводкам, задача которых, естественно, состоит не в том, чтобы сообщать всю правду по данному вопросу, и по австрийским сводкам, в которых вообще не сообщалось почти ничего. Чтобы заполнить многочисленные пробелы, в нашем распоряжении на первых порах не было ничего, кроме противоречивых слухов и догадок, имевших хождение среди офицеров и корреспондентов газет, ныне находящихся в Пьемонте, — слухов, разумеется, весьма мало заслуживающих доверия. И так как австрийцы взяли инициативу кампании в свои руки и вплоть до своего отхода от Верчелли удерживали ее, а союзники держались сравнительно пассивно, то нас в основном интересовала та армия, о которой мы вовсе не имели сведений или, в лучшем случае, имели только негативные сведения. Не удивительно поэтому, что по вопросам, касающимся деталей, мы приходили к заключениям, которые теперь не подтверждаются фактами. Напротив, представляется более удивительным то, что в целом нам посчастливилось правильно угадать главные черты кампании. Только в одном важном пункте мы отклонились от того, что как теперь заявляют, было первоначальным планом австрийцев, однако еще остается выяснить, был ли этот план ясно начертан с самого начала, как это говорят теперь, или нынешний «первоначальный план» был придуман позже.

Когда мы получили первые известия о вторжении австрийцев в Пьемонт, мы думали, что их намерением все еще было (а таким оно очевидно было всегда) быстро напасть на пьемонтскую армию и французский авангард, прежде чем успеют

прибыть главные силы французов. Теперь нам сообщают, что от этой идеи австрийцы отказались уже раньше. У австрийцев, по-видимому, создалось впечатление, что французы начали вступать на пьемонтскую территорию 24 апреля, и хотя ни один французский полк не вступил на пьемонтскую землю раньше 26 апреля, вполне возможно, что это ложное представление побудило их отказаться от всех попыток coup de main* против любых войск, которые оказались бы перед ними. Вследствие этого вторжение потеряло тот характер стремительности, который придало бы ему преследование более важной цели. Это было просто-напросто начало военных действий, предписанное императором с той лишь целью, чтобы занять часть неприятельской территории, захватить в свои руки ее ресурсы и лишить обороняющуюся армию возможности использовать их. Если такова была цель, то достаточно ясно, что вторжение должно было остановиться на Сезии и По у Верчелли и Валенцы. В таком случае торопиться было незачем. Методически, медленно и уверенно продвигалась австрийская армия в глубь пьемонтской территории. Был еще один момент, который в значительной степени определил этот образ действий. Австрийцы двигались по двум главным дорогам, которые ведут с востока на запад через Ломеллину: одна дорога от Павии к Валенце, другая от Аббьятеграссо к Виджевано и Касале. Северная дорога, от Боффалоры на Верчелли, ими вовсе не использовалась. Обе эти дороги пересекаются многочисленными реками, текущими с северо-запада на юго-восток, две из них, Тердоппио и Агонья, имеют некоторое значение. Так как мосты были разрушены и дороги во многих местах испорчены, а низина справа и слева от дорог была либо залита, либо пропитана водой, то продвижение армии было сильно замедлено, и вся армия, численностью от 150000 до 180000 человек, должна была двигаться по этим двум дорогам. Поэтому сейчас мы не удивляемся, узнав, что последний корпус австрийской армии перешел Тичино не раньше 1 мая, ибо корпус численностью от 30000 до 35000 человек, движущийся по одной-единственной дороге со всем своим обозом, как правило растягивается по меньшей мере на 12—15 миль, или на расстояние дневного перехода; а так как по дороге от Павии к Касале двигались три корпуса, то отсюда следует, что третий из этих корпусов перешел Тичино у Павии на два дня позже первого.

Авангард переправился через реку 29 апреля у Павии; это была бригада 5-го корпуса под командой генерала Феште-

* — смелого удара, решительного действия. *Ред.*

тича. За нею следовал весь 3-й корпус (Шварценберга), двигаясь на Граполло. В тот же день другой корпус, 7-й (генерала Цобеля), перешел реку дальше к северу у Берегуардо и направился на Гамболо. 30-го числа 8-й корпус (Бенедека) проследовал за 3-м у Павии, а 5-й корпус (Стадиона) проследовал за 7-м у Берегуардо. 1 мая 2-й корпус (Лихтенштейна) перешел реку у Павии. В этом порядке, с 7-м корпусом на крайнем правом фланге, с 5-м, 3-м и 2-м корпусами в центре и с 8-м корпусом на крайнем левом фланге, армия перешла сначала Тердоппио, затем Агонью и наконец, приблизительно вечером 2-го числа, появилась перед По и Сезией. Из этого мы видим, что пьемонтские сообщения о крупных отрядах войск, прошедших Боффалору и Арону, были совершенно ошибочны (беспрепятственное продвижение Гарибальди на Гравеллону у Лаго-Маджоре полностью подтверждает это) и что неверным было также высказанное в этих сообщениях предположение о том, будто генерал Бенедек с 8-м корпусом выступил из Пиаченцы и отдельной колонной двигался вдоль южного берега По. Напротив, австрийцы двигались вперед таким узким фронтом (12 миль), какой только возможен для армии в 150000 человек. Они держались и действовали насколько возможно сосредоточенно и методически, имея лишь несколько подвижных отрядов на обоих своих флангах в районе Новары, Ароны и на южном берегу По. Это чрезвычайно методическое продвижение, как нам кажется, является доказательством того, что от идеи наступления на пьемонтцев окончательно не отказались. Так как неприятель заведомо неспособен был оказать серьезное сопротивление раньше, чем была бы достигнута его оборонительная линия, то австрийцы, если бы не эта идея, не стали бы понапрасну изнурять свои войска маршем в такой узкой полосе. Можно было бы без всякого ущерба и с огромными преимуществами использовать дорогу на Новару, так как при всех обстоятельствах, чтобы занять Ломеллину и Новарезе, необходимо овладеть и Верчелли. То, что этим преимуществом пренебрегли, кажется нам явным доказательством, что в австрийской главной квартире еще не была оставлена надежда на возможность нанести неприятельским силам у Касале и Алессандрии удар превосходящими силами и при благоприятных обстоятельствах. Нам представляется несомненным, что предполагалось нанесение coup de main по Нови (узел железнодорожных линий, связывающих Геную, Алессандрию и Страделлу). Для его осуществления в ночь на 3 мая был наведен мост через По у Корнале и генерал Бенедек перешел по нему со своим 8-м корпусом. Он действовал весьма энергично; менее

чем за 12 часов занял Вогеру, Кастельнуово на реке Скривии и Тортону, разрушил железнодорожные мосты и, весьма вероятно, решился бы двинуться к Нови, если бы дожди и внезапный подъем воды в По, частично разрушивший его мост, не принудили его отойти для сохранения связи с главными силами. Мост был восстановлен, и вся австрийская армия была снова сосредоточена на северном берегу По. Погода сделала пребывание в залитой водой низменной долине По невозможным, вследствие этого армия заняла позицию дальше к северу, между Гарласко, Мортарой и Верчелли, пользуясь близостью глазных сил к Сезии для разведки и фуражировки в районе к западу от этой реки. Австрийцы осуществили это, не встретив серьезного сопротивления, а 9-го числа они покинули западный берег Сезии, за исключением Верчелли, перенеся свою главную квартиру в Мортару, где они, как мы указывали, оставались до 19-го. В этот период они навели мост через По у Бельджойосо близ устья Тичино, и один корпус, неизвестно какой численности и какого состава, занял позицию у Страделлы и начал фуражировку в районах Южного Пьемонта, прилегающих к Пармскому герцогству. Мы предполагаем, что это был тот корпус, с которым Форе вел бой у Монтебелло. Однако по этому вопросу мы должны ожидать более достоверных сведений. По-видимому, сардинцам в ближайшем будущем предстоит испытать все прелести союза с французами. Их армии предстоит быть разделенной на части, вместо того чтобы составить особый корпус и самой добывать себе славу, каждая из ее пяти дивизий должна образовать придаток к одному из пяти французских армейских корпусов, в которых, конечно, она полностью растворится, так что все командование и вся слава будут принадлежать исключительно французам. Генуя с фортами и всем прочим уже полностью перешла в руки французов, и теперь сардинская армия будет существовать лишь как придаток к французской армии. Поистине занимается заря наполеоновского освобождения Италии! Хотя в обвинениях в грубой жестокости и грабежах в Ломеллине, возводимых сардинцами на австрийцев, нет ничего неожиданного или невероятного, однако справедливость требует заметить, что корреспонденции лондонского «Times» и аугсбургской «Allgemeine Zeitung» из австрийской главной квартиры представляют это дело в ином свете. Согласно этим достоверным источникам, ненависть крестьян Ломеллины, а также Ломбардии к землевладельцам значительно сильнее их отвращения к чужеземным угнетателям. Что касается землевладельцев Ломеллины (в прошлом австрийской провинции), то они большей частью являются

sudditi misti*, т. е. подданными как Австрии, так и Пьемонта. Все крупные аристократы Милана имеют обширные поместья в Ломеллине. Они — пьемонтцы и в глубине души враждебно настроены по отношению к австрийцам, но крестьяне этой провинции, в силу своего антагонизма к ним, больше расположены к Австрии. Это доказывается сердечным приемом, который австрийцы нашли в Ломеллине, и их реквизиции и поборы, по-видимому, насколько возможно, ограничивались собственностью знати, а также городами, являющимися центрами итальянского патриотического движения, между тем как крестьян по возможности щадили. Эта политика является характерной для Австрии и она всегда была таковой с 1846 года[212]. Она вполне объясняет шум, поднятый в пьемонтской прессе по поводу реквизиций, которые, в конце концов, не превышают того, что считается нормальным в современной войне, и не достигают размеров, обычных для французских войск.

Написано Ф. Энгельсом около 24 мая 1859 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5655, 6 июня. 1859 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

* — лицами с двойным подданством. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

СРАЖЕНИЕ ПРИ МОНТЕБЕЛЛО

Почта, доставленная «Африкой», мало добавляет к тому, что мы знали раньше об этом нашумевшем сражении, которое получило столь широкое освещение на страницах бонапартистской прессы по обе стороны Атлантики.

Из донесения Дьюлаи у нас имеется лишь краткая телеграфная выдержка, а многочисленные французские и сардинские сообщения являются не чем иным, как туринской и парижской сплетней и столь мало претендуют на точность, что в них даже не указаны правильно номера полков, принимавших участие в этом сражении. Правда, недостаток сведений отчасти восполняется донесением генерала Форе, которое мы получили с прибытием парохода «Город Вашингтон» в понедельник вечером, но Форе не приводит данных ни о численности, ни о потерях австрийцев. От Бараге д'Илье, к сожалению, мы ничего не имеем, а так как в этом сражении, помимо дивизии Форе, участвовали части его корпуса, то его донесение несомненно пролило бы свет на некоторые вызывающие сомнение моменты. Однако в ожидании более полных и достоверных сведений мы выскажем некоторые соображения, основанные на тщательном сопоставлении всех имеющихся у нас документов, которые все же представляют известную ценность. Австрийцы, получив сведения о том, что французы собираются продвинуться на линию реки По между Павией и Пиаченцей, навели мост через эту реку в Ваккарицце, недалеко от Павии. Корпус генерала Стадиона был переброшен на другой берег для разведки этой позиции и намерений противника. Генерал Стадион занял страделльскую позицию — дефиле вблизи реки, где один из

отрогов Апеннин, через который нет проезжих дорог, подходит к реке По, — и послал три бригады (15 батальонов, примерно, с 18 орудиями и, возможно, с некоторым количеством кавалерии) по направлению к Вогере. Австрийцы, которые, несомненно, оставили сильные отряды на пути следования в целях обеспечения своего отхода, встретили передовые части противника перед Кастеджо и оттеснили их за город и за деревню Монтебелло. Затем они двинулись к следующей деревне, к Джинестрелло, но там натолкнулись на одну из бригад дивизии генерала Форе (бригада Бере, 17-й стрелковый батальон, 74-й и 84-й линейные полки), и борьба приняла позиционный характер. К этому времени со стороны австрийцев в сражении участвовало, очевидно, немного войск, может быть, около бригады. Французам были спешно посланы подкрепления в виде четырех батальонов из другой бригады генерала Форе (98-й полк Бланшара и один батальон 91-го линейного полка). Это дало им численное превосходство. Бригада Бере была построена для атаки; она захватила Джинестрелло, а затем, после упорного боя, и Монтебелло, но у Кастеджо, за маленькой речкой, на которой расположен этот пункт, австрийцы остановились и дали бой. По-видимому, в этот момент они получили свежие подкрепления, потому что отбросили французов в беспорядке к Монтебелло и собирались снова вступить в эту деревню, когда столкнулись с частью сил дивизии генерала Винуа — 6-м стрелковым батальоном и 52-м линейным полком. Это обстоятельство опять склонило чашу весов в пользу французов, и австрийцы организованно отступили в Кастеджо, где они оставили арьергард, пока их колонны не построились в походном порядке. Выполнив, таким образом, свою задачу и выяснив, где расположен корпус Бараге д'Илье (корпус этот составлял крайний правый фланг французов), они беспрепятственно отошли за По, уверенные в том, что союзники пока не имеют намерения двигаться на Пиаченцу.

У австрийцев на поле сражения не могло быть больше двух бригад, ибо по крайней мере три батальона должны были быть оставлены для охраны дороги, а еще два потребовались для боя с двумя батальонами 91-го французского полка у Ориоло, вследствие чего только один батальон этого полка сражался при Монтебелло. Из этих двух бригад, или 10 батальонов, только часть могла участвовать в бою, ибо австрийский генерал, который использовал бы для разведки последние имеющиеся у него в резерве войска, конечно, заслуживал бы весьма сурового порицания.

Со стороны французов было три полка (74-й, 84-й и 98-й) и один линейный батальон (91-го полка), а также один батальон стрелков, — всего 11 батальонов, поддержанных к концу боя двумя батальонами 52-го полка и 6-м стрелковым батальоном. Таким образом, в общем мы имеем 15 французских батальонов против примерно 10 австрийских. Хотя австрийский батальон, несомненно, крупнее французского, все же, когда наступил переломный момент сражения, численное превосходство было на стороне французов. Кроме того, не надо забывать, что австрийцы сражались не столько ради победы, сколько для того, чтобы заставить противника обнаружить свои силы в данном пункте, и эту задачу они полностью выполнили. Поэтому нелепо рассматривать этот незначительный бой как важную победу. При тех гигантских армиях, которые стоят друг против друга на равнинах Италии, бой, подобный тому, который имел место при Монтебелло, имеет не большее значение, чем простая стычка аванпостов в войнах более мелкого масштаба. И если это является победой, то где же ее плоды? Французы говорят, что они захватили 140 раненых и 60 нераненных пленных, т. е. не больше того, на что они могли бы рассчитывать в результате двухчасового боя за какую-нибудь деревню. Кроме того, они захватили один зарядный ящик и один потеряли. Не было никакого преследования. Не было попытки пожать плоды победы, несмотря на то, что у французов было достаточное количество пьемонтской кавалерии. Очевидно, в последний раз отбив атаку противника, австрийцы затем беспрепятственно и в полном порядке отошли.

Написано Ф. Энгельсом, около 24 мая 1859 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5659, 10 июня 1859 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ПРУССКАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ НА ВОЙНУ

Берлин, 24 мая 1859 г.

Затеянная французским самодержцем война несомненно не только не может быть «локализована» в том смысле, в каком этот термин понимается в политическом жаргоне, т. е., что военные операции не должны быть вынесены за пределы итальянского полуострова, — но, напротив, война не ограничится рамками просто войны, которая ведется между двумя деспотическими правительствами и решается действиями регулярных армий. В своем дальнейшем развитии она превратится в общий революционный пожар континентальной Европы, из которого, по-видимому, едва ли многим из нынешних правителей удастся спасти свои короны и свои династии. Германия может стать центром этого потрясения, поскольку она же должна стать центром военных операций в тот самый момент, когда Россия будет готова бросить свой меч на чашу весов. Не требуется длительных размышлений, чтобы прийти к выводу, что серьезное поражение на поле битвы вызовет революционные потрясения во Франции или Австрии, однако Берлин является, пожалуй, единственным местом, где можно найти необходимые данные для выяснения размеров того сурового испытания, через которое Германии предстоит пройти в недалеком будущем. День за днем можно почти невооруженным глазом видеть рост тех предпосылок, которые, достигнув известной степени зрелости, вызовут колоссальный кризис, о котором едва ли подозревают обыватели всех рангов. Симптомы надвигающейся бури можно резюмировать в немногих словах: зависть и соперничество германских монархов, обрекающие их на бездействие в течение

первой фазы войны; бедствия и недовольство народа, распространяющиеся, подобно степному пожару, от Вислы до Рейна и добавляющие во второй фазе войны к нападению извне народные восстания; и, наконец, восстания славянского населения, включенного в состав Германии, — восстания, которые к внешней войне и к революционным потрясениям прибавят внутреннюю межнациональную борьбу.

Рассмотрим прежде всего социальный базис, который явится опорой для германских монархов, когда обстоятельства, наконец, заставят их принять решение относительно каких-либо совместных действий. Известно, что период с 1849 по 1859 г. является небывалой эпохой в экономическом развитии Германии. В течение этого времени она, так сказать, превратилась из сельскохозяйственной страны в промышленную. Возьмем, например, один-единственный город, Берлин. В 1848 г. в нем едва насчитывалось 50000 фабричных рабочих, мужчин и женщин, а в настоящий момент общее количество их достигло 180000. Возьмем одну только отрасль промышленности: до 1848 г. экспорт шерсти в Англию, Францию и другие страны составлял один из главных источников дохода Германии, а в настоящее время вырабатываемой в Германии шерсти едва хватает для потребления ее собственных фабрик. Одновременно с развитием фабрик, железных дорог, пароходного сообщения и разведкой недр чрезвычайно быстро развилась кредитная система, не только соответствующая по размерам общему прогрессу промышленности и торговли, но развивающаяся сверх своих законных пределов благодаря тепличным изобретениям типа Credit Mobilier, заимствованным из Франции. Крестьянство и мелкая буржуазия, до последнего времени составлявшие огромное большинство нации, до революции 1848 г. спокойно придерживались старого азиатского обычая копить у себя дома наличные деньги; теперь они заменили их процентными бумагами всех сортов, всех цветов и всех достоинств. Гамбургский кризис 1857 г. слегка поколебал, но не повредил сколько-нибудь серьезно здание этого новоявленного процветания, которое теперь пошатнулось при первом же залпе пушек на берегах По и Тичино. Без сомнения, вы уже получили сведения о том, как австрийский торговый кризис отразился на остальной Германии, и с какой быстротой последовали одно за другим банкротства в Лейпциге, Берлине, Мюнхене, Аугсбурге, Магдебурге, Касселе, Франкфурте и других торговых центрах Германии. Однако эти бедствия являются только симптомами близких катастроф в более высоких «деловых» сферах. Чтобы дать вам представление о действительном положении вещей,

считаю целесообразным привлечь ваше внимание к только что опубликованной прокламации прусского правительства, в которой оно, указывая на опасный роспуск целых промышленных армий в Силезии, Берлине, Саксонии и Рейнской Пруссии, заявляет, что оно *не может* согласиться с петициями торговых палат в Берлине, Бреславле, Штеттине, Данциге и Магдебурге, рекомендующими ему сомнительный эксперимент с выпуском в большом количестве неконвертируемых бумажных денег, и еще более решительно отказывается использовать рабочих на общественных работах с единственной целью дать им занятие и заработок. Последнее требование действительно звучит несколько странно в тот момент, когда правительство, из-за недостатка средств, было вынуждено внезапно прекратить уже начатые общественные работы. Уже один тот факт, что в самом начале войны прусскому правительству приходится выпустить такую прокламацию, говорит о многом. К этому внезапному нарушению промышленной жизни прибавьте общее введение новых налогов по всей Германии, общее повышение цен на предметы первой необходимости и общее расстройство всех предприятий вследствие призыва резервов и ландвера, и вы получите некоторое представление о том, какой размах примет это социальное бедствие через несколько месяцев. Прошли, однако, те времена, когда большая часть германского народа имела обыкновение в земных бедствиях видеть неизбежную кару, ниспосланную небом. Слышится негромкий, но внятный голос народа, уже произносящий слова: «Ответственность! Если бы революция 1848 г. не была подавлена обманом и насилием, то Франция и Германия не стояли бы вновь вооруженными друг против друга. Если бы жестокие душители германской революции не склонили свои венценосные головы перед каким-то Бонапартом и каким-то Александром, то войны не было бы даже теперь». Таков глухой ропот народа, который мало-помалу выльется в раскаты грома.

Перейдем теперь к зрелищу, которое представляют германские правители взорам довольно нетерпеливой публики. С начала января австрийский кабинет привел в действие все виды дипломатических интриг, чтобы побудить германские государства сосредоточить в каком-либо пункте Южной Германии большую союзную армию, значительную часть которой составили бы австрийские силы, причем это сосредоточение должно было бы поставить Францию под угрозу нападения на ее восточные границы. Таким путем Германский союз должен был быть вовлечен в наступательную войну, и в то же время Австрия

обеспечивала бы за собой руководство в этой войне. Предложенная Союзному сейму во Франкфурте 13 мая резолюция в этом духе от имени Ганновера встретила возражения г-на фон Узедома, прусского уполномоченного, заявившего официальный протест своего правительства. Отсюда общий взрыв патриотического негодования со стороны государей Южной Германии. Тогда Пруссия дополнила эти свои действия мерами противоположного характера.

Перед роспуском парламента на каникулы прусское правительство обеспечило себе широкую популярность, объявив, что оно решило придерживаться политики «вооруженного посредничества». Но едва парламент был распущен, как это «вооруженное посредничество» приняло гораздо более скромные размеры, вылившись в отказ Пруссии объявить себя нейтральной, к чему ее призывали Франция и Россия. Эта негативная удаль, хотя и достаточная для того, чтобы вызвать ярость петербургского двора, отнюдь не соответствовала ожиданиям прусского народа. Вооружение западных и восточных крепостей в сочетании с призывом резервов и ландвера имело целью успокоить вызванный этим ропот народа. Однако 19 мая г-н фон Узедом от имени своего правительства просил Союзный сейм подчинить союзную обсервационную армию непосредственно прусскому командованию и предоставить ей полную инициативу в вопросе военных мер, которые надлежало предпринять. Теперь наступила очередь мелких германских государей, тайно поддерживаемых Австрией, доказать искренность своих патриотических намерений. Бавария объявила, что еще не пришло время подчинить армию Виттельсбахов командованию Гогенцоллернов. Ганновер негодующим: «Tu quoque!»* напомнил Пруссии о ее протесте против союзной обсервационной армии, подлежавшей сосредоточению в одном из пунктов Южной Германии. Со своей стороны, Саксония не видела причин, по которым на ее августейшего правителя нельзя было бы возложить верховное командование, хотя бы для того, чтобы нейтрализовать взаимно сталкивающиеся претензии Габсбургов и Гогенцоллернов. Вюртемберг был чуть ли не готов предпочесть французское нашествие верховенству Пруссии. Таким образом, все худшие черты Священной германской империи торжествовали свое позорное возрождение. Влияние Германии сведено к нулю, — таков в данный момент общий итог этих распрей между ее мелкими правителями. Требование восстановления германского национального пар-

* — «И ты тоже!» *Ред.*

ламента представляет лишь первый слабый протест против этих династических обструкций, протест, идущий не от революционных масс, но от робкой, склонной к компромиссам буржуазии.

Я воспользуюсь другим случаем, чтобы поговорить о назревающих в Германии волнениях славян.

Написано К. Марксом 24 мая 1859 г.

Напечатало о газете «New-York Daily Tribune» № 5659, 10 июня 1859 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Das Volk.

Expedition: 3, Litchfield Street, Soho.

No. 13. London, Sonnabend 30. July 1859. Preis: 2 Pence.

Ф. ЭНГЕЛЬС

ИТАЛЬЯНСКАЯ КАМПАНИЯ [213]

Итальянская кампания, продолжающаяся около месяца, приняла своеобразный и неожиданный оборот. Две большие армии, каждая численностью немногим менее 200000 человек, сосредоточились в начале мая на виду друг у друга. В то время как их аванпосты сблизились на расстояние пушечного выстрела, обе армии ведут друг за другом наблюдение, то здесь, то там выпускают щупальца и в некоторых пунктах завязывают легкие стычки, меняют фронт, выдвигают то один, то другой фланг, но основными силами в бой друг с другом не вступают. Подобный способ ведения войны как будто не совместим с современной системой быстрых решительных ударов; он кажется шагом назад в сравнении с молниеносными походами и стремительными кампаниями Наполеона.

Со времени Наполеона два новых фактора значительно изменили способ ведения войны. Первый из них — это лучшее прикрытие государственных границ укрепленными лагерями и системой крепостей, которые создаются на пригодных для этого участках местности. Крепости наполеоновского времени были либо слишком слабы и изолированы друг от друга, либо находились в таких малозначительных в стратегическом отношении пунктах, что не служили серьезными препятствиями при наполеоновском методе ведения войны. Победой в открытом поле или обходным движением Наполеон оттеснял вражеское войско от его крепостей.

Чего можно достигнуть, используя крепости, показали Данциг в 1813 г., четырехугольник крепостей в Ломбардии в 1848 г., Коморн в 1849 г.[214], Севастополь в 1855 году. Теперь же по-

зиция, занимаемая франко-пьемонтской армией по ту сторону По и Танаро, между Касале, Алессандрией и Валенцей, опирается на такую систему крепостей, которая обеспечивает ей защиту даже против значительно превосходящего по численности противника. До подхода австрийцев французам удалось сосредоточить за этой позицией такое количество войск, что все надежды австрийцев на решительный успех своего нападения оказались тщетными, а французы, таким образом, выиграли время для сосредоточения остальных сил и пополнения запасов вооружения. При этом австрийское наступление у Касале и Валенцы было приостановлено, а так как оказались невозможными ни фронтальная атака, ни серьезный обходный маневр, то австрийцам не оставалось ничего иного, как ограничиться демонстрациями на флангах западнее Сезии и южнее По в сочетании с мероприятиями по реквизиции имеющихся в этих областях необходимых для армии припасов.

Второй фактор, значительно изменивший способ ведения войны со времени Наполеона, это — пар. Только благодаря наличию железных дорог и пароходов французы смогли на протяжении пяти дней, прошедших с момента предъявления австрийцами ультиматума и до их вторжения, перебросить в Пьемонт такое количество войск, что любая атака австрийцев на пьемонтские позиции не могла принести никакого результата, а в течение следующей недели им удалось настолько увеличить свои силы, что к 20 мая на линии между Асти и Нови находилось по меньшей мере 130000 французов.

И все же в результате неизбежных при мошенническом господстве Луи Бонапарта коррупции и беспорядка в управлении французские войска снабжались несвоевременно и в недостаточном количестве. Выгодный контраст по сравнению с этим представляют порядок и быстрота, с какими австрийские корпуса в полной боевой готовности вступили в Италию. В ходе войны это неизбежно должно будет сказаться.

Австрийцы не могут продвигаться вперед, так как они натолкнулись на укрепленные позиции, расположенные между пьемонтскими крепостями, а французы не могут перейти в наступление, потому что еще не закончен подвоз военных материалов. Этим объясняется задержка в передвижениях, этим же объясняется и интерес, который незаслуженно был проявлен к незначительному столкновению у Монтебелло. Все дело ограничилось следующим. Австрийцы получили известие, что французы выдвигают свой правый фланг в направлении Пиаченцы; этот маневр давал основание предположить, что они намерены переправиться через По между Павией и Пиаченцей и таким

образом обойти австрийские позиции при Ломеллине, двигаясь в направлении к Милану. Поэтому 5-й австрийский корпус (Стадиона) отправил три бригады за мост, построенный на По у Ваккарицы (ниже Павии) для занятия позиции под Страделлой и для ведения разведки в направлении Вогеры. Эти три бригады натолкнулись при Кастеджо на аванпосты союзников, а при Монтебелло на первую бригаду французской дивизии Форе, которую они вытеснили из Монтебелло. Вскоре сюда подоспела вторая французская бригада и в результате упорного боя австрийцы были выбиты из селения; но они отразили атаку на Кастеджо и заставили французов в беспорядке отступить к Монтебелло, пункту, которым они несомненно овладели бы (большая часть их войск еще не была введена в бой), если бы в этот момент не прибыла бригада французской дивизии Винуа. При виде этого подкрепления австрийцы приостановили свое наступление. Цель их была достигнута: они выяснили теперь ближайшее месторасположение войск французского правого крыла и беспрепятственно отошли из Кастеджо к По, а затем. переправившись на другой берег, примкнули к главным силам, уверенные в том, что французы до сих пор еще не предприняли серьезного движения на Пиаченцу. Австрийцы совершенно правильно поступили, сосредоточив свои силы на левом берегу По до тех пор, пока у них не будет веского основания для того, чтобы перебросить *всю* армию на правый берег. Всякое разделение армии a cheval* реки было бы ошибкой, мост же при Ваккарице с его предмостным укреплением дает им возможность осуществить переправу в любой момент и ударить во фланг французам в случае их наступления на Страделлу.

Гарибальди во главе 5000 добровольцев обошел правое крыло австрийцев и находится теперь в Ломбардии. По последним сообщениям австрийцы уже в тылу у него, и ему угрожает серьезная опасность оказаться отрезанным, что безусловно было бы весьма приятно Бонапарту-«освободителю».

Принц Наполеон, Плон-Плон, получил задание организовать в Ливорно (Тоскана) армейский корпус, который должен атаковать австрийцев во фланг. Французские солдаты злятся, а австрийцы — посмеиваются.

В субботу и воскресенье сардинцы пытались закрепиться на левом берегу Сезии, однако австрийцы помешали им сделать это.

Написано Ф. Энгельсом около 27 мая 1859 г.

Напечатано в газете «Das Volk» № 4, 28 мая 1859 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

* — по обоим берегам. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

СТРАТЕГИЯ ВОЙНЫ

Мы можем очень мало добавить к нашим последним замечаниям о военных действиях у Монтебелло*. Из официального австрийского сообщения, которое, наконец, появилось и украсило вчера столбцы нашей газеты, становится ясным, что часть сил тех трех бригад, с которыми генерал Стадион двигался на Монтебелло, была оставлена позади для прикрытия флангов походного порядка. Остальные силы прибыли к Кастеджо, который был занят бригадой принца Гессенского; эта бригада удерживала город, между тем как две другие (неполные) продвинулись вперед и заняли Монтебелло и Джинестрелло. Они приняли на себя главный удар всей дивизии Форе и двух кавалерийских полков генерала де Сонназа (королевский пьемонтский и монферратский полки), а когда они в конце концов были оттеснены к Кастеджо, то бригада принца Гессенского, по-видимому, оказала им такую сильную поддержку, что противник не отважился атаковать, и австрийцы получили возможность отойти в полном порядке и тогда, когда они сочли это для себя выгодным. Однако, судя по полученным австрийским сообщениям, представляется весьма вероятным, что по крайней мере целый корпус маршала Бараге д'Илье прибыл к месту сражения к концу боя. Этот корпус состоит из трех пехотных дивизий и одной кавалерийской, что равняется в общем 12 пехотным полкам, 3 батальонам стрелков, 4 кавалерийским полкам, или 20 эскадронам, и соответствующему количеству артиллерии. Это согласуется с сообщением австрийцев о том,

* См. настоящий том, стр. 366—368. *Ред.*

что, по показаниям французских пленных, там было 12 французских пехотных полков, а также с двумя сообщениями из Турина; согласно первому из них Форе поддерживала дивизия Винуа, а согласно второму — дивизия Базена. Эти три дивизии представляют собой всю пехоту Бараге. Говорят также, что там были французская кавалерия и пьемонтская пехота, но это кажется менее достоверным. Таким образом, результат сражения представляется в следующем виде. Австрийцы, которые не могли иметь иной цели, кроме разведки (ибо иначе было безумием начинать наступление с тремя слабыми бригадами), полностью достигли этой цели, принудив Бараге обнаружить все свои силы. Во время сражения они дрались так же хорошо, как и их противники; когда они были вытеснены из Монтебелло, им пришлось отступать перед превосходящими силами противника, и преследование прекратилось у Кастеджо, где австрийцы даже повернулись кругом и отогнали преследовавшего их противника столь энергично, что тот не пытался более их тревожить, хотя к этому времени у французов было на поле боя вчетверо больше войск, нежели у австрийцев. Таким образом, если французы считают победу своей на том основании, что они, в конечном счете, удержали Монтебелло, а австрийцы после боя отступили, то австрийцы могут считать ее своей на том основании, что они отогнали французов от Кастеджо и имели успех в конце боя, в особенности же потому, что они полностью выполнили намеченную задачу, ибо сражение было завязано с целью прийти в конечном счете в столкновение с превосходящими силами и, разумеется, отступить перед ними.

После Монтебелло бои происходили также в центре и на правом фланге австрийцев. Согласно сообщениям, полученным с «Фултоном» и опубликованным вчера, сардинцы 30 мая перешли Сезию у Верчелли, атаковали и захватили несколько австрийских полевых укреплений у Палестро, Кассалино и Винцальо. Командовал сам Виктор-Эммануил, и победа была достигнута после рукопашной схватки. По сообщениям сардинцев, австрийцы понесли очень тяжелые потери. Из почты, доставленной «Европой» в Галифакс, мы теперь узнали, что австрийцы дважды пытались взять обратно Палестро и один раз едва не достигли успеха, когда отряд зуавов подоспел на выручку и отбросил их. В этом бою сардинцы, по их словам, взяли 1000 пленных, однако невозможно составить себе суждение об этом столкновении в силу отсутствия каких-либо достоверных подробностей. Мы не ожидали такой упорной борьбы на передовых позициях у Сезии от австрийцев, которые, как говорят, вовсю отступают на ту сторону Тичино. Однако

на своем крайнем правом фланге они не проявили такой же отваги и стойкости. 25 мая Гарибальди, обойдя со своими альпийскими стрелками и некоторыми другими частями общей численностью примерно в 5000 человек крайний правый фланг австрийцев, перешел через Тичино, направился к Варесе, между озерами Лаго-Маджоре и Комо, и овладел этим городом. 26 мая он разбил атаковавший его австрийский отряд и начал, не теряя ни минуты, развивать свой успех; 27-го он снова разбил тот же самый отряд (подкрепленный гарнизоном Комо) и в ту же ночь вступил в Комо. Подвижный отряд генерала Урбана выступил против него и фактически оттеснил его в горы. Однако из полученных нами этой ночью с «Европой» самых последних сообщений следует, что он вернулся, захватил австрийцев врасплох и вновь овладел Варесе. Его успех вызвал восстание в городах, расположенных на озере Комо и в Вальтеллине, или верхней долине Адды — горном районе, который в 1848 г. проявил в восстании большую энергию, нежели города Ломбардской равнины. Пароходы на озере Комо находятся в руках инсургентов, и 800 человек из Вальтеллины присоединились к Гарибальди. Говорят, что несмотря на временные неудачи последнего, восстание в этой части Ломбардии распространяется.

Этот рейд Гарибальди явился крупным успехом союзников, австрийцы же допустили большую ошибку. Для них не было особой беды в том, что они позволили Гарибальди захватить Варесе, однако Комо следовало удерживать сильным отрядом, с которым он не решился бы вступить в бой. Другой отряд, отправленный к Сесто-Календе, отрезал бы Гарибальди пути к отступлению, и когда он был бы таким образом заперт на небольшом пространстве между озерами, энергичное наступление должно было бы принудить его либо сложить, оружие, либо перейти на нейтральную территорию Швейцарии, где он был бы обезоружен. Однако австрийцы недооценили этого человека, которого они называют атаманом разбойников; а между тем, если бы они потрудились изучить историю осады Рима и его похода из Рима в Сан-Марино[215], то они признали бы в нем человека незаурядного военного таланта, безгранично смелого и весьма находчивого. Вместо этого они отнеслись к его вторжению так же легкомысленно, как к вторжениям ломбардских добровольцев Аллеманди в 1848 году[216]. Они совершенно упустили из виду тот факт, что Гарибальди — человек строгой дисциплины и что большинство его людей находится под его командованием уже четыре месяца — время вполне достаточное для того, чтобы приучить их к маневрированию

и к передвижениям, характерным для малой войны. Возможно, что, направляя Гарибальди в Ломбардию, Луи-Наполеон и Виктор-Эммануил рассчитывали погубить его и его добровольцев — элементы, пожалуй, слишком революционные для этой династической войны. Такая гипотеза поразительно подтверждается тем фактом, что его поход совершался без необходимой поддержки. Однако не следует забывать, что в 1849 г. он пошел той же самой дорогой и сумел ускользнуть. Во всяком случае он овладел мостом у Лекко и пароходами на озере, что обеспечило ему свободу движения в восточном направлении от озера Комо. Здесь находится обширная гористая полоса, простирающаяся на север до перевалов Шплюген и Стельвио, на восток до озера Гарда, на юг до Бергамо и Брешии, — область чрезвычайно удобная для ведения партизанской войны, где его, как в этом только что убедился генерал Урбан, будет очень трудно захватить. Если 6000—8000 человек было бы достаточно для того, чтобы уничтожить его в районе Варесе, то теперь для этого может потребоваться более 16000, так что одна бригада Гарибальди отныне будет всецело отвлекать три австрийских бригады. Однако при наличии военных сил, накапливающихся в Тироле (из Богемии в Тироль через Саксонию и Баварию переброшен по железной дороге целый армейский корпус), а также при наличии войск, удерживающих Ломбардию, мы не видим, каким образом он, несмотря на свои последние успехи и Варесе, сможет устоять, если союзники в ближайшем будущем не одержат решительной победы над австрийцами. А это будет трудным делом. Еще один австрийский армейский корпус, 9-й, влился в действующую армию, доведя ее состав до шести корпусов, или не менее 200000 человек; кроме того, в пути находятся другие корпуса. Однако, поскольку Луи-Наполеон не может позволить себе долго оставаться в бездействии, вскоре надо ожидать сражения, и сообщение о том, что он со своей главной квартирой и гвардией перешел в Вогеру, на крайний правый фланг позиции союзников, должно означать, что сражение может разыграться в окрестностях Страделлы. Если это так, то мы, весьма вероятно, будем свидетелями защиты австрийцами дефиле Страделлы с фронта и их попытки, перейдя мост у Ваккарицца, действовать на фланге и в тылу французов.

Написано Ф. Энгельсом 30 мая 1859 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5663, 15 июня 1859 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

МАНИФЕСТ МАДЗИНИ [217]

При нынешних обстоятельствах всякое заявление со стороны Мадзини — это событие, заслуживающее большего внимания, чем дипломатические обращения соперничающих кабинетов или даже цветные бюллетени с театра войны. Как бы различны ни были мнения людей о личности римского триумвира[218], никто не станет отрицать, что в течение почти тридцатилетнего периода итальянская революция связана с его именем и что в течение того же промежутка времени Европа признает его лучшим выразителем национальных чаяний своих соотечественников. Ныне он совершил замечательный акт нравственного мужества и патриотического самопожертвования, он один, с риском повредить своей популярности, возвысил свой голос против вавилонского смешения самообмана, слепого энтузиазма и корыстной лжи. Его разоблачения по поводу действительных планов, согласованных между Бонапартом, Александром и Кавуром, агентом обоих самодержцев, следует взвесить тем тщательнее, что из всех частных лиц в Европе Мадзини, как известно, обладает самыми обширными средствами проникновения в мрачные тайны господствующих держав. Его совет народным добровольцам провести четкую линию различия между их собственным делом и делом коронованных самозванцев и никогда не бесчестить своих воззваний, засоряя их позорным именем Луи-Наполеона, выполнен Гарибальди буквально. То, что в воззвании последнего имя Франции не упомянуто[219], рассматривается Луи-Наполеоном, по сообщению парижского корреспондента лондонского «Times», как смертельное оскорбление. И так велик был страх, внушенный известиями

о тайной связи Гарибальди с римским триумвиром, что его корпус был сокращен с первоначально обещанных ему 10000 chasseurs d'Alpes* до 4000, приданная ему артиллерийская часть была отозвана, единственная батарея, уже отправленная по его просьбе, остановлена, а в его свиту тайком ввели, под личиной добровольцев, двух опытных полицейских агентов, которым было поручено сообщать о каждом слове и движении Гарибальди.

Ниже мы помещаем точный перевод манифеста Мадзини, опубликованного в Лондоне, в последнем номере «Pensiero ed Azione» («Мысль и действие») под заглавием «La Guerra» («Война»)[220]:

«Война началась. Перед нами, следовательно, не вероятность, подлежащая обсуждению, а совершившийся факт. Война вспыхнула между Австрией и Пьемонтом. Солдаты Луи Бонапарта — в Италии. Русско-французский союз, о котором мы объявили год тому назад, разоблачает себя перед Европой. Сардинский парламент вручил Виктору-Эммануилу диктаторские полномочия. В результате вооруженного восстания герцогское правительство Тосканы было свергнуто и она приняла диктатуру короля» (который вслед за тем отказался от нее в пользу Бонапарта). «Возможно, что всеобщее брожение в Италии приведет к подобным же результатам в других местах. Судьбы нашего отечества ныне непреложно решаются на поле сражения.

При таких обстоятельствах большинство наших соотечественников, опьяненных жаждой действия, восхищенных мыслью о мощной поддержке регулярных армий, увлеченных радостью военного выступления против австрийского господства, вызывающего справедливую ненависть, предают забвению ошибки прошлого и их причины, не только приносят в жертву свои самые глубокие убеждения, но отказываются даже от намерения вернуться к ним, отвергают всякую предусмотрительность, всякую свободу суждения, не выдвигая никаких условий, приветствуют всякого, кто берет на себя труд вести войну, без разбора одобряют все, что бы ни исходило от Франции и Пьемонта, и начинают сражение за свободу, отдавая себя в рабство. Другие, видя исчезновение всякого подобия политической нравственности среди агитаторов и следующей за ними толпы, видя, как народ, апостол свободы в течение полу столетия, вдруг вступает в союз с деспотизмом, видя, как люди, которые до вчерашнего дня верили в прудоновскую анархию, сдаются на милость короля, а соотечественники Гоффредо Мамели приветствуют возгласами «Viva l'Imperatore!»** того, кто послал его на смерть вместе с тысячами других[221], — отчаиваются в будущем и объявляют, что наш народ не способен пользоваться свободой.

Что касается нас, то мы не разделяем ни слепых холопских надежд одних, ни уныния и отчаяния других. Война начинается при самых неблагоприятных предзнаменованиях, но итальянцы могут, если захотят, направить ее к лучшей цели; и мы верим в благородные инстинкты нашего народа. Эти инстинкты энергично пробивают себе путь сквозь ошибки, на которые толкают народ агитаторы. Быть может, было бы лучше, если бы вместо того, чтобы объединяться под неограниченной властью держав,

* — альпийских стрелков. *Ред.*
** — «Да здравствует император!» *Ред.*

которые могут предать их надежды, добровольцы спокойно организовали восстания в своих собственных странах и, захватив инициативу, именем итальянского народа возглавили бы эти восстания; но ими движет священный и возвышенный дух, они дают неопровержимые доказательства преданности общей родине, и на это стихийно возникшее ядро будущей национальной армии возлагает величайшие надежды Италия. Принятие королевской диктатуры является ошибкой, которая действительно может окончиться роковым образом, и она оскорбляет достоинство народа, восставшего для своего освобождения; эта диктатура в стране с парламентом, преданным монархии, перед лицом примера, показанного Римом и Венецией, где гармония между народными собраниями и руководителями обороны была источником могущества, перед лицом воспоминаний о долгой и страшной войне, которую выдержала Англия против Первой империи, без малейшего нарушения гражданских свобод, — очевидно является не чем иным, как уступкой требованиям объединенных деспотов и первой стадией осуществления плана, имеющего целью подменить вопрос о свободе вопросом о территории; но народ, с энтузиазмом принимающий диктатуру, верит, что он совершает акт высшего самопожертвования на благо общего отечества, и, введенный в заблуждение мнением о том, что успех войны зависит от такого сосредоточения власти, желает своим одобрением показать твердую решимость бороться и победить, чего бы это ни стоило. Безоговорочная капитуляция восставших провинций перед абсолютной властью коронованного диктатора почти неизбежно приведет к фатальным последствиям. Логика восстания требует, чтобы каждая восставшая провинция подчинилась местной повстанческой власти и выделила представителя для формирования общенационального повстанческого правительства; но даже эта огромная ошибка есть дань потребности национального единства; она решительно опровергает глупую болтовню европейской прессы о наших разногласиях, она является законной для Италии. В Италии патриотизм в настоящий момент настолько силен, что он преодолеет все ошибки. Добрые граждане вместо того, чтобы отчаиваться, должны придать ему должное направление. С этой целью они обязаны настаивать, не боясь дурных истолкований, на изложении истинного положения вещей. Момент является слишком серьезным, чтобы обращать внимание на непосредственную выгоду или на упреки.

Истинное положение вещей таково.

Так же как в 1848 г., и даже в большей мере, итальянское движение стремится к свободе и национальному единству. Сардинская монархия и Луи Бонапарт предприняли войну с совершенно другими целями. Так же, как в 1848 г., и даже в большей мере, антагонизм между стремлениями нации и стремлениями признанных руководителей, который в то время привел войну к краху, грозит Италии страшными разочарованиями.

Национальное единство — вот чего желает Италия. Луи-Наполеон этого желать не может. Кроме Ниццы и Савойи, которые уже уступлены ему Пьемонтом как плата за его помощь в образовании королевства на Севере, он ждет удобного случая, чтобы утвердить трон Мюрата на Юге, а трон своего двоюродного брата — в Центре. Рим и часть Папской области должны остаться под временным правлением папы.

Искренне или нет, это не имеет значения, но министр, которому ныне принадлежит верховная власть в Пьемонте, дал свое согласие на этот план.

Италия, таким образом, должна быть разделена на четыре государства: два из них должны непосредственно управляться иностранцами, а *косвенно* Франция будет обладать всей Италией. Папа стал французским вассалом после 1849 г., сардинский король станет вассалом империи из благодарности и вследствие недостатка сил.

Если Австрия будет сопротивляться до последней возможности, план будет выполнен целиком. Но если Австрия, потерпев поражение в самом начале, предложит условия, подобные тем, которые она предложила в определенный момент в 1848 г. английскому правительству, а именно: очищение Ломбардии, при сохранении за собой Венеции, — тогда мир, естественно поддержанный всей европейской дипломатией, будет принят; при этом будет осуществлено только одно условие: расширение сардинской монархии и передача Франции Савойи и Ниццы; на Италию обрушится месть ее повелителей, и полное осуществление заветного плана будет отложено до какого-нибудь более благоприятного момента.

Этот план известен правительствам Европы. Отсюда их всеобщее вооружение, отсюда военное возбуждение во всем Германском союзе, отсюда уже подготовленные элементы коалиции между Англией, Германией и Пруссией, — коалиции, которая неизбежна, вопреки заверениям правительств в обратном. Если Италия не будет отстаивать свое национальное существование, независимо от бонапартовского союза, защита Австрии и договоров 1815 г. неизбежно станет стержнем коалиции.

Луи-Наполеон боится коалиции. Отсюда его союз с Россией, ненадежным и вероломным союзником, который все же готов на вмешательство при условии, если будут сделаны смертельные для свободы уступки, такие как полный отказ от Польши и общий протекторат царя над Европейской Турцией в обмен на превращение Средиземного моря во французское озеро. Если война продлится и примет, в результате германского вмешательства, европейские масштабы, восстание в турецких провинциях, подготовленное задолго до того, и восстание в Венгрии дадут союзу возможность принять ощутимые формы.

В случае, если события дойдут до этой точки, существует намерение утопить в территориальном перераспределении всякую мысль о народном праве и свободе. Русские князья будут управлять государствами, созданными на обломках Турецкой империи и Австрии, принцы бонапартовской династии—новыми итальянскими государствами, а может быть, если представится случай, и какими-либо другими государствами в придачу. Русского великого князя Константина уже прочат недовольным венграм, так же как Луи-Наполеона Бонапарта — монархическим агитаторам в Папской области и в Тоскане. Подобно тому как Карл V и Клемент VII, будучи смертельными врагами, объединились, чтобы поделить между собой вольные города Италии[222], так два царя, искренне ненавидя друг друга, объединяются, чтобы удушить все надежды на свободу и *империализовать Европу.* Отсюда декрет, который на неопределенный период ликвидирует свободу Пьемонта, растерзанную Кавуром. Когда пресса безмолвствует, когда не допускается какого-либо истолкования военных операций, когда народ держат в полном неведении, освобождается арена для тактики правителей. А народное сознание, зачарованное призраком независимости, — которая, в конце концов, окажется лишь переменой зависимости, — отвыкает от мысли о свободе, которая является истинным источником всякой независимости.

Таковы планы объединенных деспотов. Некоторые могут отрицать их именно потому, что они сами подготовляют их исполнение, как Луи Бонапарт отрицал какое-либо намерение произвести coup d'etat*, другие— из-за слепого доверия к каждому слову, которое исходит от властителей, или из-за слепого желания, туманящего их мозг; при всем том эти планы не становятся менее реальными; они известны мне, известны различным правительствам и обнаружили себя частично в словах, частично в делах

* — государственный переворот. *Ред.*

Луи-Наполеона и графа Кавура. Я говорю графа Кавура, потому что я склонен думать, что Виктор-Эммануил не причастен к сделкам в Пломбьере и Штутгарте.

Если бы граф Кавур был подлинным другом Италии, он использовал бы огромный престиж, возникший в результате обладания важной материальной силой и в результате общих тенденций, которые преобладают в Италии, для того, чтобы подготовить движение в Италии и оказать ему *немедленную* поддержку со стороны Пьемонта. К борьбе, начатой только итальянскими силами, Европа отнеслась бы с одобрением и благожелательством. И Европа, грозящая ныне Наполеону, который направляется в Италию по ее призыву и с видом освободителя, никогда бы не потерпела, чтобы он, по своей инициативе, не будучи призван, пришел на помощь Австрии. Это было бы святым и высоким делом и Кавур сумел бы осуществить его. Но при этом во имя свободы и права необходимо было бы побрататься с итальянской революцией. Такой образ действий не устраивал министра сардинской монархии. Отвращение к народу и к свободе побудило его искать союза с тиранией — той тиранией, которую все народы ненавидят из-за ее старых завоевательных традиций. Этот план изменил самую природу итальянского дела. Если он одержит победу при наличии союзника, признанного в качестве ее патрона, — национальное единство потеряно, Италия станет ареной нового раздела под французским протекторатом. Если же он рухнет вместе с героем декабря, то убытки должна будет нести Италия, она подвергнется бесконечным репрессиям, а Европа вместо того, чтобы оплакивать нас, скажет: «Вы получили только по заслугам» («Voi non avete, se non quello che meritate»). Над всей человеческой тактикой, над всеми расчетами властвуют нравственные законы, которые народы не могут нарушать безнаказанно. Всякая вина неизбежно влечет за собой искупление. Франция — об этом мы говорили в свое время — искупит свою римскую экспедицию. Да избавит бог Италию от сурового искупления, которое заслужила сардинская монархия, связавшая дело, освященное полустолетием жертв, мученичества и добродетельных устремлений, со знаменем эгоизма и тирании!

И тем не менее война является *фактом* — фактом огромного значения, который возлагает новые обязанности и существенно изменяет наши собственные действия. Между замыслом Кавура и угрозой коалиции, между Луи-Наполеоном и Австрией, между этими одинаково печальными возможностями стоит Италия, — и чем серьезнее опасность этого положения, тем больше должны объединиться всенародные усилия для спасения общего отечества от опасностей, которым оно подвергается. Если бы война велась между правительствами, мы могли бы остаться зрителями, которые ожидают того момента, когда борющиеся стороны ослабят друг друга и сможет вырваться вперед национальная стихия. Но эта стихия уже прорвалась. Страна, обманута она или нет, охвачена лихорадочной деятельностью и верит, что она способна добиться своей цели, используя войну императора и короля. Тосканское движение, стихийное движение итальянских солдат и граждан, повсеместное возбуждение и порыв добровольческого корпуса разрывают кольцо официальных интриг: все это биение сердца нации. Необходимо последовать за ними на арену действий; необходимо расширить, итальянизировать (italianizzare) войну. Республиканцы сумеют выполнить этот долг.

Италия, если захочет, сможет спасти себя от опасностей, на которые мы указывали. Она может выйти из настоящего кризиса, добившись национального единства.

Необходимо, чтобы Австрия потерпела поражение. Мы можем сожалеть об императорской интервенции, но мы не можем отрицать того, что

Австрия — заклятый враг всякого национального развития Италии. Каждый итальянец должен содействовать падению Австрии. Этого требуют честь и безопасность всех. Европа должна узнать, что между нами и Австрией идет непрерывная война. Необходимо, чтобы народ Италии сохранял в неприкосновенности свое достоинство и убедил Европу в том, что если мы можем терпеть помощь тирании, поскольку этой помощи запросило итальянское правительство, то мы ее не просили и мы не отказались из-за нее от нашей веры в свободу и союз народов. Возглас «Viva la Francia!»[*] уста итальянцев могут произносить с чистой совестью, но это не относится к возгласу «Viva l'Imperatore!» ... Необходимо, чтобы Италия восстала от края до края ... на Севере для того, чтобы завоевать, а не для того, чтобы получить свободу; на Юге для того, чтобы организовать резерв национальной армии. Восстание может с подобающей сдержанностью принять военное командование короля везде, где австриец разбил свой лагерь или где он находится поблизости; восстание на Юге должно действовать и проводиться более независимо... Неаполь и Сицилия могут обеспечить дело Италии и учредить власть, представленную Национальным лагерем... Где бы он ни раздавался, повсюду клич восстания должен быть: «Единство, Свобода, Национальная независимость!». Имя Рима должно всегда стоять рядом с именем Италии. Обязанностью Рима является не посылать ни одного человека в сардинскую армию, напротив, — доказать императорской Франции, что для любой страны сражаться во имя итальянской независимости и в то же время высказываться в поддержку папского абсолютизма, — недостойное дело... От Рима, от Неаполя, от поведения добровольческой милиции зависит ныне судьба Италии. Рим представляет единство отечества, Неаполь и добровольцы могут составить его армию. Обязанности огромны; и если Рим, Неаполь и добровольцы не сумеют их выполнить, они не заслуживают свободы и они ее не получат. Война, предоставленная на волю правительств, закончится вторым Кампоформийским договором[223].

Дисциплина, которая ныне провозглашается секретом победы теми самыми людьми, которые погубили восстание 1848 г., — есть не что иное, как рабская покорность и пассивность народа. Дисциплина, как понимаем ее мы, может требовать прочного единства для всего, что касается ведения регулярной войны; она может потребовать молчания по всем вопросам формы; но никогда не может требовать, чтобы Италия не восставала или пала по воле диктатора, лишенного программы, и иноземного деспота, Италия никогда не откажется заявить о своей высокой решимости быть свободной и объединенной!».

Вступительные замечания к манифесту Мадзини написаны К. Марксом в конце мая 1859 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5665, 17 июня 1859 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

[*] — «Да здравствует Франция!». *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

ХОД ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

В нынешней войне славой себя покрыл пока что один Гарибальди; он, судя по всему, не боится быстроты и натиска, от которых предостерегает своих подчиненных Наполеон III. Совершенно неожиданно этот руководитель добровольческих отрядов сделался героем Италии, хотя по эту сторону Атлантического океана бонапартистская пресса пытается приписать заслугу его подвигов исключительно своему собственному великому защитнику. Однако лавры партизанского генерала, по-видимому, пробудили дух соревнования также и в груди Виктора-Эммануила. Следствием этого явилось сражение при Палестро, о котором мы, к сожалению, получили пока только одни телеграфные сообщения, да и те только из сардинского лагеря.

Согласно этим сообщениям, 4-я пьемонтская дивизия Чальдини, которая несколько дней тому назад перешла Сезию вблизи Верчелли и провела все последующее время в мелких стычках с австрийскими аванпостами, 30 мая, по-видимому, атаковала вражескую укрепленную позицию у Палестро, Винцальо и Конфьенцы. Пьемонтцы разбили занимавшую ее бригаду (весьма вероятно, бригаду генерала Габленца), однако, как сообщают, на следующее утро (31 мая) австрийские войска численностью в 25000 человек сделали попытку взять позицию обратно. Австрийцы попытались обойти правый фланг пьемонтцев, вследствие чего сами подставили свой фланг под удар корпуса генерала Канробера (дивизии Трошю), который навел мост через Сезию и как раз в это время подходил к полю боя. Император немедленно отправил 3-й полк зуавов на помощь

пьемонтцам. Зуавы, «хотя они и не получили поддержки», атаковали одну австрийскую батарею, захватили ее шесть пушек и опрокинули отряд прикрытия в канал, где, как сообщают, 400 человек из отряда утонули. Сардинский король находился в самой гуще боя и так увлекся избиением неприятеля, что «зуавы пытались — впрочем безуспешно — сдерживать его пыл». Как сообщают, зуавами командовал лично генерал Чальдини. В конце концов австрийцы были отброшены, причем они оставили в руках союзников 1000 пленных и восемь пушек.

«Потери австрийцев», — говорится в пьемонтском сообщении, — «были весьма значительны, наши собственные — еще неизвестны».

Одновременно у Конфьенцы происходил другой бой, в котором поражение неприятелю нанесла дивизия генерала Фанти. Однако около шести часов вечера австрийцы снова попытались атаковать Палестро, впрочем не с большим успехом. 1 июня генерал Ньель с французским 4-м корпусом вступил в Новару, не встретив, по-видимому, никакого сопротивления.

С тех пор как в результате мира 1849 г. Spada d'ltalia был вложен в ножны, нам не приходилось читать более сбивчивого и противоречивого отчета о каком-либо сражении[224]. И при этом в нашем резюме этого отчета мы еще опустили некоторые из самых необъяснимых его деталей. В наступлении австрийцев участвовало 25000 человек. Были ли они целиком направлены против Палестро, или же в это число входят также отряды, разбитые генералом Фанти при Конфьенце? Так как численность этих последних не указана особо, то мы вряд ли ошибемся, — учитывая исключительную правдивость пьемонтских сводок, — если сделаем заключение, что всего в сражении 31 мая участвовало приблизительно 25000 австрийцев. Каковы были силы, которые нанесли им поражение, это мы постепенно выясним. Когда пьемонтцы оказались в опасном положении, император приказывает 3-му полку зуавов двинуться вперед. Их ведет Чальдини, а король, расталкивая их, пробирается в самую гущу сражения, причем зуавы тщетно пытаются удержать его.

Великолепная картина! Как изумительно распределены роли! Луи-Наполеон, «император», приказывает зуавам идти вперед. Чальдини, генерал, к тому же пьемонтец, ведет их в бой, — пьемонтец во главе французских зуавов! «Король» бросается к ним и в их рядах сражается под начальством своего собственного генерала в самой гуще боя. Но в то же время нам говорят, что король лично командовал 4-й пьемонтской дивизией, т. е. дивизией Чальдини. Что сталось с этой 4-й дивизией, пока Чальдини вел в бой зуавов, а король находился в гуще

боя, этого мы, быть может, так никогда и не узнаем. Однако такое поведение Виктора-Эммануила нас не удивляет. В роковом сражении при Новаре он совершил подобную же ребяческую выходку, бросил свою дивизию на произвол судьбы и не мало способствовал тому, что сражение было проиграно и Радецкий одержал победу.

Хотя истинный характер этого сражения станет нам ясен лишь по получении официальных сообщений французов и австрийцев, мы все же можем извлечь из этого сбивчивого сообщения о сражении кое-какие полезные факты. Крайнее левое крыло союзников было до сих пор занято французским корпусом генерала Ньеля; он стоял на Доре-Балтее к западу от Верчелли. Ближайшими по порядку были две пьемонтские дивизии Чальдини и Дурандо (4-я и 3-я) у Касале. У Алессандрии и Валенцы находились пьемонтские дивизии Кастельборго (1-я) и Фанти (2-я) и французские корпуса Мак-Магона и Канробера с гвардией, составлявшие центр. К востоку от Алессандрии, у Тортоны, Нови и Вогеры, расположилась пьемонтская 5-я дивизия Куккьяри и французский корпус Бараге д'Илье.

В сражении у Палестро и Конфьенцы (эти пункты отстоят друг от друга не более чем на три мили), как видим, участвовал не только Чальдини, но и Фанти; и хотя о Ньеле ничего не сказано, однако мы застаем здесь Канробера. Мы видим здесь также 3-й полк зуавов, который не входит ни в состав корпуса Канробера, ни в какой-либо другой из остальных трех французских корпусов. Наконец, нам говорят, что Луи-Наполеон перенес свою главную квартиру в Верчелли и что генерал Ньель занял Новару на следующий день после сражения. Все это свидетельствует о коренном изменении в расположении союзной армии. Левое крыло, ранее состоявшее из корпуса Ньеля, 26 батальонов, и дивизии Чальдини, 14 батальонов, а всего из 40 батальонов, теперь усилено корпусом Канробера, из 39 батальонов, и дивизией Фанти, из 14 батальонов, т. е. всего 53 батальонами; в результате эта часть союзной армии имеет теперь в своем составе всего 93 батальона. Из этого числа в сражении при Палестро в большей или меньшей степени участвовали, бесспорно, обе пьемонтские дивизии, 28 батальонов, и дивизия Трошю из корпуса Канробера, 13 батальонов, а всего 25000 пьемонтцев и по меньшей мере 11000 французов. Этим объясняется то, что 25000 австрийцев были отброшены.

Однако это усиление левого крыла было предпринято, очевидно, с другой, более важной целью. Это доказывается продвижением генерала Ньеля к Новаре, равно как перенесением

главной квартиры Луи-Наполеона в Верчелли. Далее, вероятность того, что за ним сюда последовала и гвардия, едва ли оставляет сомнение насчет намерений союзников. Наличие гвардии увеличивает численность войск на Сезии до 127 батальонов, а с помощью, железной дороги, как это было при Монтебелло, войска могут быть быстро переброшены с крайнего правого фланга с тем, чтобы они успели принять участие в общем сражении. Таким образом, остается два возможных варианта. Либо Луи-Наполеон будет продолжать начатое им движение, полностью обойдя правый фланг австрийцев и разместив главные силы своей армии на прямой дороге из Верчелли в Милан, на линии Верчелли — Новара, в то же время связывая австрийцев демонстрацией на линии По. Либо, производя сильную демонстрацию на правом фланге австрийцев, он сосредоточит свои главные силы в окрестностях Валенцы, где корпуса Бараге, Мак-Магона и гвардия насчитывают 99 батальонов, а дивизии Куккьяри, Дурандо и Кастельборго — 42 батальона, причем эта группировка должна быть усилена быстрой переброской туда корпуса Канробера и некоторого количества пьемонтцев, благодаря чему в одном пункте было бы сосредоточено 170 батальонов, которые могли обрушиться на австрийский центр, чтобы сокрушить его.

Демонстративные действия на Сезии корпуса Канробера (из которого здесь, фактически, могла находиться только дивизия Трошю) и пьемонтцев Фанти, и не менее демонстративное перенесение Луи-Наполеоном своей главной квартиры в Верчелли, по-видимому, говорят в пользу второго предположения, но здесь можно лишь высказывать догадки.

Тем временем австрийцы, судя по всему, все еще находятся на Агоньи, хотя лондонская «Daily News»[225] и сообщает об их отходе на другой берег Тичино. Их войска все более сосредоточиваются на тесном пространстве вокруг Гарласко. Кое-где противники прощупывают друг друга, — один у Монтебелло, другой у Палестро, однако стараются не разбрасывать своих сил. Австрийцы имеют в своем распоряжении по крайней мере шесть армейских корпусов, т. е. от 160 до 200 батальонов (в зависимости от того, сколько выделено для гарнизона). Таким образом, силы противников, по-видимому, почти равные. Пройдет несколько дней, и тучи должны будут разразиться таящейся в них грозой.

Написано Ф. Энгельсом 2 июня 1859 г.

Напечатано в «New-York Daily Tribune» № 5665, 17 июня 1859 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ВОЕННЫЕ СОБЫТИЯ

Отрывочный и противоречивый характер телеграмм, полученных с театра военных действий, позволяет сделать лишь несколько беглых замечаний об отступлении австрийцев за Тичино и их поражении при Мадженте. По-видимому, напуганные занятием Новары генералом Ньелем, австрийцы в течение 3 и 4 июня отступили за Тичино. 4 июня, в 4 часа утра, французы и пьемонтцы, перейдя Тичино у Турбиго и Боффалоры на правом фланге австрийцев, превосходящими силами напали на стоявшего непосредственно перед ними противника и после чрезвычайно кровопролитного и упорного сопротивления выбили его из занимаемой им позиции. Подробности об этом бое, опубликованные репортером союзной армии, Луи Бонапартом, свидетельствуют о силе воображения этого «тайного генерала», который все еще не может побороть своего отвращения к «armes de precision»* и потому следует за армией в обозе, на почтительном расстоянии от поля боя, будучи, однако, «в полном телесном здравии».

Назойливость, с которой всему миру навязывают этот бюллетень о здоровье императора, имеет свои веские основания. Во время обсуждения во французской палате пэров булонской авантюры Луи Бонапарта свидетели под присягой удостоверили, что в момент опасности наш герой освободил свое сердце от давившего его бремени таким способом, который является всем чем угодно, но только не признаком «полного телесного здравия».

* — «нарезному оружию». *Ред.*

Австрийцы сконцентрировались и заняли позицию на Агоньи подобно тигру, готовому сделать прыжок. Вина за их поражение падает на Дьюлаи, оставившего эту позицию. После того как они овладели Ломеллиной и заняли позицию приблизительно в 30 милях перед Миланом, само собой разумелось, что они не могли прикрыть все возможные подступы к этой столице. Перед союзниками были открыты три дороги: одна — через австрийский центр — на Валенцу, Гарласко и Берегуардо; другая — через австрийский левый фланг — на Вогеру, Страделлу и далее через По, между Павией и Пиаченцей; наконец третья — через австрийский правый фланг — на Верчелли, Новару и Боффалору. Если австрийцы хотели защищать Милан непосредственно, то своей армией они могли преградить только одну из этих дорог. Выставить по одному корпусу на каждой из них значило бы раздробить свои силы и пойти на верное поражение. Однако одно из правил ведения современной войны состоит в том, что дорогу можно столь же хорошо, если даже не лучше, защищать фланговой позицией, как и фронтальной. Армию численностью от 150000 до 200000 человек, сосредоточенную на небольшом пространстве и готовую действовать в любом направлении, неприятель может безнаказанно для себя оставить без внимания лишь в том случае, если он обладает подавляющим численным превосходством. Когда в 1813 г. Наполеон шел к Эльбе, союзники имели основания навязать ему сражение, хотя численно они были гораздо слабее. Поэтому они заняли позицию у Лютцена, в нескольких милях к югу от дороги, ведущей от Эрфурта к Лейпцигу. Армия Наполеона частью уже прошла, когда союзники дали французам знать, что они находятся поблизости. Это остановило движение всей французской армии, ее продвинувшиеся вперед колонны были отозваны, и произошло сражение, в результате которого французы, несмотря на свое численное превосходство приблизительно в 60000 человек, едва удержали за собой поло боя[226]. На следующий день обе армии двигались по параллельным дорогам в направлении к Эльбе, причем отступление союзников произошло совершенно беспрепятственно. Не будь неравенство сил обеих армий столь значительно, фланговая позиция союзников могла бы остановить движение Наполеона по меньшей мере так же успешно, как и непосредственно фронтальная позиция на дороге в Лейпциг.

Сходную позицию занимал Дьюлаи. С армией численностью приблизительно в 150000 человек он стоял между Мортарой и Павией, загораживая прямую дорогу от Валенцы на Милан. Он мог быть обойден с обоих флангов, однако его позиция давала

ему средства противодействовать такому обходу. Основные силы союзной армии 30, 31 мая и 1 июня были сосредоточены у Верчелли. Они состояли из четырех пьемонтских дивизий (56 батальонов), корпуса Ньеля (26 батальонов), корпуса Канробера (39 батальонов), гвардии (26 батальонов) и корпуса Мак-Магона (26 батальонов), всего из 173 батальонов пехоты, не считая кавалерии и артиллерии. Со своей стороны, Дьюлаи имел шесть корпусов, ослабленных в результате выделения отрядов в Вогеру, против Гарибальди, для занятия различных пунктов и т. д., но все же насчитывавших 150 батальонов. Его армия была расположена так, что справа она могла быть обойдена только фланговым маршем в пределах досягаемости для боевых действий. Известно, что армии всегда необходимо иметь некоторое время, чтобы из походного порядка перестроиться в боевой, даже при фронтальной атаке, хотя походный порядок в данном случае как нельзя лучше приспособлен для ведения боя. Несравненно опаснее бывает расстройство рядов, если колонны, построенные в походный порядок, подвергаются фланговой атаке. Поэтому является непременным правилом избегать флангового марша в пределах досягаемости неприятеля. Союзная армия нарушила это правило. Она шла к Новаре и реке Тичино, как бы не обращая внимания на находившихся у нее на фланге австрийцев. Тут-то и надо было действовать Дьюлаи. Он должен был, оставив один корпус в нижнем течении Агоньи для наблюдения за Валенцей, сосредоточить свою армию ночью, 3 июня, у Виджевано и Мортары и затем, 4 июня, со всеми наличными силами ударить во фланг движущимся вперед союзникам. Результаты такой атаки, предпринятой приблизительно со 120 батальонами на сильно растянутую и во многих местах разорванную походную колонну союзников, не вызывают почти никаких сомнений. Если бы часть союзников уже успела перейти Тичино, тем лучше было бы для Дьюлаи: его нападение заставило бы их возвратиться, но едва ли дало бы им время решающим образом повлиять на исход сражения. Даже в худшем случае, т. е. при неудаче атаки, австрийцы так же безопасно могли бы отступить к Павии и Пиаченце, как они сделали это, например, после битвы при Мадженте. Вся диспозиция Дьюлаи показывает, что таков именно и был первоначальный план австрийцев. После тщательного обсуждения в военном совете было решено оставить французам открытой прямую дорогу на Милан и прикрывать Милан только маршем во фланг неприятеля. Но когда наступил решительный момент и Дьюлаи увидал, что массы французов на его правом фланге устремились к Милану, то этот чистокровный

мадьяр потерял голову, заколебался и, в конце концов, отступил за Тичино. Тем самым оы подготовил свое поражение. В то время как французы шли прямым путем на Мадженту (между Новарой и Миланом), сам он сделал большой крюк—сначала спустился вдоль Тичино, перешел реку у Берегуардо и Павии, затем прошел снова вверх вдоль Тичино на Боффалору и Мадженту, чтобы преградить прямую дорогу на Милан. Следствием явилось то, что его войска прибывали малочисленными отрядами и не могли быть сосредоточены в количестве, необходимом, чтобы сломить ядро союзной армии.

В том случае, если бы союзная армия осталась хозяином поля сражения, т. е. прямой дороги на Милан, австрийцы должны были бы отойти за По и за Адду или за свои крупные крепости для перегруппировки сил. Хотя и в этом случае сражение при Мадженте решило бы участь Милана, оно далеко еще не решило бы судьбу кампании. У австрийцев есть три полных армейских корпуса, которые в настоящий момент концентрируются на Адидже и, в конечном счете, смогут обеспечить им равновесие сил, если нерешительность Дьюлаи и на этот раз снова не «исправит» грубые ошибки «тайного генерала».

Написано Ф. Энгельсом около 9 июня 1859 г.

Напечатано в газете «Das Volk» № 6, 11 июня 1859 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПОРАЖЕНИЕ АВСТРИЙЦЕВ

С прибытием прошлой ночью «Персии» мы получили ряд разнообразных и весьма интересных документов о сражении при Мадженте, которые читатель найдет в соответствующем месте. Сущность этих документов можно резюмировать в немногих словах. Сражение при Мадженте было решающим поражением для австрийцев, а для французов — победой, открывающей широкие перспективы; союзники вступили в Милан и были встречены ликующим народом; австрийцы отступают по всей линии, и корпус Бенедека потерпел сильное поражение от Бараге д'Илье (об отставке его более нет и речи) у Мариньяно, причем было взято 1200 пленных; союзники полны уверенности в успехе, а австрийцы пали духом и полны уныния.

Наши лондонские собратья по перу, как правило, считают сражение неожиданностью для австрийцев; таково же было и наше собственное мнение, пока мы не получили имеющегося теперь в наших руках свидетельства. Сейчас нам ясно, что Дьюлаи не столько был захвачен врасплох, сколько совершил роковую ошибку; и эту точку зрения мы сейчас обоснуем. Когда австрийцы заняли свою позицию примерно в 30 милях перед Миланом, то нельзя было ожидать, что они смогут прикрыть все возможные подступы к этой столице. Перед союзниками были открыты три дороги: они могли двигаться прямо в центре позиции австрийцев через Валенцу, Гарласко и Берегуардо; на австрийском левом фланге через Вогеру, Страделлу, перейдя По между Павией и Пиаченцей; и наконец, на австрийском правом фланге прямо через Верчелли, Новару и Боффалору. Если австрийцы хотели защищать Милан, они могли защищать только одну из этих трех дорог, поставив свою армию поперек нее; защищать все три дороги, поставив на каждой из них по одному корпусу, значило бы разбросать свои силы и наверняка

навлечь на себя поражение. Однако одним из общепризнанных правил ведения современной войны является то, что дорогу можно так же хорошо, если даже не лучше, защитить фланговой позицией, как и обычной фронтальной. Ни одна армия — разве только она имеет огромное численное превосходство — не может безнаказанно пройти мимо неприятельской армии в 150000—200000 человек, сосредоточенной на небольшом участке и готовой действовать в любом направлении. Так, например, когда Наполеон в 1813 г. шел по направлению к Эльбе, союзники, которые хотя и уступали ему значительно по численности, ко имели свои основания искать сражения, заняли позицию при Лютцене, в нескольких милях к югу от дороги, ведущей из Эрфурта в Лейпциг. Армия Наполеона частично уже прошла мимо, когда французы узнали о близости врага. Следствием этого явилось то, что движение всей французской армии было остановлено, ушедшая вперед колонна отозвана назад, и затем последовало сражение, в котором французы, хотя и имели численный перевес в 60000 человек, едва удержали поле боя. На следующий день армии обеих сторон параллельно друг другу двинулись к Эльбе, и союзники отступили, даже не потревоженные противником. Если бы между силами противников была меньшая разница, то фланговая позиция союзников остановила бы движение Наполеона по меньшей мере так же успешно, как это сделала бы фронтальная позиция на прямой дороге к Лейпцигу. Генерал Дьюлаи занимал точно такую же позицию. С армией, численность которой он мог, конечно, при желании довести более чем до 150000 человек, он стоял между Мортарой и Павией, загораживая прямую дорогу из Валенцы в Милан. Его можно было обойти с обоих флангов; но таков уж характер его позиции, и если последняя чего-либо стоила, то он должен был суметь найти действенное средство от этих неожиданностей в тех самых возможностях, которые давала ему эта позиция для парирования таких движений. Но, оставляя совершенно без внимания левое крыло австрийцев, мы ограничимся рассмотрением положения на том крыле, которое в действительности было обойдено. 30 и 31 мая, а также 1 июня Луи-Наполеон сосредоточил большую часть своих войск у Верчелли. 31-го числа у него здесь было четыре пьемонтских дивизии (56 батальонов), корпус Ньеля (26 батальонов), корпус Канробера (39 батальонов) и гвардия (26 батальонов). Кроме того, он подтянул сюда также корпус Мак-Магона (26 батальонов), сосредоточив здесь в общем огромную силу в 175 батальонов пехоты, не считая кавалерии и артиллерии. У Дьюлаи имелось шесть австрийских армейских

корпусов; они были ослаблены тем, что из их состава были выделены отряды для гарнизонов, отряды, отправленные против Гарибальди, в Вогеру и т. д., но все же в среднем имели пять бригад каждый, что дает в целом 30 бригад, или 150 батальонов.

Такую армию, если она уверена в своих силах, никакой генерал не может дерзнуть оставить на своих флангах или в тылу. Кроме того, эта армия была расположена таким образом, что ее нельзя было обойти справа иначе, как фланговым маршем в пределах ее досягаемости, а такой фланговый марш является чрезвычайно опасным маневром. Армии в походном порядке требуется всегда много времени для того, чтобы принять надлежащий боевой порядок. Она никогда не бывает вполне готова к бою. Но если она не вполне готова к бою даже тогда, когда ее атакуют с фронта, т. е. с той стороны, где походный порядок максимально приспособлен к сопротивлению, то это тем более имеет место, когда походные колонны подвергаются атаке с фланга.

Поэтому общепризнанное правило стратегии предписывает избегать флангового марша в пределах досягаемости неприятеля. Полагаясь на численность своих войск, Луи-Наполеон сознательно нарушил это правило. Он направился к Новаре и реке Тичино, явно не обращая внимания на австрийцев на своем фланге. В этот момент Дьюлаи и должен был действовать. Ему надлежало, ночью 3 июня, сосредоточить свои войска около Виджевано и Мортары, оставив один корпус на нижней Агоньи для наблюдения за Валенцей, и 4-го числа всеми имеющимися в его распоряжении силами обрушиться на фланг продвинувшихся союзников. Относительно результатов подобного удара почти 120 батальонов по длинным, разобщенным колоннам союзников едва ли возможны какие-либо сомнения. Если бы часть союзников в это время уже перешла через Тичино, то было бы тем лучше. Этот удар заставил бы их вернуться, но они едва ли явились бы вовремя, чтобы изменить исход сражения. Но даже если бы этот удар оказался неудачным, последующее отступление австрийцев к Павии и Пиаченце могло быть осуществлено так же безопасно, как это имело место после сражения при Мадженте. Есть основания предполагать, что таков был первоначальный план Дьюлаи. Но когда 2 июня он увидел, что французы стали сосредоточивать свои основные силы на прямой дороге в Милан, на его правом фланге, решимость, по-видимому, его покинула. Французы могли быть в Милане не позже его самого, если бы он позволил им это, ибо едва ли там был хоть один солдат, чтобы преградить им прямой путь. Вступление в Милан даже небольшого отряда французов

могло бы зажечь пожар во всей Ломбардии. И хотя весьма вероятно, что эти соображения не раз обсуждались на военном совете Дьюлаи и что на наступлении во фланг французам настаивали как на мере, вполне достаточной для прикрытия Милана, все же, когда такое положение стало реальным фактом и французы оказались так же близко к Милану, как и австрийцы, Дьюлаи заколебался и в конце концов отступил за Тичино. Это решило его судьбу. В то время как французы двигались по прямой линии к Мадженте, он совершил длинный обход, спустился по долине Тичино и перешел реку у Берегуардо и Павии, затем вновь поднялся вдоль реки к Боффалоре и Мадженте, пытаясь таким образом преградить противнику прямой путь на Милан, но было уже поздно. В результате этого его войска прибывали небольшими отрядами и не могли быть брошены в бой такими крупными соединениями, какие требовались для того, чтобы оказать успешное сопротивление основным силам союзников. Что австрийцы сражались храбро, в этом нет сомнения; что же касается вопросов тактики и стратегии сражения, то мы предполагаем вернуться к ним в другой раз. Однако австрийские сводки напрасно пытаются замалчивать тот факт, что австрийцы были разбиты и что это сражение решило судьбу Милана и должно оказать влияние на судьбу всей кампании. Тем временем австрийцы сосредоточивают еще три армейских корпуса на Адидже, что даст им значительное превосходство в численности. Кроме того, Дьюлаи лишен командования, которое передано генералу Хессу, имеющему репутацию первого стратега в Европе; однако, как говорят, он физически настолько слаб, что не способен заниматься делами в течение продолжительного времени.

Наши читатели вероятно обратят внимание, что сообщения о беззакониях, чинимых австрийцами в Ломеллине, опровергаются как французскими, так и английскими достоверными источниками. Мы обращаем внимание на этот факт не только для того, чтобы соблюсти справедливость по отношению к обеим сторонам, но и потому, что наше недоверие к этим сообщениям было истолковано так, будто, наши симпатии на стороне Франца-Иосифа; напротив, мы не хотели бы отсрочки свержения этого монарха ни на один день. Если бы только он и Наполеон могли погибнуть вместе, один от руки другого, то это было бы венцом исторической справедливости.

Написано Ф. Энгельсом около 9 июня 1859 г.

Напечатало в газете «New-York Daily Tribune» № 5669, 22 июня 1859 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

СРАЖЕНИЕ ПРИ МАДЖЕНТЕ [227]

Официальные французские и австрийские сообщения о сражении при Мадженте подтверждают те предположения, которые мы решались высказывать на основании телеграфных депеш.

Утром 4 июня австрийцы закончили свое отступление через Тичино и направились к Мадженте и Аббьятеграссо, чтобы ударить во фланг французской армии, наступавшей на Милан. Генерал Клам-Галлас, который только что прибыл с одной дивизией своего корпуса (1-го) из Милана, должен был немедленно силами этой дивизии и 2-го корпуса (Лихтенштейна), примкнувшего к нему у Мадженты, атаковать противника с фронта. В резерве он имел у Корбетты, в нескольких милях от Мадженты, дивизию Рейшаха 7-го корпуса (Цобеля). После того как линия Тичино была оставлена как непригодная к обороне, эти семь или восемь австрийских бригад должны были удерживать линию широкого канала *Навильо-Грандв)* который тянется почти параллельно Тичино и доступен для перехода только по мостам. Нужно было удерживать два моста — при Боффалоре и при Мадженте, расположенные на двух дорогах, которые ведут из Мадженты к мосту Сан-Мартино через Тичино. Дивизия 1-го корпуса (под командованием генерала Кордона) двигалась по дороге на Турбиго; две бригады 2-го корпуса заняли мосты, одна дивизия находилась у Мадженты, дивизия Рейшаха (из 7-го корпуса) расположилась, как уже было сказано, у Корбетты.

Французы наступали двумя колоннами. Первая под номинальным командованием героя Сатори состояла из дивизии

гвардейских гренадеров и корпусов Канробера, Ньеля и Бараге д'Илье, всего 9 дивизий или 18 бригад (117 батальонов). Она наступала прямо по дороге Новара — Милан, проходящей через мост у Сан-Мартино, и должна была занять мосты у Боффалоры и Мадженты. Вторая колонна, под командованием Мак-Магона, состояла из дивизии гвардейских вольтижеров, из корпуса Мак-Магона и всей пьемонтской армии, всего из 8 дивизий или 16 бригад (109 батальонов: пьемонтские дивизии насчитывают одним батальоном больше, чем французские). Ее авангард, не встретив серьезного сопротивления, перешел через Тичино и Навильо у Турбиго и должен был поддержать фронтальную атаку первой колонны посредством маневра на фланге австрийцев, а именно прямым маршем с севера на Мадженту.

В полдень Мак-Магон начал атаку. Превосходящими силами он отбросил стоявшую перед ним дивизию Кордона к Мадженте и около двух часов гвардейские гренадеры, преследовавшие австрийские форпосты до самого канала, атаковали мосты у Боффалоры и Мадженты. В этот момент на поле боя находилось 8 французских бригад против 5 австрийских (2 из 1-го и 3 из 2-го корпусов), то есть менее 30000 человек, поскольку даже 2 бригады Рейшаха задерживались еще у Корбетты. Французский «тайный генерал» по примеру Фальстафа превратил менее чем 30000 австрийцев более чем в 125000. Французам удался штурм мостов через канал. Дьюлаи, находившийся в Мадженте, приказал Рейшаху перейти в наступление и отбить мост у Мадженты. Это удалось, но Боффалора, по-видимому, осталась в руках французов. В сражении произошла заминка. Наступление корпуса Мак-Магона и гвардейских гренадеров было с успехом отражено, но австрийцы ввели в бой каждого имевшегося в наличии солдата. *Куда же девались другие корпуса?*

Они были везде, только не там, где им надлежало быть. Вторая дивизия 1-го корпуса находилась еще на пути из Германии. Естественно, что ее прибытия ожидать не могли. О Другой бригаде 2-го корпуса не было никаких сведений. Однако собственные депеши Дьюлаи показывают, что в сражении участвовали только 3 бригады 2-го корпуса. Вторая дивизия 7-го корпуса под командованием генерала Лилиа была у Кастеллетто, в 6 или 7 милях от Мадженты. 3-й корпус находился у Аббьятеграссо, в 5 милях от Мадженты. 5-й корпус двигался к Аббьятеграссо вероятно из Берегуардо. К началу сражения он находился не менее чем в 9 милях от Мадженты, 8-й корпус был на марше от Бинаско к Бестаццо, на расстоянии 10 или

12 миль, и 9-й корпус incredibile dictu!* слонялся без дела вдоль реки По за Павией, в 20 или 25 милях от района боевых действий. В результате этой неслыханной разбросанности сил Дьюлаи поставил себя в такое неблагоприятное положение, при котором ему пришлось только с семью бригадами, от полудня и примерно до 5 часов вечера, сдерживать натиск обеих французских колонн. Последнее оказалось возможным только потому, что огромное французское войско шло лишь по двум дорогам и в силу этого продвигалось медленно.

Пока Рейшах удерживал мост у Мадженты, захватив одну из новых французских нарезных пушек, г-н Дьюлаи направился в Робекко, селение, расположенное на канале, милях в трех ниже Боффалоры, чтобы ускорить марш 3-го и 5-го корпусов и определить направление их наступления. В результате четыре бригады 3-го корпуса были направлены вперед, бригады Хартунга и Рамминга в первой линии, бригада Дюрфельда в резерве — все три вдоль канала, а бригада Вецлара — вдоль Тичино. Они должны были обрушиться на правый фланг французов, но за это время французы тоже получили подкрепление. Бригада Пикара (дивизии Рено, корпуса Канробера) прибыла для поддержки гренадеров и оттеснила Рейшаха обратно за мост. За ней следовали дивизия Вину а (корпуса Ньеля), бригада Жанена (дивизии Рено) и дивизия Трошю (корпуса Канробера). Таким образом, французы сосредоточили в этом пункте дополнительно две гренадерских и шесть других бригад. Со стороны австрийцев в действие были введены фактически только две или три из четырех бригад 3-го корпуса. Несмотря на это неблагоприятное соотношение сил, австрийцы неоднократно овладевали маджентским мостом и лишь ценой самых отчаянных усилий превосходящим силам неприятеля удалось захватить его.

Пока шла борьба за мосты, Мак-Магон на своем участке фронта подготовлял вторую атаку против австрийцев, насчитывавших 4 или 5 бригад 1-го и 2-го корпусов. Две его дивизии вновь начали наступление двумя колоннами на Мадженту, во второй линии за ними шла дивизия гвардейских вольтижеров под командованием Каму. Так как дивизии Эспинаса *и* Ламотружа (из корпуса Мак-Магона) были успешно отброшены австрийцами, то им на помощь выступили вольтижеры. Наступил решающий, переломный момент сражения. Первая колонна французов прошла по маджентскому мосту и обрушилась на деревню, на которую уже основательно наседала колонна

* — просто невероятно! *Ред.*

Мак-Магона. Наконец, к заходу солнца, на поле боя появилась бригада принца Гессенского, из 5-го австрийского корпуса. Она предприняла новую попытку отбросить французов за мост. Однако это не удалось, и в самом деле, трудно было ожидать, что одна слабая бригада, уже понесшая большие потери в сражении при Монтебелло, сможет задержать и отбросить лавину французских войск, устремившихся на маджентский мост. Атакованные с фронта, фланга и тыла, с начала сражения непрерывно находившиеся без передышки под огнем австрийцы, в конце концов, стали отходить и, после неоднократно повторявшихся яростных атак, французы к вечеру заняли Мадженту.

Дьюлаи отвел свои войска за Корбетту, которая тем временем была занята дивизией Лилиа, и за Робекко, удерживаемое 3-м корпусом, в то время как 5-й корпус расположился на бивуаке между этими двумя пунктами. Дьюлаи намеревался продолжать бой 5 июня, но совершенно необъяснимая путаница с разосланными распоряжениями сорвала его план. Среди ночи ему внезапно доносят, что 1-й и 2-й корпуса, вследствие *ошибочного истолкования* приказа, отошли на несколько миль от поля сражения и их отход продолжался еще и в 3 часа утра. Это известие заставило Дьюлаи отказаться от намеченного на следующий день сражения. Одна бригада 3-го корпуса снова атаковала Мадженту, чтобы прикрыть отход австрийцев, который был совершен в полном порядке.

Согласно австрийским сообщениям с их стороны в сражении участвовали:

	Бригады
Из 1 корпуса дивизия Кордона	2
» 2 корпуса	3
» 7 корпуса дивизия Рейшаха	2
» 3 корпуса	3
» 5 корпуса (поздно вечером)	1
Всего	11

По французским данным со стороны союзников в сражении участвовали:

	Бригады
Из гвардейского корпуса 2 дивизии	4
» корпуса Мак-Магона	4
» » Канробора 2 дивизии (Рено и Трошю)	4
» корпуса Ньеля 1 дивизия Винуа 2	
Всего	14

Четырнадцать французских бригад или 91 батальон насчитывали по меньшей мере 80000 человек. Однако во французском сообщении о сражении говорится по поводу наступления дивизии Винуа:

«Больше всех пострадал 85-й линейный полк... Генерал Мартенпре, будучи во главе бригады, был ранен».

Однако ни 85-й полк, ни бригада Мартенпре не входили в дивизию Винуа из корпуса Ньеля. 85-й полк входит в состав 2-й бригады, которой командовал генерал Ладре де ла Шарьер дивизии Ладмиро, а генерал Мартенпре командовал 1-й бригадой той же дивизии, принадлежавшей к корпусу маршала Бараге д'Илье. Это служит неопровержимым доказательством того, что в *сражении участвовало больше французских войск, чем значится в официальном сообщении.* Если дивизия Ладмиро, вместе с которой число бригад возрастает до 16, батальонов — до 104, и солдат — до 90000, была так бесцеремонно скрыта, то закрадывается подозрение, что вообще количество действовавших на поле сражения французов было значительно больше, чем указано в отчете о сражении. К тому же из сообщения австрийцев явствует, что захваченные ими пленные принадлежат почти ко *всем* полкам, составлявшим действующую армию союзников в Италии. Таким образом, французы обладали значительным численным превосходством, что делает австрийским войскам большую честь. Они уступили только местность, на которой происходил бой, захватили одно орудие, потеряв четыре, и оставили поле боя убежденные в том, что при равных силах победа была бы за ними. Но что мы можем сказать об их главнокомандующем, королевско-императорском фельдцейхмейстере? 4 июня он *ожидает* нападения. У него 13 бригад (7 впервые принимающих участие в бою, 2 бригады дивизии Лилиа и 4 бригады из 3-го корпуса) в 8 милях от поля сражения; 4 другие бригады 5-го корпуса в 9 милях и, наконец, 4 бригады 8-го корпуса на расстоянии 10 или 12 миль. Таково было расположение его войск к 8 ч. 30 минутам утра. Можно ли считать чрезмерным требование, чтобы эти войска в день сражения к 4 или самое позднее к 5 часам вечера находились достаточно близко от Маджента для того, чтобы принять участие в бою? Разве не должны были в 2 часа дня, когда началось серьезное сражение, принимать в нем участие не 7, а, по меньшей мере, 13 бригад? В этом случае были бы предотвращены крупные потери дивизии Кордона и 2-го корпуса. С прибытием 5-го корпуса австрийцы могли бы перейти в наступление и отбросить французов за Тичино. Но, как видно, австрийцами вновь овладела их прежняя пресловутая медлительность. Они, говаривал

настоящий Наполеон, теряют драгоценнейшие мгновения на бесполезную парадность и пустые формальности. Дьюлаи снова возродил эти традиции, и таким образом, легкомысленно упустив свою собственную победу, он доставил ее «тайному генералу». Победа эта могла бы быть легкой и решительной, если бы не стойкость храбрых австрийских солдат и не полнейшее ничтожество шефа Общества 10 декабря[228].

Утром 5 июня в распоряжении Дьюлаи находились следующие войска, не принимавшие участия в сражении при Мадженте:

	Бригады
Одна дивизия из 3-го корпуса	2
Из 5-го	3
Одна дивизия (Лилиа) из 7-го корпуса	2
Из 8-го	4
Всего	11

Это составляло боевую силу, равную той, которой он располагал накануне. Из участвовавших в предыдущем сражении войск боеспособность утратили только 3 дивизии (1-го и 2-го корпусов), остальные 8 бригад были боеспособны; всего у Дьюлаи было 19 боеспособных бригад или свыше 100000 человек. Им противостояло 16 бригад, уже участвовавших в бою 4 июня, 4 свежие французские дивизии, которые 5 июня должны были находиться в боевой готовности, и одна или две пьемонтские дивизии, которые были еще далеко, на марше. Таким образом, 5-го Дьюлаи мог иметь в своем распоряжении 19 бригад. При поддержке 9-го корпуса, который он неизвестно почему держал в отдалении, эти силы должны были изменить результат предыдущего дня. Коротко ошибки Дьюлаи можно было бы сформулировать так:

Во-первых: когда Луи-Наполеон совершал фланговый марш, от Верчелли на Турбиго, в пределах досягаемости для боевых действий австрийцев, Дьюлаи не воспользовался невыгодным положением противника и не обрушился всеми своими силами на его оказавшуюся уязвимой походную колонну, которую он мог рассечь надвое и часть ее оттеснить к Альпам, повторяя маневр, осуществленный Радецким в 1849 году.

Во-вторых: вместо этого он отходит за Тичино и, таким образом, идет в обход, чтобы прикрыть Милан, в то время как прямая дорога оказалась в распоряжении неприятеля.

В-третьих: во время отхода он дробит свои войска и совершает этот отход с такой беспечной медлительностью, которая едва ли была бы простительна даже на учебном плацу.

В-четвертых: 9-й корпус он оставляет совершенно вне района сосредоточения.

В-пятых: в ходе самого сражения сосредоточение войск осуществлялось настолько бестолково, что они несли напрасные потери и победа досталась неприятелю буквально даром.

Если Дьюлаи, несмотря на целый ряд допущенных им грубых ошибок, все же не потерпел полного поражения, хотя против него были выставлены отборные части французской армии, то этим он обязан исключительно храбрости своих войск и «хитроумию» своего противника, «тайного генерала». Войска Дьюлаи демонстрировали непобедимую жизненную силу народа, а он сам — старческую немощь и идиотизм монархии. «Тайный генерал» в свою очередь замечает, что с отступлением австрийцев на Минчо заканчивается мелодраматический период кампании и начинается настоящая война. Он уже убедился в справедливости мудрого изречения, которое настоящий Наполеон неустанно повторял своему брату Жозефу, и которое гласит, что на войне никакая игра в прятки не избавит от личной опасности. Наконец, Канробер, оскорбленный предпочтением, которое оказывается Мак-Магону, грозит разоблачить кое-какие подвиги, совершенные в этом походе героем Сатори. Поэтому «герой» стремится обратно к своей возлюбленной супруге в предместье Пуассоньер и к миру at any price*. Если же мир недостижим, тогда хотя бы мирные переговоры, чтобы ими оправдать «отступление *его* собственной персоны в Париж».

Написано Ф. Энгельсом около 16 июня 1859 г.

Напечатано в газетах «Das Volk» № 7, 18 июня 1859 г. и «New-York Daily Tribune» № 5678, 2 июля 1859 г.

Печатается по тексту газеты «Das Volk», сверенному с текстом газеты «New-York Daily Tribune»

Перевод с немецкого

* — любой ценой. *Ред.*

К. МАРКС

ШПРЕЕ И МИНЧО

Вольтер, как известно, держал у себя в Фернее четырех обезьян, которым он дал имена своих четырех литературных противников — Фрерона, Бомеля, Ноннота и Франк де Помпиньяна. Не проходило дня без того, чтобы писатель не кормил их собственноручно, не награждал бы их пинками, не драл бы их за уши, не колол бы им носы иголками, не наступал бы на хвосты, не наряжал бы их в поповские клобуки и не обращался бы с ними самым невообразимо скверным образом. Эти обезьяны критики были фернейскому старцу столь же необходимы для излияния его желчи, для удовлетворения его ненависти и заглушения страха перед оружием полемики, как необходимы теперь обезьяны революции для Луи Бонапарта в Италии. Точно таким же образом кормят ныне Кошута, Клапку, Фогта, Гарибальди; надев им золотые ошейники, их держат под замком; их то ласкают, то награждают пинками, в зависимости от того, какое настроение преобладает в душе их повелителя — ненависть ли к революции или страх перед ней. Бедные обезьяны революции должны быть также и ее заложниками, они должны гарантировать герою 2 декабря перемирие с революционной партией для того, чтобы он мог беспрепятственно разрушить арсеналы орсиниевых бомб, напасть на врага, — перед которым он так долго дрожал в Тюильри, — в его же собственном лагере и задушить его.

Империя снова должна означать мир[229], — в противном случае не стоило бы совершать так много позорных деяний, клятвопреступлений и переносить столько унижений, чтобы on основать. Империя, которая уже не гарантирована от взрыва

революционных бомб, от тайных обществ, наглых буржуа и распоясавшихся солдат, невыносима! Marchons![*]. Вот слова, вот наполеоновские идеи[230], свобода, принцип национальности, независимость, все, что вы хотите; итак, marchons, marchons!

Идея превращения Италии в мышеловку революции достаточно хитра, но только из нее ничего не может получиться, потому что всякий, кто позволяет себя в нее заманить, теряет какое бы то ни было значение для революционной партии в тот самый момент, как только клюнет на эту удочку. Попытка заткнуть кратер революции, швырнув в него вниз головой гг. Кошута, Клапку, Фогта и Гарибальди, поистине наивна и лишь помогает ускорить взрыв.

Если бы даже удалось с их помощью потушить в Италии одну орсиниеву бомбу, то другая взорвется во Франции, в Германии, в России или в каком-либо другом месте, так как потребность и естественная необходимость в революции настолько же всеобща, как и отчаяние порабощенных народов, на плечах которых вы воздвигаете ваш трон, настолько же всеобща, как и ненависть ограбленных пролетариев, с нуждой которых вы ведете такую занимательную игру. И лишь тогда, когда революция стала стихийной силой, не поддающейся учету и неотвратимой, подобно молнии, гром которой вы слышите лишь после того как уже раздался ее неотвратимый смертоносный удар, — вот тогда только революционный взрыв становится неизбежным.

Где и как может произойти этот взрыв, это не имеет большого значения. Главное в том, что он произойдет. На этот раз Пруссия, вопреки своей воле, по-видимому, предназначена стать выразительницей всеобщих революционных потребностей. Принц-регент, который *самостоятельно* «никогда не сказал ничего глупого и никогда не сделал ничего умного», вынужден исключительно из любви к консерватизму всерьез взять на себя революционную роль, в то время как Луи Бонапарт из страха, притворства и каприза ведет только кокетливую игру с революцией.

Вооруженное посредничество Пруссии, т. е. ее союз с Австрией, *означает революцию.*

Общее настроение берлинской прессы доказывает, что нейтралитет в сочетании с мобилизацией армии становится позицией, не выдерживающей критики. Совершенно верно замечает «National-Zeitung»[231], орган, отражающий припадки либерализма, которым подвержен кабинет:

> «Нейтралитет при современных условиях может подходить для Бельгии, Голландии или Швейцарии; для Пруссии же нейтралитет — это смерть».

[*] — Вперед! *Ред.*

Если Бонапарту удастся осуществить в отношении Италии свои «благородные» намерения, то единственным следствием этого, но мнению той же газеты, явится установление французского военного протектората над всем полуостровом, даже в том случае, если война будет локализована и никаких прямых территориальных приобретений в результате войны для Франции не последует. Благодаря этому русско-французская гегемония над европейским континентом, и без того весьма ощутимая в течение последних трех лет, усилилась бы настолько, что в любой момент можно было бы приступить к провозглашенному еще на острове Св. Елены распределению сфер господства. Новая империя целиком проявляет тенденции своей предшественницы, но только находится она в более благоприятном положении, так как, не будучи теснима извне, она может выбрать по своему усмотрению время, место и условия для изоляции своих противников, а затем и уничтожения их en detail*. Чтобы воспрепятствовать успеху этого до сих пор столь ловко осуществляемого плана борьбы, Пруссия оказалась вынужденной идти вместе с Австрией, но отнюдь не для того, чтобы тащиться в хвосте габсбургской политики, а для того, чтобы бороться за свое собственное существование.

Таково приблизительно содержание вышеуказанной статьи, которая рассматривается как политическая программа регентства. В успех недавней посреднической миссии, порученной г-ну Вертеру, не верит ни один человек. Если же, однако, Наполеон согласится на мир, который в лучшем случае даст новую пищу для недовольства его офицеров и солдат, то с ним не придется больше бороться. К нему в этом случае было бы применимо высказывание Горацио Уолпола о сардинском дипломате маркизе де Вери:

«Он мертв, но желает еще на день-другой сохранить это в тайне. На больший срок это ему не удалось бы».

Если указанное посредничество, которое едва ли было предпринято всерьез, не удастся, то тогда разыграются битвы не только между наполеоновской тиранией и габсбургским деспотизмом на Минчо, но и битвы за свободу на Одере и Висле. В Калише, в двух милях от прусской границы, уже сконцентрировано огромное количество войск. Один прусский армейский корпус получил приказ идти к Рейну через Ганновер, другой движется на юг, а командирам различных союзных корпусов предложено прибыть на военный совет в Берлин. Все эти мероприятия относятся только к мобилизации

* — поодиночке. *Ред.*

авангарда. *Армии,* которая должна вести борьбу против Франции и России, еще не существует и она может быть набрана только из народа, но не из среды того народа, который декламирует истинно-германские ура-патриотические стихи ура-патриотического Людвига[232], а из среды народа, который поднимается с великой, все уничтожающей энергией революционного воодушевления. Если не удастся пробудить это воодушевление, то гогенцоллернская мобилизация, вооруженное посредничество, объявление войны, ведение самой войны и т. д. будут покоиться на наивных расчетах негра с Золотого берега, который считает, что он нанесет смертельный удар своему врагу, если ему удастся повеситься на воротах его дома.

Написано К. Марксом
около 23 июня 1859 г.

Напечатано в газете «Das Volk» № 8,
25 июня 1859 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

Ф. ЭНГЕЛЬС

ОТСТУПЛЕНИЕ АВСТРИЙЦЕВ К МИНЧО

Плоды победы пожинаются обычно при преследовании неприятеля. Чем энергичнее преследование, тем решительнее победа. Пленных, артиллерию, обоз, знамена захватывают не столько в ходе самого сражения, сколько при преследовании после сражения. С другой стороны, *полнота* победы измеряется энергией преследования. С этой точки зрения что можно сказать о «grande victoire»* при Мадженте? На следующий день после сражения мы застаем французских «освободителей» «отдыхающими и занятыми реорганизацией». Ни малейшей попытки преследования! Совершая марш на Мадженту, союзники фактически сосредоточили все свои боевые силы. Напротив, у австрийцев часть их войск находилась в Аббьятеграссо, другая часть на пути в Милан, еще часть у Бинаско и, наконец, часть у Бельджойосо, — это было скопление отдельных колонн, настолько разбросанных и плетущихся без всякой взаимной связи, что, казалось, они сами напрашивались на то, чтобы неприятель напал на них, *одним* ударом рассеял их во все стороны и затем преспокойно захватил в плен целые бригады и полки, которым был бы отрезан путь отступления. Наполеон, настоящий Наполеон, в подобном случае сумел бы распорядиться теми 15 или 16 бригадами, которые, согласно официальному французскому сообщению, накануне не принимали никакого участия в сражении. А как поступил поддельный Наполеон, Наполеон г-на Фогта, Наполеон «Cirque Olympique», Сент-Джемс-стрит и Амфитеатра Эстли[233]? Он изволил обедать на поле сражения.

* — «великой победе». *Ред.*

Прямая дорога на Милан была ему открыта. Театральный эффект обеспечен. Этого ему было, конечно, достаточно. Целых три дня, 5, 6 и 7 июня, дарятся австрийцам, чтобы они могли выбраться из опасного положения. Они спускаются к По и двигаются вдоль ее северного берега к Кремоне по трем параллельным дорогам. На самом северном пункте этих дорог генерал Бенедек, находившийся ближе всего к маршруту движения неприятельской армии, с тремя дивизиями прикрывал это отступление. От Аббьятеграссо, где он находился 6 июня, он направился через Бинаско на Меленьяно. В этом последнем городе он оставил две бригады для того, чтобы удерживать позицию, пока обоз центральной колонны не ушел вперед на достаточное расстояние. 8 июня маршал Бараге д'Илье получил приказ выбить эти две бригады из города, и, чтобы гарантировать успех, в его распоряжение был передан еще корпус Мак-Магона. Десять бригад против двух! Неподалеку от реки Ламбро корпус Мак-Магона был выслан с целью отрезать австрийцам отступление, в то время как три дивизии Бараге атаковали Меленьяно; две бригады устремились на город с фронта, две обошли его справа и две слева. Только *одна* австрийская бригада, бригада Родена, находилась в Меленьяно, а бригада генерала Бёра расположилась на другом, восточном берегу реки Ламбро. Французы атаковали очень стремительно, и их шестикратное численное превосходство вынудило генерала Родена после упорного сопротивления очистить город и отступить под прикрытием бригады Бёра. Именно с этой целью последняя заняла позицию в тылу. Выполнив свою задачу, бригада Бёра тоже отступила в полном порядке. В этом сражении Бёр был убит. Потери одной австрийской бригады, больше всего участвовавшей в бою, были, бесспорно, значительны, однако приведенные декабрьскими crapauds* цифры (около 2400) совершенно фантастичны, ибо весь состав бригады перед сражением не превышал 5000 человек. Победа французов снова оказалась бесплодной. Ни единого трофея, ни одной захваченной пушки!

Между тем 6 июня Павия была оставлена австрийцами, затем, по неизвестным причинам, снова занята 8-го, чтобы вновь быть оставленной 9-го. В то же время Пиаченцу они оставили 10-го, лишь шесть дней спустя после сражения при Мадженте. Австрийцы не торопясь отступали по линии По, пока не достигли Кьезе. Здесь они повернули на север и пошли к Лонато, Кастильоне и Кастель-Гоффредо, где заняли оборонительную

* — жабами, ничтожествами (имеются в виду представители бонапартистского генштаба). *Ред.*

позицию, на которой, по-видимому, ожидают новой атаки «освободителей».

В то время как австрийцы совершали марш сперва к югу от Мадженты на Бельджойосо, затем на восток к Пьядене и, наконец, снова на север, к Кастильоне, описав фактически полукруг, «освободители» шли прямо по диаметру этого полукруга, и, следовательно, им пришлось проделать путь на одну треть короче, чем австрийцам. Однако они нигде не настигли австрийцев, кроме Меленьяно, да еще раз вблизи Кастенедоло, где Гарибальди имел с ними небольшую стычку. Такая беспечность при преследовании неслыханна в военной истории. Она весьма характерна для Квазимодо, который пародирует своего дядю (дядю в соответствии с положением Кодекса Наполеона: «La recherche de la paternite est interdite»[234]), пародирует его даже в своих успехах.

В то самое время, когда главные силы австрийцев заняли между 18 и 20 июня свои позиции позади Кьезе, авангард союзников достиг фронта Кьезе. Чтобы подтянуть свои главные силы, им нужно несколько дней. Поэтому, если австрийцы действительно примут бой, то второго общего сражения можно ожидать 24 или 26 июня. «Освободители» не могут долго медлить на виду у неприятеля, если они хотят поддержать в своих войсках наступательный elan* и не давать противнику возможности бить их в мелких стычках. Позиция австрийцев очень благоприятна. От южной оконечности озера Гарда у Лонато по направлению к Минчо простирается плато, границу которого со стороны ломбардской равнины образует линия Лонато — Кастильоне — Сан-Кассиано — Кавриано — Вольта; на такой позиции очень удобно ожидать врага. Это плато постепенно поднимается в направлении к озеру и обеспечивает целый ряд хороших и разнообразных позиций, причем каждая последующая позиция превосходит предшествующую своей силой и компактностью, так что овладение краем плато еще не обеспечивает победы, а лишь завершает первый акт сражения. Правый фланг позиции прикрыт озером, а левый значительно загнут назад, так что линия Минчо на протяжении почти десяти миль оказывается незащищенной. Однако это не только не является недостатком данной позиции, но, напротив, представляет самое большое ее преимущество, ибо за Минчо начинается болотистая местность, которая заключена между четырьмя крепостями — Вероной, Пескьерой, Мантуей и Леньяго — и в пределы которой неприятель не осмелится

* — порыв. *Ред.*

войти, не имея весьма значительного численного превосходства. Так как Мантуя господствует над южной оконечностью линия Минчо, а местность по ту сторону Минчо лежит в районе действия крепостей Мантуи и Вероны, то всякая попытка пренебречь присутствием австрийцев на плато и пройти мимо них в направлении к Минчо скоро была бы пресечена. Коммуникации наступающей армии были бы нарушены, между тем как сама она была бы не в состоянии угрожать коммуникациям австрийцев. К тому же по ту сторону Минчо ей некого было бы атаковывать (ибо об осаде при таких обстоятельствах не могло быть и речи), и, за отсутствием объекта для нападения, ей пришлось бы повернуть опять назад. Основная опасность такого маневра заключалась бы в том, что его пришлось бы осуществлять на виду у австрийцев, расположенных на плато. Последним нужно было бы только перейти в наступление по всей линии и обрушиться на неприятельскую колонну в направлении от Вольты на Гойто, от Кавриано на Гуидиццоло и Черезару, от Кастильоне на Кастель-Гоффредо и Монтикьяри. Такое сражение «освободителям» пришлось бы выдержать при страшно неблагоприятных обстоятельствах, и оно могло бы стать вторым Аустерлицем, но только с переменой ролей.

«Герой» Мадженты, Дьюлаи, отстранен от командования. Его место в качестве командующего 2-й армией занимает Шлик, а Вимпфен остается во главе 1-й армии. Обе армии, сосредоточенные у Лонато и Кастильоне, образуют вместе итальянскую армию австрийцев под номинальным командованием Франца-Иосифа и с Хессом в качестве начальника генерального штаба. Шлик, судя по его прошлому в венгерской кампании, является дельным генералом средней руки. Хесс, бесспорно, самый крупный из нынешних стратегов. Опасность заключается в личном вмешательстве пресловутого Франца-Иосифа. Подобно Александру I при вторжении Наполеона в Россию, он окружил себя пестрой кликой старых, ограниченных всезнаек-усачей, из которых некоторые, возможно, непосредственно оплачиваются Россией. Если бы французская армия, оставив австрийцев пребывать на их позициях, прямо направилась к Минчо, то с высоты плато ее можно было бы видеть всю с поразительной отчетливостью, полк за полком. Сильное впечатление, произведенное появлением врага на дороге, ближайшей к линии отступления, легко могло бы сбить с толку такую голову, как у Франца-Иосифа. Болтовня мрачно настроенных всезнаек в эполетах могла бы явиться для его слабых нервов благовидным предлогом отказаться от прекрасно выбранной позиции и отступить в район между крепостями[235]. Когда

государство возглавляется глупыми юнцами, то все зависит от состояния их нервов. Наиболее продуманные планы становятся игрушкой субъективных впечатлений, случайностей и капризов. Благодаря наличию в австрийской главной квартире такого человека как Франц-Иосиф едва ли имеется какая-либо иная гарантия победы, кроме наличия Квазимодо в неприятельском лагере. Этот последний по крайней мере закалил свои нервы у профессиональных игроков Сент-Джемс-стрита, и если он сделан не из железа, как того хотелось бы его почитателям, то во всяком случае из гуттаперчи.

Написано Ф. Энгельсом
23 июня 1859 г.

Напечатано в газете «Das Volk» № 8,
25 июня 1859 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

Ф. ЭНГЕЛЬС

ВЕСТИ О ВОЙНЕ [236]

Прибытие «Азии» ничего не добавляет к тому короткому, полученному через Нью-Фаундленд телеграфному сообщению о большой победе на Минчо, которое было напечатано в нашей газете вчера утром. Сражение произошло в пятницу 24 июня и длилось от четырех часов утра до восьми часов вечера, а пароходы отплыли на следующий день раньше, чем можно было получить какие-либо подробные сведения. Поэтому мы должны ждать прибытия сюда «Араго» или «Венгра» в Квебек, чтобы получить подробный отчет, который с таким нетерпением ожидают любознательные читатели. Между тем, так как число сражающихся с обеих сторон было приблизительно одинаково, то отсюда вытекает один вывод: австрийский солдат не может сравниться с французским.

Как в Англии, так и у нас большинство военных, по-видимому, считало, что союзники не начнут крупного сражения, пока не прибудет идущий из Тосканы корпус принца Наполеона, чтобы атаковать австрийцев с тыла. В то же время предполагалось, что на озере Гарда будет спущена на воду флотилия, которая даст союзникам возможность предпринять и фланговую атаку в этом районе. Однако Наполеон III не стал дожидаться ни того, ни другого, но дал сражение и выиграл его. Из корреспонденции, полученной из союзного лагеря, все существенные моменты которой мы помещаем в другом месте, совершенно ясно, что сражение было единственно реальным выходом. Отсрочка охладила бы победоносный порыв союзных войск и дала бы австрийцам возможность громить их в мелких стычках, благодаря своему численному превосходству.

В действиях австрийской армии под командой Шлика замечаются те же самые колебания и та же нерешительность, в результате которых до этого Дьюлаи потерпел поражение и оказался в опале. Сначала австрийцы готовились принять сражение на линии Лонато — Кастильоне — Сан-Кассиано — Кавриано — Вольта. Здесь постепенно поднимающееся в направлении к озеру и к Минчо плато предоставляет ряд великолепных, следующих одна за другой позиций, каждая из которых сильнее и компактнее предшествующей, так что овладение краем этого плато означало бы не победу, а лишь первый акт сражения. Правое крыло австрийцев было прикрыто озером, между тем как левое значительно отнесено назад, что оставляло незащищенными почти 10 миль линии Минчо. Однако это обстоятельство не являлось недостатком, а напротив, фактически оно было самой замечательной чертой этой позиции в силу того обстоятельства, что за Минчо находилась опасная местность, заключенная между четырьмя крепостями, в которую неприятель не рискнул бы проникнуть, не обладая значительным численным превосходством. Над южной оконечностью линии Минчо господствует Мантуя, а район по ту сторону Минчо входит в сферу действия как Мантуи, так и Вероны; поэтому всякая попытка, не обращая внимания на австрийцев, занявших позиции на плоскогорье, пройти мимо них по направлению к Минчо, была бы быстро пресечена; коммуникации продвигающейся армии оказались бы уничтоженными, тогда как сама она не смогла бы поставить под угрозу коммуникации австрийцев. Однако самой опасной частью такого маневра было бы то, что его пришлось бы выполнять на глазах у австрийцев, расположенных на плоскогорье, причем им ничего не стоило перейти в наступление по всей линии и обрушиться на разбросанные неприятельские колонны из Вольты на Гойто, из Кавриано на Гуидиццоло и Черезару, из Кастильоне на Кастель-Гоффредо и Монтикьяри. Такое сражение союзникам пришлось бы вести в чрезвычайно невыгодном положении, и она могла превратиться в новый Аустерлиц, но только с переменой ролей.

Такова была позиция, занятая австрийцами. Их преимущество заключалось также и в том, что они превосходно знали всю местность, на которой в течение ряда лет в самых широких масштабах проводились маневры их армии. Как мы отмечали, эта местность была тщательно подготовлена к предстоящей борьбе, города и деревни укреплены. Но тут по каким-то причинам, с военной точки зрения совершенно необъяснимым, австрийцы в последний момент покидают позицию и отходят благополучно за Минчо, где 24-го числа союзники атакуют

их и в конечном счете наносят им поражение. Имело ли это внезапное и важное изменение плана кампании какую-либо связь с действиями Пруссии, которая, как говорят, рассматривает четырехугольник между Минчо и Адидже как в некотором роде часть оборонительной системы Германии, — это вопрос, который, как мы надеемся, будет лучше освещен впоследствии. Что касается Пруссии, то один момент является, по-видимому, довольно ясным: ее позиция, должно быть, помешает Луи-Наполеону дополнительно перебросить большое количество войск из Франции в Италию. Наши читатели уже знают, что Пруссия из своих девяти армейских корпусов мобилизовала шесть, т. е. призвала на службу ландвер, состоящий из приписанных к этим корпусам солдат, которые, прослужив три года на действительной службе, уволены в бессрочный отпуск. Из этих шести армейских корпусов пять должны занять позицию на нижнем и среднем Рейне. Таким образом, около 170000 пруссаков должны к настоящему времени расположиться на линии между Кобленцом и Мецом; и нет сомнения, что два других союзных корпуса, насчитывающие вместе от 100000 до 120000 человек, — баварский корпус и корпус Бадена, Вюртемберга и Гессен-Дармштадта, — тоже займут свои позиции в Бадене и в Пфальце. Против таких сил Наполеону III понадобится почти вся армия, которой он ныне располагает во Франции. В такой обстановке он может признать уместным прибегнуть к помощи восстания венгров и к услугам Кошута; хотя мы можем быть почти уверены, что до тех пор, пока не будет вынужден, он не воспользуется этим.

Весьма сомнительно, чтобы Пруссия в настоящее время действительно намеревалась принять участие в войне, однако ей будет не так легко избежать этого. Ее военная система, превращающая большинство взрослого, физически годного населения в солдат, требует от нации такого напряжения с момента призыва ландвера, даже только первой очереди, что Пруссия не может долго оставаться в стороне, не ведя военных действий. В настоящий момент все физически годные мужчины в возрасте от 20 до 32 лет в шести из восьми провинции находятся под ружьем. Ущерб, наносимый мобилизацией всей торговой и промышленной жизни Пруссии, огромен, и страна может выдержать все это только при условии, если армию без замедления поведут против неприятеля. Сами солдаты не смогли бы выдержать такого положения, и через два—три месяца вся армия взбунтовалась бы. Наряду с этим волна национальных чувств поднялась в Германии так высоко, что Пруссия, которая уже так далеко зашла, по может отступить.

Воспоминания о Базельском мире, о колебаниях в 1805 и 1806 гг., а также о Рейнском союзе[237] еще настолько живы, что немцы полны решимости не допустить теперь, чтобы их осторожный противник разбил их поодиночке. Прусское правительство не может справиться с этими чувствами. Оно может попытаться направлять их, хотя, если оно сделает это, то окажется всецело связанным с национальным движением, и малейшее проявление колебания будет рассматриваться как измена и ударит по самому же колеблющемуся. Без сомнения, будут сделаны попытки договориться, однако все стороны ныне до такой степени запутались, что выхода из этого лабиринта не видно ни в одном направлении.

Однако, если Германия примет участие в этой войне, то нет сомнения, что на сцене вскоре появится еще одно действующее лицо. Россия уведомила мелкие германские государства, что она вмешается в борьбу, если немцы не останутся безучастными наблюдателями расчленения Австрии. Россия в настоящее время сосредоточивает два армейских корпуса на прусской, два на австрийской и один на турецкой границе. Она, возможно, начнет кампанию на протяжении этого года, но будет наверняка поздно. Со времени Парижского мира в России не набирали рекрутов; ввиду крупных потерь во время последней войны, число солдат, уволенных в отпуск, не может быть велико, и если армейские корпуса, даже после их призыва, будут насчитывать 40000 человек каждый, то это будет уже много. Раньше 1860 г. Россия не может предпринять наступательной кампании, но и тогда она будет иметь не более 200000 или 250000 человек. В настоящее время в Германии для военных действий на севере имеется четыре прусских корпуса численностью в 136000 человек, затем девятый и десятый союзные корпуса с резервной дивизией — приблизительно 80000 человек, и по меньшей мере три австрийских корпуса, или 140000 человек. Таким образом, даже сейчас, в случае оборонительной войны или даже нападения на русскую Польшу, Германии нечего бояться России. Но когда бы Россия ни вмешалась в эту войну, это вмешательство вызовет вспышку национальных чувств и усилит классовые противоречия, и борьба примет такие размеры, которые, весьма вероятно, затмят войны первой французской революции.

Написано Ф. Энгельсом около 24 июня 1859 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5682, 8 июля 1859 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

СРАЖЕНИЕ ПРИ СОЛЬФЕРИНО

Рыцарственный Франц-Иосиф, которому не давали спать лавры псевдо-Наполеона, показал нам, что получается, когда «прирожденный военачальник»[*] берет в свои руки бразды командования. Мы уже видели на прошлой неделе, как армия должна была сначала занять позицию на высотах Кастильоне и в тот момент, когда каждый мог с полным основанием ожидать сражения, очистила эту позицию без боя и без всякой на то причины и отошла за Минчо[**]. Однако Францу-Иосифу, чтобы доказать свою жалкую слабость и непоследовательность, этого было еще недостаточно. Едва лишь армия очутилась за Минчо, как наш «юный герой» переменил свое решение (ведь для Габсбурга было недостойно уступить поле боя без сопротивления)— пусть армия поворачивает назад, снова переходит Минчо и атакует неприятеля!

После того как Франц-Иосиф этим ребяческим хождением взад и вперед достаточно упрочил доверие своей армии к ее августейшему военачальнику, он повел ее на врага. Армия насчитывала самое большее 150000 человек; даже сам правдолюбец Бонапарт не называет более высокой цифры. Австрийцы двинулись в наступление на фронте длиною по меньшей мере в 12 английских миль. Таким образом, на каждую милю (2100 шагов) фронта приходилось самое большее 12500 человек, что при меньшей протяженности фронта, в известных условиях, конечно, представляло бы достаточную плотность, но

---

[*] Игра слов: «angestammter» означает «прирожденный», а также «наследственный», «по праву рождения». *Ред.*

[**] См. настоящий том, стр. 417—418. *Ред.*

при столь растянутом фронте оказалось безусловно недостаточным, а для наступления тем более не годилось, так как это ни в коем случае не обеспечивало нанесения достаточно сильных ударов на отдельных важных участках. Но к этому присоединилось еще то, что неприятель безусловно обладал численным превосходством, и, следовательно, австрийское наступление с самого начала было обречено на неудачу; более сильный противник мог бы почти наверняка прорвать столь слабую линию наступающих на любом участке. В четверг, 23 июня, началось общее наступление австрийцев; они повсюду легко оттеснили передовые отряды противника, заняли Поциоленго, Вольту, Гуидиццоло и вечером продвинулись до Сольферино и Кастель-Гоффредо. На следующее утро они еще дальше отбросили неприятельский авангард, причем левый фланг дошел почти до Кьезе, но здесь они натолкнулись на главные силы неприятеля, и сражение стало всеобщим. Оба австрийских фланга добились успеха, особенно правый, имевший перед собой пьемонтцев, которым австрийцы задали жестокую трепку. Здесь австрийцы явно побеждали. Но в центре дала себя знать ошибочная диспозиция. Сольферино, ключевая позиция центра, после упорного боя остался в конце концов в руках французов, которые одновременно создали значительный численный перевес против австрийского левого крыла. Оба эти обстоятельства заставили Франца-Иосифа, который, вероятно, ввел в бой все свои силы до последнего человека, дать приказ к отступлению. Австрийцы, бесспорно в полном порядке и никем не преследуемые, отступили и совершенно беспрепятственно перешли обратно Минчо.

Подробности сражения не были получены нами своевременно, так что мы еще не можем говорить о них в этом номере. Во всяком случае несомненно, что и на этот раз австрийские войска сражались с исключительной храбростью. Это доказывается тем, что они стойко держались в течение 16 часов против превосходящих сил неприятеля и особенно тем, что отошли они в порядке и без всякой помехи со стороны врага. По-видимому, австрийцы не чувствуют особого почтения к господам французам; вероятно, Монтебелло, Маджента и Сольферино убедили их лишь в том, что при численном равенстве они справились бы не только с французами, но и с глупостью своих собственных генералов. Потеря 30 пушек и будто бы 6000 пленными представляет весьма жалкий результат для победителя в таком решительном сражении; множество боев за селения *не могло* дать ему меньше. Но насколько блестяще вели себя войска, сражаясь с численно превосходящим противником, настолько

командование опять оказалось бездарным. Нерешительность, колебания, противоречивые приказания — словно цель состояла в том, чтобы умышленно деморализовать войска, — именно этим Франц-Иосиф в течение трех дней безвозвратно погубил себя в глазах своей армии. Трудно представить себе что-либо более жалкое, нежели этот спесивый юнец, который осмеливается взять на себя командование армией, а между тем, подобно колеблемой ветром тростинке, поддается самым противоречивым влияниям — сегодня он следует указаниям старого Хесса, для того чтобы завтра опять выслушивать противоположные советы Грюнне, сегодня отступает, а завтра вдруг переходит в наступление, и вообще никогда не знает сам, чего он хочет. Впрочем, с него довольно; посрамленный, он как мокрая курица возвращается в Вену, где его примут достойным образом.

Война же *начинается только теперь.* Только теперь начинают приобретать значение австрийские крепости. По мере того как французы будут переходить Минчо, они должны будут разделиться, и вместе с тем начнется ряд боев за отдельные пункты и позиции, ряд отдельных боев второстепенного значения, в которых австрийцы, *теперь наконец возглавляемые старым Хессом,* даже обладая в целом меньшими силами, все же имеют больше шансов на победу. Когда благодаря этому, а также благодаря подкреплениям равновесие между воюющими сторонами будет снова восстановлено, то австрийцы смогут, сосредоточив превосходящие силы, обрушиться на разрозненные силы противника и повторить сражения при Соммакампаньи и Кустоце[238] только в десятикратном масштабе. Такова задача ближайших шести недель. Впрочем, только теперь австрийцы подтягивают резервы, которые дадут их итальянской армии подкрепления по крайней мере в 120000 человек, между тем как Луи-Наполеон со времени прусской мобилизации находится в затруднительном положении, не зная, откуда ему взять подкрепления.

Итак, сражение при Сольферино лишь в малой степени изменило шансы войны. Однако достигнут крупный результат: один из наших главенствующих «отцов народа» осрамился самым основательным образом, и вся его исконно-австрийская система заколебалась. По всей Австрии проявляется недовольство порядками, созданными конкордатом[239], централизацией, господством бюрократии, и народ требует ниспровержения системы, которая внутри страны ознаменована гнетом, а вовне поражениями. Настроение в Вене таково, что Франц-Иосиф спешно отправляется туда, чтобы пойти на уступки. Но в то

же время к нашему большому удовольствию срамятся и прочие наши «отцы народа». После того как прусский рыцарственный принц-регент проявил как политик ту же нерешительность и бесхарактерность, какую Франц-Иосиф проявил в роли генерала, мелкие государства снова затевают дрязгу с Пруссией по поводу пропуска войск через их территории, а военная комиссия Германского союза заявляет, что доклад по поводу прусского предложения о свободных союзных корпусах на Верхнем Рейне она сможет представить только после не менее чем двухнедельного размышления. Дела запутываются на славу. Впрочем, на этот раз посрамление господ правителей не грозит нашей нации никакой опасностью. Напротив, германский народ, ставший совсем другим после революции 1848 г., теперь достаточно силен, чтобы справиться не только с французами и русскими, но заодно и со своими собственными 33 «отцами народа».

Написано Ф. Энгельсом 30 июня 1859 г.

Напечатано в газете «Das Volk» № 9, 2 июля 1859 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

Ф. ЭНГЕЛЬС

ПРАВОСУДИЕ ИСТОРИИ

Мы уже опубликовали все полученные нами официальные отчеты о сражении при Сольферино, а также множество сообщений из обоих лагерей, в том числе и превосходную специальную корреспонденцию лондонского «Times». Поскольку эти документы известны нашим читателям, то, быть может, своевременным будет ясно изложить истинные причины, в силу которых сражение было проиграно Францем-Иосифом и выиграно Наполеоном III.

Когда австрийский император снова перешел Минчо с целью предпринять наступление, в его распоряжении находилось девять армейских корпусов, которые, за вычетом гарнизонов для крепостей, могли явиться на поле сражения, имея в своем составе в среднем четыре бригады пехоты каждый, или всего 36 бригад, причем средняя численность бригады составляла от 5000 до 6000 человек. Таким образом, он располагал для наступления силами приблизительно в 200000 человек пехоты. Хотя этих сил было вполне достаточно, чтобы сделать возможным наступление, все же австрийская армия уступала по численности неприятелю или едва равнялась армии союзников, которая насчитывала 10 пьемонтских и 26 французских пехотных бригад. Со времени сражения при Мадженте французы получили значительные пополнения из отпускников и обученных рекрутов, которых распределили по их полкам, и бригады у французов были несомненно сильнее, нежели у австрийцев, чьи подкрепления состояли из двух свежих армейских корпусов (10-го и 11-го), благодаря которым возросло общее число бригад, но не их численность. Поэтому можно смело считать,

что союзная армия имела полный состав пехоты (170000 французов, 75000 сардинцев), за вычетом потерь с начала кампании примерно в количестве 30000 человек, т. е. около 215000 человек пехоты. Поскольку австрийцы делали ставку на быстроту своих маневров и внезапность, на горячее желание своих войск отомстить за поражение при Мадженте и доказать, что они ничуть не уступают противнику, а также на выгодную позицию, которую им вновь могло обеспечить быстрое продвижение к высотам за Кастильоне, они, конечно, имели все основания для наступления, но лишь при условии, что их войска будут возможно более сконцентрированы и пройдут вперед быстро и энергично. Ни то, ни другое условие не было ими выполнено.

Вместо того чтобы наступать всей армией между Пескьерой и Вольтой, с целью овладеть всей цепью высот до Лонато и Кастильоне, а для охраны равнины Гуидиццоло оставить кавалерию и, может быть, один корпус пехоты, они оставили один корпус, 2-й, в Мантуе для охраны этой крепости на случай внезапного нападения корпуса принца Наполеона, который, как предполагали, находился поблизости. Если гарнизон Мантуи был недостаточным, чтобы без поддержки дополнительного корпуса удержать сильнейшую крепость Европы против случайной атаки, то это, должно быть, был довольно-таки странный гарнизон. Однако не это, по-видимому, заставило приковать 2-й корпус к Мантуе. Дело в том, что два других корпуса, 11-й и 10-й, были выделены для обхода правого фланга союзников у Азолы, города на Кьезе, приблизительно в шести милях к юго-западу от Кастель-Гоффредо, т. е. настолько далеко от поля сражения, что при любых условиях они должны были достигнуть его слишком поздно. Весьма вероятно, что 2-й корпус был предназначен для прикрытия, на случай прибытия принца Наполеона, флангов и тыла совершающих обход войск и предотвращения обхода самих этих войск. Весь этот план до такой степени основан на идеях старой австрийской школы, он до того сложен, кажется до того смешным в глазах любого человека, привыкшего изучать планы сражений, что с австрийского штаба нужно, конечно, снять всякую ответственность за его составление. Никто, кроме Франца-Иосифа и его адъютанта графа Грюнне, не мог придумать подобный анахронизм. Таким образом, три корпуса были благополучно поставлены в безопасное место. Остальными семью корпусами распоряжались следующим образом: один, 8-й (Бенедека), должен был удерживать на высотах между Поциоленго и озером Гарда позицию, центром и ключом к которой был Сан-Мартино; 5-й корпус

(Стадиона) занимал Сольферино; 7-й (Цобеля) — Сан-Кассиано; 1-й (Клам-Галласа) — Кавриано. К югу, на равнине, 3-й корпус (Шварценберга) наступал по большой дороге от Гойто на Кастильоне через Гуидиццоло, а 9-й (Шафготша) — южнее к Медоле. Этот фланг был выдвинут вперед, чтобы оттеснить назад правый фланг союзников и оказать поддержку 10-му и 11-му корпусам, когда последние, если это вообще должно было случиться, прибыли бы на поле сражения.

Таким образом, шесть фактически введенных в бой корпусов, по существу составлявшие австрийские боевые силы, были растянуты на линии длиной в 12 миль, т. е. ширина фронта каждого корпуса составляла в среднем 2 мили, или 3540 ярдов. При такой растянутости позиция не могла иметь достаточной глубины. Однако это был не единственный серьезный ее недостаток. 3-й и 9-й корпуса наступали от Гойто, и их путь отхода также вел к этому месту; путь отхода ближайших к ним 1-го и 7-го корпусов шел к Валеджо. Взглянув на карту, мы увидим, что это делает отход эксцентричным, — обстоятельство, которому, без сомнения, приходится главным образом приписывать ничтожный результат действий этих двух корпусов на равнине.

Эта порочная диспозиция, разработанная для 24 бригад, — а если предположить, что корпус Бенедека был усилен некоторым количеством войск из гарнизона Пескьеры, то и для 25 или 26 австрийских бригад, — стала еще более порочной из-за медлительности, с которой осуществлялось продвижение вперед. Быстрый марш австрийской армии 23 июня, когда она снова перешла Минчо, к полудню привел бы сосредоточенную австрийскую армию в соприкосновение с выдвинутыми вперед позициями союзников у Дезенцано, Лонато и Кастильоне и позволил бы ей к ночи оттеснить их к реке Кьезе, т. е. австрийцы добились бы успеха еще до начала сражения. Но в действительности самым дальним пунктом, достигнутым на возвышенной местности, был Сольферино, расположенный всего в шести милях от Минчо. На равнине передовые австрийские части достигли Кастель-Гоффредо, т. е. прошли 10 миль от Минчо, а будь на то соответствующее приказание, они могли бы достигнуть Кьезе. Затем, 24-го, вместо того, чтобы выступить на рассвете, они назначили выступление на девять часов утра. Вот почему союзники, выступившие в два часа ночи, обрушились на австрийцев между пятью и шестью часами утра! Последствия этого были неизбежны. Бой 33 сильных бригад с 25 или 26 слабыми (все они уже участвовали в боях раньше и понесли тяжелые потери) мог привести только к поражению австрийцев.

Бенедек один со своими пятью или шестью бригадами держался весь день против пьемонтской армии, все 10 бригад которой, кроме гвардии, участвовали в сражении; и он удержал бы свою позицию, если бы общее отступление центра и левого крыла не вынудило отойти и его. В центре 5-й и 1-й корпуса (8 бригад) удерживали Сольферино против корпуса Бараге д'Илье (6 бригад) и гвардии (4 бригады) до третьего часа дня, в то время как четыре бригады Мак-Магона сдерживали 7-й корпус (4 бригады). Когда Сольферино был наконец взят, французская гвардия развернула наступление на Сан-Кассиано и этим вынудила 7-й австрийский корпус сдать свою позицию. Наконец, падение Кавриано около пяти часов пополудни решило исход сражения в центре и принудило австрийцев к отступлению. На левом фланге австрийцев 3-й и 9-й корпуса вели беспорядочный бой с корпусом Ньеля и одной дивизией (Рено) корпуса Канробера, пока несколько позднее, днем, не вступила в бой еще одна дивизия (Трошю) этого корпуса и не оттеснила австрийцев к Гойто. Хотя эти восемь австрийских бригад с самого начала имели против себя приблизительно равные силы, они могли бы сделать гораздо больше, чем сделали. Решительным продвижением от. Гуидиццоло в направлении на Кастильоне они могли бы высвободить 7-й корпус у Сан-Кассиано и таким образом косвенно поддержать защитников Сольферино, но так как их путь отхода лежал на Гойто, то каждый шаг вперед подвергал этот путь опасности, и потому они действовали с осторожностью, совершенно неуместной в такого рода сражении. Однако повинны в этом те, кто приказал им отступать на Гойто.

Союзники ввели в бой все свои силы, за исключением трех бригад, двух из корпуса Канробера и одной пьемонтской гвардейской бригады. Таким образом, если понадобилось пустить в ход все резервы, кроме этих трех бригад, чтобы с трудом одержать победу, после которой не было преследования противника, то каков же был бы исход сражения, если бы Франц-Иосиф сумел воспользоваться своими тремя армейскими корпусами, бродившими в это время где-то значительно южнее? Предположим, что он дал бы один корпус Бенедеку, другой поставил в качестве резерва позади Сольферино и Сан-Кассиано, а третий, в качестве общего резерва, держал бы позади Кавриано, каков оказался бы тогда результат сражения? На этот счет не может быть никаких сомнений. После повторных и тщетных попыток взять Сан-Мартино и Сольферино фронт пьемонтцев и французов был бы прорван в центре завершающим и энергичным наступлением всей австрийской армии, и, вместо отступления

к Минчо, австрийцы кончили бы сражение на берегах Кьезе Они понесли поражение, но не от французов, а из-за высокомерия и глупости их собственного императора. Потерпев поражение как вследствие численного превосходства противника так и вследствие бездарности своего командования, они все же отошли сохранив порядок, не отдав врагу ничего, кроме поля битвы. Они показали себя неспособными к панике, не уступая в этом отношении другим, получившим мировую известность армиям.

Написано Ф. Энгельсом около 6 июля 1859 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5692, 21 июля 1859 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

СРАЖЕНИЕ ПРИ СОЛЬФЕРИНО

О прямой связи между кровавым поражением при Сольферино и столь очевидным тупоумием Франца-Иосифа уже говорилось на страницах предыдущего номера «Volk»*. О том, что мы все-таки переоценили способности «юного героя», свидетельствуют опубликованные позднее сообщения о подробностях этого сражения. 1859 год для победителей 1849 года был государственным экзаменом, на котором они, один за другим, провалились.

Австрийская армия насчитывала к 23 июня не менее 9 армейских корпусов, из которых 1-й, 2-й, 3-й, 5-й, 7-й, 8-й полностью или частично уже участвовали в боях, а 9-й, 10-й и 11-й корпуса были еще совершенно свежими и ни разу не встречались с противником. Первые шесть корпусов насчитывали примерно 130000 человек, три последних 75000. Таким образом, на противника могло быть брошено не менее 200000 человек. Что же сделал Франц-Иосиф? Он направил 10-й и 11-й корпуса из Мантуи в Азолу (на Кьезе), чтобы ударить по французам с тыла, а для прикрытия этой переброски войск от возможного нападения 5-го французского корпуса (принца Наполеона), который, по предположениям, находился поблизости, оставил 2-й корпус под Мантуей. После этого у него осталось лишь 6 корпусов, т. е. 24 бригады, с которыми он и хотел атаковать фронт франко-пьемонтской армии. Однако продвижение шло настолько медленно, что к вечеру 23 июня армия расположилась бивуаком на расстоянии только шести английских миль

* См. настоящий том, стр. 420—-423. *Ред.*

от Минчо. Выступление 24 июня было назначено лишь на 9 часов утра. Вынужденный отход по всему фронту передовых частей союзников 23 июня, а также донесения их разведчиков вызвали естественную тревогу в лагере французов и получилось так, что вместо того, чтобы в 9 часов начать предполагавшееся наступление, австрийцы в 5 часов подверглись нападению сами. Против 24 австрийских бригад, которые насчитывали всего около 136000 человек, союзники бросили одну за другой не менее 33 бригад (9 пьемонтских численностью в 45000 человек и 24 французских численностью в 150000 человек)*, иначе говоря они выставили против них не менее 195000 человек; кроме того, союзники еще держали в резерве одну пьемонтскую (гвардейскую) и две французские бригады (дивизия Бурбаки). Таким образом, они имели на поле сражения не менее 210000 человек. При таком превосходстве в силах союзникам была обеспечена победа. Несмотря на это генерал Бенедек во главе 8-го австрийского корпуса успешно отразил нападение всей пьемонтской армии и на правом фланге добился полной победы, хотя его собственный корпус состоял всего лишь из четырех бригад, и, возможно, от гарнизона Пескьеры он получил в качестве подкрепления еще одну, пятую бригаду. Центр, занятый 12 слабыми австрийскими бригадами, подвергся атаке 14 сильных французских бригад и был отброшен. Левый фланг, 8 бригад, после длительной борьбы также был оттеснен превосходящими силами 10 французских бригад, которым были к тому же приданы многочисленная французская кавалерия и артиллерия. На этом фланге, как и в центре, было бы целесообразно сосредоточить значительное количество австрийской артиллерии, но Франц-Иосиф предпочел, чтобы 13 батарей резервной артиллерии (104 пушки) спокойно пребывали в Валеджо, не произведя ни единого выстрела! Таким образом, превосходство огня французской артиллерии объясняется очень просто, то есть совсем не превосходством нарезных пушек, а беспомощностью и безнадежной путаницей в голове австрийского императора, который совершенно не использовал в бою свои артиллерийские резервы.

Но где же находились 10-й и 11-й корпуса? В то время как бои шли между озером Гарда и Гуидиццоло, они блуждали

* Пьемонтцы: дивизия Моллара, дивизия Фанти, дивизия Дурандо — каждая в составе 2-х бригад и савойские бригады. Со стороны французов в сражении участвовали: 4 гвардейские бригады, 1-й корпус, Бараге д'Илье — 6 бригад; 2-й корпус, Мак-Магона — 4 бригады; 3-й корпус, Канробера — 4 бригады; 2 бригады —в резерве; 4-й корпус, Ньеля — 6 бригад. Всего введено в бой 33 бригады, 3 оставлены в резерве. Все эти данные заимствованы из официального отчета Наполеона Малого. Впрочем, мы приводим данные только о *пехоте.*

значительно южнее, по равнине. Утверждают, что 11-й корпус издалека видел несколько неприятельских отрядов, 10-му же корпусу даже и этого не довелось. А к тому времени, когда исход сражения был решен, оба эти корпуса не только не успели произвести ни единого выстрела, но находились еще настолько далеко, что Канробер, который должен был препятствовать этому обходному движению, — а о нем французам было известно заранее, — мог бросить все свои войска до последней дивизии против главных сил австрийцев и, таким образом, выиграть сражение на левом австрийском фланге.

В это же время 2-й корпус занимал позицию у Мантуи, готовясь к отражению воображаемой атаки принца Плон-Плона, который в тот самый день пировал со своей армией в Парме на расстоянии восьмидневного перехода от поля боя!

Здесь перед нами ярчайший пример того, что происходит, когда командование находится в руках германского «прирожденного военачальника». Два корпуса (50000 человек) бесцельно разгуливали вдалеке от поля битвы, третий корпус (20000 человек) держал фронт при Мантуе против воображаемого противника, а 104 пушки бесцельно стояли в обозе в Валеджо, то есть добрая треть всех сил и все резервы и артиллерия были намеренно отведены от поля сражения с тем, чтобы остальные две трети были нелепо раздавлены превосходящими силами противника — такую беспросветную глупость мог допустить лишь немецкий «отец народа»!

Австрийские войска сражались с такой исключительной храбростью, что союзникам, располагавшим силами в полтора раза большими, лишь после величайшего напряжения удалось оттеснить их с двух позиций из трех, и что даже эти превосходящие силы оказались не в состоянии расстроить ряды австрийцев или попытаться преследовать их. Каков был бы исход борьбы, если бы 70000 человек и 104 пушки, которые Франц-Иосиф оставил неиспользованными, находились бы между Вольтой и Поциоленго в качестве резерва? Французы несомненно были бы разбиты и фронт тем самым был бы вновь передвинут с Минчо и Кьезе на Тичино. Австрийские войска побеждены не союзниками, а глупостью и высокомерием их собственного императора. Когда австрийский солдат на передовых позициях совершает малейший проступок, он получает за это 50 ударов палкой. Самое меньшее, что Франц-Иосиф может сделать, чтобы хоть в какой-то мере искупить свои грубые промахи и бессмысленные поступки, — это явиться к генералу Хессу и получить свои вполне заслуженные 50 ударов.

Война отныне разыгрывается в районе четырехугольника крепостей и первые результаты влияния этих крепостей на действия союзников уже начали сказываться: *последним пришлось разделить свои силы.* Один отряд оставлен у Брешии, чтобы наблюдать за проходами в Тироле. 5-й французский корпус (Плон-Плона) расположился в Гойто против Мантуи и получил в подкрепление еще одну дивизию. Для осады Пескьеры предназначается большая часть пьемонтской армии. Пескьера, когда-то небольшая крепость, по имеющимся сведениям, с 1849 г. была укреплена выдвинутыми вперед и расположенными полукругом фортами и превращена в укрепленный лагерь (см. «Revue des deux Mondes»[240] от 1 апреля 1859 г.). Если это так, то пьемонтцам придется немало потрудиться, и для «операций» против Вероны, о которых с такой помпой объявил Луи Бонапарт, остается лишь одна дивизия и ослабленная потерями при Сольферино французская армия (25 бригад, немногим более 130000 человек). Если Хесс действительно принял в настоящее время на себя командование и получил неограниченные полномочия, то он, пожалуй, скоро найдет возможность дать несколько победоносных сражений, и таким путем подготовить более крупную победу. К французам на подкрепление идут три дивизии лионской армии и, как говорят, еще одна дивизия парижской армии, всего от 50000 до 60000 человек. К австрийцам прибывают 6-й корпус из Южного Тироля, 4-й из Триеста и кроме того еще четвертые полевые батальоны из состава полков, находящихся в Италии, т. е. по меньшей мере 54 батальона опытных солдат, так что все австрийские подкрепления составят примерно 100000 человек. Но в конце концов главное для австрийцев заключается в том, чтобы равновесие на поле сражения было достигнуто не столько за счет свежих подкреплений, сколько благодаря единому и разумному командованию. Это может быть достигнуто лишь в том случае, если бездарный Франц-Иосиф будет отстранен и Хесс примет командование полностью на себя.

Написано Ф. Энгельсом 7 июля 1859 г.

Напечатано в газете «Das Volks» № 10, 9 июля 1859 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

ЭРФУРТОВЩИНА В 1859 ГОДУ [241]

Реакция выполняет программу революции. Это кажущееся противоречие объясняет силу наполеонизма, который еще до сих пор выступает в роли душеприказчика революции 1789 г., оно же объясняет успех шварценберговской политики в Австрии, которая сконцентрировала расплывчатые мечты 1848 г. о единстве, придав им ясную и положительную форму, и это же кажущееся противоречие придает силу призраку парламентской реформы Германского союза, который по милости Пруссии бродит сейчас по Малой Германии и исполняет вместе с гражданами Якобом Венедеем и Цайсом причудливый танец теней на могилах революции 1848 года. Правда, эта программа революции в руках реакции превращается в сатиру на соответствующие революционные стремления и становится, таким образом, самым смертоносным оружием в руках непримиримого врага. Ведь реакция выполняет требования революции таким же образом, как Луи Бонапарт выполняет требования итальянской национальной партии. Трагикомичным в этом процессе является то, что несчастные грешники, которые должны быть повешены из-за собственного пустословия и глупостей, изо всех сил кричат «браво!» и, в то время как палач уже затягивает у них на шее петлю, приветствуют свою собственную казнь бурными рукоплесканиями.

Подобно тому, как в 1848 г. известные мартовские требования, которые были сформулированы партией, именовавшейся тогда «революционной», и распространение которых было организовано очень ловко[242], обошли все ландтаги, все шумные, мятежные сборища, — так совершает ныне свое триумфальное

шествие по Центральной и Южной Германии некое *«Заявление»*[243], которое, по-видимому, является исходящим от регента mot d'ordre* для соответствующего его желаниям «народного движения» в пользу вооруженного посредничества. Эта инспирированная регентом программа, носящая весьма характерное название *«нассауского заявления»*** потому, что она получила первое признание от нассауских отцов отечества, возглавляемых нашим старым знакомым господином Цайсом, провозглашает:

«Австрию нельзя оставлять без поддержки в настоящей войне, так как эта война может поставить под удар немецкие интересы. Напротив, Германия обязана» (призвана — сказал бы г-н фон Шлейниц) «потребовать от Австрии реформ, в частности обеспечение соответствующего современным требованиям порядка в Италии. Военное и *политическое* руководство в предстоящей борьбе должно быть возложено на Пруссию. Но предоставлением руководящего положения Пруссии *постоянно ощущаемая* потребность в сильном союзном правительстве не *будет еще* (!) удовлетворена; немецкому народу нельзя дольше отказывать в *преобразовании немецкой центральной власти, с* одной стороны, и в *составлении, с* другой стороны, конституции, которая должна получить свое завершение» (вершину — как любил выражаться г-н фон Гагерн) «в немецком *народном представительстве».*

Это нассауское заявление, именуемое также и «Декларацией», уже принято конституционными и демократическими нотаблями Дармштадта, Франкфурта, Вюртемберга, где оно было подписано в гармоническом беспорядке Ройшером, Шоттом, Фишером, Дювернуа, Циглером и др., принято и проповедуется теперь «либеральной» прессой Юго-Западной Германии, Франконии и Тюрингии, как чудотворное евангелие, предназначенное спасти Германию, стереть с лица земли Французскую империю, возвратить г-ну Венедею депутатское вознаграждение и придать г-ну Цайсу политический вес.

«Так вот кто в пуделе сидел»***.

Вот при помощи какой мелкой уловки, спекулируя на полном отупении впавших в детство имперских обывателей, защитники «прусского призвания» рассчитывают выманить у Союзного сейма столь рыцарски завоеванные и столь дорого оплаченные лавры Бронцелля! Мы должны признаться, что не испытываем особого почтения к героям «призвания», которые вместо того, чтобы публично надавать пощечин господам с Эшенгеймер-гассе[244], — а они охотно бы это сделали, но не решаются, — пытаются насолить им тем, что с почтительного расстояния

* — лозунгом. *Ред.*

** В оригинале игра слов: слово «nassauisch» — «нассауский» созвучно слову «Nassauer» — «блюдолиз», «прихлебатель». *Ред.*

*** Гёте. Фауст. Часть I, сцена 3, кабинет Фауста. *Ред.*

наускивают на них гг. Шотта, Цайса и Ройшера. Если берлинская государственная мудрость не знает иного средства для «спасения Германии», кроме перекупки second hand* наследства покойного г-на фон Радовица и его незадачливых** готцев, тогда пусть она смирится с любым положением и беспрекословно подчинится франко-русской диктатуре, так как она и понятия не имеет о серьезности борьбы, начатой кампанией за освобождение Италии.

Стало быть все еще имеются патриотические представительные учреждения, убожество которых находит достаточное выражение в «нассауском заявлении», учреждения, которые тешат себя иллюзией, что слабым подражанием имперской парламентской игре 1848 г. они смогут вызвать народное движение, достаточно сильное для того, чтобы вступить в борьбу с объединенным деспотизмом России и Франции; это доказывает лишь то, насколько был прав Г. Гейне, говоря, что

> «истинное безумие столь же редко встречается, как и истинная мудрость».

Ведь безумие нассауских авторов насквозь поддельно, лживо и трусливо; это — шутовская маска, которую напялили на себя эти господа, чтобы сойти за невменяемых обитателей сумасшедшего дома, так как они в душе стыдятся своей плачевной нерешительности и бездеятельности и думают избежать ответственности, нищенски вымаливая общественное сочувствие.

«Преобразованная центральная власть с народным представительством» — какое великолепное оружие против взбесившегося бонапартизма и доведенного до отчаяния царизма, вынужденного на немецкой земле бороться за свое существование, которому угрожает опасность внутри собственной страны! Мне казалось, что в 1848 и 1849 гг. мы в достаточной мере вкусили и того и другого, чтобы понимать, что всякое народное движение, которое растрачивает свою революционную силу на разговоры о конституционном народном представительстве, обречено на гибель.

Написано К. Марксом около 9 июля 1859 г.

Напечатано в газете, «Das Volk» № 10, 9 июля 1859 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

* — из вторых рук. *Ред.*

** В оригинале игра слив: слово «selig» — «покойный», «unselig» — «незадачливый». *Ред.*

К. МАРКС

ЧТО ВЫИГРАЛА ИТАЛИЯ?

Итальянская война окончена. Наполеон закончил ее так же внезапно и неожиданно, как австрийцы ее начали[245]. Хотя она была непродолжительна, но стоила дорого. Те несколько педель, в течение которых протекала эта война, не только были полны подвигов, вторжений и контрвторжений, походов, сражений, побед и поражений, но и унесли такое количество человеческих жизней и материальных средств, которое характерно для многих, гораздо более продолжительных войн. Некоторые из ее последствий достаточно ощутимы. Австрия понесла территориальные потери, ее репутация с точки зрения военной доблести серьезно пострадала, ее гордость глубоко уязвлена. Но мы опасаемся, что если она и вынесла какие-либо уроки из этого, то скорее военные, чем политические, и что перемены, к которым ее могут привести результаты этой войны, будут скорее изменениями в военном обучении, дисциплине и вооружении, чем в ее политической системе или методах управления. Возможно, что она убедилась в эффективности нарезных пушек. Может быть, она введет в своей армии кое-что, заимствованное у французских зуавов. Это гораздо более вероятно, чем то, что она существенно изменит управление тем, что у нее осталось от ее итальянских провинций.

Кроме того, Австрия, по крайней мере в настоящее время, не обладает той опекой над Италией, на сохранении которой она настаивала, невзирая на протесты и жалобы Сардинии, что и послужило причиной минувшей войны. Но хотя на этот раз Австрия и принуждена была расстаться с этим званием опекуна, само место опекуна, по-видимому, не осталось вакантным.

Весьма знаменателен тот факт, что новое соглашение об итальянских делах было заключено во время короткого свидания между императорами Франции и Австрии, т. е. между двумя иностранцами, стоящими каждый во главе иностранной армии. Весьма знаменателен и тот факт, что это соглашение было заключено не только без соблюдения формальности хотя бы фиктивного опроса сторон, о которых в нем шла речь, но даже без ведома последних, не подозревавших, что за их спиной совершались сделки и что ими распоряжались. Две армии, пришедшие из-за Альп, встречаются и воюют в долинах Ломбардии. После шестинедельной борьбы иностранные повелители этих иностранных армий принимаются устраивать и улаживать дела Италии, не допустив на свои совещания ни одного итальянца. Король Сардинии, низведенный в военном отношении до положения французского генерала, принимал, по-видимому, не больше участия в достижении окончательного соглашения и имел не больше влияния на него, чем если бы он на самом деле был простым французским генералом.

Основой жалоб на Австрию, так громко высказывавшихся Сардинией, было не только то, что Австрия претендует на общий надзор за итальянскими делами, но то, что она поддерживает все существующие злоупотребления, что ее политика состоит в сохранении неизменным положения вещей, что она вмешивается во внутренние дела своих итальянских соседей и претендует на право подавлять силой оружия всякую попытку жителей этих государств изменить или улучшить свое политическое положение. Уделяется ли при новом устройстве больше внимания, чем при старом, чувствам и желаниям итальянцев или тому праву на революцию, защитницей которого была Сардиния? Несмотря на то, что помощь, предложенная во время войны итальянскими герцогствами, расположенными к югу от По, была принята, по мирному договору они передаются обратно своим изгнанным правителям. Ни в одной части Италии так не жаловались на плохое управление, как в Папской области. Дурное управление в этом государстве, сочувствие и поддержка, оказываемые этому плохому управлению со стороны Австрии, выдвигались на первый план в качестве одной из отрицательных, если не самой отрицательной, черт в положении дел в Италии в недавнем прошлом. Но хотя Австрия и принуждена была отказаться от своего вооруженного протектората над Папской областью, несчастное население этой области ничего не выиграло благодаря этой перемене. Франция поддерживает светскую власть папского престола так же широко, как это делала и Австрия; а так как злоупотребления

правительства Папской области рассматриваются итальянскими патриотами как нечто неотделимое от его церковного характера, то, надо полагать, нет надежды на улучшение. Франция в настоящем своем положении, в качестве единственной покровительницы папы, фактически становится гораздо более ответственной за все злоупотребления правительства Папской области, чем когда-либо была ответственна Австрия.

Что касается итальянской конфедерации, составляющей часть нового устройства, то необходимо заметить следующее: или эта конфедерация будет политической реальностью, в известной степени обладающей силой и влиянием, или же она окажется только обманом. В последнем случае объединение, свобода и развитие Италии ничего от этого не выиграют. Если же она окажется реальностью, то чего хорошего от нес можно ожидать, принимая во внимание элементы, из которых она состоит? Ведь Австрия (входящая в нее в силу владения Венецианской областью или королевством), папа и король неаполитанский, объединенные интересами деспотизма, легко одержат верх над Сардинией, даже если другие более мелкие государства будут на ее стороне. Австрия сможет даже воспользоваться этим новым положением вещей для того, чтобы обеспечить себе контроль над другими итальянскими государствами, столь же нежелательный, чтобы не сказать больше, как и тот, на который она раньше претендовала в силу специальных договоров с ними.

Написано К. Марксом около 12 июля 1859 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5697, 27 июля 1859 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

МИР

Сведения, полученные с «Европой», заставляют предполагать, что итальянская конфедерация, возвещенная Наполеоном III как одна из основ его мира с Францем-Иосифом, есть нечто весьма неопределенное и неустойчивое. Это пока только идея, на которую согласилась Австрия, но она должна еще быть представлена на рассмотрение итальянских правительств. Нет оснований считать, что даже Сардиния, с королем которой, кстати сказать, видимо, не советовались при заключении мира, согласилась принять эту идею, хотя король, конечно, должен делать, что ему говорят. Между тем ходит слух, что папа, предполагаемый почетный глава конфедерации, написал Луи-Наполеону, что он будет искать защиты у католических держав, — средство, довольно сомнительное как раз сейчас, когда он хочет найти защиту именно от Франции. Что касается недавно изгнанных монархов Тосканы, Модены и Пармы, то они, очевидно, должны получить обратно свои троны, а при таких обстоятельствах они, без сомнения, будут готовы присоединиться к любой конфедерации, какую только им ни навяжут. Однако абсолютно ничего не известно о позиции неаполитанского короля*, ныне единственного независимого государя Италии; не исключена возможность, что он откажется наотрез. Следовательно, еще нет уверенности в том, что вообще будет какая-либо конфедерация, а если ей и удастся сформироваться, то совершенно неизвестно, какова будет ее природа.

Важным фактом, выяснившимся только теперь, является то, что Австрия сохраняет все четыре большие крепости,

* — Франциска II. *Ред.*

причем Минчо становится западной границей ее владений. Таким образом, она все еще удерживает ключи от Северной Италии в своих руках и может воспользоваться любым благоприятным стечением обстоятельств, чтобы вернуть себе то, что ей теперь приходится отдавать. Уже один этот факт показывает, насколько неосновательно утверждение Наполеона о том, будто он действительно осуществил свое намерение вытеснить Австрию из Италии. На самом же деле можно без преувеличения сказать, что если он победил Австрию на войне, то она явно победила его при заключении мира. Она отказалась только от того, что было отвоевано у нес, и ни от чего больше. Франция ценою нескольких сот миллионов долларов и жизни почти пятидесяти тысяч своих сынов приобрела контроль над Сардинией, громкую славу для своих солдат и репутацию очень счастливого, но не очень преуспевающего полководца для своего императора. Для последнего это много, но для Франции, которая вынесла на своих плечах все эти расходы и понесла все эти потери, этого мало, и не удивительно, что в Париже царит недовольство.

Мотив, приводимый Наполеоном для объяснения столь внезапного окончания войны, заключается в том, что эта война стала принимать размеры, не совместимые с интересами Франции. Другими словами, она начинала превращаться в революционную войну, характерными чертами которой должны были явиться восстания в Риме и в Венгрии. Любопытно, что непосредственно перед сражением при Сольферино тот же Наполеон фактически побуждал Кошу та, по его приглашению явившегося на свидание в лагерь, предпринять революционную диверсию в пользу союзников. Тогда, перед этим сражением, он не боялся опасностей, которые стали страшить его сразу же после сражения. Что обстоятельства меняют положение, это наблюдение не ново, но оно применимо и к настоящему случаю. Впрочем, нам нет необходимости умножать аргументы, чтобы доказать, что этот человек столь же эгоистичен, как и бессовестен, и что, пролив кровь пятидесяти тысяч человек для удовлетворения своего личного честолюбия, он теперь готов отречься даже от лицемерного признания на словах всех принципов, во имя которых он вел их на бойню.

Одним из первых результатов настоящего соглашения является падение правительства Кавура в Сардинии, которое должно было уйти в отставку. Один из проницательнейших людей Италии и совершенно не причастный к заключению мира, граф Кавур, тем не менее не мог устоять перед лицом общественного негодования и разочарования. Пройдет, вероятно, много времени, прежде чем он снова вернется к власти. Пройдет

также много времени, прежде чем Луи-Наполеон снова сможет даже людям сентиментальным и энтузиастам внушить иллюзию, будто он является борцом за свободу. Отныне итальянцы станут ненавидеть его больше, чем всех других представителей тирании и предательства, и неудивительно, если кинжалы итальянских террористов снова будут угрожать жизни человека, который, делая вид, что завоевал независимость для Италии, вопреки своим обещаниям оставил Австрию сидеть на шее Италии почти так же прочно, как прежде.

Написано К. Марксом 15 июля 1859 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5698, 28 июля 1859 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ВИЛЛАФРАНКСКИЙ ДОГОВОР

Если война, которую Луи-Наполеон затеял под лживым предлогом освобождения Италии, вызвала общую путаницу понятий, перемену позиций, беспримерное в истории Европы проституирование людей и вещей, то мир, заключенный в Виллафранке, рассеял роковые чары. Что бы ни говорилось о проницательности Наполеона, этот мир разрушил его престиж и даже оттолкнул от него французский народ и французскую армию, обеспечить расположение которых к своей династии составляло его главную цель. Когда он заявляет этой армии, что заключил мир из страха как перед Пруссией, так и перед четырехугольником австрийских крепостей, то он говорит ей именно то, что может пробудить в ней только отвращение. Когда же он говорит народу, каждый представитель которого рожден революционером, что он был остановлен на своем победоносном пути только тем, что следующий шаг вперед пришлось бы делать в союзе с революцией, — то он может быть уверен, что этот народ отнесется к нему с гораздо большим недоверием и отвращением, чем к тому пугалу, которым он старается его устрашить. Во всей современной Европе никто не терпел такого краха, как Луи Бонапарт со своей итальянской войной. Обман обнаружился в Виллафранке. Спекулянты фондовой биржи ликуют по поводу этого события, приунывшие демагоги ошеломлены, обманутые итальянцы дрожат от бешенства, «посредничающие державы» имеют жалкий вид, а те британцы и американцы, которые верили в демократическую миссию Луи Бонапарта, скрывают свой позор за ничего не значащими протестами и замысловатыми объяснениями. Только те, которые

имели мужество противостоять потоку самообмана, рискуя даже, что их обвинят в симпатиях к австрийцам, только они одни, как теперь стало ясно, занимали правильную позицию.

Прежде всего рассмотрим, каким образом был заключен мирный договор. Происходит встреча двух императоров; Франц-Иосиф уступает Ломбардию Бонапарту, который отдает ее в подарок Виктору-Эммануилу, а тот, в свою очередь, хотя и кажется главным действующим лицом в войне, даже не допущен на конференцию, которая решает вопрос о мире. Мысль о том, чтобы спросить, хотя бы ради приличия, мнение этого людского товара, которым так бесцеремонно торгуют, вызывает у обеих договаривающихся сторон только презрительную улыбку. Франц-Иосиф распоряжается своей собственностью, так же поступает и Наполеон III. Если бы дело шло о передаче имения, то было бы необходимо присутствие судебного чиновника и выполнение некоторых юридических формальностей. Но ничего подобного не требуется при передаче трех миллионов людей. Не спрашивают даже согласия Виктора-Эммануила, человека, которому в конце концов была передана эта собственность. Для министра такое унижение было чрезмерным, и Кавур подал в отставку. Конечно, король может сказать об аннексированной стране то же самое, что сказал некогда римский император о раздобытых им деньгах: Non olet*. Быть может это и не пахнет для него оскорблением.

То, что произошло, на языке idées napoléoniennes** называется, по-видимому, «восстановлением национальностей». Даже Венский конгресс, если сравнить его протоколы со сделкой в Виллафранке, можно смело заподозрить в приверженности к революционным принципам и в симпатиях к народу. Возникновение итальянской нации сопровождается изощренным оскорблением, наносимым ей соглашением, которое во всеуслышание объявляет, что Италия не является стороной в войне против Австрии и потому не имеет голоса при заключении мира с Австрией. Гарибальди со своими отважными горцами, восстания в Тоскане, Парме, Модене и Романье, сам Виктор-Эммануил и его подвергшаяся нашествию страна, его истощенные финансы и его поредевшая армия — все это не принимается в расчет. Война происходила между Габсбургом и Бонапартом. Итальянской войны не было. Виктор-Эммануил не может претендовать на внимание, оказываемое даже второстепенному союзнику. Он не был воюющей стороной; он был только орудием и потому

* — Не пахнет (слова римского императора Веспасиана, сказанные им по поводу налога на уборные). *Ред.*
** — наполеоновских идей. *Ред.*

не имеет тех прав, которые, согласно международному праву, достаются на долю каждого участника войны, как бы ни был он незначителен сам по себе. Ему не оказывают даже того внимания, которое оказали германским медиатизированным князьям при заключении мира 1815 года[246]. Пусть этот скромный, бедный родственник молча подбирает крохи, падающие со стола его богатого и могущественного собрата.

Если мы перейдем теперь к содержанию — мы имеем в виду официальное содержание — Виллафранкского договора, то увидим, что оно вполне соответствует способу его заключения. Ломбардия должна быть уступлена Пьемонту; однако такое же предложение, но на гораздо более благоприятных условиях и без недостатков, присущих нынешнему договору, Австрия сделала в 1848 г. Карлу-Альберту и лорду Пальмерстону[247]. В то время еще никакая иностранная держава не поставила себе на службу итальянское национальное движение. Уступку территории предполагалось сделать Сардинии, а не Франции; Венецию так же предполагалось выделить из австрийских областей и превратить в независимое итальянское государство, не с австрийским императором, а с австрийским эрцгерцогом во главе. Эти условия в то время были с презрением отвергнуты великодушным Пальмерстоном, который ославил их как слишком жалкое завершение итальянской войны за независимость. В настоящее же время та же самая Ломбардия передается в качестве французского дара Савойской династии, тогда как Венеция, включая четырехугольник крепостей на Минчо, должна остаться в когтях у Австрии.

Так независимость Италии превратилась в зависимость Ломбардии от Пьемонта, а Пьемонта от Франции. Если гордости Австрии, возможно, и нанесен ущерб уступкой Ломбардии, то все же ее реальная сила скорее увеличилась благодаря эвакуации территории, которая поглощала часть ее военных сил, и все же была беззащитна против иностранного нашествия и не возмещала издержек по содержанию этих сил. Денежные средства, которые зря тратились в Ломбардии, можно теперь с пользой применить в другом месте. Австрия попрежнему обладает командной военной позицией, с которой в любой благоприятный момент она может устремиться на своего слабого соседа, который фактически добился только увеличения своей слабости, приобретя открытую для нападения границу и территорию с беспокойным, недовольным и недоверчивым населением, потеряв в то же время даже предлог к тому, чтобы выставлять себя представителем интересов Италии. Пьемонт заключил династическую сделку, но отказался от своей нацио-

нальной миссии. Из независимого государства Сардиния превратилась в государство, существующее из милости, которое, чтобы устоять против своего врага на Востоке, должно раболепствовать перед своим покровителем на Западе.

Но это еще не все. В силу условий договора Италия должна, по образцу Германского союза, сорганизоваться в итальянскую конфедерацию под почетным председательством папы. В настоящее время, по-видимому, встречаются некоторые трудности в осуществлении этой «наполеоновской идеи», и мы еще посмотрим, как справится Наполеон III с препятствиями, возникающими на пути его «конька». Ибо чем бы ни кончилось дело, не может быть сомнения, что такая конфедерация, возглавляемая папой, является его «коньком». Но ведь ниспровержение светской власти папы в Риме всегда считалось conditio sine qua non[*] итальянского освобождения. Еще Макиавелли в своей «Истории Флоренции»[248] видел в господстве папы источник упадка Италии. Теперь же Луи-Наполеон намерен вместо освобождения Романьи подчинить всю Италию номинальной власти папы. И действительно, если конфедерация все же когда-либо будет создана, то папская тиара сделается эмблемой австрийского господства. К чему стремилась Австрия своими частными договорами с Неаполем, Римом, Тосканой, Пармой и Моденой? К тому, чтобы создать конфедерацию итальянских государей под руководством Австрии. Виллафранкский договор с его итальянской конфедерацией, в которой папа, Австрия и восстановленные герцоги — если они вообще смогут быть восстановлены — образуют одну сторону, а Пьемонт — другую, превосходит самые смелые ожидания Австрии. С 1815 г. она стремится образовать конфедерацию итальянских государей, направленную против Пьемонта. Теперь она может подчинить себе этот самый Пьемонт. Она может уничтожить жизненную силу этого маленького государства в конфедерации, номинальным главой которой будет папа, отлучивший Сардинию[249], а подлинным руководителем — непримиримый враг Сардинии. Таким образом, произошло не освобождение Италии, а подавление Пьемонта. Пьемонт, который противостоят Австрии, предназначен играть роль Пруссии, но он не имеет тех средств, которые дали возможность этому последнему государству парализовать своего соперника в Союзном сейме. Со своей стороны, Франция может поздравить себя с тем, что в отношении Италии она занимает позицию, которая принадлежит России по отношению к Германскому союзу, однако,

[*] — необходимым условием. *Ред.*

русское влияние в Германии основывается на равновесии сил между Габсбургами и Гогенцоллернами. Единственный способ, которым Пьемонт может восстановить свой престиж, ясно указан ему его покровителем. В своей прокламации к солдатам Луи-Наполеон говорит:

«Присоединение Ломбардии к Пьемонту создает для нас» (т. е. для фамилии Бонапартов) «могущественного союзника, который будет обязан нам своей независимостью».

Таким образом, Наполеон заявляет, что вместо независимого Пьемонта возникла наполеоновская сатрапия. У Виктора-Эммануила нет никаких средств, чтобы выпутаться из такого унизительного положения. Он может только апеллировать к Италии, доверие которой он обманул, или к Австрии, награбленным добром которой его наделили. Весьма возможно, однако, что в дело может вмешаться итальянская революция, чтобы изменить картину всего полуострова и еще раз вывести на сцену Мадзини и республиканцев.

Написано К. Марксом 19 июля 1859 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5704, 4 августа 1859 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ИТАЛЬЯНСКАЯ ВОЙНА

ОБЗОР ПРОШЛОГО

I

«Тайный генерал» поспешно направил свою гвардию в Париж, чтобы во главе ее совершить триумфальный въезд, а затем заставить продефилировать перед собой победоносные войска на площади Карусели. Тем временем мы еще раз дадим обзор главных военных событий, чтобы выяснить действительную заслугу обезьяны, подражающей Наполеону.

19 апреля граф Буоль совершил ребяческую неосторожность, сообщив английскому послу, что 23 апреля он предоставит пьемонтцам трехдневный срок, по истечении которого начнет военные действия и отдаст приказ о вторжении. Хотя Буоль знал, что Малмсбери не Пальмерстон, но он забыл, что приближалось время всеобщих выборов и что ограниченные тори из страха быть ославленными кличкой «австрияков» в действительности стали бонапартистами поневоле. 20 апреля английское правительство спешно довело это сообщение до сведения господина Бонапарта, *после чего немедленно началось сосредоточение французских войск* и был отдан приказ о формировании четвертых батальонов за счет отпускников. 23 апреля — накануне общих английских выборов — австрийцы действительно предъявляют Сардинии ультиматум. Дерби и Малмсбери спешат объявить этот поступок «преступлением», против которого они самым энергичным образом протестуют. Бонапарт приказывает своим войскам перейти пьемонтскую границу, прежде чем истек срок ультиматума; 26 апреля французы вступают в Савойю и Геную. Австрийцы же, задержанные протестами и угрозами торийского правительства, теряют еще два дня и вступают в Пьемонт не 27, а лишь 29 апреля.

Таким образом, «тайный генерал» имел за целых девять дней до вступления австрийцев сведения об их намерениях и, благодаря предательству английского министерства, сумел опередить австрийцев на три дня. Однако не только в английском министерстве, но также и среди командования австрийской армии «тайный генерал» имел своих союзников. Каждый ожидал, и с полным основанием, что главное командование итальянской армией будет поручено Хессу, вместо этого оно осталось за Дьюлаи, совершенным тупицей, бестолковым и безвольным человеком, в 1848 и 1849 гг. ни разу не встречавшимся с врагом. Хесс — человек незнатного происхождения и не пользуется расположением реакционной и дружественной иезуитам дворянской клики, которая образует камарилью Франца-Иосифа. Триумвират Грюнне — Тун — Бах натравливал на старого стратега слабого Франца-Иосифа, который совместно с Грюнне разработал очень странный план операций, сурово раскритикованный Хессом. Таким образом, высокородный тупица Дьюлаи остался главнокомандующим, и его план операций — вторжение в Пьемонт — был принят. Хесс же советовал строго придерживаться обороны и избегать всякого сражения вплоть до Минчо. Австрийская армия, задержанная к тому же еще сильными дождями, появилась на По и Сезии только 3 или 4 мая, и, конечно, теперь было слишком поздно, чтобы отважиться внезапно напасть на Турин или на одну из пьемонтских крепостей. Французы были сосредоточены в большом количестве в районе верхнего течения По, это давало бездарному Дьюлаи желанный предлог для бездеятельности. Чтобы расписаться в своей полнейшей беспомощности, он приказал предпринять разведку боем под Монтебелло. Завязавшееся таким образом сражение было с честью проведено тринадцатью австрийскими батальонами против шестнадцати французских, пока не появились на поле битвы 2-я и 3-я дивизии корпуса Бараге д'Илье, после чего австрийцы, достигнув своей цели, отступили. Но так как после этой разведки со стороны австрийцев ничего не последовало, то это показывает, что вся экспедиция могла бы с таким же успехом и вовсе не предприниматься.

Между тем «тайный генерал» должен был ожидать военных материалов и своей кавалерии и, вероятно, проводил время за изучением своего любимого Бюлова. Получив исчерпывающие сведения о расположении и силах австрийцев, французы легко могли разработать план наступления. Вообще существует три способа нападения: либо прямо с фронта, чтобы прорвать центр, либо посредством обхода правого или левого флангов. «Тайный генерал» решил обойти врага с правого фланга. Австрийцы

расположились на растянутой линии от Бьеллы до Павии, после того как они своими реквизициями беспрепятственно опустошили всю область между Сезией и Дорой-Балтеей. 21 мая пьемонтцы атакуют линию Сезии и ведут в течение нескольких дней мелкие бои между Казале и Верчелли, в то время как Гарибальди, пробравшись со своими альпийскими стрелками у самого берега Лаго-Маджоре, поднял восстание в Верезотто и проник в район Камаско и Брианцы. Дьюлаи оставляет по-прежнему свои силы разбросанными и даже посылает один из шести своих армейских корпусов (9-й) на южный берег По. К 29 мая приготовления, наконец, продвинулись настолько, что можно было начать наступление. Бои у Палестро и Винцальо, в которых принимала участие большая часть пьемонтской армии против части 7-го армейского корпуса (Цобеля), открыли союзникам путь на Новару, которую Дыолаи приказал оставить без сопротивления. Туда тотчас же были направлены пьемонтцы, 2-й, 3-й и 4-й французские армейские корпуса и гвардия; за ними последовал 1-й корпус. Обход австрийского правого фланга был завершен, прямой путь на Милан открыт.

Таким образом, армии оказались на тех же самых позициях, при которых Радецкий одержал победу при Новаре в 1849 году. Растянутыми колоннами по немногим параллельным дорогам двигались союзники к Тичино. Марш мог совершаться лишь медленным темпом. Дыолаи, даже за вычетом распыленного 9-го корпуса, имел под рукой пять армейских корпусов. Как только наступление пьемонтцев приняло серьезный характер, а это случилось 29 и 30 мая, Дьюлаи должен был сосредоточить свои войска. Не имеет почти никакого значения, где это сосредоточение произошло бы, ибо нельзя пройти мимо 140000— 150000 человек, сконцентрированных в одном месте; к тому же задача была не в том, чтобы пассивно защищаться, а чтобы а tempo* нанести удар по врагу. Если бы Дьюлаи сосредоточил 31 мая и 1 июня свои силы между Мортарой, Гарласко и Виджевано, то, с одной стороны, он смог бы во время обхода своего правого фланга при. Новаре сам ударить противнику во фланг, разрезать надвое его походные колонны, одну часть их оттеснить к Альпам и завладеть дорогой на Турин, с другой стороны, если бы враг перешел По ниже Павии, Дыолаи все еще смог бы прийти вовремя, чтобы преградить ему путь на Милан.

Сосредоточение войск действительно началось. Но прежде чем его удалось завершить, Дьюлаи был сбит с толку взятием Новары. Ведь враг находился к Милану ближе, чем он! Но

* — вовремя. *Ред.*

именно это и было желательно. Теперь-то и наступил момент нанести a tempo удар, так как враг был бы принужден сражаться при самых неблагоприятных условиях. Но Дьюлаи, какой бы личной храбростью он ни отличался, морально был трусом. Вместо того, чтобы быстро двинуться вперед, он отступил, чтобы форсированными маршами описать дугу вокруг врага и снова преградить ему у Мадженты прямой путь на Милан.

Войска начали движение 2 июня, и главная квартира была перенесена в Розате, в Ломбардии. 3 июня в половине шестого утра туда прибыл фельдцейхмейстер Хесс. Он потребовал у Дьюлаи объяснения по поводу его непростительной ошибки и тотчас же приказал задержать все войска, так как считал еще возможным нанести удар в направлении Новары. Целых два армейских корпуса, 2-й и 7-й, находились уже на ломбардской территории и шли из Виджевано на Аббьятеграссо. 3-й корпус получил приказ остановиться в момент перехода через мост у Виджевано; он повернул назад и занял позицию на пьемонтском берегу. 8-й корпус прошел Берегуардо, а 5-й Павию. 9-й корпус находился еще слишком далеко и вообще за пределами района операций.

Когда Хесс подробно познакомился с дислокацией войск, он нашел, что уже слишком поздно, чтобы можно было рассчитывать на успех в новарском направлении; теперь оставалось только маджентское направление. В десять часов утра колоннам был отправлен приказ продолжать свой марш на Мадженту.

Дьюлаи взваливает вину за проигранное под Маджентой сражение на это вмешательство Хесса и происшедшую, благодаря остановке колонн, потерю четырех с половиной часов. Насколько этот предлог не обоснован, видно из следующих фактов. Мост у Виджевано удален от Мадженты на расстояние 10 английских миль, т. е. на расстояние короткого суточного перехода. 2-ой и 7-ой корпуса *была* уже *в Ломбардии,* когда они получили приказ остановиться, следовательно, они должны были пройти в среднем самое большее 7—8 миль. Несмотря на это, только одна дивизия 7-го корпуса дошла до Корбетты и три бригады 2-го корпуса до Мадженты. Вторая дивизия 7-го корпуса к 3 мая достигла лишь Кастеллетто, около Аббьятеграссо, а 3-й корпус, получивший приказ о выступлении в поход от моста у Виджевано самое позднее в 11 часов утра и, следовательно, имевший еще добрую часть дня впереди, по-видимому, не прошел даже 5—6 английских миль до Аббьятеграссо, так как он смог вступить в бой лишь на следующий день

около четырех часов пополудни у Робекко (в трех милях за Аббьятеграссо). Несомненно, колонны образовали на дорогах пробку, которая из-за отсутствия надлежащей распорядительности замедляла их марш. Если корпусу нужны сутки и более, чтобы пройти расстояние в 8—10 миль, то 4—5 лишних часов, право же, не играют никакой роли. 8-й корпус, направленный через Берегуардо и Бинаско, должен был сделать такой большой крюк, что даже, если бы он использовал четыре с половиной потерянных часа, он все равно не мог бы появиться вовремя на поле битвы. Пятый корпус, который подошел из Павии за два *действительно форсированных перехода,* успел включиться в сражение вечером 4 июня только одной бригадой[250]. То, что он потерял во времени, он выиграл благодаря интенсивности движения. Таким образом, попытка возложить на Хесса ответственность за разбросанность армии не имеет совершенно никакого основания.

Итак, стратегическая прелюдия к победе под Маджентой заключает в себе, во-первых, действительную ошибку, которую совершил сам Луи Бонапарт тем, что он произвел фланговый марш в пределах досягаемости противника, и, во-вторых, ошибку Дьюлаи, который вместо того, чтобы сосредоточенными силами напасть на растянутые походные колонны врага, совершенно разбросал свою армию контрмаршем (к тому же неудачно задуманным) и отступлением и повел свои войска в бой утомленными и изголодавшимися. Такова была первая фаза войны. О второй фазе мы поговорим в следующем номере.

II

Мы оставили нашего «действительного тайного» Наполеона на поле маджентской битвы. Дьюлаи оказал ему величайшее одолжение, какое только может военачальник оказать своему противнику: он привел к Мадженте свои войска настолько распыленными, что в самый момент сражения располагал значительно меньшим количеством войск, и даже вечером не все войска были в его распоряжении. 1-й и 2-й корпуса отступали к Милану; 8-й шел из Бинаско, 5-й — из Аббьятеграссо, 9-й был отведен для прогулки куда-то далеко вниз, на По. Здесь-то и создалась ситуация для истинного полководца. Здесь надо было со значительными свежими силами, прибывшими ночью, врезаться в разрозненные австрийские колонны и *действительная* победа была бы одержана, целые части вместе со знаменами и артиллерией были бы принуждены сложить оружие! Так действовал обыкновенный Наполеон при Монтенотте и Миллезимо, при Абенсберге и Регенсбурге[251]. Но не так поступил «возвышенный» Наполеон. Он стоит выше такого грубого эмпиризма. Из своего Бюлова он знает, что эксцентрическое отступление является наиболее выгодным. Он, таким образом, воздал должное мастерской отступательной тактике Дьюлаи и, вместо того, чтобы двинуться на австрийцев, телеграфировал в Париж: армия отдыхает и реорганизуется. Он и без того был уверен, что мир окажется настолько вежлив, что назовет его неумелые упражнения под Маджентой не иначе, как «великой победой»!

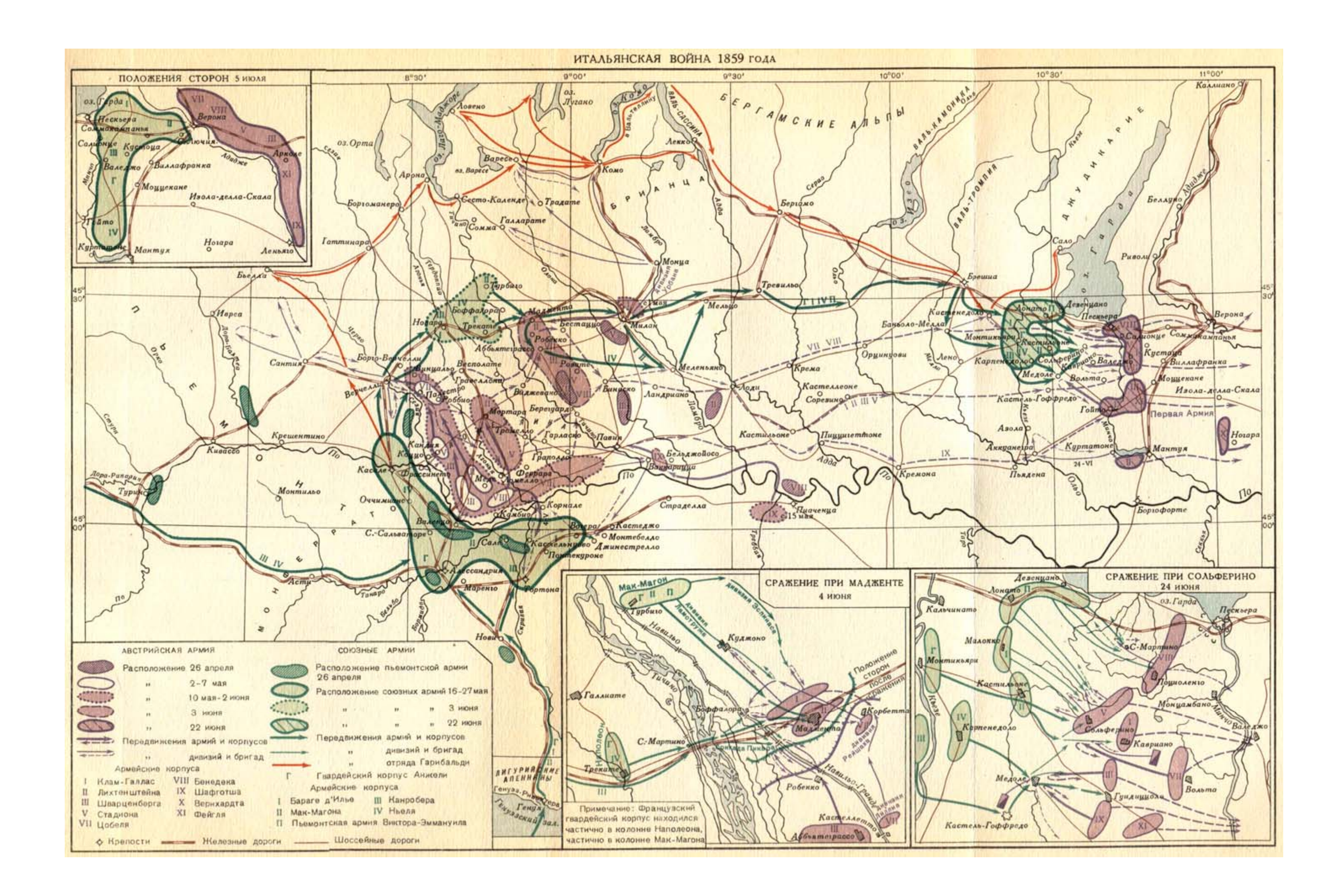
Милейший Дьюлаи, который уже однажды с таким большим успехом пытался проделать маневр, состоявший в том, чтобы обойти врага по дуге, повторил этот эксперимент, и на этот раз в широком масштабе. Он заставил свою армию идти сначала на юго-восток, к По, затем тремя колоннами по трем параллельным дорогам вдоль По до Пьядены на Ольо, а затем опять на север к Кастильоне. При этом он отнюдь не торопился. Путь,

который он должен был проделать до Кастильоне, составлял около 120 английских миль, иначе говоря десять обычных или восемь форсированных дневных переходов. Следовательно, 14-го, самое позднее 15 июня, он мог занять позицию у Кастильоне, однако в действительности лишь 19-го значительная часть армии оказалась на высотах к югу от озера Гарда. Между тем доверие порождает доверие. Если австрийцы продвигались медленно, то «возвышенный» Наполеон доказал, что он превосходит их также и в этом отношении. Обыкновенный Наполеон в первую очередь поспешил бы двинуть свои войска на Кастильоне форсированным маршем по прямому, более короткому пути, который составлял не более 100 английских миль, чтобы *раньше* австрийцев выйти на позицию к югу от озера Гарда и на Минчо и там, где возможно, снова ударить австрийским походным колоннам во фланг. Не так поступил «усовершенствованный» Наполеон. «Всегда вперед не спеша» — вот его девиз. Ему понадобился срок с 5-го по 22-е, чтобы сосредоточить свои войска на Кьезе, т. е. 17 дней на 100 миль пути или каких-то 2 часа движения в сутки!

Таковы те огромные лишения, которые должны были вынести французские колонны и которые внушили английским газетным корреспондентам такое восхищение перед выносливостью и неиссякаемой бодростью pioupiou*. Только один раз была сделана попытка к проведению арьергардного боя. Речь шла о том, чтобы вытеснить одну австрийскую дивизию (Бергера) из Меленьяно. Одна бригада удерживала город, другая была уже позади реки Ламбро, чтобы прикрыть отступление первой, и почти не участвовала в сражении. Здесь-то именно и доказал наш «тайный генерал», что, если уж на то пошло, то и он тоже знает наполеоновскую стратегию: главные силы на решающий участок! В соответствии с этим он и послал против этой единственной бригады целых два армейских корпуса, т. е. десять бригад. Атакованная шестью французскими бригадами австрийская бригада (Родена) продержалась около 3—4 часов и, не преследуемая противником, отступила через реку Ламбро только тогда, когда потеряла более трети своего состава; второй бригады (Бёра) было вполне достаточно, чтобы сдержать значительно превосходящие французские силы. Отсюда видно, что война со стороны французов велась с величайшей вежливостью.

В Кастильоне на сцену выступил другой герой — Франц-Иосиф австрийский. Два достойных друг друга противника!

* — пьюпью (прозвище французских пехотинцев). *Ред.*

ИТАЛЬЯНСКАЯ ВОЙНА 1859 ГОДА
ПОЛОЖЕНИЯ СТОРОН 5 июля
СРАЖЕНИЕ ПРИ МАДЖЕНТЕ
4 июня
СРАЖЕНИЕ ПРИ СОЛЬФЕРИНО
24 июня
Примечание: Французский гвардейский корпус находился частично в колонне Наполеона, частично в колонне Мак-Магона
БЕРГАМСКИЕ АЛЬПЫ
БРИАНЦА
ДЖУДИКАРИЕ
ПЬЕМОНТ
МОНФЕРРАТ
ЛИГУРИЙСКИЕ АПЕННИНЫ
Первая Армия
Милан
Мадджента
Новара
Павия
Брешиа
Верона
Мантуя
Кремона
Пьяченца
Алессандрия
Турин
Сольферино
АВСТРИЙСКАЯ АРМИЯ
Расположение 26 апреля
" 2-7 мая
" 10 мая-2 июня
" 3 июня
" 22 июня
Передвижения армий и корпусов
" дивизий и бригад
Армейские корпуса
I Клам-Галлас
II Лихтенштейна
III Шварценберга
V Стадиона
VII Цобеля
VIII Бенедека
IX Шафготша
X Верхардта
XI Фейгля
СОЮЗНЫЕ АРМИИ
Расположение пьемонтской армии 26 апреля
Расположение союзных армий 16-27 мая
" " " 3 июня
" " " 22 июня
Передвижения армий и корпусов
" дивизий и бригад
" отряда Гарибальди
Г Гвардейский корпус Анжели
Армейские корпуса
I Бараге д'Илье
II Мак-Магона
III Канробера
IV Ньеля
П Пьемонтская армия Виктора-Эммануила
Крепости
Железные дороги
Шоссейные дороги

Один стремился повсюду распространять мнение, что он умнейшая голова всех времен, другому же доставляло удовольствие выдавать себя за рыцаря. Один никак не может удержаться от того, чтобы не сделаться величайшим полководцем своего века, потому что он призван пародировать подлинного Наполеона; он ведь захватил с собой в поход подлинный кубок и прочие реликвии Наполеона. Другой непременно должен связать победу со своими знаменами; ведь он же «прирожденный верховный военачальник» своей армии! Засилие всяких эпигонов, широко распространенное в антрактах между революциями девятнадцатого столетия, на поле сражения лучше и не могло проявиться.

Франц-Иосиф начал свою карьеру верховного главнокомандующего тем, что приказал своим войскам занять позицию южнее озера Гарда, чтобы тотчас же затем отвести их за Минчо. Но едва только войска отступили за Минчо, как он опять послал их в наступление. Подобный маневр должен был изумить даже «усовершенствованного» Наполеона, и он был достаточно учтив, чтобы открыто признать это в своей сводке. Так как он со своей армией в этот же самый день тоже двигался к Минчо, то таким образом и произошло столкновение обеих армий, т. е. сражение при Сольферино. Мы воздержимся здесь от повторения деталей этого сражения, так как сделали это уже в одном из прошлых номеров этой газеты*, тем более, что австрийский официальный отчет о сражении при Сольферино нарочно крайне запутан, чтобы скрыть достойные изумления промахи «прирожденного военачальника». Но из этого совершенно очевидно, что вина за проигрыш сражения при Сольферино лежит главным образом на Франце-Иосифе и его камарилье. Во-первых, Хесса намеренно и систематически держали на заднем плане. Во-вторых, Франц-Иосиф сам претендовал на место Хесса. В-третьих, под влиянием камарильи на важных командных должностях была оставлена масса неспособных, а иногда даже сомнительных в отношении их личной храбрости людей. В результате этих обстоятельств, не говоря уже о первоначальном плане, в день сражения возникла такая неразбериха, что управления войсками, согласованности передвижений, порядка и последовательности боевых действий не было и в помине. Особенно в центре царила, по-видимому, безграничная путаница. Три армейских корпуса, которые здесь находились (1-й, 5-й и 7-й), предпринимали настолько противоречивые и несогласованные действия, в решающий момент до такой степени теряли

* См. настоящий том, стр. 429—432. *Ред.*

связь между собой и, кроме того, все время настолько мешали друг Другу, что из австрийского отчета вытекает только один, но зато бесспорный вывод: в данном случае сражение было проиграно не столько из-за численной слабости, сколько благодаря позорно плохому руководству. Ни разу ни один корпус своевременно не оказал поддержки другому. Резервы были повсюду, но только не там, где они были необходимы. Так один за другим пали Сольферино, Сан-Кассиано, Каврианo, между тем как они все вместе при упорной и искусной обороне представляли собой неприступную позицию. Но таким образом Сольферино, этот решающий пункт, был потерян уже в два часа, а с ним проиграно и сражение. Сольферино пал в результате концентрической атаки, которую можно было расстроить только контратаками, но их-то и недоставало. Вслед за Сольферино пали другие населенные пункты также в результате концентрических атак, которым была противопоставлена совершенно недостаточная пассивная оборона. И все же у австрийцев были еще свежие войска, так как австрийские списки потерь свидетельствуют о том, что из 25 участвовавших в сражении линейных полков восемь (Росбах, эрцгерцог Иосиф, Хартман, Мекленбург, Хесс, Грюбер, Вернхард, Вимпфен), т. е. треть, потеряли меньше 200 человек на полк; это доказывает, что в сражении принимала участие *лишь незначительная часть* их сил! А три из указанных восьми полков, так же как и градишканский полк с Военной границы, потеряли не более 100 человек на полк, из егерей же большинство батальонов (пять) имело потери менее 70 человек на батальон. Так как правый фланг (8-й корпус Бенедека), в силу значительного превосходства противника, вынужден был действительно ввести в бой все свои войска, то, значит, все вышеуказанные полки и батальоны, лишь частью своих сил участвовавшие в сражении, приходятся на центр и на левый фланг, причем значительная их часть должна была находиться в центре. Это доказывает, насколько скверным было здесь руководство. Впрочем, дело объясняется очень просто: здесь находился Франц-Иосиф собственной персоной вместе со своей камарильей, а следовательно, здесь все должно было происходить без какого бы то ни было плана. Тринадцать батарей резервной артиллерии не сделали ни одного выстрела! На левом фланге, по-видимому, царило подобное же отсутствие руководства, особенно в кавалерии, которая, будучи под командой «старых баб», не была использована в бою. Где показывался австрийский кавалерийский полк, там французская кавалерия поворачивала обратно, но из восьми полков по-настоящему участвовать в атаке пришлось только одному-

единственному гусарскому и лишь частично двум драгунским и одному уланскому полкам. Прусские гусары недосчитали 110 человек, оба драгунских полка вместе — 96 человек, о потерях сицилийских улан сведений не имеется, остальные четыре полка вместе потеряли всего 23 человека! Артиллерия в общем потеряла только 180 человек.

Эти цифры больше чем все прочее свидетельствуют о той неуверенности и нерешительности, с которыми австрийские военачальники, от императора до корпусного командира, вели свои войска на врага. Если учесть к тому же еще и численное превосходство, а также и моральный подъем, которым французы были обязаны своим недавним успехам, то станет понятно, почему австрийцы не могли победить. Единственный корпусный командир, который не оробел, — это Бенедек; он командовал правым крылом совершенно самостоятельно, и Франц-Иосиф не имел времени вмешаться. В результате он изрядно потрепал пьемонтцев, несмотря на их двойное численное превосходство.

«Возвышенный» Наполеон не был таким уж новичком в деле руководства войной, как Франц-Иосиф. Он заслужил свои шпоры уже при Мадженте и знал по опыту, как следует вести себя на поле сражения. Он поручил старому Вайяну определить протяженность линии фронта, которую следовало занять — отсюда автоматически вытекал порядок размещения отдельных корпусов; затем он предоставил самим себе корпусных командиров, ибо в отношении того, что они умеют командовать своими корпусами, он мог особенно не беспокоиться. Сам же он отправился в те места, где всего выигрышнее было запечатлеться для очередного субботнего номера парижского «Illustration»[252]; оттуда он отдавал хотя и весьма мелодраматические, но не имеющие никакого значения частные приказания.

III

В Дюссельдорфской академии много лет назад был один русский художник, который позже за бездарность и лень был отправлен в Сибирь. Бедняга был страстно влюблен в своего императора Николая и обычно с воодушевлением рассказывал: «Император — великий человек! Император может все! Император тоже может писать картины, но у него не хватает для этого времени; император покупает пейзажи и затем рисует на них солдат. Император — великий человек! Бог велик, но ведь император еще молод!»

«Возвышенный» Наполеон имеет то общее с Николаем, что и по его мнению пейзажи существуют лишь для того, чтобы рисовать на них солдат. Но так как у него никогда нет времени хотя бы пририсовывать солдат к пейзажам, то он довольствуется тем, что *позирует* для картин. Il pose*. Маджента, Сольферино и вся Италия являются для него только фоном, только предлогом, чтобы снова выставить в «Illustration» и в «Illustrated London News»[253] в мелодраматической позе свою эффектную фигуру. Но так как это можно сделать при помощи некоторой толики денег, то это ему и удавалось. Он сказал миланцам:

«Если и существуют люди, которые не понимают своего века» (века рекламы и блефа), «то я не принадлежу к их числу».

Старый Наполеон был велик, а «усовершенствованный» Наполеон уже не молод!

Это последнее соображение, что он уже не молод, и внушило ему мысль, что, пожалуй, уже наступило время заключить мир. Все, чего можно было достигнуть исключительно succes d'estime**, он уже достиг. «В четырех боях и двух сражениях», потеряв при этом свыше 50000 человек только на поле боя,

* — Он позирует. *Ред.*
** — в силу репутации. *Ред.*

не считая больных, он завоевал область, прилегающую к австрийским крепостям, т. е. ту область, относительно которой сама Австрия возведением крепостей на Минчо дала понять всему миру, что не собирается ее серьезно защищать при перевесе сил противника, и которую на этот раз защищали только для того, чтобы досадить маршалу Хессу. Via sacra[254], по которой «возвышенный» Наполеон до сих пор вел свою армию с таким классическим хладнокровием и с таким сомнительным успехом, вдруг оказалась прегражденной. По ту сторону лежала обетованная земля, которую не суждено увидеть не только теперешней «итальянской армии», но, может быть, даже и ее внукам. Риволи и Арколе не стояли в программе. Верона и Мантуя вот-вот должны были сказать свое веское слово, и единственной крепостью, в которую до сих пор довелось вступить с военной свитой «возвышенному» Наполеону, была крепость Ам, — и он был весьма доволен, когда смог покинуть ее без всяких военных почестей[255]. Громких успехов выпало на его долю довольно мало; правда, он вел grandes batailles*, но что у него были grandes victoires**, в это не поверил даже и телеграфный провод. Война за укрепленные лагери, война против старого Хесса, война с переменным успехом и постепенно уменьшающимися шансами, война, требовавшая серьезных усилий, *настоящая война,* — это было не для Наполеона, этого героя Порт-Сен-Мартена[256] и Амфитеатра Эстли. К этому присоединяется еще и то обстоятельство, что один шаг вперед с его стороны вызвал бы войну на Рейне, и тогда начались бы такие затруднения, которые сразу же положили бы конец героическим гримасам и мелодраматическим poses plastiques***. Но до таких вещей «возвышенный» Наполеон не охотник, поэтому он заключил мир и проглотил свою программу.

Когда началась война, наш «возвышенный» Наполеон тотчас же стал взывать к памяти об итальянских походах обыкновенного Наполеона, о via sacra Монтенотте, Дего, Миллезимо, Монтебелло, Маренго, Лоди, Кастильоне, Риволи и Арколе. Сравним же копию с оригиналом.

Обыкновенный Наполеон принял командование над 30000 полуголодных, босых и оборванных солдат в то время, когда Франция, с расстроенными финансами, не имея возможности получить какой-либо заем, должна была содержать не только две армии в Альпах, но также и две армии в Германии. Сардиния и прочие итальянские государства были не с ним, а против

* — большие битвы. *Ред.*
** — большие победы. *Ред.*
*** — пластическим позам. *Ред.*

него. Противостоявшая ему армия превосходила его армию как в численном, так и в организационном отношении. И несмотря на это, он повел наступление, нанес австрийцам и пьемонтцам шесть быстро следовавших один за другим ударов» сумев каждый раз обеспечить численный перевес на своей стороне, вынудил Пьемонт заключить мир, перешел По, форсировал переправу через Адду у Лоди и осадил Мантую. Первую армию австрийцев, пришедшую на выручку, он разбил у Лонато и Кастильоне и при ее вторичном наступлении смелым маневром принудил ее запереться в крепости. Вторую армию, пришедшую на помощь осажденной Мантуе, он остановил при Арколе и держал ее под ударом два месяца, пока она, получив подкрепление, не двинулась снова вперед, чтобы дать себя разбить при Риволи. Затем он принудил Мантую к сдаче, а южно-итальянских правителей к миру, и проник через Юлийские Альпы к подножию Земмеринга, где добился мира.

Так действовал обыкновенный Наполеон. А как поступил «возвышенный»? Ему досталась лучшая и сильнейшая армия, какую только Франция когда-либо имела, а финансовое положение страны, по меньшей мере, позволяет ему, с помощью займов, легко покрыть издержки войны. В его распоряжении шесть месяцев, чтобы в условиях полнейшего мира подготовиться к своей кампании. На его стороне Сардиния, обладающая сильными крепостями и многочисленной превосходной армией. Рим в его руках. Средняя Италия только и ждет от него сигнала, чтобы вступить в бой и присоединиться к нему. Его операционная база находится не у Приморских Альп, а на среднем По, у Алессандрии и Касале. Там, где у его предшественника были горные тропинки, у него — железные дороги. И что же он делает? Он бросает в Италию пять сильных армейских корпусов, настолько многочисленных, что вместе с сардинцами его армия всегда численностью значительно превосходит австрийцев, превосходит настолько, что он может уступить шестой корпус в качестве туристской армии своему кузену для совершения военной прогулки. Несмотря на все железные дороги, ему понадобился целый месяц, чтобы сосредоточить свои войска. Наконец он наступает. Бездарность Дьюлаи оказывается для него находкой, благодаря которой сражение при Мадженте, окончившееся вничью, становится его победой в силу случайных стратегических условий, в которых оказались обе армии после сражения, — условий, в которых «возвышенный» Наполеон совершенно неповинен, а ответственность несет один только Дьюлаи. Вместо того, чтобы преследовать австрийцев, Наполеон из чувства благодарности позволяет им уйти. При Сольферино

Франц-Иосиф почти *заставляет* его победить, и несмотря на это результат получается едва ли лучшим, чем при Мадженте. Именно теперь и создается такое положение, при котором обыкновенный Наполеон проявил бы все свои способности. Война развертывается на такой местности, где можно сделать кое-что значительное, и принимает размеры, при которых великое честолюбие может найти для себя удовлетворение. Дойдя до места, где только и начинается via sacra обыкновенного Наполеона, где только и открывается величественная перспектив — на этом месте *«возвышенный» Наполеон просит мира!*

Написано Ф. Энгельсом, 20, 28 июля и около 3 августа 1859 г.

Напечатано в газете «Das Yolk» №№ 12, 13 и 14; 23, 30 июля и 6 августа 1859 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

К. МАРКС

ИСТИНА, ПОДТВЕРЖДЕННАЯ СВИДЕТЕЛЬСТВОМ

В одном месте своей книги об итальянской кампании 1796 и 1797 гг. Клаузевиц замечает, что война в конечном счете не является в такой степени театральным представлением, как это склонна воображать публика, и что если победы и поражения рассматривать с точки зрения науки, то они представляют картину, скорее противоположную той, которая рисуется в воображении политических болтунов[257]. Знание этой истины позволило нам довольно равнодушно переносить крикливое раздражение, которое время от времени наша оценка военных событий недавней войны вызывала у различных усердных, хотя и не очень толковых, бонапартистских газет нашей страны, независимо от того, издаются ли они на французском или на английском языках. В настоящее время мы с удовлетворением узнали, что наше мнение об этих событиях подтверждено гораздо раньше, нежели этого можно было ожидать, и притом подтверждено самими главными участниками войны — Францем-Иосифом и Луи-Наполеоном.

Если оставить в стороне детали, то в чем заключалась суть наших критических оценок? С одной стороны, мы приписывали поражения австрийцев не какой-либо гениальности, проявленной союзниками, не баснословному действию нарезной пушки, не воображаемой измене венгерских полков и не хваленой отваге французского солдата, но просто-напросто стратегическим ошибкам, совершенным австрийскими генералами, которых Франц-Иосиф и его личные советники поставили на место таких людей, как генерал Хесс. Именно эта порочная стратегия не только ухитрялась в каждом пункте противопоставлять

врагу численно более слабые силы, но и на самом поле сражения оказалась способной распоряжаться наличными силами самым бессмысленным образом. С другой стороны, упорное сопротивление, проявленное австрийской армией даже при таких обстоятельствах, сражения, разыгрывавшиеся почти с равным успехом, несмотря на неравенство сил, грубые стратегические ошибки, совершенные французами, и их непростительная бездеятельность, которая обесценила победу и почти лишила их ее плодов из-за того, что была упущена возможность преследования, — все это позволяло нам утверждать, что если бы высшее командование австрийской армии было передано из рук бездарных людей людям способным, то, вероятно, положение воюющих сторон оказалось бы противоположным нынешнему. Второй момент, и притом важнейший, на котором мы настаивали еще до начала войны, заключался в следующем: с того времени, как австрийцы от наступления перейдут к обороне, война распадется на две части — на мелодраматическую, разыгрываемую в Ломбардии, и на серьезную, начинающуюся за линией Минчо, внутри грозной сети четырех крепостей. Мы говорили, что все победы французов не имели никакого значения по сравнению с испытаниями, которые им еще предстояло встретить на позиции, преодоление которой даже у настоящего Наполеона заняло девять месяцев, хотя в его время Верона, Леньяго и Пескьера были нулями в военном отношении, и одной Мантуе приходилось выдерживать всю тяжесть нападения. Генерал Хесс, которому, конечно, лучше нас было знакомо status quo[*] высшего австрийского военного руководства, предлагал с самого начала войны, как это мы теперь знаем из венских газет, не вторгаться в Пьемонт, а эвакуировать Ломбардию и принять сражение только за Минчо. Послушаем теперь, что говорят в своих апологиях Франц-Иосиф и Луи Бонапарт — один, оправдываясь в том, что он оставил часть территории, а другой — в том, что он изменил план действий, выдвинутый им в начале войны.

Франц-Иосиф, говоря о войне, устанавливает два факта, против которых не возражает «Moniteur». В своем обращении к армии[258] он говорит, что австрийским войскам всегда противостояли превосходящие силы. «Moniteur» не отваживается опровергать это утверждение, которое, будучи правильно расценено, возлагает всю тяжесть вины на плечи самого австрийского императора. Как бы то ни было, мы можем считать своей заслугой, что из самых противоречивых утверждений «собственных

[*] — существующее положение. *Ред.*

корреспондентов», из французской лжи и австрийских преувеличений, мы сумели извлечь то, что характеризовало действительное положение вещей, и, имея в своем распоряжении скудные и ненадежные источники, установили в наших критических обзорах отдельных сражений, начиная от Монтебелло и кончая Сольферино, сравнительные силы борющихся сторон. Франц-Иосиф усиленно подчеркивает другой момент, который должен звучать довольно необычно для известной категории газетных писак. Приводим его подлинные слова:

«Равным образом фактом, не допускающим сомнения, является то, что наш противник, несмотря на свои крайние усилия и полное использование весьма значительных ресурсов, давно подготовлявшихся для задуманной им борьбы, *не смог даже ценой огромных жертв одержать решительную победу.* Все, чего ему удалось добиться в боях — это *второстепенные успехи.* В то же время австрийская армия с непоколебимой силой и мужеством удержала позицию, обладание которой давало ей хорошие шансы на успех во всех ее будущих попытках вернуть себе потерянную территорию».

То, что Франц-Иосиф не осмеливается сказать в своих манифестах, а именно, что он и его камарилья провалили всю войну, предоставив руководство ею своим любимцам, навязывая свои причуды и ставя бессмысленные помехи на пути даровитых, хотя и плебейского происхождения, генералов, — даже этот грех признан теперь совершенно открыто, если не на словах, то по крайней мере на деле. Генералу Хессу, советами которого пренебрегали в продолжение всей кампании и который был лишен положения, подобавшего ему в силу его прошлого, его возраста и даже места, занимаемого им в австрийской табели о рангах, ныне присвоено звание фельдмаршала; ему поручено верховное командование итальянской армией, и Франц-Иосиф, прибыв в Вену, прежде всего демонстративно нанес визит супруге старого генерала. Словом, все нынешнее отношение габсбургского самодержца к человеку, плебейское происхождение, либеральные симпатии, грубоватая откровенность и военные дарования которого были оскорблением для претенциозных аристократических кругов Шёнбрунна[259], означает признание, унизительное для людей любого общественного положения, а тем более унизительное для наследственных властителей судеб человеческих.

Теперь обратимся к рассмотрению французского подобия австрийского манифеста, а именно к апологии Бонапарта[260]. Разделяет ли он глупое самообольщение своих поклонников, будто он выиграл ряд решающих битв? Думает ли он, что в будущем не может быть и речи о полной перемене положения? Делает ли он хотя бы намек на то, что события достигли

решающего момента и что для достижения полной победы требовалась только настойчивость? Совсем напротив! Он признает, что мелодраматическая часть борьбы пришла к концу, что войне неизбежно предстояло изменить вскоре свой характер, что в будущем его ждут неудачи, что его пугала не только угроза революции, но и сила «стоящего перед ним врага» окопавшегося за большими крепостями». Перед собой он видел только «длительную и бесплодную войну». Он говорит буквально следующее:

«Когда война подкатилась к стенам Вероны, борьба неизбежно должна была изменить свой характер как в военном, так и в политическом отношении. Вынужденный атаковать во фронт противника, окопавшегося за большими крепостями, фланги которого были прикрыты благодаря нейтралитету окружающей территории, стоя на пороге длительной и бесплодной войны, я оказался лицом к лицу с вооруженной Европой, готовой либо оспаривать наши успехи, либо усугубить ожидавшие нас неудачи».

Другими словами, Луи-Наполеон заключил мир не только потому, что он боялся Пруссии и Германии, а также революции, но и потому, что боялся четырех больших крепостей. Согласно полуофициальной статье в «Independance belge» осада Вероны потребовала бы подкреплений в 60000 человек. Такое количество он не мог бы вызвать из Франции, одновременно оставив там силы, необходимые для северной армии под командой Пелисье, а когда он покончил бы с Вероной, ему пришлось бы еще бороться за Леньяго и Мантую. Короче говоря, Наполеон III и Франц-Иосиф после войны целиком подтверждают то, что мы говорили еще до войны и во время войны как о военных ресурсах обеих стран, так и о характере кампании. Мы приводим оба эти свидетельства потому, что они невольно говорят в пользу здравого смысла и исторической истины против потока безумных преувеличений и глупого самообольщения, который получил в течение двух последних месяцев такое распространение, какое он едва ли снова получит в скором времени.

Написано К. Марксом 22 июля 1859 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5704, 4 августа 1859 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ВТОРЖЕНИЕ!

Из всех догматов ханжеской политики нашего времени ни один не натворил столько бед, как догмат, гласящий: «Если хочешь мира, готовься к войне». Эта великая истина, отличающаяся главным образом тем, что в ней содержится великая ложь, является боевым кличем, который призвал к оружию всю Европу и породил такой фанатизм ландскнехтов, что каждое новое заключение мира рассматривается как новое объявление войны и становится объектом соответствующих спекуляций. Ь то время как все европейские государства превратились в военные лагери, наемники которых горят желанием наброситься друг на друга, чтобы в честь мира перерезать друг другу горло, перед каждым новым взрывом войны необходимо выяснить лишь один совершенно незначительный вопрос: на чью сторону стать. Как только дипломатические парламентарии с помощью испытанного правила «si vis pacem, para bellum»* удовлетворительно разрешат этот второстепенный вопрос, начинается одна из тех войн во славу цивилизации, которые по своему разнузданному варварству принадлежат к эпохе расцвета разбойничьего рыцарства, а по своему утонченному вероломству являются все же исключительной принадлежностью новейшего периода империалистской буржуазии.

При таком положении дела нечего удивляться, если общая склонность к варварству приобретает методический характер, безнравственность возводится в систему, беззаконие находит своих законодателей, а кулачное право — свои кодексы. Поэтому,

* — «если хочешь мира, готовься к войне». *Ред.*

если теперь так часто возвращаются к «idees napoleoniennes»*, то причина этого в том, что эти бессмысленные фантазии бывшего амского арестанта стали своего рода пятикнижием современной религии мошенничества и откровением императорской политики военных и биржевых афер.

В свое время в Аме Луи-Наполеон заявил:

«Великое предприятие редко удается с первого же раза»[261].

Убежденный в этой истине, он обладает умением отступить в нужный момент, чтобы вскоре затем приготовиться к новому прыжку, и повторяет этот маневр до тех пор, пока его противник не потеряет бдительности, а провозглашаемые им самим mots d'ordre** не станут тривиальными и смешными, но в силу этого и опасными. Это умение выжидать с целью обмануть общественное мнение, умение отступать, чтобы тем беспрепятственнее снова двигаться вперед, словом, секрет правила: ordre, contre-ordre, desordre*** был его сильнейшим союзником при государственном перевороте.

Что касается наполеоновской идеи *вторжения в Англию,* то тут он, по-видимому, намерен придерживаться той же тактики. Эта идея, от которой так часто официально отказывались, столько раз подвергавшаяся осмеянию, столько раз утопавшая в потоках шампанского в Компьене, снова и снова становится в порядок дня европейских политических толков и пересудов, несмотря на все как будто бы понесенные ею поражения. Никто не знает источника ее внезапного появления, но всякий чувствует, что уже одно ее существование представляет собой все еще непобежденную силу. Серьезные люди, как 84-летний лорд Линдхёрст или Элленборо, у которого нет недостатка в мужестве, отступают назад в страхе перед таинственной силой этой идеи. Если простая фраза в состоянии произвести столь сильное впечатление на правительство, парламент и народ, то это свидетельствует лишь об инстинктивном восприятии и сознании того, что за этой фразой стоит армия в 400000 человек, с которой придется сражаться не на жизнь, а на смерть, иначе не отделаешься от этой жуткой идеи.

Статья в «Moniteur», которая на основании сравнения английского морского бюджета с французским изображает Англию зачинщицей, ответственной за дорогостоящие вооружения, раздраженный тон вступительной и заключительной частей этого документа, написанных августейшей рукой[262], официозный комментарий «Patrie», содержащий прямо-таки нетерпеливую

* — «наполеоновским идеям». *Ред.*
** — лозунги. *Ред.*
*** — приказ, контрприказ, беспорядок. *Ред.*

угрозу, непосредственно затем отданный приказ перевести военные силы Франции на положение мирного времени, — все это столь характерные моменты бонапартистской тактики, что нетрудно понять, почему английская печать и общественное мнение самым серьезным образом обсуждают вопрос о вторжении. Когда Франция *«не вооружается»,* — как это перед началом итальянской войны особо выразительно заявил, в сознании своей никем не признанной невинности, г-н Валевский, — то за этим следует трехмесячная «освободительная война»; если же Франция *разоружает* невооруженную армию, то мы должны быть готовы к самому неожиданному coup*.

Нет сомнения, что г-н Бонапарт не смог бы повести свои преторианские полчища ни на какое другое предприятие, более популярное как во Франции, так и в значительной части европейского континента, чем вторжение в Англию. Когда, во время своего посещения Англии, Блюхер проезжал верхом по улицам Лондона, то в невольном восторге, присущем его солдатской натуре, он воскликнул: «Боже, вот так город для грабежа!» Искушающую силу этого возгласа сумеют оценить императорские преторианцы. Однако идея вторжения была бы популярной также и у господствующей буржуазии, и по тем же мотивам, которые «Times» приводит в пользу сохранения «entente cordiale»[263], говоря:

«Мы рады видеть Францию сильной. Пока мы действуем рука об руку в качестве охранителей порядка и друзей цивилизации, ее сила есть наша сила, а *ее процветание есть наша крепость».*

С флотом из 449 кораблей, в котором 265 составляют паровые военные суда, с армией в 400000 человек, отведавших в Италии крови и славы, с завещанием с острова Св. Елены в кармане и видя перед собой неминуемую катастрофу, г-н Бонапарт является как раз тем человеком, который способен сделать последнюю ставку на вторжение в Англию. Он должен играть va banque!**. Рано или поздно, но он должен играть.

Написано К. Марксом 28 июля 1859 г.

Напечатано в газете «Das Volk» № 13, 30 июля 1859 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* — маневру, удару. *Ред.*
** — ва-банк, рискуя всем. *Ред.*

К. МАРКС

ФРАНЦИЯ РАЗОРУЖАЕТСЯ

Заявление, сделанное Наполеоном III в его «Moniteur», относительно того, что он собирается перевести свою армию и флот на положение мирного времени, может показаться мало убедительным, если его сопоставить с тем фактом, что перед самым началом войны тот же самодержец, в том же «Moniteur» торжественно заявил, что с 1856 г. его армия и флот ни разу не переводились на положение военного времени[264]. Его намерение мгновенно предотвратить гонку вооружений в английской армии и флоте посредством хитроумной заметки в официальном органе слишком прозрачно, чтобы его можно было подвергать сомнению. И все же было бы большой ошибкой рассматривать сообщение в «Moniteur» как простую уловку. Искренность Наполеона III является вынужденной: он просто делает то, чего он не может не делать.

После заключения Виллафранкского договора Луи-Наполеону необходимо было сократить свою армию и флот до размеров, соответствующих бюджету мирного времени. Итальянская авантюра стоила Франции около 200 миллионов долларов и 60000 самых отборных солдат, не принеся ей в то же время ничего, кроме некоторой военной славы, да и то довольно сомнительного характера. Усилить разочарование, вызванное непопулярным миром, продолжая взимать военные налоги, было бы весьма опасным экспериментом. Периодически совершать вылазки за пределы Франции и преодолевать враждебность населения, опьяняя его военными успехами, —вот одно из необходимых условий существования реставрированной империи. Становиться в позу спасителя Франции от общеевро-

пейской войны, после того как она была доведена до грани этой войны, — вот второе условие существования героя декабрьского переворота. После того неизбежного расстройства промышленности и торговли, которое вызывает война, мир на любых условиях не только представляется благословением, но и обладает прелестью новизны. Тоска, которая при монотонном правлении зуава и шпиона превращает мир в тяжелое бремя, сменяется приятным ощущением наслаждения, как только однообразие нарушается войной. Острое чувство унижения, которое, должно быть, угнетает сознание французов, когда они задумываются над узурпацией власти над народом беспринципным, хотя и не лишенным ловкости авантюристом, временно смягчено картиной того, как другие народы и правители, по крайней мере для видимости, если не по существу, подчиняются той же высшей власти. Сильно сокращенное производство теперь по закону упругости получает новый толчок. Сделки, которые были внезапно прерваны, возобновляются с удвоенной энергией, спекуляция, внезапно парализованная, достигает невиданных до сих пор размеров. Таким образом, мир, следующий за наполеоновской войной, вновь обеспечивает династии ту жизненно необходимую отсрочку, которую незадолго до этого, казалось, можно было получить, только объявив войну. Разумеется, через известный промежуток времени старые элементы разложения снова будут работать в направлении войны. Возродится коренной антагонизм между гражданским обществом и coup d'état* и, когда внутренняя борьба опять достигнет известной степени интенсивности, опять прибегнут к новой воинственной интермедии как единственной реальной отдушине. Совершенно очевидно, что условия, на которых «спасителю общества» приходится спасать самого себя, должны постепенно становиться все более и более опасными. Авантюра в Италии была значительно более опасна, чем авантюра в Крыму. По сравнению с авантюрой на Рейне и с еще более отдаленной авантюрой — вторжением в Англию, — а обе эти авантюры несомненно живут в мыслях Наполеона III и являются страстью наиболее безрассудных из его подданных — эта война в Италии может представиться просто детской игрой.

Тем не менее должно пройти известное время, прежде чем будут предприняты эти новые авантюры. Между Крымской войной и Итальянской был промежуток в четыре года. Но едва ли такая длительная передышка может наступить сейчас, при жизни и правлении Луи-Наполеона. Роковая необходи-

* — государственным переворотом. *Ред.*

мость, благодаря которой он удерживает власть, будет тревожить его через все более и более короткие промежутки времени. Вожделения армии и та самая деградация, которую он навлекает на народ, заставят его совершить следующий шаг быстрее, чем предыдущий. Война является условием, в силу которого он сохраняет за собой трон, однако, поскольку он в конце концов является Только поддельным Бонапартом, война, по-видимому, всегда будет бесплодной, затеянной под ложными предлогами, расточающей кровь и материальные ценности и не приносящей его подданным никаких выгод. Такова была Крымская война. Такова война, только что окончившаяся. Только на таких условиях Франция может пользоваться предоставленным ей благом — быть присвоенной этим человеком. Она вынуждена, так сказать, бесконечно прибегать к практике декабрьских дней. Только место разрушительных действий переносится с парижских бульваров на равнины Ломбардии или в Херсонес Крымский, а жалкие потомки великой революции, вместо того чтобы убивать своих соотечественников, используются для убийства людей, говорящих на других языках.

Написано К. Марксом около 30 июля 1859 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5711, 12 августа 1859 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

К. МАРКС

QUID PRO QUO [265]

I

В своем сочинении об австро-французской кампании 1796 г. генерал Клаузевиц говорит, что Австрия потому так часто терпела поражения, что ее планы сражений, как стратегически, так и тактически, были рассчитаны не на действительное достижение победы, а скорее на использование уже будто бы одержанной победы[266]. Обход врага на обоих флангах, его окружение, распыление собственных сил по самым отдаленным пунктам с целью запереть все выходы мысленно разбитому врагу — эти и подобные мероприятия для использования воображаемой победы всякий раз являлись самым верным средством для того, чтобы обеспечить поражение. Эта характеристика австрийского способа ведения войны целиком приложима к прусской дипломатии.

Пруссия бесспорно стремилась играть большую роль с малыми издержками производства. Известного рода чутье подсказало ей, что настал благоприятный момент для того, чтобы посредственности могли пойти в гору. Франция Венских договоров, Франция Луи-Филиппа простым декретом была переименована из королевства в империю[267], причем не был передвинут ни один пограничный камень в Европе. Вместо итальянского похода 1796 г. и египетской экспедиции оказалось достаточно учреждения мошеннического Общества 10 декабря и колбасного смотра в Сатори, чтобы из 2 декабря устроить пародию на 18-е брюмера[268]. Пруссия знала, что иллюзия французских крестьян насчет воскресения настоящего Наполеона не вполне разделяется великими державами. Все молчаливо согласились с тем, что авантюрист, который должен был во

Франции *разыгрывать* из себя Наполеона, взялся за опасную роль и поэтому в любой момент мог стать опасным для официальной Европы. Франция могла терпеть поддельную империю лишь до тех пор, пока казалось, что Европа верит в этот фарс. Поэтому речь шла о том, чтобы облегчить паяцу его роль и обеспечить усердную клаку в партере и на галерке. Всякий раз, как внутреннее положение Франции становилось шатким, — а два года являются, по-видимому, максимальным периодом вращения этой империи-рококо вокруг своей собственной оси, — надо было разрешать бывшему арестанту Ама какую-нибудь иностранную авантюру. Тогда в порядке дня Европы появлялась пародия на какую-нибудь статью наполеоновской программы, которую можно было осуществить по ту сторону французской границы. Сыну Гортензии разрешалось вести войну, но лишь под лозунгом Луи-Филиппа: «La France est assez riche pour payer sa gloire»[*]. Старый король Пруссии[**], человек с безмозглой головой, сказал однажды, что *его* Пруссия отличается от Пруссии Фридриха Великого тем, что последняя стояла в абстрактной противоположности к христианству, между тем как первая преодолела переходную эпоху пошлого просвещения и достигла глубокого внутреннего понимания откровения. Также и старый Наполеон придерживался пошлого рационалистического предрассудка, что война для Франции выгодна лишь тогда, когда ее расходы несут другие страны, а Франция пожинает ее выгоды. В противоположность этому его мелодраматический преемник пришел к глубокомысленному заключению, что Франция сама должна оплачивать свою военную славу, что сохранение ее старых границ является естественным законом и что все его войны должны быть «локализованы», т. е. совершаться в пределах ограниченного пространства, которое Европа всякий раз соблаговолит указать ему для выполнения его роли. Поэтому его войны в действительности являются лишь периодическими кровопусканиями Франции, которые обогащают ее новым государственным долгом и лишают одной из ее старых армий.

Однако после каждой такой войны наступает какая-нибудь неурядица. Франция недовольна, но Европа всячески старается уговорить капризную belle France[***]. Она разыгрывает роль Барнума по отношению к Dutchfish[****]. Разве после войны с Россией Европа не наделила его всеми театральными

---

[*] — «Франция достаточно богата, чтобы платить за свою славу». *Ред.*
[**] — Фридрих-Вильгельм III. *Ред.*
[***] — прекрасную Францию. *Ред.*
[****] — буквально: «голландской рыбке»; в переносном смысле: «голландскому наглецу». *Ред.*

атрибутами третейского судьи? Разве барон фон Зеебах не ездил взад и вперед из Дрездена в Париж и из Парижа в Дрезден[269]? Не ухаживали ли за ним отравитель Орлов и фальсификатор Бруннов[270]? Разве не верили в его всемогущество черногорский князь и Якоб Венедей[271]? Разве ему не дали возможность выполнить требования России под вывеской вероломства против Англии? Разве мир с Россией, который Пальмерстон скрепил предательством в отношении Карса и негативным возвеличиванием своего собственного генерала Уильямса[272], не был объявлен «Times» изменой Бонапарта Англии? Разве он не пользовался славой самого ловкого человека в Европе? Разве во время войны он не занял все столицы, если не современного, то античного мира[273]? А то, что он снисходительно очистил Дарданеллы, не указывало ли на глубоко скрытые планы? Старый Наполеон брался обычно за ближайшие задачи. Кажущееся смирение новоявленного Наполеона указывает на макиавеллистическую непостижимость. Он отверг хорошее лишь потому, что стремился к лучшему. Наконец, разве Парижский мирный договор не был увенчан «Avis»* Европы по адресу антибонапартистских газетных писак такого «гигантского государства», как Бельгия[274]?

Тем временем два года нормального круговорота псевдонаполеоновской Франции истекали. Официальные представители Европы думали, что ими пока что сделано достаточно для величия этого человека. Ему разрешили плыть в свите англичан в Китай[275] и по поручению России посадить полковника Кузу правителем Дунайских княжеств. Но как только была сделана попытка хотя бы для пробы переступить неуловимую грань между героем и паяцем, который играет героя, как Луи-Наполеону с насмешкой приказали вернуться в пределы предназначенного для него поля деятельности. Его интриги против Северо-Американских Соединенных Штатов, его попытка восстановить работорговлю[276], его мелодраматические угрозы по адресу Англии, его антирусская демонстрация в связи с вопросом о Суэцком канале, которую он обязался предпринять по поручению России, чтобы оправдать перед Джоном Булем инспирированную Россией оппозицию Пальмерстона против проекта, — все это лопнуло. Только по отношению к маленькой Португалии ему разрешили вести себя грозно[277], чтобы подчеркнуть его жалкое поведение по отношению к великим державам. Даже Бельгия начала строить укрепления, даже Швейцария стала декламировать «Вильгельма Телля»[278]. С силами, официально

* — «Предупреждением». *Ред.*

управляющими Европой, очевидно, случилось то, что в прежние времена так часто сбивало с толку астрономов, — неверное вычисление срока круговорота светил.

Тем временем два года круговорота «lesser Empire»* истекли. Во время первого круговорота, от 1852 до 1854 г., происходило бесшумное выветривание, которое можно было почувствовать обонянием, но не слухом. Война с Россией послужила при этом safety valve**. Иначе обстояло дело при втором круге в 1856— 1858 годах. Внутренним развитием Франции псевдо-Бонапарт был отброшен к моменту государственного переворота. Бомбы Орсини возвестили бурю. Несчастному любовнику мисс Кутс пришлось отречься от власти в пользу своих генералов. Франция — неслыханное дело — по испанскому обычаю была разделена на пять генерал-капитанств[279], причем вся операция прошла под звездой страдающей метеоризмом Евгении. Учреждение регентства фактически передало власть из рук императора-Квазимодо в руки Пелисье, орлеанистского специалиста по поджариванию арабов на огне[280]. Однако возобновление terreur*** уже не внушало страха. Вместо того чтобы казаться страшным, голландский племянник Аустерлицкой битвы кажется уродливо смешным. N'est pas monstre qui veut!**** Монталамбер мог разыгрывать в Париже Гемпдена[281], а Прудон проповедовать в Брюсселе луи-филиппизм с Acte additionel[282]. Восстание в Шалоне[283] доказало, что сама армия видела в реставрированной империи пантомиму, заключительная сцена которой приближается.

Луи Бонапарт снова достиг рокового момента, когда официальная Европа должна была понять, что опасность революции можно отвратить лишь пародией на какую-нибудь новую статью старой наполеоновской программы. Пародия началась с того, чем Наполеон кончил, — с русского похода. Почему бы не продолжить ее тем, чем Наполеон начал, т. е. итальянской кампанией? Из всех европейских персон Австрия была наименее grata*****. Пруссия желала отомстить ей за Варшавский конгресс, за Бронцелльское сражение и за поход к Северному морю. Пальмерстон издавна свидетельствовал свои цивилизаторские стремления ненавистью к Австрии. Россия со страхом восприняла объявление Австрии о том, что ее банк снова будет платить наличными. Когда в 1846 г. в первый раз с незапамятных времен австрийское казначейство оказалось без дефицита,

* — «малой Империи». *Ред.*
** — отдушиной. *Ред.*
*** — террора. *Ред.*
**** — не всякому дано быть чудовищем! *Ред.*
***** — желанной. *Ред.*

Россия подала знак к краковской революции[284]. Наконец, Австрия была bete noire[*] для либеральной Европы. Таким образом, второй театральный аттиловский поход Бонапарта должен был состояться против Австрии, но под известными условиями: никакой уплаты военных издержек, никакого расширения французских границ, «локализация» войны в границах здравого смысла, т. е. в пределах области, необходимой для вторичного славного кровопускания Франции.

При таких обстоятельствах, поскольку комедия все же разыгрывалась, Пруссия решила, что и для нее наступил момент с разрешения начальства и при хорошей страховке сыграть большую роль. Мир в Виллафранке поставил ее, одураченную, к позорному столбу перед всей Европой. При своих крупных успехах в конституционализме, выразившихся в росте ее государственного долга в геометрической прогрессии, она сочла уместным приложить к ранам в виде пластыря blue book of its own make[285]. В следующей статье мы выслушаем ее собственную апологию.

[*] — буквально; «черным зверем», то есть страшилищем, предметом ненависти. *Ред.*

II

Когда Пруссия регентства говорит так же, как и пишет, тогда легко обнаруживается ее зарекомендовавший себя в европейской «Комедии ошибок»[*] талант не -только понимать превратно, но и бывать превратно понятой. В этом у нее есть известное сходство с Фальстафом, который не только сам отпускал остроты, но и других побуждал к ним.

14 апреля эрцгерцог Альбрехт прибыл в Берлин, где он оставался до 20-го. Он должен был сообщить регенту некую тайну и сделать ему некое предложение. Тайна касалась предстоящего австрийского ультиматума Виктору-Эммануилу. Предложение касалось войны на Рейне. Предполагалось, что эрцгерцог Альбрехт с 260 000 австрийцев и союзными южногерманскими корпусами должен действовать на западном берегу Верхнего Рейна, в то время как прусские и северогерманские корпуса под верховным прусским командованием образовали бы северную армию на Рейне. Вместо одного «союзного главнокомандующего» руководить должны были Франц-Иосиф и принц-регент сообща из одной главной квартиры.

Пруссия не только тотчас же со сдержанным негодованием отвергла план войны, но и «сделала эрцгерцогу Альбрехту энергичные возражения против *внезапного* предъявления ультиматума».

Когда Пруссия пускает в ход donkey power[**] (как известно, мощность больших машин определяется horsepower[***]) своей словоохотливой хитрости, то никто не может устоять против нее, и менее всего австриец. Регент и его четыре сателлита — Шлейниц, Ауэрсвальд, Бонин и г-н д-р Цабель — были «убеждены», что они «убедили» Австрию.

[*] — название известной комедии Шекспира. *Ред.*
[**] — ослиную силу. *Ред.*
[***] — лошадиными силами. *Ред.*

«Когда эрцгерцог Альбрехт», — говорится в одном полуофициальном прусском сообщении,— «20 апреля покинул Берлин, все *думали,* что поставленный на очередь смелый план отложен; но alas![*] несколько часов спустя после его отъезда телеграф из Вены сообщил о *предъявлении ультиматума».*

После объявления войны Пруссия отказалась объявить о своем *нейтралитете.* В *«Депеше прусским миссиям при немецких дворах»,* помеченной: *«Берлин, 24 июня»,* Шлейниц открывает нам тайну этого героического решения.

«Пруссия», — невнятно произносит он, — «никогда не отказывалась от своей позиции *посредничающей державы»* (в другой депеше говорится — *медиационной державы).* «Более того, с момента начала войны ее *главное стремление* было направлено к тому, чтобы сохранить эту *позицию,* для чего *она отказалась гарантировать свой нейтралитет,* воздержалась от дачи всяких обязательств *какой-либо* стороне и *таким образом* осталась вполне беспристрастной и *свободной* для *посреднического выступления».*

Другими словами: Австрия и Франция, две враждующие стороны, будут взаимно истощать свои силы в войне, «локализованной» на итальянской арене, в то время как Англия в качестве нейтральной страны (!) стоит далеко на заднем плане. Нейтральные державы сами парализовали себя, а у воюющих связаны руки, ибо им в борьбе нужны их кулаки. Между теми и другими парит, подобно еврипидовскому deus ex machina[**], «вполне беспристрастная и свободная» Пруссия. Посредник всегда добивается большего, чем стороны, между которыми он посредничает. Христос добился большего, чем Иегова, святой Петр — большего, чем Христос, поп — большего, чем святые, а Пруссия, вооруженный посредник, добьется большего, чем враждующие и нейтральные страны. Возможно, наступит такой момент, когда Россия и Англия подадут сигнал кончать комедию. Тогда они незаметно сунут в карман Пруссии свои тайные инструкции, между тем как она наденет на себя маску Бренна[286] Франция не будет знать, выступает ли Пруссия посредником в пользу Австрии, Австрия же не будет знать, посредничает ли Пруссия в пользу Франции, и обе не будут знать, не посредничает ли она против них обеих в пользу России и Англии. Она будет иметь право требовать доверия от «всех сторон» и внушать недоверие всем сторонам. Ее несвязанность будет связывать всех. Если бы Пруссия объявила себя нейтральной, то тогда нельзя было бы помешать, чтобы Бавария и другие члены Германского союза приняли сторону Австрии. А в качестве

[*] — увы! *Ред.*
[**] — буквально: «бог из машины» (в античном театре актеры, изображавшие богов, появлялись на сцене с помощью особых механизмов); в переносном смысле — неожиданно появляющееся лицо или обстоятельство, которое спасает положение. *Ред.*

вооруженного посредника, с нейтральными великими державами для прикрытия своих флангов и тыла, с туманным образом своего вечно грозящего свершиться «германского» подвига, Пруссия, целиком отдаваясь столь же таинственным, сколь глубоко обдуманным мероприятиям для спасения Австрии, имела право надеяться когда-нибудь жульническим путем учесть свой вексель на гегемонию в Германии. В качестве рупора Англии и России она могла внушить к себе почтение со стороны Германского союза, а в качестве его умиротворителя — втереться в доверие этих двух держав.

Пруссия — не только немецкая великая держава, но европейская великая держава, и к тому же «посредничающая держава», и сверх того тиран Германского союза! В ходе событий будет видно, как Шлейниц все более и более увязает в этом столь же остроумном, сколь возвышенном ходе мыслей. Доселе пятое колесо европейской государственной колесницы, великая держава «by courtesy», европейская персона «on sufferance»— этот самый пруссак оказывается теперь облеченным грандиозным полномочием «quos ego!»[287]. И все это, не извлекая меча, а всего лишь вскинув ружье на плечо и не проливая ничего, кроме слез регента и чернил его приспешников. В том, что Пруссия не стяжала себе даже славы Митлера из романа Гёте «Избирательное сродство», она, право же, неповинна.

Пруссия понимала, что в первом акте надлежало хмуриться на Австрию, отводить малейшее подозрение Луи Бонапарта и прежде всего хорошей игрой зарекомендовать себя перед Россией и Англией.

«Достигнуть этой цели, столь важной для наших интересов», — сознается Шлейниц в своей уже цитированной нами депеше, — «было *не легко* при том возбуждении, которое царило во многих германских государствах. К тому же нам вряд ли нужно напоминать о том, что направление нашей политики в этом отклонялось от политики большого числа германских правительств и что в частности Австрия была не согласна с нею».

Вопреки всем этим затруднениям, Пруссия успешно разыграла роль жандарма Германского союза. С конца апреля до конца мая она развернула свою посредническую деятельность, принудив своих сотоварищей по Германскому союзу к бездействию.

«Наши старания», — эвфемистически выражается Шлейниц, — «были *первым делом* направлены на то, чтобы предупредить *преждевременное* вовлечение Союза в войну».

В то же время берлинский кабинет открыл шлюзы либеральной прессы, которая недвусмысленно разъясняла бюргеру,

что если Бонапарт устремился в Италию, то лишь с целью освободить Германию от Австрии и создать германское единство под эгидой героя, который несомненно принадлежит нации, ибо он уже раньше был объявлен «национальной собственностью».

Что до известной степени затруднило действия Пруссии, так это наличие у нее «в свое время» призвания выступать не просто посредником, но «вооруженным» посредником. Она должна была, с одной стороны, сдерживать воинственные страсти, а с другой — призывать к оружию. Раздавая оружие, она должна была в то же время предостерегать против того, чтобы его пускали в ход.

«Не играй с огнестрельным оружием,
Оно чувствует боль, как и ты».

«Однако, если мы одновременно принимали все меры», — говорит Шлейниц, — «для охраны Германии, лежащей между обеими воюющими великими державами, и если органы Союза при пашем содействии тоже неустанно принимали оборонительные меры, то для нас возникла *новая обязанность* — следить за тем, чтобы эти меры внезапно не превратились в средства нападения и чтобы благодаря этому позиция Союза и *наша собственная* не оказалась серьезно скомпрометированной».

Однако «посредничающая держава», вполне понятно, не всегда могла односторонне действовать в одном и том же направлении. К тому же обнаружились опасные симптомы.

«К величайшему нашему сожалению», — говорит Шлейниц, — «появились признаки готовящихся особых соглашений в направлении, отклоняющемся от нашей политики, и серьезность положения должна была возбудить с нашей стороны *опасения,* что в результате непроизвольно могла бы все более проявиться тенденция к расторжению Союза».

С целью предотвратить эти «неурядицы» и начать второй акт «посредничества» была предпринята миссия генерала Виллизена в Вену. Ее результаты изложены в депеше Шлейница из Берлина от 14 июня, адресованной прусскому послу в Вене Вертеру. Когда Шлейниц пишет только членам Германского союза, он пользуется in ordinary[*] прусским чиновничьим стилем. Когда же он пишет иностранным великим державам, то, к счастью, это происходит на незнакомом ему языке. Но его депеши Австрии! Это — длиннейшие фразы, запутанные как ленточная глиста, выщелоченные в жидком мыле «готаизмов», посыпанные сухим канцелярским песком Укермарка[288] и полузатопленные потоками коварной берлинской treacle[**].

Если мы подвергаем подробному анализу некоторую часть берлинской Blue book[***], которой теперь уже три недели от

[*] — обычным. *Ред.*
[**] — патоки. *Ред.*
[***] — Синей книги. *Ред.*

роду, то нас побуждает к этому не каприз антиквара и не интерес к бранденбургской истории. Ведь речь идет о таких документах, о которых в настоящий момент немецкие либералы и демократы трубят, как о доказательстве будущего имперского призвания Пруссии.

Последняя депеша Шлейница, адресованная генералу Виллизену, была получена в Вене 27 мая. Депеши Вертера Шлейницу о приеме, оказанном Виллизену императорским кабинетом, помечены 29 и 31 мая. В течение полумесяца они остаются без ответа. Чтобы затушевать все противоречия между первоначальной «миссией» и ее «интерпретацией», последовавшей задним числом, в прусской blue book опущены как депеши Шлейница Виллизену, так и депеши Вертера Шлейницу, равно как и все переговоры между принцем-регентом и Бустрапой[289]. Австрийский министр иностранных дел Рехберг никак не мог восстановить *первоначальный текст,* ибо Виллизен и Вертер должны были сообщить ему прусские депеши не в письменном виде, но только *зачитать* их. Можно представить себе положение министра, который должен не прочитать, а выслушать период в таком роде;

«Руководимый желанием», — говорит Шлейниц, — «внести полную ясность в столь важное дело, я позаботился о том, чтобы в моем адресованном генералу фон Виллизену послании с полной определенностью изложить нашу точку зрения как в отношении того, что мы, со своей стороны, намереваемся предпринять при известных обстоятельствах, так и в отношении предпосылок, которые обязательно должны лежать в основе предполагаемых нами действий».

Прежде чем Шлейниц приготовился к официальному истолкованию миссии Виллизена в Вену, он с характерной для него осторожностью предоставил событиям идти своим собственным ходом. Австрийская армия проиграла сражение при Мадженте, очистила все ломбардские крепости и стремительно отступала за Кьезе. Нота Горчакова малым германским государствам, в которой он, грозя кнутом, предписывает им строжайший нейтралитет, попала в прессу[290]. Заподозренный в тайных симпатиях к Австрии, Дерби отказался от власти в пользу Пальмерстона. Наконец, 14 июня, в день отправки депеши Шлейница Вертеру, прусский правительственный вестник[291] напечатал указ о мобилизации шести прусских армейских корпусов. Миссия Виллизена в Вену и вслед за ней эта мобилизация! Вся Германия была полна разговорами о прусской геройской осмотрительности и о прусском осмотрительном геройстве.

Обратимся наконец к депеше Шлейница, адресованной прусскому послу в Вене. «Великодушные слова» сорвались с уст

регента. Далее Виллизен тоном оракула вещал о «честнейших намерениях», «бескорыстнейших планах» и «искреннейшем доверии»; граф Рехберг «высказал свое согласие с принятой нами точкой зрения». Однако тот же Рехберг, этот венский Сократ, пожелал перенести, наконец, дискуссию с заоблачных высот фразеологии на прозаическую почву фактов. «Особенное значение» придавал он тому, чтобы «увидеть прусские намерения сформулированными». В соответствии с этим Пруссия пытается с помощью пера Шлейница «уточнить» «намерения» «миссии» Виллизена. Поэтому он «резюмирует в дальнейшем намерения, сообщенные нами в происшедшем в Вене *обмене мыслями»*. Это «резюмирующее дальнейшее» мы изложим здесь вкратце. Смысл миссии Виллизена был таков. Пруссия имеет, «при наличии определенной предпосылки, твердо установленные намерения». Шлейницу следовало бы сказать, что Пруссия имеет неопределенные намерения при твердо установленной предпосылке. *Предпосылка* заключалась в том, чтобы Австрия предоставила Пруссии инициативу в Германском союзе, отказалась от сепаратных договоров с германскими дворами, словом временно предоставила Пруссии гегемонию в Германии; *намерение* заключалось в том, чтобы обеспечить Австрии «владение итальянскими областями, основанное на договорах 1815 г.» и «на этой основе добиться мира». Отношения Австрии к прочим итальянским государствам и «отношения этих последних» Пруссия считает «открытым вопросом». Если «итальянские владения» Австрии «подвергнутся серьезной угрозе», то Пруссия попытается «предпринять вооруженное посредничество» и в

«соответствии с успехами последнего будет действовать дальше для достижения намеченной выше цели, как этого требуют ее обязанности европейской державы и высокое призвание немецкой нации».

«Наш собственный интерес», — говорит незаинтересованный Шлейниц, — «предписывает нам *не запаздывать* с вмешательством. Однако *выбор момента* как для посредничества, так и для вытекающих из него дальнейших действий Пруссии надлежит предоставить *свободному усмотрению королевского двора».*

Шлейниц, во-первых, утверждает, что этот переданный Виллизеном «обмен мыслями» был охарактеризован Рехбергом как «обмен мнениями»; во-вторых, что намерения и предпосылки Пруссии «должны были получить согласие императорского двора», и в-третьих, что Рехберг, будучи, по-видимому, врагом чистого мышления, хотел «обмен мыслями» превратить в «обмен дипломатическими нотами», в «согласие обоих кабинетов, засвидетельствованное писанными документами», одним словом, желал прусскую «предпосылку» и прусское «намерение» видеть «констатированными» черным по белому. Но тут благородное созна-

ние Шлейница возмущается. Какую цель преследует требование Рехберга? Действительное превращение нашей *«самой тайной, доверительно сообщенной политической идеи* в связывающее нас обещание».

Шлейниц выполняет действительные тайные упражнения в политическом мышлении, а Рехберг хочет недосягаемую идею связать с низменными нотами! Quelle horreur* для берлинского мыслителя! К тому же подобный обмен нотами был бы похож на «гарантию» австрийских владений в Италии. Как будто Пруссия хочет что-нибудь гарантировать! К тому же обмен мыслями, кощунственно превращенный в обмен нотами, «был бы тотчас же понят Францией и Россией, — и *вполне логично,* — как engagement formel** и как вступление в войну». Словно Пруссия когда-либо собиралась вмешаться в войну или желала скомпрометировать себя перед кем-либо, а тем более перед Францией и Россией! Наконец, и это главное, такой обмен нотами, «очевидно, сделал бы невыполнимой предполагаемую попытку посредничества». Должна же Австрия понять, что дело идет не о ее итальянских владениях, не о договорах 1815 г., не о французской узурпации, не о русском мировом владычестве и вообще не о низменных интересах, а о том, чтобы было положено начало европейским осложнениям, дабы нежданно-негаданно создать для Пруссии новое высокое «положение» в качестве «посредничающей державы». Шекспировский бродяга, который, заснув лудильщиком, просыпается лордом[292], говорит не столь высокопарно, как Шлейниц, когда им овладевает навязчивая идея о призвании Пруссии как европейской «вооруженной посредничающей державы». Подобно тарантулу жалит и преследует его «uneasy conviction, that he ought to act up to his new-born sublimity of character»***.

«Доверие», с которым Шлейниц шепчет на ухо Рехбергу навязчивую идею о призвании Пруссии как посредничающей державы, позволяет ему, как он говорит, «надеяться встретить у императорского двора доверие, соответствующее нашему». Со своей стороны Рехберг требует копию этой курьезной ноты Шлейница. Чтобы подтвердить документом прусское доверие, заявляет Вертер, он, «согласно своим инструкциям», уполномочен зачитать ноту, но ни в коем случае не оставлять это corpus delicti****. Тогда Рехберг потребовал от Вертера отправиться

* — Какой ужас. *Ред.*

** — официальное обязательство. *Ред.*

*** — «беспокойное убеждение, что ему нужно действовать сообразно новоявленному величию его характера». *Ред.*

**** — вещественное доказательство, улики. *Ред.*

с ним к Францу-Иосифу в Верону, чтобы последний, «по крайней мере устно, получил точные и исчерпывающие сведения относительно взглядов Пруссии». Однако прусское «доверие» восстает также и против этого требования, и Рехберг с иронической покорностью замечает, что «если в своем ответе он, быть может, не сумеет вполне правильно следовать за всем ходом мыслей берлинской депеши», то это следует приписать тому, что периоды Шлейница ему были только зачитаны.

Ответ Рехберга, направленный австрийскому послу в Берлине Коллеру, датирован: Верона, 22 июня. Этот ответ заставляет сомневаться в том, что смысл миссии Виллизена в конце мая и берлинское толкование этой миссии в середине июня между собой согласуются.

«На основании моих прежних переговоров с ним» (Вертером) «и с генералом фон Виллизеном», — говорит Рехберг, — «я не пришел к заключению, что берлинский кабинет по отношению к нам все еще будет держаться до такой степени настороже, что даже уклонится от всякого документального засвидетельствования своих намерений».

Однако миссия Виллизена еще менее подготовила Рехберга к тому, чтобы признать возвышенное призвание Пруссии быть вооруженной посредничающей державой в Европе. По словам Рехберга, главное, в чем действительно заключалась суть дела, это «независимость Европы от верховенства Франции». Сами события разоблачили пустоту и ничтожество «предлогов», «под которыми наши противники хотели благовидным образом скрыть свои истинные намерения до того момента, пока они не созреют». «Кроме того, как член Германского союза Пруссия имеет обязательства, с которыми сохранение посреднической роли может в любой момент стать несовместимым». Наконец, Австрия надеялась видеть Пруссию «в качестве союзника» на своей стороне и потому с самого начала отвергла ее призвание как «посредника». Поэтому если Австрия с начала осложнений в Италии высказалась против прусских «попыток занять позицию посредника», то, очевидно, она еще менее могла бы когда-либо одобрить «вооруженное посредничество Пруссии».

«Вооруженное посредничество», — говорит Рехберг, — «по самой сущности этого понятия, заключает в себе *возможность войны* против *обеих сторон.* К счастью, между Пруссией и Австрией такой возможности не существует, и потому мы не можем себе представить *в отношениях между этими двумя державами* вооруженного посредничества Пруссии. Как название, так и то, что за ним скрывается, по-видимому, всегда должны остаться исключенными из отношений двух держав».

Итак, Рехберг возражает против депеши Шлейница и ее толкования миссии Виллизена. Он находит, что с конца мая топ Пруссии изменился; он решительно отрицает, что Австрия

признала за Пруссией возвышенное призвание быть вооруженной посредничающей державой. На Шлейнице лежит обязанность разъяснить это недоразумение № 2 (недоразумение № 1 произошло между эрцгерцогом Альбрехтом и принцем-регентом) путем опубликования своей депеши Виллизену и депеш Вертера, адресованных ему.

Впрочем, Рехберг отвечает как австриец, да и почему бы австрийцу в разговоре с пруссаком менять свою натуру? Почему бы Пруссии не «гарантировать» Австрии ее владений в Италии? Разве подобная гарантия, спрашивает Рехберг, не соответствует духу Венских договоров?

«Разве могла бы Франция в эпоху после Венского конгресса и вплоть до наших дней рассчитывать встретить хотя бы одного из своих врагов изолированным, если бы она пожелала опрокинуть существенную часть установленного договорами устройства Европы? Франция не могла и помышлять о том, чтобы посягнуть путем локализованной войны на установленные границы владений».

Впрочем, «обмен нотами» еще не представляет «основанной на договоре гарантии». Австрия, по словам Рехберга, «хотела только принять к сведению» добрые намерения Пруссии. Однако, в угоду Шлейницу, она будет держать в совершенном секрете его совершенно секретные политические мысли. Что касается мира, замечает Рехберг, то Пруссия сколько угодно может делать мирные предложения Франции, «при условии, что эти предложения сохраняют в неприкосновенности территориальный статус 1815 г. и суверенные права Австрии и прочих итальянских государей».

Другими словами, в своих «доверительных сообщениях Пруссии», как посредничающей державе, Австрия вовсе не имеет склонности выйти из границ ничего не значащих общих мест. Напротив, коль скоро Пруссия «выступает в качестве активного союзника, то о выработке мирных условий речь может идти вообще только с общего согласия обеих держав».

Наконец, Рехберг налагает свои персты на прусские рубцы от ран. Австрия, по его словам, согласилась на «намерение» Пруссии взять на себя инициативу в Союзном сейме при наличии той «предпосылки», что прусский обмен мыслями превратится в обмен нотами. Но вместе с предпосылкой отпадает также и вывод. Даже Шлейниц со свойственной ему способностью понимания «поймет», что так как Берлин «ни в каком отношении не взял на себя связывающего его обязательства», так как он сам «отодвинул момент принятия своих решений относительно вооруженного посредничества» на неопределенное «будущее и оставил за собой право выбора такого момента», то и Вена,

со своей стороны, «должна полностью сохранить за собой свободу в области германских союзных отношений».

Таким образом, попытка Пруссии выманить у Австрии признание своего преобладания в Германии и полномочия на высокую роль европейской посредничающей державы окончилась решительной неудачей. А за это время произведена была мобилизация шести прусских армейских корпусов. Пруссия должна была дать Европе объяснения. Поэтому в своем «циркулярном послании от 19 июня прусским посольством при европейских державах» Шлейниц объявляет:

«Своей мобилизацией Пруссия заняла позицию, более соответствующую нынешнему положению, не отказываясь при этом от своих принципов умеренности... *Политика Пруссии осталась той же, какой она* следовала с *начала осложнений* в итальянском вопросе. Однако теперь она привела *в соответствие с* создавшимся положением также и свои *средства* для разрешения этого вопроса».

А чтобы не оставалось никакого сомнения ни относительно политики, ни относительно ее средств, послание оканчивается заявлением, что «намерение Пруссии состоит в том, чтобы *предотвратить раскол в Германии».*

Даже это свое заявление кающегося грешника правительство регента сочло нужным смягчить «совершенно доверительными» сообщениями, адресованными Франции. Еще непосредственно перед началом войны общий друг Бустрапы и регента живописец-баталист Ж.* был отправлен первым с поручением в Берлин. Он привез с собой обратно заверения в дружбе. А во время мобилизации в Париж были направлены официальные и полуофициальные уверения такого содержания:

«Франция ни в коем случае не должна истолковывать в дурную сторону военные мероприятия Пруссии. Мы не строим себе никаких иллюзий, мы знаем, сколь неблагоразумной была бы война с Францией, какие опасные последствия она повлекла бы за собой. Но пусть император отдаст себе отчет, в каком трудном положении мы находимся. На правительство прннца-регента оказывается давление со всех сторон. Мы находимся перед лицом подозрительной настороженности и принуждены считаться с ней».

Или:

«Мы произведем мобилизацию, но ни в коем случае не надо думать, что это — наступательная мера против Франции. В качестве quasi** главы Германского союза регент должен не просто защищать интересы Союза, но также занять внутри страны положение, которое позволило бы ему предотвратить опрометчивые поступки и принудить другие германские государства следовать его политике умеренности. Пусть император это оценит и приложит все усилия к тому, чтобы облегчить нам нашу задачу».

* По-видимому, речь идет о Жинене. *Ред.*
** — в некотором роде. *Ред.*

В своих комических уловках Пруссия дошла до того, что стала просить французское правительство:

«Пусть правительственные газеты не очень выделяют Пруссию за счет Баварии, Саксонии и т. д.; это могло бы только скомпрометировать Пруссию».

Таким образом, Валевский с полным правом заявил в своем циркулярном послании от 20 июня:

«Новые военные мероприятия, предпринятые Пруссией, не внушают нам *никаких опасений...* Прусское правительство, мобилизуя часть своей армии, поясняет, что оно не имеет никаких других намерений, кроме охраны безопасности Германии и установления такого положения, при котором оно могло бы иметь справедливое влияние на дальнейший ход посредничества наряду с двумя другими великими державами».

Высокое *призвание Пруссии как вооруженной посредничающей державы* уже настолько вошло в пословицу у великих держав, что Валевский даже отважился на плохую остроту, будто бы Пруссия объявила мобилизацию не против Франции, а против «двух других великих держав», которые хотели лишить ее «справедливого» влияния на «заключение соглашения». Так закончился второй акт прусского посредничества. Первый акт прусского посредничества — с конца апреля до конца мая — вынес Германии приговор: «La mort sans phrase»[293]. Во втором акте — с конца мая до 24 июня — паралич «великого отечества» украшается фразой о миссии Виллизена и арабеской прусской мобилизации. Заключительная сцена этого второго акта разыгрывается при малых германских дворах, которые получают для *заслушания* ноту Шлейница. Шлейниц, подобно Штиберу, любит «смешанную» устную процедуру. Из его уже упомянутой нами ноты, датированной: Берлин, 24 июня, и «обращенной к прусским миссиям при германских дворах», мы приводим здесь только два места. Почему Пруссия не согласилась исполнить австрийское желание превратить «обмен мыслями» в «обмен нотами»?

«Выполнение этого желания», — нашептывает Шлейниц германским дворам, — «было бы равносильно *гарантии* австрийского владения *Ломбардией.* Взять на себя обязательство по поводу *неопределенных случаев* для Пруссии совершенно нереально»,

Таким образом, с берлинской точки зрения потеря Ломбардии не представляла «серьезной угрозы для австрийских владений в Италии» и не была тем «определенным случаем», который подкарауливал прусский меч, чтобы выйти из ножен.

«Далее следовало», — продолжает Шлейниц, — «воздерживаться даже от *всякого формального обязательства,* которое могло бы *изменить наше положение посредничающей державы».*

Итак, прусское посредничество не стремилось к тому, чтобы изменять «неопределенные случаи» в интересах Австрии; скорее напротив, назначение всех вероятных случаев заключалось в том, чтобы оставить неизменным «положение Пруссии как посредничающей державы». Между тем как Пруссия категорически требует от Австрии предоставления ей инициативы в Германском союзе, сама она преподносит Австрии сомнительный эквивалент в виде прусской доброй воли, гарантированной добрыми прусскими намерениями. Луковый суп с изюмным соусом, как говорят берлинские поденщики[294].

В третьем акте посредничества Пруссия появляется, наконец, в роли европейской великой державы, и Шлейниц изготовляет депешу в двух экземплярах, из которых один адресован графу Берншторфу в Лондон, а другой барону Бисмарку в Петербург; первый для прочтения лорду Джону Расселу, а второй — князю Горчакову. Половина депеши состоит из поклонов и извинений. Пруссия мобилизовала часть своих военных сил, и Шлейниц неистощим в обосновании этого отважного шага. В общей ноте от 19 июня, направленной европейским великим державам, этот шаг объявлялся охраной германской союзной территории, осуществлением Пруссией своей роли вооруженной посредничающей державы, в особенности же средством «предупреждения раскола в Германии». В послании к членам Германского союза говорится, что «эта мера должна была связать военные силы Франции и значительно облегчить положение Австрии». В депеше Англии и России в качестве мотивов выступают «вооружения соседей», «наблюдение за ходом событий», «приближение военных действий к германской границе», достоинство, интересы, призвание и т. д. Однако, «с другой стороны», и «тем не менее» и «я повторяю это, г-н граф, г-н барон», Пруссия своими вооружениями не имеет в виду ничего плохого. В ее намерения, «конечно, не входит создавать новые осложнения». Она преследует «лишь ту же цель, к которой она за последнее время стремилась в согласии с Англией и Россией». Nous n'entendons pas malice!* — восклицает Шлейниц.

«Мы желаем лишь *мира»,* и «мы с доверием обращаемся к лондонскому и петербургскому кабинетам, чтобы в союзе с ними изыскать средства для прекращения кровопролития».

Чтобы показать себя достойной доверия Англии и России, Пруссия отстаивает как незыблемую догму два англо-русских тезиса. Первый гласит — Австрия вызвала войну своим уль-

* — Мы не замышляем ничего дурного! *Ред.*

тиматумом; второй — борьба идет из-за либерально-административных реформ и из-за уничтожения австрийского протектората над соседними итальянскими государствами. Примирение прав австрийского императорского дома с национально-либеральной «реорганизационной деятельностью» — вот к чему стремится Пруссия. Наконец, она верит, как выражается Шлейниц, в selfdenying declarations* Луи Бонапарта.

И эти-то бессодержательные пошлости представляют все, что Пруссия «с полным доверием и чистосердечной откровенностью» сконфуженно лепечет о своих «посреднических планах» нейтральным великим державам. Шлейниц, «трезвый, скромный малый», опасается «в известной степени повредить вопросу дальнейшим уточнением своих *идей».* Однако его навязчивая идея прорывается в конце концов наружу: Пруссия считает себя *«призванной* к роли вооруженной посредничающей державы». Пусть Англия и Россия признают это призвание! Пусть они «выскажут свои взгляды относительно разрешения нынешних осложнений и относительно способа сделать это разрешение приемлемым для борющихся сторон». Пусть они дадут прежде всего Пруссии инструкции, которые позволят ей, с высшего разрешения начальства, так сказать, avec garantie du gouvernement** взять на себя роль посредничающего льва! Итак, Пруссия хочет сыграть роль европейского lion***, но так, как его играет столяр Миляга.

Лев. Но я не лев и не его подруга;
Я лишь столяр; не надобно испуга
Когда б как лев забрался я сюда,
Ведь мне была бы самому беда.
Тезей. Какое кроткое животное и какое рассудительное!
Лизандр. Этот лев по храбрости — настоящая лисица.
Тезей. Верно, а по благоразумию — настоящий гусь****.

Депеша Шлейница помечена 24 июня, днем сражения при Сольферино. Обе копии депеши еще лежали на письменном столе Шлейница, когда в Берлин прибыло известие о поражении Австрии. Одновременно почта доставила депешу лорда Джона Рассела[295], «в которой прежний little man***** г-на Брума», tom-tit of English liberalism******, глашатай ирландских «coercion bills»[296] посвящает Пруссию в итальянские планы Пальмерстона. Магдебург лежит не на Минчо, а Бюккебург не на

* — бескорыстные заявления. *Ред.*
** — с правительственной гарантией. *Ред.*
*** — льва. *Ред.*
**** Шекспир. «Сон в летнюю ночь», акт V, сцена первая. *Ред.*
***** — маленький человек. *Ред.*
****** — птичка-невеличка английского либерализма. *Ред.*

Адидже, равно как Харидж лежит не на Ганге, а Солфорт не на Сатледже. Но Луи Бонапарт заявил, что его не тянет в Магдебург и Бюккебург. Зачем же раздражать галльского петуха тевтонской грубостью? Джек Рассел делает даже открытие, что если «победа» на поле сражения будет *«решительной»,* то «противники, *вероятно*, весьма охотно согласятся *прекратить* изнурительную борьбу». Опираясь на это премудрое открытие, порицая воинственные вожделения Германии, хваля «умеренное и просвещенное поведение» Пруссии, Рассел рекомендует Шлейницу копировать Англию «настолько точно», «насколько это позволит положение в Германии»! Наконец, этот Jack of all trades* вспоминает о «высоком посредническом призвании» Пруссии, и с обычной легкой, кисло-сладкой усмешкой этот человечек бросает на прощание своему ученику в области конституционализма следующие утешительные слова:

«Возможно, что весьма близко то время, когда голос дружественных держав-примирительниц будет выслушан со вниманием и предложения заключить мир уже не останутся безуспешными!» (депеша *Рассела* лорду Блумфилду в Берлин, датированная; Лондон, 22 июня).

Написано К. Марксом в конце июля — середине августа 1859 г.

Напечатано в газете «Das Yolk» №№ 13, 14, 15 и 16; 30 июля, 6, 13 и 20 августа 1859 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

* — на все руки мастер. *Ред.*

Ф. ЭНГЕЛЬС

КАРЛ МАРКС. «К КРИТИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ»

ПЕРВЫЙ ВЫПУСК, БЕРЛИН, ФРАНЦ ДУНКЕР, 1859 [297]

I

Немцы давно уже доказали, что во всех областях науки они равны остальным цивилизованным нациям, а в большей части этих областей даже превосходят их. Только среди корифеев одной науки — политической экономии — не было ни одного немецкого имени. Причина этого понятна. Политическая экономия есть теоретический анализ современного буржуазного общества и предполагает поэтому развитые буржуазные отношения, отношения, которые в Германии в течение столетий, со времени войн Реформации и Крестьянской войны, а особенно со времени Тридцатилетней войны, не могли возникнуть. Отделение Голландии от империи[298] оттеснило Германию от мировой торговли и с самого же начала свело ее промышленное развитие к самым ничтожным размерам; и в то время как немцы с таким трудом и так медленно оправлялись от опустошений гражданских войн, в то время как они растрачивали всю свою гражданскую энергию, которая никогда не была особенно велика, в бесплодной борьбе против таможенных границ и сумасбродных торговых правил, которым каждый мелкий князек и имперский барон подчинял промышленность своих подданных, в то время как имперские города приходили в упадок в условиях мелочной цеховщины и патрицианской спеси — в это время Голландия, Англия и Франция завоевывали первые места в мировой торговле, основывали колонию за колонией и развивали мануфактурную промышленность до высшего расцвета, пока, наконец, Англия благодаря пару, который впервые придал ценность ее залежам угля и железа, не стала во главе современного буржуазного развития. Но пока приходилось вести борьбу против до смешного застарелых пережитков средневековья,

сковывавших до 1830 г. материальное буржуазное развитие Германии, до тех пор была невозможна немецкая политическая экономия. Только с основанием Таможенного союза немцы достигли такого положения, при котором они вообще смогли лишь *понять* политическую экономию. С этого времени действительно начался импорт английской и французской политической экономии на потребу немецкой буржуазии. Вскоре ученая братия и бюрократия овладели импортированным материалом и обработали его таким способом, который не делает особой чести «немецкому духу». Пестрая компания пописывающих аферистов, купцов, школьных наставников и бюрократов создала тогда немецкую экономическую литературу, которая по своей пошлости, поверхностности, отсутствию мысли, многословию и плагиату сродни только немецкому роману. В среде людей практического направления образовалась сначала школа протекционистов-промышленников, авторитет которой, Лист, все еще является самым лучшим из того, что произвела немецкая буржуазная экономическая литература, хотя все его прославленное произведение списано у француза Ферье, теоретического родоначальника континентальной системы. В противовес этому направлению в 40-х годах возникла школа свободной торговли из купцов прибалтийских провинций, которые с детски-наивной, но не бескорыстной доверчивостью перепевали доводы английских фритредеров. Наконец, среди школьных наставников и бюрократов, которые взяли на себя теоретическую разработку науки, имелись худосочные и некритические собиратели фактов, вроде г-на Рау, умничавшие спекулятивные философы, переводившие положения иностранных авторов на язык непонятого ими Гегеля, вроде г-на Штейна, или впадавшие в беллетристику крохоборы в области «истории культуры», вроде г-на Риля. Из всего этого, в конце концов, получилась камералистика[299], какая-то каша из всякой всячины, политая эклектически-экономическим соусом, — то, что требуется знать к государственному экзамену на должность правительственного чиновника.

В то время как буржуазия, школьные наставники и бюрократия в Германии еще бились над тем, чтобы заучить наизусть и хоть сколько-нибудь понять начала англо-французской политической экономии, относясь к ним как к непререкаемым догмам, появилась немецкая пролетарская партия. Все содержание ее теории возникло на основе изучения политической экономии; с момента ее выступления берет свое начало также и научная, самостоятельная *немецкая политическая экономия.* Эта немецкая политическая экономия базируется в сущности

на *материалистическом понимании истории,* основные черты которого кратко изложены в предисловии к разбираемому произведению[*]. Это предисловие в основной своей части было уже напечатано в «Das Volk», поэтому мы п отсылаем туда читателя. Не для одной только политической экономии, а для всех исторических наук (а исторические науки суть те, которые не являются науками о природе) явилось революционизирующим открытием то положение, что «способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще», что все общественные и государственные отношения, все религиозные и правовые системы, все теоретические воззрения, появляющиеся в истории, могут быть поняты только тогда, когда поняты материальные условия жизни каждой соответствующей эпохи и когда из этих материальных условий выводится все остальное. «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание». Это положение настолько просто, что оно должно было бы быть само собой разумеющимся для всякого, кто не завяз в идеалистическом обмане. Из него вытекают, однако, в высшей степени революционные выводы не только для теории, но и для практики: «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха *социальной революции.* С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке... Буржуазные производственные отношения являются последней антагонистической формой общественного процесса производства, антагонистической не в смысле индивидуального антагонизма, а в смысле антагонизма, вырастающего из общественных условий жизни индивидуумов; но развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы создают вместо с тем материальные условия для разрешения этого антагонизма»[**]. Таким образом, при дальнейшем развитии нашего материалистического тезиса и при его применении к современности нам сразу открывается перспектива великой, величайшей революции всех времен.

Положение, что сознание людей зависит от их бытия, а не наоборот, кажется простым; однако при ближайшем рассмотрении

[*] См. настоящий том, стр. 5—9. *Рвд.*
[**] См. настоящий том, стр. 7—8. *Ред.*

немедленно обнаруживается, что это положение уже в своих первых выводах наносит смертельный удар всякому, даже самому скрытому идеализму. Этим положением отрицаются все унаследованные и привычные воззрения на все историческое. Весь традиционный способ политического мышления рушится; патриотическое прекраснодушие с возмущением восстает против столь нечестивого воззрения. Новое мировоззрение неизбежно наталкивается поэтому на сопротивление не только со стороны представителей буржуазии, но и со стороны массы французских социалистов, которые желают перевернуть мир при помощи магической формулы: *liberte, egalite, fraternite*[*]. Но особенно великий гнев возбудила эта теория в среде немецких вульгарно-демократических крикунов. И тем не менее они с большим рвением пытались плагиаторски использовать новые идеи, правда, обнаружив при этом редкое непонимание их.

Развитие материалистического понимания хотя бы на одном единственном историческом примере представляло собой научную работу, требовавшую многолетних спокойных занятий, ибо ясно, что одними фразами туг ничего не сделаешь, что только при помощи большого, критически проверенного, в совершенстве усвоенного исторического материала можно разрешить такую задачу. Февральская же революция бросила нашу партию на политическую арену и тем самым сделала для нее невозможным преследование чисто научных целей. Тем не менее основное воззрение проходит красной питью через все литературные произведения партии. В них повсюду, в каждом отдельном случае, показывается, каким образом политическое действие всякий раз возникало вследствие прямых материальных побудительных причин, а не вследствие сопровождающих их фраз, каким образом, наоборот, политические и юридические фразы точно так же порождаются материальными побудительными причинами, как и политическое действие и его результаты.

После поражения революции 1848—1849 гг. наступил момент, когда становилось все более и более невозможным воздействовать на Германию из-за границы; тогда наша партия предоставила поле эмигрантских склок вульгарной демократии, ибо склоки остались единственно возможным действием. И в то время как вульгарная демократия с удовольствием занималась этими склоками, сегодня затевая потасовку, чтобы завтра начать братание, а послезавтра снова стирать свое грязное белье перед

[*] — свобода, равенство, братство. *Ред.*

всем миром, в то время как эта вульгарная демократия выклянчивала себе деньги по всей Америке, чтобы тотчас после этого учинить новый скандал по поводу дележа нескольких добытых талеров, — наша партия была рада тому, что снова обрела некоторое спокойствие для научных занятий. Ее огромное преимущество состояло в том, что она имела в качестве теоретической основы новое научное мировоззрение, разработка которого доставила ей вполне достаточно занятий. Уже по одному этому она не могла так низко пасть, как «великие мужи» эмиграции.

Первым плодом этих исследований является лежащая перед нами книга.

II

В сочинении, подобном тому, которое лежит перед нами, не может быть и речи о простой критике отдельных, оторванных друг от друга положений политической экономии, об обособленном рассмотрении тех или других спорных экономических вопросов. Напротив, это сочинение с самого начала построено на систематическом охвате всего комплекса экономических наук, на связном изложении законов буржуазного производства и буржуазного обмена. А так как экономисты являются не чем иным, как толкователями и апологетами этих законов, то это изложение является в то же время критикой всей экономической литературы.

Со времени смерти Гегеля вряд ли была сделана хотя бы одна попытка развить какую-нибудь науку в ее собственной, внутренней связи. Официальная гегелевская школа усвоила себе из диалектики учителя только манипуляции простейшими приемами, которые она применяла всюду и везде, и к тому же часто до смешного неуклюже. Все наследие Гегеля ограничивалось для этой школы простым шаблоном, при помощи которого строилась любая тема, и списком слов и оборотов, годных только для того, чтобы вовремя вставлять их там, где не хватало мыслей и положительных знаний. Таким образом, получилось, как сказал один боннский профессор, что эти гегельянцы смыслили кое-что в «ничем», а писать могли обо «всем». Так это, конечно, и было. Однако у этих господ, несмотря на все их самомнение, настолько сильно было сознание собственной слабости, что они старались держаться по возможности дальше от больших задач; старая, рутинная наука удерживала свои позиции благодаря превосходству в положительных знаниях. И только когда Фейербах объявил несостоятельной умозрительную идею, гегельянство постепенно угасло, и стало казаться, что в науке снова началось царство старой метафизики с ее неподвижными категориями.

Это явление имело свою естественную причину. После режима гегелевских диадохов[300], приведшего к господству пустой фразы, естественно наступила эпоха, в которой положительное содержание науки снова возобладало над ее формальной стороной. В это время Германия набросилась с совершенно исключительной энергией на естественные науки, что соответствовало ее мощному буржуазному развитию со времени 1848 года; и по мере того как стали входить в моду эти науки, в которых спекулятивное направление никогда не играло сколько-нибудь значительной роли, снова распространилась также и старая метафизическая манера мышления, вплоть до самой крайней вольфовской пошлости. Гегель был забыт, развился новый естественно-научный материализм, который теоретически почти ничем не отличается от материализма XVIII века и имеет перед последним большей частью только то преимущество, что располагает более богатым, естественно-научным, в особенности химическим и физиологическим материалом. Крайне плоское воспроизведение этого ограниченного филистерского способа мышления докантовского периода мы находим у Бюхнера и Фогта; и даже Молешотт, который клянется Фейербахом, каждую минуту забавнейшим образом запутывается в самых простых категориях. Неповоротливый тяжеловоз обыденного буржуазного рассудка, конечно, останавливается в замешательство перед рвом, отделяющим сущность от явления, причину от следствия. Но когда собираются на охоту с гончими по чрезвычайно пересеченной местности абстрактного мышления, тогда как раз нельзя садиться на тяжеловоза.

Таким образом, тут надо было решать другой вопрос, который не имеет отношения к политической экономии как таковой. Какой метод научного исследования следует избрать? С одной стороны, имелась гегелевская диалектика в совершенно абстрактном, «спекулятивном» виде, в каком ее оставил после себя Гегель; с другой стороны, имелся обычный, ныне снова ставший модным, по преимуществу вольфовски-метафизический Метод, следуя которому буржуазные экономисты и писали свои бессвязные толстые книги. Этот последний настолько был теоретически разгромлен Кантом и в особенности Гегелем, что только косность и отсутствие другого *простого* метода могли сделать возможным его дальнейшее практическое существование. С другой стороны, гегелевский метод в *данной* его форме был абсолютно непригоден. Он был по существу идеалистическим, а тут требовалось развитие такого мировоззрения, которое было бы более материалистическим, чем все прежние. Он исходил из чистого мышления, а здесь надо было исходить из самых упрямых

фактов. Метод, который, по собственному признанию Гегеля, «от ничего через ничто пришел к ничему»[301], был в этом виде здесь совершенно неуместен. Тем не менее из всего наличного логического материала он был единственным, который можно было по крайней мере использовать. Этот метод не подвергался критике, он не был опровергнут, никто из противников великого диалектика не смог пробить брешь в гордом здании этого метода; он был забыт потому, что гегелевская школа не знала, что с ним делать. Поэтому надо было прежде всего подвергнуть гегелевский метод основательной критике.

Гегелевский способ мышления отличался от способа мышления всех других философов огромным историческим чутьем, которое лежало в его основе. Хотя форма была крайне абстрактна и идеалистична, все же развитие его мыслей всегда шло параллельно развитию всемирной истории, и последнее, собственно, должно было служить только подтверждением первого. Если при этом истинное отношение было перевернуто и поставлено на голову, то все же реальное содержание повсюду проникало в философию, тем более, что Гегель в отличие от своих учеников не делал добродетели из невежества, а был одним из образованнейших людей всех времен. Он первый пытался показать развитие, внутреннюю связь истории, и каким бы странным ни казалось нам теперь многое в его философии истории, все же грандиозность основных его взглядов даже и в настоящее время еще поразительна, особенно если сравнить с ним его предшественников или тех, кто после него отваживался пускаться в общие размышления об истории. В «Феноменологии», в «Эстетике», в «Истории философии»[302] — повсюду красной нитью проходит это великолепное понимание истории, и повсюду материал рассматривается исторически, в определенной, хотя и абстрактно извращенной, связи с историей.

Это составившее эпоху понимание истории было прямой теоретической предпосылкой нового материалистического воззрения, и уже благодаря этому была дана исходная точка также для логического метода. Если эта забытая диалектика, даже с точки зрения «чистого мышления», привела к таким результатам, если она к тому же, как бы играючи, покончила со всей прежней логикой и метафизикой, то, значит, в ней во всяком случае было что-то большее, чем просто софистика и схоластические изощрения. Но критика этого метода была нелегкой задачей; вся официальная философия боялась и теперь еще боится взяться за нее.

Маркс был и остается единственным человеком, который мог взять на себя труд высвободить из гегелевской логики то ядро,

которое заключает в себе действительные открытия Гегеля в этой области, и восстановить диалектический метод, освобожденный от его идеалистических оболочек, в том простом виде, в котором он и становится единственно правильной формой развития мысли. Выработку метода, который лежит в основе марксовой критики политической экономии, мы считаем результатом, который по своему значению едва ли уступает основному материалистическому воззрению.

Критику политической экономии, даже согласно выработанному методу, можно было проводить двояким образом: исторически или логически. Так как в истории, как и в ее литературном отражении, развитие в общем и целом происходит также от простейших отношений к более сложным, то историческое развитие политико-экономической литературы давало естественную руководящую нить, которой могла придерживаться критика; при этом экономические категории в общем и целом появлялись бы в той же последовательности, как и в логическом развитии. Эта форма на первый взгляд имеет преимущество большей ясности, так как тут прослеживается *действительное* развитие, но на самом деле она была бы в лучшем случае только более популярной. История часто идет скачками и зигзагами, и если бы обязательно было следовать за ней повсюду, то пришлось бы не только поднять много материала незначительной важности, но и часто прерывать ход мыслей. К тому же нельзя писать историю политической экономии без истории буржуазного общества, а это сделало бы работу бесконечной, так как отсутствует всякая подготовительная работа. Таким образом, единственно подходящим был логический метод исследования. Но этот метод в сущности является не чем иным, как тем же историческим методом, только освобожденным от исторической формы и от мешающих случайностей. С чего начинает история, с того же должен начинаться и ход мыслей, и его дальнейшее движение будет представлять собой не что иное, как отражение исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме; отражение исправленное, но исправленное соответственно законам, которые дает сам действительный исторический процесс, причем каждый момент может рассматриваться в той точке его развития, где процесс достигает полной зрелости, своей классической формы.

При этом методе мы исходим из первого и наиболее простого отношения, которое исторически, фактически находится перед нами, следовательно, в данном случае из первого экономического отношения, которое мы находим. Это отношение мы анализируем. Уже самый факт, что это есть *отношение,* означает,

что в нем есть две стороны, которые *относятся друг к другу.* Каждую из этих сторон мы рассматриваем отдельно; из этого вытекает характер их отношения друг к другу, их взаимодействие. При этом обнаруживаются противоречия, которые требуют разрешения. Но так как мы здесь рассматриваем не абстрактный процесс мышления, который происходит только в наших головах, а действительный процесс, некогда совершавшийся или все еще совершающийся, то и противоречия эти развиваются на практике и, вероятно, нашли свое разрешение. Мы проследим, каким образом они разрешались, и найдем, что это было достигнуто установлением нового отношения, две противоположные стороны которого нам надо будет развить и т. д.

Политическая экономия начинает с *товара,* с того момента, когда продукты обмениваются друг на друга отдельными людьми или первобытными общинами. Продукт, вступающий в обмен, является товаром. Но он является товаром только потому, что в этой *вещи,* в этом продукте, завязывается *отношение* между двумя лицами, или общинами, отношение между производителем и потребителем, которые здесь уже более не соединены в одном и том же лице. Здесь мы сразу имеем перед собой пример своеобразного явления, которое проходит через всю политическую экономию и порождает в головах буржуазных экономистов ужасную путаницу: политическая экономия имеет дело не с вещами, а с отношениями между людьми и в конечном счете между классами, но эти отношения всегда *связаны с вещами* и *проявляются как вещи.* Эта связь, о которой в отдельных случаях лишь догадывался тот или другой экономист, впервые была раскрыта Марксом во всем ее значении для всей политической экономии, и благодаря этому труднейшие вопросы он сделал такими простыми и ясными, что понять их смогут теперь даже буржуазные экономисты.

Если мы рассматриваем товар с его различных сторон и к тому же товар в его вполне развитой форме, а не в том состоянии, когда он еще с трудом развивается в первобытной меновой торговле между двумя первобытными общинами, то он нам представляется с двух точек зрения: потребительной стоимости и меновой стоимости. И тут мы тотчас вступаем в область экономических споров. Кто хочет иметь яркий пример того, что немецкий диалектический метод на своей теперешней ступени развития по меньшей мере настолько же превосходит старый, пошло-болтливый метафизический метод, насколько железные дороги превосходят транспортные средства средневековья, тот пусть прочтет у Адама Смита или у какого-либо другого официального экономиста с именем, какие мучения причиняет

этим господам меновая стоимость и потребительная стоимость, как трудно им четко отделить одну от другой и понять каждую в ее своеобразной определенности, а затем сопоставит все это с ясным, простым изложением данного вопроса у Маркса.

После того как проанализированы потребительная и меновая стоимости, товар предстает как непосредственное единство обеих, в том виде, как он вступает *в процесс обмена.* Какие противоречия тут возникают, читатель может найти на стр. 20—21*. Заметим только, что эти противоречия имеют не только абстрактный, теоретический интерес, но одновременно отражают и те трудности, которые проистекают из природы непосредственного менового отношения, из простой меновой торговли, отражают те невозможности, на которые неизбежно наталкивается эта первая грубая форма обмена. Разрешение этих невозможностей заключается в том, что свойство представлять меновую стоимость всех других товаров переносится на специальный товар — *деньги.* Деньги или простое обращение рассматриваются затем во второй главе, а именно: 1) деньги как *мера стоимостей,* причем тут же стоимость, измеряемая в деньгах, *цена,* получает свое более близкое определение, 2) как *средство обращения* и 3) как единство обоих определений, как *реальные деньги,* как представитель всего материального буржуазного богатства. Этим заканчивается изложение первого выпуска, переход же денег в капитал оставляется для второго выпуска.

Мы видим, что при этом методе логическое развитие вовсе не обязано держаться только в чисто абстрактной области. Наоборот, оно нуждается в исторических иллюстрациях, в постоянном соприкосновении с действительностью. Поэтому здесь и приводятся в большом разнообразии эти примеры как в виде указаний на действительный исторический ход вещей на разных ступенях общественного развития, так и в виде указаний на экономическую литературу, имеющих целью проследить с самого начала процесс выработки ясных определений экономических отношений. Критика отдельных, более или менее односторонних или запутанных воззрений в основном дана уже в самом логическом развитии и может быть изложена кратко.

В третьей статье мы перейдем к экономическому содержанию самой книги.

Написано Ф. Энгельсом 3—15 августа 1859 г.

Напечатано в газете «Das Volk» №№ 14 и 16, 6 и 20 августа 1859 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

---

* См. настоящий том, стр. 29—31. *Ред.*

К. МАРКС

БРИТАНСКАЯ ТОРГОВЛЯ

Британское министерство торговли только что опубликовало отчет об экспорте за первые шесть месяцев нынешнего года, тогда как его таблица объявленной стоимости импорта охватывает только пять месяцев, по 31 мая включительно[303]. Сравнивая соответствующие периоды 1858 и 1859 гг., мы находим, что, за некоторыми небольшими, не заслуживающими упоминания исключениями, британский импорт из Соединенных Штатов вообще уменьшился, по крайней мере по стоимости, тогда кар; британский экспорт в эту страну возрос, как по количеству, так и по стоимости. Для иллюстрации этого факта мы приводим из официального отчета следующие таблицы:

Британский экспорт в Соединенные Штаты за шесть месяцев, по 30 июня включительно

Статьи экспорта	Количество		Объявленная стоимость в ф. ст.	
	1858	1859	1858	1859
Бумажные ткани в ярдах….....	60 150 771	110 360 198	1 031 724	1 924 951
Скобяной и ножовый товар в центнерах*...………....	35 349	78 432	242 914	534 101
Льняные ткани в ярдах….......	17 379 691	31 170 751	515 416	961 956
Чугун в болванках, в тоннах....................................	22 745	39 370	68 640	111 319

* Английский центнер составляет $^{1}/_{20}$ так называемой большой тонны (1016 кг), или 50,8 *кг. Ред.*

Продолжение

Статьи экспорта	Количество		Объявленная стоимость в ф. ст.	
	1858	1859	1858	1859
Железные полосы, болты и прутья	21 463	56026	175 944	457 384
Кованое железо.......................	9 153	19368	113436	238 903
Листовое железо и гвозди, в центнерах........................	5293	15 522	28 709	77 840
Свинец, в тоннах..................	1214	1980	27 754	44 626
Масло (растительное), в галлонах	411769	930 784	50950	111 103
Шелковые изделия, в фунтах....................................	47 101	134 470	51277	144 413
Шерстяные сукна, в кусках ….	76311	81 686	273 409	421 006
Шерстяные ткани разные, в ярдах................................	13 897 331	30 893 901	562 749	1 188 859
Камвольные ткани, в кусках.....................................	185 129	489171	229 981	758 914
Фаянс и фарфор.....................	—	—	168 927	279 407
Галантерея и головные уборы.....................................	—	—	456 364	861 921
Белая жесть в листах...............	—	—	397 027	607 011

Британский импорт из Соединенных Штатов за пять месяцев, по 31 мая включительно

Статьи импорта	1858		1859	
Пшеница	371 452	ф. ст.	7 013	ф. ст.
Пшеничная и кукурузная мука	693 847	» »	14 666	» »
Хлопок (сырец)	11631 523	» »	10 486 418	» »

Отчет о британском экспорте показывает вообще увеличение не только в сравнении с 1858, но и с 1857 г., как видно из следующей таблицы:

Британский экспорт за шесть месяцев, по 30 июня включительно

Объявленная стоимость		
1857	1858	1859
60 826 881 ф. ст.	53 467 804 ф. ст.	63 003 159 ф. ст.

При более близком рассмотрении, однако, становится очевидным, что общее повышение стоимости экспорта 1859 г. сравнительно с 1857 г. является результатом расширения торговли с Индией и что, более того, произошло бы уменьшение общей суммы британской экспортной торговли 1859 г., по сравнению с 1857 г., больше чем на 2000000 ф. ст., если бы Индия с избытком не восполнила этот дефицит. Следовательно, на мировом рынке еще не совсем исчезли следы кризиса 1857 года. Наиболее важной и удивительной чертой отчета министерства торговли, без сомнения, является быстрое развитие британской экспортной торговли с Ост-Индией. Сначала проиллюстрируем этот факт официальными цифровыми данными:

Экспорт в Британскую Ост-Индию за шесть месяцев,
по 30 июня включительно
(в фунтах стерлингов)

	1856	1857	1858	1859
Пиво и эль................................	210 431	130 213	474 438	569 398
Бумажные материи, миткаль и т. д. ....………….....	2 554 976	3 116 869	4 523 849	6 094 433
Бумажная пряжа......…............	579 807	540 576	967 332	1 280 435
Фарфор и фаянс ......….............	30 374	23 521	43 915	43 195
Галантерея и головные уборы...............………………	39 354	70 502	77 319	105 723
Скобяной и ножовый товар…………………………….	84 758	101 083	139 813	153 423
Седла и шорные изделия….....	12 339	15 587	35 947	19 498
Машины, паровые двигатели и другие ....…………...	156 028	313 461	170 959	179 255
Железные полосы, болты и прутья (исключая рельсовую сталь)..................……………	306 201	228 838	166 321	172 725
Рельсовая сталь........................	—	272 812	475 413	578 749
Кованое железо (исключая рельсовую сталь)......…….......	266 355	217 484	192711	242 213
Медь необработанная....….......	62 928	34139	9 018	51 690
Железные листы и гвозди…...	144 218	228 325	318 381	205 213
Соль..	23 995	91 119	21 849	4 468
Канцелярские товары….........	66 495	19 968	86 425	89 711
Сукна.......................................	96 045	166 509	202 070	174 826
Итого...............……	4 634 304	5 571 006	7 905 760	9 964 955

Если мы припомним, что примерно в течение 16 лет, с 1840 по 1856 г., британская экспортная торговля с Индией была обычно устойчивой, хотя по временам имело место как небольшое повышение, так и заметное падение ниже средней цифры в 8000000 ф. ст., то покажется поразительным, что эта устойчивая торговля за короткий промежуток в два года удвоилась и что неожиданный рост имел место в период ожесточенного восстания рабов[304]. Вопрос, происходит ли это расширение торговли только вследствие временных обстоятельств или оно стоит в связи с подлинным развитием индийского спроса, получает особый интерес в связи с нынешней финансовой конъюнктурой в Индии, которая принуждает британское правительство просить у парламента разрешение на заключение нового индийского займа в Лондоне и которая в то же время заставляет даже лондонский «Times» поставить на обсуждение вопрос: не лучше ли в конце концов было бы для Англии ограничиться владением тремя старыми провинциями и возвратить остальную территорию полуострова ее местным правителям.

При том скудном материале, которым мы располагаем, невозможно прийти к окончательному суждению о действительном характере внезапного расширения британской экспортной торговли с Индией, однако все известные нам данные склоняют нас к мнению, что преходящие обстоятельства, так сказать, раздули эту торговлю больше ее органических размеров. Прежде всего, мы не можем обнаружить какого-либо особого движения в британском импорте из Индии, которое могло бы повести к увеличению экспорта в эту страну. Правда, наблюдался рост импорта некоторых товаров, по он почти уравновешивался сокращением импорта других товаров; в целом же колебания индийского экспорта слишком слабы, чтобы так или иначе объяснить внезапные изменения импорта в эту страну. Конечно, восстание рабов могло помочь англичанам исследовать провинции, прежде мало известные, и солдат мог, таким образом, расчистить дорогу для купца. Кроме того, за последние годы в Индию усиленно ввозилось и там накоплялось серебро, и даже индиец, несколько взбудораженный только что пережитыми волнующими сценами, мог, пожалуй, действовать вопреки своей мании припрятывания и в какой-то мере приняться тратить свое серебро, вместо того чтобы его закапывать. Все же у нас нет оснований придавать слишком большое значение такого рода гипотезам, тем более, что, с другой стороны, бросается в глаза несомненный факт чрезвычайных правительственных расходов — приблизительно в сумме 14000000 ф. ст. за год. Хотя такое

положение вещей достаточно объясняет внезапный рост английской экспортной торговли с Индией, едва ли можно думать, что оно предвещает значительную продолжительность этого нового движения. Самым длительным его результатом будет, вероятно, полное разрушение национальной индийской промышленности, ибо, как читатель должен был убедиться из последней таблицы, излишек британского экспорта в Индию вызван главным образом вторжением британских бумажных материй и бумажной пряжи. Чрезмерное расширение продажи со стороны Манчестера тоже могло до известной степени способствовать разбуханию цифр таблицы британского экспорта.

Написано К. Марксом около 5 августа 1859 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5717, 19 августа 1859 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ЛУИ-НАПОЛЕОН И ИТАЛИЯ

Каждый день проливает новый свет на слова и поступки Наполеона III в Италии и помогает нам понять, что он подразумевает под свободой «от Альп до Адриатики». Для него самого война была лишь второй французской экспедицией в Рим, правда, во всех отношениях более крупной, но по мотивам и результатам не отличающейся от того «республиканского» предприятия[305]. «Спасши» Францию от европейской войны заключением мира в Виллафранке, этот же «освободитель» собирается теперь «спасти» итальянское общество посредством принудительного восстановления государей, которых одно слово хозяина Тюильри лишило власти, и посредством подавления силой народного движения в Центральной Италии и Папской области. В то время как британская пресса изобиловала неопределенными догадками и on dits* о вероятных изменениях условий Вилла-франкского договора на Цюрихской конференции, в то время как лорд Джон Рассел со свойственной ему неисправимой неосторожностью, побудившей лорда Пальмерстона доверить ему портфель министра иностранных дел, счел себя вправе в торжественной декларации в палате общин объявить, что Бонапарт воздержится предоставить свои штыки в распоряжение свергнутых государей, в номере «Wiener Zeitung» от 8 августа появилось следующее напечатанное на первой странице официальное сообщение:

«Конференция в Цюрихе скоро должна собраться, чтобы заключить окончательный мир, о главных условиях которого уже договорились в Вил-

* — слухами. *Ред.*

лафранке. Всякому, кто примет во внимание очевидное значение конференции, трудно понять, как это печать, не только за границей, но даже и в Австрии, осмелилась выразить сомнение по поводу осуществления или осуществимости условий Виллафранкского договора. Выполнение предварительных условий мира, скрепленных собственноручными подписями обоих императоров, гарантировано торжественными обещаниями и властью обоих монархов».

Это сказано ясным языком. С одной стороны, мы имеем тщетные протесты обманутых итальянцев, с другой стороны — «sic volo, sic jubeo»[306] Франца-Иосифа и Луи Бонапарта, подкрепленное штыками, нарезными пушками и другим «armes de precision»[*]. Если итальянские патриоты не хотят поддаваться елейным увещеваниям, они должны уступить грубой силе. Другого выбора у них нет, вопреки противоположному утверждению лорда Рассела, который, может быть, был совершенно искренен, ибо это утверждение было вложено в его уста лишь для того, чтобы с его помощью отделаться от британского парламента на время, предназначенное для того, чтобы раздавить Италию под железной пятой союзных деспотов. Что касается светской власти папы в Папской области, то Луи-Наполеон, даже не дожидаясь окончания войны, объявил, что она будет сохранена. Условия предварительного договора в Виллафранке предусматривают восстановление австрийских государей в Тоскане и Модене. Возвращение к власти герцогини Пармской не было включено в эти условия, ибо Франц-Иосиф хотел отомстить этой принцессе за ее открытый отказ связать свою судьбу с судьбами Австрии, по со свойственным ему великодушием Луи-Наполеон снисходительно согласился выслушать смиренные мольбы этой donna errante[**]. Через Валевского он дал честное слово г-ну Сен-Мону, испанскому послу в Париже, а также уполномоченному герцогини, что она будет восстановлена на троне, причем размер территории ее герцогства останется прежним, может быть за единственным исключением — крепости Пиаченцы, которая должна быть передана Виктору-Эммануилу, если он будет хорошо себя вести на конференции в Цюрихе. Выскочке не только бесконечно льстила идея разыгрывать из себя покровителя сестры Бурбонов, но он также думал, что напал наконец на верное средство завоевать расположение Сен-Жерменского предместья[307], которое до сих пор с презрением отвергало его заискивания и проявляло по отношению к нему высокомерную сдержанность.

Однако каким образом «освободитель национальностей» должен был стать миссионером «законности и порядка»,

[*] — «нарезным оружием». *Ред.*
[**] — странствующей дамы. *Ред.*

спасителем «существующего общества»? Как успешно присвоить себе эту менее поэтическую роль? Это было стремительным движением по наклонной плоскости. Создание и поддержание в публике неуверенности относительно истинного значения предварительных условий Виллафранкского договора, потворствование как диким слухам, так и разумным догадкам явно имели целью постепенно подготовить Европу к самому худшему. Лорд Пальмерстон, который ненавидит Австрию и заявляет о своей любви к Италии и который, как известно, является доверенным лицом Наполеона III, поддержал героя декабря на этой скользкой почве. Пальмерстон, который вытеснил правительство Дерби, воспользовавшись его симпатиями к Австрии, по-видимому, поручился перед всей Европой и в особенности перед Италией за честность намерений своего августейшего союзника, Наполеона III. Таким образом, он преспокойно устранил парламент, или, возможно, даже распустил его, сознательно введя его в заблуждение. Его определенное заявление о том, что Англия еще не решила, принять ли ей участие или нет в европейском конгрессе (последний, вероятно, санкционирует решения Цюрихской конференции и тем самым, распределив ответственность между всеми европейскими державами, облегчит бремя ненависти, которое в противном случае пало бы на плечи одного Наполеона), опровергается прусскими газетами, опубликовавшими полуофициальное сообщение, в котором утверждается, что Англия и Россия обратились совместно к берлинскому двору с предложением принять участие в этом европейском конгрессе.

Второй шаг Наполеона, который он предпринял только после того, как несколько улеглось лихорадочное возбуждение общественного мнения, был сделан в Сардинском королевстве. Он пытался склонить Виктора-Эммануила сделать эту работу вместо себя, чего было не так легко добиться. Виктор-Эммануил, казалось, получил все то, что потеряли Австрия и ее вассалы. Фактически, хотя еще не по титулу, он сделался правителем Центральной Италии и Папской области, где население всюду признало его династию, если не из любви к Пьемонту, то из ненависти к Австрии. Первое требование, которое французский поборник свободы предъявил своему новому вассалу, заключалось в том, чтобы тот отказался от официального руководства народным движением. В этом Виктор-Эммануил отказать ему не мог. Он приказал сардинским уполномоченным покинуть герцогства и Папскую область и отозвал Бонкампаньи из Флоренции, Массимо д'Адзельо из Романьи и Фарини (по крайней мере в качестве официального уполномоченного) из Модены[308].

Однако венценосный «освободитель» все еще не был удовлетворен. Его прежний опыт во Франции давал ему достаточно оснований прийти к выводу, что, при надлежащем руководстве, голосование народа представляет собой наилучшее в мире средство, с помощью которого можно установить деспотизм на прочной и благопристойной основе. Поэтому от сардинского короля потребовали воздействовать на ход голосования народа в восставших провинциях таким образом, чтобы создалось впечатление, будто власть государей в этих провинциях восстановлена волей народа. Разумеется, Виктор-Эммануил не хотел и слышать о требовании, исполнение которого наверняка погубило бы навсегда будущее итальянской свободы и превратило бы возгласы «evviva!»[*] в общий вопль проклятий по всему полуострову. Как говорят, Виктор-Эммануил такими словами ответил французскому искусителю графу де Резе:

«Милостивый государь, я прежде всего итальянский государь. Не забывайте этого обстоятельства. Интересы Италии имеют для меня больше значения, нежели интересы Европы, на которые вам угодно было намекать. Я не могу поддержать авторитетом своего имени восстановление низложенных правителей, я этого не сделаю. Я уже и так был чрезмерно снисходителен, когда предоставил события их собственному ходу».

Говорят даже, что рыцарственный король прибавил еще следующие слова:

«Если будет принято решение относительно вооруженного вмешательства, вам еще придется обо мне услышать. Что же касается конфедерации, то мои интересы и честь одинаково заставляют меня противиться ей, и потому я буду бороться против нее до конца».

Вскоре после того, как этот ответ был передан в Париж, появилась знаменитая статья Гранье де Кассаньяка о неблагодарности итальянцев[309], содержащая зловещий намек на то, что если могущественная рука покровителя отстранится, то австрийский орел вскоре водворится на фасаде королевского дворца в Турине. Виктора-Эммануила тотчас же уведомили, что получение им Пиаченцы будет поставлено в зависимость от его хорошего поведения и что степень влияния итальянских государей в предполагаемой конфедерации все еще является предметом обсуждения. Окончательный удар был ему нанесен обсуждением вопроса о национальной принадлежности жителей Савойи; при этом дано было попять, что если Бонапарт помог Виктору-Эммануилу освободить Италию от ига Австрии, то последний едва ли сможет отказаться освободить Савойю от ига Сардинии. Эти угрозы скоро приняли осязаемую форму

[*] — «да здравствует!». *Ред.*

в виде волнения, начавшегося вдруг по сигналу из Парижа в феодальных и католических кругах Савойи.

«Савойяры», — восклицала одна парижская газета, — «устали тратить свои деньги и проливать кровь своих сынов за дело Италии».

Для Виктора-Эммануила это был сильный argumentum ad hominem*, и если он непосредственно не принял на себя поставленную перед ним задачу, то есть некоторое основание опасаться, что он по крайней мере обещал подготовить путь для вооруженного вмешательства Франции. Если можно верить сообщению, содержащемуся в телеграмме из Пармы от 9 августа и гласящему, что «пьемонтцы были изгнаны из города и провозглашена красная республика, а обладатели собственности и друзья порядка спасаются бегством», то оно весьма знаменательно для будущего. Как бы то ни было, содержит ли оно правду или ложь, это сообщение вполне может явиться для «спасителя порядка и собственности» сигналом к вмешательству, к отправке его зуавов против «неисправимых анархистов)» и к расчистке пути для возвращения государей. Один из них, сын великого герцога Тосканы, отрекшегося в его пользу**, уже встретил «сердечный прием» в Тюильри. А французские войска, направлявшиеся домой, получили приказ остаться в Италии, и таким образом препятствия на пути к успешным переговорам в Цюрихе скоро исчезнут.

Написано К. Марксом в середине августа 1859 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5725, 29 августа 1859 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

* — довод, рассчитанный на данное лицо; доказательство, которое ведется не на основе объективных данных, а в соответствии с чувствами убеждаемого. *Ред.*

** —Леопольд II и Фердинанд IV. *Ред.*

К. МАРКС

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Лондон. Забастовка строительных рабочих, или точнее говоря lock-out[*], объявленный предпринимателями, продолжается[310], к непохоже на то, чтобы враждующие стороны сколько-нибудь существенно изменили свою позицию. Во вторник состоялось совещание делегатов от рабочих, на котором присутствовали также уполномоченные других профессий; на совещании было единогласно решено не наниматься на работу ни к одному хозяину, требующему обещания не вступать в «общество». Одновременно в таверне «Свободный каменщик» состоялось собрание «объединенных» предпринимателей, на которое не был допущен ни один корреспондент. Как стало впоследствии известно, эти боящиеся гласности господа после бурного совещания договорились, что ни один из членов ассоциации не должен открывать своего предприятия до тех пор, пока строительные рабочие официально не откажутся от своего «общества» и пока «рабочие г-на Троллопа не прекратят своей забастовки». Последний пункт вскоре должен быть улажен, так как недавно г-н Троллоп вступил в переговоры с рабочими и самым серьезным образом уверял, что обвинения, выдвинутые против пего (увольнение рабочего, вручившего ему петицию о девятичасовом рабочем дне и т. п.), основаны на недоразумении. Что же касается другого из условий, то «локаутированные» ни в коем случае не согласятся на пего, если только к этому их не вынудит крайняя нужда. Они чувствуют, что для них отказ от «общества», отказ от любой организации означал бы превращение

[*] — локаут. *Ред.*

в подлинных крепостных капиталистов и привел бы к утрате той небольшой доли независимости, которой располагает еще современный пролетарий. Беспощадная непреклонность хозяев, которые притязают на такую власть над своими «рабочими руками», какую имеют над своими рабами американские плантаторы, вызвала осуждение даже со стороны некоторой части буржуазных журналистов. Мы, разумеется, не имеем никакого основания быть недовольными предпринимателями: пусть они делают все, что в их силах, для углубления и без того достаточно глубокой пропасти между трудом и капиталом и для усиления концентрированной, сознательной классовой ненависти, которая является вернейшим залогом социального переворота.

В Лондоне в целом имеется более 1000 строительных предприятий. Из них закрыто только 88, по зато самых крупных. Число lock-outs (уволенных рабочих) достигает 19000—20000, а не 40000, как утверждали вначале. Щедрые денежные пожертвования поступают в «общество» со всех концов страны, но до сего времени рабочие, сидящие без хлеба, отказывались принимать поддержку. Слава смелым! Разве буржуа, руководимые *своими* классовыми интересами, способны на подобное самопожертвование?

В последние дни сессии, закончившейся в субботу, палата общин занималась почти исключительно избирательными скандалами, которые подобно грибам после дождя покрыли самые стены здания парламента. Это ужасающее зловоние коррупции прекрасно гармонировало с ароматами Темзы и должно было бы довести до рвоты достопочтенных членов палаты, если бы они не были привычны к таким вещам. Дело касалось то лиц, которые открыто (именно *в этом* было их преступление) продавали и покупали стада британских избирателей, наподобие овечьих стад, то какого-нибудь бедняги, который добровольно отказался от своего дорого доставшегося места, так как не в состоянии был удержать его, ввиду петиции, опротестовывающей его избрание; такое дело должно было стоить ему по меньшей мере 3000 фунтов стерлингов. Однако оставим все это. К чему копаться в грязи? Добавим еще только, что почти все члены палаты, уличенные в подкупах, принадлежат к «либеральной» партии[311].

Едва ли стоит упоминать о тронной речи. Это совершенно ничего не говорящий официальный документ. Относительно предполагаемого европейского конгресса в тронной речи было сказано, что ее величество якобы еще не пришло к определенному решению. Это ложь. Непосредственно после заключения Виллафранкского мира лорд Пальмерстон заявил русскому пра-

вительству, что он готов направить представителей на конгресс, *созыв которого был предложен Россией.* Он, таким образом, уже четыре недели назад «пришел к определенному решению».

Париж. Мы избавим наших читателей от описания парижских празднеств в честь победы. Несмотря на сложные махинации, которые пустили в ход, чтобы заставить забыть поражение в Виллафранке, рассеять внимание парижского населения и исторгнуть из глоток подкупленных лиц провозглашение здравиц, лично император был настолько мало удовлетворен оказанным ему приемом, что даже решился на отчаянный шаг объявления амнистии, от которого его усиленно отговаривали его «декабрьские» советники. Парижская пресса также получила амнистию, отныне все «предупреждения» были отменены[312].

Из *Берлина* никаких вестей, кроме старых пустых фраз и продолжения безнадежной агитации за реформу Германского союза под гегемонией Пруссии. Слияние Готской партии с демократами теперь дело решенное, как это видно из нижеследующих сообщений. Состояние короля* не улучшается.

В *Эйзенахе* 14 августа состоялось новое собрание «немецких патриотов», чтобы с высочайшего соизволения провозгласить *систему взглядов Готской партии* единственным средством спасения[313]. Среди знаменитостей, участвовавших на собрании, упомянем: г-на фон Беннигсена из Ганновера, Цабеля из Берлина (ты знаешь, кто ты?), Зигеля, редактора «Sachsische Konstitutionelle Zeitung»[314], Титуса из Бамберга, Шульце-Делича и т. д. Выдвинутая вновь образованной немецкой партией программа, само собой разумеется, включает реформу Союза, прусскую гегемонию, отмену постановлений Союзного сейма против печати и права союзов и т. п. В заключение местом созыва следующего съезда был *намечен Франкфурт,* вероятно для того, чтобы быть поближе к собору св. Павла[315].

Из *Ганновера* же сообщают, что местное правительство в целях конкуренции со своими пруссофильствующими патриотами, против которых оно принимает и полицейские меры, снова выдвинуло шлезвиг-гольштейнский вопрос.

Написано К. Марксом около 19 августа 1859 г.

Напечатано в газете «Das Yolk» № 16, 20 августа 1859 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

* — Фридриха-Вильгельма IV. *Ред.*

К. МАРКС

НАСЕЛЕНИЕ, ПРЕСТУПНОСТЬ И ПАУПЕРИЗМ

Лондон, 23 августа 1859 г.

Во время последней сессии парламента обеим палатам была представлена Синяя книга, озаглавленная «Краткий статистический обзор Соединенного королевства за каждый из последних 15 лет с 1844 по 1858 год»[316]. Как бы ни выглядели сухо эти выстроенные тесными колонками в официально напечатанном документе цифры, они в действительности дают больше ценного материала для истории общего развития нации, нежели томы, полные риторической чепухи и политической болтовни. Первое, что привлекает наше внимание, — это таблицы численности населения; однако, как ни странно, цифры движения населения Ирландии за 15 лет полностью отсутствуют. Шотландские таблицы дают незначительные колебания в численности населения, на которых мы не будем останавливаться. Нижеследующие цифры показывают движение населения в Англии и Уэльсе:

Годы	Численность населения	Число родившихся	Число умерших	Число браков
1844……………	16 520 000	540 763	356 950	132 249
1845……………	17 721 000	543 521	349 366	143 743
1846......……...	16 925 000	572 625	390 315	145 664
1847..............…....	17 132 000	539 965	423 304	135 845
1848…………….	17 340 000	563 059	399 800	138 230
1849..……………	17 552 000	578 169	440 853	141 883
1850...........…….	17 766 000	593 422	368 986	152 788

Продолжение

Годы	Численность населения	Число родившихся	Число умерших	Число браков
1851..................	17 983 000	615 865	395 174	154 206
1852..................	18 205 000	624 171	407 938	258 439
1853..................	18 403 000	612391	421 097	164 520
1854..................	18 618 000	634 506	438 239	159 349
1855..................	18 787 000	635123	426 242	151 774
1856..................	19 045 000	657 704	391 369	159 262
1857..................	19 305 000	663 071	419 815	159 097
1858..................	19 523 000	655 627	450 018	154 500

Рядом с этой таблицей населения мы приводим данные, касающиеся преступности и пауперизма в Англии и Уэльсе:

Годы	Предано суду			Осуждены
	мужчины	женщины	всего	
1844....................	21 549	4 993	26 542	18 919
1845....................	19 341	4 962	24 303	17 402
1846....................	19 850	5 257	25 107	18 144
1847....................	22 903	5 930	28 833	21542
1848....................	24 586	5 763	30 349	22 900
1849....................	22 415	5 401	27 816	21 001
1850....................	21 548	5 265	26 813	20 537
1851....................	22 391	5 569	27 960	21 579
1852....................	21 885	5 625	27 510	21 304
1853....................	20 879	6 178	27 057	20 756
1854....................	22 723	6 636	29 359	28 047
1855....................	19 890	6 082	25 972	19 971
1856....................	15 425	4 012	19 437	14 734
1857....................	15 970	4 299	20 269	15 307
1858....................	13 865	3 990	17 855	13 246

Таблица, показывающая количество пауперов (за исключением бродячих пауперов), получающих пособие в различных

организациях и приходах, подчиненных советам попечителей в Англии и Уэльсе, начинается 1849 годом.

Годы	Общее число пауперов	Годы	Общее число пауперов
1849	934 419	1854	818 337
1850	920 543	1855	851 369
1851	860 893	1856	877 767
1852	834 424	1857	843 806
1853	798 822	1858	908 186

Сравнивая эти три таблицы движения населения, преступности и пауперизма, мы находим, что с 1844 по 1854 г. преступность росла быстрее, нежели население, в то время как цифры пауперизма с 1849 по 1858 г. оставались почти неизменными, несмотря на то, что в состоянии британского общества в течение этого периода происходили огромные изменения. Тремя крупными событиями ознаменован десятилетний период с 1849 по 1858 г., — событиями, которые позволяют нам сравнивать этот период с самыми замечательными эпохами XVI века. Были отменены хлебные законы, открыты золотые прииски[317], в огромных размерах происходила эмиграция. Были также другие обстоятельства, которые дали новый толчок развитию промышленности и торговли. От революционных потрясений Европа перешла к промышленной горячке. Завоевание Пенджаба[318], русская война и войны в Азии открыли доступ к рынкам, дотоле почти неизвестным. Наконец, ввоз британской продукции в Соединенные Штаты вырос до таких размеров, о которых десять лет назад нельзя было и представить себе. Весь мировой рынок в целом расширился и, казалось, удвоил или утроил свою емкость. И при всем этом в течение этого памятного десятилетия устойчивая цифра почти в один миллион пауперов в Англии уменьшилась только на 26233 человека, а если мы сравним годы 1853 и 1858, то она даже возросла на 109364.

Должно быть, есть что-то гнилое в самой сердцевине такой социальной системы, которая увеличивает свое богатство, но при этом не уменьшает нищету, и в которой преступность растет даже быстрее, чем численность населения. Правда, если мы сравним 1855 г. с предшествующими годами, то, по-видимому, между 1855 и 1858 гг. произошло значительное сокращение преступности. Общее число лиц, преданных суду в 1854 г., равнялось 29359, а в 1858 г. оно понизилось до 17855; число осужденных за преступление тоже значительно понизилось, хотя и не в одинаковой пропорции. Это кажущееся сокращение преступности после 1854 г. следует, однако, приписать исклю-

чительно некоторым техническим переменам- в британском судопроизводстве: во-первых, закону о малолетних правонарушителях[319] и, во-вторых, действию закона 1855 г. об уголовной юстиции, который дал право полицейским судьям выносить приговоры на короткие сроки в случае согласия арестованных подвергнуться их суду. Нарушение закона является обычно результатом экономических факторов, не зависящих от законодателя; однако, как свидетельствует применение закона о малолетних правонарушителях, от официального общества до некоторой степени зависит квалификация некоторых нарушений установленных им законов как преступлений или только как проступков. Это различие терминологии является далеко не безразличным, ибо оно решает тысячи человеческих судеб и определяет нравственную физиономию общества. Само по себе право не только может наказывать за преступления, но и выдумывать их, особенно в руках профессионального юриста закон обладает способностью действовать в этом направлении. Так, например, как правильно заметил один выдающийся историк, в средние века католическое духовенство, в силу своего мрачного взгляда на человеческую природу, который оно, благодаря своему влиянию, внесло в уголовное законодательство, создало больше преступлений, чем отпустило грехов.

Как ни странно, но единственной частью Соединенного королевства, в которой преступность сократилась значительно, приблизительно на 50 и даже на 75%, является Ирландия. Как примирить этот факт с распространенным в Англии мнением, согласно которому за проступки ирландцев ответственно не плохое британское управление, а ирландский характер! Опять же не какое-либо мероприятие со стороны британских правителей, но простонапросто последствия голода, массовая эмиграция и общее стечение обстоятельств, благоприятствующих спросу на ирландские рабочие руки, — вот что вызвало эту счастливую перемену в ирландском характере. Как бы то ни было, смысл следующей таблицы совершенно ясен.

I. Преступность в Ирландии

Продолжение

Годы	Предано суду			Осуждены
	мужчины	женщины	всего	
1844......................	14 799	4 649	19 448	8 042
1845……………..	12 807	3 889	16 696	7 101
1846......................	14 204	4 283	18 492	8 639

Годы	Предано суду			Осуждены
	мужчины	женщины	всего	
1847……………	23 552	7 657	31 209	15 233
1848……………	28 765	9 757	38 522	18 206
1849……………	31 340	10 649	41 989	21 202
1850...…………..	22 682	3 644	31 326	17 108
1851……………	17 337	7 347	24 684	14 377
1852……………	12 444	5 234	17 678	10 454
1853……………	10 260	4 884	15 144	8 714
1854……………	7 937	3 851	11 788	7 051
1855……………	6 019	2 993	9 012	5 220
1856……………..	5 097	2 002	7 099	4 024
1857……………	5 458	1 752	7 210	3 925
1858……………	4 708	1 600	6 308	3 350

II. Число пауперов в Ирландии

Годы	Число приходов	Число пауперов	Годы	Число приходов	Число пауперов
1849	880	82 357	1854	883	78 929
1850	880	79 031	1855	883	79 887
1851	881	76 906	1856	883	79 973
1852	882	75 111	1857	883	79 217
1853	882	75 437	1858	883	79 199

К сожалению, в статистических таблицах об эмиграции не содержится сведений по различным частям Соединенного королевства, равно как не указывается, какой процент составляет эмиграция из каждой отдельной части по отношению к общим цифрам. На основании таблицы в ее настоящем виде можно заключить, что между 1844 и 1847 гг. эмиграция в британские колонии Северной Америки приближалась по размерам к эмиграции в Соединенные Штаты, если не превосходила ее. Однако с 1848 г. эмиграция в британскую Северную Америку начинает превращаться в простой придаток к эмиграции в Соединенные Штаты. С другой стороны, в течение 15 лет, с 1844 по 1858 г., значительно выросла британская эмиграция в Австралию и Новую Зеландию. В то время как эмиграция в североамериканские колонии достигает кульминационного пункта в 1847 г., а в Соединенные

Штаты — в 1851 г., эмиграция в Австралию и Новую Зеландию достигает своей высшей точки в 1853 году. С этого времени и до 1858 г. замечается непрерывное падение числа эмигрирующих, общее количество которых в 1853 г. достигло 368784, а в 1858 г. оно упало до 113972, или более чем на 75%. Приводим упомянутую выше таблицу:

Число эмигрантов из Соединенного королевства

в различные страны

Годы	В североамериканские колонии	В Соединенные Штаты	В Австралию и Новую Зеландию	В другие страны	Всего
1844…………………………..	22 924	43 660	2 229	1 873	70 686
1845…………………………..	31 803	58 538	830	2 380	93 551
1846..……….......................	43 439	82 239	2 347	1 826	129 851
1847...………......................	109 680	142 154	4 949	1 487	258 270
1848....……….....................	31 065	188 237	23 904	4 887	248 093
1849…………………………..	41 367	219 450	32 191	6 490	299 498
1850………………………….	32 981	223 078	16 037	8 773	280 869
1851.......……….................	42 605	267 357	21 532	4 472	335 966
1852.......………….............	32 873	244 261	87 881	3 749	368 764
1853........………….............	34 552	230 885	61401	3 129	329 967
1854…………………………..	43 761	193 065	83 237	3 366	323 429
1855…………………………..	17 966	103 414	52 309	3 118	176 807
1856.........……………….....	16 378	111 837	44584	3 755	176 554
1857…………………………..	21 001	126 905	61 248	3 721	212 875
1858……………………......	9 704	59 716	39 295	5 257	113 972

Написано К. Марксом. 23 августа 1859 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5741, 16 сентября 1859 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ФАБРИЧНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ТОРГОВЛЯ

Лондон, 5 сентября 1859 г.

Рассмотрев в предыдущей статье движение населения Соединенного королевства, мы обратимся теперь к рассмотрению динамики производства. В нижеследующей таблице цифры экспорта даны для каждого года, начиная с 1844 г., цифры же, относящиеся к импорту, начинаются с 1854 года. Это несоответствие вызвано тем обстоятельством, что исчисленная реальная стоимость импорта до 1854 г. официально не удостоверялась.

А. ЭКСПОРТ

Общая объявленная реальная стоимость британской и ирландской продукции, экспортированной из Соединенного королевства

Годы	ф. ст.	Годы	ф. ст.
1844	58 534 705	1852	78 076 854
1845	60 111 082	1853	98 933 781
1846	57 786 876	1854	97 184 726
1847	58 842 377	1855	95 688 085
1848	52 849 445	1856	115 826 948
1849	63 596 025	1857	122 066 107
1850	71 367 885	1858	116 614 330
1851	74 448 722		

Б. ИМПОРТ

Общая исчисленная реальная стоимость товаров, импортированных в Соединенное королевство

Годы	ф. ст.	Годы	ф. ст.
1854	152 389 053	1857	187 844 441
1855	143 542 850	1858	163 795 803
1856	172 544 154		

Из первой таблицы видно, что экспорт и, следовательно, производство более чем удвоились за период с 1844 по 1857 г., между тем как население, как показывают цифры, приведенные в моей предыдущей статье, в течение того же промежутка времени увеличилось едва на 18%. Это является любопытным ответом на доктрину обладателя синекуры попа Мальтуса. Более того, таблица А иллюстрирует один из законов производства, который можно доказать с математической точностью, сравнивая отчеты о британском экспорте начиная с 1797 года. Закон этот заключается в следующем: если вследствие перепроизводства и чрезмерной спекуляции произошел кризис, то все же производительные силы страны и емкость мирового рынка оказываются настолько выросшими, что они только временно отступают от достигнутой высшей точки, и после некоторых колебаний, продолжающихся несколько лет, уровень производства, достигнутый в высшей точке процветания в одном периоде торгового цикла, становится исходным для следующего периода. Так в 1845 г. был достигнут наивысший уровень в развитии производительных сил на протяжении торгового цикла 1837—1847 годов. В 1846 г. начинается обратное движение; в 1847 г. происходит катастрофа, последствия которой вполне сказываются лишь в 1848 г., когда размер экспорта падает даже ниже уровня 1844 года. Однако в 1849 г. уровень 1845 г. — года высшего процветания в предшествующем цикле — не только восстанавливается, но и оказывается уже превзойденным на 3 миллиона, и теперь этот год отмечает уровень, до которого экспорт больше уже никогда не упадет в течение нового цикла. Новая высшая точка достигается в 1857 г., в год кризиса, пароксизмы которого проявляются в уменьшении экспорта в 1858 году. Но уже в 1859 г. высший уровень периода 1847—1857 гг. становится исходным пунктом нового торгового цикла, — пунктом, до которого производительные силы, вероятно, больше уже не понизятся.

Сравнивая таблицы А и Б, мы найдем, что британский экспорт значительно отстает от британского импорта и что эта диспропорция возрастает так же регулярно, как и величина экспорта. Это необычное явление толковалось некоторыми английскими писателями так, будто несчастные британцы влезают в долги к другим странам, или продают дешево, а покупают дорого, и таким образом часть продукции своей промышленности отдают в качестве подарка остальному миру. Дело же попросту заключается в том, что Великобритания получает в виде импорта из других стран некоторые доходы, сама не давая никакого эквивалента взамен, как это происходит при взимании в различных формах индийской дани и при получении других

доходов в виде процентов на капитал, отданный взаймы в прежние периоды. Растущая диспропорция между британским импортом и экспортом доказывает поэтому только то, что Англия по отношению к мировому рынку развивает свою функцию заимодавца еще с большей быстротой, нежели свою функцию фабриканта и купца.

Из статей импорта четыре привлекают к себе внимание: драгоценные металлы, зерно, хлопок и шерсть. В прошлом динамика британского ввоза и вывоза драгоценных металлов не раз объяснялась в «New-York Daily Tribune»; так во время последнего торгового кризиса газета, на основании официальных цифр, доказала, что сумма банкнот Английского банка, находящихся в обращении, скорее уменьшилась, нежели увеличилась с тех пор, как начали эксплуатироваться новые золотые прииски[320]. Поэтому мы не будем возвращаться к этой теме, но ограничимся констатированием факта, который, насколько мы знаем, еще не был отмечен английскими авторами. О количестве металлической монеты, циркулирующей в стране, можно сделать достаточно достоверные заключения на основании деятельности национального монетного двора. Итак, с целью выяснить динамику металлического денежного обращения в Великобритании за время функционирования калифорнийских и австралийских золотых приисков, мы даем ниже таблицу, показывающую количество металлической монеты, отчеканенной на королевском монетном дворе:

Количество золотой, серебряной и медной монеты,
отчеканенной на королевском монетном дворе
(в фунтах стерлингов)

Годы	Золото	Серебро	Медь	Всего
1844..................	3 563 949	626 670	7 246	4 197 865
1845..................	4 244 608	647 658	6 944	4 899 210
1846..................	4 334 911	559 548	6 496	4 900 955
1847..................	5 158 440	125 730	8 960	5 293 130
1848..................	2 451 999	35 442	2 688	2 490 129
1849..................	2 177 955	119 592	1 792	2 299 339
1850..................	1 491 836	129 096	448	1 621 380
1851..................	4 400 411	87 868	3 584	4 491 863
1852..................	8 742 270	189 596	4 312	8 936 178
1853..................	11 952 591	701 544	10 190	12 664 325

Продолжение

Годы	Золото	Серебро	Медь	Всего
1854....................	4 152 183	140 480	61 538	4 354 201
1855	9 008 663	195 510	41 091	9 245 264
1856....................	6 002 114	462 528	11 418	6 476 060
1857....................	4 859 860	373 230	6 720	5 239 810
1858....................	1 231 023	445 896	13 440	1 690 359

Мы будем сравнивать итоги, так как серебряную и медную монету нужно рассматривать как простые знаки, заменяющие золотую монету, так что для рассмотрения общего движения металлического обращения совершенно безразлично, находилась ли в обращении сама золотая монета или ее дробные части были представлены металлическими знаками.

Пятнадцать лет, которые охватывает вышеприведенная таблица, можно разделить на два почти равных периода; в первый период не чувствуется воздействия на Великобританию новых стран, добывающих золото, между тем как второй характеризуется быстрым приливом золота из новых источников. Первый период мы датируем с 1844 по 1850 г., а второй — с 1851 по 1858 год; 1851 г. замечателен тем, что в этом году начинается влияние золотых разработок в Новом Южном Уэльсе и Виктории, равно как огромным ростом поступления калифорнийского золота, которое с 11700 ф. ст. в 1848 г., 1600000 ф. ст. в 1849 г., 5000000 ф. ст. в 1850 г. выросло до 8250300 ф. ст. в 1851 году. Суммируя количество металла, превращенного в монету за период 1844—1850 гг., с одной стороны, и за период 1851—1858 гг., с другой, и вычислив затем среднюю годовую цифру за каждый период, мы найдем, что средняя годовая чеканка в течение первых семи лет равнялась 3643144 ф. ст., а за последние восемь лет она достигла суммы в 7137782 фунтов стерлингов. Таким образом, металлическое обращение Великобритании увеличилось почти на 100% за период функционирования новых источников золота. Это, несомненно, доказывает влияние Калифорнии и Австралии на развитие внутренней британской торговли, но было бы совершенно неправильно заключить, что металлическое обращение увеличилось непосредственно под действием прилива нового золота. Обратное доказывается сравнением отдельных годов обоих периодов до и после открытия золота. Так, например, в 1854 г. чеканка падает ниже уровня 1845

и 1846 гг., а в 1858 г. она падает значительно ниже уровня 1844 года. Следовательно, масса золота, поступавшая в обращение в форме монеты, не определялась импортом золотых слитков. Но из импортированного золота большая часть обычно поглощалась внутренним обращением в продолжение второго периода, так как торговая и промышленная деятельность в общем расширилась; это расширение, однако, в значительной степени можно приписать воздействию новых стран, добывающих золото.

Написано К. Марксом 5 сентября 1859 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5747, 23 сентября 1859 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

КОШУТ И ЛУИ-НАПОЛЕОН

Лондон, 5 сентября 1859 г.

Читатели, вероятно, помнят, что около года назад на страницах «Tribune» я сделал интересные разоблачения, касающиеся некоего Бандьи, его миссии в Черкесию и раздоров, возникших из-за этого между венгерской и польской эмиграциями в Константинополе[321]. Изложенные мною в то время факты попали затем в европейскую прессу, тем не менее никто ни разу не сделал попытки оспаривать их точность. Сегодня я намерен привлечь внимание ваших читателей к другой секретной главе современной истории. Я имею в виду связь, существующую между Кошутом и Бонапартом. Нельзя дольше терпеть такое положение, когда одни и те же люди одной рукой получают деньги от убийцы Французской республики, а другой поднимают знамя свободы, когда они одновременно играют роль и мучеников и царедворцев, когда, превратившись в орудие жестокого узурпатора, они все еще выставляют себя уполномоченными угнетенной нации. Я считаю настоящий момент тем более подходящим для обнародования давно известных мне фактов, что Бонапарт и его приспешники, а также Кошут со своими сторонниками в равной мере стараются скрыть эту сделку, которая не может не скомпрометировать одного перед монархами, а другого — перед народами всего мира.

Самые слепые поклонники г-на Кошу та согласятся, что каковы бы ни были другие его достоинства, ему, к сожалению, всегда недоставало одного важного качества — постоянства. В течение всей своей жизни он больше походил на импровизатора, получающего впечатления от аудитории, чем на творческую личность, налагающую на мир печать своих собственных оригинальных идей. Эта неустойчивость мысли не могла не найти отражения в двойственности его поведения. Несколько фактов могут проиллюстрировать правильность этого утверждения. В Кютахье г-н Кошут вошел в близкую

liaison[*] с г-ном Давидом Уркартом и, сразу восприняв предрассудки этого романтического шотландца, без колебаний высказался о Мадзини как о русском агенте. Он официально обязался держаться в стороне от Мадзини, едва же он прибыл в Лондон, как образовал триумвират вместе с Мадзини и Ледрю-Ролленом[322]. Бесспорные доказательства этой двойной игры были представлены британской публике в переписке между Л. Кошутом и Давидом Уркартом, напечатанной этим последним джентльменом в лондонской «Free Press»[323]. В первой речи, которую произнес г-н Кошут, сойдя на английский берег, он назвал Пальмерстона своим задушевным другом. Пальмерстон через посредство одного весьма известного члена парламента[**] сообщил Кошуту о своем желании видеть его в своем доме. Кошут потребовал, чтобы британский премьер-министр принял его в качестве правителя Венгрии, однако это требование было, конечно, с презрением отвергнуто. Со своей стороны г-н Кошут, через посредство г-на Уркарта и других своих знакомых, дал понять британской публике, что он отверг приглашение Пальмерстона по той причине, что, на основании тщательного изучения в Кютахье Синей книги о венгерских делах[324], он удостоверился в том, что Пальмерстон, этот его «задушевный друг», в тайном согласии с петербургским двором предал «дорогую Венгрию». В 1853 г., когда в Милане вспыхнуло подготовленное Мадзини emeute[***], на стенах домов этого города появилась прокламация, обращенная к венгерским солдатам и призывавшая их стать на сторону итальянских повстанцев; под прокламацией была подпись Лайоша Кошута[325]. Когда emeute потерпело неудачу, г-н Кошут через посредство лондонских газет поспешил объявить эту прокламацию подложной, таким образом публично dementi[****] своего друга Мадзини. Вопреки этому утверждению прокламация была *подлинной,* и Мадзини *действовал* в согласии с Кошутом.

Действуя согласно сложившемуся убеждению, что сбросить австрийскую тиранию можно только соединенными усилиями Венгрии и Италии, Мадзини в течение некоторого времени пытался заменить Кошута каким-либо более надежным венгерским лидером, но так как его усилия разбились о раздоры в среде венгерской эмиграции, он великодушно простил своего ненадежного союзника и воздержался от разоблачений, которые свели бы на нет престиж Кошута в Англии.

[*] — связь. *Ред.*
[**] — Дадли Стюарта. *Ред.*
[***] — восстание, мятеж. *Ред.*
[****] — уличил во лжи. *Ред.*

Обращаясь к событиям более близкого прошлого, я могу напомнить читателю, что осенью 1858 г. г-н Кошут совершил турне по Шотландии, во время которого он читал лекции в различных городах и торжественно предостерегал британцев от предательских замыслов Луи Бонапарта. Возьмем, например, следующую выдержку из лекции, прочитанной им в Глазго 20 ноября 1858 года:

«В одной из своих лекций», — заявил г-н Кошут, — «я уже указал на тот яд национальной ненависти, который в настоящее время изготовляет Луи Бонапарт. Я не собираюсь намекать на то, что он замышляет вторжение в вашу страну: несомненно, он желал бы этого, однако, как и лисицу в басне, его не соблазняет кислый виноград. Еще не так давно Бонапарт привел в недоумение всех дипломатов мира, — за исключением, пожалуй, только господ из С.-Петербурга, которым, вероятно, известен весь секрет, — своими гигантскими приготовлениями в Шербуре, на которые тратились последние шиллинги его истощенной казны, приготовлениями, которые он вел с такой поспешностью, словно его существование зависело от выигрыша одной минуты... Шербур по-прежнему является сооружением, направленным только против Англии... Бонапарт замышляет новый конфликт на Востоке в кампании с Россией. Во время этого конфликта он рассчитывает ограничить свободу маневра английского флота, приковав значительную его часть к вашим берегам, и в то же время нанести смертельный удар вашим жизненным интересам на Востоке... Разве Крымская война по своим результатам соответствовала интересам Великобритании и Турции? Валахия и Молдавия получили конституцию, выработанную в канцеляриях тайной дипломатии, этого проклятия нашего века, конституцию, состряпанную Бонапартом при содействии России и Австрии, а все они — уж конечно верные друзья народной свободы! Эта конституция является в действительности не более, не менее, как хартией, пожалованной России на предмет ее хозяйничанья в Дунайских княжествах... Но этого мало! Разве Бонапарт, дорогой союзник, не послал своих офицеров в Черногорию, чтобы обучать диких горцев обращению с винтовкой?.. Его мысль направлена на заключение нового Тильзитского договора, если только подобный договор уже не лежит у него в кармане».

Так осенью 1858 г. Кошут обличал публично Бонапарта, ныне своего дорогого союзника. Более того. В начале 1859 г., когда бонапартовские планы итальянского похода за свободу начали принимать осязательную форму, этот самый Кошут в мадзиниевском «Pensiero ed Azione» в сильных выражениях изобличал голландского плута и предостерегал всех истинных республиканцев — итальянцев, венгров и даже немцев — против таскания каштанов из огня для этого императора-Квазимодо. Словом, в данном случае он, как эхо, повторял точку зрения Мадзини, высказанную этим последним в его манифесте от 16 мая*, — точку зрения, которой он остался верен в течение похода Бонапарта и которую снова торжествующе повторил в конце войны в другом манифесте, перепечатанном в «Tribune».

* См. настоящий том, стр. 381—386. *Ред.*

Итак, Кошут в январе 1859 г. не только прекрасно видел обман Бонапарта, но сделал все, что было в его силах, чтобы разоблачить этот обман перед всем миром. Он усиленно подталкивал «либеральную прессу» в том направлении, которое позже изумило агентов Бонапарта как «внезапный взрыв» «антинаполеоновского бешенства» и было осуждено ими как симптом нездоровой «симпатии к Австрии». Однако в промежутке между январем и маем 1859 г. в чувствах и мыслях великого импровизатора произошла какая-то странная революция. Этот человек, который, чтобы предостеречь британцев против кровавых замыслов Бонапарта, совершил лекционное турне по Шотландии осенью 1858 г., в мае 1859 г. предпринял новое турне, читая лекции повсюду, начиная от Мэншен-хауза в Лондоне и кончая Фритред-холлом в Манчестере[326], с целью проповедовать доверие к герою декабря и под лицемерным предлогом поддержки нейтралитета привлечь британцев на сторону августейшего мошенника. Свой собственный нейтралитет он вскоре после этого проявил самым недвусмысленным образом.

Эти воспоминания, число которых я мог бы увеличить сколько угодно, должны возбудить некоторые опасения в головах честных почитателей Кошута — людей, которые не являются слепыми поклонниками громкого имени и не связаны корыстными интересами с демократическим вельможей. Во всяком случае они не станут отрицать, что факты, которые я теперь собираюсь сообщить, отнюдь не представляются несовместимыми с прошлым этого человека, слывущего за героя свободы. В Париже было три венгерских лидера, которые ухаживали за знаменитым Плон-Плоном, иначе prince rouge*, тем отпрыском бонапартовской фамилии, на долю которого выпала роль кокетничать с революцией точно так же, как его более важный кузен заигрывает с «религией, порядком и собственностью». Эти три человека были: полковник Киш, граф Телеки и генерал Клапка. Плон-Плон, заметим en passant**, был Гелиогабалом по своей нравственности, Иваном III по своей личной трусости и настоящим Бонапартом по своей лживости, однако при всем том он был, как говорят французы, homme d'esprit***. Эти три господина убедили Плон-Плона, который, вероятно, отнюдь не был захвачен врасплох, вступить с Кошутом в переговоры, вызвать его в Париж и даже обещать представить экс-правителя Венгрии коварному правителю из Тюильри.

В соответствии с этим г-н Кошут, получив английский паспорт, в котором он именовался г-ном Брауном, в начале мая

* — красным принцем. *Ред.*
** — мимоходом. *Ред.*
*** — человеком тонкого ума. *Ред.*

направился из Лондона в Париж. В Париже он прежде всего имел продолжительную беседу с Плон-Плоном, которому изложил свои взгляды в связи с планом поднять восстание в Венгрии, высадив 40000 французов на побережье Фиуме, которых должен был поддержать корпус мадьярских эмигрантов, а также в связи с вопросом, который для его патриотической души казался самым важным, — вопросом об образовании, хотя бы для видимости, временного правительства во главе с г-ном Кошутом. Вечером 3 мая Плон-Плон в своем собственном экипаже привез г-на Кошута в Тюильри, чтобы представить его герою декабря. В течение этого свидания с Луи Бонапартом г-н Кошут на этот раз воздержался от использования своего большого ораторского таланта и предоставил Плон-Плону говорить от его имени. Позже он выразил принцу свое восхищение почти буквальной точностью, с которой тот изложил его взгляды.

Внимательно выслушав сообщение своего кузена, Луи Бонапарт заявил, что имеется одно большое препятствие для принятия им проектов г-на Кошута, а именно: республиканские принципы последнего и его республиканские связи. Тут-то и произошло в самой торжественной форме *отречение Кошута от республиканских убеждений.* Кошут заявил, что он не является и не являлся республиканцем и что только политическая необходимость и необычайное стечение обстоятельств заставили его на время присоединиться к республиканской части европейской эмиграции. При этом, в доказательство своего антиреспубликанизма, Кошут от имени своей страны предложил венгерскую корону принцу Плон-Плону. Правда, корона, которой он таким образом распорядился, еще не была свободной, и в то же время у него отнюдь не было полномочий пускать ее в торги, однако все, кто внимательно наблюдал за деятельностью Кошута в чужих странах, должно быть, заметили, что он давно взял за правило говорить о «дорогой Венгрии» приблизительно в том же тоне, в каком землевладелец-дворянин говорит о своем имении.

Что касается отречения г-на Кошута от республиканских убеждений, то я считаю, что оно было искренним. Цивильный лист в 300000 флоринов, который он потребовал в Пеште для поддержания внешнего блеска своей исполнительной власти, передача своей собственной сестре патроната над больничными учреждениями, принадлежавшего раньше австрийской эрцгерцогине, попытка назвать своим именем некоторые полки, желание окружить себя чем-то вроде камарильи, упрямство, с которым он, очутившись на чужбине, цеплялся за титул правителя, хотя он отказался от него в момент, когда венгерская революция терпела катастрофу, усвоенные им замашки скорее претендента,

нежели изгнанника, — все это говорит о тенденциях, противоположных республиканским. Как бы то ни было, я решительно утверждаю, что Лайош Кошут отрекся от республиканских убеждений пред французским узурпатором и в присутствии героя декабря предложил венгерскую корону Плон-Плону, этому бонапартистскому Сарданапалу. Некоторые весьма вольные сплетни о факте его свидания с Бонапартом в Тюильри, быть может, послужили причиной возникновения заведомо ложного слуха, будто бы Кошут выдал тайные планы своих бывших республиканских единомышленников. Никто не просил его раскрывать их предполагаемые тайны, да он и не поддался бы такому гнусному предложению. После того, как ему удалось полностью разрушить опасения Луи-Наполеона относительно своих республиканских тенденций, и после того, как он обязался действовать в интересах династии Бонапартов, была заключена сделка, в силу которой 3 миллиона франков были переданы в распоряжение г-на Кошута. В этом соглашении нет ничего странного, ибо для того, чтобы по-военному организовать венгерскую эмиграцию, требовались деньги, и почему бы г-ну Кошуту было не взять субсидию от своего нового союзника, так же как все деспотические державы Европы получали субсидии от Англии в течение всей антиякобинской войны? Однако я не могу умолчать о том, что из 3 миллионов, предоставленных таким образом в его распоряжение, г-н Кошут сразу присвоил для своих личных нужд довольно кругленькую сумму в 75000 франков, причем, помимо этого, выговорил себе, в случае, если итальянская война не приведет к вторжению в Венгрию, получение пенсии в течение года. Раньше чем Кошут покинул Тюильри, было условлено, что он будет противодействовать проавстрийским тенденциям, в которых подозревали правительство Дерби, открыв в Англии кампанию в пользу нейтралитета. Общеизвестно, как добровольная поддержка вигов и манчестерской школы[327] позволила ему по возвращении в коварный Альбион успешно выполнить эту предварительную часть его обязательств.

С 1851 г. большая часть венгерских изгнанников, сколько-нибудь видных и имеющих политический вес, отошла от г-на Кошута; но ввиду перспективы вторжения в Венгрию с помощью французских войск, ввиду весьма убедительно действующей движущей силы в 3 миллиона франков, — а ведь мир, как некогда сказал настоящий Наполеон во время одного из своих припадков цинизма, управляется требованиями «le petit ventre»[*], — вся венгерская эмиграция Европы, за несколькими

[*] — «желудка». *Ред.*

достойными уважения исключениями, повалила под бонапартистские знамена, поднятые Лайошем Кошутом. Нельзя отрицать, что сделки, заключенные Кошутом с эмигрантами, имели некоторый «декабрьский» привкус подкупа, так как для того, чтобы большая часть французских денег досталась его новоиспеченным приверженцам, Кошут стал производить их в высшие военные чины. Так, например, лейтенанты производились в майоры. Прежде всего каждый из них получал на путевые расходы в Пьемонт, затем богатый мундир (стоимость форменной одежды майора доходила до 150 ф. ст.) и жалованье за шесть месяцев вперед, с обещанием уплаты годичного жалованья после заключения мира. Так называемый главнокомандующий получил оклад в 10000 франков, генералы по 6000 каждый, бригадиры по 5000, подполковники по 4000, майоры по 3000 франков и т. д.

Вот имена наиболее значительных лиц, присоединившихся к Кошуту и прикарманивших бонапартовские деньги: генералы Клапка, Перцель, Феттер, Чец; полковники Сабо, Эмерик и Этьенн, Киш, граф А. Телеки, граф Бетлен, Меднянский, Ихас и несколько подполковников и майоров. Среди штатских лиц можно упомянуть графа Л. Телеки, Пуки, Пульского, Ираньи, Людвига, Шимони, Хеншльмана, Вереша и других; фактически здесь были все венгерские эмигранты, жившие в Англии и на континенте, за небольшим исключением — Ш. Вуковича (в Лондоне или Эксминстере), Ронай (в Лондоне, венгерский ученый) и Б. Семере (в Париже, бывший председатель совета министров Венгрии).

Было бы неверно думать, что все эти люди действовали под влиянием корыстных мотивов. Большинство, вероятно, состоит просто из обманутых, патриотически настроенных солдат, у которых нельзя предположить наличия отчетливых политических принципов или проницательности, делающей их способными проникнуть в дипломатические хитросплетения. Некоторые из них, подобно генералу Перцелю, немедленно отстранились, как только события пролили свет на бонапартистский обман. Однако сам Лайош Кошут, который еще в январе 1859 г. в статьях в мадзиниевском «Pensiero ed Azione» показал, что он превосходно разбирается в бонапартовских махинациях, никоим образом не может быть оправдан подобно этим солдатам.

Написано К. Марксом 5 сентября 1859 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5748, 24 сентября 1859 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

НОВАЯ КИТАЙСКАЯ ВОЙНА

I

Лондон, 13 сентября 1859 г.

В то время, когда Англия отовсюду получала поздравления по поводу того, что ей удалось вырвать у обитателей Небесной империи Тяньцзиньский договор[328], я старался показать, что в действительности единственной державой, которая извлекла выгоду из пиратской англо-китайской войны, была Россия, тогда как коммерческие выгоды, принесенные договором Англии, были пустяковые; в то же время с политической точки зрения этот договор не только не укрепил мир, а, напротив, делал неизбежным возобновление войны[329]. Ход событий полностью подтвердил этот взгляд. Тяньцзиньский договор отошел в прошлое, а видимость мира рассеялась как дым перед суровой действительностью войны[330].

Изложим сначала факты, сообщенные последней континентальной почтой.

Достопочтенный г-н Брус, в сопровождении французского полномочного представителя г-на де Бурбулона, выехал вместе с британской экспедицией, получившей назначение подняться вверх по реке Байхэ и сопровождать обоих посланников, следовавших в Пекин. Экспедиция, под командой адмирала Хоупа, состояла из семи паровых судов, десяти канонерок, двух транспортов с войсками и запасами и нескольких сотен солдат морской пехоты и саперов. Со своей стороны китайцы возражали против того, чтобы миссия двигалась именно по этой дороге. Поэтому адмирал Хоуп нашел вход в реку Байхэ загороженным цепями. Простояв у устья этой реки девять дней — с 17 по 25 июня (посланники присоединились к эскадре 20 июня), он попытался пробиться силой. При своем прибытии к реке Байхэ адмирал

Хоуп убедился, что форты Дагу, срытые во время последней войны, были восстановлены, о чем, заметим en passant*, ему бы следовало знать раньше, ибо об этом факте официально сообщалось в «Peking Gazette»[331].

25 июня, когда англичане попытались силой пробиться в Байхэ, батареи Дагу, поддерживаемые монгольскими частями численностью, по-видимому, до 20000 человек, обнаружили свое присутствие и открыли сокрушительный огонь по британским судам. На суше и на море завязался бой, окончившийся полным поражением нападающих. Экспедиции пришлось отступить, причем англичане потеряли в бою три военных корабля — «Корморант», «Ли» и «Пловер» — и 464 человека убитыми и ранеными, а из 60 участвовавших французов было убито и ранено 14. Пять английских офицеров было убито и 23 ранено, даже адмирал не избежал ранения. После этого поражения гг. Брус и де Бурбулон вернулись в Шанхай, а британская эскадра должна была стать на якорь против Чинхэ у Нинбо.

Когда эти неприятные вести были получены в Англии, пальмерстоновская пресса сейчас же выпустила на арену британского льва и в один голос стала громко требовать полного отмщения. Разумеется, лондонский «Times» апеллировал к кровожадным инстинктам своих соотечественников, сохраняя некоторое достоинство; но пальмерстоновские газеты низшего разряда были просто гротескны, разыгрывая роль Orlando Furioso**.

Посмотрите, например, что пишет лондонская «Daily Telegraph»[332]:

«Великобритания должна развернуть наступление на все морское побережье Китая, занять столицу, выгнать императора из его дворца и получить существенные гарантии против возможных нападений в будущем... Мы должны высечь девятихвосткой каждого чиновника с эмблемой дракона, который осмелится оскорбить наши национальные символы... Каждого из них» (китайских генералов) «надо повесить, как пирата и убийцу, на реях британского военного судна. Дюжина этих обшитых пуговицами негодяев с физиономиями людоедов и в костюмах шутов, качающихся на виду у всего населения, будет оздоровляющим и полезным зрелищем. Так или иначе нужно пустить в ход устрашение, довольно поблажек!.. Китайцев надо научить ценить англичан, которые выше их и которые должны быть их *господами*... Мы должны попытаться по меньшей мере захватить Пекин, а если держаться более смелой политики, то за этим должен последовать захват навсегда Кантона. Мы могли бы удержать его за собой, так же как мы удерживали Калькутту, превратить его в центр нашей дальневосточной торговли, компенсировать себя за приобретенное Россией влияние на татарской границе империи и заложить основы нового владения».

* — мимоходом. *Ред.*
** — Неистового Роланда (герой одноименной поэмы Ариосто). *Ред.*

Оставим, однако, эти сумасбродства пальмерстоновских писак и обратимся к фактам, чтобы, насколько это позволяет имеющаяся скудная информация, попытаться разгадать истинное значение этого неприятного события.

Предполагая, что Тяньцзиньский договор предусматривает немедленный допуск в Пекин британского посланника, нужно прежде всего ответить на вопрос о том, нарушило ли китайское правительство этот договор, согласие на который было вырвано у него пиратской войной, воспротивившись попытке британской эскадры силой прорваться к реке Байхэ? Как видно из известий, доставленных континентальной почтой, китайские власти возражали не против отправки британской дипломатической миссии в Пекин, но против того, чтобы британские военные силы поднимались вверх по реке Байхэ. Они предложили, чтобы г-н Брус проехал в Пекин сушей без сопровождения военных сил, которые не могли не рассматриваться жителями Небесной империи, в памяти которых были свежи воспоминания о недавней бомбардировке Кантона[333], как орудие вторжения. Разве право французского посла находиться в Лондоне влечет за собой право силой врываться в устье Темзы во главе французской вооруженной экспедиции? Нужно без обиняков признать, что такое истолкование англичанами допуска британского посланника в Пекин звучит по меньшей мере столь же странно, как сделанное ими во время последней китайской войны открытие, что бомбардировка города, принадлежащего Империи, означает не войну с ней самой, но лишь столкновение местного значения с одним из ее владений. В ответ на предъявленное китайцами требование о возмещении ущерба англичане, согласно их собственному сообщению, «приняли все меры к тому, чтобы, если это понадобится, открыть себе доступ в Пекин силой», поднявшись вверх по реке Байхэ с достаточно грозной эскадрой. Если даже китайцы были обязаны допустить в Пекин мирного английского посланника, то они несомненно были правы, сопротивляясь вооруженной экспедиции англичан. Действуя таким образом, они не нарушили договор, а воспрепятствовали попытке его нарушить.

Второй вопрос касается следующего: хотя абстрактное право иметь свою миссию и было предоставлено Британии Тяньцзиньским договором, однако не отказался ли лорд Элгин от фактического применения этого права, по крайней мере, на данный период? Справившись в *«Переписке, касающейся специальной миссии в Китай графа Элгина, напечатанной по повелению ее величества»*[334], каждый беспристрастный человек вынесет убеждение, что, во-первых, английский посланник должен был

получить доступ в Пекин не теперь, а *значительно позднее;* во-вторых, что право его пребывания в Пекине было поставлено в зависимость от различных условий; наконец, в-третьих, что имеющая безусловное значение статья 3 в английском тексте договора, касающаяся допущения посланника, была, по требованию китайских представителей, изменена в китайском тексте договора. Это расхождение между двумя вариантами текста договора признано самим лордом Элгином, который, по его собственным словам,

«должен был, согласно своим инструкциям, требовать от китайцев принятия, в качестве официального экземпляра международного соглашения, текста, в котором они не понимали ни единого слова».

Можно ли порицать китайцев за то, что они действовали на основании китайского, а не английского текста договора, который, по признанию лорда Элгина, несколько отклоняется от «точного смысла соглашения»?

В заключение привожу официальное заявление бывшего генерал-атторнея для Гонконга г-на Т. Чизолма Ансти в его письме редактору лондонской газеты «Morning Star»[335].

«Чем бы ни был этот договор, он уже давно утратил силу вследствие актов насилия со стороны английского правительства и его подчиненных, так что британская корона, по меньшей мере, не имела права на преимущества и привилегии, предоставленные ей этим договором».

Англию непрерывно тревожат осложнения в Индии, в то же время ей приходится вооружаться на случай европейской войны, а новая катастрофа в Китае, являющаяся, вероятно, делом рук самого Пальмерстона, возможно, навлечет на нее большие опасности. Ближайшим результатом должен быть развал нынешнего правительства, глава которого был виновником последней китайской войны, в то время как ведущие члены правительства выразили ему недоверие за нее. Во всяком случае, г-н Милнер Гибсон и манчестерская школа должны либо выйти из нынешней либеральной коалиции, либо, что мало вероятно, в союзе с лордом Джоном Расселом, г-ном Гладстоном и его коллегами пилитами[336] принудить главу правительства подчиниться их собственной политике.

II

Лондон, 16 сентября 1859 г.

На завтра назначено заседание кабинета министров, чтобы принять решение относительно образа действий в связи с китайской катастрофой. Литературные упражнения французского «Moniteur» и лондонского «Times» не оставляют никаких сомнений относительно решений, принятых Пальмерстоном и Бонапартом. Им нужна новая китайская война. По полученным мною из достоверного источника сведениям, на предстоящем заседании кабинета г-н Милнер Гибсон будет, во-первых, оспаривать доводы в пользу войны, во-вторых, протестовать против любого объявления войны, предварительно не санкционированного обеими палатами парламента; если его мнение будет отвергнуто большинством голосов, то он выйдет из кабинета, тем самым опять даст сигнал к новой атаке на правительство Пальмерстона и к распаду либеральной коалиции, в свое время вызвавшей отставку кабинета Дерби. Как говорят, предстоящее выступление г-на Милнера Гибсона возбуждает в Пальмерстоне некоторую нервозность, ибо это единственный из его коллег, который внушает ему известный страх и которого он не раз называл человеком, особенно искусным в «выискивании недостатков» у своих противников. Возможно, что одновременно с этой статьей вы получите из Ливерпуля сообщение о результатах заседания кабинета. А пока о действительном состоянии рассматриваемого вопроса можно всего лучше судить не на основании напечатанного материала, а, напротив, на основании того, что было с умыслом опущено газетами Пальмерстона при первой публикации известий, доставленных последней континентальной почтой.

Итак, во-первых, они замолчали сообщение о том, что договор с Россией уже ратифицирован и что китайский император* уже дал своим мандаринам инструкции встретить и проводить

* — Сянь-фын. *Ред.*

в столицу американское посольство для обмена ратифицированными экземплярами договора с Америкой[337]. Эти факты были обойдены молчанием с целью не дать возникнуть совершенно естественному подозрению, что не пекинский двор, а английский и французский дипломатические представители ответственны за то, что в выполнении своей миссии они натолкнулись на препятствия, которых не встретили их русский и американский коллеги. Другой, еще более важный факт, сначала обойденный молчанием «Times» и прочими пальмерстоновскими газетами, но ныне открыто признанный ими, заключается в том, что китайские власти заявили о своей готовности проводить английского и французского дипломатических представителей в Пекин, что китайские чиновники действительно ожидали их прибытия в одном из рукавов устья реки и предлагали им охрану, если только они согласятся оставить свои суда и войска. Так как Тяньцзиньский договор не содержит условий, дающих англичанам и французам право послать эскадру военных судов в реку Байхэ, то является очевидным, что договор был нарушен не китайцами, а англичанами, у которых было заранее принято решение затеять ссору как раз перед тем моментом, который был назначен для обмена ратификационными грамотами. Никому не придет в голову, что достопочтенный г-н Брус, пытаясь маскировать совершенно ясные цели последней китайской войны, действовал на свой страх и риск; напротив, он, очевидно, выполнял лишь секретные инструкции, полученные им из Лондона. Правда, г-н Брус был направлен в Китай не Пальмерстоном, а Дерби, но тут я должен только напомнить вам, что во времена первого правительства сэра Роберта Пиля, когда лорд Абердин был министром иностранных дел, сэр Генри Булвер, английский посол в Мадриде, затеял ссору с испанским двором и в результате должен был покинуть Испанию[338] и что во время дебатов в палате лордов по поводу этого «досадного события» было доказано, что Булвер, вместо того чтобы повиноваться официальным инструкциям Абердина, действовал в соответствии с тарными инструкциями Пальмерстона, который сидел в то время на скамьях оппозиции.

В последние дни прессой Пальмерстона был также пущен в ход один маневр, который — по крайней мере у лиц, знакомых с секретной историей английской дипломатии за последние 30 лет, — но оставляет никакого сомнения в том, кого надо считать действительным виновником катастрофы у Байхэ и грозящей третьей англо-китайской войны. «Times» намекает на то, что пушки, поставленные на фортах Дагу, которые нанесли такой урон английской эскадре, были русского происхождения

и управлялись русскими офицерами. Другой орган Пальмерстона говорит еще яснее. Цитирую его:

«Теперь мы понимаем, как тесно политика России переплетена с политикой Пекина. Мы замечаем крупные передвижения на Амуре. Мы видим большие армии казаков, маневрирующих далеко за Байкалом, в сказочной снежной стране на сумеречных границах Старого света. Мы прослеживаем передвижение бесчисленных караванов. Мы видим, как специальный уполномоченный России (генерал Муравьев, губернатор Восточной Сибири) с тайными планами держит свой путь из отдаленных мест Восточной Сибири в уединенную китайскую столицу. И конечно, общественное мнение нашей страны может кипеть от негодования при мысли, что наша неудача и гибель наших солдат и матросов в какой-то степени объясняется и иностранными влияниями».

Это один из старых трюков лорда Пальмерстона. Когда Россия хотела заключить торговый договор с Китаем, Пальмерстон опиумной войной бросил Китай в объятия его северного соседа[339]. Когда Россия требовала уступки Амура, он осуществил ее желание второй китайской войной[340], а теперь, когда Россия хочет упрочить свое влияние в Пекине, он импровизирует третью китайскую войну. Во всех своих отношениях со слабыми азиатскими государствами — с Китаем, Персией, Средней Азией, Турцией — он постоянно и неизменно придерживался правила — для вида противодействовать планам России, затевая ссору не с Россией, а с азиатским государством, отталкивая последнее от Англии своими пиратскими вооруженными действиями и этим косвенным путем принуждая его к уступкам России, на которые оно не хотело согласиться. Можно не сомневаться в том, что по этому поводу вся прошлая азиатская политика Пальмерстона снова будет подвергнута рассмотрению, и потому я обращаю ваше внимание на «Афганские документы, напечатанные по распоряжению палаты общин 8 июня 1859 года»[341]. Ни один когда-либо опубликованный документ не проливал столько света на злополучную политику Пальмерстона и дипломатическую историю последних 30 лет, как эти документы. В нескольких словах дело заключается в следующем. В 1838 г. Пальмерстон начал против правителя Кабула Дост-Мухаммеда войну, которая кончилась уничтожением английской армии[342]. Он начал ее под тем предлогом, что Дост-Мухаммед заключил тайный союз с Персией и Россией против Англии. Для доказательства этого утверждения Пальмерстон в 1839 г. представил парламенту Синюю книгу, содержащую главным образом переписку между сэром А. Бёрнсом, британским представителем в Кабуле, и правительством в Калькутте[343]. Бёрнс был убит в Кабуле во время восстания против английских захватчиков, но, не доверяя британскому

министру иностранных дел, он в свое время послал копии некоторых из своих официальных писем брату, д-ру Бёрнсу, в Лондон. Когда в 1839 г. появились «Афганские документы», подготовленные Пальмерстоном, д-р Бернс обвинил его в «искажении и подделке депеш покойного сэра А. Бёрнса» и в подтверждение своего заявления опубликовал некоторые из подлинных депеш. Но все это было раскрыто только прошлым летом. При правительстве Дерби, по предложению г-на Хадфилда, палата общин распорядилась, чтобы все афганские документы были опубликованы полностью, и это распоряжение было выполнено в такой форме, чтобы даже самой тупой голове доказать правильность обвинения в искажении и подделке в *интересах России.* На титульном листе Синей книги стоит следующее;

«Примечание. — Переписка, приводившаяся в прежних документах только частично, публикуется здесь полностью; пропущенные раньше места отмечаются скобками ( )».

Имя чиновника, гарантирующего подлинность сборника документов — «Д. У. Кей, секретарь политического и тайного департаментов»; г-н Кей является «правдивым историографом афганской войны».

Для иллюстрации действительных отношений между Пальмерстоном и Россией, против которой он, по его словам, затеял афганскую войну, пока достаточно привести один пример. Русский агент Виткевич, прибывший в Кабул в 1837 г., доставил Дост-Мухаммеду письмо царя. Сэр Александр Бёрнс добыл копию этого письма и послал ее лорду Окленду, генерал-губернатору Индии. В собственных своих депешах и в различных приложенных к ним документах он упоминает об этом обстоятельстве много раз. Но копия письма царя была исключена из числа документов, представленных Пальмерстоном в 1839 г., и в каждой депеше, содержащей упоминание об этом письме, сделаны необходимые изменения с целью скрыть факт связи «императора России» с миссией, направленной в Кабул. Подделка была совершена в целях уничтожения доказательства связи между самодержцем и Виткевичем, которого, по его возвращении в С.-Петербург, Николаю было выгодно формально дезавуировать. Например, на стр. 82 Синей книги можно найти перевод письма к Дост-Мухаммеду, где написано следующее, причем в скобках показаны слова, первоначально вычеркнутые Пальмерстоном:

«Посланец России (или императора) прибыл (из Москвы) в Тегеран и получил приказание ожидать сардара в Кандагаре, а оттуда проследовать к местонахождению эмира. Он имеет при себе (конфиденциальные

послания от императора и) письма от русского посла в Тегеране. Русский посол рекомендует этого человека как в высшей степени надежного и имеющего все полномочия вести любые переговоры (от лица императора и от своего собственного), и т. д. и т. д.».

Эти и подобные подделки, совершенные Пальмерстоном с целью защитить честь царя, не представляют единственную достопримечательность «Афганских документов». Вторжение в Афганистан Пальмерстон оправдывал тем, что сэр Александр Бёрнс советовал осуществить его как средство противодействия русским интригам в Средней Азии. Но, как оказывается, сэр А. Бёрнс действовал как раз наоборот, и потому все его призывы помочь Дост-Мухаммеду были обойдены молчанием в пальмерстоновском издании «Синей книги», причем переписке, посредством искажений и подделок, был придан смысл, совершенно противоположный первоначальному.

Таков человек, ныне предполагающий начать третью войну с Китаем под мнимым предлогом помешать планам России в этом районе.

III

Лондон, 20 сентября 1859 г.

Вопрос о том, что предстоит еще одна война во имя цивилизации против жителей Небесной империи, по-видимому, почти всей английской прессой решен положительно. Тем не менее со времени заседания кабинета министров в последнюю субботу наступила разительная перемена в тех самых газетах, которые рычали громче всех, требуя крови. Лондонский «Times» в явном припадке патриотической ярости сперва метал громы против двойного предательства, совершенного, во-первых, трусливыми монголами, которые, тщательно изменив наружный вид своих позиций и замаскировав свою артиллерию, заманили bonhomme* британского адмирала, во-вторых, пекинским двором, который с еще более отъявленным макиавеллизмом заставил упомянутых монгольских людоедов пустить в ход свои проклятые военные хитрости. Забавно видеть, как «Times», бросаемый туда и сюда бушующим морем страстей, сумел в своих перепечатках официальных отчетов очень тщательно изъять все факты, благоприятные для китайцев, судьба которых была уже предрешена. Перепутать факты возможно в припадке страсти, но чтобы фальсифицировать факты, — для этого нужна холодная, трезвая голова. Как бы то ни было, но 16 сентября, только за один день до заседания кабинета министров, «Times» сделал крутой поворот и как ни в чем не бывало отказался от одной стороны своего двуликого, подобно Янусу, обвинения.

«Мы боимся», — говорит газета, — «что мы не можем обвинить в предательстве *монголов,* оказавших сопротивление нашей атаке на форты Байхэ»,

но затем эту неловкую уступку он старается возместить тем, что с еще большим неистовством настаивает на «умышленном и коварном нарушении торжественного договора *пекинским двором».*

* — простака. *Ред.*

Через три дня после заседания кабинета министров «Times», в связи с дальнейшим рассмотрением вопроса, даже

«не сомневается в том, что если бы гг. Брус и де Бурбулон настаивали, чтобы мандарины проводили их в Пекин, то они смогли бы осуществить ратификацию договора».

Но в таком случае что же остается от предательства пекинского двора? Не остается даже тени его. Однако вместо этого у «Times» имеются два сомнения.

«Быть может», — говорит газета, — «следует *сомневаться,* разумно ли было в качестве *военной* меры пытаться проложить себе дорогу в Пекин с помощью такой слабой эскадры. *Еще более сомнительным* является вопрос, желательно ли было прибегать вообще к применению силы в качестве *дипломатической меры».*

К такому шаткому заключению приходит «ведущий орган» после целой бури негодования, однако, в силу совершенно своеобразной логики, он, будучи не в состоянии указать основания для войны, не отказывается от самой войны. С тех пор как г-н Д. Уилсон получил назначение на должность канцлера индийского казначейства, другой официозный орган, «Economist», выделявшийся своей горячей защитой кантонской бомбардировки, по-видимому, приходит к точке зрения, в которой меньше риторики и больше экономических соображений. «Economist» помещает две статьи на эту тему, одну политического, другую экономического содержания[344]; первая заканчивается выводами такого рода:

«Итак, рассмотрение всего предыдущего с очевидностью показывает, что статья договора, дававшая нашему посланнику право посещать Пекин или проживать в нем, была в буквальном смысле слова *навязана* китайскому правительству, и если существовало мнение, что соблюдение этой статьи существенно необходимо для наших интересов, мы думаем, что при требовании выполнить ее имелась полная возможность проявить понимание и терпение. Без сомнения, нам скажут, что в отношениях с таким правительством, как китайское, отсрочки и терпение истолковываются как признаки роковой слабости и были бы поэтому самой неудачной политикой с нашей стороны. Однако имеем ли мы на этом основании право в наших отношениях с этим восточным правительством изменять принципы, которые мы должны несомненно соблюдать по отношению ко всякой цивилизованной нации? Когда мы, пользуясь их страхом, вынудили нежелательную для них уступку, то, возможно, наиболее последовательной политикой было вынудить их, опять же пользуясь их страхом, немедленно выполнить заключенную сделку способом, наиболее для нас удобным. Но если при этом мы терпим неудачу, если китайцы, тем временем преодолев свой страх, настаивают, при соответствующей поддержке своих слов силой, на том, чтобы мы посоветовались с ними относительно надлежащих способов выполнения договора, — вправе ли мы обвинять их в предательстве? Не применяют ли они по отношению к нам наши же собственные

методы убеждения? Весьма вероятно, что китайское правительство намеревалось заманить нас в эту кровавую ловушку и вовсе никогда не предполагало выполнять договор. Если справедливость этого предположения будет доказана, мы должны и обязаны потребовать удовлетворения. Но может оказаться и то, что намерение защищать устье Байхэ против повторения такого же насильственного вторжения, какое было произведено в прошлом году лордом Элгином, не означает намерения нарушить свои обязательства в отношении всех вообще статей договора. Так как инициатива нападения исходила всецело от нас, и, конечно, наши командиры во всякий момент могли отойти от убийственного огня, открытого китайцами единственно для защиты своих фортов, то мы и не можем доказать существование малейшего намерения со стороны китайцев нарушить свое слово. И пока мы не получим доказательств о существовании намерения нарушить договор, мы, как нам кажется, имеем основание подождать с нашим решением и тем временем поразмыслить, не применяли ли мы в нашем обращении с варварами принципы, весьма похожие на те, которые они практикуют в отношении к нам».

Во второй статье на ту же тему «Economist» подробно останавливается на важном значении, прямом и косвенном, английской торговли с Китаем. В 1858 г. британский экспорт в Китай увеличился до 2876000 ф. ст., между тем как ценность британского импорта из Китая в каждый из трех последних лет составила в среднем более чем 9000000 ф. ст., так что вся прямая торговля между Англией и Китаем может быть оценена в сумме около 12000000 фунтов стерлингов. Но помимо этой непосредственной торговли есть еще три других важных вида торговых операций, с которыми Англия более или менее тесно связана в сфере международных расчетов; это — торговля между Индией и Китаем, торговля между Китаем и Австралией и торговля между Китаем и Соединенными Штатами.

«Австралия», — говорит «Economist», — «ежегодно получает из Китая в больших количествах чай, но не может давать в обмен ничего, что нашло бы сбыт в Китае. Америка тоже получает чай в больших количествах и некоторое количество шелка, ценностью значительно превосходящих ее непосредственный экспорт в Китай».

Оба эти торговых баланса в пользу Китая должны быть уравновешены Англией, которая за это уравновешение товарообмена получает золото из Австралии и хлопок из Соединенных Штатов. Поэтому Англии, независимо от сальдо своего баланса в пользу Китая, приходится платить этой стране крупные суммы за счет стоимости золота, ввозимого из Австралии, и хлопка, — из Соединенных Штатов. Этот излишек, причитающийся в пользу Китая со стороны Англии, Австралии и Соединенных Штатов, в значительной степени переносится с Китая на Индию, в зачет сумм, причитающихся Индии от Китая за опиум и хлопок. Заметим en passant, что ввоз из Китая в Индию

еще никогда не достигал суммы 1000000 ф. ст., тогда как китайский вывоз из Индии составляет сумму приблизительно в 10000000 фунтов стерлингов. Из этих экономических фактов «Economist» делает вывод, что всякое серьезное нарушение британской торговли с Китаем было бы «гораздо большим бедствием, чем можно себе представить на первый взгляд на основании одних цифр экспорта и импорта», и что затруднения, вызванные таким расстройством, не только сказались бы на непосредственной британской торговле чаем и шелком, но и должны «воздействовать» на британские торговые отношения с Австралией и Соединенными Штатами. «Economist», конечно, знаком с тем, что во время последней китайской войны военные действия мешали торговле не в такой сильной степени, как этого опасались, и что в шанхайском порту влияние войны совсем даже не чувствовалось. Но «Economist» обращает внимание на «две новых черты в нынешнем споре», которые могут существенным образом видоизменить влияние новой китайской войны на торговые сношения; эти две новых черты состоят в «имперском», а не «местном» характере нынешнего конфликта, и в «блестящем успехе», которого китайцы впервые добились в борьбе против европейских войск.

Как отличается этот язык от задорного боевого клича того же «Economist» во время инцидента с лорчей!

Как я предсказывал в моей последней статье, заседание кабинета министров ознаменовалось протестом г-на Милнера Гибсона против войны и его угрозой выйти из кабинета в случае, если Пальмерстон присоединится к предвзятым заключениям, высказанным на страницах французского «Moniteur». На время Пальмерстону удалось предупредить распад кабинета и либеральной коалиции благодаря своему заявлению, что необходимые для защиты британской торговли военные силы будут сосредоточены в китайских водах, но в то же время впредь, до получения более обстоятельного донесения со стороны британского посланника, не будет принято никакого решения по вопросу о войне. Таким образом, жгучий вопрос был отложен. Однако действительные намерения Пальмерстона ясно сквозят на столбцах его бульварного органа «Daily Telegraph», который в одном из своих последних номеров говорит:

«Если какое-либо событие приведет в течение ближайшего года к неблагоприятному для правительства вотуму, то, наверное, придется обратиться к избирателям... Палата общин покажет результат своей деятельности своим постановлением по китайскому вопросу, принимая во внимание, что к профессиональным недоброжелателям, возглавляемым г-ном Дизраэли, нужно присоединить космополитов, которые заявляют, что монголы были совершенно правы».

Что касается затруднений, в которые попали тори благодаря тому, что они позволили навязать себе ответственность за дела, задуманные Пальмерстоном и осуществленные двумя его агентами — лордом Элгином и г-ном Брусом (братом лорда Элгина), то мне, быть может, еще представится случай высказать об этом свои замечания.

IV

Лондон, 30 сентября 1859 г.

В одной из предыдущих статей я утверждал, что конфликт на реке Байхэ произошел не случайно, а, напротив, был заранее подготовлен лордом Элгином, действовавшим согласно тайным инструкциям Пальмерстона и навязавшим лорду Малмсбери, торийскому министру иностранных дел, проект благородного виконта, в то время сидевшего на скамьях оппозиции в качестве ее лидера. Прежде всего, идея, согласно которой «случайности» в Китае возникли из «инструкций», данных нынешним британским премьером, совсем не нова; уже во время дебатов о войне из-за лорчи она была высказана в палате общин столь хорошо осведомленным лицом, как г-н Дизраэли, а также — что особенно любопытно — подтверждена не более, не менее как самим лордом Пальмерстоном. 3 февраля 1857 г. г-н Дизраэли предостерегал палату общин в следующих выражениях:

«Я не могу не питать уверенности, что события, имевшие место в Китае, не были следствием указанной здесь причины, а являются в действительности следствием *инструкций, полученных из Англии* уже много времени тому назад. Если это так, то, мне думается, наступило время, когда палата не может, не изменяя своему долгу, уклониться от серьезного исследования вопроса, имеются ли у нее средства контролировать *систему,* которая, в случае ее сохранения на будущее время, окажется, по моему мнению, роковой для интересов нашей страны».

Лорд Пальмерстон с величайшим хладнокровием ответил:

«Достопочтенный джентльмен говорит, что ход событий оказался результатом *известной системы, предопределенной правительством в Англии.* Без сомнения, это так и есть».

В настоящее время беглый взгляд на страницы Синей книги, озаглавленной *«Переписка, касающаяся специальной миссии графа Элгина в Китай и Японию в 1857—1859 гг.»,* покажет, что событие, имевшее место на Байхэ 25 июня, лорд Элгин задумал уже 2 марта. На стр. 484 вышеназванной переписки мы находим следующие две депеши.

Граф Элгин — контр-адмиралу Майклу Сеймуру

Корабль «Фюриес», 2 марта 1859 г.

«Сэр! Относительно моей депеши Вашему превосходительству от 17 февраля я позволю себе заявить, что я питаю некоторую надежду, что решение, принятое правительством ее величества по вопросу о постоянном пребывании британского посланника в Пекине, сообщенное мною Вашему превосходительству во вчерашнем разговоре, может побудить китайское правительство надлежащим образом принять представителя ее величества, когда он проследует в Пекин для обмена документами о ратификации Тяньцзиньского договора. В то же время, без сомнения, возможно, что эта надежда не осуществится; во всяком случае я предполагаю, что *правительство ее величества пожелает,* чтобы нашего посланника *при следовании в Тяньцзинь* сопровождали *внушительные военные силы.* При таком положении дела я решаюсь предложить на усмотрение Вашего превосходительства, не является ли целесообразным сосредоточить в Шанхае в ближайший удобный момент *достаточно сильную для этой цели* эскадру канонерок, так как прибытие в Китай г-на Бруса не может быть отсрочено надолго. Имею честь и т. д.

Элгин и *Кинкардин»*

Граф Малмсбери — графу Элгину

Министерство иностранных дел, 2 мая 1859 г.

«Милорд! Я получил депешу Вашего превосходительства от 7 марта с. г. и должен сообщить Вам, что правительство ее величества одобряет ноту, копия которой была приложена и в которой Ваше превосходительство сообщили императорскому уполномоченному, что правительство ее величества не будет настаивать на том, чтобы посланник ее величества постоянно находился в Пекине.

Правительство ее величества одобряет также то, *что Вы предложили* контр-адмиралу Сеймуру собрать эскадру канонерок в Шанхае для сопровождения г-на Бруса *вверх по реке Байхэ.*

Имею честь...

Малмсбери»

Итак, лорду Элгину известно заранее, что британское правительство «пожелает», чтобы его брата, г-на Бруса, сопровождал «внушительный отряд» «канонерок» вверх по реке Байхэ, и он приказывает адмиралу Сеймуру подготовиться «к этому». Граф Малмсбери в своей депеше от 2 мая одобряет мысль, предложенную адмиралу лордом Элгином. Вся переписка выставляет лорда Элгина в роли хозяина, а лорда Малмсбери в роли слуги. В то время как первый постоянно берет на себя инициативу и действует согласно инструкциям, полученным непосредственно от лорда Пальмерстона, даже не дожидаясь новых инструкций с Даунинг-стрита, лорд Малмсбери довольствуется тем, что уступает «пожеланиям», которые его властный подчиненный заранее предугадывает в его душе. Он одобрительно кивает, когда Элгин утверждает, что, пока договор не ратифицирован, англичане

не имеют права войти в какую-либо китайскую реку; он одобрительно кивает, когда Элгин полагает, что они должны проявить больше терпения к китайцам в отношении выполнения статьи договора, касающейся представительства в Пекине, и, не задумываясь, одобрительно кивает, когда, в прямом противоречии со своим прежним заявлением, Элгин настаивает на праве англичан прорваться к реке Байхэ силами «внушительной эскадры канонерок». Он одобрительно кивает точно так же, как Догбери одобрительно кивал в ответ на предложения пономаря*.

Жалкий вид и смиренная покорность графа Малмсбери объясняются легко, если мы вспомним крик, поднятый лондонским «Times» и другими влиятельными газетами при приходе к власти торийского кабинета по поводу большой опасности, угрожавшей блестящему успеху, которого лорд Элгин вот-вот должен был добиться в Китае по инструкциям Пальмерстона, — успеху, который торийское правительство, хотя бы только в пику Пальмерстону и чтобы оправдать свой вотум недоверия в связи с его бомбардировкой Кантона, по всей вероятности, сведет на нет. Малмсбери дал запугать себя этим криком. Более того, он не забыл еще судьбы лорда Элленборо, который осмелился открыто противодействовать индийской политике благородного виконта и в благодарность за свое патриотическое мужество был принесен в жертву своими же коллегами по кабинету Дерби[345]. Вследствие этого Малмсбери отказался от всякой инициативы в пользу Элгина и тем самым позволил последнему выполнить план Пальмерстона под ответственность его официальных противников — тори. Это и есть то самое обстоятельство, которое в настоящее время поставило тори перед печальной альтернативой в смысле выбора позиции по отношению к событиям на Байхэ. Они либо должны трубить в боевые трубы вместе с Пальмерстоном и этим удерживать его у власти, либо отвернуться от Малмсбери, которого они осыпали отвратительной лестью во время последней итальянской войны.

Эта альтернатива тем более трудна, что надвигающаяся третья война с Китаем отнюдь не пользуется популярностью в британских торговых кругах. В 1857 г. они выпустили на арену британского льва, ибо ожидали крупных торговых барышей от насильственного открытия китайских рынков. В настоящий момент, наоборот, они чувствуют скорее досаду, видя, что все плоды договора внезапно вырваны у них из рук. Они знают, что и без дальнейших осложнений, которые принесет большая

* Шекспир. «Много шуму из ничего», акт IV, сцена вторая; акт V, сцена первая. *Ред.*

китайская война, положение дел в Европе и Индии достаточно угрожающее. Они не забыли, что в 1857 г. ввоз чая упал более чем на 24 миллиона фунтов, причем чай является товаром, вывозимым почти исключительно из Кантона, который представлял тогда единственный театр военных действий, и они опасаются, что теперь прекращение торговли из-за войны может распространиться на Шанхай и остальные торговые порты Небесной империи. После первой китайской войны, предпринятой англичанами в интересах контрабанды опиума, и второй войны, затеянной для защиты лорчи какого-то пирата, оставалось только дойти до последней точки и сымпровизировать еще одну войну с целью досадить китайцам, навязав им присутствие постоянных посольств в их столице.

Написано К. Марксом 13, 16, 20 и 30 сентября 1859 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» №№ 5750, 5754, 5761 и 5768, 27 сентября, 1, 10 и 18 октября 1859 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КОРРУПЦИЯ В АНГЛИИ

Лондон, 18 октября 1859 г.

Комиссии, назначенные для обследования положения дел в избирательных округах Глостера и Уэйкфилда, своими ежедневными открытиями только подтверждают слова старика Коппока, бывшего агента Реформ-клуба[346] по выборам, о том, что подлинную конституцию британской палаты общин можно выразить в одном слове — *коррупция.* Особенный интерес нынешнему обследованию придает то обстоятельство, что Глостер представляет собой исконное «гнилое местечко»[347], а Уэйкфилд является избирательным округом, созданным парламентской реформой[348], и что в Глостере подкупы осуществляются завзятым тори, сэром Робертом Карденом, стяжавшим себе славу Догбери, а в Уэйкфилде — радикалом, г-ном Литамом, зятем г-на Брайта. Младенческая невинность, проявленная в обоих случаях парламентскими кандидатами, производит в наш испорченный век скептицизма прямо-таки отрадное впечатление. Оба кандидата находят деньги на покупку голосов, по оба делают все, чтобы не знать, на что идут эти деньги. С начала и до конца выборов счета их поверенных растут в геометрической прогрессии, но в той же прогрессии растет и их вера в незапятнанную чистоту избирателей, представлять которых в парламенте для них, по их словам, есть предел их земных вожделений. Взгляните, например, на этого образцового квакера, на достопочтенного г-на Литама. В 1857 г. он баллотировался по округу Уэйкфилд и при этом пользовался услугами поверенного по имени Уэйнрайт в качестве своего «друга-юриста». В припадке чистосердечной откровенности Уэйнрайт отводит своего друга-квакера в сторону для беседы; простодушный г-н Литам поражен,

он считал себя l'homme qu'on aime pour lui-meme*, и что его должны избрать в парламент pour le roi de Prusse**, а тут ему весьма ехидно сообщают, что выборы — это прежде всего вопрос фунтов, шиллингов и пенсов, а потому «потребное» должно быть найдено во что бы то ни стало. Уэйнрайт определяет нужную сумму в 1000 фунтов. Литам восклицает: «такой суммы у меня нет, но я раздобуду ее в долг», и, верный слову, Литам через посредство Оверенда и Гёрни, квакерских банкиров с Ломбард-стрита в Лондоне, переслал Уэйнрайту 1000 фунтов. Вскоре после этого Уэйнрайт, видимо охотник до таинственных pourparlers***, снова отводит Литама «в сторону», шепчет ему на ухо, что, как оказывается, выборы *обойдутся* дороже, чем он думал раньше, и требует еще 500 фунтов. Простодушный Литам «находит это несколько странным», но все же, поразмыслив и вспомнив, что выборы 1852 г. обошлись в 1600 фунтов, расширяет кредит еще на 500 фунтов. При этом всего любопытнее, что ему будто бы не вполне ясно, откуда поступили эти деньги. Но вот проходят еще две недели, и неумолимый Уэйнрайт настаивает на новой сумме в 1000 фунтов стерлингов. Тут уж наш Литам, эта воплощенная невинность, разыгрывает мелодраму.

«Это требование», — говорит он, — «меня весьма рассердило, и я это прямо заявил ему, прибавив, что многое, что творится в его конторе, мне далеко не по вкусу. Я замечал там много каких-то странных личностей, но все же надеялся, что там не происходит ничего предосудительного. Уэйнрайт сказал: «Вы должны предоставить это дело мне и *не задавать никаких вопросов.* Вы должны дать в мое распоряжение еще 1000 фунтов, хотя я не думаю, что они мне понадобятся». Я был весьма безрассуден, согласившись на его требование; деньги, как я *думаю,* были получены из того же источника, что и раньше».

Таинственный незнакомец, «доставлявший деньги», является компаньоном г-на Литама, однако в настоящее время он не присутствует при производстве следствия, так как, несмотря на довольно неподходящее время года, ему вздумалось совершить поездку по континенту.

Если квакер Литам, несмотря на свой доверчивый характер, питает некоторые опасения, по ухитряется успокоить свою совесть тем, что «не задает никаких вопросов», то сэр Р. Карден, с другой стороны, — ведь «для чистого все чисто», — чувствовал себя настолько ободренным своим глостерским избирательным опытом 1857 г., что в 1859 г. снова выставил свою кандида-

* — человеком, которого любят ради него самого, за его личные качества. *Ред.*
** — даром, ради прекрасных глаз. *Ред.*
*** — переговоров. *Ред.*

туру от того же самого местечка, хотя на этот раз неудачно. Настоящая причина, побудившая его попытаться пройти в двери церкви св. Стефана[349] на плечах глостерских избирателей, заключалась в том, что он считал Глостер столь непорочным, что для него было бы честью и знаком особого почтения стать его представителем в парламенте, «тогда как Коппок со своими мирмидонянами обычно называл Глостер сыром», потому что он «столь вкусно разложился», короче говоря, потому что от этой помойной ямы разило подкупностью. С суммы в 500 фунтов, которая была установлена вначале, избирательные расходы внезапно подскочили почти до 6000 фунтов, и тем не менее даже после отчета контролера, определяющего легальные расходы в 616 ф. 8 шил. 1 п., убеждение сэра Кардена в безукоризненности ведения дела в Глостере оставалось непоколебленным.

«*Еще несколько дней назад* он верил, что выборы были проведены безукоризненно, когда вдруг он был прямо-таки потрясен, услышав ужасные разоблачения, которые были сделаны. Эти разоблачения явились для него полной неожиданностью».

Итак, вся избирательная философия парламентских кандидатов состоит в том, что они позволяют своей левой руке не ведать, что творит правая, и, таким образом, умывают обе руки в воде невинности. Открывать свои карманы, не задавать никаких вопросов и верить в добродетель человеческого рода — все это устраивает их наилучшим образом.

Что касается сословия юристов — стряпчих, поверенных и адвокатов, к услугам которых прибегают при выборах, то они, разумеется, имеют совершенно законное право на свой гонорар. Нельзя же требовать от них, чтобы они тратили свое время и «устраивали» дело даром.

«Вот еще», — воскликнул один из этих глостерских делателей членов парламента, — «стану я давать им мой голос задаром! Поглядите-ка на 24 адвокатов, что получают по 25 фунтов единовременно и по 5 гиней в день; стану я давать им мой голос задаром!»

А г-н Джордж Бьюкенен, джентльмен, собиравший голоса в компании с сэром Р. Карденом, говорит:

«Действительно, тут все наперебой старались дорваться до денег. Мне неприятно, что так поносят бедняков за их 3 шил. 6 п. в день, а профессионалы, получавшие большие куши за ничегонеделание, вышли сухими из воды».

Что касается самих делателей членов парламента, то для их характеристики достаточно нескольких примеров. Г-н В. Клаттербак, поверенный и собиратель голосов для сэра Р. Кардена, посмеивается себе в кулак, говоря, что «Глостер продажен не более, чем любое другое место в Англии». Он сразу наметил себе

«семью Купи». Этих Купи восемь или девять человек, и семья их с незапамятных времен играла выдающуюся роль в глостерских выборах. «Это люди, — говорит Клаттербак, — которых надо забавлять», и поэтому он ходил к Купи, курил с Купи трубку, болтал с Купи, однако прямых обещаний им не давал, пет, никоим образом! Но все-таки «подал им надежду на кое-что». По его следам пошел и г-н Джон Уорд — подрядчик, который предложил каждому из Купи по 5 фунтов стерлингов. Двое из Купи, говорит он, взяли деньги. Один из них, правда, уже умер, однако за него голосовал кто-то другой.

«Я», — говорит подрядчик Джон Уорд, — «дал девяти из них по 5 фунтов каждому, а покойному 3 фунта. Во время выборов 1857 г. его уже не было в живых, однако его голос был подан за сэра Р. Кардена».

Затем выступает г-н Мейси.

«Я», — говорит он, — «держу лавочку со всяким товаром, а по профессии я — парикмахер».

Мейси убедился в том, что «подкуп шел во всю», и потому покупал избирателей, платя от 2 до 12 фунтов за штуку. Простым смертным, которому посчастливилось получить 12 фунтов, был некто Эванс.

«Этот человек», — говорит наш почтенный парикмахер, — «хорошо знал всех *избирателей из низших сословий.* Эванс стоил 20 фунтов, как избиратель и соглядатай».

Как видно, Мейси, этот молодчина парикмахер, подбил нескольких головорезов с некиим Клементом во главе, чтобы в день выдвижения кандидатов они похитили одного старого избирателя по имени Уортен из трактира «Белого льва», впрочем сам он (Мейси) не видел, чтобы у этого «льва» «сдирали со спины шкуру». Этот человек, сказал Мейси во время допроса, «был слишком стар и слеп, чтобы сопротивляться, и к тому же пьян». В Уэйкфилде цены были выше, чем в Глостере, голос стоил там от 5 до 70 фунтов. В то же время противники прибегали здесь к более насильственным методам. По мнению некоего г-на Смита, имевшего многолетний опыт, Уэйкфилд был самым продажным избирательным округом во всей Европе, и за деньги и пиво в нем можно было добиться избрания кого угодно. На последней стадии борьбы, происходившей между квакером Литамом, радикалом, и г-ном Чарлзуортом, консерватором, «весь город знал, что можно получить сколько угодно денег в конторе Уэйнрайта», агента нашего беспорочного квакера. Единственной значительной чертой, отличавшей консерваторов от либералов, было то, что последние, при случае, не брезгали выпуском «поддельных банкнот», тогда как первые платили

полноценными деньгами. Около полдюжины уэйкфилдских избирателей образовали клуб, с тем чтобы перетянуть чашу весов, куда им вздумается, когда голосование будет подходить к концу. Некто Т. Ф. Тауэр, цырюльник, голосовал за г-на Литама по той причине, что один из литамовских собирателей голосов дал ему 40 фунтов за щетку для волос. Один исключительно щепетильный субъект, Джон Уилкокс, не голосовал вовсе, ибо он получил 25 фунтов за голос в пользу Литама и 30 фунтов за голос в пользу соперника Литама. «Он вышел из положения таким образом, что вовсе не явился на выборы». Некто Бенджамин Ингам, голосовавший за Литама, не мог даже сказать, сколько он получил денег, ибо «в то время он, как правило, был пьян». Тор it заманили некоего Джемса Кларка, гадальщика п прорицателя по звездам, на постоялый двор, где напоили его допьяна и «несколько дней держали его в одной из комнат гостиницы, давая вволю есть и пить». Однако под конец ему все же удалось удрать, и он голосовал за Литама, «отчасти желая досадить синим за то, что они посадили его под замок, а отчасти, чтобы получить 50 фунтов».

Далее, был некто Уильям Диксон, по профессии водопроводчик, который в это утро был занят работой в белильне г-на Тила.

«Когда он пришел в помещение наверху забрать еще несколько труб для окончания своей работы, дверь снаружи внезапно захлопнулась, ее заперли на замок и забили гвоздями. В комнате было трое мужчин и мальчик, чтобы принудить его держать себя смирно; при них была веревка, чтобы связать его в случае необходимости».

Словом, если либералы отличались своими «фальшивыми банкнотами», то консерваторы стали знамениты тем, что пускали в ход физическую силу.

По поводу этих возмутительных разоблачений английской избирательной системы лорд Брум счел нужным выступить с длинной речью в Брадфорде, в которой он открыто признал, что преступления, связанные с подкупом, быстро растут, что они были сравнительно редки до 1832 г., но сильно возросли со времени парламентской реформы 1832 года. Лорд Брум намеревался уменьшить это зло. Каково же это любопытное средство, найденное лордом Брумом? Не давать избирательного права *трудящимся классам* до тех пор, пока мелкая буржуазия, поддающаяся подкупу, и высшие классы, подкупающие ее, не исправятся! Только старческим слабоумием можно объяснить такой парадокс.

Написано К. Марксом 18 октября 1859 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5783, 4 ноября 1859 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

РАДИКАЛЬНАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ НА МИР

Париж, 20 октября 1859 г.

В главных своих чертах мирный договор, заключенный в Цюрихе между уполномоченными Франции и Австрии, является простым воспроизведением статей Виллафранкского соглашения[350]. Так как переговоры об окончательном мире заняли почти вдвое больше времени, чем военные действия, внезапно прекратившиеся у стен Мантуи, то нашлось очень много легковерных людей, готовых объяснить медлительность миротворцев каким-то глубоко продуманным секретным планом Луи Бонапарта. Бонапарт, говорили они, хотел предоставить итальянцам полную свободу действий, т. е. позволить им взять в свои собственные руки ведение своих дел, так чтобы, когда итальянское единство укрепилось бы, французский освободитель мог легко избавиться от досадных уступок, сделанных им Францу-Иосифу, и вместо взятого на себя обязательства апеллировать к высшей силе, силе fait accompli*. Политические соглашения не свободны от влияния случайностей, которым подвержены договоры в области гражданского права, подлежащие, согласно Code Napoleon, аннулированию в случае вмешательства force majeure[351]. Люди, рассуждающие таким образом, снова обнаружили свое прискорбное невежество не только относительно характера их любимого героя, но и относительно традиционной французской дипломатии, от «красного кардинала»** до героя декабря и от «злодеев» Директории до «синих» 1848 года[352]. Первый принцип этой традиционной дипломатии

* — совершившегося факта. *Ред.*
** — Ришелье. *Ред.*

провозглашает в качестве первой обязанности Франции не допускать образования на ее границах могущественных государств и, следовательно, при всех обстоятельствах поддерживать антиунитарные конституции Италии и Германии. Одна и та же политика диктовала мир в Мюнстере и мир в Кампоформио[353]. Действительная цель, которую преследовали до бесконечности затянувшиеся переговоры в Цюрихе, стала ныне ясна, как день. Если бы Луи Бонапарт попытался осуществить условия Виллафранкского договора в начале июля, т. е. в то время, когда его собственная армия была упоена победой, когда в Италии бушевали народные страсти и когда Франция успокаивала свою оскорбленную гордость сумасбродной идеей, будто она для того терпит у себя дома рабство, чтобы одарять свободой другие народы, тогда голландский узурпатор дал бы волю яростным враждебным силам, бороться с которыми было бы труднее, нежели с твердыней четырехугольника между Минчо и Адидже. Он не смог бы положиться на свою собственную армию, он толкнул бы Италию к действию и, возможно, дал бы сигнал для восстания в Париже. Для того чтобы от возвышенной мелодрамы, инсценированной для данного случая, перейти к деловой пошлости заранее подготовленного обмана, не требовалось ничего, кроме времени. Французская армия еще стоит на итальянской земле, однако из армии освободительной она превратилась в армию оккупационную, и ее повседневные отношения с местными жителями являются далеко не дружескими, ибо, как это обычно бывает, близкое соприкосновение породило презрительное отношение. Со своей стороны Франция пробудилась от кратковременного сна, она содрогается перед опасностью появления европейской коалиции, она раздумывает над тем, что она потеряла старую армию и приобрела новый государственный долг, и, более чем когда-либо, чувствует недоверие к idees napoleoniennes*. Что касается самой Италии, то о ее состоянии мы должны судить на основании фактов, а не официальных деклараций. Мы видим Гарибальди, который не может добыть денег на покупку оружия для своей армии добровольцев[354], мы видим эту самую армию, сила которой кажется почти смехотворной в сравнении с массами, стекавшимися под знамена Пруссии во время войны за независимость[355], когда Пруссия по территории стала гораздо меньше Ломбардии.

Сам Мадзини, в своем обращении к Виктору-Эммануилу[356], признает, что поток общенационального энтузиазма быстро замерзает в провинциальных лужах и что условия возврата

* — наполеоновским идеям. *Ред.*

к прежнему положению вещей находятся в процессе быстрого созревания. Правда, мрачное интермеццо между договором в Виллафранке и миром в Цюрихе было заполнено в герцогствах и в Романье несколькими большими официальными инсценировками под руководством пьемонтских режиссеров; однако, несмотря на шумные аплодисменты со всех галерок Европы, эти политические фокусники только сыграли на руку своим тайным врагам. Жителям Тосканы, Модены, Пармы и Романьи позволили учреждать временные правительства, низлагать своих бежавших правителей с их карликовых тронов и провозглашать Виктора-Эммануила re eletto*, но в то же время они получили строгий наказ удовольствоваться этими формальностями, держаться смирно и предоставить все остальное французскому провидению, собиравшемуся решать их судьбы в Цюрихе и особенно неблагоприятно настроенному по отношению к причудам энтузиазма, взрывам народных страстей и вообще всяким allures revolutionaires**. Все надежды они должны были возлагать не на свою энергию, а на благонравие своего поведения, не на свою собственную мощь, а на милость чужеземного деспота. Передачу какого-нибудь поместья из рук одного собственника в руки другого нельзя было бы осуществить спокойнее, чем переход Центральной Италии из-под чужеземного ига к национальному самоуправлению. Во внутреннем управлении ничего не изменилось, народное движение было совершенно подавлено, свобода печати уничтожена, и, быть может, впервые в истории Европы плоды революции, казалось, были собраны без революционных испытаний. Благодаря всему этому политическая атмосфера Италии остыла в достаточной степени, чтобы позволить Луи Бонапарту выступить со своими заранее принятыми решениями, а итальянцев предоставить их собственному гневному бессилию. При наличии одной французской армии в Риме, другой в Ломбардии, одной австрийской армии, угрожающей с высот Тироля, другой, занимающей четырехугольник крепостей, и, прежде всего, при столь успешных стараниях пьемонтских правителей охладить народный энтузиазм, — у Италии в настоящее время остается мало надежд. Что касается самого Цюрихского мира, то мы обращаем особенное внимание на две статьи, которых нельзя найти в первой редакции договора[357]. В силу первой статьи, на Сардинию взваливается долг в 250000000 франков, частично подлежащий уплате Францу-Иосифу, частично вытекающий из возложенной на нее ответственности в размере трех пятых обязательств Ломбардо-

* — избранным королем. *Ред.*
** — революционным выходкам. *Ред.*

Венецианского банка. С прибавлением этого нового долга в 250000000 франков к долгам, сделанным во время крымской экспедиции и последней итальянской войны, не считая небольшого векселя, предъявленного несколько дней тому назад Луи Бонапартом за оказанное им вооруженное покровительство, Сардиния скоро очутится на одинаковом уровне финансового процветания с ненавистным ей противником. Другая из упомянутых нами статей устанавливает, что

«территориальные границы независимых государств Италии, которые не принимали участия в последней войне, могут быть изменены только с согласия других европейских держав, принимавших участие в образовании этих государств и гарантировавших их существование». В то *wo* время «права государей Тосканы, Модены и Пармы *специально оговариваются* высокими договаривающимися державами».

Итак, временные итальянские правительства, сыгравшие отведенную им роль, теперь самым пренебрежительным образом игнорируются, а население, которое они сумели удержать ц столь обычном состоянии пассивности, может, если ему угодно, идти просить милостыню у дверей творцов Венского договора.

Написано К. Марксом. 20 октября 1859 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5786, 8 ноября 1859 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ТРЕВОЖНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ГЕРМАНИИ

Париж, 15 ноября 1859 г.

В настоящее время в порядке дня стоит querelle allemande*, которая, сколь бы незначительной она ни казалась широкой публике, может привести к общегерманской и даже общеевропейской катастрофе. Маленькая страна, представляющая предлог для ссоры между главными тевтонскими державами, приобрела себе дурную репутацию в истории Соединенных Штатов. Общеизвестно, что из тех тысяч вымуштрованных рабов, которых Англия покупала в Германии, чтобы, переправив через Атлантический океан, спустить их на свои восставшие колонии, главную массу доставлял Гессен-Кассель, патриархальный курфюрст которого обычно извлекал доходы из обмена своих верных крестьян на британское золото. С этой памятной эпохи отношения между курфюрстами и их подданными, по-видимому, становились все более враждебными, пока в 1830 г. июльская революция во Франции не подала сигнала для революции в Гессен-Касселе. Эта революция была тайно поддержана нынешним курфюрстом**, который в то время очень желал разделить ответственность верховной власти со своим дражайшим батюшкой***. Маленькая революция расчистила путь для гессенской конституции 5 января 1831 г., которая ныне является основным боевым кличем в борьбе между Австрией и Пруссией. В 1850 г. эта конституция довела их до бескровной битвы при Бронцелле и, при благоприятных обстоятельствах, может вскоре побудить Луи Бонапарта заняться «изучением» «германского вопроса»,

* — германская ссора. *Ред.*
** — Фридрихом-Вильгельмом I. *Ред.*
*** — Вильгельмом II. *Ред.*

после того как он сумел всем надоесть «итальянским вопросом». Чтобы объяснить нынешний конфликт, представляется не лишним сделать краткий обзор гессенской конституции 1831 г., превращений, которым она подвергалась, и событий, которые связали ее судьбу с притязаниями соперничающих Австрии и Пруссии.

За исключением способа выборов, предписываемого гессенской конституцией 1831 г., т. е. выбора представителей старыми сословиями (дворянством, горожанами, крестьянами), эту конституцию можно признать самым либеральным основным законом, когда-либо провозглашенным в Европе. Нет другой конституции, которая ограничивала бы исполнительную власть столь узкими пределами, ставила бы правительство в большую зависимость от законодательной власти и давала бы судебной власти столь широкое право контроля. Чтобы объяснить этот странный факт, можно сказать, что гессенская революция 1831 г. была в действительности революцией, совершенной против монарха адвокатами, гражданскими чиновниками и военными, действовавшими в согласии с недовольными из всех «сословий». Согласно первой статье конституции, права престолонаследия лишается каждый гессенский государь, отказавшийся принести присягу конституции. Закон об ответственности министров, который отнюдь не является пустой фразой, дает народным представителям возможность, с помощью государственного трибунала, удалить с должности каждого министра, признанного виновным хотя бы в ложном истолковании какого-нибудь постановления законодательного собрания. Монарх лишен права помилования. Он не имеет права ни переводить на пенсию членов правительства, ни удалять их с должностей против их воли, в таких случаях они всегда могут апеллировать к судебным палатам. Последние облечены правом выносить окончательное решение по всем вопросам служебной дисциплины. Палата представителей избирает из числа своих членов постоянную комиссию, образующую нечто вроде ареопага, который осуществляет наблюдение и контроль за деятельностью правительства и предает суду чиновников за нарушение конституции, причем не делается никаких исключений и в тех случаях, когда подчиненные выполняли приказания своих начальников. Таким образом, чиновники освобождены от власти короны. С другой стороны, судебные палаты, имеющие полномочия выносить окончательные решения по всем актам исполнительной власти, были сделаны всемогущими. Коммунальные советники, избираемые народом, должны были руководить не только местной полицией, но также и общей. Офицеры армии перед поступлением на службу

обязаны принести присягу верности конституции и пользуются ко отношению к короне такими же правами, как и гражданские лица. Представительный орган, состоящий только из одной палаты, имеет право приостанавливать взимание всех налогов, податей и пошлин в случае какого-либо конфликта с исполнительной властью.

Такова гессен-кассельская. конституция 1831 г., которую отец ныне правящего государя курфюрст Вильгельм II провозгласил «в полном согласии со своими сословиями» и которая, как он надеялся,

«будет процветать в течение многих столетий, как прочный памятник согласия между государем и его подданными».

Проект этой конституции в свое время был представлен гессенским правительством Союзному сейму, который, если и не дал ему своей санкции, то, по-видимому, принял его как fait accompli*. Можно было предвидеть, что, несмотря на все pia desideria**, конституционной машине не суждено будет действовать гладко в Гессен-Касселе. С 1832 по 1848 г. сменилось не менее десяти составов законодательной палаты, из которых даже и двум не удалось просуществовать положенный им срок. Революция 1848—1849 гг. пропитала конституцию 1831 г. более демократическим духом: выборы по сословиям были отменены, назначение членов верховного суда передано законодательной власти, и, наконец, из рук государя было изъято верховное командование армией и передано военному министру — лицу, ответственному перед представителями народа.

В 1849 г. при открытии первой гессенской законодательной палаты, избранной в соответствии с новым избирательным законом, в Германии уже началась всеобщая реакция; тем не менее, все находилось еще в состоянии брожения. Старый Союзный сейм был сметен революционной волной, а германское Национальное собрание с его призрачной исполнительной властью было ликвидировано при помощи штыков. Таким образом, общего центра всего Германского союза более не существовало. При таких обстоятельствах Австрия потребовала восстановления старого сейма во Франкфурте, где ее влияние всегда было преобладающим, тогда как Пруссия стремилась образовать северный союз для использования его в своих интересах и под своим собственным контролем. Австрия, поддерживаемая четырьмя германскими королевствами и Баденом, действительно сумела сгруппировать вокруг себя во Франкфурте-на-Майне

* — совершившийся факт. *Ред.*
** — благие пожелания. *Ред.*

остатки старого Союзного сейма, тогда как Пруссия сделала слабую попытку организовать союзный сейм в Эрфурте при участии некоторых из более мелких государств. Само собой разумеется, что Гессен-Кассель, руководимый своим либеральным законодательным собранием, находился среди главных противников Австрии и был сторонником Пруссии. Однако, как только курфюрст убедился, что Австрия имеет поддержку России и, по всей вероятности, должна победить в этом состязании, он сбросил маску, высказался за австрийский сейм и против прусского союза, поставил у власти реакционное министерство во главе с имевшим дурную славу Хассенпфлугом, распустил оппозиционную законодательную палату, отказавшуюся вотировать налоги, и, после тщетной попытки взимать налоги своей собственной властью, не находя поддержки в рядах армии, у бюрократии и в судебных учреждениях, ввел в Гессен-Касселе осадное положение. Он принял весьма благоразумные меры предосторожности, удалившись из своего государства и отправившись во Франкфурт-на-Майне, чтобы остаться там под непосредственной защитой Австрии. Австрия, от имени восстановленного ею старого сейма, отправила союзный корпус с заданием уничтожить гессенскую конституцию и восстановить курфюрста на троне. Со своей стороны, Пруссия была принуждена высказаться за гессенскую конституцию и против курфюрста, чтобы подкрепить свой собственный протест против восстановления Союзного сейма и свою попытку создать северный союз под своим собственным покровительством. Таким образом, гессенская конституция превратилась в лозунг борьбы между Австрией и Пруссией. Тем временем события шли к кризису. Авангарды союзной и прусской армий встретились у Бронцелля, однако обе стороны протрубили сигнал к отступлению. Министр-президент Пруссии фон Мантёйфель встретился в Ольмюце 29 ноября 1850 г. с австрийским премьер-министром князем Шварценбергом и здесь отказался в его пользу от всех прусских притязаний на самостоятельную политику во всем, что касалось сейма, Гессен-Касселя и Шлезвиг-Гольштейна. Пруссия вернулась в сейм в качестве униженного и кающегося грешника. Ее унижение было усилено триумфальным шествием одной из австрийских армий к берегам Северного моря. Гессенская конституция 1831 г. была, разумеется, уничтожена без всяких разговоров и заменена сначала осадным положением, а позже, в 1852 г., самой реакционной конституцией, состряпанной Хассенпфлугом, подправленной самим курфюрстом и исправленной и санкционированной Союзным сеймом. Эта конституция 1852 г. сделалась постоянным предметом раздора между

страной и курфюрстом, причем все попытки примирения оказались тщетными. Недавние события в Италии и последовавшее за ними движение в Германии, по мнению прусского правительства, давали наилучшую возможность взять реванш за поражение в Ольмюце и возобновить свою старую борьбу с Австрией. Пруссии известно, что Россия, которая в 1850 г. перетянула чашу весов на сторону Австрии, на этот раз будет действовать в противоположном направлении. До сих пор обе соперничающие стороны не обменялись еще ничем, кроме бумажных снарядов. Что гессенские конституции 1831 и 1852 гг. представляют только предлог для их борьбы, явствует из того простого обстоятельства, что Австрия высказывается за изменение конституции 1852 г. в соответствии со статьями конституции 1831 г., тогда как Пруссия настаивает на восстановлении конституции 1831 г. после того, как она будет переделана в соответствии с общими (монархическими) принципами Союзного сейма. Народ и парламент Гессен-Касселя, опираясь на поддержку Пруссии, требуют восстановления прежней конституции. Все это дело, соответствующим образом направляемое заинтересованными советниками извне, может кончиться гражданской войной в Германии, если только германский народ в подходящий момент не повернет против «обоих своих правящих домов».

Написано К. Марксом 15 ноября 1859 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5807, 2 декабря 1859 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

ТОРГОВЛЯ С КИТАЕМ

В то время, когда распространялись самые нелепые представления о том, какой толчок неминуемо должно было получить развитие американской и британской торговли в связи, как тогда говорили, с открытием дверей Небесной империи, мы поставили себе задачей показать, путем тщательного обзора внешней торговли Китая с начала нынешнего столетия, что эти преувеличенные ожидания не имели под собой прочного основания[358]. Помимо торговли опиумом, которая, как доказано нами, растет обратно пропорционально сбыту фабричных изделий Запада, главное препятствие для быстрого расширения импорта в Китай мы нашли в экономической структуре китайского общества, представляющей сочетание мелкого земледелия с домашней промышленностью. Для подкрепления наших тогдашних утверждений мы можем теперь сослаться на Синюю книгу, носящую название «Переписка, касающаяся специальной миссии графа Элгина в Китай и Японию»[359].

Всякий раз, как действительный спрос на ввозимые в азиатские страны товары не соответствует предполагаемому спросу,— который большей частью определяется на основании столь поверхностных данных, как территориальные размеры нового рынка, численность его населения и сбыт заграничных товаров в некоторых крупных морских портах, — коммерсанты, в своем стремлении расширить область товарообмена, весьма склонны видеть причину своего разочарования в том, что на их пути становятся искусственные препятствия, созданные варварскими правительствами, и что, следовательно, эти препятствия могут быть устранены военной силой. Именно такое заблуждение превратило в наше время британских купцов в безрассудных сторонников каждого министра, который обещает путем пиратских нападений вынудить у варваров торговый договор. Таким образом, искусственные препятствия, которые, как предполагалось, внешняя торговля встречала со стороны китайских

властей, служили в действительности тем главным предлогом, который оправдывал, в глазах торговых кругов, каждое насилие, совершенное над Небесной империей. Ценные сведения, содержащиеся в Синей книге лорда Элгина, в значительной степени рассеют эти опасные иллюзии у каждого непредубежденного человека.

Синяя книга содержит помеченный 1852 г. отчет британского агента в Кантоне г-на Митчелла сэру Джорджу Бантраму, из которого мы приводим следующее место:

«Наш торговый договор с этой страной» (Китаем) «к настоящему времени» (1852 г.) «действует полностью почти уже десять лет, причем устранены были все возможные препятствия, для нас открыта тысяча миль нового побережья, и новые торговые центры учреждены у самого порога производящих областей и в самых удобных пунктах на морском берегу. И тем не менее каков же результат в смысле обещанного роста потребления наших фабричных изделий? Попросту говоря, этот результат таков: по истечении десяти лет отчеты министерства торговли показывают нам, что сэр Генри Поттингер, при подписании дополнительного договора в 1843 г., нашел более обширную торговлю, существовавшую тогда, чем дает его договор в конце 1850 г.»(!), «причем здесь имеется в виду наше отечественное производство, единственно интересующее нас в данном случае».

Г-н Митчелл признает, что торговля между Индией и Китаем, состоящая почти исключительно в обмене серебра на опиум, сильно развилась со времени заключения договора 1842 г.[360], по даже относительно этой торговли он прибавляет:

«Она развивалась в такой же быстрой пропорции между 1834 и 1844 гг., как и между этим последним годом и нынешним, причем этот второй период есть именно тот, когда торговля велась якобы под покровительством договора; с другой стороны, мы имеем в таблицах министерства торговли другой, бросающийся в глаза факт, что вывоз в Китай наших фабричных изделий был в конце 1850 г. почти на три четверти миллиона фунтов стерлингов меньше, чем в конце 1844 года».

Что договор 1842 г. не имел никакого влияния в смысле поощрения британского экспорта в Китай, можно видеть из следующей таблицы.

Объявленная стоимость

	1849	1850	1851	1852	1853	1854	1855	1856	1857
Хлопчатобумажные ткани.......................	1 001 283	1 020 915	1 598 829	1 905 321	1 408 433	640 820	883 985	1 544 235	1 731 909
Шерстяные ткани..........................	370 878	404 797	373 399	434 616	203 875	156 959	134 070	268 642	286 852
Прочие товары...........	164 948	148 433	189 040	163 662	137 289	202 937	259 889	403 246	431 221
Итого…………….	1 537 109	1 574 145	2 161 268	2 503 599	1 749 597	1 000 716	1 277 944	2 216 123	2 449 982

Сравнивая эти цифры с китайским спросом на английские фабричные изделия в 1843 г., который, согласно г-ну Митчеллу, выражался в сумме 1750000 ф. ст., мы увидим, что в течение пяти лет из последних девяти британский экспорт падал значительно ниже уровня 1843 г., а в 1854 г. он представлял только $^{10}/_{17}$ того, чем он был в 1843 году. Г-н Митчелл объясняет этот поразительный факт в первую очередь некоторыми причинами, которые являются слишком общими, чтобы доказывать что-либо в частности. Он говорит:

«Китайцы настолько унаследовали скромный образ жизни, что в качестве одежды они носят то же самое, что носили их отцы до них, т. о. ровно столько, сколько нужно, и ничего больше, как бы дешево ни предлагали им какой-нибудь товар». «Ни один трудящийся китаец не может позволить себе надеть новую одежду, которая не прослужила бы ему по крайней мере три года, выдерживая носку при самой грубой черной работе в течение этого периода. Поэтому платье такого рода должно содержать весом по крайней мере в три раза больше сырого хлопка, по сравнению с количеством хлопка, которое идет на изготовление самых тяжелых тканей, ввозимых нами в Китай; другими словами, эта ткань должна быть втрое тяжелее, чем самый тяжелый тик и доместик, которые мы можем туда послать».

Отсутствие потребностей и пристрастие к старинным видам одежды — эти препятствия цивилизованной торговле приходится встречать на всех новых рынках. Что же касается плотности и прочности тика, то разве британские и американские промышленники не могли бы приспособить свой товар к особым требованиям китайцев? Но здесь мы подходим к самому существу вопроса. В 1844 г. г-н Митчелл отправил в Англию образчики туземных тканей всех сортов с указанием цен. Английские фирмы, которым он писал, уверяли его, что по указанным им ценам они не могут изготовить такой товар в Манчестере и тем более не могут доставить его в Р?итай. Почему же самая передовая фабричная система мира оказывается неспособной продавать свои изделия дешевле, чем продается материя, сотканная ручным способом на самом примитивном станке? Уже указанное нами сочетание мелкого земледелия и домашней промышленности разрешает загадку. Приводим опять слова г-на Митчелла:

«Когда урожай хлопка собран, то все работающие в хозяйстве, молодые и старые без различия, принимаются чесать, прясть и ткать этот хлопок; из этой-то домотканной материи, тяжелой и прочной, способной вынести предстоящее ей грубое обращение в течение двух или трех лет, китайцы шьют себе одежду, а остаток несут в ближайший город, где лавочник покупает его у них для нужд городского и речного населения. В платье из этой домотканной материи здесь одеты девять десятых жителей, причем качество ее варьирует от самой грубой бумажной материи до тончайшей

нанки, вся она сработана в крестьянских хижинах и в буквальном смысле обходится производителю только в стоимость сырья или, точнее, в стоимость сахара, являющегося продуктом его собственного хозяйства, который он обменял на это сырье. Пусть наши фабриканты только на момент присмотрятся к изумительной экономии этой системы производства и к ее, так сказать, замечательной симметричности прочим хозяйственным процессам земледельца, и они сразу же убедятся, что для них нет никаких шансов конкурировать с нею, поскольку дело идет о более грубых тканях. Характерно, что из всех стран мира, быть может, только в одном Китае можно найти ткацкий станок в каждом зажиточном хозяйстве. Во всех других странах люди удовлетворяются расчесыванием и прядением, и на этом их производство останавливается, а пряжу они. посылают профессионалу-ткачу для переработки в материю. Только бережливый китаец производит весь этот процесс до конца. Он не только расчесывает и прядет свой хлопок, по он сам же и ткет его с помощью своих жен и дочерей, а также работниц своего хозяйства, причем он не ограничивается производством только для нужд своей семьи, но значительную часть труда в течение сезона тратит на производство известного количества материи для снабжения жителей соседних городов и рек.

Итак, фу-киенский крестьянин есть не просто крестьянин, но земледелец и промышленный производитель в одном лице. Производство материи ему в буквальном смысле ничего не стоит, если не считать стоимости сырья. Он производит ее, как показано, под собственной кровлей, руками своих жен и работниц. Она не требует ни дополнительной рабочей силы, ни специального времени. Он занимает своих домашних прядением и ткачеством в то время, пока растет его посев, и после уборки урожая, в дождливый сезон, когда работа вне дома невозможна. Словом, при каждом перерыве в году этот образец домашнего трудолюбия занят своим делом и производит что-либо полезное».

В дополнение к этому рассказу г-на Митчелла стоит познакомиться со следующим описанием сельского населения, которое лорд Элгин наблюдал во время своего путешествия вверх по Янцзы:

«Все, что я видел, заставляет меня думать, что сельское население Китая, вообще говоря, живет в достатке и довольно своей судьбой. Я всячески старался, правда без особого успеха, получить от них точные сведения относительно размера их участков, характера их владения, уплачиваемых налогов и тому подобных вещей. Я пришел к заключению, что по большей части они держат свои очень маленькие участки на правах полной собственности от короны, при условии уплаты ежегодно некоторой суммы, не являющейся чрезмерной, и что благодаря этим преимуществам и прилежной работе они полностью удовлетворяют свои простые потребности в пище и одежде».

Такое же точно сочетание сельского хозяйства с домашней промышленностью долгое время составляло препятствие и еще теперь мешает экспорту британских товаров в Ост-Индию. Однако там это сочетание было основано на особом положении земельной собственности, которую британцы, в качестве верховных земельных собственников страны, имели возможность по-

дорвать в ее основах и таким образом насильственно превратить часть индийских самодовлеющих общин в простые хозяйства, производящие опиум, хлопок, индиго, коноплю и прочее сырье в обмен на британские товары. В Китае англичане еще не достигли такого могущества и едва ли когда-либо смогут его достигнуть.

Написано К. Марксом в середине ноября 1859 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5808, 3 декабря 1859 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

К. МАРКС

БОЯЗНЬ ВТОРЖЕНИЯ В АНГЛИЮ

Лондон, 25 ноября 1859 г.

За последнее время паника сделалась, по-видимому, таким же обычным явлением в английской политической жизни, каким она давно уже была в английской промышленной системе. При умелом использовании паника предоставляет большие возможности правительствам так называемых свободных стран. Когда люди напуганы до умопомрачения, их ум легко отвлечь от опасных фантазий. Возьмем для примера вопрос о реформе в Англии. Как раз в то время, когда Англия рассматривала вопрос о том, отказаться ли ей навсегда от контроля над Северной Америкой, лорд Грей выступил с широковещательным законопроектом о парламентской реформе, которая должна была положить конец традиционному влиянию палаты лордов на палату общин. В 1780 г. герцог Ричмонд внес законопроект, в котором он доходил даже до требования ежегодных выборов в парламент и всеобщего избирательного права. Сам Питт, столетняя годовщина со дня рождения которого прошла совершенно незамеченной его соотечественниками, всецело занятыми в это время торжествами по случаю столетия со дня смерти Генделя, этот самый Питт первоначально начертал на своих знаменах лозунг: «парламентская реформа»[361]. Как же случилось, что движение за реформу, владевшее в XVIII в. умами наиболее передовых представителей правящих классов, угасло, не оставив никаких следов? Оно было сметено паникой, вызванной французской революцией, за которой последовали антиякобинская война, чудовищный государственный долг и позорные законы о затыкании рта[362]. Несколько лет тому назад панический страх перед Россией погубил два билля о реформе[363], в настоя-

щее время страх перед французским вторжением, вероятно, сослужит такую же службу. Исходя из этого, мы можем дать надлежащую оценку мрачным предчувствиям английских радикалов, возглавляемых г-ном Брайтом, которые открыто заявляют, что, по их мнению, олигархия и ее органы печати умышленно распускают панические слухи, используя призрак французского вторжения для того, чтобы сорвать реформу и увековечить дурное управление. Дело это действительно приобрело какие-то отвратительные и подозрительные черты. Главным распространителем паники по поводу предстоящего вторжения является пальмерстоновская пресса, в то время как сам Пальмерстон слывет ближайшим другом Луи Бонапарта. Может ли человек, изгнанный из состава одного правительства за то, что без согласия своих коллег признал coup d'etat, выведенный из состава другого правительства за внесение законопроекта о французских заговорщиках[364], — может ли такой человек быть самым подходящим лицом для противодействия бонапартистским замыслам? Предостерегая английский народ от вероломства Бонапарта, пальмерстоновская пресса одновременно призывает его начать вместе с этим человеком новую экспедицию против Китая.

Тем не менее нельзя отрицать, что нынешняя военная паника в Англии не лишена разумных оснований, хотя она и используется в интересах политики аристократической партии. Каждый раз, как Бонапарт заключает новый мир, Англия инстинктивно спрашивает себя, не наступил ли, наконец, ее черед нести бремя войны. Таким образом, война между Францией и Англией кажется лишь вопросом времени. Правящая Европа признала режим Луи Бонапарта из страха перед революцией, но периодическое возобновление войны является одним из непременных условий существования этого режима. Он избавляет правительства от страха перед жупелом революции, под непременным условием, что они позволят поочередно завоевать себя. Бонапарт не просидел и двух лет на своем узурпированном троне, как стала необходимой война против России, чтобы продлить его пребывание у власти. Не прошло и двух лет со дня подписания мира с Россией, как оказалось, что только авантюра в Италии может спасти его от позорной катастрофы. Правда, его трудности не уменьшились благодаря этим следующим одна за другой войнам, окончившимся, с одной стороны, лишь обманом, с другой — государственным долгом и растущей наглостью преторианской гвардии, не говоря уже о клерикальной оппозиции в дополнение к прочим элементам уже существующей внутренней неустойчивости. После войны с Россией прошло известное время, прежде

чем недовольные орлеанисты отважились на саркастические выступления, а пришедшие в отчаяние революционеры пустили в ход свои бомбы. Разочарование, вызванное последней войной, самым явным образом выразилось в застое французской торговли, в полном провале императорской амнистии, в усилении репрессий против печати и в оживлении надежд орлеанистов. В то время как большинство французского народа ропщет из-за бессмысленной войны, которая стоила ему всех его сбережении мирного времени, армия поносит мир, который, по ее мнению, лишил ее плодов войны. Еще несколько месяцев, и трудности, стоящие перед Луи Бонапартом, проявятся в полной мере, и у него будет только один выход — новая война. Однако эти следующие одна за другой войны, которые он вынужден вести в силу своего положения, становятся все более опасными и для него самого, и для Европы, наиболее мощной представительницей которой можно считать Англию. Крымская война велась скорее не на европейской территории, войну с Италией удалось локализовать только благодаря внезапному прекращению ее. Война на Рейне, а тем более вторжение в Англию, были бы с самого начала равносильны общеевропейской войне. Но при определении объекта своего очередного нападения, Луи Бонапарту остается только выбор между Пруссией и Англией. В обоих случаях Англия примет участие в войне, в одном случае, в качестве главной воюющей стороны, в другом — в качестве союзницы. Последний вариант наиболее вероятный, но нельзя предвидеть, какие осложнения во взаимоотношениях между Францией и Англией вызовет война между Францией и Пруссией. Мы предполагаем рассмотреть в другой раз военные приготовления, которые осуществляет Англия, имея в виду предстоящий конфликт.

Написано К. Марксом 25 ноября 1859 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5813, 9 декабря 1859 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

На русском языке публикуется впервые

Ф. ЭНГЕЛЬС

ХОД ВОЙНЫ С МАВРАМИ

Мы долго ожидали со стороны испанской армии в Марокко какого-либо решительного продвижения, которое могло бы завершить первый или подготовительный период войны[365]. Но напрасно. Маршал О'Доннель, по-видимому, не торопится покинуть свой лагерь на высотах Сералье, и поэтому мы вынуждены дать обзор его действий в тот момент, когда они едва только начались.

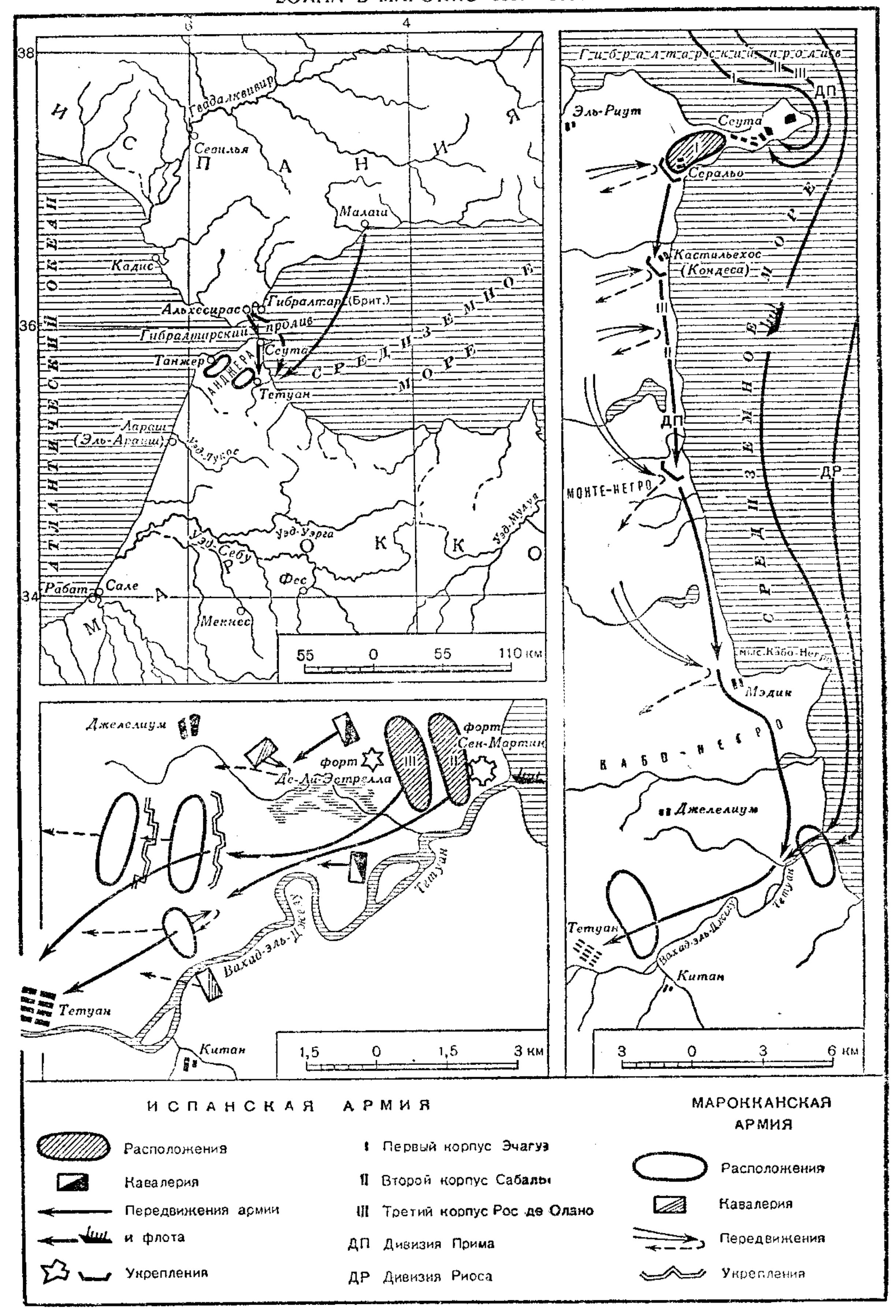
13 ноября 1-я дивизия испанской действующей армии под командой генерала Эчагуэ была посажена на суда в Альхесирасе и несколько дней спустя высадилась в Сеуте. 17-го она выступила из города и заняла Сералье, или Белый дом, — большое здание приблизительно в $1^1/_2$ милях перед позициями у Сеуты. Местность в этом районе весьма неровная и пересеченная, чрезвычайно удобная для действий в рассыпном строю и иррегулярного боя. После предпринятой в эту же ночь безуспешной попытки взять обратно Сералье мавры отошли, а испанцы начали постройку укрепленного лагеря, который должен служить базой для дальнейших операций.

22-го Сералье подвергся атаке со стороны анджеритов — мавританского племени, живущего в окрестностях Сеуты. Это нападение послужило началом для ряда безрезультатных боев, заполнивших собою всю кампанию до настоящего момента, причем каждый из них в точности похож на все остальные. Мавры большими или меньшими силами атакуют линии испанцев и пытаются благодаря внезапности или хитрости овладеть частью их позиций. Согласно мавританским сообщениям, им это, в общем, удается, но за неимением артиллерии они покидают захваченные редуты. Согласно испанским сообщениям, еще ни одному мавру ни разу не удалось заглянуть внутрь испанских редутов,

и все их нападения оказались совершенно безуспешными. При первой атаке анджериты насчитывали не более 1600 человек. На следующий день они получили подкрепление в 4000 человек и сразу возобновили нападение. 22-е и 23-е прошли в мелких стычках, но 25-го мавры предприняли наступление всеми силами, и завязался сильный бой, в котором генерал Эчагуэ получил ранение в руку. Эта атака мавров была настолько серьезна, что она заставила Сида Кампеадора О'Доннеля несколько стряхнуть с себя ту сонливость, с которой он до сих пор вел войну. Он немедленно отдал приказ погрузить на суда 2-ю дивизию под командой генерала Сабалы и резервную дивизию под командой генерала Прима, и сам направился в Сеуту. В ночь на 27-е вся испанская действующая армия была сосредоточена у этого города. 29-го последовала новая атака мавров, повторившаяся 30-го. После этого испанцы стали искать выхода из своих тесных позиций; целью их первого передвижения должен был стать Тетуан, находящийся на расстоянии около 20 миль к югу от Сеуты и в четырех милях от моря. Они начали строить дорогу в направлении к этому городу; мавры не оказывали никакого сопротивления до 9 декабря. Утром этого дня они навали внезапно на гарнизон двух главных редутов, но, как обычно, к концу дня отошли от них. 12-го перед испанским лагерем, приблизительно в четырех милях от Сеуты, произошел новый бой, а 20-го О'Доннель телеграфирует, что мавры опять атаковали два редута, но, как всегда, были победоносно отражены. Таким образом, 20 декабря дела не подвинулись ни на шаг вперед по сравнению с 20 ноября. Испанцы все еще оборонялись, и, вопреки сделанным две-три недели назад заявлениям, не было заметно никаких признаков продвижения.

Численность испанцев со всеми подкреплениями, полученными ими к 8 декабря, доходила до 35000—40000 человек, так что для наступательных действий они могли располагать армией в 30000 человек. С такой армией завоевание Тетуана не должно было представлять затруднений. Правда, отсутствуют хорошие дороги, а продовольствие для армии приходится целиком подвозить из Сеуты. Но как же справлялись французы в Алжире или англичане в Индии? К тому же испанские мулы и ломовые лошади не настолько избалованы хорошими дорогами у себя на родине, чтобы отказываться идти по мавританской земле. Что бы ни говорил в свое оправдание О'Доннель, решительно ничем нельзя оправдать его продолжающееся бездействие. В настоящее время испанцы располагают такими силами, какие вообще можно ожидать от них в этой кампании, если только неожиданные неудачи не потребуют от них чрезвычайного напряжения. Мавры

ВОЙНА В МАРОККО 1859 – 1860 ГГ.

же, наоборот, с каждым днем становятся сильнее. Лагерь у Тетуана, под начальством Хаджи Абд-Салема, выделивший отряды, которые атаковали позиции испанцев 3 декабря, уже вырос до 10000 человек, не считая гарнизона самого города. Другой лагерь, под начальством Мулай Аббаса, находится в Танжере и непрерывно получает подкрепления из внутренних районов страны. Уже одно это обстоятельство должно было бы побудить О'Доннеля начать наступление, как только состояние погоды позволило бы это сделать. Но, хотя погода была благоприятной, он все же не начал наступления. Не может быть сомнения, что ото является признаком полной нерешительности с его стороны и что мавры оказались не таким уж ничтожным противником, как он ожидал. Не подлежит никакому сомнению, что мавры сражались превосходно, и лучшим доказательством этого являются поступающие из испанского лагеря жалобы на те преимущества, которые дает маврам характер местности перед Сеутой.

Испанцы говорят, что в зарослях кустарника и оврагах мавры являются грозным противником и что, кроме того, они великолепно знают каждую пядь земли, но что, как только они попадут на равнину, сплоченность испанской пехоты быстро заставит иррегулярные отряды мавров повернуть и поспешно отступить. Такая аргументация представляется довольно сомнительной в условиях, когда три четверти времени каждого сражения приходится на действия в рассыпном строю на пересеченной местности. Если испанцы, простояв шесть недель под Сеутой, не изучили местности так же хорошо, как мавры, тем хуже для них. Что для иррегулярных отрядов пересеченная местность более благоприятна, нежели гладкая равнина, это достаточно ясно. Но и на пересеченной местности регулярная пехота должна значительно превосходить иррегулярные отряды. Современная система стрелкового боя в рассыпном строю, с поддерживающими силами и резервами позади разомкнутой цепи, регулярность движений, возможность сохранять управление войсками и обеспечивать их взаимную поддержку, направляя все усилия для достижения одной общей цели, — все это даст такое преимущество регулярным войскам по сравнению с иррегулярными отрядами, что на местности, пригодной для действий в рассыпном строю, никакие иррегулярные отряды не могут противостоять им даже при соотношении сил два к одному. Но у Сеуты численное соотношение как раз обратное. Испанцы обладают численным превосходством, и все же они не решаются наступать. Единственный вывод заключается в том, что испанская армия вовсе не умеет вести боя в рассыпном строю, и, таким образом, плохие качества

отдельного солдата при этом способе ведения боя сводят на нет те преимущества, которые должны давать дисциплина и регулярное обучение. В действительности им, по-видимому, чрезвычайно часто приходится драться врукопашную ятаганом и штыком. Обыкновенно, когда испанцы подходят достаточно близко, мавры прекращают огонь и бросаются на них с саблей в руке, точно так же, как обычно делают турки, и это, наверное, не очень приятно для войск, состоящих из молодых солдат, вроде испанских. Однако частые схватки должны были приучить их к особенностям мавританского способа ведения боя и к надлежащим приемам борьбы с ними. И если мы видим, что главнокомандующий все еще колеблется и остается на своей оборонительной позиции, то мы не можем быть очень высокого мнения о его армии.

Насколько факты позволяют судить об испанском плане кампании, испанцы, видимо, избрали Сеуту в качестве операционной базы, а Тетуан — первым объектом для наступления. Та часть Марокко, которая лежит на другом берегу прямо против Испании, представляет нечто вроде полуострова шириной в 30 или 40 миль и длиной около 30 миль. Танжер, Сеута, Тетуан и Лараш (Эль-Араиш) являются главными городами на этом полуострове. Заняв эти четыре города, из которых Сеута уже находится в руках испанцев, можно легко покорить полуостров и сделать его базой для дальнейших действий против Феса и Мекнеса. Поэтому завоевание этого полуострова является, надо полагать, целью испанцев, а первым шагом к этому должен быть захват Тетуана. Этот план, по-видимому, в достаточной степени разумен, он ограничивает боевые действия небольшим районом, с трех сторон окруженным морем, а с четвертой стороны — двумя реками (Тетуан и Лукос), и поэтому занять его гораздо легче, нежели территорию, расположенную южнее. Кроме того, он устраняет необходимость идти в пустыню, что было бы неизбежно, если бы в качестве операционной базы были избраны Могадор или Рабат, а также дает возможность действовать в непосредственной близости от границ Испании, отделенной только Гибралтарским проливом. Но каковы бы ни были преимущества этого плана, от них нет никакой пользы, если он сам по выполняется, и, несмотря на высокопарный стиль своих сводок, О'Доннель навлечет позор на себя и на испанскую армию, если он и впредь будет действовать так же, как действовал до сих пор.

Написано Ф. Энгельсом около 10 декабря 1859 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5846, 19 января 1859 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ВОЙНА С МАВРАМИ

Наконец-то кампания в Марокко началась по-настоящему, и в результате этого блекнут все романтические краски, которыми изображали О'Доннеля испанская пресса и энтузиазм испанского народа. О'Доннель оказывается обычным генералом средней руки, вместо рыцарей Кастилии и Леона мы видим гусар принцессы[366], а вместо толедских клинков война ведется нарезными пушками и цилиндрическими снарядами с коническим наконечником.

Около 20 декабря испанцы начали прокладку пригодной для артиллерии и обозов дороги, которая должна была проходить через гористую местность к югу от лагеря перед Сеутой. Мавры так и не попытались разрушить эту дорогу; время от времени они атаковали генерала Прима, дивизия которого прикрывала рабочие команды, а иногда и самый лагерь, но всякий раз безуспешно. Ни одно из этих столкновений не вышло за рамки стычки авангардов; в самой значительной из них, имевшей место 27 декабря, потери испанцев не превысили 6 убитых и 30 раненых. До конца года дорога, длиной не более двух миль, была закончена, но возобновившиеся штормы и дожди помешали дальнейшему продвижению армии. Тем временем, как бы для того, чтобы осведомить мавританский лагерь о предстоящих передвижениях армии, испанская эскадра в составе одного парусного линейного корабля, трех винтовых фрегатов, трех колесных пароходов, всего 246 пушек, подошла к устью реки Тетуан и 29 декабря бомбардировала форты у ее устья. Форты были подавлены и их земляные укрепления приблизительно за три часа разрушены; следует напомнить, что это были те самые форты, которые около месяца назад французы бомбардировали гораздо меньшими силами[367].

Так как 29-го наступила хорошая погода, 1 января испанская армия начала, наконец, движение вперед. 1-й корпус из двух дивизий под командой Эчагуэ, который первым высадился

в Африке, оставался на позициях перед Сеутой. Хотя в первые недели он понес значительные потери от болезней, теперь солдаты уже достаточно акклиматизировались, и корпус с полученными затем подкреплениями насчитывал 10000 человек, т. е. значительно больше, чем 2-й или 3-й корпуса. Эти два корпуса, 2-й под командой Сабалы, а 3-й под командой Рос де Олано, вместе с резервной дивизией Прима, — общей численностью в 21000—22000 человек, — выступили в первый день нового года. Каждый солдат имел при себе продовольствие на шесть суток, в то время как миллион пайков, или месячный запас продовольствия для армии, везли на морских судах, которые должны были сопровождать армию. Войска прошли гористую местность к югу от Сеуты, причем Прим находился в авангарде, поддерживаемый Сабалой, а Рос де Олано замыкал колонну. Новая дорога вела вниз к Средиземному морю, проходя в двух милях от лагеря. Здесь на некотором расстоянии расстилалась равнина в форме полукруга, хорду которого составляло море, а периферию — пересеченная местность, переходящая постепенно в обрывистые горы. Как только большая часть дивизии Прима вышла из лагеря, началась стычка. Испанская легкая пехота без труда отбросила мавров назад на равнину, а оттуда оттеснила их в горы и кустарники, которые находились на фланге их походного порядка. Здесь, благодаря какому-то недоразумению, два малочисленных эскадрона гусар принцессы были брошены в атаку. Они провели ее с такой отвагой, что пронеслись прямо сквозь линию мавров в их лагерь, но, попав на пересеченную местность и нигде не находя ни кавалерии, ни пехоты, которую они могли бы атаковать на удобной для себя местности, они вынуждены были повернуть назад, потеряв при этом семь, т. е. почти всех, офицеров, не считая рядовых. До сих пор бой вели главным образом пехота в рассыпном строю и несколько батарей горной артиллерии, которую местами, скорее морально, чем физически, поддерживали огнем с нескольких канонерок и пароходов. По-видимому, О'Доннель намеревался остановиться на равнине, пока еще не занимая прочно хребта, образующего границу этой равнины на юге. Однако, с целью обеспечить свою позицию на ночь, он приказал Приму вытеснить мавританских стрелков с северного склона хребта и затем отойти, когда начнет темнеть. Однако Прим, самый боевой генерал испанской армии, завязал серьезный бой, который закончился тем, что он занял весь гребень хребта, правда, с большими потерями. Его авангард расположился лагерем на хребте и окопался по фронту. Потери испанцев в этот день достигали 73 убитых и 481 раненых.

Захваченная в этот день позиция известна под именем Castillejos*, свое название она берет от двух белых зданий, одно из которых находится на внутреннем склоне близ равнины, а другое на хребте, занятом днем Примем. Однако официально этот лагерь, по-видимому, носит название Campamento de la Condesa**. В тот же день мавры попытались произвести небольшую диверсию против лагеря у Сеуты, атаковав как крайний правый редут, так и промежуток между двумя крайними левыми редутами. Впрочем, они были без труда отражены пехотой и огнем артиллерии Эчагуэ.

Действующая армия оставалась в Лагере графини три дня. Полевая артиллерия и одна ракетная батарея, равно как и оставшаяся кавалерия (вся кавалерийская бригада состоит из восьми эскадронов гусар, четырех эскадронов кирасир без кирас и четырех эскадронов улан, всего 1200 человек) прибыли в лагерь. Только осадный артиллерийский парк (в составе которого имелась батарея нарезных двенадцатифунтовых орудий) еще не прибыл. 3 января О'Доннель произвел разведку в направлении на Монте-Негро, следующую гряду гор к югу. Погода по-прежнему была хорошей, жаркая днем, с очень сильными росами по ночам. Холера все еще свирепствовала в нескольких дивизиях, некоторые части жестоко пострадали от болезней. Например, в двух батальонах инженерных войск, которые особенно пострадали от болезней, численность каждой роты сократилась со 135 до 90 человек.

До этого момента в нашем распоряжении имеются подробные отчеты; для описания последующих событий нам приходится довольствоваться скудными и несколько противоречивыми телеграммами. 5-го числа армия двинулась вперед, 6-го она стала лагерем «к северу от долины Негро, пройдя без сопротивления перевалы». Остается неясным, означает ли это, что армия прошла хребет Монте-Негро и расположилась лагерем на его южном склоне. 9-го армия находилась, как нам сообщают, на расстоянии одной лиги*** от Тетуана и отразила атаку мавров. 13-го армия овладела всей позицией у Кабо-Негро, одержала полную победу и стала перед Тетуаном; как только можно будет подвезти артиллерию, будет начата атака города. 14-го сосредоточенная ранее в Малаге дивизия генерала Риоса, насчитывавшая десять батальонов, высадилась у устья реки Тетуан и заняла форты, разрушенные флотом за две недели до

* — Кастильехос (Замки). *Ред.*
** — Лагерь графини. *Ред.*
*** Испанская лига равна около 5,5 *км. Ред.*

этого. 16-го нам сообщают, что армия собирается перейти реку и начать наступление на Тетуан.

Чтобы разъяснить все это, следует указать, что между Сеутой и Тетуаном находятся четыре различных горных хребта, которые должна была перейти армия. Первый — непосредственно к югу от лагеря — ведет к равнине Кастильехос, второй запирает эту равнину с юга. Оба эти хребта были взяты испанцами 1-го числа. Далее к югу перпендикулярно к берегу Средиземного моря проходит хребет Монте-Негро, а параллельно ему, но еще дальше на юг, идет другой, более высокий хребет, оканчивающийся на берегу мысом, носящим название Кабо-Негро, к югу от которого протекает река Тетуан. 1 января мавры теснили фланг вторгшейся армии, а затем они изменили свою тактику, отошли дальше на юг и попытались закрыть дорогу на Тетуан с фронта. Ожидали, что решительное сражение за обладание этой дорогой произойдет на перевалах последнего хребта, т. е. Кабо-Негро; так оно, кажется, и произошло 13 января.

С точки зрения тактики, эти бои не делают чести ни одной из сторон. От мавров мы не можем ожидать ничего, кроме иррегулярных действий, которые они проводят со свойственной полудикарям отвагой и ловкостью. Однако даже и в этом они, по-видимому, недостаточно сильны. Они, кажется, не проявляют того фанатизма, с которым борются против французов кабилы алжирских прибрежных гор и даже рифы. Длительные безуспешные схватки перед фронтом редута у Сеуты, видимо, сломили первый пыл и энергию большинства племен. Что касается стратегии, они также не могут сравниться с алжирцами. После первого дня боев они отказываются от своего правильного плана, который состоял в том, чтобы тревожить фланги и тыл наступающих колонн и прерывать или ставить под угрозу их коммуникации с Сеутой. Вместо этого они изо всех сил стараются опередить испанцев и преградить им путь на Тетуан с фронта, вызывая таким образом то, чего им следовало бы избегать,— решительное сражение. Быть может, они еще сумеют понять, что с такими солдатами, какими они располагают, и в такой стране, в какой они живут, малая война является именно тем способом борьбы, которым можно измотать неприятеля,—последний, несмотря на все свое превосходство в дисциплине и вооружении, связан во всех своих движениях огромным impedimenta*, которого нот у мавров и с которым чрезвычайно трудно маневрировать по негостеприимной и лишенной дорог стране.

* — обозом. *Ред.*

Испанцы продолжают кампанию так же, как начали. Проведя в бездействии два месяца у Сеуты, они затем за шестнадцать дней прошли двадцать одну милю, делая по пять миль в четыре дня! Даже учитывая все трудности пути, это неслыханная в условиях современной войны медлительность. По-видимому, испанские генералы совершенно разучились управлять большими массами войск, подготовлять широкие операции и передвигать армию, которая, в конечном счете, по численности едва ли равняется одному французскому армейскому корпусу в последней итальянской кампании. Чем же иным можно объяснить эти промедления? 2 января вся артиллерия О'Доннеля находилась в Кастильехосе, за исключением осадного парка, однако он прождал еще целых два дня и выступил только 5-го. Самый поход колонны организован, по-видимому, неплохо, но это и немудрено при столь коротких переходах. Под огнем испанцы проявляют то пренебрежение к врагу, которое является неизменным результатом более крепкой дисциплины и ряда успешных боев, но будущее еще покажет, сохранится ли эта уверенность в победе, когда климат и трудности кампании, которая в конце концов неизбежно превратится в утомительную малую войну, значительно ухудшат как *моральное,* так и *физическое,* состояние армии. Что касается командования, то и в настоящее время мы можем сказать о нем лишь очень немного, ибо у нас нет подробных сведений о боях, кроме первого. Однако этот первый бой обнаруживает две несомненные ошибки — атаку кавалерии и продвижение генерала Прима за пределы, предусмотренные заданием. Если такие явления станут постоянными в испанской армии, то тем хуже для нее.

Оборона Тетуана будет, по всей вероятности, непродолжительна, но упорна. Его укрепления, несомненно, слабы, но мавры — отличные солдаты, когда сражаются под прикрытием крепостных валов, как показали бои в Константине[368] и многих других алжирских городах. Следующая почта, возможно, принесет известие о взятии его штурмом. Если это произойдет, то мы можем ожидать затишья в кампании, ибо испанцам потребуется время, чтобы улучшить дорогу между Тетуаном и Сеутой, превратить Тетуан во вторую операционную базу и дождаться подкреплений. Отсюда будет осуществлено дальнейшее наступление на Лараш или Танжер.

Написано Ф. Энгельсом, около 18 января 1860 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5863, 8 февраля 1860 г. в качестве передовой

Печатается по текста газеты

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

САВОЙЯ И НИЦЦА

В то время как губернатор Шамбери определенно заявил, что король Сардинии никогда не имел в виду уступать Савойю Франции, мы имеем заверения английского министра иностранных дел, сделанные им в палате общин 2-го сего месяца, что прошлым летом граф Валевский от имени французского императора отказался от этого проекта. Однако эти заявления лорда Джона Рассела относятся к периоду, имевшему место несколько месяцев тому назад, и то, что тогда отрицалось, возможно, теперь почти уже свершилось. Конечно, трудно и даже невозможно поверить, чтобы движение в пользу присоединения к Франции, развивавшееся в последнее время среди населения Савойи, было чисто местного происхождения. По всей вероятности, оно разжигалось французскими агентами, а правительство короля Виктора-Эммануила санкционировало его или, по крайней мере, терпимо относилось к нему.

Савойя — провинция с полным и бесспорным преобладанием французской национальности, подобно западным кантонам Швейцарии. Народ говорит на южнофранцузском диалекте (провансальском или лимузинском), но литературный и официальный язык повсюду французский. Однако это вовсе не доказывает того, что савойяры желают быть присоединенными к Франции и особенно к бонапартистской Франции. Согласно заметкам одного германского офицера, который в январе 1859 г. совершил по этой стране поездку с военной целью, сторонники присоединения к Франции нигде не имеют какого-либо влияния, за исключением Шамбери и других городов

Нижней Савойи, в то время как Верхняя Савойя, Морьен и Тарантез предпочитали бы остаться при своем теперешнем положении, а Шабле, Фосиньи и Женевэ — три северных округа — образовать новый кантон в составе Швейцарского союза. Тем не менее Савойя, будучи целиком французской, несомненно будет все больше и больше тяготеть к основному центру французской национальности и в конце концов присоединится к нему, так что это лишь вопрос времени.

С Ниццей дело обстоит иначе. Население графства Ницца также говорит на провансальском диалекте, но здесь литературный язык, образование, национальный дух — все итальянское. Североитальянский и южнофранцузский диалекты настолько близки друг другу, что почти невозможно сказать, где кончается один и где начинается другой. Даже говор Пьемонта и Ломбардии по своим флексиям является целиком провансальским, в то время как образование слов из латинских корней по существу такое же, как в итальянском языке. Требовать присоединения Ниццы, ссылаясь на этот говор, было бы невозможно, поэтому ее присоединения теперь требуют на основании ее предполагаемых симпатий к Франции, существование которых, впрочем, более чем проблематично. Несмотря на эти симпатии и на свои особый говор, Ницца —целиком итальянская провинция. Это убедительнее всего доказывается тем обстоятельством, что она дала par excellence* итальянского солдата Джузеппе Гарибальди. Представить себе Гарибальди французом было бы просто смешно.

Уступка обеих этих провинций с чисто финансовой точки зрения не нанесла бы большого ущерба Пьемонту. Савойя — бедная провинция, которая хотя и дает лучших солдат для сардинской армии, тем не менее никогда не покрывает расходов по своему собственному управлению. Финансовое положение Ниццы не намного лучше, и, кроме того, она представляет собой лишь маленькую полоску земли. Потеря, очевидно, была бы небольшая. Ниццу, хотя она является итальянской провинцией, можно было бы принести в жертву ради объединения Северной и Центральной Италии, а потеря иностранной провинции вроде Савойи могла бы даже считаться выгодной, поскольку это может способствовать объединению Италии. Но если подойти к вопросу с военной точки зрения, то дело представится в совершенно ином свете.

От Женевы до Ниццы нынешняя граница между Францией и Сардинией представляет собой почти прямую линию. Море

* — по преимуществу. *Ред.*

на юге и нейтральная Швейцария на севере отрезают все пути к ней. В этом смысле в войне между Италией и Францией положение воюющих сторон было бы равным. Но и Савойя, и Ницца расположены за главным Альпийским хребтом, окружающим собственно Пьемонт обширным полукругом, и обе открыты в сторону Франции. Таким образом, в то время как на пограничной линии между Пьемонтом и Францией каждая сторона владеет одним склоном Альпийского хребта, в северной и южной частях границы Италия владеет обоими склонами хребта и потому целиком господствует над перевалами.

К тому же вследствие недостаточно развитой торговли все дороги, ведущие через Альпы из Пьемонта во Францию, оказались в страшно запущенном состоянии, между тем как дорога через Монсени из Пьемонта в Савойю и дорога через Коль-ди-Тенду из Пьемонта в Ниццу являются главными путями европейской торговли и содержатся в полном порядке. В результате во всех войнах между Италией и Францией, — в тех случаях, когда нападающей стороной была Италия, — как Ницца, так и Савойя служили естественными операционными базами для вторжения во Францию, а когда нападающей стороной была Франция, ей приходилось завоевывать обе эти провинции, чтобы быть в состоянии вести наступление на трансальпийскую Италию. И хотя итальянцы не смогли бы удержать ни Ниццу, ни Савойю перед лицом численно превосходящей армии, все же эти провинции давали возможность заблаговременно сосредоточить итальянские силы на равнинах Пьемонта и таким образом служили гарантией от неожиданного нападения.

Если бы военные выгоды, вытекающие для Италии из обладания Савойей и Ниццей, ограничивались лишь этими позитивными выгодами, то провинциями этими все же можно было бы пожертвовать без какого-либо серьезного ущерба. Но наиболее значительными являются выгоды негативные. Представим себе, что Монблан, Монт-Изеран, Монсени и Коль-ди-Тенда являются Гигантскими каменными столбами, которыми обозначена граница Франции. В этом случае граница, вместо того чтобы представлять собой прямую линию, как теперь, окружила бы Пьемонт огромной дугой. Шамбери, Альбервиль, Мутье — пункты, где сходятся главные дороги, — были бы превращены во французские базы. Французы укрепили бы северный склон Монсени и охраняли бы его; аванпосты обеих стран встретились бы на вершинах этой горы, в двух переходах от Турина. На юге центром французских баз стала бы Ницца, а аванпосты расположились бы в Онелии, на расстоянии че-

тырех переходов от Генуи. Таким образом, даже в мирное время французы находились бы у самых ворот двух крупнейших городов Северо-Западной Италии, и так как их территория почти окружила бы Пьемонт с трех сторон, они могли помешать сосредоточению итальянской армии в долине верхнего течения По. Всякая попытка сосредоточить итальянские силы к западу от Алессандрии подвергла бы их опасности быть атакованными раньше, чем будет завершено сосредоточение, другими словами, подвергла бы их опасности быть разбитыми по частям. Таким образом, центр обороны Пьемонта сразу же переместился бы из Турина в Алессандрию; иначе говоря, собственно Пьемонт потерял бы возможность серьезно обороняться и оказался бы со власти французов. Именно это Луи-Наполеон и называет

«свободной и благодарной Италией, которая будет обязана своей независимостью одной только Франции».

Обратившись к северу, мы увидим, что то, что для Италии является постоянной угрозой, для Швейцарии было бы смертельным ударом. Если Савойя станет французской, то вся Западная Швейцария, от Базеля до Большого Сен-Бернара, была бы со всех сторон окружена французской территорией и в случае войны ее нельзя было бы удержать ни одного дня. Это настолько очевидно, что Венский конгресс решил нейтрализовать как Северную Савойю, так и Швейцарию, и в случае войны предоставить Швейцарии право занять и оборонять этот район. Сардиния, незначительное государство с четырьмя миллионами жителей, не могла протестовать против такого решения, но может и захочет ли Франция допустить, чтобы часть ее территории была тем самым и военном отношении подчинена другому, и притом меньшему, государству? Сможет ли Швейцария в случае войны сделать попытку оккупировать и держать под своим военным контролем французскую провинцию? Конечно, нет. А в таком случае Франция могла бы в любой удобный для нее момент так же легко и спокойно присоединить и всю французскую Швейцарию — Бернскую Юру, Невшателъ, Во, Женеву и те части Фрибура и Вале, какие она сочтет целесообразным, — как Савойю и Ниццу; а вплоть до этого момента Швейцария находилась бы под столь сильным влиянием и контролем Франции, как если бы она была ее простым придатком. Что касается нейтралитета Швейцарии в случае войны, то он перестал бы существовать с самого момента ее объявления. Не может быть никакого нейтралитета, если великая и воинственная держава в любой момент в состоянии раздавить своего нейтрального соседа.

Этот с виду невинный план присоединения Савойи и Ниццы означает не что иное, как установление французского господства в Италии и Швейцарии, т. е. обеспечение господствующего положения Франции в Альпах. После того как будет осуществлен этот маленький план, много ли пройдет времени, прежде чем мы явимся свидетелями попытки установить господство Франции и на Рейне?

Написано Ф. Энгельсом около 30 января 1860 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5874, 21 февраля 1860 г. в качестве передовой

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

ВОЙНА С МАВРАМИ

Так как первый, а может быть и последний акт испанской войны в Марокко в настоящее время закончен и так как прибыли все подробные официальные сообщения, мы еще раз можем вернуться к этому вопросу.

1 января испанская армия покинула позиции у Сеуты с целью повести наступление на Тетуан, отстоящий всего на расстоянии в 21 милю. Хотя маршал О'Доннель ни разу не был серьезно атакован или остановлен неприятелем, ему понадобилось не менее месяца, чтобы вывести свои войска на подступы к этому городу. Отсутствие дорог и необходимые предосторожности не являются достаточным оправданием для такой неслыханной медлительности; ясно также, что испанцы не использовали полностью своего господства на море. Не может служить оправданием и то, что им приходилось прокладывать дорогу для тяжелой артиллерии и обоза с продовольствием. Одно и другое можно было перевезти главным образом на судах, в то время как армия, снабженная продовольствием на неделю и не имеющая при себе иных орудий, кроме горной артиллерии (перевозимой на мулах), могла бы достигнуть господствующих над Тетуаном высот самое большее в пять дней и соединиться с дивизией Риоса, которой тогда, как и три недели спустя, ничто не могло бы помешать высадиться у устья реки Вахад-эль-Джелу. Сражение, имевшее место 4 февраля, могло бы произойти 6 или 7 января и, вероятно, при еще более благоприятных для испанцев условиях; таким образом, были бы сохранены тысячи людей, выбывших из строя в связи с болезнями, и 8 января Тетуан мог быть взят.

Такое утверждение может показаться смелым. Конечно, О'Доннелю, не менее, чем любому из его солдат, хотелось достичь Тетуана; он проявил храбрость, осторожность, хладнокровие и прочие качества солдата. Если ему понадобился месяц, чтобы появиться у Тетуана, каким образом мог бы он сделать то же самое в одну неделю? О'Доннель мог привести свои войска двумя путями. Во-первых, он мог избрать главным образом сухопутные коммуникации, а судами пользоваться исключительно как вспомогательным средством. Именно так он и поступил. Он организовал регулярную транспортировку провианта и боевых припасов по суше, а армию снабдил большим количеством полевой артиллерии, состоящей из двенадцатифунтовых орудий. Его армия должна была в случае необходимости быть совершенно независимой от флота; последнему предназначалось служить лишь второй линией коммуникации с Сеутой, полезной, но отнюдь не обязательной. Этот план потребовал, разумеется, организации огромного обоза, а наличие обоза сделало необходимым прокладку дороги. Так была потеряна неделя на прокладку дороги от занимаемой позиции до берега моря; и почти на каждом шагу вся колонна — армия, обоз и все прочее — останавливалась, пока строился новый участок дороги для продвижения на следующий день. Таким образом, продолжительность перехода измерялась длиной участка дороги, который могли прокладывать изо дня в день испанские инженерные войска; а длина эта, по-видимому, составляла в среднем около полумили в день. Так, самый способ, избранный для перевозки продовольствия, вызывал необходимость колоссального увеличения обоза, ибо, само собой разумеется, чем дольше армия оставалась в пути, тем больше она потребляла продовольствия. Тем не менее, когда примерно 18 января шторм заставил пароходы отойти от берега, армии пришлось голодать, и это в непосредственной близости от своей базы в Сеуте; еще один день шторма, и одной трети армии пришлось бы возвращаться, чтобы доставить провиант для оставшихся двух третей. Таким-то образом маршал О'Доннель заставлял 18000 испанцев прогуливаться в течение целого месяца вдоль африканского берега, делая по две трети мили в день. Раз эта система снабжения армии была принята, то никакая сила в мире не могла бы сколько-нибудь значительно сократить продолжительность этого ни с чем не сравнимого похода. Но не было ли вообще ошибкой принятие этой системы?

Если бы Тетуан представлял собой город, удаленный от берега моря не на четыре, а на двадцать одну милю, то, разумеется, иного выбора не было бы. В своих экспедициях в глубь

Алжира французы встретились с такими же трудностями и преодолевали их теми же способами, правда, с большей энергией и быстротой. В Индии и Афганистане англичане избегли этих хлопот благодаря тому, что сравнительно легко находили вьючных животных и корм для них в этих странах; артиллерия их была легкая, не требовавшая хороших дорог, ибо кампании проводились только в сухое время года, когда армия может передвигаться и без дорог. Но одним лишь испанцам и маршалу О'Доннелю выпало на долю в течение целого месяца вести армию вдоль морского берега и за все это время покрыть огромное расстояние в 21 милю!

Все это показывает, что как практика, так и теория в испанской армии являются весьма устарелыми. С флотом из пароходов и парусных судов, постоянно находящимся на виду у армии, этот поход представляет собой нечто совершенно смехотворное, а солдаты, выведенные из строя в продолжение этого похода холерой и дизентерией, оказались жертвами предрассудков и бездарности. Построенная инженерными войсками дорога фактически не обеспечивала связи с Сеутой, ибо испанцы владели ею только там, где им случалось расположить свой лагерь. В тылу же мавры в любой день могли сделать ее непроходимой. Чтобы доставить известие или препроводить обратно в Сеуту транспорт, требовалась, по крайней мере, дивизия в 5000 человек. В течение всего похода связь с этим городом поддерживалась только пароходами. И при всем этом продовольствие, которое армия имела при себе, было настолько недостаточным, что не прошло и двадцати дней, как армия оказалась на грани голода и была спасена только запасами флота. Для чего же в таком случае вообще было строить эту дорогу? Для артиллерии? Но ведь испанцы, должно быть, наверняка знали, что у мавров не было полевой артиллерии и что их собственные нарезные горные пушки превосходили все, что неприятель мог им противопоставить. Зачем же в таком случае было тащить с собой всю эту артиллерию, если она целиком могла быть доставлена морем из Сеуты в Сан-Мартин (в устье Вахад-эль-Джелу, или реки Тетуан) за каких-нибудь несколько часов? На всякий случай армию могла бы сопровождать одна батарея полевых орудий, и испанская артиллерия, по-видимому, очень уж неуклюжа, если ее не могли передвигать по любой местности со скоростью 5 миль в день.

Как доказала высадка дивизии Риоса у Сан-Мартина, испанцы обладают количеством судов, достаточным для перевозки одновременно по крайней мере одной дивизии. Если бы наступление производилось английскими или французскими

войсками, то нет сомнения, что эта дивизия была бы немедленно высажена у Сан-Мартина, после того как из Сеуты было бы произведено несколько демонстраций, чтобы привлечь внимание мавров к этому пункту. Такая дивизия, численностью в 5000 человек, расположенная за легкими полевыми укреплениями, которые можно было возвести в течение одной ночи, могла бы безбоязненно ожидать атаки любого количества мавров. Но в случае благоприятной погоды можно было бы высаживать ежедневно по одной дивизии, и таким образом армия могла бы быть сосредоточена у Тетуана в шесть или восемь дней. Допустим, что О'Доннель не желал подвергать атаке одну из своих дивизий, оторванную от остальной армии в продолжение трех или четырех дней: его войска состояли из молодых солдат, еще не привыкших к войне, и ему нельзя ставить в упрек, что он не стал на этот путь.

Но он несомненно мог бы сделать следующее. Снабдив каждого солдата пайком на неделю, захватив всю свою горную артиллерию, а быть может, и одну батарею полевых орудий и столько запасов, сколько можно было погрузить на вьючных мулов и лошадей, он мог бы двинуться от Сеуты и как можно скорее достигнуть Тетуана. Даже принимая во внимание все трудности, 8 миль в день — это, конечно, довольно мало. Но даже при скорости движения, скажем, в 5 миль продолжительность похода составила бы четыре дня. Допустим, два дня уйдет на бои, хотя плохи должны быть победы, которые не приносят выигрыша пяти миль пространства. В общем это составило бы шесть дней, включая все задержки из-за погоды, ибо армия без обоза, конечно, может делать четыре или пять миль в день почти при любой погоде. Таким образом, армия достигла бы равнины у Тетуана до того, как израсходовала бы взятую с собой провизию; на случай необходимости имелись паровые суда, которые могли во время похода снабжать ее провизией, что они в действительности и делали. Характер местности или условия погоды в Марокко не хуже, чем в Алжире, а ведь французы в Алжире делали гораздо большие переходы в самый разгар зимы, притом значительно углубившись в горы и не имея пароходов, которые бы поддерживали и- снабжали их. Появившись на высотах Монте-Негро и овладев перевалом, ведущим к Тетуану, можно было иметь обеспеченную связь с флотом по Сан-Мартинской дороге, причем море явилось бы операционной базой. Итак, немного смелости, и период, в течение которого армия не имела бы иной операционной базы, кроме себя самой, сократился бы с одного месяца до одной недели, и поэтому наиболее смелый из двух планов был бы также

наиболее надежным, ибо чем страшнее были мавры, тем опаснее становился медленный марш О'Доннеля. А если бы армия понесла поражение на пути к Тетуану, то ей было бы гораздо легче отступить, чем в том случае, если бы она была обременена обозом и полевой артиллерией.

Продвижение О'Доннеля через Монте-Негро, которые он прошел, почти не встретив сопротивления, вполне гармонировало с его прежней медлительностью. Здесь он тоже строил и укреплял редуты, словно против него стояла самая лучшая регулярная армия. Таким образом, была потеряна целая неделя, хотя против такого противника было бы достаточно простых полевых окопов; он не мог ожидать артиллерийского нападения силами, равными шести его горным пушкам, поэтому для постройки такого лагеря было бы достаточно нескольких дней. Наконец, 4-го он атаковал укрепленный лагерь своего противника. По-видимому, испанцы в этом бою вели себя отлично; о качестве тактических мероприятий судить мы не можем, ибо немногочисленные корреспонденты в испанском лагере в интересах картинного описания и в угоду чрезмерному энтузиазму опускают все сухие военные подробности. Как пишет корреспондент лондонского «Times»: что толку описывать вам участок местности, который вы должны посмотреть сами, чтобы судить о его характере. Мавры были полностью разгромлены, и на следующий день Тетуан сдался.

Этим заканчивается первый акт кампании, и если император Марокко* не будет слишком упрямиться, то этим, весьма возможно, закончится также и вся война. Однако трудности, с которыми до сих пор столкнулись испанцы, — трудности, усугублявшиеся их способом ведения войны, — показывают, что если Марокко выдержит до конца, то испанцам предстоит весьма нелегкая работа. Дело не в сопротивлении мавританских иррегулярных войск, которые никогда не смогут нанести поражение дисциплинированным войскам, пока последние держатся вместе и получают продовольствие; дело в неразвитости страны, в невозможности завоевать что-либо, кроме городов, и получать продовольствие и фураж даже из этих последних; армию необходимо будет рассредоточить на большое количество мелких постов, которых все же не может быть достаточно, чтобы поддерживать беспрепятственное и регулярное сообщение между захваченными городами, причем эти посты можно будет снабжать продовольствием только в том случае, если большая часть сил будет сопровождать транс-

* — Сиди-Мухаммед. *Ред.*

порты по бездорожной местности через кольцо постоянно появляющихся на пути отрядов мавританских стрелков. Всем известно, каково было французам в первые пять или шесть лет их завоевательной войны в Африке снабжать продовольствием даже такие города, как Блида и Медея, не говоря уже о пунктах, более отдаленных от берега. Принимая во внимание, что климатические условия быстро изнуряют европейские армии, шесть или двенадцать месяцев подобной войны будут не шуточным делом для такой страны, как Испания.

Если война будет продолжаться, в первую очередь наступление будет развернуто, конечно, на Танжер. Путь из Тетуана в Танжер идет через горный перевал, а затем вниз по долине реки. Все это внутренние районы страны, поблизости нет пароходов для подвоза запасов, нет также и дорог. Расстояние равно приблизительно 26 милям. Сколько времени понадобится маршалу О'Доннелю, чтобы пройти это расстояние, и сколько солдат должен он будет оставить в Тетуане? Передают, что он сказал, будто для удержания за собой этого города понадобится 20000 человек, но это, конечно, сильно преувеличено. Имея 10000 человек в самом городе и в окрестностях бригаду в укрепленном лагере у Сан-Мартина, этот пункт будет в достаточной степени в безопасности; такая группа всегда могла бы принять бой и достаточными силами отразить любое наступление мавров. Танжер можно взять бомбардировкой с моря и с моря же ввести в пего гарнизон. То же самое можно сказать о Лараше, Сале и Могадоре. Но если испанцы намереваются действовать таким образом, то зачем было предпринимать длительный поход на Тетуан? Достоверно одно: если Марокко продержится еще год, то, чтобы принудить его к миру, испанцам придется еще многому поучиться в военном деле.

Написано Ф. Энгельсом в начале февраля 1860 г.

Напечатано в газете «New-York Daily Tribune» № 5896, 17 марта 1860 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с английского

Ф. ЭНГЕЛЬС

САВОЙЯ, НИЦЦА И РЕЙН [369]

Написано Ф. Энгельсом в феврале 1860 г.

Напечатано отдельной брошюрой в начале апреля 1860 г.

Печатается по тексту брошюры

Перевод с немецкого

I

Вот уже год, как на глазах у всех начал раскрываться бонапартистско-пьемонтско-русский заговор. Сначала новогодняя речь, затем сватовство к «итальянской Ифигении», далее вопль Италии и, наконец, признание Горчакова, что он заключил *письменный договор с* Луи-Наполеоном[370]. А в промежутки — вооружения, передвижения войск, угрозы и попытки посредничества. Тогда, в первый момент, вся Германия инстинктивно почувствовала: здесь дело идет не об Италии, а о нашей собственной шкуре. Начнут на Тичино, а кончат на Рейне. Конечной целью всех бонапартистских войн может быть только обратное завоевание «естественной границы» Франции, рейнской границы.

Однако та часть немецкой прессы, которую приводили в неописуемый ужас замаскированные притязания французов на естественные границы по Рейну, — эта пресса во главе с аугсбургской «Allgemeine Zeitung» с таким же неописуемым фанатизмом защищала австрийское господство в Северной Италии на том основании, что Минчо и нижнее течение По являются естественной границей между Германией и Италией. Г-н Оргес из аугсбургской «Allgemeine Zeitung» пустил в ход весь свой стратегический аппарат, чтобы доказать, что Германия погибнет без По и Минчо, что отказ от австрийского господства в Италии означает предательство по отношению к Германии.

Это придавало делу другой оборот. Совершенно очевидно было, что угроза Рейну только предлог, что цель — сохранение австрийского деспотизма в Италии. Угроза Рейну должна была склонить Германию солидарно выступить за подчинение

Северной Италии Австрии. При этом получалось еще комическое противоречие: одну и ту же теорию защищали применительно к По и осуждали применительно к Рейну.

Автор этих строк написал в то время работу, которую он опубликовал под заглавием *«По и Рейн»*[*]. Именно в интересах национального движения автор брошюры протестовал против теории границы по Минчо; он пытался с военно-теоретической точки зрения доказать, что Германия для своей обороны не нуждается ни в одном клочке итальянской территории, и что, если исходить только из военных соображений, то у Франции во всяком случае гораздо более основательные притязания на Рейн, чем у Германии на Минчо. Одним словом, автор пытался обеспечить немцам возможность вступить в предстоявшую борьбу с чистой совестью.

Насколько это автору брошюры удалось, пусть судят другие. Нам неизвестно о какой-либо попытке научно опровергнуть данный в брошюре анализ. Аугсбургская «Allgemeine Zeitung», против которой брошюра была прежде всего направлена, обещала дать собственную статью по этому вопросу, но вместо этого перепечатала три чужие статьи из «Ost-Deutsche Post»[371], которые в своей критике ограничились тем, что объявили автора «По и Рейн» «малогерманцем» за то, что он хочет отказаться от Италии. Во всяком случае, аугсбургская «Allgemeine Zeitung» с тех пор, насколько нам известно, больше не касалась теории границы по Минчо.

Между тем попытка навязать Германии солидарную ответственность за господство и политику Австрии в Италии послужила северогерманским филистерам из Готы удобным предлогом для выступления против национального движения. Первоначальное движение было действительно национальным, гораздо более национальным, чем все шиллеровские торжества от Архангельска до Сан-Франциско[372]; оно возникло естественно, инстинктивно, непосредственно. Имеет ли Австрия права на Италию или нет, претендует ли Италия на независимость, нужна ли линия Минчо или нет — все это пока было для национального движения совершенно безразлично. Один из нас подвергается нападению и притом со стороны третьего, которому нет никакого дела до Италии, но который тем больше заинтересован в захвате левого берега Рейна, — против него, против Луи-Наполеона и традиций Французской империи мы все должны объединиться. Народ инстинктивно и совершенно правильно почувствовал это.

[*] См. настоящий том, стр. 233—281. *Ред.*

Но либеральные филистеры из Готы давно уже перестали рассматривать немецкую Австрию как «одного из нас». Им была по душе война, так как она могла ослабить Австрию и таким образом сделать, наконец, возможным возникновение малогерманской или великопрусской империи. К ним примыкала масса северогерманской вульгарной демократии, которая рассчитывала на то, что Луи-Наполеон разгромит Австрию, а затем позволит ей объединить всю Германию под главенством Пруссии; к ним же примыкала и та небольшая часть немецкой эмиграции во Франции и Швейцарии, у которой хватило бесстыдства открыто связаться с бонапартизмом. Но их самым сильным союзником была — скажем это открыто — трусость немецкой мелкой буржуазии, которая никогда не смеет прямо смотреть опасности в глаза; чтобы вымолить на год отсрочку своей казни, она предает своих верных союзников и таким путем, без них, надежнее обеспечивает впоследствии собственное поражение. Рука об руку с этой трусостью шло известное сверхблагоразумие, у которого всегда есть тысяча оснований ни за что не совершать никаких действий, но тем больше предлогов произносить речи; оно относится скептически ко всему, кроме указанных предлогов; это то самое сверхблагоразумие, которое приветствовало Базельский мир, уступивший Франции левый берег Рейна, которое тайно потирало руки от удовольствия, когда австрийцев били под Ульмом[373] и Аустерлицем; то самое сверхблагоразумие, которое никогда не видит приближения своей Йены и резиденцией которого является Берлин.

Этот союз победил. Германия бросила Австрию на произвол судьбы. Между тем, австрийская армия дралась на ломбардской равнине с беззаветной храбростью, вызвавшей удивление у ее врагов и восхищение у всех — но только не у готцев и их прихвостней. Ни плацпарадная дрессировка, ни гарнизонная муштра, ни капральская палка не были в состоянии убить в немцах их неиссякаемую боеспособность. Несмотря на скудную экипировку и тяжелое снаряжение, эти никогда не бывавшие под огнем неопытные войска держались, как ветераны, против испытанных в боях, легко одетых и легко вооруженных французов, и только австрийское командование с его исключительной неспособностью и отсутствием единства могло допустить разгром таких войск. Но какой же это был разгром? Ни трофеев, ни знамен, почти совсем без пушек, почти без пленных; единственное захваченное врагом знамя было *найдено* на поле боя под грудой убитых, а нераненые пленные были итальянские или венгерские дезертиры. От рядового до майора австрийская армия покрыла себя славой, и слава эта почти

исключительно принадлежит жителям *немецкой* Австрии. Итальянцев нельзя было использовать, и большая их часть была отстранена, венгры толпами сдавались в плен или были очень ненадежны, хорваты в этой кампании дрались гораздо хуже, чем обычно*. Жители немецкой Австрии могут с полным правом присвоить себе эту славу, хотя на них же в первую голову падает и позор за плохое командование.

Это командование было истинно староавстрийским. То, что не могла сделать бездарность одного Дыолаи, то довершило отсутствие единства в командовании, обусловленное наличием камарильи и присутствием Франца-Иосифа. Дыолаи напал на Ломеллину и, очутившись в районе Касале—Алессандрии, немедленно остановился; все наступление окончилось неудачей. Французы беспрепятственно соединились с сардинцами. Чтобы во всей полноте продемонстрировать свою беспомощность, Дыолаи приказывает произвести рекогносцировку у Монтебелло, словно заранее желая показать, что староавстрийский дух неуверенного нащупывания и тяжелого раздумья в военном командовании все еще жив, как во времена блаженной памяти гофкригсрата[374]. Он целиком предоставляет инициативу противнику. Свою армию он распыляет от Пиаченцы до Ароны, чтобы, на излюбленный австрийский манер, везде иметь непосредственное прикрытие. Традиции Радецкого за какие-нибудь десять лет уже преданы забвению. Когда неприятель наступает у Палестро, отдельные австрийские бригады так медленно и разрозненно вступают в бой, что каждую из них выбивают с позиции еще до прихода другой. Когда же неприятель действительно предпринимает маневр, возможность которого придавала какой-то смысл всей позиции у Ломеллины — фланговый марш от Верчелли на Боффалору, — когда, наконец, представился случай ударом на Новару парировать этот смелый маневр и использовать невыгодное положение противника, Дьюлаи теряет голову и бежит обратно через Тичино, чтобы, сделав крюк, преградить наступающему противнику путь с фронта. Во время этого отступления 3 июня в 4 часа утра в главной квартире в Розате появляется Хесс. Возродившийся в Вороне гофкритсрат, по-видимому, усомнился в способностях Дьюлаи как раз в самый решительный момент. Теперь, таким образом, здесь оказалось два главнокомандующих. По предложению Хесса, все колонны были задержаны до тех пор, пока

* См. отчеты корреспондента «Times» из австрийского лагеря о сражении под Сольферино. При Кавриано старый фельдцейхмейстер Нугент, который участвовал в кампании в качестве добровольца, тщетно делал всяческие усилия, чтобы послать в бой несколько батальонов с Военной границы.

Хесс не убедился, что момент для атаки на Новару упущен и что нужно предоставить события их естественному ходу. Между тем на это ушло почти пять часов, и движение войск было на это время приостановлено*. Войска прибывают к Мадженте на протяжении 4 июня разрозненными колоннами, голодные, усталые; они тем не менее дерутся прекрасно и с отличным успехом, пока Мак-Магон, *нарушая* приказ идти от Турбиго прямым путем на Милан, не сворачивает на Мадженту и не нападает на австрийский фланг. Тем временем подходят остальные французские корпуса, австрийские же запаздывают, и сражение оказывается проигранным. Отступление австрийцев происходит так медленно, что под Меленьяно одну из их дивизий атакуют целых два французских армейских корпуса. Одна бригада удерживает этот пункт против шести французских бригад в течение нескольких часов и отступает лишь после того, как теряет свыше половины личного состава. Дьюлаи, наконец, смещают. Армия отступает от Мадженты по большой дуге, обходя Милан, и еще успевает (так мало думали о преследовании!) прийти на позиции у Кастильоне и Лонато *раньше* противника, который двигался по более короткой хорде. Сообщалось, будто эту позицию, которая была с давних пор тщательнейшим образом изучена австрийцами, Франц-Иосиф сам разыскал для своих войск. Факт тот, что она издавна входила в систему обороны четырехугольника крепостей и представляла отличную позицию для оборонительного сражения с контратаками. Здесь австрийская армия, наконец, соединилась с подкреплениями, подошедшими теперь или находившимися до этого времени в резерве. Но как только неприятель прибыл на другой берег Кьезе, снова раздался сигнал к отступлению, и армия отошла за Минчо. Едва эта операция была закончена, как австрийская армия снова перешла через ту же Минчо, чтобы отбить у неприятеля позицию, которую она ему только что добровольно уступила. В этом хаосе ordre, contre-ordre, désordre**, с уже сильно подорванным доверием к верховному командованию, австрийская армия вступает в бой под Сольферино. Это было беспорядочное взаимное истребление; о тактическом руководстве не было и речи ни с французской, ни с австрийской стороны. Неспособность, растерянность и боязнь ответственности в большей

---

* См. объяснение капитана Блэкли, первого корреспондента «Times» в австрийском лагере, который сообщает об этом факте в своей газете. Дармштадтская «Allgemeine Militar-Zeitung»[375] защищает Дьюлаи, объясняя пятичасовой перерыв в марше обстоятельством, которое по служебным соображениям не может быть оглашено, но которое, независимо от воли Дьюлаи, определило проигрыш сражения. Но Блэкли уже сообщил, в чем заключалось это обстоятельство.

** — приказа, контрприказа, беспорядка. *Ред.*

степени у австрийских генералов, большая уверенность у французских бригадных и дивизионных начальников, природное превосходство французов в ведении боя в рассыпном строю и в населенных пунктах, доведенное до совершенства в Алжире, — в результате всего этого австрийцы в конце концов были прогнаны с поля боя. На этом кампания кончается, и кто же мог радоваться этому больше, чем бедный г-н Оргес, в обязанности которого входило на все лады расхваливать в аугсбургской «Allgemeine Zeitung» австрийское верховное командование и объяснять его действия разумными стратегическими соображениями.

Луи-Наполеон был также совершенно удовлетворен. Тощая слава Мадженты и Сольферино все же превосходила ту, на которую он имел право рассчитывать, а среди фатальных четырех крепостей все-таки мог как-нибудь наступить момент, когда австрийцы не дали бы больше бить себя своим собственным генералам. К тому же провела мобилизацию Пруссия, и ни французская армия на Рейне, ни русские войска не были готовы к войне. Короче, идея свободной Италии до Адриатического моря была оставлена. Луи-Наполеон предложил мир, и был подписан Виллафранкский договор. Франция не приобрела ни одной пяди земли; отошедшую к ней Ломбардию она великодушно подарила Пьемонту; она вела войну за идею, как могла она думать о рейнской границе!

Между тем Центральная Италия временно присоединилась к Пьемонту, и североитальянское королевство представляло тогда довольно внушительную силу.

Прежние провинции на материке и остров Сардиния с населением	4 730 500	человек
Ломбардия, без Мантуи, около	2 651700	»
Тоскана	1 719 900	»
Парма и Модена	1 090 900	»
Романья (Болонья, Феррара, Равенна и Форли)	1 058 800	»
Всего (по данным 1848 г.)	11 251 800	человек

Площадь страны возросла с 1373 до 2684 немецких кв. миль*. Таким образом, североитальянское королевство, если

* Немецкая миля равна 7420 метрам. *Ред.*

бы оно окончательно сложилось, было бы первым итальянским государством. Наряду с ним оставалось только еще:

в Венеции	2 452 900	человек
» Неаполе	8 517 600	»
» оставшейся части Папской области	2 235 600	»
Всего	13 206 100	человек

Таким образом, Северная Италия одна имела бы столько же населения, сколько все остальные итальянские земли, вместе взятые. В соответствии с финансовым и военным могуществом и уровнем цивилизации своего населения такая страна могла бы претендовать в Европе на более высокое положение чем Испания, следовательно, на место непосредственно за Пруссией, и, уверенная в растущих симпатиях остальной Италии» она безусловно потребовала бы для себя такого положения.

Но это было не то, чего хотела бонапартистская политика. Единую Италию — во всеуслышание заявила Франция — она не может и не будет терпеть. Под независимостью и свободой Италии французы понимали нечто вроде итальянского Рейнского союза под бонапартистским протекторатом и почетным председательством папы, замену австрийской гегемонии французской. В то же время распространялась благая идея создать в Центральной Италии этрусское королевство, итальянское Вестфальское королевство для наследника Жерома Бонапарта[376]. Всем этим планам положила конец консолидация североитальянского государства. Жером Бонапарт junior* во время своего турне по герцогствам ничего для себя не приобрел, даже *ни одного* голоса; бонапартистская Этрурия была так же невозможна, как и реставрация; ничего другого не оставалось, как присоединение к Пьемонту[377].

Но по мере того, как обнаруживалась неизбежность объединения Северной Италии, все определеннее обрисовывалась «идея», во имя которой Франция вела эту войну. Это была идея присоединения Савойи и Ниццы к Франции. Уже во время войны раздавались голоса, которые указывали на это присоединение как на цену французского вмешательства в итальянские дела. Их, однако, но слушали. И разве не опроверг их Виллафранкский договор? Тем не менее всему миру стало вдруг известно, что при национальном и конституционном управлении re galantuomo** две провинции томились под чужеземным

* — младший. *Ред.*
** — короля-джентльмена (имеется в виду Виктор-Эммануил II). *Ред.*

господством — две французские провинции, обратившие свои полные слез и надежд взоры в сторону великой родины, от которой они были отделены только грубой силой — и Луи-Наполеон не мог больше оставаться глухим к отчаянным воплям, доносившимся из Ниццы и Савойи.

Теперь, во всяком случае, стало ясно, что Ницца и Савойя были той ценой, за которую Луи-Наполеон готов был пойти на воссоединение Венеции и Ломбардии с Пьемонтом, и что он запросил эту цену за свое согласие на присоединение Средней Италии потому, что получить в данный момент Венецию было невозможно. Теперь начались гнусные маневры бонапартовских агентов в Ницце и Савойе и крики подкупленной парижской прессы о том, что пьемонтское правительство подавляет в этих провинциях волю парода, который громко требует присоединения к Франции. Теперь, наконец, в Париже было открыто сказано, что *Альпы — естественная граница Франции, что Франция имеет право на них.*

II

Когда французская пресса утверждает, что Савойя по языку и обычаям близка Франции, то это по меньшей мере столь же верно, как и подобное утверждение в отношении французской Швейцарии, валонской части Бельгии и англо-нормандских островов в Ла-Манше. Народ Савойи говорит на южнофранцузском диалекте; языком образованных слоев и литературным повсюду является французский. Итальянский элемент в Савойе столь незначителен, что французский (т. е. южнофранцузский или провансальский) народный язык проник даже через Альпы в Пьемонт, до верхних долин рек Доры-Рипарии и Доры-Бальтеи. Несмотря на это, до войны решительно ничего не было слышно о симпатиях в пользу присоединения к Франции. Подобные мысли кое-где были только у отдельных лиц в Нижней Савойе, которая поддерживает некоторые торговые сношения с Францией, массе населения они были здесь так же чужды, как и во всех других пограничных с Францией и говорящих по-французски странах. Вообще характерно, что **из** стран, которые с 1792 по 1812 г. были под властью Франции, ни одна не испытывает ни малейшего желания вернуться под крылья французского орла. Плоды первой французской революции были ими освоены, но им до отвращения надоели строгая централизация управления, хозяйничание префектов, непогрешимость посылавшихся из Парижа апостолов цивилизации. Симпатии к Франции, вновь пробужденные июльской и февральской революциями, бонапартизм снова тотчас же подавил. Ни у кого нет желания импортировать Ламбессу, Кайенну и loi des suspects[378]. К тому же китайская замкнутость Франции в отношении почти всякой ввозной торговли дает себя знать сильнее всего именно на границе. Первая республика находила на всех границах угнетенные, истощенные провинции, раздробленные, лишенные своих общих естественных интересов народы, которым она несла освобождение сельского населения, земледелия, торговли и промышленности. Вторая империя

наталкивается на всех границах на большую свободу, чем она сама может предложить; она сталкивается в Германии и Италии с окрепшим национальным чувством, в малых странах— с консолидированными сепаратными интересами, которые за время сорокапятилетнего необычайно быстрого промышленного развития выросли и по всем направлениям переплелись с мировой торговлей. Вторая империя не несет им ничего, кроме деспотизма времен римских цезарей, ничего, кроме заключения торговли и промышленности в просторную тюрьму ее таможенной границы и в лучшем случае право добровольно убираться ко всем чертям.

Отделенная от Пьемонта главной цепью Альп, Савойя почти все ей необходимое получает с севера — из Женевы и частью из Лиона, так же, как, с другой стороны, кантон Тессин, лежащий к югу от альпийских проходов, снабжается из Венеции и Генуи. Если это обстоятельство — мотив для отделения от Пьемонта, то во всяком случае не мотив для присоединения к Франции, так как коммерческая метрополия Савойи — Женева. Это определяется не только географическим положением, но также мудростью французского таможенного законодательства и придирчивостью французской таможни.

Однако, несмотря на этническое родство, общность языка и альпийскую цепь, савойяры, по-видимому, не имеют никакого желания, чтобы их осчастливили имперскими учреждениями великой французской родины. Они исполнены традиционного сознания, что не Италия завоевала Савойю, а Савойя завоевала Пьемонт. Вокруг маленькой Нижней Савойи воинственное горное племя сплотилось по всей провинции в государство, а затем спустилось на итальянскую равнину и с помощью военных и политических мер последовательно присоединило к себе Пьемонт, Монферрато, Ниццу, Ломеллину, Сардинию и Геную. Династия основала свою резиденцию в Турине и стала итальянской, но Савойя осталась колыбелью государства, и савойский крест по настоящий день остается гербом Северной Италии, от Ниццы до Римини и от Сондрио до Сиены. Франция завоевала Савойю во время кампаний 1792—1794 гг., и до 1814 г. провинция называлась Departement du Mont-Blanc*. Но в 1814 г. у нее не было ни малейшей склонности оставаться французской; присоединение к Швейцарии или восстановление старых отношений с Пьемонтом — только так ставился вопрос. Несмотря на это, провинция оставалась французской, пока не миновали «сто дней»[379]; тогда она была возвращена Пьемонту.

* — Департамент Монблана. *Ред.*

Старая историческая традиция с течением времени, конечно, ослабела; на Савойю не обращали внимания, итальянские провинции Пьемонта получили преобладающее значение; интересы пьемонтской политики все больше тяготели к востоку и югу. Тем более замечательно, что больше всего сепаратистские стремления все еще проявлял именно *тот* класс населения, который претендовал на привилегированную роль носителя исторических традиций: старое, консервативное и ультрамонтанское дворянство; его стремления были направлены на присоединение к Швейцарии до тех пор, пока там господствовали старые, олигархические патрицианские учреждения; только со времени всеобщего провозглашения демократии в Швейцарии эти стремления, видимо, получили другое направление; под властью Луи-Наполеона Франция стала достаточно реакционной и ультрамонтанской, чтобы показаться савойскому дворянству убежищем от революционной пьемонтской политики.

Положение в настоящее время представляется в следующем виде. В целом не существует никаких требований об отделении Савойи от Пьемонта. В верхней части страны, в Морьене, Тарантезе и Верхней Савойе, население определенно за сохранение status quo*. В Женевэ, Фосиньи и Шабле, если когда-нибудь возникнет необходимость перемены, будет отдано предпочтение присоединению к Швейцарии. Только кое-где в Нижней Савойе, да еще в среде реакционного дворянства всей провинции, раздаются голоса в пользу присоединения к Франции. Но эти голоса настолько редки, что даже в Шамбери против них решительно выступает значительно большая часть населения, и реакционное дворянство (см. заявление Коста де Борегара) не осмеливается признаться в своих симпатиях.

Вот все, что касается национального состава и воли населения.

Как же обстоит дело с военной стороной вопроса? Какие стратегические выгоды представляет для Пьемонта обладание Савойей, каковы они были бы для Франции? И какое влияние окажет переход Савойи в другие руки на третью пограничную страну — на Швейцарию?

От Базеля до Бриансона французская граница образует большую, сильно вогнутую дугу; довольно большая часть территории Швейцарии и вся Савойя врезаются здесь в пределы Франции. Если мы проведем хорду для этой дуги, то отрезаемый

* — существующего положения. *Ред.*

ею сегмент круга почти целиком заполнится французской Щвейцарией и Савойей. Если бы французская граница была продвинута до этой хорды, то от Лотербура до Фрежюса она образовала бы такую же прямую линию, как от Лотербура до Дюнкерка. Однако для обороны эта линия имела бы совершенно иное значение, чем линия Лотербур — Дюнкерк. В то время как северная граница остается совершенно открытой, восточная граница в ее северной части была бы прикрыта Рейном, а в южной части — Альпами. Действительно, между Базелем и Монбланом пограничная линия нигде не была бы обозначена каким-либо естественным рубежом; «естественная граница» проходила бы здесь скорее уж по линии гор Юры до форта Эклюз и оттуда через отроги Альп, которые тянутся на юг от Монблана, огораживают долину Арв и также кончаются у форта Эклюз. Но если естественная граница вдается *вогнутой* дугой, то она не выполняет своей задачи и тем самым перестает быть естественной границей. Когда же оказывается, что этот вогнутый сегмент круга, так неестественно вдавливающий нашу границу, заселен вдобавок людьми, которые «по языку, нравам и цивилизации» являются французами, то разве не следует исправить допущенную природой ошибку, практически восстановить требуемую теорией выпуклость или, по крайней мере, прямизну! Неужели же французы, живущие по ту сторону естественной границы, должны быть принесены в жертву lusus naturae*?

Что подобные бонапартистские доводы не лишены всякого значения, доказывает Первая империя, которая шла от аннексии к аннексии, пока не был положен конец ее проискам. Самая совершенная граница имеет свои слабые стороны, которые можно исправлять и улучшать, и если нет нужды стесняться, то эти аннексии можно продолжать без конца. Во всяком случае, из предыдущих рассуждений вытекает такой вывод: все, что может быть сказано об аннексии Савойи как в отношении ее национального состава, так и в отношении военных интересов Франции, *действительно также и для французской Швейцарии.*

Альпийская цепь, которая от Коль-ди-Тенды тянется в северо-северо-западном направлении, поворачивает от Мон-Табора, образующего как бы пограничный столб между Пьемонтом, Савойей и Францией, в общем направлении на северо-северо-восток, а от Мон-Жеана, пограничного пункта между Пьемонтом, Савойей и Швейцарией, еще более изгибается на

* — игре природы. *Ред.*

восток. Поэтому естественной границей Франции от Мон-Табора до Мон-Жеана Альпы могут служить только в том случае, если эта граница от Мон-Жеана направляется по прямой линии дальше на Базель. Другими словами: требование о присоединении Савойи к Франции *включает в себя требование об аннексии французской Швейцарии.*

На всем участке, на котором главный гребень Альп образует нынешнюю границу между этими двумя странами, имеется всего лишь один шоссированный проход — Мон-Женевр. Кроме него есть еще перевал Коль-д'Арджентера, ведущий от Барселоннета в долину Стуры, по которому можно провезти артиллерию, и, возможно, так же еще другие вьючные тропы, которые при некотором усилии можно приспособить для прохождения всех родов оружия. Но так как Савойя и Ницца располагают каждая двумя шоссированными проходами через главную альпийскую цепь, то всякая наступающая французская армия, еще не владеющая этими провинциями, захватит, по крайней мере, одну из них прежде, чем предпримет переход через Альпы. К тому же для наступления из Франции Мон-Женевр обеспечивает только прямой удар на Турин, в то время как Монсени и еще более Малый Бернар, оба савойских прохода, дают возможность действовать на флангах. А для наступающей итальянской армии Мон-Женевр вызывает необходимость в большом обходном движении, чтобы нанести удар в сердце Франции, в то время как через Монсени проходит магистраль из Турина на Париж. Ни одному полководцу поэтому не придет в голову пользоваться перевалом Мон-Женевр иначе, как для вспомогательных колонн, между тем как главная операционная линия непременно пройдет через Савойю.

Следовательно, обладание Савойей предоставило бы в распоряжение Франции прежде всего местность, которая необходима ей на случай наступательной войны против Италии и которую она в противном случае должна была бы предварительно завоевать. Находящаяся в обороне итальянская армия, разумеется, никогда не прибегнет к решительному сражению для защиты Савойи, но она может в какой-то мере задержать наступление противника активными действиями в горах и разрушением дорог уже в долинах верхнего течения Арка и Изера (через которые проходит Монсенисская и Сен-Бернарская дороги), а затем, опираясь на форты, закрывающие проходы, еще некоторое время удерживать за собой северные склоны главного Альпийского хребта. Об абсолютной защите здесь, как и вообще в горной войне, конечно, не может быть и речи; решительное сражение оттягивается к моменту спуска

противника на равнину. Но это *несомненно обеспечивает выигрыш* времени, что может иметь решающее значение для сосредоточения сил к генеральному сражению и особенно важно для такой вытянутой в длину и бедной железными дорогами страны, как Италия, по сравнению с такой компактной, покрытой великолепной стратегической железнодорожной сетью страной как Франция; и это время было бы *несомненно потеряно,* если Франция уже владела бы Савойей до войны. Но Италия никогда не будет одна воевать с Францией; если же она будет иметь союзника, то представляется возможным, что обе армии в Савойе уже будут равны по силам. Вследствие этого борьба за обладание Альпийским хребтом примет затяжной характер; в худшем случае итальянцы сумеют некоторое время продержаться на северных склонах хребта, а с его потерей станут оспаривать у французов его южные склоны, так как хозяин горного хребта только тот, кто владеет обоими его склонами и может через него перейти. Представляется, однако, весьма сомнительным, хватит ли у нападающей стороны сил и решимости преследовать обороняющегося на равнине.

Кампании 1792—1795 гг. в Савойе представляют пример такой затяжной горной войны, когда военные действия с той и с другой стороны носили вялый, нерешительный и неуверенный характер.

21 сентября 1792 года генерал Монтескье вторгся в Савойю. 10000 сардинцев, которые ее защищали, были, согласно излюбленному способу того времени, настолько сильно растянуты в цепь постов, что они нигде не могли сосредоточить достаточные для сопротивления силы. Шамбери и Монмелиан были заняты, и французы быстро продвинулись по долинам вплоть до подошвы главного Альпийского хребта. Самый гребень остался всецело в руках сардинцев, которые 15 августа 1793 г., после нескольких небольших стычек, перешли под командой генерала Гордона в наступление против французов, ослабленных выделением отрядов для осады Лиона, и вытеснили их из долины Арка и Изера обратно к Монмелиану. Здесь разбитые колонны французов соединились со своими резервами. Из-под Лиона вернулся Келлерман, который тотчас же (11 сентября) перешел в наступление и снова, без большого труда, отбросил сардинцев к альпийским проходам; однако этим и его силы были исчерпаны, и он должен был остановиться у подножия гор. Но в 1794 г. альпийская армия была доведена до 75000 человек, против которых пьемонтцы могли выставить всего 40000 человек и, может быть, свободный резерв из 10000 австрийцев. Несмотря на это, первые атаки французов

как на Малом Бернаре, так и на Монсени, оказались безуспешными, пока, наконец, ими не были взяты 23 апреля Сен-Бернар, а 14 мая Монсени, и пока, таким образом, весь гребень не перешел в их руки.

Итак, понадобились три кампании, чтобы на этой стороне вырвать у пьемонтцев доступ в Италию. Если в современных условиях представляется невозможным, чтобы военные действия на таком ограниченном пространстве велись так безрезультатно на протяжении нескольких кампаний, то, при известном равновесии сил, французам будет трудно не только форсировать альпийские проходы, но и остаться достаточно сильными, чтобы без промедления спуститься на равнину. Ничего больше Савойя не может дать Италии, но и этого уже достаточно.

Предположим теперь обратное, что Савойя соединяется с Францией. Что тогда будет с Италией? Северный склон Альпийского хребта в руках у французов, итальянцы могут еще защищать только южный склон, и с высокого хребта можно господствовать над его фортами и над занимаемыми ими позициями, или, во всяком случае, наблюдать за ними и в большинстве случаев даже обойти их на довольно близком расстоянии. Горная оборона сводится к последнему, незначительному и к тому же чреватому наибольшими потерями акту. Возможность вести разведку, которую предоставляет горная война в Савойе, совершенно отпадает. Но этого мало. До тех пор, пока нужно было *завоевывать* Савойю, Франция при известных обстоятельствах могла этим довольствоваться, принудив таким путем Италию к пассивной обороне. Известный результат уже был бы достигнут, войска, вероятно, можно было лучше использовать в другом месте; в интересах Франции было не связывать на этом театре войны слишком много сил. Наоборот, когда Савойя окончательно становится французской провинцией, выгодно вести наступательную оборону по французскому образцу. Пассивная оборона может на протяжении кампании стоить столько же человеческих жертв, сколько наступление в Италию; войск для наступления потребовалось бы не намного больше, но зато открывались совершенно иные перспективы!

На следующий день после аннексии французские офицеры генерального штаба поднимутся в долины Арка и Изера, обследуют боковые долины, взберутся на горные хребты, расспросят лучших альпийских проводников, измерят расстояния, произведут топографические съемки подъемов и тщательно все запишут; и все это не в порядке случайной прихоти туриста, но по определенному, возможно, уже теперь готовому

плану. Вслед за ними скоро появятся инженеры и подрядчики, и через короткий промежуток времени в самых укромных глубинах высоких гор будут построены дороги, возведены каменные сооружения, назначение которых не смогут, вероятно, разъяснить ни местные жители, ни случайные путешественники. Они не предназначены ни для местных крестьян, ни для туристов; их цель состоит лишь в усовершенствовании природных стратегических свойств Савойи.

Проход Монсени, равно как и проход Мон-Женевр, оба ведут на Сузу. Если южные склоны обоих проходов будут атакованы французскими колоннами, то защищающие их итальянские части попадут в самую настоящую ловушку. Они не могут знать, с какой стороны будет нанесен главный удар, но они заранее знают, что если форсирован один из перевалов и взята Суза, то войска, защищающие другой перевал, будут отрезаны. Если сначала форсирован Монсени, то войска, защищающие Мон-Женевр, еще могут спуститься по тропинкам и спастись в Фенестрельской долине, потеряв лишь своих лошадей, артиллерию и обоз; если же наступающие проникнут к Сузе через Мон-Женевр, то войска, находящиеся у Монсени, теряют всякую возможность отступления. В таких условиях оборона этих обоих перевалов ограничивается простой демонстрацией. Между тем дороги от Гренобля на Бриансон и от Шамбери на Ланлебур, составляющие операционные линии обоих подразделений французских войск, идут в общем параллельно и разделены всего одним отходящим от Мон-Табора горным хребтом, покрытым большим числом пешеходных и вьючных троп. Построив на этом хребте поперечную дорогу, длиной всего лишь в четыре немецких мили, французы получат возможность перебрасывать по желанию свои силы с одной дороги на другую; ловушка будет действовать с еще большим эффектом, а оборона линии Альп на этой стороне от нападения со стороны Италии чрезвычайно усилится.

И далее. В Савойе имеется еще один перевал через Альпы — Малый Сен-Бернар. Многие французские авторитеты утверждают, что Наполеон поступил бы правильнее, если бы вместо Большого Бернара избрал для своего перехода через Альпы именно этот перевал: он ниже, следовательно весной раньше освобождается от снега и вообще через него легче перейти. Колонны, вышедшие из Лиона и Безансона, по крайней мере, с одинаковой легкостью могут соединиться как в Альбервиле, так и в Лозанне; и оба перевала ведут на Аосту и Иврею. Уже самый факт возможности возникновения спора о преимуществах того или другого перевала для целей Наполеона в кампа-

нию 1800 г. показывает, как велико значение Малого Бернард для ведения войны. Разумеется, должны быть налицо совершенно особые условия, чтобы Малый Бернар мог служить для повторения стратегического обходного движения, имевшего место при Маренго. В современной войне действуют более крупные армии, которые никогда не будут в состоянии перевалить через горный хребет одной колонной; отважиться на обходное движение только 30-тысячной колонной в наше время в большинстве случаев означало бы готовить собственную гибель. Все это верно для первой или второй кампании. Когда же, по-видимому, все войны, которые стойко ведутся обеими сторонами, благодаря группам крепостей и укрепленным лагерям новейшего времени, приобретают другой, затяжной характер, когда исход войны уже не может быть окончательно решен до тех пор, пока силы сражающихся постепенно не будут истощены целым рядом кампаний, тогда и армии в конце концов становятся все меньше и меньше. Возьмем случай, когда война в течение нескольких лет ведется с переменным успехом на североитальянской равнине; французы, занявшие к этому времени Касале или Алессандрию или оба эти пункта, были бы затем отброшены за Альпы, и здесь обе стороны, сильно ослабев, остановились бы. Но разве и в таком случае, при нашей железнодорожной сети, при наличии теперь уже повсеместно облегченной артиллерии, потребовалось бы уж такое искусство, чтобы быстро перебросить 30000—40000 человек или даже больше через Малый Бернар к Ивреe? От Ивреи они могут направиться на равнину к своим укрепленным базам, где они найдут все необходимое и получат подкрепление за счет гарнизона; если бы это оказалось невозможным, то путь на Турин и путь отступления через оба ближайшие перевала им не могли бы отрезать даже более сильные отряды противника. В такое время упомянутые 30000—40000 человек с гарнизонами становятся уже довольно внушительной силой и в худшем случае, разбив ближайшие неприятельские отряды, могут вести войну вокруг своего укрепленного лагеря с большими шансами на успех. Вспомним только, как сократились армии уже к 1814 г. и с какими малыми силами Наполеон достиг в том году таких великих результатов.

Как уже было сказано, дорога на Бернар идет по долине Изера, а на Монсени по долине Арка. Обе реки берут начало у Монт-Изерана. Выше Бурк-Сен-Мориса дорога на Бернар отходит от реки и переваливает через гору, в то время как ущелье (Валь-де-Тинь) поднимается вправо к югу. Ниже Ланлебура, у Терминьона, в долину Арка входит небольшая

боковая долина (долина Сен-Бартельми). Из Валь-де-Тиня ведут три тропы через горный хребет между Монт-Изераном и Мон-Шаффкарре в долину Сен-Бартельми. Один из этих трех проходов вполне можно шоссировать. Если здесь построить дорогу, то в сочетании с ранее намеченной поперечной дорогой стратегическая дорожная сеть Савойи — в качестве французской пограничной провинции — представляется уже достаточно развитой. Непосредственно за главным гребнем Альп проходила бы дорога, связывающая между собой три основных перевала, позволяя в двухдневный срок перебросить главную массу войск от Бернара и Мон-Женевра к району Монсени и в четыре-пять дней—с одного фланга на другой. Если дополнить эту систему еще одной дорогой — от Мутье через перевал от Пролоньяна на Сен-Бартельми и Ланлебур — и второй — от Мутье на Сен-Жан-де-Морьен, — то было бы трудно прибавить что-нибудь еще. Следовало бы разве только для усиления, но не для полного заграждения, возвести необходимые укрепления и обеспечить Мутье, главный дорожный узел, как центральную базу, от мощного неприятельского нападения. Здесь речь идет всего лишь о прокладке менее двадцати пяти немецких миль новых дорог.

Когда эти или подобные дороги будут проложены, — а у французского генерального штаба, несомненно, уже имеется готовый план полного стратегического использования Савойи, — и каком же положении окажется оборона южного склона Альп? Какие блестящие операции в случае обороны мог бы проводить новый Лекурб, опираясь на укрепленную центральную базу и мелкие форты, если бы такая дорожная сеть обеспечивала ему возможность передвижений? Пусть не говорят, что при наших современных больших армиях горная война больше невозможна. Это в общем правильно до тех пор, пока армии действительно велики и решающий перевес находится на одной стороне. Но армии будут значительно терять численно в борьбе с современными крепостями, и представится достаточно случаев, когда перевес уступит место равновесию. В горы, конечно, не идут, когда в этом нет нужды, по путь из Парижа в Италию и из Италии в Париж всегда будет проходить через Савойю или Валлис.

Резюмируем. Благодаря своему географическому положению и, в частности, благодаря своим перевалам через Альпы, Савойя, в качестве французской провинции, дала бы возможность французской армии, даже с небольшим численным перевесом, овладеть итальянскими склонами Альпийских гор, производить вылазки в долины и приобрести гораздо большее

значение, чем позволяли бы ее силы. При некоторой же предварительной подготовке театра военных действий французская армия была бы поставлена в такие выгодные условия, что даже при полном равенстве сил во всех прочих отношениях она немедленно получила бы перевес над противником; к тому же Малый Бернар вынудил бы итальянцев выслать прикрытие на далекое расстояние, в то время как французы, при известных обстоятельствах, могли бы использовать этот перевал для нанесения решающих ударов наступательного характера.

Савойя в руках Франции представляет, в противоположность Италии, *исключительно орудие наступления.* Как же обстоит дело с интересами Швейцарии? При современном положении вещей все без исключения граничащие с Швейцарией соседние страны могут атаковать ее только с фронта. Мы при этом считаем Южную Германию без Австрии за одного и Австрию за другого соседа, так как только что видели, что эти две страны не всегда идут непременно вместе. Южная Германия может наступать только в направлении Базель — Констанц, Австрия — только по линии Рейнек — Мюнстер, Италия в направлении Поскьяво — Женева и Франция по линии Женева — Базель. Везде линия отступления швейцарской армии идет перпендикулярно ее фронту, позади него; везде нейтральные пограничные области более или менее прикрывают ее фланги. Стратегический обход, следовательно, не может быть организован *до* начала борьбы, если на Швейцарию нападает только одна из соседних стран. Одна Австрия обладает фланговыми преимуществами у Граубюндена, но швейцарцы и без того при любых обстоятельствах ответят на австрийское нападение решительным сражением не у Граубюндена, а дальше к северо-западу, в предгорьях Альп. Отказ Австрии от Ломбардии значительно улучшил это выгодное положение для Швейцарии; до прошлого года Австрия во всяком случае располагала возможностью концентрического наступления на Юго-Западную Швейцарию — возможностью, которой в условиях гористой местности и при наличии превосходства сил у противника отнюдь не всегда можно пренебречь. Однако влияние такого нападения все же ограничилось бы только кантонами Граубюнден, Тессин, Ури и Гларус, т. е. наименее заселенной и самой бедной частью страны. Кроме того, при этом было бы неизбежно значительное дробление неприятельских сил, поскольку их путь из Италии должен был бы лежать через Готард. Современное выгодное расположение по отношению к граничащим с ней странам имеет большую ценность для Швейцарии, чем европейские гарантии нейтралитета.

Такое расположение дает ей возможность, в случае нападения со стороны одной из соседних стран, затянуть борьбу как можно дольше, а это, в конечном счете, единственное, на что может рассчитывать такая небольшая страна.

С того момента, как Савойя становится французской или хотя бы занимается французскими войсками, не может быть и речи о защите всей французской Швейцарии, начиная от Бернской Юры и до Нижнего Валлиса. Женева уже теперь может быть в течение суток превращена во французскую базу. Юру можно обойти точно так же, как и линию Цили и Невшательского и Бильского озер; вместо того, чтобы драться в ущельях и затем форсировать узкую дорогу, идущую между этими двумя озерами и через большое болото, французы спокойно пойдут в обход через богатую холмистую местность Ваадт, и первая позиция для серьезного сопротивления совпадет с той, на которой придется принять первое большое сражение — с позицией перед Берном позади Зане и Зензе, так как обходная колонна из Савойи через Вильнев и Веве сделает бесполезным всякое сопротивление в кантоне Ваадт.

До сих пор первой оборонительной линией Швейцарии против Франции служит Юра, отличное поле действия для малоопытной, по знакомой с местностью и пользующейся поддержкой населения милиции. Но ее нельзя серьезно принимать в расчет ввиду крайне извилистой пограничной линии, которая часто перерезает в косом направлении ее параллельные хребты. Второй, более важной линией обороны является линия Цили, которая соединяет Невшательское и Бильское озера и из Бильского озера течет в Ааре. Справа она дополняется нижним течением Ааре, а слева Орбом, впадающим в верхнюю оконечность Невшательского озера у Ивердона. Длина Цили между двумя озерами равна только полумиле, а от Бильского озера до Аары только одной миле. Собственно, фронт позиции лежит только между озерами; его усиливает лежащее в низине большое болото, которое тянется от Невшательского озера до Аарбурга и проходимо лишь по большой дороге. Обход этого фронта с правого фланга через Бюрглен может быть парализован резервами у Аарбурга. Более глубокий обход потребует наведения моста через Аару и ставит под удар коммуникации обходящих войск. Обход левого фланга может быть осуществлен только через Ваадт и поочередно задержан на Орбе, Мантю и Бруа. Сопротивление швейцарской армии на этой линии не может быть парализовано обходом вдоль Женевского озера на Фрибур, так как швейцарцы, отступающие вдоль Невшательского озера, всегда будут иметь в своем распоряжении

более короткий путь. Таким образом, позиция на Цили годится для решительного сражения лишь при особо благоприятных обстоятельствах, при крупных ошибках противника, но она все же дает все, что Швейцария может от нее потребовать: она дает возможность задержать противника и даже подтянуть контингенты из Юго-Западной Швейцарии.

Но если Савойя находится в руках неприятеля, то колонна, наступающая от Сен-Женгольфа через Вильнев и Шатель-Сен-Дени, делает всякое сопротивление в кантоне Ваадт бесполезным, так как, уже будучи у Веве, она едва на две мили дальше от Фрибура, чем швейцарцы, находящиеся на Орбе, и может, следовательно, отрезать им отступление. От Сен-Женгольфа до Фрибура около двенадцати миль; Фрибур лежит на расстоянии однодневного перехода позади левого фланга нильской позиции, между озерами, и в трех милях от Петерлингена (Пайерна), где наступающие через Ваадт французские колонны могут соединиться с савойскими войсками. Таким образом, наступающий, если он владеет Савойей, может в течение трех или четырех дней, пройдя долиной Роны, отрезать сообщение с Валлисом, захватить Женеву, Ваадт и Фрибур до Зане п выйти главными силами в тыл цильской позиции, благодаря чему в его руки переходят Базель, Золотурн, Бернская Юра и Невшателъ. И это отнюдь не негостеприимные высокогорные районы, а как раз самые богатые и самые промышленные кантоны Швейцарии.

Швейцария настолько сильно чувствовала давление, которое оказывала на нее Савойя в стратегическом отношении, что добилась в 1814 г. известной нейтрализации ее северной части, а в 1816 г. получила от Сардинии обещание, скрепленное договором, что Шабле, Фосиньи и Женевэ никогда не будут уступлены никакому другому государству, кроме самой Швейцарии. Луи-Наполеон поэтому всюду распространяет слухи, что он претендует только на южную часть Савойи, что Шабле, Фосиньи и часть Женевэ до реки Ис должны отойти к Швейцарии. Но так как дар дара ждет, то он, по сведениям газеты «Times», пользуется г-ном Фогтом, чтобы мимоходом запросить народное представительство швейцарского кантона, не согласится ли оно за это предоставить ему право свободно распоряжаться Симплонским проходом. Первый намек, что Симплон также естественная пограничная веха Франции, какой он действительно был во времена Первой империи.

Предположим, что Швейцария обогатилась новым кантоном — Северной Савойей. Граница была бы образована горным хребтом, который отделяется от главной цепи Альп между

Монбланом и Малым Бернаром и идет к ущелью Роны (форт Эклюз), и, видимо, была бы совершенно «естественной». Но этот хребет пересекают следующие дороги из долины Изер и Роны: 1) Сессель — Женева, 2) Аннеси — Женева, 3) Аннеси — Бонвиль, 4) Альбервиль — Салланш. От Бонвиля, как и от Салланша, идут дороги через северный хребет долины Арва на Тонон. Следовательно, страна совершенно открыта для вторжения на Тонон на южном берегу Женевского озера, и так как от Сесселя или Альбервиля до Тонона не больше 15 миль, то обладание Северной Савойей дало бы возможность Швейцарии продлить свою оборону самое большее на пять дней. Но так как для обороны этого нового кантона не представляется возможным выделить ничего, кроме ополчения, то наступающая колонна может с тем же успехом пройти от Женевы прямо на Тонон — пять миль, — откуда ей остается только около четырех миль до Сен-Женгольфа. Таким образом, в этом случае обладание Северной Савойей даст Швейцарии всего лишь трехдневный выигрыш во времени. Кроме того, это может привести лишь к раздроблению оборонительных сил Швейцарии. Путь отступления швейцарской армии, атакованной со стороны Франции, лежит, очевидно, через Берн по низменности, там где возможно — вдоль Ааре на Цюрих, а где нет — на Люцерн и от обоих этих пунктов в долину Верхнего Рейна. Поэтому армия не должна переносить свою позицию слишком далеко на юг, чтобы ее нельзя было оттеснить с этих линий и загнать в высокогорные районы. Как мы видели, кантон Ваадт может еще легко быть включен в швейцарскую систему обороны, а Северная Савойя и открытый с прекращением нейтралитета Савойи Валлис определенно не могут быть в нее включены. Известно, однако, как сильно в федеративной стране, где оборону несет милиция, желание каждого гражданина защищать в случае угрозы свою собственную родину. Известно, что войска будут роптать, крик поднимут члены Национального совета, если целые города и кантоны будут отданы врагу без сопротивления, а в особенности новый кантон, который Швейцария получила исключительно в целях своей обороны! И в самом генеральном штабе каждый приложит все усилия к тому, чтобы его край был особенно хорошо защищен, а в милиционной армии, где под влиянием беззаботного благодушия мирного времени дисциплина в лучшем случае довольно слаба, начальнику в силу всего этого будет весьма трудно поддерживать в войсках порядок. Можно поручиться, что в девяти случаях из десяти начальник проявит колебания или должен будет уступить. Северная Савойя будет занята войсками, которые не принесут

делу обороны никакой пользы, но во всяком случае пострадают при отходе и частью будут отброшены в Валлис, где им придется подумать, как снова пробраться к главной армии через хребты Гемми или Фурка.

Единственную гарантию для Швейцарии представляет положение, когда Северная Савойя не принадлежит ни ей, ни Франции; в этом случае Северная Савойя во время войны фактически остается нейтральной в отношении обеих стран и действительно прикрывает Швейцарию. Если же она будет принадлежать Швейцарии, то это для Швейцарии будет не намного лучше, чем она принадлежала бы Франции. Значение Савойи определяется выигрышем трех, максимум пяти дней, большая часть которых, однако, будет затем потеряна при обороне кантона Ваадт. Но чего это стоит по сравнению с уверенностью, что при всех обстоятельствах неприятельская атака возможна *только* между Базелем и Женевским озером?

Северная Савойя для Швейцарии — дар данайцев[380]. Более того: такой подарок заключает в себе угрозу. В этом случае Франция будет господствовать в военном отношении над всей французской Швейцарией и сделает невозможной всякую сколько-нибудь серьезную ее оборону. Аннексия же Францией Южной Савойи *тотчас же выдвигает требование о присоединении к ней и французской Швейцарии.*

III

Графство Ницца лежит, как известно, у подножия Приморских Альп, и граница его с Генуэзской провинцией, проходя в одной миле восточное Онельи у Черво, спускается к морю. Западная часть его говорит на провансальском, восточная, по другую сторону Руайи, — на итальянском диалекте. Однако, за исключением нескольких деревень на реке Вар, литературным языком везде служит итальянский и только в городе Ницце, вследствие сильного притока иностранцев, с ним соперничает французский язык.

Для того чтобы правильно рассмотреть вопрос о национальном составе, мы должны ознакомиться с соотношением языков в западных Альпах.

Везде, где итальянский язык сталкивался в Альпах с Другими языками, он оказывался более слабым. Ни в одном пункте он не проникает за Альпийскую цепь; романские диалекты Граубюндена и Тироля совершенно независимы от итальянского языка. Напротив, все пограничные языки отвоевали у пего территорию к югу от Альп. В западных горных округах венецианской провинции Удине говорят на крайнско-словенском языке. В Тироле немецкий элемент господствует на всем южном склоне и во всей верхней долине Эча; далее, к югу, в центре итальянской области, находятся острова немецкого языка — Sette comuni и Tredici comuni[381]; у южной подошвы Гриса, как и в тессинской Валь-ди-Каверно, в пьемонтской Валь-Формацце, в верхней долине Диведро у подножия Симплона, наконец, на всем юго-восточном склоне Монте-Розы, в Валь-де-Лисе, в верхней Валь-Сезии и Валь-Анцаске — говорят по-немецки. От Валь-де-Лиса начинается граница французской речи, которая охватывает всю долину Аосты и восточный склон Коттских Альп, начиная от Монсени, так что обыкновенно считают, что истоки всех рек верхнего бассейна По лежат в ее

пределах. Принято считать, что эта граница идет от Демонте (на реке Стуре), несколько западнее Коль-ди-Тенды, к реке Руайе и следует вдоль нее до моря.

Вопрос о границе между германским или славянским народным языком и итальянским не вызывает никакого сомнения. Но иначе обстоит дело, когда сталкиваются два романских языка и именно не литературный итальянский язык, il vero toscano[*], и не язык образованных слоев Северной Франции, а пьемонтский диалект итальянского языка и выродившийся в тысячу патуа исчезнувший южнофранцузский язык трубадуров, который мы для краткости назовем неточно, но, по общепринятому выражению, провансальским. Тому, кто хотя бы поверхностно изучал когда-нибудь сравнительную грамматику романских языков или провансальскую литературу, должно было тотчас же броситься в глаза большое сходство народного языка Ломбардии и Пьемонта с провансальским языком. В ломбардском это сходство ограничивается, правда, лишь внешними формами диалекта: опускание мужских гласных окончаний, в то время как женские окончания в единственном числе сохраняются; точно так же большая часть гласных окончаний в спряжениях сообщает языку провансальский характер, в то время как носовое «n», произношение «u» и «oeu» напоминает северофранцузскую речь; но словообразование и фонетика, по существу, итальянские, а там, где происходят отклонения, они удивительно часто напоминают, как и в рето-романском[382], португальский язык[**]. Пьемонтский диалект в своих главных чертах имеет значительное сходство с ломбардским, но он уже ближе к провансальскому, чем последний, а в Коттских и Приморских Альпах оба наречия, без сомнения, так близки, что трудно установить между ними точную границу[***]. К тому же,

[*] — настоящий тосканский. *Ред.*

[**] Лат. clavis, итал. chiave, португ. chave, ломбард, ciau (произносится — чау) — ключ. В аугсбургской «Allgemeine Zeitung» прошлым летом писали из Вероны (см. сообщения из австрийской главной квартиры), что люди на улице обращаются друг к другу со словами «чау, чау». Мудрая газета, которая относится с пристрастием к ошибкам в языке, была, видимо, в затруднении насчет ключа к этому «чау». Это слово произносится «s-ciau» (щау) и аналогично ломбардской форме «schiavo» — раб, слуга, как приветствуют друг друга и у нас: «ваш слуга, покорный слуга» и т. п. Подлинно провансальских форм в помбардском иаречии нам вспоминаются только две: причастие прошедшего времени женского рода с окончанием на «da» (ama, amada) и первое лицо настоящего времени с окончанием на «i» (ami — люблю, saludi — приветствую).

[***] Главными отличительными признаками итальянского и провансальского диалектов служат: 1) присущая итальянскому вокализация «l» после согласных (fiore, piu, bianco), чуждая провансальской речи; 2) образование множественного числа имен существительных от латинского именительного надежа (donne, cappelli). В провансальском и старофранцузском диалекте так же, правда, имело место в средние века такое образование именительного падежа, в то время как все остальные падежи образовывались от латинского винительного надежа (окончание — s). Все современные провансальские наречия сохранили, насколько нам известно, лишь эту последнюю форму. Тем не менее, на границе столкновения этих диалектов может возникнуть сомнение, происходит ли сохранившаяся форма именительного падежа от итальянского или провансальского диалектов.

южнофранцузские патуа в большей своей части не намного ближе к северофранцузскому литературному языку, чем даже пьемонтские. Таким образом, народный язык в этом случае не может служить критерием для решения вопроса о национальности. Альпийский крестьянин, говорящий по-провансальски, с одинаковой легкостью усваивает как французскую, так и итальянскую речь и одинаково редко пользуется как той, так и другой; он довольно хорошо понимает пьемонтскую речь и вполне обходится ею. Если же оказывается необходимым установить более прочные связи, то их может дать только литературный язык, а таковой, разумеется, во всем Пьемонте и Ницце — итальянский; единственное исключение составляют долины Аосты и Вальдеси, где местами преобладает французский литературный язык.

Стремление обосновать французскую национальную принадлежность Ниццы провансальским патуа, к тому же охватывающим только половину провинции, следовательно, с самого начала лишено всякого смысла. Еще меньше смысла будет в таком обосновании, если принять во внимание, что провансальское наречие распространено и по другую сторону Пиренеев, охватывая Арагон, Каталонию и Валенсию, и в этих испанских провинциях, несмотря на некоторое кастильское влияние, оно не только в общем сохранилось в гораздо более чистом виде, чем где бы то ни было во Франции, но даже отстаивает свое существование в качестве письменного языка в народной литературе. Что же станет с Испанией, если Луи-Наполеон в ближайшее время заявит претензии также и на эти три провинции, как на национально-французские?

Завоевать симпатии к Франции в графстве Ницце, кажется, еще труднее, чем в Савойе. О деревне вовсе ничего не слышно; в городе все попытки терпят еще более решительный провал, чем в Шамбери, хотя в этом морском курорте гораздо легче собрать группу бонапартистов. Действительно, ничего себе идея—сделать уроженца Ниццы, Гарибальди, французом!

Если для обороны Пьемонта огромное значение имеет Савойя, то еще гораздо большее значение имеет Ницца. Из Ниццы в Италию ведут три дороги: дорога Корниче вдоль берега на Геную, вторая через Коль-ди-Наву от Онельи в долину Танаро на Чеву и, наконец, третья через Коль-ди-Тенду на Кунео (Кони). Первая, правда, в конце загораживается Генуей, однако

наступающая колонна имеет в своем распоряжении уже у Альбенги и далее у Савоны хорошие шоссированные дороги для переправы через Аппенины, не считая большого числа вьючных и пешеходных троп через горы, а как ими воспользоваться для военных операций, показал в 1796 г. Наполеон. Третья дорога — через Коль-ди-Тенду — для Ниццы то же, что Монсени для Савойи; она ведет непосредственно на Турин, но не дает никаких фланговых преимуществ или дает их мало. Средняя же дорога через Коль-ди-Наву прямо ведет к Алессандрии и имеет на юге такое же значение, как Малый Бернар на севере, только влияние ее гораздо более непосредственно и гораздо меньше зависит от привходящих обстоятельств. Она имеет еще и то преимущество, что проходит очень близко к прибрежной дороге, и в случае нападения оттуда может быть получена значительная помощь. Колонна, наступающая по Наваской дороге, может уже у Гарессио снова соединиться с колонной, дошедшей по прибрежной дороге до Альбенги, так как от Альбенги сюда подходит поперечная дорога; пройдя Чеву, дорога далее ведет на Алессандрию, через Каркаре, — где она соединяется с дорогой из Савоны, — на полпути между Чевой и Савоной. Однако между Чевой, Савоной и Онельей лежат высокие горы, где удерживать оборону невозможно. К тому же северный склон Коль-ди-Навы с истоками реки Танаро лежит на *территории Ниццы,* и перевал, таким образом, принадлежит тому, кто владеет Ниццей *до* войны.

Французская армия, которая располагала бы Ниццей еще до начала войны, угрожала бы оттуда флангу, тылу и коммуникациям всякой итальянской части, выдвинутой на запад от Алессандрии. Таким образом, уступка Ниццы Франции означала бы для войны перемещение места сосредоточения итальянской армии назад до Алессандрии и отказ от обороны собственно Пьемонта, который вообще можно оборонять только в Савойе и Ницце.

История революционной войны и в данном случае может служить лучшим примером.

1 октября 1792 г. генерал Ансельм переправился с дивизией в 9000 человек через реку Вар, а французский флот (12 линейных кораблей и фрегатов) одновременно стал на якорь перед Ниццей в 1000 шагах от берега. Жители Ниццы, сочувствуя революции, восстали, и слабый пьемонтский гарнизон (2000 человек), спешно отойдя на Коль-ди-Тенду, занял позицию у Саоржа. Город Ницца принял французов с распростертыми объятиями, но французы стали повсеместно грабить, жечь дома крестьян, насиловать их жен, и ни приказы генерала Ансельма,

ни прокламации комиссаров Конвента не могли поддержать порядок. Это и было первоначальное ядро будущей итальянской армии, с которой генерал Бонапарт пожинал впоследствии свои первые лавры. В начальный период бонапартизм, по-видимому, всегда должен был опираться на люмпен-пролетариев, без Общества 10 декабря ему нигде не удавалось встать на ноги.

Воюющие стороны долго стояли в бездействии одна против другой; французы занимали город и его окрестности, пьемонтцы, усиленные австрийской дивизией, сохраняли господствующее положение в горах, занимая сильно укрепленную позицию с центром у Саоржа. В июне 1793 г. французы произвели несколько в общем бесплодных атак; в июле они взяли перевал Коль-д'Лрджентеру, который вел в тыл неприятельской позиции. После взятия Тулона (декабрь 1793 г.) итальянская армия получила значительные подкрепления, и к ней был прикомандирован генерал Бонапарт. Следующей весной он организовал наступление на лагерь у Саоржа, которое 28 апреля увенчалось полным успехом и отдало в распоряжение французов все проходы в Приморских Альпах. Тогда Бонапарт предложил соединить альпийскую и итальянскую армии французов в долине Стуры и завоевать Пьемонт; однако его план не был принят. Вскоре после этого, вследствие переворота 9 термидора[383], Бонапарт потерял своего влиятельнейшего покровителя, Робеспьера-младшего, а вместе с этим и свое влияние в военном совете; он снова стал лишь простым дивизионным генералом. Армия перешла к обороне. Только когда австрийский генерал Коллоредо начал с обычной медлительностью продвигаться к Савоне с целью перерезать французам крайне важный для них путь сообщения с нейтральной Генуей, Бонапарту представился случай его атаковать и нанести ему поражение. Несмотря на это, путь на Геную оставался под угрозой, и кампания 1795 г. началась изгнанием французов из всей генуэзской Ривьеры. Между тем, благодаря миру с Испанией[384] освободилась восточнопиренейская армия; она была направлена в Ниццу, где полностью сосредоточилась к ноябрю. Шерер, которому теперь было вверено командование в Приморских Альпах, немедленно перешел в наступление по плану, разработанному Массеной. В то время как Серюрье приковывал пьемонтцев к Коль-ди-Тенде, Массена обходным движением по высоким горам пришел с тыла к Лоано, который Ожеро атаковал с фронта (23 ноября). План удался полностью, австрийцы потеряли 2000 убитыми, 5000 пленными, 40 орудий и были совершенно отрезаны от пьемонтцев. Сообщение с Генуей было теперь снова обеспечено, и французы оставались в течение зимы бесспорными хозяевами

в горах. Весной 1796 г. Бонапарт, наконец, получил командование итальянской армией, и дело приняло теперь совершенно другой оборот. Опираясь на бывшие в его руках Ниццу и Ривьеру-ди-Поненте, он двинулся от Савоны в горы, разбил австрийцев при Монтенотте, Миллезимо и Дего, и отрезал их таким путем от пьемонтцев, которые, будучи окружены превосходящими силами французов и изолированы, после нескольких арьергардных боев поспешили сразу же заключить мир. Таким образом, четыре удачных сражения в долинах верхней Бормиды и Танаро обеспечили французам военное обладание всем Пьемонтом, и прямой удар на Турин даже не понадобился. Война сразу же переместилась в Ломбардию, и Пьемонт стал частью операционной базы французов.

Итак, в течение трех первых лет войны Италия была вполне защищена Ниццей. Только в третью кампанию были потеряны проходы в Приморских Альпах и, наконец, лишь в четвертую ими воспользовались — и притом очень решительно. После горных боев первой недели достаточно было только одной сильной демонстрации, чтобы заставить пьемонтцев понять свое беспомощное положение и необходимость капитуляции. Настоящее наступление могло почти беспрепятственно развиваться в направлении на Милан; вся местность между Бормидой, Тессином и Альпами перешла в руки французов без всяких усилий с их стороны.

Если Ницца становится французской провинцией, то Италия по отношению к Франции попадает в такое же положение, в каком она находилась в результате кампании 1794 года. Французам не только открыт путь через Коль-ди-Тенду в долину Стуры и через Коль-ди-Наву в долину Танаро: численно превосходящей французской армии, перешедшей в наступление, нельзя преградить путь на Альбенгу и Савону, и благодаря этому она через три или четыре дня после начала похода будет находиться у исходного пункта кампании 1796 года. Где ей должны оказать сопротивление главные силы итальянской армии? На генуэзской Ривьере нет плацдарма для их развертывания; к западу от Бельбо и Танаро они подвергают опасности свои коммуникации с Алессандрией, Ломбардией и полуостровом. Единственное, что они могут делать, это наступать к югу от Алессандрии и объединенными силами нападать на отдельные колонны, выходящие из гор. Но это, разумеется, уже с самого начала предусматривает отказ от обороны альпийской границы, так как в противном случае все отряды, стоящие у Коль-ди-Тенды и далее к западу и северо-западу, были бы отрезаны. Другими словами, обладание Ниццей *дает Франции господство*

над Альпами, перестающими в этом случае быть для Италии защитной стеной, а вместе с тем и военное господство над Пьемонтом.

Ницца предоставляет Франции такие же фланговые преимущества на юге, какие Савойя дает ей на севере, только еще более непосредственные и полные. Если Ницца или Савойя уже каждая в отдельности совершенно обнажают собственно Пьемонт для французской атаки, то какую же власть приобретет Франция над Пьемонтом, овладев обеими провинциями! Пьемонт будет зажат ими, как клещами; по всей линии от Малого Бернара, кругом, до Кольди-Навы и горных дорог выше Савоны, можно разыгрывать демонстративные атаки в бесконечных вариациях, пока, наконец, не последует настоящий удар на одной из фланговых позиций и не отрежет все итальянские части, которые слишком крепко застряли в горах. Итальянской армии не оставалось бы ничего другого, как сосредоточиться у Алессандрии и Касале, оставить в Альпах лишь сторожевые отряды и, как только обнаружится главное направление атаки, бросить туда объединенные силы. Если такой факт допустить, то это, другими словами, означает, что не только альпийская цепь, но и весь бассейн реки По в пределах Пьемонта заведомо отдается неприятелю и, таким образом, первая оборонительная позиция итальянской армии против Франции будет находиться за линией укреплений Алессандрии. С Савойей и Ниццей в качестве передовых оплотов Пьемонт служит для итальянской армии первой операционной базой; без них Пьемонт, с военной точки зрения, входит в систему французского наступления, и только победа на пьемонтской территории и завоевание горных проходов в Савойе и Ницце могут снова вырвать его у французов.

Аннексия Савойи и Ниццы имеет такое же значение, как *аннексия,* если не политическая, то *военная, самого Пьемонта Францией.* Когда в будущем Виктор-Эммануил будет из Villa della Regina* близ Турина обозревать роскошную цепь альпийских гор, из которых ни одна не будет ему принадлежать, ему все это станет ясно.

Но, говорят, раз в Северной Италии образуется сильное в военном отношении государство, то Франция нуждается в Ницце и Савойе для своей собственной обороны.

Что Савойя значительно усилила бы систему французской обороны — мы видели. Ницца могла бы ее усилить лишь постольку, поскольку противнику, который пожелал бы вторг-

* — Виллы королевы. *Ред.*

нуться в альпийские департаменты Франции, пришлось бы предварительно овладеть также Ниццей. Но еще вопрос, будет ли вообще сильное в военном отношении итальянское государство настолько угрожать Франции, чтобы она нуждалась в особой защите против него.

Италия, даже если бы она была полностью объединена, никогда не могла бы со своими 26 миллионами жителей вести наступательную войну против Франции иначе, как в союзе с Германией. Но для такой войны основную массу вооруженных сил всегда выставила бы Германия, а Италия играла бы подчиненную роль. Уже этого одного было бы достаточно, чтобы главный удар перенести с Альп на Рейн и Маас. К этому следует еще добавить, что решающий объект наступления — Париж — лежит на севере Франции. Наиболее чувствительный для Франции удар всегда будет исходить из Бельгии; если же Бельгия остается нейтральной, — с немецкого левого берега Рейна и с баденского верхнего Рейна. Всякий другой удар связан с обходным движением и будет до известной степени эксцентричным, не направленным прямо на Париж. И если Клаузевиц уже с насмешкой говорит («О войне», кн. VI, глава 23) о том, как в 1814 г. армия в 200000 человек, идя на поводу глупейшей теории, совершает обход через Швейцарию на Лангрское плато вместо того, чтобы наступать прямо на Париж, то что бы он сказал о плане кампании, по которому главный удар на Париж предполагается направить через Северную Италию и Савойю или даже через Ниццу? Всякое наступление через Савойю по сравнению с наступлением с Рейна имеет огромные неудобства прежде всего из-за более растянутой коммуникационной линии, проходящей к тому же еще через Альпы, из-за более длинного расстояния до Парижа и, наконец, из-за обладающего притягательной силой большого укрепленного лагеря Лиона — все эти обстоятельства в большинстве случаев вынудят их приостановить наступление. Поэтому в кампании 1814 г. части, наступавшие во Франции через Италию, ровно никакой роли не играли.

Располагая на этой своей границе, и без того прекрасно прикрытой, такими оборонительными средствами против слабейшего соседа, Франция по существу не нуждается в расширении территории. Если бы теперешняя граница Франции повсюду была так же удалена от Парижа, так же надежна благодаря естественным препятствиям, искусственным укреплениям и затрудненным для неприятеля коммуникациям, как ее граница с Италией, то Франция была бы неуязвима. Если же бонапартизм избирает именно этот пункт и предъявляет здесь свои

притязания на так называемые естественные границы под предлогом, что Франция не может без них обойтись для своей обороны, — то во сколько раз ему будет легче обосновать свои притязания на Рейн!

Ницца всегда останется итальянской, если бы она в настоящий момент даже и отошла к Франции. Савойя может пожелать сама присоединиться к Франции и, вероятно, в будущем этого захочет, когда произойдет большая консолидация крупных европейских наций. Но. далеко но безразлично, станет ли Савойя французской добровольно после того, как Германия и Италия осуществят свое национальное объединение так же в политическом и военном отношении, и таким образом значительно поднимут свой престиж в Европе, — или правитель, который не может обойтись без завоеваний, как Луи-Наполеон, заполучит ее от раздробленной еще Италии, чтобы; увековечить свое господство над ней и установить в то же время первый прецедент для теории естественных границ.

IV

Для нас, немцев, в этом торге вокруг Савойи и Ниццы важны следующие три существенных момента.

Во-первых, практическое объявление Луи-Наполеоном независимости Италии: Италия разделена, по меньшей мере, на три, а пожалуй, даже и на четыре государства; Венеция принадлежит Австрии; Франция, владея Савойей и Ниццей, господствует над Пьемонтом. Папская область после отделения Романьи совершенно отрежет Неаполь от североитальянского государства и тем самым будет препятствовать всякому его расширению на юг, так как владение оставшейся частью области должно быть «гарантировано» папе. В то же время для североитальянского государства Венеция оставляется в виде очередной приманки, и национальное движение Италии получает в лице Австрии своего непосредственного и главного противника; а для того, чтобы это новое королевство можно было, по желанию Луи-Наполеона, двинуть против Австрии, французы овладевают всеми позициями, господствующими над западными Альпами и выдвигают свои аванпосты на расстояние девяти миль от Турина. Таковы позиции, которые бонапартизм создал себе в Италии и которые, в случае войны за рейнскую границу, заменят ему целую армию. Они дают Австрии лучший повод поставить, самое большее, свой союзнический контингент — если еще не меньше того. Здесь могло бы помочь только одно: полная перемена германской политики в отношении Италии. Что Германия не нуждается в венецианских владениях вплоть до Минчо и По, мы, думается нам, доказали в другом месте. В существовании папского и неаполитанского господства мы также совсем не заинтересованы, а напротив, заинтересованы в восстановлении единой и сильной Италии, которая может проводить собственную политику. В данных условиях мы, следовательно, можем предложить Италии больше, чем бонапартизм.

Скоро, возможно, возникнут обстоятельства, когда важно будет иметь это в виду.

Во-вторых, открытое провозглашение теории естественных границ Франции. Что эту теорию снова написала на своем знамени французская пресса не только с соизволения правительства, но и по прямому его приказу, в этом не может быть никакого сомнения. Эту теорию пока применяют лишь к Альпам. Само по себе это еще в какой-то мере безобидно. Савойя и Ницца — провинции небольшие, с населением соответственно в 575000 и 236000 жителей, и увеличили бы население Франции всего на 811000 человек; их политическое и военное значение не сразу бросается в глаза. Но то, что в связи с притязаниями на эти две провинции снова была выдвинута и возобновлена в памяти французского народа точка зрения естественных границ, то, что к этому лозунгу должно снова привыкнуть ухо Европы, как к другим в разное время за десять лет провозглашавшимся и затем оставленным лозунгам Бонапарта, — вот это касается специально нас, немцев. На языке Первой империи, на котором так старательно продолжали говорить республиканцы из «National»[385], под естественной границей Франции par excellence* понимают Рейн. Еще сегодня, когда речь идет о естественной границе, ни один француз не думает о Ницце или Савойе, а только о Рейне. Какое правительство, опирающееся к тому же на завоевательные стремления и традиции страны, осмелится снова провозгласить принцип естественных границ и затем предложить Франции удовольствоваться Ниццей и Савойей?

Вновь провозглашаемая теория естественных границ Франции — прямая угроза Германии, факт, который нельзя недооценивать и который оправдывает национальное чувство, нашедшее выражение в Германии год тому назад. Правда, не Луи-Наполеон, а направляемая им пресса объявляет теперь во всеуслышание, что, конечно, речь шла и теперь идет только о Рейне.

В-третьих и преимущественно — *позиция России во всей этой интриге.* Когда в прошлом году вспыхнула война и сам Горчаков признался, что Россия взяла на себя «письменные обязательства» по отношению к Луи-Наполеону, в публику стали проникать слухи о содержании этих обязательств. Они исходили из различных источников и в существенном взаимно подтверждали друг друга. Россия обязалась мобилизовать четыре армейских корпуса и выставить их на прусской и австрийской

* — по преимуществу. *Ред.*

границах, чтобы таким образом облегчить игру Луи-Наполеона. Для самого хода войны было будто бы предусмотрено три случая.

Или Австрия заключает мир с установлением границы по Минчо: в этом случае она теряет Ломбардию и, изолированная от Англии и Пруссии, легко даст себя склонить к вступлению в русско-французский союз, дальнейшие цели которого (раздел Турции, передача Франции левого берега Рейна) будут затем осуществляться другими путями.

Или Австрия продолжает борьбу за обладание Венецией: тогда ее совершенно вытесняют из Италии, в Венгрии поднимается восстание, и она передается при соответствующих обстоятельствах русскому великому князю Константину; Ломбардия и Венеция отходят к Пьемонту, Савойя и Ницца — к Франции.

Или, наконец, Австрия продолжает борьбу, и Германский союз ее поддерживает: тогда Россия активно вступает в борьбу; к Франции переходит левый берег Рейна, а Россия получает свободу действий в Турции.

Повторяем: эти данные о наиболее существенных пунктах франко-русского союза стали известны и были опубликованы уже с начала войны. Значительную часть их подтвердили события. Как же обстоит дело с остальной частью?

Представить документальные доказательства по самой сути вещей в настоящий момент невозможно. Они появятся лишь тогда, когда сами события станут достоянием истории. Только установленная на основании фактов и документов политика России за прошлые периоды истории (например, на основании найденных в Варшаве в 1830 г. русских актов[386]) может служить ключом к этой запутанной интриге. Но для этой цели ее совершенно достаточно.

Два раза в течение этого столетия Россия вступала в союз с Францией, и каждый раз целью или основой союза служил раздел Германии.

Первый раз на плоту у Тильзита[387]. Россия отдала тогда Германию в полное распоряжение императора французов и в качестве отступного взяла себе даже часть Пруссии. За это она получала свободу действий в Турции; она поторопилась захватить Бессарабию и Молдавию и двинуть свои войска через Дунай. Но вскоре затем Наполеон стал «изучать турецкий вопрос» и существенно изменил свою точку зрения на данный предмет; это обстоятельство послужило России одним из главных оснований для войны 1812 года.

Второй раз в 1829 году. Россия заключила с Францией договор, по которому Франция должна была получить левый берег Рейна, а Россия — вновь свободу действий в Турции. Этот

договор был расторгнут июльской революцией; соответствующие документы нашел Талейран, когда готовился обвинительный акт по делу министерства Полиньяка, и бросил в огонь, чтобы избавить французскую и русскую дипломатию от громкого скандала. Перед лицом широкой публики дипломаты всех стран составляют тайный союз и никогда не станут публично компрометировать друг друга.

В войне 1853 г. Россия понадеялась на Священный союз, который, по ее расчетам, был восстановлен интервенцией в Венгрии и поражением Варшавы и укреплен недоверием Австрии и Пруссии к Луи-Наполеону. Она обманулась. Австрия удивила мир величием своей неблагодарности[388] (свой долг России она еще раньше уплатила с ростовщическими процентами в Шлезвиг-Гольштейне и Варшаве) и последовательным возобновлением своей традиционной антирусской политики на Дунае. В этом вопросе Россия просчиталась; но в другом вопросе ее снова выручило предательство в неприятельском лагере.

Ясно было одно: навязчивая идея завоевания Константинополя могла быть осуществлена теперь только через союз с Францией. С другой стороны, еще никогда Франция не имела правительства, которое бы так нуждалось в завоевании левого берега Рейна, как правительство Луи-Наполеона. Положение складывалось еще более благоприятно, чем в 1829 году. Для России ситуация оказывалась выигрышной; Луи-Наполеон мог только таскать для нее каштаны из огня.

Прежде всего надлежало уничтожить Австрию. С тем же упорством, с каким Австрия с 1792 по 1809 г. оказывала сопротивление Франции на поле брани, с тем же упорством с 1814 г.— и это ее единственная, но неоспоримая заслуга — она боролась дипломатическим путем с русскими завоевательными планами на Висле и на Дунае. В 1848—1849 гг., когда революция в Германии, Италии и Венгрии грозила Австрии полным распадом, Россия спасла Австрию — ее распад не должен был наступить в результате революции, которая вырвала бы освободившиеся части империи из-под руководящего влияния русской политики. Тем не менее, ставшее с 1848 г. самостоятельным, движение различных национальностей лишило Австрию возможности выступать против России и тем уничтожило последний внутренний, исторический смысл ее существования.

Это же антиавстрийское национальное движение должно было теперь стать фактором расчленения Австрии: прежде всего в Италии, затем, если нужно будет, в Венгрии. Россия действует не так, как первый Наполеон; на западе, в частности, где она наталкивается на густое население, превосходящее ее

собственный народ своей цивилизацией, она продвигается очень медленно. Начальные этапы подчинения Польши восходят ко времени Петра Великого, и оно все еще полностью не завершено. Медленные, но верные успехи ее удовлетворяют в такой же: степени, как быстрые и решительные удары с большими результатами; но она всегда предусматривает обе возможности. То, как было использовано венгерское восстание в войне 1859 г., а именно — оставление его про запас ко второму акту, явно изобличает руку России.

Но разве Россия, довольная в одном отношении ослаблением Австрии в короткую кампанию 1859 г., не предусмотрела никаких других возможностей? Неужели она мобилизовала свои первые четыре. армейских корпуса только ради того, чтобы получить это удовлетворение? А как было бы, если бы Австрия не уступила? Если бы военные и политические комбинации заставили Пруссию и остальную Германию — а иначе при продолжении войны и быть не могло — выступить для поддержки Австрии? Как тогда? Какие обязательства по отношению к Франции *могла бы* на этот случай принять на себя Россия?

Тильзитский договор и договор 1829 г. дают ответ на этот вопрос. Франция также должна будет получить свою долю в добыче, если Россия расширит свои владения на Дунае *и* прямо или косвенно будет господствовать в Константинополе. Единственная компенсация, которую Россия *может* предложить Франции, это — левый берег Рейна. Жертвы должны быть снова принесены Германией. Естественная и традиционная политика России по отношению к Франции состоит в том, чтобы обещать Франции обладание левым берегом Рейна или в известном случае помочь ей в этом в обмен за признание и поддержку русских завоеваний на Висле и на Дунае, а Германии, которая из благодарности признает русские завоевания, Россия оказывает помощь в отвоевании у Франции потерянной области. Осуществление этой программы, естественно, возможно только во время больших исторических кризисов, но это отнюдь не мешает тому, что такие возможности могли быть так же хорошо предусмотрены в 1859 г., как в 1829 году.

Было бы смешно еще сегодня доказывать, что неизменной целью внешней политики России служит завоевание Константинополя и что для этой цели ей все средства хороши. Мы здесь хотим напомнить только об одном. Россия никогда не в состоянии осуществить раздела Турции иначе, как в союзе с Францией или Англией. В 1844 г., когда представлялось своевременным сделать прямые предложения Англии, император Николай отправился в Англию и сам привез русский меморандум о разделе

Турции, причем англичанам, между прочим, был обещан Египет. Предложения были отклонены, но лорд Абердин положил меморандум в шкатулку и передал ее в запечатанном виде своему преемнику по министерству иностранных дел. Каждый следующий министр иностранных дел читал этот документ, снова его запечатывал и передавал своему преемнику, пока, наконец, в 1853 г., во время дебатов в палате лордов, дело не было предано гласности. Одновременно был опубликован известный разговор императора Николая I с сэром Гамильтоном Сеймуром о «больном человеке», когда Англии так же были предложены Египет и Крит, в то время как Россия, видимо, готова была удовлетвориться скромными выгодами[389]. Следовательно, русские обещания Англии в 1853 г. были те же, что и в 1844 году; неужели обещания, сделанные Франции, были в 1859 г. менее щедрыми, чем в 1829 году?

Как по своему положению, так и по личным качествам Луи-Наполеон предназначен служить планам России. Мнимый наследник великой военной традиции, он получил также в наследство поражения 1813 и 1815 годов. Армия — его главная опора; он должен ее ублаготворять новыми военными успехами, карая те государства, которые нанесли Франции поражение в эти годы, и восстанавливая естественные границы страны. Когда французский трехцветный флаг станет развеваться над всем левым берегом. Рейна, только тогда будет смыт позор двукратного завоевания Парижа. Но чтобы этого достигнуть, необходим сильный союзник. Выбор возможен только между Россией и Англией. Англия с ее часто сменяющимися кабинетами министров, по меньшей мере, ненадежна, даже если бы какой-нибудь английский министр и согласился с этими проектами. А Россия? За умеренную компенсацию она уже дважды изъявляла свою готовность к союзу на подобной основе.

Никогда русская политика не имела более подходящего человека, чем Луи-Наполеон, находящегося в более благоприятном для нее положении, чем он. На французском престоле властелин, который *вынужден* вести войну, который *должен* завоевывать только для того, чтобы сохранить свое положение, которому необходим союз и который вынужден заключить этот союз только с Россией — такой ситуации у нее еще никогда не было. Со времени встречи в Штутгарте[390] все последние пружины французской политики следует искать уже не в Париже, не в голове у Луи-Наполеона, а в Петербурге, в кабинете князя Горчакова. «Таинственный» человек, внушающий немецким филистерам такой почтительный страх, низведен до роли инструмента, которым русская дипломатия играет

и которому она позволяет оставить для себя всю видимость великого человека, довольствуясь сама реальными выгодами. Россия, которая никогда не жертвует ни одной копейкой и ни одним солдатом, если только в этом нет крайней необходимости, но которая по возможности сеет между европейскими государствами раздоры и ослабляет их, должна была договором Горчакова дать разрешение, прежде чем Луи-Наполеон мог самодовольно выдавать себя за освободителя Италии. Когда же отчеты о настроениях в русской Польше стали свидетельствовать о слишком плохом положении, чтобы по соседству, в Венгрии, разрешить какое-нибудь восстание, когда пробная мобилизация первых четырех русских армейских корпусов обнаружила, что истощение страны еще не преодолено, когда крестьянские волнения, равно как и сопротивление дворянства приняли размеры, которые могли быть опасны во время внешней войны,— тогда во французскую главную квартиру явился генерал-адъютант русского императора, и был заключен Виллафранкский мир. Пока что Россия могла довольствоваться достигнутым. Австрия была жестоко наказана за свою «неблагодарность» 1854 г., гораздо более жестоко, чем Россия когда-либо могла рассчитывать. Ее финансы, которые перед войной должны были быть вот-вот приведены в порядок, подорваны на десятилетия, вся внутренняя система государственного управления безнадежно расшатана, ее господство в Италии уничтожено, территория урезана, войска деморализованы и лишены веры в своих военачальников, национальное движение венгров, славян и венецианцев усилилось настолько, что отпадение от Австрии стало теперь их открыто выраженной целью. Россия с этих пор могла совершенно не считаться с сопротивлением Австрии и рассчитывать на постепенное превращение ее в свое орудие. Таковы были успехи России. Луи-Наполеон не получил ничего, кроме весьма тощей славы для своей армии, очень сомнительной славы для самого себя и весьма ненадежного обещания прав на Савойю и Ниццу — две провинции, которые, в лучшем случае, представляются для него дарами данайцев и еще крепче приковывают его к России.

Дальнейшие планы пока отложены, но от них не отказываются. На какое время они откладываются, будет зависеть от развития международных отношений в Европе, от промежутка времени, в течение которого Луи-Наполеон будет в состоянии держать в узде свое преторианское войско, и от большей или меньшей заинтересованности России в новой войне.

О том, какую роль Россия предполагает играть по отношению к нам, немцам, ясно говорит известная нота, с которой князь

Горчаков обратился в прошлом году к мелким германским государствам[391]. Еще никогда с Германией не говорили таким языком. Немцы, нужно надеяться, никогда не забудут, что Россия позволила себе запретить им прийти на помощь подвергшемуся нападению германскому государству.

Немцы, надо полагать, не забудут России и еще многого другого.

В 1807 г. при заключении Тильзитского мира Россия настояла на передаче ей Белостокского округа из владений ее союзника, Пруссии, и выдала Германию Наполеону.

В 1814 г., когда даже Австрия (см. мемуары Каслри[392]) признавала необходимость независимой Польши, Россия присоединила к своей территории почти все герцогство Варшавское (т. е. бывшие австрийские и прусские провинции[393]), заняв таким путем по отношению к Германии наступательную позицию, и она нам будет угрожать до тех пор, пока мы ее оттуда не вытесним. Построенную после 1831 г. группу крепостей — Модлин, Варшаву, Ивангород — даже русофил Гакстгаузен признает прямой угрозой Германии.

В 1814 и 1815 гг. Россия употребила все средства, чтобы закрепить германский Союзный акт[394] в его нынешней форме и таким путем увековечить беспомощность Германии вовне.

С 1815 по 1848 г. Германия находилась под непосредственной гегемонией России. Если Австрия противостояла последней на Дунае, то на конгрессах в Лайбахе, Троппау и Вероне[395] она выполняла все, чего желала Россия в Западной Европе. Эта гегемония России была прямым следствием германского союзного акта. Когда Пруссия попыталась в 1841 и 1842 гг. на один момент освободиться от него, то ее немедленно заставили занять прежнее положение. Поэтому, когда вспыхнула революция 1848 г., Россия выпустила циркуляр, в котором она характеризовала движение в Германии, как бунт в детской[396].

В 1829 г. Россия заключила с министерством Полиньяка подготовлявшийся еще с 1823 г. Шатобрианом (и им официально подтвержденный) договор, по которому левый берег Рейна был уступлен Франции.

В 1849 г. Россия поддержала Австрию в Венгрии лишь на том условии, что Австрия восстановит Союзный сейм и сломит сопротивление Шлезвиг-Гольштейна; Лондонский протокол[397] обеспечивал России уже в ближайшее время наследование всей Датской монархии и давал ей надежду на осуществление лелеемых ею еще со времен Петра Великого планов вступления в Германский союз (прежде Империю).

В 1850 г. Австрия и Пруссия были вызваны в Варшаву к царю, который вершил над ними суд. Первая испытывала не меньшее унижение чем вторая, хотя, по мнению трактирных политиков, унижению подверглась одна только Пруссия.

В 1853 г. император Николай I в разговоре с сэром Г. Сеймуром распоряжался Германией так, будто она была его наследственным владением. Австрия, говорил он, ему верна. Пруссию же он даже ни разу не удостоил упоминанием.

И, наконец, в 1859 г., когда Священный союз, казалось, окончательно распался, — договор с Луи-Наполеоном, нападение Франции на Австрию с соизволения и при поддержке России и нота Горчакова, в самом наглом тоне запрещавшая немцам оказывать какую бы то ни было помощь Австрии.

Вот чем мы с начала этого столетия обязаны русским и чего мы, немцы, нужно надеяться, никогда не забудем.

Еще и сейчас нам угрожает франко-русский союз. Сама Франция может сделаться для нас опасной только в отдельные моменты и то лишь через союз с Россией. Но Россия угрожает нам и оскорбляет нас всегда, а когда Германия против этого восстает, Россия приводит в движение французского жандарма обещаниями левого берега Рейна.

Неужели мы должны и впредь допускать, чтобы с нами вели эту игру? Неужели мы, сорокапятимиллионный народ, должны еще дольше терпеть, чтобы одна из наших прекраснейших, богатейших и самых промышленных областей постоянно служила приманкой, которую Россия держит перед французской преторианской властью? Неужели рейнские земли не имеют никакого иного назначения, как служить добычей в войне во имя того, чтобы Россия получила свободу действия на Дунае и Висле?

Так стоит вопрос. Мы надеемся, что Германия скоро ответит на него с мечом в руке. Если мы будем держаться вместе, то уж выпроводим и французских преторианцев, и русских «капустников».

Между тем, мы получили союзника в лице русских крепостных. Борьба, которая в настоящее время разгорелась в России между господствующим классом и порабощенным классом сельского населения, уже теперь подрывает всю систему русской внешней политики. Эта система была возможна только до тех пор, пока в России не было внутреннего политического развития. Но это время прошло. Всячески поощрявшееся совместными усилиями правительства и дворянства сельскохозяйственное и промышленное развитие достигло такой степени, при которой существующие социальные отношения больше не могут

продолжаться. Устранение их, с одной стороны, необходимо, а с другой — невозможно без насильственного изменения. Вместе с Россией, которая просуществовала от Петра Великого до Николая I, терпит крушение и ее внешняя политика.

По-видимому, Германии суждено разъяснить это России не только пером, но и мечом. Если дело дойдет *до этого,* то это будет той реабилитацией Германии, которая возместит политический позор столетий.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ЗАЯВЛЕНИЕ РЕДАКЦИИ ГАЗЕТЫ «VOLK»

Для того, чтобы положить конец всем ложным слухам и фантастическим вымыслам относительно состава нашей редакции, мы должны заявить, что в ее составе не произошло да и не намечается никаких изменений. Но круг наших сотрудников расширился, и мы с удовлетворением можем сообщить нашим читателям, что *Карл Маркс, Фридрих Энгельс, Фердинанд Фрвйлиграт, В. Вольф, Г. Хейзе,* — т. е. наиболее значительные литературные силы нашей партии, — приняли решение оказать поддержку «Volk» и своим сотрудничеством дать редакции возможность наиболее достойно и всесторонне представлять наши партийные интересы.

Напечатано в газете «Das Volk» № 6, 11 июня 1859 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

ПО СТРАНИЦАМ ПЕЧАТИ [398]

«Наши читатели — народ толковый, и когда порою их критика в адрес «Hermann»[399] доходит до нас, мы склонны думать, что *неисчислимое большинство* читателей» *(неисчислимое* большинство из 600 читателей — это ведь 599) «куда толковее, чем мы сами» («Hermann»).

Добровольное признание всегда хорошо, даже если оно, как в этом случае, делается с некоторым опозданием. Но все же:

«Вы, старики, сил набирайте,
Кровь в жилах не должна остыть!
Свой долг священный выполняйте,
Под силу вам окопы рыть
И землю относить в корзинах».

(Туснельда утешает Германа[400])

«Висконсин, самый добропорядочный из добропорядочных республиканских штатов, направил своего самого блестящего и дельного оратора г-на Карла Шурца в Массачузетс, дабы смелое слово его агитировало... В своей превосходной темпераментной речи он доказал...»

что? — было бы трудно сказать, если бы ниже не значилось:

«что он не считает себя представителем той великой нации мыслителей, которую именуют германской нацией». (Студиозус Шурц в роли вполне исчислимого меньшинства и автобиографа[401].)

«О юноши, мечи точите!
Как Герман, будьте вы смелы!»

(Туснельда)

«Образчик этого несгораемого муслина мы видели сами и проверили его на свече. Если медленно проводить его над огнем, он совсем не горит; если же подержать его в огне подольше, то он обугливается, но дальше этого места огонь не распространяется. Однако от одной дамы-англичанки, которая видела на выставке отрез большого размера, мы слышали, что этот материал не такой яркий и имеет не такой свежий вид, как необработанный муслин» («Hermann» — редакционное примечание).

«О женщины, призванье ваше
Должны в молитвах вы найти!»

(Туснельда)

Нашему космополитическому сердцу отрадно было видеть, что Арминий, памятуя о том возвышенном моменте, когда он преподносил господину Кошуту западную революцию взамен восточной[402], берет под свое покровительство

«17 миллионов славян Австрии» и «потому не только отводит соответствующему корреспонденту место сразу же после передовицы, но и призывает его выступить на страницах «Hermann» в качестве представителя своего народа». Так как «для республиканцев вопрос о том, на чью сторону встать в итальянской войне, должен остаться открытым»,

то газета высказывается частью за Пруссию, частью за Луи-Наполеона, частью за Италию, частью за Малую Германию, частью за Великую Германию, частью за регентство, частью за имперский парламент, а *целиком* — за г-на *«Бендера:* 8, Лестер-сквер, Литл-Ньюпорт-стрит», к которому достаточно обратиться «всякому, кто учился читать» («Печать и мастерская»), с тем чтобы без «обременительного труда над книгами и лекциями» быть посвященным в тайны естественных наук.

* * *

В последнем номере «Hermann» один чех заявляет;

«Мы были... первыми в борьбе... за социальную идею».

Духовное лицо, являющееся владельцем этого «форума»[403], замечает по данному поводу:

«А разве до чехов *швейцарцы* не были первыми?»

Единственную *социальную* идею, за которую швейцарцы действительно боролись первыми, можно выразить следующими словами: «Point d'argent, point de Suisses» («Нет крейцеров — не будет и швейцарцев»)[404]. Новоиспеченный «швейцарец» Фогт и новоотчеканенный «крейцер» Кинкель[405] уж сумеют по достоинству оценить сию социальную идею во всем ее всемирно-историческом значении.

Все в том же «форуме» значится:

«Мы считаем вполне понятным, что английские страховые общества не желают больше *акцептовать* (!) на страхование немецкие товары, предназначенные для *заокеанских мировых рынков».*

Сколько «мировых рынков» известно этому «духовному» лицу?

А вот образец *связного изложения* «Wochenblatt aus London», иначе «Hermann»;

«На усыпанной лаврами могиле Гумбольдта поселилась парочка ласточек. Детская преступность, которую следовало бы вытравить в самом зародыше всеми средствами френологии и физиотерапии, вновь продемон-

стрирована во всей своей чудовищности девятилетним мальчиком в Шмидеберге».

Суждение «Hermann» о Меттернихе. — Взгляд на политику Меттерниха формулируется следующим образом:

«Там, где Меттерних и иже с ним почти целое столетие глумились и подличали, никакой ангел мира не в состоянии расположиться у ручья, чтобы сладко подремать, как выражается Шиллер». «Попытался бы он» (а именно, Шиллер) «сделать это, скажем, на Минчо».

Превратить Минчо в «ручей» способен разве что изобретатель «заокеанских мировых рынков».

«Hermann» заявляет в статье по поводу

«вакансии в Савойской церкви в Лондоне», что «он» («Hermann») «с каждым днем делается все *дороже* для своих земляков как в Лондоне, так и на родине».

Пожалуй, это соответствует действительности. Неделя за неделей он поставляет все меньше материала за 3 пенса. Возможно, этим и вызван точный подсчет свободных «статей дохода» — кстати этот подсчет выдает тайное желание перенести «форум» в «Савойскую церковь».

* * *

В № 26 *«Готфрида»* помещено заявление «Hermann»* об уходе в отставку. Оно гласит:

«Нашим читателям

Вышедшим сегодня номером завершается моя деятельность как редактора этой газеты. Единственной причиной моего ухода является *состояние* моего здоровья, которое не позволяет мне, *наряду с моей прежней профессией педагога, посвящать себя еще ц другой, столь рассеивающей деятельности».* (То есть *профессия педагога является одним видом деятельности, наряду с той другой деятельностью.)* «А так как я *согласно этому»* (согласно чему?) *«в дальнейшем* не буду отвечать за содержание газеты» (скорее он не будет отвечать за *дальнейшее* ее содержание), «то я *передаю в другие руки также* и право собственности. Предприятие, успех которого *теперь обеспечен»* (благодаря устранению Кинкеля), «будет вестись *в прежнем духе»* (низкие цепы, отличное обслуживание). «Поскольку я *ранее* почти не находил времени и *места самому* писать *для него»* (а именно для этого предприятия), «то в будущем» (позднее), «освободившись от бремени трудов, связанных с внешней стороной вопроса, я буду поставлять *тем более многочисленный* материал в качестве корреспондента». (Если Готфрид в качестве корреспондента будет поставлять «тем более многочисленный материал», чем менее «места» он находил для него ранее, то что же будет с предприятием, успех которого *теперь* должен быть «обеспечен» благодаря исчезновению Готфрида как редактора?) «С читателями и сотрудниками я расстаюсь исполненным чувства благодарности за их дружеское участие и поддержку.

Готфрид Кинкель»

* Имеется в виду Готфрид Кинкель. *Ред.*

Как образец столь «рассеивающей деятельности», которой Герман говорит такое дружеское «прости», вышеназванный «Готфрид» в заключение помещает следующую редакционную заметку:

«Мы» (а именно Готфрид) *«каждый раз* испытываем своего рода чувство злорадства, когда нам *хотя бы раз* удается поймать у кого-нибудь из наших корреспондентов хорошую блоху, ибо *из числа* наших читателей, *как правило,* найдется некто (!), которому эта блоха даст толчок» (почему не оттолкнет?) «для того, чтобы выступить *по поводу затронутого дела»* (то есть столь неловкого дела о пойманной блохе) «с поучительным и *входящим во все подробности»* (входящим во все подробности *по поводу)* «сообщением. Именно благодаря подобной оплошности мы и в данном случае» (в каком именно?) «в состоянии поместить ценную поправку, по которой каждый читатель» (по ни в коем случае ни один корреспондент!) «сразу определит, что ее автор является, как говорят на Рейне, *большой шишкой»* (не так ли, прекрасные читательницы?). «К сожалению, сильный наплыв неотложного политического материала, особенно статей наших корреспондентов о столь *осточертевшей высокой политике,* дает нам возможность лишь сегодня напечатать *эту статью»* (то есть *это* редакционное примечание).

Итак, мы видим, что Герман, невзирая на свою столь прочувствованную благодарность, не без горечи расстается с «корреспондентами». В собственном форуме бедняжка «ранее» не нашел места для «этой статьи» о «пойманной блохе» и «шишке».

Мы же восклицаем на прощание «ранее» редактору «Готфрида»: «De mortuis nil nisi bene»*. Но «позднее» корреспонденту «Hermann» мы говорим: «Увидимся под Филиппами!»[406].

Стратегико-дипломатическое открытие

«Hermann» заявляет:

«Говорят, что вооруженное посредничество Пруссии берет за основу линию Минчо. Хорошо, эта линия после сражения под Сольферино обозначилась яснее. Лишь тени, падающие от крепостных стен Мантуи и Пескьеры все еще застилают ее. Но осада должна пролить на нее свет».

Ловкий фельетонист** «Hermann» посылает свои статьи после того, как он их использовал в Лондоне, в лейпцигскую «Gartenlaube»[407]. Чтобы придать остроту описанию торжества, устроенного «союзом германских мужей» в память Гумбольдта[408], нам сообщают, что

«какой-то коммунистический союз, издающий теперь свой еженедельник, задался особой целью самым наглым образом оклеветать не только газету Кинкеля, но и его лично; при этом они не стесняются прибегать даже к самой очевидной лжи и т. д.».

Мы по этому поводу заметим лишь, что наша газета, как это следовало бы знать фельетонисту из наших неоднократных

* — «О мертвых ничего, кроме хорошего». *Ред.*
** — Генрих Бета. *Ред.*

выступлений, вовсе не является органом «какого-то союза» и что обвинения, выдвинутые нами против г-на Кинкеля, до тех пор не следует называть лживыми, пока они не будут опровергнуты, а этого до сих нор еще никто не сделал, да никогда и не сделает. Кстати, мы признательны г-ну корреспонденту за сообщение о том, что в основе проповеди Кинкеля,

«пронизанной ароматом праздничности», лежало изречение: «И если та забудешь Сион, то и сам будешь забыт», и что он начал ее, «припав к черно-красно-золотому стягу».

«Hermann» острит. В одной из статей «Hermann» об Австрии говорится, что Габсбурги по отношению к своим наследственным землям выступали в роли отчима, а по отношению к Германской империи в роли мачехи. Что старик или юноша может оказаться старой бабой, это в достаточной степени доказал автор статьи, о которой идет речь, статьи, изобилующей выдержками из «Всемирной истории» Пёлица[409] для девиц. Но что отчим может одновременно быть мачехой — это мы считали до сих пор невозможным.

* * *

«Hermann», появившийся в омоложенном виде под редакцией Э. И. Юха и К°, заслуживает того, чтобы поместить о нем подробную заметку. Начнем сразу с first leader[*] по вопросу о «Позиции Пруссии».

В случае заключения мира между Францией и Австрией

«Пруссия некоторое время будет находиться *примерно в таком же положении,* в каком она была до этого. *Однако мало-помалу* она *окажется* в другом положении. Но *еще быстрее»* (еще быстрее, чем мало-помалу?) «она должна *изменить* свою позицию, *поскольку»* (!) «война будет продолжаться, *так как тогда* она будет вынуждена действовать, и если она вовремя не *подыщет»* (!) «для себя надежную позицию, то она потеряет всякую твердую опору, для того чтобы погибнуть вместе с остальными государствами Германского союза» (быть может, Пруссия и была бы не прочь потерять «всякую твердую опору, для того чтобы погибнуть»).

Далее автор демонстрирует нам Пруссию в различных более или менее замысловатых poses plastiques[**]. Во-первых, Пруссия могла бы изображать из себя великую европейскую державу и это в свою очередь двояким образом,

«Пруссия могла бы, выступая *в качестве самостоятельной великой державы,* действовать полностью на собственный страх и риск» (самостоятельно?). «Это» (действие!) «явилось бы чисто *европейской точкой зрения, цель* которой» (цель точки зрения) «... определилась бы как *вопрос* власти, *так как* сохранение равновесия, ради чего и заключаются договоры, состоит в *уравновешивании власти, служащей интересам государства»* (ка-

[*] — первой передовой. *Ред.*
[**] — пластических позах. *Ред.*

кого?), «Пруссия могла бы в *таком случае* взять за исходную точку *вызванное* настоящей войной *нарушение договоров 1815 года, контрагентом* которых» *{отцом,* вместо одним из отцов) «она является, и попытаться *получить в награду за услуги,* оказанные ею *при этом»* (при нарушении договоров?) «монархическому порядку в Европе, материальные гарантии». Кроме этого хитроумного хода, «Пруссия могла бы в качестве великой европейской державы занять *чисто политическую* позицию, противодействуя из соображений самосохранения *усилению* своего французского соперника» (non bis in idem* — относительно уравновешивания сил ведь уже была речь). «При этом она могла бы сослаться на то, что Англия *является пока еще открытым* врагом, а Россия *уже тайным* союзником Франции — врага Австрии» (!!) и т. д.

А после того, как Пруссия проявила себя столь многосторонне в качестве великой европейской державы,

«она могла бы в дальнейшем занять *исключительно немецкую точку зрения.* Здесь также перед ней открыт свободный выбор. А именно: она может как *немецкая великая держава* подчинить себе *остальные государства»* (включая и Турцию) «или же ведя себя как скромный и *равный член союза,* подчиниться *малым странам»* (швейцарским кантонам?), «либо встать рядом с ними». (Не совсем ясно, почему *равный* член союза обязан подчиниться.)

Другими словами, либо прусская империя, либо сохранение Германского союза.

Первое «означало бы решительно встать во главе Германии, как держава, знающая, что у нужды свои законы» (для простых смертных нужда не знает законов, но для готцев она создает законы и к тому же отнюдь не строгие) «вследствие чего она» (нужда) «вынуждена *отказаться* от стесняющих ее рамок и т. д., ибо ее существование поставлено на карту» (то есть на карту поставлено существование нужды).

Основания, которые «Пруссия могла бы привести в оправдание подобной революционной политики», представляют для нашего автора настоящее embarras de richesses**.

В том числе «враждебно относящиеся к единству Германии иностранные державы Россия и Англия, которые при помощи сложной системы качелей равновесия в Германии препятствовали росту мощи немецких великих держав путем взаимного постоянного ослабления, больше заботились при создании союза о себе, чем о Германии, и т. д.» (Оригинальный план, согласно которому иностранные державы Россия и Англия должны ослаблять друг Друга, дабы помешать росту мощи Пруссии!) «Наконец-то она» (Пруссия) «показала, что полностью поняла суть нынешней войны, *которая подобно Тридцатилетней войне* имеет целью завершение революции 1848 года». «По этой причине», (именно потому, что Тридцатилетняя война ставила себе целью завершение революции 1848 г.) «Пруссия не признает более Союзного сейма и

* — не дважды об одном и том же. *Ред.*
** — затруднение из-за большого выбора. *Ред.*

... *считает* суверенитет всех остальных немецких князей утратившим силу и т. д.». И наконец, «Прусское правительство могло бы, если бы ей» (то есть Пруссии) «подобная *революционная политика* показалась бы слишком рискованной, выбрать и консервативную точку зрения. Оно могло бы выбрать ее... так как царствующая в Пруссии династия, *как равная»* (кому?) «должна поддерживать сохранение остальных» (каких остальных?) «... потому что Пруссия, *не будучи* самостоятельной, должна согласовывать свою позицию с *той, которой будет* придерживаться нейтральная Англия и т. д.».

До сих пор она «колебалась». Она же допустила, чтобы ее *«соперница-Австрия»* была разбита.

«При помощи договоров она постоянно пыталась *тянуть* малые государства» (тянуть из них богатство, вытянуть их хлыстом или перетянуть их на свою сторону?) «Она вернулась во Франкфурт» (из Эрфурта)[410] «почти с *теми же самыми предложениями,* которые, *если бы* они *исходили* от Ганновера или Баварии, Пруссия не приняла бы».

В конце концов, автор называет это *«умелым ходом»,* хотя здесь проявлено мало умения в consecutio temporum[*].

К сожалению, Виллафранкский договор одним ударом опрокинул все ходы Пруссии, доступные фантазии готца. Поэтому, оставляя «высокую политику» фирмы Юх и К°, мы обращаемся к Тиртею, который в лице омоложенного «Hermann» воспевает битву под Сольферино. Сей Тиртей, по-видимому, добрый малый. Он ни на минуту не сомневается в том, что все зуавы, тюркосы, кроаты, сербы, чехи et autres Zephyres[411], бившиеся друг с другом под Сольферино,

«не будь обоих императоров, повсюду на свете, где бы случай ни свел их вместе, относились бы друг к другу, как *безобидные и любезные люди,* они друг друга приветствовали бы, ели бы и пили» (друг друга ели бы и пили! Какова любезность — каннибальская!).

Стихотворный размер, в котором воспевается сражение — это размер героического эпоса, гекзаметр. Как известно, Клейст увеличил гекзаметр на один короткий первый слог. Наш бард превзошел Клейста: он чрезвычайно щедр; стопой больше или меньше — для него не играет никакой роли. Но с другой стороны, нельзя ставить в вину гекзаметрам, если у них, только что вернувшихся с поля битвы, недостает стопы или вывихнуто колено.

Итак несколько примеров:

«Смертельно усталый,

со|всем исто|щенный, из|мучен жа|рой, иссу|шаемый| жаждой». «За | эти прок|лятые| годы, за | десяти |летье» «Под| солнцем па|ля|щим, в кро|ви, поги|бая от |жажды, изредка из милости прикончен штыком, а в большинстве случаев лишь из|резан, ис|колот, с рас|крытою |раной от |боли смер|тельной страдает».

* — согласовании времен. *Ред.*

«Вот |жаркие, |голые |холмы ды|мятся от| крови,
в которой барахтаются искромсанные тела»

«Вот | ног или | рук не хва|тает, у | этого | вырвана | челюсть, а |у того голо|вы поло|вина».

«Наконец-то
смолкло во|круг все и |мрак опу|стился на |землю.

Лишь из до|лин и хол|мов доно|силися| вопли то здесь, то там, повсюду на *расстоянии многих часов».*

«В битве го|рячей и |трудной и |капли во|дицы о|ни не и|мели.
Другие умирали от жажды и

в хрипе пред|смертном, на|век уга|сающим |взором встречали пришедшего слишком поздно хирурга».

Сразу же вслед за песнью о битве идет историческая критика. «Мыслитель» омоложенного «Hermann» в статье, присланной из Парижа, раскрывает перед нами отношение Луи Бонапарта к революции.

«Революция закономерна, поскольку она становится под покровительство императора *и* утверждается им... *Но* она сохраняет свой прежний характер *и* должна быть подавлена, поскольку она вступает в противоречие с интересами императора *или же* нарушает его планы».

Вот и вся премудрость.

«Я, наконец, нащупал почву,
Засел в ней крепко якорь мой».

Из «сферы столь осточертевшей высокой политики», грохота пушек и исторической критики мы низвергаемся вниз и наталкиваемся на скромную одинокую обитель — *«Мастерскую»,* в которой обрел свой покой наш старый друг Готфрид, уже в качестве нового корреспондента. Он встречает нас ворчанием:

«Эта газета не могла из-за постоянных войн и сплошной политики уделить до сих пор *место* и т. д.»

Эта старая жалоба нам известна. Готфрид в качестве тонко чувствующего искусство чичероне предлагает провести нас по «Выставке Академии на Трафальгар-сквере».

«Эта почти героическая фигура, подобно пчеле, высасывающей мед даже из ядовитых цветов» (см. «Gartenlaube»),

обрушиваясь на нас целым потоком хорошо известных сладкозвучных слов, сообщает нам, что

«веселые *картинки* Лесли... — подлинные *жемчужинки* изящного искусства».

Но больше всего он интересуется *прерафаэлитами*[412]*,* и так как конкретный пример лучше всяких поучений, то он выставляет в своей «Мастерской» несколько прерафаэлитских word-

paintings*, которые избавляют нас от необходимости совершить прогулку в Трафальгар-сквер.

Прерафаэлитская картина № 1

«С 11 часов утра весь день в зале господствует фешенебельный кринолин, и возле *любимых произведений* публики *постоянно околачивается целый хвост».*

Прерафаэлитская картина № 2

«Ценно все то, что исполнено *в своем роде в* совершенстве. Например *брюки,* если они хорошо сшиты и *не жмут».*

Прерафаэлитская картина № 3

«На монастырском кладбище две монахини *заняты* тем, что *копают* могилу... Это две грубые женские фигуры, которые сменяют друг друга *за* мрачным трудом *сумерек».* (Две грубые фигуры сменяют друг друга, в то время как сумерки трудятся за них.) «Одна из них представляет собой, спустившись в могилу и выкидывая жилистыми руками прачки тяжелую сырую черную землю, *проросшую корнями,* совершенно прозаическую, безразличную и ординарную личность».

Быть может, проросшая корнями личность и будет *совершенно прозаической,* но уж во всяком случае она будет *экстраординарной.* На некоторое безразличие действительно указывает та sansgene**, с которой эта личность вместо своих собственных рук пользуется, копая землю, руками *прачки.*

Этих примеров достаточно, чтобы любой «ремесленник» понял, над чем, собственно, так настойчиво заставляет его «задуматься» Готфрид, а именно: евнухи от искусства

«были бы ему в его *деле* куда *полезнее»* (utile cum dulci***), чем «все воскресные прогулки в Эппингский лес или же в Ботанический сад в Кью», чем «все веселые трактиры городских предместий», чем «вечерние сходки» и «бесконечные рассуждения по поводу избитого вопроса, не наступит ли даже после следующей революции тысячелетнее царство портновских подмастерьев под вывеской *рабочей диктатуры».*

Ну, а мы, всем прерафаэлитам вопреки, по-прежнему придерживаемся мудрого древнего изречения: «Cacatum non est pictum»****.

Написано К. Марксом 3 и 24 июня, 8 и 15 июля 1859 г.

Напечатано в газете «Das Volk» №№ 5, 8, 10 и 11; 4 и 25 июня, 9 и 16 июля 1859 г.

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого

На русском языке публикуется впервые

* — словесных картин, образных описаний. *Ред.*

** — бесцеремонность. *Ред.*

*** — полезное с приятным. *Ред.*

**** — «Нагаженное не есть нарисованное». *Ред.*

ПРИМЕЧАНИЯ
ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА
УКАЗАТЕЛИ

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Выдающееся произведение К. Маркса «*К критике политической экономии»,* знаменующее собой важный этап в создании марксистской политической экономии, было написано в августе 1858 — январе 1859 года. Написанию этой книги предшествовала пятнадцатилетняя разносторонняя научно-исследовательская работа, в ходе которой Маркс изучил огромную массу общественно-экономической литературы и разработал основы своего экономического учения.

В августе 1857 г. Маркс приступает к систематизации собранного им материала и написанию большого экономического произведения. Первый набросок плана этого произведения Маркс составил в августе — сентябре 1857 года. В течение последующих нескольких месяцев Маркс детализирует свой план и в апреле 1858 г. решает, что вся работа будет состоять из шести книг. Первую книгу намечено было посвятить исследованию капитала, причем автор имел в виду изложению проблем капитала предпослать несколько вводных глав; вторую книгу — земельной собственности, третью — исследованию наемного труда, четвертую — государства, пятую — международной торговли и шестую — мирового рынка. Предполагалось, что первая книга будет включать четыре отдела, причем в первый отдел, названный Марксом «Капитал вообще», войдут три главы; 1) стоимость, 2) деньги и 3) капитал.

Работая над первой книгой, т. е. над книгой «О капитале», Маркс в период с августа 1857 по июнь 1858 г. написал рукопись объемом около 50 печатных листов, изданную Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в 1939—1941 гг. на немецком языке под названием «Grundrisse der Kritik der politischen Oekonomie (Rohentwurf)» («Основные черты критики политической экономии (Черновой набросок)»). В этой рукописи, содержащей общее введение, раздел о деньгах и значительно более обширный раздел о капитале, Маркс вчерне изложил первые результаты своих многолетних экономических исследований, в том числе основные положения своей теории прибавочной стоимости. Рукопись 1857—1858 гг. является, по существу, первоначальным незавершенным вариантом первой части задуманного в то время Марксом фундаментального экономического произведения.

В начале 1858 г. Маркс решает приступить к изданию своего труда по частям, отдельными выпусками. Заключив предварительный

договор с берлинским издателем Ф. Дункером, он работает над первым выпуском. В течение августа 1858 — января 1859 г. он перерабатывает главу о деньгах, пишет главу о товаре, редактирует окончательный текст этой рукописи и, озаглавив ее «К критике политической экономии», 26 января 1859 г. отправляет к издателю в Берлин. Вместо намечавшихся 5—6 печатных листов первый выпуск разрастается до 12 печатных листов и состоит уже не из трех глав, как намечалось планом, а из двух: «Товар» и «Деньги, или простое обращение». В феврале 1859 г. Маркс отправляет в издательство и предисловие. В июне 1859 г. работа «К критике политической экономии» вышла в свет. Имеющиеся в работе «К критике политической экономии» подзаголовки «Книга первая. О капитале» и «Отдел первый. Капитал вообще» свидетельствуют о том, что она представляет собой начало первой книги из запланированных шести книг.

Вслед за первым выпуском Маркс собирался опубликовать второй выпуск, в котором должны были найти отражение проблемы капитала. Дальнейшие исследования, однако, побудили Маркса изменить первоначальный план своего большого труда. План из шести книг был заменен планом четырех томов «Капитала». Поэтому вместо второго и следующих выпусков Маркс подготовил «Капитал», в который включил в переработанном виде также и некоторые основные положения книги «К критике политической экономии».

При жизни Маркса книга «К критике политической экономии» не переиздавалась. Исключение составляет предисловие, которое в несколько сокращенном виде было опубликовано 4 июня 1859 г. также в лондонской немецкой газете «Das Volk» («Народ»). Отрывок из второй главы книги, посвященный критике утопической теории Грея о рабочих деньгах, Энгельс включил в качестве дополнения в немецкие издания 1885 и 1892 гг. работы Маркса «Нищета философии». Первое русское издание книги было выпущено в 1896 году в Москве. В основу настоящего издания книги «К критике политической экономии» положен текст его первого немецкого издания, подготовленного к печати автором. Однако при этом были учтены, во-первых, поправки и пометки Маркса в его личном экземпляре книги, а во-вторых, поправки и пометки, сделанные Марксом в экземпляре книги, подаренной им Вильгельму Вольфу 19 августа 1859 года. Некоторые из этих поправок и пометок автора были реализованы Энгельсом при подготовке к печати третьего тома «Капитала». Цитируя отдельные места из работы «К критике политической экономии», Энгельс привел их в исправленной, уточненной Марксом редакции. Фотокопии этих экземпляров книги с поправками и пометками Маркса находятся в Архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. — *1.*

[2] Имеется в виду неоконченное «Введение», которое предназначалось Марксом для большого экономического произведения (см. настоящее издание, т. 12, стр. 709—738). — *5.*

[3] *«Rheinische Zeitung fur Politik, Handel und Gewerbe»* («Рейнская газета по вопросам политики, торговли и промышленности») — ежедневная газета, выходила в Кёльне с 1 января 1842 по 31 марта 1843 года. Газета была основана представителями рейнской буржуазии, оппозиционно настроенной по отношению к прусскому абсолютизму. К сотрудничеству в газете были привлечены и некоторые младогегельянцы. С апреля 1842 г. К. Маркс стал сотрудником «Rheinische Zeitung», а с октября того же года — одним из ее редакторов. В «Rheinische

Zeitung» был опубликован также ряд статей Ф. Энгельса. При редакторстве Маркса газета стала принимать все более определенный революционно-демократический характер. Правительство ввело для «Rheinische Zeitung» особенно строгую цензуру, а затем закрыло ее. — *5.*

[4] Имеются в виду статьи К. Маркса: «Дебаты шестого рейнского ландтага (статья третья). Дебаты по поводу закона о краже леса» и «Оправдание мозельского корреспондента» (см. настоящее издание, т. 1, стр.119—160, 187—217). — *6.*

[5] *«Allgemeine Zeitung»* («Всеобщая газета») — немецкая ежедневная реакционная газета, основана в 1798 году; с 1810 по 1882 г. выходила в Аугсбурге. В 1842 г. выступила с фальсификацией идей утопического коммунизма и социализма, которую Маркс разоблачил в своей статье «Коммунизм и аугсбургская «Allgemeine Zeitung»», напечатанной в «Rheinische Zeitung» в октябре 1842 г. (см. настоящее издание, т. 1, стр. 114—118). — *6.*

[6] *«Deutsch-Franzosische Jahrbucher»* («Немецко-французский ежегодник») издавался в Париже под редакцией К. Маркса и А. Руге на немецком языке. Вышел в свет только первый, двойной выпуск в феврале 1844 года. В нем были опубликованы произведения К. Маркса: «К еврейскому вопросу» и «К критике гегелевской философии права. Введение», а также произведения Ф. Энгельса: «Наброски к критике политической экономии» и «Положение Англии. Томас Карлейль. «Прошлое и настоящее»» (см. настоящее издание, т. 1, стр. 382—413, 414—429, 544—571, 572—597). Эти работы знаменуют окончательный переход Маркса и Энгельса от революционного демократизма к материализму и коммунизму. Главной причиной прекращения выхода журнала были принципиальные разногласия Маркса с буржуазным радикалом Руге. — *6.*

[7] Имеется в виду первая экономическая работа Ф. Энгельса «Наброски к критике политической экономии» (см. настоящее издание, т. 1, стр. 544—571). — *8.*

[8] См. настоящее издание, т. 2, стр. 231—517. — *8.*

[9] Имеется в виду работа К. Маркса и Ф. Энгельса «Немецкая идеология» (см. настоящее издание, т. 3, стр. 7—544). — *8.*

[10] См. настоящее издание, т. 4, стр. 419—459 и 404—418. — *8.*

[11] См. настоящее издание, т. 4, стр. 65—185. — *8.*

[12] Имеется в виду работа К. Маркса «Наемный труд и капитал» (см. настоящее издание, т. 6, стр. 428—459). — *8.*

[13] *Немецкое рабочее общество в* Брюсселе было основано Марксом и Энгельсом в конце августа 1847 г., с целью политического просвещения немецких рабочих, проживавших в Бельгии, и пропаганды среди них идей научного коммунизма. Под руководством Маркса и Энгельса и их соратников общество сделалось легальным центром объединения немецких революционных пролетариев в Бельгии и поддерживало

прямую связь с фламандскими и валлонскими рабочими клубами. Лучшие элементы общества входили в брюссельскую общину Союза коммунистов. Деятельность Немецкого рабочего общества в Брюсселе прекратилась вскоре после февральской буржуазной революции 1848 г. во Франции в связи с арестами и высылкой его членов бельгийской полицией. — *8.*

14 *«Neue Rheinische Zeitung. Organ der Demokratie»* («Новая Рейнская газета. Орган демократии») выходила ежедневно в Кёльне под редакцией Маркса с 1 июня 1848 по 19 мая 1849 года. В состав редакции входил Энгельс, а также В. Вольф, Г. Веерт, Ф. Вольф, Э. Дронке, Ф. Фрейлиграт и Г. Бюргерс.

Боевой орган пролетарского крыла демократии, «Neue Rheinische Zeitung» играла роль воспитателя народных масс, поднимала их на борьбу с контрреволюцией. Передовые статьи, определявшие позицию газеты по важнейшим вопросам германской и европейской революций, писались, как правило, Марксом и Энгельсом.

Решительная и непримиримая позиция газеты, ее боевой интернационализм, появление на ее страницах политических обличений, направленных против прусского правительства и против местных кёльнских властей, — все это уже с первых месяцев существования «Neue Rheinische Zeitung» повлекло за собой травлю газеты со стороны феодально-монархической и либерально-буржуазной печати, а также преследования со стороны правительства, особенно усилившиеся после контрреволюционного переворота в Пруссии в ноябре — декабре 1848 года.

Несмотря на все преследования и полицейские рогатки, «Neue Rheinische Zeitung» мужественно отстаивала интересы революционной демократии, интересы пролетариата. В мае 1849 г., в обстановке всеобщего наступления контрреволюции, прусское правительство, воспользовавшись тем, что Маркс не получил прусского подданства, отдало приказ о высылке его из пределов Пруссии. Высылка Маркса и репрессии против других редакторов «Neue Rheinische Zeitung» послужили причиной прекращения выхода газеты. Последний, 301-й, номер «Neue Rheinische Zeitung», напечатанный красной краской, вышел 19 мая 1849 года. В прощальном обращении к рабочим редакторы газеты заявили, что «их последним словом всегда и всюду будет освобождение рабочего класса!» — *8.*

15 *«New-York Daily Tribune»* («Нью-йоркская ежедневная трибуна») — американская газета, выходившая с 1841 по 1924 год. Основанная видным американским журналистом и политическим деятелем Хорасом Грили, газета до середины 50-х годов была органом левого крыла американских вигов, а затем органом республиканской партии. В 40— 50-х годах газета стояла на прогрессивных позициях и выступала против рабовладения. В газете принимал участие ряд крупных американских писателей и журналистов, одним из ее редакторов с конца 40-х годов был Чарлз Дана, находившийся под влиянием идей утопического социализма. Сотрудничество Маркса в газете началось в августе 1851 г. и продолжалось свыше 10 лет, по март 1862 года; большое число статей для «New-York Daily Tribune» было по просьбе Маркса написано Энгельсом. Поскольку Энгельс писал свои статьи главным образом в Манчестере, поставленные на них в ряде случаев даты расходятся с подлинными датами их написания, так как Маркс обычно указывал на статьях дату отправки их в Нью-Йорк. Некоторые из

статей, написанных в Лондоне, Маркс помечал Парижем, Веной или Берлином. Статьи Маркса и Энгельса в «New-York Daily Tribune» охватывали важнейшие вопросы международной и внутренней политики-рабочего движения, экономического развития европейских стран, колониальной экспансии, национально-освободительного движения в угнетенных и зависимых странах и др. В период наступившей в Европе реакции Маркс и Энгельс использовали широко распространенную американскую газету для обличения на конкретных материалах пороков капиталистического общества, свойственных ему непримиримых противоречий, а также для показа ограниченного характера, буржуазной демократии.

Редакция «New-York Daily Tribune» в ряде случаев произвольно обращалась со статьями Маркса и Энгельса, печатая многие из них без подписи автора в виде редакционных передовых. С середины 1855 г. вообще все статьи Маркса и Энгельса печатались в газете без подписи. В некоторых случаях редакция допускала вторжение в текст статей и произвольно их датировала. Эти действия редакции вызывали неоднократные протесты Маркса. С осени 1857 г. в связи с экономическим кризисом в США, отразившимся также на финансовом положении газеты, редакция предложила Марксу сократить число его корреспонденции в «New-York Daily Tribune». Окончательно прекратилось сотрудничество Маркса в газете в начале Гражданской войны в США; значительную роль в разрыве «New-York Daily Tribune» с Марксом сыграло усиление в редакции сторонников компромисса с рабовладельческими штатами и отход газеты от прогрессивных позиций. — *9.*

[16] Маркс цитирует вышедшую анонимно книгу У. Петти: «A Treatise of Taxes and Contributions». London, 1667 («Трактат о налогах и сборах». Лондон, 1667). — *21.*

[17] *«The Spectator»* («Зритель») — английский ежедневный литературный журнал, выходивший в Лондоне в 1711—1714 годах. — *39.*

[18] О параллелограммах Оуэна Рикардо упоминает в своей работе «On protection to agriculture». Fourth ed., London, 1822, p. 21 («О покровительстве земледелию». 4-е издание, Лондон, 1822, стр. 21). Развивая свой утопический проект социальных преобразований, Оуэн доказывал, что экономически, а также с точки зрения устройства домашнего быта наиболее целесообразным является строительство поселка в форме параллелограмма или квадрата. Отсюда появилось выражение «параллелограммы Оуэна». — *47.*

[19] Названная К. Марксом работа «Theory of Exchanges» является 4-й главой сочинения Г. Д. Маклеода «The Elements of Political Economy». London, 1858 («Основы политической экономии». Лондон, 1858). — *47.*

[20] Стремясь предотвратить затруднения в обмене банкнот на золото, в 1844 г. английское правительство по инициативе Р. Пиля приняло закон о реформе Английского банка, разделив его на два самостоятельных отделения, банковое и эмиссионное, и установив твердую норму обеспечения банкнот золотом. Выпуск банкнот, не обеспеченных золотом, ограничивался 14 млн. фунтов стерлингов. Однако, несмотря на действие банковского акта 1844 г., количество находившихся в обращении банкнот фактически зависело не от фонда покрытия,

а от спроса на них в сфере обращения. В периоды экономических кризисов, когда потребность в деньгах ощущалась особенно остро, английское правительство временно приостанавливало действие акта 1844 г. и увеличивало сумму банкнот, не обеспеченных золотом. — *49.*

[21] Имеется в виду англо-шотландская уния 1707 г., согласно которой Шотландия была окончательно присоединена к Англии. Вследствие этого акта, ликвидировавшего шотландский парламент, были уничтожены и все экономические перегородки, существовавшие между двумя странами. — *56*.

[22] *Leges barbarorum* (Варварские правды) — записи обычного права различных германских племен, составленные между V и IX веками. —*59.*

[23] Маркс цитирует работу Дж. Локка: «Some Considerations of the Consequences of the Lowering of Interest, and Raising the Value of Money. In a Letter sent to a Member of Parliament, 1691» («Некоторые соображения о последствиях снижения процента и повышения стоимости денег. В письме члену парламента, 1691»), по книге: «The Works of John Locke». In four volumes. The seventh edition, London, 1768, p. 54 («Сочинения Джона Локка». В четырех томах. Седьмое издание, Лондон, 1768, стр. 54). — *62.*

[24] Имеется в виду *«Societe generale du Credit Mobilier»* — крупное французское акционерное общество, созданное в 1852 г. братьями Перейра и узаконенное декретом от 18 ноября 1852 года. Основной целью Credit Mobilier было посредничество в кредите и грюндерство (участие в учредительстве промышленных и других предприятий). Общество широко участвовало в железнодорожном строительстве во Франции, Австрии, Венгрии, Швейцарии, Испании и России. Главным источником его доходов была спекуляция на фондовой бирже. На средства, полученные от выпуска своих собственных акций, гарантируемых только имеющимися у него ценными бумагами других предприятий, Credit Mobilier скупал акции разных компаний, гарантируемые стоимостью их имущества. Таким образом, одна и та же реальная собственность вызывала к жизни фиктивный капитал в двойном размере. Credit Mobilier был тесно связан с правительством Наполеона III и пользовался его покровительством. В 1867 г. общество потерпело банкротство и в 1871 г. было ликвидировано. Появление в 50-х годах XIX в. Credit Mobilier, как финансового предприятия нового типа, было вызвано специфическими особенностями эпохи реакции, которая характеризовалась невероятным разгулом биржевого ажиотажа и спекуляции. По образцу французского Credit Mobilier аналогичные учреждения были созданы в ряде других стран Центральной Европы. Подлинную сущность Credit Mobilier Маркс раскрыл в ряде своих статей, опубликованных в газете «New-York Daily Tribune» (см. настоящее издание, т. 12, стр. 21—37, 209—217, 300—303 и др.). — *79.*

[25] Имеется в виду книга: J. Mill. «Commerce defended. An Answer to the Arguments by which Mr. Spence, Mr. Cobbett, and others, have attempted to prove that Commerce is not a Source of National Wealth». London, 1808 (Дж. Милль. «Защита торговли. Ответ на аргументы, при помощи которых г-н Спенс, г-н Коббет и другие пытались доказать, что торговля не является источником национального богатства». Лондон, 1808). — *80.*

[26] *«The Economist»* («Экономист») — английский еженедельный журнал по вопросам экономики и политики, выходит в Лондоне с 1843 года; орган крупной промышленной буржуазии. — *89.*

[27] *Петер Шлемиль* — герой повести немецкого поэта-романтика Шамиссо «Удивительная история Петера Шлемиля», променявший свою тень на волшебный кошелек. — *99.*

[28] *Patrem familias vendacem, non emacem esse* (Отец семейства должен продавать, а не покупать) — выражение Катона Старшего из его произведения «De re rustica» («О земледелии»). — *111.*

[29] Имеется в виду война за независимость испанских колоний в Америке в 1810—1826 годах. В результате этой войны большинство стран Латинской Америки освободилось от испанского господства. — *117.*

[30] Имеется в виду *Кяхтинский договор о* торговле и границах, заключенный между Россией и Китаем 21 октября 1727 года. Благодаря Кяхтинскому договору русско-китайская торговля, главным образом меновая, значительно расширилась. — *131.*

[31] Речь идет о захватнической, так называемой второй «опиумной войне» против Китая, которую вели Англия и Франция с целью получения новых привилегий в Китае и превращения его в зависимое полуколониальное государство. Война окончилась поражением Китая и заключением грабительского Тяньцзиньского договора. — *132.*

[32] Маркс цитирует произведение Ангьеры (Петра Мученика) «De Orbe Novo» («О новом мире») по книге: W. H. Prescott. «History of the Conquest of Mexico, with a Preliminary View of the Ancient Mexican Civilisation, and the Life of the Conqueror Hernando Cortez». Vol. I, London. 1850, p. 123 (У. Х. Прескотт. «История завоевания Мексики, с предпосланным ей обзором древней мексиканской цивилизации, а также жизнеописание завоевателя Эрнана Кортеса». Т. I, Лондон, 1850, стр. 123). — *126.*

[33] Jakob Grimm. «Geschichte der deutschen Sprache». Bd. I—II, Leipzig, 1848. — *136.*

[34] *Историческая школа права* — реакционное направление в исторической и юридической науке, возникшее в Германии в конце XVIII века. Характеристику этой школы см. в статье К. Маркса «Философский манифест исторической школы права» и в его работе «К критике гегелевской философии права. Введение» (настоящее издание, т. 1, стр. 85—92 и 416). — *148.*

[35] Английский экономист-финансист Джон Ло пытался осуществить на практике свою совершенно несостоятельную идею о том, будто государство посредством выпуска в обращение необеспеченных банкнот может увеличивать богатства страны. В 1716 г. им был основан во Франции частный банк, преобразованный в 1718 г. в государственный банк. Одновременно с неограниченной эмиссией кредитных билетов банк Ло изымал из обращения звонкую монету. В результате получили неслыханное развитие биржевой ажиотаж и спекуляция, завершившиеся в 1720 г. полным банкротством государственного банка и самой «системы Ло». — *150.*

[36] *Треднидл-стрит* — улица в Лондоне, на которой находится Английский банк. — *150.*

[37] *Континентальная блокада, или континентальная система,* объявленная Наполеоном I в 1806 г., запрещала странам европейского континента вести торговлю с Англией. В осуществлении континентальной блокады участвовали Испания, Неаполь, Голландия, Пруссия, Дания, Россия, Австрия и др. страны. — *158.*

[38] Имеется в виду ряд «королевских указов» (orders in council), изданных в 1807 г. в ответ на объявление Наполеоном I континентальной блокады и запрещавших нейтральным странам торговать с Францией и странами, примкнувшими к континентальной системе. — *158.*

[39] *Хэмпстед* — один из 29 округов Лондона. — *162.*

[40] Маркс использует сюжет известной басни Эзопа «Пастух и земледельцы». — *168.*

[41] Французские и австрийские войска находились в Риме и на территории Папской области со времени подавления революции 1848—1849 гг. в Италии, швейцарские наемники составляли гвардию римского папы. — *169.*

[42] В конце 1847 — начале 1848 г. в Венеции и Ломбардии, входивших в состав Австрийской империи, происходили массовые антиавстрийские выступления итальянского населения. Активную роль в национально-освободительном движении играла буржуазная интеллигенция; одним из очагов движения был университет в городе Павии, закрытый австрийскими властями в начале 1848 года. Повсеместно проходила кампания подачи петиций с требованием административных и экономических реформ; в знак протеста против налоговых вымогательств и мер, направленных на ограничение итальянской промышленности и торговли, введения австрийцами табачной монополии, население подвергало бойкоту австрийские промышленные изделия и табак; подпольные республиканские кружки организовывали демонстрации, нередко кончавшиеся столкновениями с солдатами и полицией. — *169.*

[43] Речь идет о народном восстании 18—22 марта 1848 г. в Милане, положившем начало революции 1848—1849 гг. в Италии. В результате пятидневной борьбы народных масс из Милана были изгнаны австрийские войска и 22 марта создано временное правительство, в которое вошли представители итальянской либеральной буржуазии. — *169.*

[44] 1 января 1859 г. на приеме дипломатического корпуса в Тюильри Наполеон III, обратившись к австрийскому послу Хюбнеру, выразил сожаление о том, что отношения между Францией и Австрией «стали менее дружественными, чем были прежде». Это заявление повело к дипломатическому конфликту Наполеона III с Австрией, вопрос о войне против которой был решен еще задолго до этого: в июле 1858 г. в Пломбьере было подписано секретное соглашение между Францией и Пьемонтом, по которому Франции в обмен на участие в предстоящей войне против Австрии были обещаны Савойя и Ницца. — *169.*

[45] В 1842—1846 гг. Гарибальди принимал участие в национально-освобо-дительпой борьбе уругвайского народа против аргентинского дикта

тора Росаса. Организованный им легион итальянских революционных эмигрантов сыграл значительную роль при обороне столицы уругвайской республики Монтевидео и в других решающих сражениях. Правительство Уругвая особым декретом отметило героизм, проявленный гарибальдийским легионом.

В феврале — июле 1849 г. Гарибальди фактически возглавлял оборону Римской республики, созданной в результате народного восстания. Армия республики в течение нескольких месяцев успешно отражала наступление французских, австрийских и неаполитанских войск, выступивших на подавление революции. Римская республика пала 3 июля 1849 г. в результате превосходства контрреволюционных сил и вероломных действий французского генерала Удино, нарушившего перемирие и захватившего город Рим. — *170.*

[46] Имеется в виду достигнутое в августе 1858 г. соглашение между Россией и Пьемонтом о предоставлении Русскому обществу пароходства и торговли права временно использовать восточную часть гавани Виллафранка близ Ниццы для стоянки и снабжения судов топливом, а также их ремонта. — *170.*

[47] Маркс иронизирует по поводу «благодарности», которой Австрия отплатила царской России за помощь, оказанную при подавлении венгерской революции 1848—1849 годов. С обострением в начале 50-х годов восточного вопроса в австрийской внешней политике произошел враждебный России поворот, что нашло свое выражение в приписывавшихся главе австрийского правительства Шварценбергу и ставших крылатыми словах: «Австрия еще удивит мир величием своей неблагодарности». — *170.* .

[48] *Альбион* — древнейшее название Британских островов. Выражение *«коварный Альбион»* вошло в употребление со времени французской буржуазной революции конца XVIII века; так называли Англию французские республиканцы за многочисленные происки английского правительства против французской республики и организацию антифранцузских коалиций. — *170.*

[49] Речь идет о Наполеоне III, организовавшем в ночь с 1 на 2 декабря 1851 г. контрреволюционный государственный переворот во Франции, который привел к падению Второй республики (1848—1851). — *172.*

[50] Пьемонтский король Карл-Альберт, боясь распространения республиканского движения в Италии, всячески уклонялся от оказания помощи Венеции и Милану, восставшим против австрийского господства в марте 1848 года. Вынужденный, однако, под давлением народных масс объявить войну Австрии, он после первых неудач пьемонтских войск заключил с австрийцами перемирие в августе 1848 г., а по возобновлении военных действий весной 1849 г. после поражения при Новаре (23 марта 1849 г.) предательски капитулировал перед австрийцами, несмотря на мужественную борьбу пьемонтской армии и итальянского народа. Энгельс в ряде статей в «Neue Rheinische Zeitung» в 1849 г. разоблачил предательское поведение пьемонтской монархии (см. настоящее издание, т. 6, стр. 409—423). — *173.*

[51] Настоящая статья, помеченная Парижем, была написана Марксом в Лондоне. По соглашению с редакцией «New-York Daily Tribune»

Маркс некоторые свои статьи, в которых приводился материал по отдельным странам европейского континента, помечал соответственно Парижем, Берлином или Веной, иногда указывая при этом вместо действительной даты написания более раннюю. — *175.*

[52] Имеется в виду Наполеон III, который был сыном брата Наполеона I Луи Бонапарта, занимавшего голландский престол в 1806—1810 годах. Называя Наполеона III «племянником Аустерлицкой битвы», Маркс намекает на тот факт, что государственный переворот 2 декабря 1851 г. был приурочен к годовщине Аустерлицкой битвы (2 декабря 1805 г.), в которой Наполеон I разбил союзные русско-австрийские войска. — *175.*

[53] Речь идет о «либеральном» курсе, провозглашенном прусским принцем Вильгельмом (с 1861 г. король) при его вступлении в регентство в октябре 1858 года; в буржуазной печати этот курс получил громкое название «новой эры». На деле, однако, политика Вильгельма была направлена исключительно на укрепление позиций прусской монархии и юнкерства. Не было проведено ни одной либеральной реформы, которых ожидала буржуазия, в то же время в 1860 г. была осуществлена подготовленная ранее военная реформа, которая уничтожила еще сохранившиеся в прусской армии со времени национально-освободительной войны против Наполеона I в 1813—1815 гг. остатки демократизма; реформа предусматривала использование ландвера (войска, организованные по типу ополчения) в дальнейшем только для гарнизонной службы и значительное увеличение численности армии в мирное время. «Новая эра» фактически подготовила открытую военную диктатуру юнкерства, начавшуюся с приходом к власти Бисмарка в сентябре 1862 года. — *176.*

[54] *Credit Mobilier* — см. примечание 24. — *176.*

[55] *«Moniteur»* — сокращенное название французской ежедневной газеты *«Le Moniteur universel»* («Всеобщий вестник»); выходила в Париже с 1789 по 1901 год; с 1799 до 1869 г. — официальный правительственный орган. — *176.*

[56] *Чапел-стрит, Ломбард-стрит* — улицы в лондонском Сити, на которых расположены наиболее значительные банковские и торговые предприятия Англии; *Треднидл-стрит* — см. примечание 36. — *176.*

[57] Имеется в виду укрепление в 50-х годах XIX в. позиций России в Средней Азии и на Дальнем Востоке.. В этот период значительно усилилось русское влияние в Хивинском, Бухарском и Кокандском ханствах; в результате договоров, заключенных с Китаем, к России в 1858 г. были присоединены земли по северному берегу Амура, кроме того для русской торговли было открыто пять китайских портов. — *177.*

[58] Ироническое прозвище «Малый» было дано Луи Бонапарту Виктором Гюго и получило широкое распространение после выхода в свет его памфлета «Наполеон Малый» (1852). — *177.*

[59] Речь идет об обещаниях отменить крепостное право, которые неоднократно давал со времени своего вступления в 1855 г. на престол Александр II, напуганный размахом крестьянских волнений в стране. — *178.*

[60] *«L'Empire c'est la paix»* («Империя — это мир») — слова из речи Луи Бонапарта, произнесенной в Бордо 9 октября 1852 года. — *178.*

[61] Настоящая статья, написанная Энгельсом, была, как это видно из письма Маркса Энгельсу от 15 января 1859 г., переработана и дополнена Марксом перед ее отправкой в Америку. — *179.*

[62] *«L'Independance belge»* («Независимость Бельгии») — ежедневная буржуазная газета, основана в Брюсселе в 1831 году; орган либералов. — *179.*

[63] *«The Times»* («Времена») — крупнейшая английская ежедневная газета консервативного направления; выходит в Лондоне с 1785 года. — *179.*

[64] *Парижский договор* (трактат) — мирный договор, подписанный 30 марта 1856 г. на Парижском конгрессе представителями Франции, Англии, Австрии, Сардинии, Пруссии и Турции, с одной стороны, и России — с другой, и завершивший Крымскую войну 1853—1856 годов. Россия, потерпевшая поражение в войне, должна была уступить устье Дуная и часть южной Бессарабии, отказаться от протектората над Дунайскими княжествами и от покровительства над христианскими подданными Турции, согласиться на нейтрализацию Черного моря, означавшую закрытие проливов для прохода иностранных военных судов и запрещение России и Турции иметь на Черном море военно-морские арсеналы и военный флот; в обмен на Севастополь и другие города, захваченные союзниками в Крыму, Россия возвращала Турции Каре. Несмотря на тяжелые для России условия мира Англии и Австрии все же не удалось в полной мере осуществить свои агрессивные замыслы. Одним из обстоятельств, повлиявших на исход переговоров, было умелое использование русской дипломатией англо-французских противоречий. На конгрессе Франция не поддержала требования Англии об отторжении Кавказа от России и требования Австрии о присоединении Бессарабии к Турции. Наметившееся на конгрессе сближение между Францией и Россией в дальнейшем усилилось. — *180.*

[65] *Верховная вента итальянских карбонариев* — руководящий орган тайного заговорщического общества карбонариев, возникшего в начале XIX в. и ставившего своей целью изгнание из Италии чужеземных захватчиков и проведение буржуазных реформ. В 1831 г., находясь в Италии, Луи Бонапарт примкнул к обществу карбонариев и непродолжительное время принимал участие в его деятельности. — *180.*

[66] *Эпсом* — пригород Лондона, где ежегодно весной проводились скачки. — *180.*

[67] Имеются в виду письма Феличе Орсини от 11 февраля и 10 марта 1858 г., адресованные, согласно официальной версии, Наполеону III из тюрем Мазас и Ля-Рокет, куда итальянский патриот был заключен после неудавшегося покушения на Наполеона III. Первое из этих писем было оглашено на процессе Орсини и затем 27 февраля 1858 г. опубликовано в «Moniteur»; второе письмо было опубликовано после казни Орсини. Достоверность факта обращения Орсини к Луи-Наполеону с данными письмами до сих пор подвергается сомнению в исторической литературе. — *180.*

[68] *Credit Foncier* (Поземельный кредит) — французский акционерный банк. Учрежден в 1852 г. на базе бывшего парижского Поземельного банка. Credit Foncier предоставлял краткосрочные и долгосрочные ссуды (сроком до 50 лет) под залог недвижимой собственности с уплатой определенного процента. Credit Foncier получал значительную субсидию от правительства. — *181.*

[69] *Германский союз* — объединение немецких государств, созданное в 1815 г. Венским конгрессом и первоначально включавшее в свой состав 34 государства и 4 вольных города. Между двумя крупнейшими государствами Союза Австрией и Пруссией шла непрерывная борьба за главенство. — *182.*

[70] Намек на генеральный смотр войскам на равнине Сатори (близ Версаля) 10 октября 1850 г., устроенный Луи Бонапартом, в то время президентом Французской республики. Во время смотра Бонапарт, готовивший государственный переворот, организовал угощение солдат и офицеров, чтобы завоевать их расположение. — *185.*

[71] Речь идет о предпринятых в период Июльской монархии попытках Луи Бонапарта произвести государственный переворот путем военного мятежа. 30 октября 1836 г. ему удалось с помощью нескольких бонапартистски настроенных офицеров поднять два артиллерийских полка страсбургского гарнизона, однако уже через несколько часов мятежники были обезоружены. Сам Луи Бонапарт был арестован и выслан в Америку. 6 августа 1840 г., используя некоторое оживление бонапартистских настроений во Франции, он высадился с кучкой заговорщиков в Булони и пытался поднять мятеж среди войск местного гарнизона. Эта попытка также окончилась полным провалом. Бонапарт был приговорен к пожизненному тюремному заключению, но бежал в 1846 г. в Англию. — *185.*

[72] *«Le Constitutionnel»* («Конституционалистская газета») — французская ежедневная буржуазная газета; выходила в Париже с 1815 по 1870 год; в 40-х годах — орган умеренного крыла орлеанистов; в период революции 1848 г. выражала взгляды контрреволюционной буржуазии, группировавшейся вокруг Тьера; после государственного переворота в декабре 1851 г. — бонапартистская газета. — *186.*

[73] Намек на брак Наполеона I с дочерью австрийского императора Марией-Луизой, заключенный по политическим соображениям. — *186.*

[74] Имеется в виду соглашение, заключенное в июле 1858 г. в Пломбьере (Франция) во время встречи Наполеона III с премьер-министром Пьемонта Кавуром. Соглашение предусматривало ликвидацию австрийского господства в Ломбардии и Венеции, создание североитальянского государства во главе с Савойской династией и уступку Пьемонтом Франции Савойи и Ниццы. Соглашение оставалось секретным до января 1859 года. — *187.*

[75] *Пале-Рояль* — дворец в Париже, в 50-х годах служил резиденцией принца Жозефа Бонапарта (Плон-Плона). — *187.*

[76] *«La Presse»* («Пресса») — французская ежедневная буржуазная газета, выходила в Париже с 1836 года; в 50-х годах находилась в оппозиции

к режиму Второй империи; редактором газеты был Эмиль де Жирарден. Маркс иронически называет эту газету «Moniteur»'ом Плон-Плона, т. е. его официальным вестником. — *187.*

[77] Заключительным актом Венского конгресса 9 июня 1815 г. Франция была возвращена к границам 1792 г. и поставлена под строгий надзор держав. По этому акту Франции были запрещены территориальные приобретения в Европе, однако не было сделано оговорок в отношении Северной Африки и других территорий, ставших объектом ее захватнической колониальной политики. — *188.*

[78] Имеется в виду статья, опубликованная за подписью французского журналиста Л. Бонифаса в газете «Constitutionnel» № 30, 30 января 1859 года. — *189.*

[79] *«Le Courrier des Etats-Unis»* («Вестник Соединенных Штатов Америки») — ежедневная газета на французском языке, издавалась в Нью-Йорке с 1828 по 1938 год; выражала позицию французского правительства. — *189.*

[80] Имеется в виду Крымская война 1853—1856 годов. — *190.*

[81] *Зуавы* — французские колониальные войска, комплектовавшиеся с 1830 г. в Алжире из местных жителей и французских колонистов, а позже исключительно из французов. Местные жители были выделены в особые полки *алжирских стрелков.*

Зефиры — неофициальное название африканских пехотных частей французской армии, комплектовавшихся из лиц, совершивших преступления. — *191.*

[82] Гвардия была создана Наполеоном III в 1854 г. по образцу императорской гвардии Наполеона I, распущенной в 1815 году. — *193.*

[83] *Военная граница* — так назывались в XVI—XIX веках южные области Австрийской империи (Словения, Хорватия, Славония и Банат), жители которых — граничары — обязаны были нести военную пограничную службу за пользование землей. — *196.*

[84] Имеется в виду участие славянских контингентов в штурме революционной Вены, предпринятом австрийской армией 30 октября — 1 ноября 1848 года. — *198.*

[85] Вооруженные силы Швейцарии комплектовались на основе милиционной системы; все способные к военной службе граждане в мирное время привлекались на короткие сроки для обучения, а в случае войны объявлялась всеобщая мобилизация. — *199.*

[86] *Базельский мирный договор* был заключен сепаратно 5 апреля 1795 г. между Францией и Пруссией, участвовавшей в первой антифранцузской коалиции. Заключение этого договора явилось следствием не только побед французской армии, но и разногласий между членами коалиции и прежде всего между Пруссией и Австрией.

В битве при *Йене* 14 октября 1806 г. прусские войска были разбиты войсками Наполеона I, что повлекло за собой капитуляцию Пруссии перед наполеоновской Францией.

О битве при *Аустерлице* см. примечание 52.

В битве при *Ваграме* 5—6 июля 1809 г. Наполеон I одержал решительную победу над австрийцами. — *201.*

[87] Перечислены сражения начальной стадии итальянской кампании Бонапарта в 1796—1797 гг., предпринятой в войне против первой антифранцузской коалиции. Начав в апреле 1796 г. наступление из Ниццы через горные проходы в долину реки По, армия Бонапарта 12 апреля нанесла поражение группе австрийских войск при *Монтенотте.* Другая группа австрийцев, действовавшая в составе союзной им пьемонтской армии, была разбита войсками Бонапарта 13—14 апреля при *Миллезимо,* а 14—15 апреля французы разгромили при *Дего* посланный в помощь этой группе австрийский отряд. Решающее сражение с пьемонтской армией произошло при *Мондови 22* апреля 1796 г., после чего пьемонтцы беспорядочно отступили к Турину. — *202.*

[88] Осада *Мантуи* была начата Бонапартом в июне 1796 года. Основная часть боевых сил Бонапарта вела действия против австрийских войск, пытавшихся деблокировать крепость. 5 августа 1796 г. Бонапарт нанес поражение австрийской армии под командованием Вурмзера при *Кастильоне;* в первой половине сентября 1796 г. Бонапарт наносит новое поражение армии Вурмзера в долине реки *Бренты;* 15—17 ноября 1796 г. в сражении при *Арколе* французы разбили новую австрийскую армию, посланную на выручку Мантуи; 14—15 января 1797 г. при *Риволи* Бонапарт выиграл у австрийцев еще одно сражение. 2 февраля 1797 г. после 9-месячной осады Мантуя капитулировала. — *202.*

[89] Осада *Данцига* (Гданьска) была начата наполеоновскими войсками в марте 1807 г., в период войны Наполеона I с четвертой антифранцузской коалицией европейских держав. Гарнизон крепости, состоявший из прусских войск и союзного русского отряда, упорно сопротивлялся. Действия гарнизона были поддержаны неоднократными попытками другого русского отряда сорвать блокаду. Крепость была сдана на почетных условиях превосходящим силам противника лишь в конце мая 1807 года. — *202.*

[90] Сражение при *Мариньяно* 13—14 сентября 1515 г. является одним из наиболее значительных в войнах, которые вели Франция, Испания и Германская империя в Италии в 1494—1559 годах; армия французского короля Франциска I нанесла в нем поражение швейцарским наемникам герцога Миланского. 24 февраля 1525 г. войска Франциска I потерпели поражение при *Павии* от армии германского императора Карла V.

В 1706 г. в сражении при *Турине* итальянцы разгромили французскую армию, осаждавшую город в течение 117 дней.

В сражении при *Нови* 4 (15) августа 1799 г. русско-австрийские войска под командованием А. В. Суворова разбили французскую армию Жубера, завершив изгнание французской армии из Северной Италии.

В сражении при *Маренго* 14 июня 1800 г. армия Бонапарта нанесла австрийским войскам поражение.

При *Кустоце* 25 июля 1848 г. австрийская армия под командованием Радецкого нанесла тяжелое поражение пьемонтцам.

О сражении при *Новаре* см. примечание 50. — *202.*

[91] В оригинале игра слов: «captain» означает «полководец», а также «капитан». Под бывшим капитаном швейцарской артиллерии подразумевается Луи Бонапарт, который долгое время проживал в Швейцарии, принял швейцарское гражданство и в 1834 г. был зачислен капитаном артиллерийского полка кантона Берн. — *203.*

[92] В 1830 г. французское правительство начало захватническую колониальную войну в Алжире, которая с перерывами продолжалась 40 лет, так как колонизаторы встретили упорное сопротивление алжирского народа. Лишь в 1871 г. французской буржуазии удалось завершить превращение Алжира в свою колонию. — *206.*

[93] Имеется в виду кампания 1800 г. в Италии. Главнокомандующий австрийскими войсками Мелас вначале успешно атаковал правый фланг французских войск у реки Вар, однако во второй половине мая 1800 г. Бонапарт перешел через Альпы и вышел в тыл австрийской армии. После взятия 2 июня Милана и переправы французов на южный берег По австрийская армия была разгромлена 14 июня 1800 г. при Маренго. — *208.*

[94] Имеется в виду: «Reports of the Inspectors of Factories to Her Majesty's Principal Secretary of State for the Home Department, for the Half Year ending 31st October 1858». London, 1858 («Отчеты фабричных инспекторов министру внутренних дел ее величества за полугодие, истекшее 31 октября 1858 года». Лондон, 1858). — *210.*

[95] Сражения у *Абенсберга* и *Экмюля* — этапы пятидневного сражения в районе Регенсбурга (Бавария) в апреле 1809 г. между армией Наполеона I и австрийскими войсками во время австро-французской войны 1809 года. Регенсбургское сражение окончилось поражением и отходом австрийской армии. — *222.*

[96] 23 июля 1848 г. в сражении при *Соммакампаньи* австрийские войска под командованием Радецкого нанесли поражение пьемонтцам, это сражение непосредственно предшествовало разгрому пьемонтской армии при Кустоце. — *222.*

[97] Помимо настоящей статьи Маркс посвятил биллю 1859 г. о парламентской реформе еще две статьи, написанные 22 марта и 1 апреля 1859 г., но они не были напечатаны в «New-York Daily Tribune» и не дошли до нас. — *223.*

[98] *Билль Лока Кинга,* внесенный в палату общин в феврале 1851 г., предусматривал снижение избирательного ценза для лиц, арендующих земельные участки, с 50 до 10 ф. ст. ежегодного дохода и уравнивал их, таким образом, в правах со съемщиками домов в городах; билль был отвергнут парламентом. — *223.*

[99] *Фригольдеры* — одна из категорий мелких землевладельцев в Англии, которая вела свое начало от средневековых «свободных держателей». Фригольдеры платили лорду незначительную фиксированную денежную ренту и имели право свободно распоряжаться своими земельными участками. Для фригольдеров был установлен низкий имущественный избирательный ценз в 40 шиллингов (2 ф. ст.) чистого годового дохода. — *223.*

[100] Реформа избирательного права, принятая английской палатой общин в 1831 г. и окончательно утвержденная палатой лордов в июне 1832 г., была направлена против политической монополии земельной и финансовой аристократии, она открыла доступ в парламент представителям промышленной буржуазии. Пролетариат и мелкая буржуазия, которые являлись главной силой в борьбе за реформу, были обмануты и не получили избирательных прав. Статья, предусматривающая предоставление избирательного права лишь тем арендаторам земельных участков в графствах, которые уплачивали арендную плату не менее 50 ф. ст. в год, была внесена в виде поправки к биллю герцогом Чандосом (Гренвиллом). — *222.*

[101] В феврале 1852 г. Джон Рассел сделал предварительное заявление о внесении билля об избирательной реформе. Предусматриваемые биллем меры — ликвидация сохранившихся и после реформы 1832 г. так называемых «гнилых местечек» с числом жителей менее чем 500 человек, посылавших депутатов в парламент, и перераспределение депутатских мест в пользу крупных городов, а также понижение избирательного и имущественного ценза — были рассчитаны на усиление политической власти промышленной буржуазии; билль, однако, так и не был поставлен на обсуждение парламента.

В феврале 1854 г. Джон Рассел внес новый билль, в котором предлагалось уравнение сельских и городских избирательных округов, предоставление права голоса всем лицам, получающим ежегодно не менее 100 ф. ст. жалованья, либо не менее 10 ф. ст. дивидендов от государственных ценных бумаг, банковских акций или акций Ост-Индской компании, либо же имеющим не менее 50 ф. ст. сбережений в сберегательных кассах; предлагалось также дать право голоса лицам с университетским дипломом. Этот проект Джона Рассела был отвергнут палатой общин. — *224.*

[102] Имеется в виду билль об управлении Индией, автором которого был Элленборо. Билль, внесенный весной 1858 г., предусматривал создание совета по делам Индии путем чрезвычайно сложной процедуры избрания представителей от различных слоев английского населения. Билль был отвергнут парламентом. — *225.*

[103] *Лизгольдеры* — держатели земли на правах аренды, срок и условия которой определялись договором между лендлордом и арендатором. Лизгольдерами могли быть и мелкие землевладельцы. — *225.*

[104] Имеется в виду *«The London Gazette»* («Лондонская газета») — английский правительственный орган; выходит под данным названием 2 раза в неделю с 1666 года. — *227.*

[105] При втором чтении в марте — начале апреля 1859 г. билль об избирательной реформе не собрал большинства голосов и был отвергнут палатой общин. — *227.*

[106] Имеется в виду закон 1844 г., который запрещал нанимать на фабрики детей моложе 8 лет и ограничивал рабочее время детей от 8 до 13 лет $6^1/_2$ часами. Этот закон подтверждал также с некоторыми изменениями установленное законом 1833 г. обязательное обучение детей. — *228.*

[107] Речь идет об изменениях закона 1833 г. в связи с принятием закона 1844 г., по которому детям в возрасте свыше 11 лет, работающим в шелковом производстве, разрешалось не посещать школу. — *229.*

[108] Работа *«По и Рейн»* была написана Ф. Энгельсом в связи с надвигавшимся конфликтом в Италии и необходимостью определить — в противовес точке зрения буржуазии, в первую очередь немецкой — позицию пролетарских революционеров и европейской демократии по вопросу о путях воссоединения Германии и Италии. В этом произведении Энгельс ставил также задачу разоблачить и доказать несостоятельность с военно-стратегической точки зрения различных шовинистических теорий, используемых правящими кругами европейских государств для оправдания политики агрессии и захватов.

Задуманная в феврале работа уже к 9 марта была написана Энгельсом и рукопись отослана Марксу для просмотра. Ознакомившись с работой, Маркс дал ей высокую оценку. «Удивительно умно, — писал он Энгельсу 10 марта 1859 г., — прекрасно обработана и политическая сторона вопроса, что было чертовски трудно». По совету Маркса работа, чтобы избежать заговора молчания, была издана в Германии анонимно. Она вышла в свет в апреле 1859 г. в Берлине в издательстве Дункера тиражом в 1000 экземпляров. Работа оказала большое влияние на общественное мнение в Германии. Она имела успех также в военных кругах; многие полагали, что автором является один из видных генералов. В мае 1859 г. Маркс и Энгельс сочли необходимым дать понять широкой публике, из каких кругов исходила работа, поместив в № 2 газеты «Volk» указание, что ее автор — видный деятель пролетарской партии; имя Энгельса было названо несколько позже, 4 июня, в № 5 газеты. — *233.*

[109] Имеется в виду выступление Радовица 12 августа 1848 г. на заседании германского Национального собрания; с 18 мая 1848 по 30 мая 1849 г. заседания Собрания происходили в соборе св. Павла во Франкфурте-на-Майне. — *286.*

[110] W. Willisen. «Der Italienische Feldzug des Jahres 1848». Berlin, 1849. — *236.*

[111] По Вестфальскому мирному договору 1648 г., которым закончилась Тридцатилетняя война, Эльзас и часть Лотарингии, принадлежавшие до того Габсбургам, были переданы Франции, вся Лотарингия отошла к Франции в 1766 году. — *237.*

[112] *Священная Римская империя германской нации* — средневековая империя, основанная в 962 г. и охватывавшая территорию Германии и частично Италии. Впоследствии в состав Империи входили также некоторые французские земли, Чехия, Австрия, Нидерланды, Швейцария и другие страны. Империя не была централизованным государством и представляла собой непрочное объединение феодальных княжеств и вольных городов, признававших верховную власть императора. Империя прекратила свое существование в 1806 г., когда после поражения в войне с Францией Габсбурги были вынуждены отказаться от титула императоров Священной Римской империи. — *237.*

[113] Имеются в виду Южные Нидерланды (современные Бельгия и Люксембург), которые с 1714 по 1797 г. входили в состав владений

австрийских Габсбургов и были известны в этот период под названием Австрийских Нидерландов. — *237.*

[114] Имеется в виду подражание *континентальной системе* Наполеона I (см. примечание 37). — *237.*

[115] См. примечание 90. — *239.*

[116] *Семилетняя война* (1756—1763) — война между двумя коалициями европейских государств: англо-прусской, с одной стороны, и франко-русско-австрийской, с другой. Война была вызвана столкновением интересов феодально-абсолютистских держав (Пруссии, Австрии, России, Франции) и колониальным соперничеством Франции и Англии. Результатом войны было расширение британской колониальной империи за счет французских владений и рост могущества России; Австрия и Пруссия сохранили в основном прежние границы. — *247.*

[117] Термин, которым пользуется Жомини в своей книге «Precis de l'art de la guerre, ou Nouveau tableau analytique des principales combinaisons de la strategie, de la grande tactique et de la politique militaire» («Очерки военного искусства, или Новый аналитический перечень комбинирования стратегии, большой тактики и военной политики»). Первое издание книги вышло в Париже в 1838 году. — *248.*

[118] См. примечание 43. — *250.*

[119] В мартовские дни 1848 г. под давлением народных масс, поднявшихся по всей Италии на борьбу против австрийского господства, папа Пий IX и неаполитанский король Фердинанд II вынуждены были отправить в Северную Италию войска для участия в борьбе против австрийцев; однако участие этих войск в освободительной войне было кратковременным, вскоре Фердинанд II и Пий IX открыто перешли в лагерь врагов итальянской революции. — *250.*

[120] 15 мая 1848 г. неаполитанский король Фердинанд II совершил контрреволюционный переворот, жестоко подавив народное восстание в Неаполе. Корпус неаполитанских войск, находившийся в Ломбардии для оказания помощи революционной армии, был отозван Фердинандом II в Неаполь, что облегчило положение Радецкого в Северной Италии. — *251.*

[121] Перечислены сражения итальянской кампании Бонапарта 1796— 1797 гг., имевшие место во время осады Мантуи (см. примечание 88): при *Медоле* австрийцы потерпели поражение от французов; под *Бассано* 8 сентября 1796 г. Бонапарт нанес поражение австрийским войскам под командованием Вурмзера; в результате сражения при *Каллиано* 6—7 ноября 1796 г. французские войска были оттеснены австрийцами к Риволи. — *253.*

[122] Имеется в виду национально-освободительная борьба против наполеоновского гнета, которую вело в 1809 г. тирольское крестьянство под предводительством Андреаса Гофера. В этой повстанческой войне тирольцы широко применяли партизанские методы ведения войны в горах. После заключения в октябре 1809 г. австрийским правительством мира с наполеоновской Францией, тирольские крестьяне,

не получив поддержки со стороны австрийских регулярных войск, были в 1810 г. разгромлены французами и итальянцами. — *253.*

[123] Речь идет о сражении при *Гогенлиндене,* имевшем место 3 декабря 1800 г. в период войны Франции против второй коалиции европейских держав. Французская армия под командованием Моро нанесла поражение австрийской армии эрцгерцога Иоганна. — *253.*

[124] Имеется в виду книга: Bulov. «Histoire de la campagne de 1800 en Allemagne et en Italie» (Бюлов. «История кампании 1800 г. в Германии и Италии»). Первое издание книги вышло на немецком языке в Берлине в 1801 году. — *253.*

[125] Имеется в виду национально-освободительная борьба испанского народа против французских оккупантов в 1808—1814 годах. В борьбе против наполеоновских войск испанцы особенно широко применяли партизанские методы ведения войны в горах. — *255.*

[126] *Рейнский союз* — объединение немецких государств Южной и Западной Германии, основанное под протекторатом Наполеона I в июле 1806 года. Создание такого военно-политического оплота в Германии удалось Наполеону в результате разгрома Австрии в 1805 году. В состав союза вошло 16, а затем еще 5 государств, которые стали фактически вассалами наполеоновской Франции. Союз распался в 1813 г. после поражений наполеоновской армии в Германии. — *256.*

[127] По заключенному 26 декабря 1805 г. в *Пресбурге* (Братиславе) мирному договору между Францией и Австрией последняя признавала захват Францией части итальянской территории (Пьемонт, Генуя, Парма, Пиаченца и др.) и уступала Итальянскому королевству (то есть Наполеону I, ставшему королем Италии) Адриатическое побережье — Венецианскую область, Истрию и Далмацию, сохранив за собой только Триест. Тироль Наполеон передал союзной Баварии. — *256.*

[128] Имеется в виду стремительное и почти беспрепятственное продвижение французских войск под командованием Наполеона I в Пруссии после победы над пруссаками 14 октября 1806 г. при Йене и Ауэрштедте; уже 28 октября французы вступили в Штеттин (Щецин). — *261.*

[129] В 321 г. до н. э. во время второй Самнитской войны самниты нанесли в Кавдинском ущелье близ древнеримского города Кавдия поражение римским легионам и вынудили их пройти под «ярмом», что считалось наивысшим позором для побежденной армии. Отсюда выражение «пройти через Кавдинское ущелье», то есть подвергнуться крайнему унижению. — *261.*

[130] Имеются в виду революционные события начала 20-х годов XIX в. в Италии. В Неаполе в июле 1820 г. буржуазные революционеры-карбонарии подняли восстание против абсолютистского режима и добились введения умеренно-либеральной конституции. В марте 1821 г. произошло восстание в Пьемонте. Возглавлявшие его либералы провозгласили конституцию и сделали попытку использовать движение против австрийского господства в Северной Италии для объединения страны под властью правившей в Пьемонте Савойской династии. В результате вмешательства держав Священного союза и оккупации

Неаполя и Пьемонта австрийскими войсками в обоих государствах были восстановлены абсолютистские порядки. — *262.*

[131] К осени 1808 г., когда Наполеон I прибыл в Эрфурт для переговоров с русским императором Александром I, почти вся Германия была подчинена Франции, одна только Австрия еще оказывала сопротивление Наполеону. Съехавшиеся в Эрфурт для того, чтобы выразить свою преданность Наполеону, немецкие князья дали согласие на совместное выступление против Австрии.

В мае и в октябре 1850 г. в Варшаве состоялись конференции с участием России, Австрии и Пруссии, созванные по инициативе русского императора в связи с обострением борьбы между Австрией и Пруссией за гегемонию в Германии. На конференциях русский император выступил в роли арбитра в споре между Австрией и Пруссией и, используя свое влияние, заставил последнюю отказаться от попытки создания политического объединения германских государств под своей эгидой.

Сражением при *Бронцеллв* здесь иронически называется незначительная стычка между прусским и австрийским передовыми отрядами 8 ноября 1850 г. во время восстания в Кургессене (Гессен-Касселе); Пруссия и Австрия оспаривали друг у друга право вмешательства во внутренние дела Кургессена с целью подавления восстания. В этом конфликте с Пруссией Австрия снова получила дипломатическую поддержку России, и Пруссии пришлось уступить. — *263.*

[132] Имеется в виду взятие Парижа войсками антинаполеоновской коалиции 30—31 марта 1814 г. и 6—8 июля 1815 года. — *266.*

[133] Сражение при *Ауденарде* произошло 11 июля 1708 г. во время войны за Испанское наследство. Французские войска потерпели поражение от союзных англо-австрийских войск.

При *Жемапв* 6 ноября 1792 г. французская революционная армия под командованием Дюмурье одержала крупную победу над австрийцами. В сражении при *Флёрюсе* 26 июня 1794 г. французские войска разбили войска герцога Кобургского. Эта победа дала возможность французам вступить в пределы Бельгии и занять ее.

При *Линьи* 16 июня 1815 г. прусские войска под командованием Блюхера потерпели поражение от французской армии Наполеона. Это было последнее сражение, выигранное Наполеоном I. В сражении при *Ватерлоо* 18 июня 1815 г. армия Наполеона была разбита союзными англо-голландскими и прусскими войсками под командованием Веллингтона и Блюхера. — *269.*

[134] Имеются в виду победы Наполеона I над превосходящими его по численности войсками шестой антифранцузской коалиции в феврале — марте 1814 г. в сражениях при Монмирай, Шато-Тьерри, Реймсе и др. — *270.*

[135] *Везель, Кастель* и *Кель* были присоединены к Франции в 1808 году; эти укрепленные пункты на Рейне были возвращены Пруссии после разгрома наполеоновской Франции союзными войсками. — *271.*

[136] *Дания до Эйдера!* — лозунг, выдвинутый датской либеральной партией 40—60-х годов XIX в. (эйдердатчанами), требовавшей полного слияния с Данией населенного преимущественно немцами герцогства

Шлезвиг, которое было отделено от соседних немецких областей рекой Эйдер. — *276.*

[137] *Рейс-Грейц-Шлейц-Лобенштейн* — иронический намек на немецкие карликовые государства, известные под официальными названиями Рейс младшей линии и Рейс старшей линии. — *276.*

[138] По решению Венского конгресса 1815 г. Бельгия и Голландия вошли в состав единого королевства — Нидерландов, при этом Бельгия фактически была подчинена Голландии. В результате буржуазной революции 1830 г. Бельгия стала самостоятельной конституционной монархией. — *277.*

[139] Намек на воинственные выступления, в духе великодержавной прусской политики, немецкого буржуазного публициста Г. Ф. Кольба на страницах редактируемой им в 1859—1866 гг. буржуазно-демократической «Neue Frankfurter Zeitung» («Новой франкфуртской газеты»). — *278.*

[140] Слова из инструкции Фридриха II для генерал-майоров кавалерии от 14 августа 1748 года. — *278.*

[141] Во время Семилетней войны (1756—1763) в сражении при *Росбахе* 5 ноября 1757 г. войска прусского короля Фридриха II нанесли поражение объединенным силам французов и враждебных Пруссии немецких государств. При *Цорндорфе* 25 (14) августа 1758 г. Фридрих II дал сражение русской армии, в результате которого обе армии понесли серьезные потери, не добившись успеха.

В сражении при *Хоэнфридеберге* 4 июня 1745 г. во время войны за Австрийское наследство (1740—1748) прусские войска под командованием Фридриха I нанесли поражение австрийско-саксонским войскам. Крупную роль во всех этих сражениях играла прусская конница. — *279.*

[142] *Священный союз* — реакционное объединение европейских монархов, основанное в 1815 г. царской Россией, Австрией и Пруссией для подавления революционных движений в отдельных странах и сохранения там феодально-монархических режимов. — *279.*

[143] Имеется в виду вышедшая анонимно брошюра бонапартиста Ла Героньера: «L'Empereur Napoleon III et l'Italie». Paris, 1859 («Император Наполеон III и Италия». Париж, 1859). — *280.*

[144] В конце 1858 — начале 1859 гг. на Ионических островах, над которыми в 1815 г. был установлен британский протекторат, усилилось национально-освободительное движение среди местного населения, требовавшего упразднения неограниченной власти британского лорда-верховного комиссара над островами и присоединения к Греции. Продолжавшаяся с 1815 г. борьба завершилась в 1864 г. передачей Ионических островов Греции.

В Индии в 1857—1859 гг. происходило крупнейшее народное восстание против английского владычества. Восстание вспыхнуло весной 1857 г. среди так называемых синайских частей бенгальской армии, вербовавшихся из местных жителей, и охватило крупнейшие районы в Северной и Центральной Индии. Основной движущей силой

восстания было крестьянство и ремесленная беднота городов. Руководимое местными феодалами восстание потерпело поражение из-за феодальной раздробленности Индии, религиозных и кастовых различий, а также ввиду военно-технического превосходства колонизаторов. — *280.*

[145] Представление Энгельса об исторических судьбах малых народов, его мнение о том, что они, как правило, не способны к самостоятельному национальному существованию и неизбежно должны быть в ходе централизации поглощены более крупными и жизнеспособными нациями, было неточным. Правильно подметив свойственную капитализму тенденцию к централизации, к созданию крупных государств, Энгельс не учитывал в должной мере другой тенденции — борьбы малых народов против национального гнета за свою независимость, их стремления к созданию собственной государственности. Как показала история, ряд малых народов, и прежде всего славянские народы, входившие раньше в состав Австрийской империи, не только обнаружили способность к самостоятельному национальному развитию, но стали участниками создания нового общественного, социалистического строя (подробно об этом см. предисловия к 6, 8 и 11 томам настоящего издания). — *281.*

[146] Настоящая и следующая за ней статья «Вздох из Тюильри» были написаны Марксом как одна статья, но помещены редакцией «New-York Daily Tribune» в виде двух самостоятельных передовых в разных номерах газеты. — *282.*

[147] Имеется в виду статья, опубликованная в неофициальном разделе газеты «Moniteur» 5 марта 1859 г. и перепечатанная в «New-York Daily Tribune». — *282.*

[148] Французская дипломатия использовала стремление княжеств Молдавии и Валахии к слиянию в единое государство для укрепления влияния империи Наполеона III на Балканах. В январе 1859 г. господарем (правителем) обоих княжеств при содействии Франции, а также России был избран полковник Александру Куза. Единое Румынское государство было создано в 1862 году. — *283.*

[149] Имеется в виду письмо Наполеона III английскому писателю Фрэнсису Хеду, опубликованное в газете «Times» 5 марта 1859 года. — *284.*

[150] Намек на книгу Ф. Хеда «Мыльные пузыри из нассауского источника», вскоре после издания которой он получил титул баронета. — *284.*

[151] Намек на пребывание принца Луи Бонапарта в Англии в качестве эмигранта в 1838—1840 и 1846—1848 годах. — *284.*

[152] Имеются в виду неудачные попытки Луи Бонапарта поднять мятеж во французской армии, предпринятые в 1836 и 1840 годах (см. примечание 71). — *285.*

[153] В феврале 1846 г. готовилось восстание в польских землях с целью национального освобождения Польши. Главными инициаторами восстания были польские революционные демократы (Дембовский и другие). Однако, в результате предательства со стороны шляхетских элементов и ареста руководителей восстания прусской полицией, общее

восстание было сорвано и произошли лишь отдельные революционные вспышки. Только в Кракове, подчиненном с 1815 г. совместному контролю Австрии, России и Пруссии, повстанцам удалось 22 февраля одержать победу и создать Национальное правительство, выпустившее манифест об отмене феодальных повинностей. Восстание в Кракове было подавлено в начале марта 1846 года. В ноябре 1846 г. Австрия, Пруссия и Россия подписали договор о присоединении Кракова к Австрийской империи. — *288.*

154 Имеется в виду острый финансовый кризис в Австрии в 1848 г., выразившийся в колоссальном росте государственного долга, обесценении валюты и массовом выпуске бумажных денег. — *288.*

155 Речь идет об антиавстрийском заявлении Наполеона III на новогоднем приеме 1 января 1859 г. (см. примечание 44). — *288.*

156 В феврале 1858 г. под влиянием угроз со стороны французского правительства, обвинявшего Англию в предоставлении убежища политическим эмигрантам, Пальмерстон внес в палату общин *билль об иностранцах,* согласно которому последние, наряду с англичанами, сурово карались за участие в заговорах. Под давлением массового движения протеста билль был отклонен палатой общин, а Пальмерстон был вынужден уйти в отставку. — *289.*

157 *Даунинг-стрит* — улица в центре Лондона, на которой расположена официальная резиденция английского правительства. — *289.*

158 В 1852 г. французское правительство разработало план иммиграции негров из Африки, в том числе из африканских владений Португалии, для работы на плантациях во французских колониях в Вест-Индии. Осуществление этого плана, фактически восстанавливавшего работорговлю, привело к конфликту между Францией и Португалией. Задержание в ноябре 1857 г. в португальских владениях у берегов восточной Африки французского корабля «Шарль и Жорж», на борту которого находились негры, вызвало шумные отклики в европейской прессе. — *289.*

159 *Люневильским миром* 1801 г. между Францией и Австрией и *Амьенским миром* 1802 г. между Францией и Англией завершилась война Франции со второй антифранцузской коалицией. Однако мир оказался весьма непродолжительным. Невыполнение Англией одного из условий Амьенского мира, предусматривавшего эвакуацию оккупированного ею в 1800 г. острова Мальта и передачу его под коллективную охрану великих держав, Наполеон I использовал как предлог для возобновления войны. На приеме в Тюильри в марте 1803 г. Наполеон закончил беседу с английским послом лордом Уитвортом резким окриком: «Мальта или война!». — *289.*

160 Осенью 1858 г. Пальмерстон, возглавлявший в то время оппозицию вигов торийскому кабинету Дерби-Дизраэли, был приглашен Наполеоном III в Компьен для выяснения его позиции в предстоящей войне Франции против Австрии. При встрече Пальмерстон не возражал против изгнания австрийцев из Италии. Однако в речи 3 февраля 1859 г., при открытии парламента, Пальмерстон осудил действия Франции. — *289.*

[161] Младшие сыновья английских герцогов получали титул лорда «благодаря любезности» («by courtesy»), т. е. носили его лишь по обычаю, не имея по закону прав на наследование этого титула и на членство в палате лордов. Выражение «by courtesy» употребляется по отношению ко всему, что гарантировано не правом, а милостью или обычаем. — *290.*

[162] 15 июля 1840 г. Англия, Россия, Австрия и Пруссия без участия Франции подписали в Лондоне конвенцию об оказании помощи турецкому султану против египетского правителя Мухаммеда-Али, которого поддерживала Франция. В результате заключения конвенции нависла угроза войны между Францией и коалицией европейских держав, однако король Луи-Филипп не решился на войну и отказался от поддержки Мухаммеда-Али. — *290.*

[163] В своей ноте от 22 февраля 1859 г., адресованной Пруссии и сообщенной другим немецким государствам, входившим в Германский союз, Австрия призывала Пруссию выполнить свои союзнические обязательства и принять участие в предстоящей борьбе против Франции. — *291.*

[164] Намек на тайное общество итальянских карбонариев (см. примечание 65).

Vehme (феме) называли тайные суды в средневековой Германии, выносившие приговоры в порядке секретного разбирательства, в отсутствие обвиняемого, и сами тайно исполнявшие их. — *291.*

[165] Имеется в виду Австрия, заключившая в 1855 г. конкордат с римским папой Пием IX. По этому соглашению был восстановлен целый ряд привилегий католической церкви, отмененных во время революции 1848—1849 годов. Епископы вновь получили право непосредственно сноситься с Римом, устанавливалась высшая духовная цензура, под надзор церкви было поставлено преподавание в учебных заведениях. Для контроля за исполнением конкордата в Вене был учрежден особый духовный совет под председательством папского нунция. — *293.*

[166] *Ламбесса* (Ламбез) — французская исправительная колония, основанная на развалинах одноименного древнеримского города в Северной Африке; с 1851 по 1860 г. являлась местом ссылки политических заключенных.

Кайенна — город во Французской Гвиане (Южная Америка), место каторги и ссылки политических заключенных. — *294.*

[167] О Варшавских конференциях и о Бронцелльском сражении см. примечание 131.

Шлезвиг-гольштейнский вопрос был одной из причин обострения австро-прусских отношений в 1848—1850 годах. В Шлезвиг-Гольштейне с марта 1848 г. шла национально-освободительная война против Дании, в которой на стороне повстанцев принимала участие Пруссия. Австрия в этот период вместе с другими европейскими державами выступила в поддержку Датской монархии и оказала давление на Пруссию, заставив ее заключить мир с Данией в июле 1850 года. Зимой 1851 г. войска Германского союза, в состав которых входили

австрийские части, предприняли карательные действия против повстанцев, вынудив их сложить оружие.

Во время Крымской войны (1853—1856) Пруссия, лавировавшая между Россией и западными державами, должна была в 1854 г. под давлением Австрии, а также Англии и Франции, присоединиться к австрийскому требованию об эвакуации русскими войсками Дунайских княжеств и в конце войны поддержать австрийский ультиматум России, побудивший царское правительство принять условия союзников в качестве основы для мирных переговоров. — *294.*

[168] Имеется в виду антиавстрийская позиция Пруссии на Парижской конференции держав (Англия, Франция, Россия, Австрия, Турция, Пруссия, Сардиния) в мае — августе 1858 г., на которой Пруссия поддержала, вопреки Австрии, предложение об объединении княжеств Молдавии и Валахии в одно государство (см. примечание 148).

Союзный сейм — центральный орган Германского союза (см. примечание 69), заседавший во Франкфурте-на-Майне и состоявший из представителей германских государств. Союзный сейм являлся орудием реакционной политики германских правительств.

Прусским уполномоченным в Союзном сейме, начиная с 1851 г., был Бисмарк. В начале своей деятельности он искал союза с Австрией, затем занял резко антиавстрийскую позицию. В начале 1859 г. представителем Пруссии вместо Бисмарка был назначен Узедом. — *295.*

[169] *Таможенный союз* германских государств, установивших общую таможенную границу, был основан в 1834 г. под главенством Пруссии. Со временем Союз охватил все германские государства, за исключением Австрии и некоторых мелких государств. Вызванный к жизни необходимостью создания общегерманского рынка,- Таможенный союз способствовал в дальнейшем и политическому объединению Германии. — *295.*

[170] О *Базельском мире* см. примечание 86. — *295.*

[171] *«Neue Preusische Zeitung»* («Новая прусская газета») — немецкая ежедневная газета, начала издаваться в Берлине с июня 1848 года; была органом контрреволюционной придворной камарильи и прусского юнкерства. Эта газета известна также под названием «Kreuz-Zeitung» («Крестовая газета»), так как в ее заголовке изображен крест. — *295.*

[172] Имеется в виду изданный в Берлине в 1859 г. памфлет «Preusen und die Italienische Frage» («Пруссаки и итальянский вопрос»). — *295.*

[173] *Беотийцы* — жители Беотии, считавшейся одной из отсталых в экономическом и культурном отношениях областей Древней Греции. —*296.*

[174] Имеется в виду провозглашение в июне 1848 г. германским Национальным собранием во Франкфурте-на-Майне австрийского эрцгерцога Иоганна имперским регентом, на которого возлагалось руководство исполнительной властью до введения в действие имперской конституции; Иоганн, занимавший пост регента до декабря 1849 г., был фактически проводником контрреволюционной политики немецких государей. — *296.*

[175] Наполеон III вместе с императрицей Евгенией посетил Англию в апреле 1855 года. — *298.*

[176] Имеется в виду корона Ломбардии. — *298.*

[177] Речь идет о благоприятной экономической конъюнктуре в 1836 и 1856 гг., в канун кризисов 1836 и 1857 годов. — *298.*

[178] Намек на бегство из своих владений герцогов Тосканы, Модены и Пармы в начале революции 1848—1849 гг. в Италии. — *299.*

[179] По *Парижскому миру* (см. примечание 64), заключенному в 1856 г., по окончании Крымской войны, Россия лишалась устья Дуная и части южной Бессарабии и вынуждена была отказаться от протектората над Дунайскими княжествами Молдавией и Валахией.

В дальнейшем, стремясь укрепить свое влияние на Балканах, Россия оказывала поддержку национально-освободительному движению балканских народов, направленному против турецкого господства. Совместно с Францией Россия поддерживала стремление Молдавии и Валахии к объединению и созданию Румынского государства, она также поддержала династический переворот в Сербии в конце ноября 1858 г., в результате которого династия Карагеоргиевичей, ориентировавшихся в своей внешней политике на Австрию и Турцию, была заменена Обреновичами. — *305.*

[180] См. примечание 144. — *306.*

[181] *Призовые деньги* — сумма, присуждаемая правительством экипажам кораблей, принимавших участие в уничтожении или в захвате неприятельских судов, а также нейтральных судов, перевозивших контрабанду. — *306.*

[182] В Мексике в 1854 г. началась буржуазная революция, вслед за которой последовала гражданская война, длившаяся до конца 1860 г. и окончившаяся разгромом реакционных сил феодалов и духовенства. — *309.*

[183] Имеется в виду Бомбей, который наряду с Бенгалией и Мадрасом, согласно административному делению Британской Индии, был выделен в особое президентство, возглавляемое губернатором. — *311.*

[184] Наследниками Великого Могола Маркс иронически называет английских правителей Индии. Империя Великих Моголов (так называли правящую династию), основанная в 1526 г. завоевателями тюркского происхождения — моголами, которых современники считали монголами, достигла значительного могущества, подчинив к середине XVII в. большую часть Индии и часть Афганистана, Однако в результате крестьянских восстаний и роста сопротивления народов Индии завоевателям, а также вследствие постоянных усобиц и усиления феодально-сепаратистских тенденций, империя Великих Моголов стала приходить в упадок и в первой половине XVIII в. фактически распалась. — *312.*

[185] Имеется в виду приложение к неравноправному Тяньцзиньскому договору, заключенному в июне 1858 г. после второй «опиумной» войны (1856—1858) — грабительской войны Англии и Франции против

Китая. По условиям этого договора в дополнение к уже открытым ранее 5 китайским портам для иностранной торговли были открыты еще 5 портов: на реке Янцзы, в Маньчжурии, на островах Тайвань и Хайнань; иностранным государствам было разрешено иметь постоянных дипломатических представителей в Пекине, иностранцам предоставлялось право свободного передвижения по стране и плавания по ее внутренним водам, гарантировалась защита миссионеров. Добившись по Тяньцзиньскому договору значительного расширения своих привилегий в Китае, английские колонизаторы пошли на ограничение торговли опиумом, которая истощала ресурсы страны и ограничивала возможности их эксплуатации самими колонизаторами.

Приложение к договору касалось урегулирования торговых отношений между Англией и Китаем и предусматривало установление высокой пошлины на ввоз опиума в Китай: иностранные купцы могли торговать опиумом лишь в строго определенных договором портах, все льготы иностранцам для торговли внутри Китая не распространялись на торговлю опиумом. — *314.*

[186] Краков был присоединен к Австрийской империи после подавления восстания 1846 года (см. примечание 153).

После подавления революции 1848—1849 гг. в Венгрии австрийские власти установили там режим жестокого террора, были отменены не только все законы, принятые в ходе революции в Венгрии, но также уничтожена та частичная автономия, которой Венгрия пользовалась еще до революции. — *316.*

[187] *Четыре пункта* — требования, предъявленные России державами-участниками Крымской войны — Англией и Францией, а также Австрией, в ноте от 8 августа 1854 г. в качестве предварительных условий для начала мирных переговоров. Россия должна была отказаться от протектората над Молдавией, Валахией и Сербией, который заменялся общеевропейской гарантией; предоставить свободу судоходства по Дунаю; согласиться на пересмотр Лондонской конвенции 1841 г. о проливах и отказаться от покровительства христианским подданным в Турции. Русское правительство вначале отказалось принять эти пункты, однако, в ноябре 1854 г. оно согласилось положить их в основу будущих мирных переговоров. — *316.*

[188] Право содержать военные гарнизоны в Ферраре, Комаккьо и Пиаченце было предоставлено Австрии Венским трактатом 1815 года. — *316.*

[189] *Ахенский протокол 15 ноября 1818 г.* был подписан 5 державами (Англией, Австрией, Пруссией, Россией и Францией) на первом конгрессе Священного союза (см. примечание 142). Протокол подтвердил верность договорам 1815 г., а также тому государственному устройству Европы, которое было установлено на Венском конгрессе; он провозгласил намерение держав поддерживать всюду феодально-абсолютистские режимы и подавлять революционное и национально-освободительное движение. — *319.*

[190] *«La Patrie»* («Родина») — французская ежедневная газета, основана в 1841 году; в 1850 г. выражала интересы объединенных монархистов,

так называемой партии порядка; после государственного переворота 2 декабря 1851 г. — бонапартистская газета. — *322.*

[191] Настоящая статья, написанная Энгельсом, была, как это видно из письма Маркса к Энгельсу от 22 апреля 1859 г., переработана и дополнена Марксом в связи с получением новых материалов. — *323.*

[192] Имеется в виду конгресс Священного союза в Лайбахе (Любляне) в мае 1821 года. На конгрессе в Лайбахе был открыто провозглашен принцип вмешательства держав Священного союза во внутренние дела других государств с целью поддержания там феодально-монархических режимов. В соответствии с этим Лайбахский конгресс принял решение о посылке австрийских войск в Италию с целью подавления там революционного и национально-освободительного движения. Представители монархических кругов итальянских государств присутствовали на конгрессе в соответствии с ограничительным пунктом, внесенным в Ахенский протокол 1818 г. по настоянию английского министра иностранных дел Каслри. Согласно этому пункту, вмешательство во внутренние дела других государств должно было осуществляться только «по желанию» последних, с предоставлением им права участвовать в переговорах. — *324.*

[193] В ноябре 1850 г. в связи с обострением австро-прусских отношений, вызванных борьбой за гегемонию в Германии, Пруссия объявила всеобщую мобилизацию. Мобилизация обнаружила серьезные недостатки прусской военной системы и слабую вооруженность прусской армии, что заставило правительство принять энергичные меры для устранения этих недостатков. — *326.*

[194] Имеется в виду заключенный 3 марта (19 февраля) 1859 г. в Париже тайный договор между Россией и Францией о нейтралитете и сотрудничестве в случае войны между Францией и Сардинией, с одной стороны, и Австрией — с другой. Сведения о договоре проникли в печать, однако министр иностранных дел России Горчаков официально опроверг существование каких-либо письменных обязательств по отношению к Франции. Сообщение об участии в договоре Дании впоследствии не подтвердилось. — *331.*

[195] В апреле 1859 г. в Тоскане, Модене и Парме вспыхнули народные восстания, представители правивших там герцогских династий бежали из своих владений под защиту австрийских войск. Созданные в результате восстаний национальные собрания объявили о желании населения герцогств войти в состав Пьемонта. Окончательно вопрос о присоединении герцогств к Пьемонту был решен в марте 1860 г. путем плебисцита. — *334.*

[196] В середине февраля 1859 г. английское правительство Дерби предложило официальное посредничество для улаживания франко-австрийского конфликта, С этой целью в конце февраля 1859 г. в Вену с согласия Наполеона III был направлен лорд Каули, который вел переговоры с австрийским императором Францем-Иосифом. Однако миссия лорда Каули не увенчалась успехом. — *385.*

[197] *Готская партия* была образована в июне 1849 г. в городе Готе представителями контрреволюционной крупной буржуазии, правыми

либералами, ушедшими из франкфуртского Национального собрания после отказа прусского короля Фридриха-Вильгельма IV принять из рук Собрания императорскую корону и решения левого большинства Собрания о создании имперского регентства. Эта партия, боясь победы революции, ставила своей целью объединение всей Германии, за исключением Австрии, под главенством гогенцоллернской Пруссии. — *340.*

[198] Намек на угощение солдат во время военного смотра в Сатори (см. примечание 70). — *340.*

[199] Формула: *«Caveant consules ne quid respublica detrimenti capiat»* («Пусть будут бдительны консулы, чтобы республика не потерпела ущерба») применялась древнеримским сенатом в момент приближения какой-либо внешней или внутренней опасности для государства; в таких случаях консулы наделялись диктаторскими полномочиями. — *340.*

[200] *«Kolnische Zeitung»* («Кёльнская газета») — немецкая ежедневная газета, под данным названием выходила в Кёльне с 1802 года; в период революции 1848—1849 гг. и наступившей вслед за тем реакции отражала трусливую и предательскую политику прусской либеральной буржуазии. — *341.*

[201] Имеется в виду Карл Фогт. Подробно о Фогте см. работу К. Маркса «Господин Фогт» в настоящем издании, т. 14. — *341.*

[202] Имеется в виду статья Раумера «Der Standpunkt Preusens», опубликованная весной 1859 г. в «Spenersche Zeitung» («Щценерской газете») и вскоре переизданная наряду с другими его статьями в сборнике под названием «Zur Politik des Tages» («К современной политике»). — *341.*

[203] Имеется в виду одно из замечаний Наполеона I на книгу Бюлова «История кампании 1800 г. в Германии и Италии», которую он читал на острове Св. Елены в 1819 году. Подробно об этом см. настоящий том, стр. 253—255. — *343.*

[204] Из работ В. Виллизена наибольшую известность получили: «Theorie des grosen Krieges angewendet auf den russisch-polnischen Feldzug von 1831». In zwei Theilen. Berlin, 1840 («Теория большой войны в применении к русско-польской кампании 1831 года». В двух частях. Берлин, 1840) и «Der Italienische Feldzug des Jahres 1848». Berlin, 1849 («Итальянский поход 1848 года». Берлин, 1849). — *348.*

[205] В Венеции в марте 1848 г. произошла революция, австрийцы были изгнаны и власть перешла в руки временного правительства во главе с Даниелем Маниным, которое провозгласило в Венеции республику, просуществовавшую до августа 1849 года. — *349.*

[206] 28 июня 1849 г. во время национально-освободительной войны 1848— 1849 гг. в Венгрии австрийские войска разбили венгерские войска под Раабом (Дьёром) и овладели городом. — *350.*

[207] Речь идет о поражении австрийских войск при Аче (близ Коморна) 3 августа 1849 г., нанесенном им венгерскими революционными войсками. — *350.*

[208] Имеются в виду бойцы созданной во время мартовской революции 1848 г. в Вене студенческой вооруженной организации — Академического легиона. — *350.*

[209] *«Wiener Zeitung»* — сокращенное название официальной правительственной газеты «Oesterreichisch Kaiserliche Wiener Zeitung» («Австрийская императорская венская газета»), выходившей под данным названием с 1780 года. — *352.*

[210] *Австрийским Ллойдом* Маркс называет пароходное общество, основанное в Триесте в 1833 году. Имя Ллойда, владельца кафе в Лондоне, где была организована (в конце XVII — начале XVIII вв.) первая английская компания но страхованию морских судов, стали носить многие страховые пароходные общества в странах Европы. — *353.*

[211] Маркс имеет в виду основание в Гамбурге в ноябре 1857 г. во время очередного циклического кризиса Гарантийного дисконтного общества, а также выпуск процентных бумаг на сумму 15000000 марок для ссуд под товары или под государственные бумаги; ссуды должны были составлять от 50 до $66^2/_3$% стоимости закладываемых товаров. (См. статью К. Маркса «Финансовый кризис в Европе», настоящее издание т. 12, стр. 351—356). — *353.*

[212] Имеется в виду политика правящих кругов Австрии во время крупного крестьянского восстания в Галиции в феврале — марте 1846 г., которое происходило одновременно с национально-освободительным восстанием в Кракове (см. примечание 153). Используя классовые и национальные противоречия, австрийские власти сумели вызвать столкновения между восставшими галицийскими крестьянами и польской шляхтой, пытавшейся выступить на поддержку Кракова. Крестьянское восстание, начавшись с разоружения шляхетских повстанческих отрядов, приняло характер массового разгрома помещичьих усадеб. Справившись с повстанческим движением шляхты, австрийское правительство подавило также и крестьянское восстание в Галиции. — *365.*

[213] Настоящей статьей началось сотрудничество Энгельса в газете «Volk». Статья была написана Энгельсом по просьбе Маркса.

«Das Volk» («Народ») — еженедельная газета, выходила на немецком языке в Лондоне с 7 мая по 20 августа 1859 года. Была основана как официальный орган лондонского Просветительного общества немецких рабочих. Первый номер вышел под редакцией немецкого публициста, мелкобуржуазного демократа Эларда Бискампа. Начиная с № 2, газета выходила при ближайшем участии Маркса, выражавшемся в неофициальном сотрудничестве, в постоянных советах и помощи, в редактировании статей, организации материальной поддержки газете и т. д. В № 6 от 11 июня редакция газеты официально объявила о сотрудничестве Маркса, Энгельса, Фрейлиграта, В. Вольфа и Г. Хейзе (см. настоящий том, стр. 639). С этого времени Маркс фактически является редактором газеты, которая становится органом пролетарских

революционеров. С начала июля Маркс становится и редактором, и администратором газеты.

На страницах газеты «Volk» находит свое отражение разработка Марксом и Энгельсом вопросов революционной теории и тактики пролетарской борьбы, освещаются классовые бои пролетариата, ведется непримиримая борьба против представителей мелкобуржуазной идеологии. В газете анализируются с позиций пролетарского интернационализма события австро-итало-французской войны 1859 г., вопросы объединения Германии и Италии, разоблачается внешняя политика Англии, Пруссии, Франции, России и других реакционных государств, ведется последовательная борьба против бонапартизма и его открытых и скрытых сторонников.

В газете «Volk» было напечатано предисловие Маркса к его работе «К критике политической экономии», 5 статей Маркса, в том числе незаконченная серия статей «Quid pro quo», 9 статей Энгельса, а также его рецензия на работу Маркса «К критике политической экономии», составленные Марксом при участии Бискампа обзоры газеты немецких мелкобуржуазных демократов «Hermann», публиковавшиеся в разделе «По страницам печати». Кроме того, многие статьи и политические обзоры носят следы непосредственной редакционной работы Маркса. Всего вышло 16 номеров газеты. Выход газеты прекратился 20 августа 1859 г. из-за отсутствия денежных средств. — *374.*

214 В 1849 г. во время национально-освободительной войны в Венгрии крепость Коморн (Комаром) явилась опорным пунктом венгерских революционных войск: дважды (январь — апрель и июль — сентябрь) она выдерживала длительную осаду австрийских войск. — *374.*

215 Накануне падения Римской республики (см. примечание 45), 2 июля 1849 г., после того как римское Учредительное собрание приняло решение прекратить борьбу, Гарибальди с 4-тысячным отрядом волонтеров покинул Рим и отправился на помощь Венецианской республике, боровшейся против австрийских войск. Гарибальди искусно маневрировал в тылу австрийцев и много раз выходил из окружения, но не сумел прорваться в осажденную Венецию и был вынужден 30 июля 1849 г. вступить на территорию нейтральной республики Сан-Марино и распустить свой отряд. — *379.*

216 Имеются в виду действия против австрийцев отряда ломбардских добровольцев под командованием генерала Аллеманди, блокировавших в апреле 1848 г. тирольские проходы от Тонале до Стельвио. — *379.*

217 В публикуемых в томе вступительных замечаниях К. Маркса к манифесту Мадзини «Война» нашла отражение та поддержка, которую Маркс и Энгельс считали необходимым оказать Мадзини в занятой им правильной позиции по вопросу о вмешательстве Бонапарта в дело освобождения Италии. Одобряя антибонапартистское выступление Мадзини по этому вопросу, Маркс и Энгельс вместе с тем и в этот период продолжали последовательно критиковать взгляды и тактику Мадзини в целом. — *381.*

218 С марта 1849 г. Мадзини был главой триумвирата (Мадзини, Саффи, Армеллини), которому Учредительное собрание Римской республики предоставило всю исполнительную власть и чрезвычайные полномочия по защите республики. — *381.*

[219] Речь идет о воззвании, с которым Гарибальди обратился к жителям Ломбардии в мае 1859 г. при вступлении его добровольческого корпуса на территорию Ломбардии. — *381.*

[220] *«Pensiero ed Azione»* («Мысль и действие») — орган итальянских буржуазных демократов, издававшийся под редакцией Мадзини; выходил два раза в месяц в 1858—1859 гг. в Лондоне и в 1860 г. в Лугано и Генуе.

Манифест Мадзини «Война», воспроизведенный в «New-York Daily Tribune» с некоторыми сокращениями, был опубликован в газете «Pensiero ed Azione» 16 мая 1859 года. — *282.*

[221] Речь идет о гибели итальянского поэта и патриота Гоффредо Мамели в июле 1849 г. во время защиты Римской республики от посланных Луи Бонапартом французских войск. — *382.*

[222] Имеется в виду договор, заключенный императором Карлом V с папой Клементом VII в 1528 г. в Болоньи после окончательной победы Карла V над бывшими союзниками папы французами и изгнания их из Италии. С этого времени императорская власть и католическая церковь действовали рука об руку в деле уничтожения остатков самостоятельности итальянских городов-государств. — *384.*

[223] *Кампоформийский мирный договор* был заключен в октябре 1797 г. между Францией и Австрией, участницей первой антифранцузской коалиции. По этому договору часть территории Венецианской республики вместе с городом Венецией, а- также Истрией и Далмацией передавалась французами Австрии в обмен на уступки, сделанные последней на рейнской границе; другая часть была присоединена к Цизальпинской республике, созданной Наполеоном I летом 1797 г. из завоеванных в Северной Италии земель, к Франции отходили также Ионические острова и владения Венецианской республики на албанском побережье. — *386.*

[224] Намек на сбивчивые отчеты о битве при Новаре 23 марта 1849 г. (см. примечание 50), которые Энгельс анализировал в серии статей «Поражение пьемонтцев» (см. настоящее издание, т. 6, стр. 413—423). Одной из причин поражения пьемонтцев при Новаре было малодушное поведение короля Карла-Альберта, «доблесть» которого до этого всячески восхвалялась монархическими кругами, сторонниками объединения Италии под властью Савойской династии, присвоившими Карлу-Альберту прозвище «Spada d'Italia» («Меч Италии»). После отречения Карла-Альберта сын его Виктор-Эммануил был вынужден заключить в августе 1849 г. в Милане мир с Австрией, по которому Австрия сохраняла все свои владения в Италии и получала от Пьемонта контрибуцию в 75 миллионов франков. — *388.*

[225] *«The Daily News»* («Ежедневные новости») — английская либеральная газета, орган промышленной буржуазии; выходила под данным названием в Лондоне с 1846 по 1930 год. — *390.*

[226] При *Лютцене* (Саксония) 2 мая (20 апреля) 1813 г. произошло сражение между армией Наполеона I и союзными русско-прусскими войсками под командованием Витгенштейна. Сражение не принесло решающего успеха ни одной из сторон. — *392.*

[227] Настоящая статья с незначительными изменениями была опубликована также и на английском языке в газете «New-York Daily Tribune» 2 июля 1859 г. под названием «Глава истории» («A Chapter of History»), этот вариант был воспроизведен в 1-м издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. — *399.*

[228] *Общество 10 декабря* — тайное бонапартистское общество, созданное в 1849 г., состояло преимущественно из деклассированных элементов. Подробная характеристика этого общества дана Марксом в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (см. настоящее издание, т. 8, стр. 167—170). — *404.*

[229] Намек на слова Луи Бонапарта: «Империя — это мир» (см. примечание 60). — *406.*

[230] Намек на книгу Луи Бонапарта «Наполеоновские идеи», вышедшую в Париже в 1839 году (Napoleon-Louis Bonaparte. «Des idees napoleoniennes». Paris, 1839). — *407.*

[231] *«National-Zeitung»* («Национальная газета») — немецкая ежедневная буржуазная газета, издавалась в Берлине в 1848—1915 годах; в 50-е годы придерживалась либерального направления. — *407.*

[232] Имеются в виду стихотворения баварского короля Людвига I, популярные в среде немецкого филистерства, — образец бессодержательной и вычурной поэзии. — *409.*

[233] *«Cirque Olympique»* («Олимпийский цирк») — театр в Париже.

Сент-Джемс-стрит — улица в Лондоне, на которой находились клубы и игорные дома.

Амфитеатр Эстли — лондонский цирк с открытой ареной. — *410.*

[234] *Кодекс Наполеона* — гражданский кодекс, опубликованный Наполеоном I в 1804 г., Энгельс назвал его «классическим сводом законов буржуазного общества».

«La recherche de la paternite est interdite» («Отыскание отцовства запрещается») — формула из статьи 340 Кодекса Наполеона. — *412.*

[235] К этому месту в газете «Volk» дается нижеследующее примечание, принадлежащее редакции: «Известно, что, по последним сообщениям, австрийцы действительно отступили за Минчо, в район своих крепостей. Если даже благодаря этому отходу *в стратегическом отношении.* ничего не потеряно, то все же он не может не оказать пагубного влияния на моральное состояние войск». — *413.*

[236] Настоящая статья, в особенности ее начало, подверглась редакционному вмешательству со стороны «New-York Daily Tribune». — *415.*

[237] Имеется в виду политика прусского короля Фридриха-Вильгельма III, который придерживался тактики лавирования между третьей антифранцузской коалицией европейских держав и Наполеоном I, что помогло последнему разбить сначала в 1805 г. Австрию, а следом за ней в 1806 г. и самое Пруссию.

О *Базельском мире* см. примечание 86.

О *Рейнском союзе* см. примечание 126. — *418.*

[238] См. примечания 90 и 96. — *421.*

[239] См. примечание 165. — *421.*

[240] *«Revue des deux Mondes»* («Обозрение Старого и Нового света») — двухнедельный буржуазный литературно-художественный и публицистический журнал, издается в Париже с 1829 года. — *431.*

[241] Намек на предпринятую Пруссией в союзе с государями Ганновера и Саксонии и присоединившимися к ним 17 другими германскими государями попытку объединить Германию, за исключением Австрии, под своей гегемонией и таким образом осуществить план создания «Малой Германии». Этот план получил поддержку со стороны правых либералов, представителей контрреволюционной крупной буржуазии, объединившихся в так называемую Готскую партию (см. примечание 197). Готская партия приняла активное участие в выборах в германский парламент, который собрался 20 марта 1850 г. в Эрфурте для принятия пересмотренного в духе контрреволюции проекта общегерманской конституции. Под давлением австрийской монархии и русского царизма ряд немецких государств, поддерживавших ранее Пруссию, перешел на сторону Австрии, а прусское правительство, боявшееся ослушаться Николая I, распустило 29 апреля 1850 г. Эрфуртский парламент. — *432.*

[242] *Мартовские требования* — 4 основных политических требования, выражавшие настроение народа, были сформулированы мелкобуржуазными демократами Бадена в феврале 1848 г. и обошли вскоре всю Юго-Западную Германию: 1) вооружение народа с правом избрания офицеров, 2) неограниченная свобода печати, 3) суд присяжных, 4) немедленный созыв германского парламента. Либеральная буржуазия немецких государств под давлением народа сделала эти требования своей программой в борьбе с монархией, однако, придя к власти благодаря революционным выступлениям народных масс, она предала интересы народа и пошла на компромисс с монархическими кругами. — *432.*

[243] Имеется в виду «Заявление нассауских граждан», опубликованное в Висбадене 21 июня 1859 г. и явившееся политической программой буржуазии немецких государств, стремившейся к объединению Германии под главенством Пруссии. — *433.*

[244] *Эшенгеймер-гассе* — улица во Франкфурте-на-Майне, на которой в 1816—1866 гг. находился германский Союзный сейм. — *433.*

[245] 8 июля 1859 г. в городе Виллафранка по инициативе Наполеона III, боявшегося, что затяжная война даст толчок усилению революционного и национально-освободительного движения в Италии и в других европейских странах, состоялось сепаратное — без участия короля Пьемонта — свидание французского и австрийского императоров. на котором было достигнуто соглашение о перемирии. 11 июля между Францией и Австрией был подписан прелиминарный мирный договор, по которому Ломбардия (за исключением крепостей Мантуи и Пескьеры) переходила к Франции, однако Наполеон III позднее уступил ее Сардинии в обмен на Савойю и Ниццу, Венеция оставалась под

австрийским господством, герцоги Тосканы и Модены должны были быть восстановлены на своих тронах. Договор предусматривал создание итальянской конфедерации под председательством папы. Несмотря на то, что некоторые пункты прелиминарного договора остались на бумаге (например, пункты о создании итальянской конфедерации, о реставрации герцогов Тосканы и Модены) или были изменены, его условия в целом были положены в основу окончательного мирного договора, заключенного в Цюрихе 10 ноября 1859 года. — *435.*

246 Имеются в виду утратившие свою власть мелкие немецкие князья, владения которых были медиатизированы, то есть присоединены к территории более крупных германских государств в результате перекройки политической карты Германии во время наполеоновских войн и Венского конгресса (1814—1815). Представители многих медиатизированных государств были приглашены на Венский конгресс. — *443.*

247 В 1848 г. Пальмерстон, стремясь ограничить распространение революционного движения в Италии и действуя в интересах традиционной британской политики «европейского равновесия», добивался присоединения Ломбардии к Пьемонтской монархии. Австрийское правительство, напуганное революционными событиями внутри страны и национально-освободительной борьбой итальянского народа, было вынуждено в своем меморандуме от 24 мая согласиться на уступку Ломбардии, а также на выделение Венеции в самостоятельное государство с австрийским эрцгерцогом во главе, однако после поражения Пьемонта Австрия отказалась от своего предложения. — *443.*

248 N. Machiavelli. «Le Istorie Fiorentine». Первое издание книги вышло в Риме и во Флоренции в 1532 году. — *444.*

249 В связи с усилением движения за присоединение к Пьемонту, охватившим Северную Италию, а также Папскую область, Пий IX издал в июне 1859 г. энциклику, в которой угрожал отлучением всем, кто посягает на светскую власть папы, имея в виду прежде всего Виктора-Эммануила II. — *444.*

250 В этом месте в газете «Volk» в текст Энгельса была вставлена следующая фраза: «Не будь этой остановки в $4^1/_2$ часа корпус вряд ли выдержал бы то крайнее напряжение сил, с которым он спешил на поле боя». Эта фраза, противоречащая контексту статьи, на что указывал Энгельс в письме Марксу от 25 июля 1859 г., в настоящем издании не воспроизводится в тексте статьи. — *450.*

251 См. примечания 87 и 95. — *451.*

252 *«L'Illustration»* («Иллюстрация») — французский иллюстрированный литературно-художественный журнал, издающийся в Париже с 1843 года. — *455.*

253 *«The Illustrated London News»* («Иллюстрированные лондонские новости») — английский еженедельный иллюстрированный журнал, выходит в Лондоне с 1842 года. — *456.*

254 *Via sacra* (Священная дорога) — дорога в Древнем Риме, по которой проходили триумфальные шествия возвращавшихся с победой войск;

выражение «via sacra» стало нарицательным, обозначающим вообще победоносную кампанию или поход. — *457.*

[255] Намек на заключение Луи Бонапарта в крепости Ам в 1840 г. после провала военного путча в Булони; из крепости Луи Бонапарт бежал в 1846 году (см. примечание 71). — *457.*

[256] *Порт-Сен-Мартен* — театр в Париже, близ которого в дни государственного переворота в декабре 1851 г. произошло побоище республиканцев, учиненное бонапартистской военщиной. — *457.*

[257] Эту мысль Клаузевиц высказал в своей книге «Vom Kriege» («О войне»). Первое издание книги вышло в Берлине в 1832 году. — *460.*

[258] Речь идет о манифесте Франца-Иосифа от 15 июля 1859 г., опубликованном в австрийском официальном органе «Wiener Zeitung» 16 июля 1859 года. — *461.*

[259] *Шёнбрунн* — дворец в Вене, летняя императорская резиденция. — *462.*

[260] Имеется в виду речь Наполеона III на приеме членов Государственного совета, Сената и Законодательного корпуса в Сен-Клу 19 июля 1859 года. Речь была напечатана в газете «Moniteur» № 201, 20 июля 1859 года. — *462.*

[261] Napoleon-Louis Bonaparte. «Fragments historiques 1688 et 1830» (Луи-Наполеон Бонапарт. «Фрагменты из истории 1688 и 1830 годов»). Книга была написана во время заключения Луи Бонапарта в крепости Ам, первое издание вышло в Париже в 1841 году. — *465.*

[262] Имеется в виду статья без подписи, напечатанная в неофициальном разделе газеты «Moniteur» № 207, 26 июля 1859 года. — *465.*

[263] *«Entente cordiale»* («сердечное согласие») — союзные отношения, установившиеся между Англией и Францией после июльской революции 1830 г. и оформленные в апреле 1834 г. заключением так называемого четверного союза между Англией, Францией, Испанией и Португалией. Уже при заключении этого договора обнаружились, однако, противоречия между интересами Англии и Франции, которые в дальнейшем не раз приводили к обострению отношений между обеими странами. — *466.*

[264] Заявление Наполеона III о переводе армии и флота на положение мирного времени было напечатано в «Moniteur» № 209, 28 июля 1859 г.; заявление, сделанное накануне войны, было также опубликовано в «Moniteur» № 64, 5 марта 1859 года. — *467.*

[265] *«Quid pro quo»* («Одно вместо другого, смешение понятий») — название серии статей Маркса, публиковавшейся в газете «Volk» в конце июля — середине августа 1859 года; серия осталась незаконченной в связи с прекращением выхода газеты. — *470.*

[266] Clausewitz. «Der Feldzug von 1796 in Italien» (Клаузевиц. «Кампания 1796 г. в Италии»). — *470.*

[267] Имеется в виду декрет президента Луи Бонапарта, опубликованный 2 декабря 1852 г., о восстановлении во Франции империи и провозглашении императором самого Луи Бонапарта под именем Наполеона III. — *470.*

[268] *Египетская экспедиция* была предпринята по инициативе и под командованием Наполеона Бонапарта в мае 1798 г. с целью завоевания Египта и нарушения коммуникаций Англии с Индией. Этот авантюристический поход, длившийся более трех лет, окончился провалом.

Восемнадцатое брюмера (9 ноября 1799 г.) — государственный переворот, завершивший процесс буржуазной контрреволюции во Франции; в результате переворота была установлена военная диктатура Наполеона Бонапарта. — *470.*

[269] Имеются в виду секретные переговоры о мире между Францией и Россией в 1855 г., которые велись через саксонского посланника в Париже барона Зеебаха, обладавшего большими связями при русском дворе. — *472.*

[270] В 1856 г., на Парижском конгрессе, глава русской делегации граф Орлов и член делегации Бруннов основывали свою тактику на использовании англо-французских противоречий; на конгрессе наметилось франко-русское сближение. — *472.*

[271] В 1856—1860 гг. Наполеон III, стремясь утвердить свое влияние на Балканах, оказывал поддержку черногорскому князю Даниле I в его борьбе против посягательств Турции на Черногорию. Данило I в связи с этим искал личного сближения с Наполеоном III; последний стал крестным отцом черногорского наследника.

В 1851—1852 гг. Венедей посвятил Луи Бонапарту и его государственному перевороту ряд статей в издаваемой им в Бонне «Zeitung fur Norddeutschland» («Газете для Северной Германии»). — *472.*

[272] Турецкая крепость Карс, укрепленная англичанами, была сдана русским войскам в ноябре 1855 года. Несмотря на то, что обороной крепости руководили английские офицеры во главе с генералом Уильямсом, действия по отношению к защитникам Карса английского правительства, втайне заинтересованного в ослаблении «союзной» Турции, носили весьма двусмысленный характер. Подробно об этом см. статью К. Маркса «Падение Карса», настоящее издание, т. 11, стр. 633—667. Тем не менее, в 1856 г., после возвращения Уильямса из русского плена, ему был устроен пышный прием в Англии, вручены награды и присвоены почетные звания. — *472.*

[273] Имеются в виду Рим, оккупированный французами в 1849 г., а также Афины и Константинополь, в которых французские войска находились во время Крымской войны. — *472.*

[274] Имеется в виду поддержанное представителями других государств выступление министра иностранных дел Франции Валевского на одном из последних заседаний Парижского конгресса 1856 г. с требованием прекращения нападок в бельгийской прессе на личность Наполеона III. — *472.*

[275] Намек на участие Франции во второй «опиумной» войне (1856—1858) против Китая (см. примечание 31). — *472.*

[276] См. примечание 158. — *472.*

[277] См. примечание 158. — *472.*

[278] Намек на недовольство, вызванное в Швейцарии вмешательством в ее внутренние дела Наполеона III, требовавшего от швейцарского правительстве в начале 1858 г. выдачи политических эмигрантов, которые обвинялись в соучастии в заговоре Орсини. — *472.*

[279] Имеется в виду декрет от 27 января 1858 г., разделявший, по примеру Испании, территорию Второй империи на пять военных округов, во главе которых были поставлены маршалы. — *478.*

[280] Декрет о регентстве и об учреждении Тайного совета был издан 1 февраля 1858 г., вскоре после покушения Орсини на Наполеона III. Пелисье был включен в состав Тайного совета, который в случае вступления на престол малолетнего сына императора становился Советом регентства.

Маркс намекает на варварские действия Пелисье в 1845 г., во время подавления восстания в Алжире, который приказал задушить дымом костров тысячу арабских повстанцев, укрывшихся в горных пещерах. — *473.*

[281] Намек на судебный процесс в конце 1858 г. против французского публициста Монталамбера, выступившего со статьей, в которой осуждался режим Второй империи. Наполеон III помиловал подсудимого, но Монталамбер отказался от помилования, требуя оправдания. Маркс иронически сравнивает этот процесс с судом против Джона Гемпдена, одного из видных деятелей английской буржуазной революции XVII в., который в 1636 г. отказался платить королевским сборщикам «корабельные деньги» — налог, не утвержденный палатой общин. Судебный процесс, возникший в связи с отказом Гемпдена, в значительной мере способствовал росту оппозиции против абсолютизма в английском обществе. — *473.*

[282] Маркс имеет в виду брошюру «La Justice poursuivie par L'Eglise» («Справедливость, которой следует церковь»), выпущенную Прудоном в 1858 г. в Брюсселе. В этой брошюре Прудон, проводя параллель между династиями Бонапартов и Орлеанов, отдавал предпочтение принципам управления, провозглашенным Орлеанской династией с оговорками о необходимости некоторых демократических реформ. Эти оговорки Маркс иронически сравнивает с *Acte additionel* (Дополнительным актом) — конституционными установлениями, введенными Наполеоном I во Франции в 1815 г. после его возвращения с острова Эльбы. — *473.*

[283] Имеется в виду потерпевшее неудачу республиканское выступление армейских частей в Шалоне на Соне 6 марта 1858 года. — *473.*

[284] См. примечание 153. — *474.*

[285] *Blue book of its own make.* (Синяя книга собственного изделия) — так Маркс называет по аналогии с английскими Синими книгами дипломатические документы австро-итало-французской войны 1859 г., опубликованные прусским правительством в «Neue Preusische Zeitung» в июле 1859 г., а затем 30—31 июля перепечатанные в аугсбургской «Allgemeine Zeitung».

Синие книги — общее название публикаций материалов английского парламента и дипломатических документов министерства иностранных дел. Синие книги, получившие свое название из-за синей обложки, издаются в Англии с XVII в. и являются основным официальным источником экономической и дипломатической истории этой страны. — *474.*

[286] В 390 г. до н. э. вторгшиеся в Рим галлы после длительной осады Капитолия, по преданию, согласились за крупный выкуп оставить город, но, когда золото было отвешено, вождь галлов Бренн с возгласом «Vae victis!» («Горе побежденным!») бросил свой тяжелый меч на чашу весов с гирями, нарушив первоначальное соглашение. — *476.*

[287] *«By courtesy»* («благодаря любезности») — см. примечание 161.

«On sufferance» («из снисхождения», «из милости») — в английском праве означает право лица на владение или титул из милости, а не по закону.

«Quos ego!» («Вот я вас!») — в поэме Вергилия «Энеида» Нептун обращает этот грозный окрик к ветрам, которые без его ведома подняли на море бурю. — *477.*

[288] *«Готаизмами»* Маркс называет напыщенные декламации сторонников Готской партии (см. примечание 197).

Укермарк — северная часть провинции Бранденбург (Пруссия), оплот реакционного прусского юнкерства. — *478.*

[289] *Бустрапа* — прозвище Луи Бонапарта, составленное из первых слогов названий городов Булонь, Страсбург, Париж; прозвище намекало на предпринятые им попытки произвести бонапартистские путчи в Страсбурге и Булони (см. примечание 71), а также на государственный переворот в Париже 2 декабря 1851 г., приведший к установлению бонапартистской диктатуры во Франции. — *479.*

[290] Текст депеши Горчакова русским дипломатическим представителям в немецких государствах от 27 (15) мая 1859 г. был напечатан в газете «L'Indеpendance belge» и перепечатан 16 июня 1859 г. в № 167 аугсбургской «Allgemeine Zeitung». — *479.*

[291] Речь идет о *«Koniglich-Preusischer Staats-Anzeiger»* («Королевско-прусском государственном вестнике») — немецкой ежедневной газете, официальном органе прусского правительства; под этим названием выходила в Берлине с 1851 по 1871 год. — *479.*

[292] Имеется в виду лудильщик Кристофер Слай — персонаж пьесы Шекспира «Укрощение строптивой», пролог, сцены первая и вторая. — *481.*

[293] *«La mort sans phrase»* («Смерть без всяких разговоров») — слова, якобы произнесенные аббатом Сиейесом в январе 1793 г. при поименном опросе

членов Конвента относительно приговора бывшему королю Людовику XVI. — *485.*

294 Маркс имеет в виду категорию поденщиков, ожидающих найма на перекрестках улиц крупных немецких городов, прежде всего Берлина (так называемые «Eckensteher»), Язык этих поденщиков отличался своеобразным народным юмором. — *486.*

295 Имеется в виду депеша Джона Рассела английскому послу в Пруссии Блумфилду от 22 июня 1859 г.; текст депеши был напечатан в приложении к аугсбургской «Allgemeine Zeitung» № 199, 18 июля 1859 года. — *487.*

296 *«Coercion bills»* — исключительные законы, принятые в 1833 и 1847 г. с целью подавления революционного движения в Ирландии. По этим законам на территории Ирландии вводилось осадное положение и английским властям предоставлялись деспотические полномочия. — *487.*

297 Рецензия на книгу К. Маркса «К критике политической экономии» осталась неоконченной. Опубликованы лишь первые две части. Третья часть, в которой Энгельс предполагал дать разбор экономического содержания книги, в печати не появлялась и рукопись ее не найдена. — *489.*

298 Голландия входила в состав Священной Римской империи германской нации с 1477 по 1555 год, когда после раздела империи она оказалась под властью Испании. К концу буржуазной революции XVI века Голландия освободилась от испанского владычества и стала независимой буржуазной республикой.

В связи с отделением Голландии от Священной Римской империи Германия была лишена важнейших морских торговых путей и поставлена в зависимость от посреднической торговли голландцев, что отрицательно сказалось на ее экономическом развитии. — *489.*

299 *Камералистика* (или *камеральные науки)* — единый курс из административных, финансовых, экономических и других дисциплин, преподававшийся в средневековых, а позднее также в буржуазных университетах ряда европейских стран; камералистика представляла собой по существу «мешанину разнообразнейших сведений» (Маркс). — *490.*

300 Иронический намек на правых гегельянцев, занимавших в 30—40-х годах многие кафедры в немецких университетах и использовавших свое положение для нападок на представителей более радикального направления в философии; правые гегельянцы истолковывали учение Гегеля в реакционном духе.

Диадохами назывались полководцы Александра Македонского, вступившие после его смерти в ожесточенную борьбу друг с другом за раздел его империи. — *495.*

301 См. G. W. F. Hegel. «Wissenschaft der Logik», Th. 1, Abt. 2; Werke, Bd. IV, Berlin, 1834, S. 15, 75, 145 (Г. В. Ф. Гегель. «Наука логики», ч. 1, отд. 2; Сочинения, т. IV, Берлин, 1834, стр. 15, 75,145). — *496.*

[302] Имеются в виду книги Г. В. Ф. Гегеля: «Phanomenologie des Geistes». Bamberg und Wurzburg, 1807 («Феноменология духа». Бамберг и Вюрцбург, 1807); «Vorlesungen uber die Aesthetik». Bd. I—III; Werke, Bd. X, Berlin, 1835, 1837—1838 («Лекции по эстетике». Тт. I—III; Сочинения, т. X, Берлин, 1835, 1837—1838); «Vorlesungen uber die Geschichte der Philosophie». Bd. I—III; Werke, Bd. XIII—XV, Berlin, 1833, 1836 («Лекции по истории философии». Тт. I—III; Сочинения, тт. XIII—XV, Берлин, 1833, 1836). — *496.*

[303] Имеются в виду отчет об экспорте и таблица объявленной стоимости импорта, опубликованные в журнале «Economist» № 831, 30 июля 1859 года. — *500.*

[304] Имеется в виду национально-освободительное восстание 1857— 1859 гг. в Индии против английского господства (см. примечание 144). — *503.*

[305] Речь идет о посылке в Италию в апреле 1849 г. по инициативе президента Французской республики Луи Бонапарта экспедиционного корпуса с целью интервенции против Римской республики и реставрации светской власти папы. — *505.*

[306] *«Sic volo, sic jubeo»,* точнее: *«Hoc volo, sic jubeo»* («Я так хочу, так приказываю») — слова из сатиры VI Ювенала, в которой автор бичует беспредельное властолюбие аристократии. — *506.*

[307] *Сен-Жерменское предместье* — аристократический квартал Парижа. — *506.*

[308] Перечисленные сардинские чрезвычайные уполномоченные были посланы Виктором-Эммануилом в восставшие против австрийского господства герцогства и Романью (Папская область) в целях подготовки присоединения этих территорий к Пьемонту. После заключения Виллафранкского мира (см. примечание 245), вызвавшего движения протеста во всей Италии, Виктор-Эммануил под давлением Франции отозвал уполномоченных. — *507.*

[309] Имеется в виду статья французского журналиста Гранье де Кассаньяка под названием «Неблагодарность Италии», напечатанная в газете «Constitutionnel» 3 августа 1859 года. — *508.*

[310] Летом 1859 г. в Англии возникло массовое движение за 9-часовой рабочий день; в Лондоне оно охватило строительных рабочих, организованных в тред-юнион. В конце июля 1859 г. строительные рабочие фирмы Троллопов, получив от предпринимателей отказ удовлетворить требование о сокращении рабочего дня при сохранении прежней заработной платы, объявили забастовку, в которой приняли участие плотники, каменщики, кирпичники и другие рабочие. Забастовочное движение в Лондоне и других городах особенно усилилось после того, как предприниматели на своем объединенном собрании 27 июля объявили открытую войну рабочим союзам, единогласно решив не принимать на работу рабочих, принадлежащих к тред-юнионам, а 6 августа объявили локаут более чем 20 тысячам рабочих. Бастующим и локаутированные строителям Лондона была оказана помощь рабочими других профессий не только Лондона, но 80 городов страны. Забастовка

продолжалась до февраля 1860 г. и окончилась компромиссом: предприниматели согласились принимать на работу членов тред-юниона, а рабочие были вынуждены снять свое требование о 9-часовом рабочем дне. — *510.*

311 В конце 50-х и в первой половине 60-х годов XIX века в Англии складывается либеральная партия, в состав которой входят виги, манчестерцы (представители промышленной буржуазии) и пилиты (умеренные тори). Либералам, занявшим в английской двухпартийной системе место вигов, противостояла сложившаяся также в этот период партия консерваторов, сменившая партию тори. — *511.*

312 Имеется в виду декрет об амнистии, объявленный Наполеоном III 16 августа 1859 года.

Статья 1-я декрета предусматривала отмену административных «предупреждений» прессе, которые власти имели право по закону 1852 г. о печати выносить в случае опубликования неугодных правительству материалов. Эти предупреждения являлись одним из средств открытого правительственного нажима на печать. — *512.*

313 Имеется в виду собрание представителей либеральной буржуазии государств Северной и Центральной Германии в Эйзенахе 14 августа 1859 г., на котором были обсуждены основные положения программы либеральной буржуазии, предусматривавшие реформу Германского союза, установление сильного централизованного правительства во главе с прусским королем, создание единых вооруженных сил и т. д. На съезде во Франкфурте 15—16 сентября 1859 г. на основе этой программы была создана новая партия под названием Национальный союз; основным ядром Союза явилась Готская партия (см. примечание 197). — *512.*

314 *«Sachsische Konstitutionelle Zeitung»* («Саксонская конституционная газета») — немецкая либеральная газета; под этим названием выходила в Дрездене с 1850 по 1859 г., с апреля 1859 по 1874 г. газета называлась «Konstitutionelle Zeitung» («Конституционная газета»). — *512.*

315 Намек на германское Национальное собрание, заседавшее в 1848— 1849 гг. во Франкфурте-на-Майне в соборе св. Павла. — *512.*

316 «Statistical Abstract for the United Kingdom in each of the last fifteen Years, from 1844 to 1858». London, 1859. — *513.*

317 Билль об отмене хлебных законов был принят в июне 1846 года. Так называемые хлебные законы, направленные на ограничение или запрещение ввоза хлеба из-за границы, были введены в Англии в интересах крупных землевладельцев-лендлордов. Принятие билля 1846 г. означало победу промышленной буржуазии, боровшейся против хлебных законов под лозунгом свободы торговли.

Открытие богатых месторождений золота в Калифорнии в 1848 г. и в Австралии в 1851 г. оказало большое влияние на экономическое развитие стран Европы и Америки. — *515.*

318 *Пенджаб* (Северо-Западная Индия) был захвачен английскими колонизаторами в результате англо-сикхских войн 1845—1846 и 1848—

1849 годов; с захватом Пенджаба вся Индия была превращена в английскую колонию. — *515.*

[319] В 1854 г. в Англии были учреждены так называемые исправительные школы, куда вместо тюремного заключения на короткие сроки посылали малолетних правонарушителей в возрасте от 12 до 16 лет. — *516.*

[320] Имеется в виду статья К. Маркса «Торговые кризисы и денежное обращение в Англии» (см. настоящее издание, т. 12, стр. 559—563). — *521.*

[321] Речь идет о разоблачениях, сделанных К. Марксом в статьях «Любопытная страничка истории» и «Еще одна странная глава современной истории» (см. настоящее издание, т. 12, стр. 490—496 и 572— 578). — *524.*

[322] Имеется в виду участие Кошута в созданном в июне 1850 г. в Лондоне по инициативе Мадзини Центральном комитете европейской демократии. Комитет представлял собой организацию, объединявшую буржуазных и мелкобуржуазных эмигрантов из разных стран. Крайне неоднородная как по своему составу, так и по идейным позициям, организация просуществовала недолго; из-за обострившихся отношений между итальянскими и французскими эмигрантами-демократами Центральный комитет европейской демократии уже к марту 1852 г. фактически распался. — *525.*

[323] Переписка между Кошутом и Уркартом была опубликована в газете «The Free Press» №16,12 мая 1858 года.

«The Free Press» («Свободная пресса») — английская буржуазная газета, оппозиционная правительству Пальмерстона; издавалась Уркартом и его сторонниками в Лондоне с 1855 по 1865 год; в газете было опубликовано несколько работ Маркса. — *525.*

[324] «Correspondence relative to the Affairs of Hungary. 1847—1849. Presented to both Houses of Parliament by Command of Her Majesty. August 15, 1850». London («Корреспонденция, касающаяся венгерских событий. 1847—1849 годы. Представлена обеим палатам парламента по распоряжению ее величества 15 августа 1850». Лондон). — *525.*

[325] Имеется в виду восстание, поднятое в Милане 6 февраля 1853 г. сторонниками итальянского революционера Мадзини и поддержанное венгерскими революционными эмигрантами. Целью повстанцев, большинство которых состояло из итальянских рабочих-патриотов, было свержение австрийского господства в Италии. Однако восстание, организованное на основе заговорщической тактики и без учета реальной обстановки, быстро потерпело поражение. Оценка этого восстания дана Марксом в ряде его статей (см. настоящее издание, т. 8, стр. 544—545, 550—553, 569—570, 572—573). — *525.*

[326] *Мэншен-хауз* — здание в Лондоне, резиденция лорд-мэра.

Фритред-холл — зал в Манчестере, место собраний фритредеров. — *527.*

[327] *Манчестерская школа* — направление в английской экономической мысли, отражавшее интересы промышленной буржуазии. Сторонники этого направления, фритредеры, отстаивали свободу торговли

и невмешательство государства в экономическую жизнь. Центр агитации фритредеров находился в Манчестере, где во главе этого движения стали два текстильных фабриканта — Кобден и Брайт, организовавшие в 1838 г. Лигу против хлебных законов. В 40—50-х годах фритредеры составляли особую политическую группировку, вошедшую впоследствии в либеральную партию Англии. — *529.*

[328] См. примечание 185. — *531.*

[329] Имеются в виду статьи К. Маркса «Договор между Китаем и Британией» и Ф. Энгельса «Успехи России на Дальнем Востоке» (см. настоящее издание, т. 12, стр. 599—604 и 637—641). — *531.*

[330] Описанный ниже в тексте провокационный инцидент на реке Байхэ послужил поводом для начала летом 1860 г. третьей «опиумной» войны, предпринятой англо-французскими колонизаторами с целью навязать Китаю новые кабальные условия; в результате этой войны в октябре 1860-г. в Пекине были заключены новые грабительские договоры, а также был ратифицирован Тяньцзиньский договор (см. примечание 185).

По условиям Пекинских договоров Англия и Франция получали большую денежную контрибуцию, добились открытия для торговли порта Тяньцзиня, получали право вербовки в Китае рабочей силы для своих колоний, Англия аннексировала южную часть полуострова Коулун (Цзюлун). — *531.*

[331] *«Peking Gazette»* («Пекинская газета») — под этим названием известен официальный вестник китайского правительства «Кинг пау» («Большой вестник»), выходивший в Пекине с 1644 по 1911 год. — *532.*

[332] *«Daily Telegraph»* («Ежедневный телеграф») — английская ежедневная либеральная, а с 80-х годов XIX в. консервативная газета; под этим названием издавалась в Лондоне с 1855 по 1937 год; с 1937 г. после слияния с газетой «Morning Post» («Утренняя почта») выходит под названием «Daily Telegraph and Morning Post». — *532.*

[333] Имеется в виду варварская бомбардировка англичанами Кантона в октябре 1856 года; в качестве предлога был использован арест китайскими властями Кантона команды китайского контрабандистского судна (лорчи) «Эрроу», которое по утверждению английского консула находилось под защитой британского флага. Бомбардировка Кантона послужила прологом ко второй «опиумной» войне. — *533.*

[334] Имеется в виду книга: «Correspondense relating to the Earl of Elgin's Special Missions to China and Japan. 1857—1859». London, 1859. — *533.*

[335] *«The. Morning Star»* («Утренняя звезда») — английская ежедневная газета, орган фритредеров; выходила в Лондоне с 1856 по 1869 год. — *534.*

[336] *Пилиты* — группа умеренных тори, объединившихся в 40-х годах XIX в. вокруг Р. Пиля и поддерживавших его политику уступок торгово-промышленной буржуазии в области экономической политики при сохранении политического господства крупных землевладельцев и финансистов. В 1846 г. Пиль в интересах промышленной буржуазии

провел отмену хлебных законов, что вызвало резкое недовольство тори-протекционистов, привело к расколу партии тори и обособлению группы пилитов. Со времени смерти Пиля в 1850 г. пилиты являлись политической группировкой, не имевшей определенной программы. В конце 50-х годов они вошли в состав, складывавшейся тогда либеральной партии. — *534.*

[337] Имеются в виду неравноправные договоры между Китаем и Россией, а также между Китаем и США, подписанные в июне 1858 г. в Тяньцзине и аналогичные по своему содержанию договору Китая с Англией и Францией. — *536.*

[338] Имеется в виду грубое вмешательство английского посланника в Мадриде Булвера во внутренние дела Испании, которое повлекло за собой разрыв дипломатических отношений между Испанией и Англией в июле 1848 года. — *536.*

[339] Речь идет о первой «опиумной» войне (1839—1842) — захватнической войне Англии против Китая, положившей начало превращению Китая в полуколониальную страну. Поводом к войне послужило уничтожение в Кантоне китайскими властями запасов опиума, принадлежавших иностранным купцам. После окончания этой войны имело место сближение между Россией и Китаем, позволившее России заключить в июле 1851 г. Кульджинский договор, предоставивший России благоприятные условия торговли в Западном Китае. — *537.*

[340] К концу второй «опиумной» войны, перед заключением Тяньцзиньского договора с Англией и Францией, китайское правительство заключило с Россией в мае 1858 г. Айгунский договор, по которому к России были присоединены земли по северному берегу Амура. — *537.*

[341] «East India (Cabul and Affghanistan), Ordered by the House of Commons to be printed, 8 June 1859» («Ост-Индия (Кабул и Афганистан), напечатано по решению палаты общин 8 июня 1859 года»). — *537.*

[342] Имеется в виду первая англо-афганская война 1838—1842 гг., предпринятая Англией с целью колониального порабощения Афганистана. В августе 1839 г. англичанами был занят Кабул, но из-за вспыхнувшего в нем в ноябре 1841 г. восстания они были вынуждены в январе 1842 г. начать отступление, закончившееся полным разгромом английских войск. — *537.*

[343] «Correspondence relating to Persia and Affghanistan». London, 1839 («Переписка, касающаяся Персии и Афганистана». Лондон, 1839). — *537.*

[344] Имеются в виду статьи: «Бедствие в Китае» и «Китайская торговля», напечатанные в журнале «Economist» № 838, 17 сентября 1859 года. — *541.*

[345] Речь идет о столкновении лорда Элленборо, председателя Контрольного совета по делам Индии, с генерал-губернатором Индии лордом Каннингом. В депеше от 19 апреля 1858 г. Элленборо, стоявший за более гибкую политику по отношению к индийской феодальной верхушке, резко отозвался о прокламации Каннинга по поводу конфискации земель феодалов Ауда, примкнувших к национально-освободительному восстанию. Однако депеша Элленборо не встретила одобрения правящих кругов Англии, и он был вынужден в мае 1858 г.

уйти с поста председателя Контрольного совета. Ценою отставки Элленборо кабинет Дерби стремился удержаться у власти. — *547.*

[346] *Реформ-клуб* — политический либеральный клуб в Лондоне, был основан в 1834 году; центр политической борьбы либералов против консерваторов. — *549.*

[347] *«Гнилые местечки»* — так называли в Англии в XVIII—XIX вв. малонаселенные или обезлюдевшие городки и деревни, обладавшие со времени средневековья правом представительства в парламенте. Депутаты от «гнилых местечек» фактически назначались крупными земельными аристократами, от которых зависело местное население. Привилегии «гнилых местечек» были отменены реформами 1832, 1867 и 1884 годов. — *549.*

[348] Речь идет о парламентской реформе 1832 года (см. примечание 100). — *549.*

[349] Имеется в виду английский парламент; в помещении *церкви св. Стефана* (Вестминстерский дворец) с 1547 г. происходят заседания палаты общин. — *551.*

[350] 16 октября 1859 г. в Цюрихе открылась конференция с участием Австрии, Франции и Сардинии для выработки условий окончательного мирного договора; договор был подписан 10 ноября того же года. В основу Цюрихского мирного договора с некоторыми изменениями были положены условия Виллафранкского прелиминарного договора (см. примечание 245). Цюрихский договор состоял из трех отдельных дипломатических документов — австро-французского договора, франко-сардинского договора о передаче Ломбардии Сардинии и общего австро-франко-сардинского договора. — *554.*

[351] *Code Napoleon* (Кодекс Наполеона) — см. примечание 234.

Force majeure (непреодолимая сила, непредвиденные обстоятельства) — формула, извлеченная из статьи 1148 Кодекса Наполеона, гласящей: «Нет основания для взыскания каких-либо убытков, если вследствие непредвиденных обстоятельств или случайного события должник встретил препятствия к тому, чтобы дать или сделать то, к чему он был обязан, или сделал то, что ему было воспрещено». — *554.*

[352] *Директория* (состояла из пяти директоров, один из которых ежегодно переизбирался) — руководящий орган исполнительной власти во Франции, учрежденный в соответствии с конституцией 1795 г., принятой после падения в 1794 г. революционной диктатуры якобинцев. До государственного бонапартистского переворота 1799 г. Директория являлась правительством Франции, поддерживая режим террора против демократических сил и защищая интересы крупной буржуазии.

«Синие» 1848 года — так называли во Франции буржуазных республиканцев, в отличие от «красных» (мелкобуржуазных республиканцев и социалистов, так называемой партии Горы) и «белых» (монархистов, объединившихся в партию порядка). Диктатура «синих» во главе с Кавеньяком была установлена во время подавления восстания парижского пролетариата в июне 1848 года и продолжалась до президентских выборов в декабре того же года. — *554.*

[353] *Мюнстерский мирный договор* (октябрь 1648 г.) — один из договоров, вошедших в историю под общим названием Вестфальского мира, ко-

торым закончилась общеевропейская Тридцатилетняя война (1618— 1648). По этому договору, подписанному между представителями Германской империи и немецкими князьями, с одной стороны, и Францией — с другой, Франция получила Эльзас (без Страсбурга), подтверждались ее права на 3 епископства — Мец, Туль и Верден; немецкие князья были признаны суверенными государями, имеющими право, независимо от германского императора, заключать внешнеполитические договоры и соглашения. Договор в Мюнстере способствовал дальнейшему ослаблению Германской империи и закреплению преобладающего положения Франции в Центральной и Западной Европе.

О Кампоформийском мирном договоре см. примечание 223. — 555.

[354] Боясь усиления революционного движения в стране, Виктор-Эммануил II в ходе войны с Австрией стремился всячески ограничить действия поддерживаемого народом гарибальдийского добровольческого корпуса, ставя его в самые неблагоприятные условия. После заключения Виллафранкского мира между Францией и Австрией Гарибальди предложил продолжать борьбу против австрийцев, однако по настоянию Виктора-Эммануила II в ноябре 1859 г. добровольческий корпус был распущен. — *555*.

[355] Имеется в виду национально-освободительная война Пруссии против наполеоновской Франции в 1813—1815 годах. — *555*.

[356] Речь идет о письме Мадзини Виктору-Эммануилу II от 16 сентября 1859 г., в котором он предложил королю возглавить борьбу за освобождение всей Италии, поднять на борьбу с помощью Гарибальди юг Италии и организовать поход на Рим. Письмо Мадзини осталось без последствий. — *555*.

[357] Речь идет о прелиминарном Виллафранкском договоре. — 556.

[358] Имеется в виду статья К. Маркса «Договор между Китаем и Британией» (см. настоящее издание, т. 12, стр. 599—604). — *563*.

[359] См. примечание 334. — *563*.

[360] Имеется в виду неравноправный Нанкинский договор, навязанный английскими колонизаторами Китаю 29 августа 1842 г., по окончании первой «опиумной» войны (см. примечание 339). По условиям этого договора для английской торговли были открыты 5 китайских портов (Кантон, Амой, Фучжоу, Нинбо и Шанхай), в «вечное владение» англичан передавался остров Гонконг, Китай должен был выплатить огромную денежную контрибуцию, был введен новый благоприятный для англичан таможенный тариф. 8 октября 1843 г. в Нанкине был подписан дополнительный договор, предоставлявший иностранцам новые уступки: право создания в открытых портах особых поселений для иностранцев (сеттльментов), право экстерриториальности, то есть неподсудности иностранных подданных китайским судам, принятие принципа «наибольшего благоприятствования», то есть механическое распространение на Англию привилегий, получаемых от Китая другими державами. — *564*.

[361] В связи с бурным промышленным развитием Англии во второй половине XVIII в. усилилась борьба за власть между буржуазией и земельной аристократией. Одной из форм проявления этой борьбы являлись

перечисленные в статье билли о парламентской реформе, которые выдвигались отдельными представителями правящих аристократических кругов, стоявших за компромисс с промышленной буржуазией. Проект, предложенный герцогом Ричмондом в 1780 г., предусматривал ежегодные выборы в парламент, предоставление избирательных прав взрослому мужскому населению и перераспределение избирательных округов. Проект, внесенный Питтом Младшим в качестве члена палаты общин в 1782 г. и повторно внесенный им в качестве главы правительства в 1785 г., предусматривал уничтожение «гнилых местечек» (см. примечание 347) и перераспределение избирательных округов в пользу промышленных центров. В биллях о реформе, внесенных в палату Чарлзом Греем в 1793 и 1797 гг., также предлагалась ликвидация «гнилых местечек», предусматривалось увеличение числа избирателей в сельских местностях и т. д. Все эти билли были отвергнуты парламентом. — *568.*

[362] Имеется в виду *«Акт о затыкании рта»* («Gagging act») — шесть чрезвычайных законов, принятых английским парламентом в 1819 г., упразднивших неприкосновенность личности и ограничивших свободу печати и собраний. — *568.*

[363] Имеются в виду билли Лока Кинга и Джона Рассела (см. примечания 98 и 101). — *568.*

[364] После бонапартистского государственного переворота 2 декабря 1851 г. во Франции Пальмерстон, бывший в то время министром иностранных дел Англии, одобрил в беседе с послом Франции в Лондоне узурпаторские действия Луи Бонапарта. Этот шаг Пальмерстон не согласовал с другими членами вигского кабинета, что привело к его отставке в декабре 1851 г., хотя в принципе английское правительство не расходилось с точкой зрения Пальмерстона и первым в Европе признало бонапартистский режим во Франции. В феврале 1858 г. Пальмерстон, возглавлявший кабинет, был вынужден подать в отставку в связи со своим *биллем об иностранцах* (см. примечание 156). — *569.*

[365] В ноябре 1859 г. Испания, преследуя захватнические цели, объявила войну Марокко и войска под командованием генерала О'Доннеля вторглись на марокканскую территорию. Однако военные действия, продолжавшиеся до марта 1860 г., не принесли особых успехов испанцам, встретившим упорное сопротивление свободолюбивого марокканского народа. В апреле 1860 г. был заключен мир, по которому Испания получала денежную контрибуцию и небольшие территориальные уступки. — *571.*

[366] *Гусары принцессы* — один из полков легкой кавалерии в испанской армии. — *577.*

[367] В ноябре 1859 г. французское правительство предприняло очередную попытку нарушить границу Марокко с Алжиром, однако натолкнулось на сопротивление марокканцев. В ответ французская эскадра в составе 4-х кораблей бомбардировала форт Тетуан. — 577.

[368] При *Константине* осенью 1836 г. алжирские войска под командованием бея Хаджи Ахмеда успешно отразили атаки и нанесли большой урон французским войскам, пытавшимся штурмом взять город. Лишь

осенью 1837 г. во время второй военной экспедиции французам после осады удалось овладеть городом. — *581.*

[369] Работа *«Савойя, Ницца и Рейн»,* написанная Ф. Энгельсом в феврале 1860 г., явилась продолжением его работы «По и Рейн» (см. настоящий том, стр. 233—281). Непосредственным поводом для ее написания было заявление Наполеона III о притязаниях Франции на Савойю и Ниццу, разоблачению которых посвящена также статья Энгельса «Савойя и Ницца» (см. настоящий том, стр. 582—586). Используя свои обширные познания в области военной науки, истории и лингвистики, Энгельс вскрывает несостоятельность бонапартистских притязаний на Савойю и Ниццу, а также на левый берег Рейна. Целью Энгельса было также доказать на основе анализа хода и результатов австро-итало-французской войны правильность отстаиваемой Марксом и им революционно-пролетарской позиции в вопросах международной политики.

Берлинский издатель Дункер, в издательстве которого была анонимно выпущена брошюра «По и Рейн», на этот раз, ввиду разногласий с Энгельсом по поводу оценки позиций немецких политических партий, соглашался печатать новую работу только при условии указания имени автора на титульном листе. Энгельс считал необходимым ограничиться лишь указанием на принадлежность новой брошюры перу автора «По и Рейн», не желая официально указывать свое авторство и таким образом преждевременно обнаружить перед военными читателями, что автором обеих брошюр был штатский. Брошюра вышла анонимно в апреле 1860 г. в Берлине в издательстве Берендса. — *593.*

[370] Имеются в виду: новогоднее заявление Наполеона III австрийскому послу (см. примечание 44); брак двоюродного брата Наполеона III принца Наполеона (Плон-Плона) с принцессой Клотильдой (см. настоящий том, стр. 185), которую Маркс иронически называет именем Ифигении, дочери царя Агамемнона, принесенной им, согласно греческой мифологии, в жертву богам перед троянским походом греков, а также русско-французский договор 1859 г. (см. примечание 194). — *595.*

[371] *«Ost-Deutsche Post»* («Восточно-немецкая почта») — австрийская ежедневная газета умеренно-либерального направления; выходила в Вене с 1848 по 1866 год. — *596.*

[372] Имеются в виду юбилейные торжества по случаю исполнившегося в 1859 г. столетия со дня рождения Шиллера. — *596.*

[373] Под *Ульмом* 17 октября 1805 г. австрийские войска капитулировали перед Наполеоном I. — *597.*

[374] *Гофкригсрат* — высший придворный военный совет в Австрии (1556— 1848), управлявший военным ведомством и осуществлявший верховное руководство военными операциями во время войны. Гофкригсрат был оторван от театра военных действий и своим постоянным вмешательством сковывал действия главнокомандующих. — *598.*

[375] Имеется в виду корреспонденция, напечатанная в газете «Times» 10 июня 1859 года.

«Allgemeine Militar-Zeitung» («Всеобщая военная газета») — немецкая газета по военным вопросам; выходила в Дармштадте и Лейпциге с 1826 г.; в 60-х годах в газете было напечатано несколько статей Энгельса. — *599.*

[376] *Вестфальское королевство* было создано Наполеоном I на территории Центральной Германии в 1807 г. и просуществовало до 1813 года. Вестфальский трон был отдан младшему брату Наполеона I Жерому Бонапарту, сыном которого был принц Наполеон (Плон-Плон). — *601.*

[377] Речь идет о предусмотренной Виллафранкским и Цюрихским договорами реставрации герцогских династий Молены, Пармы и Тосканы, отстраненных от власти в результате вспыхнувших в этих государствах в 1859 г. восстаний (см. примечание 195). Усиление народного движения в Модене, Парме и Тоскане за присоединение к Пьемонту сделало невозможной реставрацию прежних правителей. В марте 1860 г. герцогства вошли в состав Пьемонта. — *601.*

[378] *Loi des suspects* (Закон о подозрительных) — так назывался закон об общественной безопасности, принятый Законодательным корпусом 19 февраля 1858 г. и предоставлявший императору и его правительству неограниченное право ссылать в различные местности Франции и Алжира или вовсе изгонять с французской территории всех лиц, подозреваемых во враждебном отношении к режиму Второй империи. — *603.*

[379] *«Сто дней»* — период кратковременного восстановления империи Наполеона I, продолжавшийся с момента прибытия его с острова Эльбы в Париж 20 марта 1815 г. до его вторичного низложения 28 июня того же года после поражения при Ватерлоо. — *604.*

[380] *Дар данайцев* — дар, гибельный для того, кто его получает. Согласно легенде о взятии Трои, греки (назывались также по имени одного из греческих племен данайцами) подарили в знак примирения троянцам деревянного коня, внутри которого скрывались вооруженные воины. Отсюда получившее широкое распространение выражение одного из героев поэмы римского поэта Вергилия «Энеида», книга 2: «боюсь данайцев, даже дары приносящих». — *617.*

[381] *Sette comuni* (Семь коммун) и *Tredici comuni* (Тринадцать коммун) — названия небольших горных районов с немецким населением, расположенных в южных отрогах Альп на территории Венецианской области. Немецкие колонии возникли здесь во второй половине XIII века; диалекты немецкого языка, на которых говорило население этих колоний, сохранились в настоящее время лишь в нескольких деревнях. — *618.*

[382] *Рето-романский язык* (от названия древнеримской провинции Реции) принадлежит к группе романских языков; распространен преимущественно в качестве разговорного языка в высокогорных районах Юго-Восточной Швейцарии и Северо-Восточной Италии. — *619.*

[383] *9 термидора* (27—28 июля 1794)— контрреволюционный государственный переворот, приведший к падению правительства якобинцев и к установлению господства крупной буржуазии. — *622.*

[384] Имеется в виду сепаратный мирный договор, заключенный в Базеле 22 июля 1795 г. Францией и Испанией, участвовавшей в первой антифранцузской коалиции. — *622.*

[385] *«Le National»* («Национальная газета») — французская ежедневная газета, выходила в Париже с 1830 по 1851 год; орган умеренных буржуазных республиканцев. — *628.*

[386] Во время польского восстания 1830—1831 гг. польским повстанцам удалось захватить в Варшаве архив великого князя Константина, в котором находился ряд документов царской дипломатии. Часть их была опубликована в издававшейся Д. Уркартом серии дипломатических документов и материалов «Portfolio, or a Collection of State Papers» («Портфель, или Собрание государственных документов») в 1835— 1836 гг., часть в книге «Recueil des documents relatifs a la Russie pour la plupart secrets et inedits utiles a consulter dans la crise actuelle» («Собрание документов о России, большей частью секретных и неопубликованных, с которыми полезно ознакомиться в связи с современным кризисом»), вышедшей в Париже в 1854 году. — *629.*

[387] Имеется в виду Тильзитский договор 1807 года. Первая встреча между Наполеоном I и Александром I произошла на закрепленном посреди Немана плоту. — *629.*

[388] Слова, приписываемые Шварценбергу (см. примечание 47). — *630.*

[389] О переговорах английского посланника в Петербурге лорда Сеймура с Николаем I по турецкому вопросу, происходивших в начале 1853 г., см. в статьях К. Маркса «Документы о разделе Турции» и «Секретная дипломатическая переписка» (настоящее издание, т. 10, стр. 137— 164). — *632.*

[390] При встрече с Александром II в Штутгарте 25 сентября 1857 г. Наполеон III заручился его поддержкой на случай войны с Австрией из-за Италии. — *632.*

[391] Речь идет о ноте русского министра иностранных дел Горчакова от 27 (15) мая 1859 г. (см. примечание 290). — *634.*

[392] «Memoirs and Correspondence of Viscount Castlereagh» («Мемуары и переписка виконта Каслри»). — *634.*

[393] *Герцогство Варшавское* — вассальное государство, созданное Наполеоном I в 1807 г. по Тильзитскому мирному договору из небольшой части польских земель, присоединенных ранее к Пруссии; в 1809 г. после разгрома Австрии к нему была присоединена часть польских земель, находившихся у Австрии. Решением Венского конгресса 1814—1815 гг. территория герцогства Варшавского была поделена между Пруссией, Австрией и Россией. — *634.*

[394] *Германский Союзный акт* был принят Венским конгрессом 8 июня 1815 года; на основании этого акта многочисленные немецкие государства формально были объединены в так называемый Германский союз (см. примечание 69). — *634.*

[395] Конгресс в *Троппау* (Опаве) — второй конгресс реакционного Священного союза, открылся в октябре 1820 г. и закончил свою работу в мае 1821 года.

О конгрессе в *Лайбахв* см. примечание 192.

Конгресс в *Вероне* — последний конгресс Священного союза, происходил в октябре — декабре 1822 г., принял решение о французской интервенции в Испанию, продлил австрийскую оккупацию Италии, осудил греческих повстанцев. Усилия всех этих конгрессов были направлены на подавление буржуазных революций и национально-освободительных движений в европейских странах. — *634.*

[396] Имеется в виду циркуляр русского министра иностранных дел Нессельроде от 6 июля 1848 г., адресованный русским представителям в немецких государствах (см. настоящее издание, т. 5, стр. 309—315). — *634.*

[397] Речь идет о Лондонском протоколе от 8 мая 1852 г. о целостности Датской монархии, подписанном представителями России, Австрии, Англии, Франции, Пруссии, Швеции совместно с представителями Дании. В его основу был положен принятый 2 августа 1850 г. упомянутыми участниками Лондонской конференции (за исключением Пруссии) протокол, который устанавливал принцип нераздельности владений датской короны, включая герцогства Шлезвиг и Гольштейн, входивших одновременно в состав Германского союза. В Лондонском протоколе император России упоминался как один из законных претендентов на датский престол (в качестве потомка герцога Гольштейн-Готторпского Карла-Петра-Ульриха, царствовавшего в России под именем Петра III), отказавшихся от своих прав в пользу герцога Кристиана Глюксбургского, который был объявлен наследником короля Фредерика VII. Это создавало прецедент для притязаний русского царя на датский престол в будущем, в случае прекращения Глюксбургской династии. — *634.*

[398] Настоящие обзоры, публиковавшиеся в газете «Volk» (см. примечание 213) в разделе «По страницам печати», были направлены против газеты «Hermann» («Герман»), издававшейся в Лондоне немецким мелкобуржуазным демократом Готфридом Кинкелем. В их составлении, помимо Маркса, принимал также некоторое участие Элард Бискамп. В связи с австро-итало-французской войной 1859 г. и оживлением деятельности мелкобуржуазной демократической эмиграции Марко считал одной из важнейших задач газеты «Volk» борьбу против влияния мелкобуржуазной идеологии на представителей пролетариата. В обзорах Маркс подверг уничтожающей критике политическую беспринципность и иллюзии мелкобуржуазных идеологов, их мещанские вкусы и невежество. Своими выступлениями против Кинкеля Маркс вынудил его выйти из состава редакции «Hermann». Только прекращение из-за отсутствия средств выхода «Volk» в августе 1859 г. помешало Марксу нанести окончательный удар газете мелкобуржуазных демократов.

В публикуемых обзорах подвергается критике содержание номеров 21, 24, 26 и 27 газеты «Hermann», вышедших 28 мая, 18 июня, 2 и 9 июля 1859 года. — *640.*

[399] *«Hermann»* — сокращенное название еженедельной газеты «Hermann. Deutsches Wochenblatt aus London» («Герман. Немецкий еженедельник из Лондона»), органа немецких мелкобуржуазных демократов. Газета выходила на немецком языке в Лондоне с 1859 года; с января по июль 1859 г. ее редактором был Готфрид Кинкель.

Газета названа именем вождя херусков Арминия, неправильно называемого с конца XVII в., после появления романа Лоэнштейна «Мужественный народный герой Арминий, или Герман», также Гер-

маном. В 9 г. н. э. германцы во главе с Арминием разбили легионы римского наместника Вара в Тевтобургском лесу. — *640.*

400 Имеются в виду автор цитируемого стихотворения, помещенного в газете за подписью Катенька Циц, и редактор «Hermann» Готфрид Кинкель.

Туснельда, по преданию, была супругой вождя херусков Арминия. — *640.*

401 Иронический намек на прошлое немецкого мелкобуржуазного демократа Шурца и его связи с Кинкелем. Шурц в юности принимал участие в основанном Кинкелем литературном кружке под названием «Союз майских жуков». Характеристика этого периода деятельности Кинкеля дана Марксом и Энгельсом в памфлете «Великие мужи эмиграции» (см. настоящее издание, т. 8, стр. 264—267, 278). — *640.*

402 Речь идет о деятельности Кинкеля в период реакции, наступившей в Европе после поражения революций 1848—1849 годов. В качестве одного из лидеров немецкой мелкобуржуазной демократической эмиграции Кинкель исходил в своей политике не из объективных экономических и социально-политических условий, существовавших в то время в Европе, а из субъективистских, волюнтаристских представлений о том, будто революция в Европе может быть начата в любой момент. В написанном в 1852 г. памфлете «Великие мужи эмиграции» (см. настоящее издание, том 8, стр. 247—352) Маркс и Энгельс разоблачили беспочвенность и иллюзорность взглядов и авантюристический характер тактики Кинкеля и других лидеров мелкобуржуазной эмиграции. — *641.*

403 Имеется в виду Готфрид Кинкель, начинавший свою карьеру в качестве помощника пастора. — *641.*

404 *«Point d'argent, point de Suisses»* («Нет крейцеров, не будет и швейцарцев») — слова, будто бы сказанные швейцарскими наемниками, отказавшимися служить французскому королю Франциску I (1515—1547), когда опустела его казна. Эти слова были использованы французским драматургом Расином в его драме «Сутяги». — *641.*

405 Маркс намекает на натурализацию Фогта в Швейцарии, куда тот эмигрировал после поражения революции 1848—1849 гг. в Германии.

Называя Кинкеля «крейцером» (немецкая мелкая монета), Маркс иронизирует по поводу его мелочности в денежных вопросах. — *641.*

406 *«Увидимся под Филиппами!»* — по преданию, слова, сказанные призраком убитого Цезаря, явившимся во сне Бруту накануне сражения под Филиппами (древний город во Фракии), в котором войска римских триумвиров Марка Антония и Октавиана разбили в 42 г. до н. э. армию сторонников римской аристократической республики под предводительством Брута и Кассия. — *643.*

407 *«Gartenlaube»* — сокращенное название немецкого еженедельного литературного журнала мелкобуржуазного направления «Die Gartenlaube. Illustriertes Familienblatt» («Беседка. Иллюстрированный журнал для семьи»); выходил в 1853—1903 гг. в Лейпциге и в 1903—1943 гг. в Берлине. — *643.*

408 Имеются в виду траурные собрания по случаю смерти выдающегося немецкого ученого Александра Гумбольдта (6 мая 1859 г.), в которых принимали участие организации немецких эмигрантов, а также газета «Hermann». — *643.*

409 Имеется в виду популярная в XIX веке книга Пёлица «Die Weltgeschichte fur gebildete Leser und Studierende» («Всемирная история для образованных читателей и студентов»). Первое издание книги вышло в Лейпциге в 1805 году. — *644.*

410 Намек на Эрфуртский парламент (см. примечание 241). — *646.*

411 *Et autres Zephyres* — и прочие зефиры (см. примечание 81). — *646.*

412 *Прерафаэлиты* — школа живописи, получившая развитие в Англии во второй половине XIX века. Прерафаэлиты подражали художникам раннего Ренессанса, до Рафаэля (отсюда название школы). Творчество прерафаэлитов явилось выражением мелкобуржуазного романтического протеста против неприглядной действительности капитализма, которой они противопоставляли средневековье с его глубокой религиозностью и мистикой. Отрыв от современности приводил прерафаэлитов к символизму и стилизаторству. — *647.*

ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

(январь — декабрь 1859)

1859

Январь Маркс завершает начатую еще в августе 1858 г. работу над первым выпуском задуманного им большого экономического труда в шести книгах, посвященного исследованию капиталистического способа производства и критике буржуазной политической экономии. Рассчитывая издать первый выпуск, в котором он исследовал проблемы товара, труда, стоимости и денег, в виде отдельной книги под названием «К критике политической экономии», Маркс по договоренности с берлинским издателем Дункером готовит рукопись к печати.

Около 5 января Маркс пишет статью «Вопрос об объединении Италии», в которой отмечает усиление в Италии движения за национальное единство и изгнание австрийцев, а также попытки Луи-Наполеона использовать это движение в своих династических интересах. Статья публикуется в «New-York Daily Tribune» («Нью-йоркской ежедневной трибуне») 24 января в качестве передовой.

Около 6 января В письме к немецкому поэту Фрейлиграту, в прошлом одному из редакторов «Neue Rheinische Zeitung» («Новой Рейнской газеты») и члену Союза коммунистов, Маркс выражает надежду, что тот не примет участия в еженедельнике мелкобуржуазного демократа Кинкеля «Hermann» («Герман»), направление которого было чуждо пролетарскому движению.

6 января Маркс в письме к Энгельсу просит его написать Фрейлиграту о недопустимости какого-либо соглашения с Кинкелем.

11 января Маркс пишет статью «Перспективы войны в Европе», в которой, анализируя экономическое и политическое положение основных европейских стран, а также

международные отношения, приходит к выводу, что правящая бонапартистская клика Второй империи стремится развязать новую войну, которая, однако, может явиться «похоронным звоном по этой поддельной империи». Статья публикуется в «New-York Daily Tribune» 31 января.

13 января Маркс редактирует и дополняет присланную Энгельсом из Манчестера для «New-York Daily Tribune» статью «Денежная паника в Европе». Статья, в которой разоблачаются планы контрреволюционных бонапартистских кругов продлить с помощью локальной войны свое господство во Франции, публикуется в газете 1 февраля.

21 января Закончив работу над рукописью «К критике политической экономии», Маркс сообщает в письме к Энгельсу, что он не может отослать рукопись издателю в Берлин из-за отсутствия денег на почтовые расходы, он просит Энгельса прислать ему 2 фунта стерлингов; Маркс также советуется с Энгельсом относительно авторского права на перевод книги.

25 января Маркс пишет для «New-York Daily Tribune» экономическое обозрение. Статья остается ненапечатанной.

25—26 января Энгельс пишет письмо поэту Фрейлиграту, в котором выражает свое отрицательное отношение к поддержке Фрейлигратом Кинкеля.

26 января Маркс отсылает в Берлин издателю Дункеру рукопись «К критике политической экономии».

28 января Маркс пишет статью о внутриполитическом положении Франции, в которой использует материал, присланный Энгельсом. Статья под заглавием «Положение Луи-Наполеона» публикуется в «New-York Daily Tribune» 18 февраля; ввиду того, что Маркс помечает свою статью как корреспонденцию из Парижа, он датирует ее 26 января.

В письме к Энгельсу Маркс просит его написать статью о перспективах промышленного развития Манчестера. Написанная Энгельсом статья, по-видимому перехваченная на почте, до Маркса не дошла.

31 января Энгельс пишет статью «Французская армия», посвященную анализу военных ресурсов Франции; он использует официальные цифры, опубликованные по распоряжению Луи-Наполеона в газете «Le Constitutionnel» («Конституционалистская газета»). Статья печатается в «New-York Daily Tribune» 24 февраля в качестве передовой.

1 февраля Маркс работает над очередной статьей для «New-York Daily Tribune». Статья остается неопубликованной.

В письме в Америку к бывшему члену Союза коммунистов немецкому социалисту И. Вейдемейеру

Маркс сообщает о разрыве отношений с чартистским лидером Эрнестом Джонсом ввиду попыток последнего заключить соглашение с буржуазными радикалами; информирует его о партийных товарищах, бывших членах Союза коммунистов — Энгельсе, Вольфе, Фрейлиграте, Веерте, Дронке, Имандте. Маркс ставит Вейдемейера в известность о готовящемся в Германии издании работы «К критике политической экономии» и знакомит его с планом книги.

Маркс пишет ответное письмо руководителю немецкого коммунистического общества в Нью-Йорке А. Компу, в котором указывает, что он не связан в данное время ни с какими объединениями, так как занят теоретической работой, необходимой для освободительной борьбы пролетариата.

2 февраля В письме к Лассалю Маркс выражает беспокойство о судьбе посланной Дункеру рукописи «К критике политической экономии», опасаясь, что рукопись попала в руки полиции.

4 февраля В письме к Лассалю Маркс рассматривает перспективы войны в Европе и выражает убеждение в том, что война приведет к серьезным и в конце концов революционным последствиям.

8 февраля Маркс пишет для «New-York Daily Tribune» статью по поводу тронной речи Наполеона III при открытии Законодательного собрания 7 февраля и инспирированного им анонимного памфлета «Император Наполеон III и Италия». Статья остается ненапечатанной.

9 февраля Маркс получает от Дункера уведомление о получении им рукописи «К критике политической экономии» 1 февраля.

10 февраля Энгельс пишет для «New-York Daily Tribune» статью «Военные ресурсы Германии»; на основании официальных немецких источников он оценивает вооруженные силы, которые германские государства могли бы выставить против бонапартистской Франции в случае войны;

Энгельс приходит к заключению, что ход войны может привести к революции в Германии. Статья публикуется в газете 12 марта.

12 февраля Маркс закладывает в ломбарде одежду, чтобы оказать помощь тяжело заболевшему товарищу по партии, бывшему члену Союза коммунистов Г. Эккариусу.

Середина февраля Маркс запрашивает одного из редакторов «New-York Daily Tribune» Ч. Дана о возможности издать в Америке английский перевод своей работы «К критике политической экономии». Издать книгу в Америке не удается.

Энгельс пишет статью «Как Австрия держит в своих руках Италию», в которой анализирует стратегические преимущества австрийской позиции на Минчо и Адидже, в районе четырехугольника крепостей (Мантуя, Пескьера, Леньяго и Верона). Статья публикуется в «New-York Daily Tribune» 4 марта.

23 февраля — Маркс отсылает Дункеру в Берлин предисловие «К критике политической экономии». В этом предисловии Маркс дает классическую формулировку основ материалистического понимания истории.

Около 25 февраля — Энгельс в письме к Марксу сообщает о своем намерении написать брошюру под названием «По и Рейн», в которой предполагает изложить свою и Маркса точку зрения на подготовлявшуюся войну Франции и Пьемонта против Австрии.

25 февраля — Маркс просит Лассаля найти издателя для задуманной Энгельсом брошюры «По и Рейн».

В письме к Энгельсу Маркс, придавая большое политическое значение появлению брошюры «По и Рейн», советует ускорить подготовку рукописи. Он предлагает издать ее анонимно, чтобы создать у читателя впечатление, что автором книги является кто-либо из видных военных авторитетов.

25 февраля и 4 марта — Маркс пишет для «New-York Daily Tribune» две статьи под названием «Состояние британской фабричной промышленности», в которых анализирует официальные статистические отчеты английского правительства. Статьи публикуются в газете 15 и 24 марта.

28 февраля — декабрь — Маркс работает над следующим выпуском «К критике политической экономии», посвященным исследованию проблем капитала. В связи с этим он продолжает свои Занятия в Британском музее, изучает произведения английских, французских, итальянских и других экономистов, в частности Уэйленда, Петти, Мальтуса, Милля, Молинари, Галиани, и делает из них многочисленные выписки.

Конец февраля — Энгельс пишет статью «Шансы успеха в предстоящей войне», анализируя в ней стратегические позиции Австрии, с одной стороны, Франции и итальянских государств, с другой. Статья публикуется в «New-York Daily Tribune» 17 марта в качестве передовой.

Конец февраля — 9 марта — Энгельс пишет брошюру «По и Рейн», в которой излагает политическую позицию пролетарской партии в вопросе о национальном воссоединении Германии и Италии.

1, 22 марта и 1 апреля — Маркс пишет 3 статьи о внесенном Дизраэли в парламент билле об избирательной реформе. Первая из них под названием «Новый билль о парламентской реформе в Англии» публикуется в газете «New-York Daily

Tribune» 17 марта, две другие статьи опубликована не были.

10 марта — Маркс сообщает Энгельсу о получении рукописи брошюры «По и Рейн» и дает ей высокую оценку. В тот же день он отсылает ее издателю Дункеру в Берлин.

Около 11 и 15 марта — Маркс пишет статьи «Перспективы войны во Франции» и «Перспективы войны в Пруссии», которые публикуются в «New-York Daily Tribune» 31 марта. Статья «Перспективы войны во Франции», помеченная Парижем, датируется Марксом 9 марта.

Около 18 марта — Маркс пишет статью «Историческая параллель», в которой проводит аналогию между политическим положением Наполеона I в 1813 г. и Наполеона III в 1859 году. Статья публикуется в «New-York Daily Tribune» 31 марта в качестве передовой.

27 марта — май — Маркс вновь получает через Лассаля предложение от редактора венской буржуазно-либеральной газеты «Die Presse» («Пресса») Макса Фридлендера сотрудничать в газете; на этот раз Маркс дает свое согласие, так как газета с тех пор, как Марксом было отклонено полученное в декабре 1857 г. предложение о сотрудничестве в ней ввиду сочувственного отношения газеты к политике Пальмерстона, изменила свое политическое направление. Однако переговоры с Фридлендером снова не увенчались успехом ввиду начавшейся австро-итало-французской войны.

Конец марта — Маркс получает предложение от Ч. Дана написать для издаваемой им в Нью-Йорке «Новой американской энциклопедии» статьи «Фортификация» и «Пехота».

Начало апреля — Энгельс пишет статью по поводу предложения России созвать мирный конгресс для урегулирования австро-французского конфликта. Статья под названием «Предстоящий мирный конгресс» публикуется в «New-York Daily Tribune» 23 апреля в качестве передовой.

5 апреля — В Берлине анонимно вышла из печати тиражом в 1000 экземпляров брошюра Энгельса «По и Рейн».

8 и 12 апреля — Маркс пишет две статьи о серьезных финансовых затруднениях британских колониальных властей в Индии в связи с расходами на подавление национально-освободительного восстания индийского народа 1857— 4859 годов; статьи под заглавием «Сильное расстройство финансов Индии» публикуются в «New-York Daily Tribune» 30 апреля.

Около 11 и 28 апреля — Энгельс пишет две статьи, посвященные приготовлениям Франции, Пьемонта и Австрии к войне. Статьи под названием «Неизбежность войны» и «Перспективы войны» (передовая) публикуются в «New-York Daily Tribune» 30 апреля и 12 мая.

14 апреля — около 6 мая Маркс внимательно следит за международной обстановкой и в частности за военными приготовлениями; свои соображения он высказывает в ряде статей — «Предстоящий мирный конгресс», «Финансовая паника», «Сладенькие речи» (передовая), опубликованных в «New-York Daily Tribune» 30 апреля, 12 и 18 мая.

19 апреля Маркс в письме Лассалю делает критические замечания на его драму «Франц фон Зиккинген», в которой Лассаль возвеличил немецкое рыцарство XVI в. в лице вождя дворянского восстания 1522—1523 гг. Зиккингена. Маркс указывает в письме, что лютеранско-рыцарскую оппозицию Лассаль поставил выше плебейско-мюнцеровской, представив тем самым в искаженном виде революционные события в Германии периода Реформации и Крестьянской войны. Маркс вскрывает в письме одну из вреднейших черт лассальянства — отрицание революционного характера крестьянского движения, стремление изобразить крестьянство реакционным классом. Анализируя драму Лассаля, Маркс высказывает ряд важных положений по вопросам литературы и эстетики.

Около 20 апреля Маркс встречается с Фрейлигратом, который знакомит его с политической «Программой» мелкобуржуазного демократа и вульгарного материалиста Карла Фогта, сформулированной последним в связи с надвигавшейся войной. Маркс обнаруживает в «Программе» Фогта некоторое предпочтение Бонапарту.

21—22 апреля Энгельс пишет статью «Симптомы приближения войны. — Вооружение Германии», которую Маркс дополняет и, датируя ее 22 апреля, отсылает в «New-York Daily Tribune». Статья публикуется в газете 9 мая.

Около начала мая Маркс знакомится с вышедшей в апреле 1859 г. брошюрой Карла Фогта «Исследования о современном положении Европы», которая не оставляет у него никакого сомнения относительно связи Фогта с бонапартистскими кругами. Получение Фогтом денежных субсидий от Луи-Наполеона было документально подтверждено в 1871 году.

После 1 мая На созванном Марксом совещании группы немецких эмигрантов, членов лондонского Просветительного общества немецких рабочих — Лохнера, Пфендера, Либкнехта и др. — Маркс подвергает резкой критике печатный орган Общества «Die Neue Zeit» («Новое время»), превратившийся в орудие мелкобуржуазного публициста Эдгара Бауэра. На этом совещании развернулась широкая дискуссия по вопросу о пролетарской партии вообще и ее печатном органе.

9 мая Маркс присутствует на организованном английским политическим деятелем Д. Уркартом публичном митинге по поводу войны в Италии и находится на

трибуне. Во время митинга немецкий мелкобуржуазный демократ Карл Блинд сообщает Марксу, что Фогт получает от правительства Наполеона III средства ни бонапартистскую пропаганду и стремится путем подкупа склонить к выступлениям в пользу Луи Бонапарта некоторых публицистов.

10—24 мая Маркс пишет три статьи в связи с начавшейся в конце апреля войной в Италии — «Отношение Австрии, Пруссии и Германии к войне», «Чрезвычайно важные известия из Вены», «Прусская точка зрения на войну». Статьи публикуются в «New-York Daily Tribune» 27 мая, 6 и 10 июня.

11 мая Маркса посещают Либкнехт и немецкий публицист Бискамп, предлагая ему сотрудничать в недавно основанной Бискампом газете «Das Volk» («Народ»), официальном органе лондонского Просветительного общества немецких рабочих и других просветительных рабочих обществ. Маркс отклоняет предложение о сотрудничестве из-за недостатка времени, однако обещает помощь организацией подписки среди друзей, денежной поддержкой и предоставлением статей, написанных для «New-York Daily Tribune». Маркс обусловливает свою помощь газете требованием борьбы против представителей немецкой буржуазной демократии, занимавших пруссофильскую и пробонапартистскую позицию. Во время беседы Маркс сообщает им содержание фогтовской «Программы» и полученные от Блинда во время митинга 9 мая 1859 г. сведения о деятельности Фогта в качестве бонапартистского агента. Эти сведения Бискамп без ведома Маркса использует в своей статье «Имперский регент», направленной против Фогта и напечатанной в газете «Volk» 14 мая.

12 — около 24 мая Энгельс пишет четыре статьи о ходе военных действий в Италии и о первых сражениях — «Война», «Война не подвигается вперед», «Наконец сражение!», «Сражение при Монтебелло». Статьи публикуются в «New-York Daily Tribune» 23, 27 мая, 6 и 10 июня в качестве передовых.

14 мая По предложению Маркса в № 2 газеты «Volk» печатается заметка об анонимной брошюре Энгельса «По и Рейн», в которой цитируются отдельные места брошюры и указывается, что автором брошюры является видный деятель пролетарской партии.

Около 18 мая Маркс получает письма из Америки от И. Вейдемейера и А. Компа, в которых они сообщают, что в США на работу Маркса «К критике политической экономии» подписалось уже не менее 100 человек.

18 мая Энгельс пишет письмо Лассалю с критическими замечаниями на его драму «Франц фон Зиккинген», разбирая ее как с литературной точки зрения, так и с точки

зрения ее исторического содержания. Как и Маркс, Энгельс анализирует драму Лассаля с партийных позиций, отмечает ее коренной порок — недооценку крестьянского движения.

В связи с выходом в свет брошюры Лассаля «Итальянская война и задачи Пруссии» Маркс в письме к Энгельсу предлагает выпустить «партийный манифест» с изложением отношения к войне пролетарских революционеров и с критикой защищаемой Лассалем позиции нейтралитета Германии. Маркс расценивает брошюру Лассаля как ошибочную и вредную, отстаиваемые им взгляды на австро-итало-французскую войну он рассматривает как оправдание политики Наполеона III и контрреволюционных правящих кругов Пруссии.

24 мая Чтобы укрепить позиции пролетарских революционеров в лондонском Просветительном обществе немецких рабочих, Маркс через Пфендера рекомендует К. Шапперу вступить в Общество и взять на себя руководство им.

Около 27 мая По просьбе Маркса, считавшего, что статьи Энгельса о военных событиях могут увеличить количество подписчиков газеты «Volk», Энгельс пишет для газеты статью «Итальянская кампания», которая публикуется в газете 28 мая.

30 мая — около 9 июня Энгельс пишет три статьи для «New-York Daily Tribune» о ходе военных действий в Италии и о первом крупном сражении при Мадженте. Статьи Энгельса под названиями «Стратегия войны», «Ход военных действий», «Поражение австрийцев» публикуются в газете 15, 17 и 22 июня в качестве передовых.

Конец мая Маркс пишет вступительные замечания к манифесту итальянского революционера Мадзини, опубликованному 16 мая в газете «Pensiero ed Azione» («Мысль и действие»). Замечания Маркса вместе с переводом текста манифеста публикуются в «New-York Daily Tribune» 17 июня.

Около 3 июня — 15 июля Маркс в сотрудничестве с Бискампом пишет для газеты «Volk» заметки, в которых высмеивает содержание и стиль газеты «Hermann». Эти заметки под названием «По страницам печати» публикуются в «Volk» 4, 25 июня, 9 и 16 июля.

4 июня По предложению Маркса в газете «Volk» печатается большая часть его предисловия к работе «К критике политической экономии». Предисловие Маркса перепечатывается также во многих немецких газетах, издававшихся в Америке.

Около 7 июля Маркс читает в приложении к швейцарской газете «Der Schweizer Handels-Courier» («Швейцарский торговый

курьер») от 2 июня 1859 г. пасквильную статейку Фогта «Предостережение», которая целиком состоит из грубых клеветнических измышлений, направленных против Маркса и его сторонников. В целях разоблачения клеветы Фогта эта статья, по настоянию Маркса, публикуется в газете «Volk» 11 июня 1859 года.

Около 9 июня — Энгельс заканчивает статью «Фортификация», написанную им по просьбе Маркса для «Новой американской энциклопедии». Статья публикуется в том же году в VII томе энциклопедии.

Около 9 и около 16 июня — Энгельс пишет для «Volk» две статьи о ходе военных действий в Италии. Статьи под названиями «Военные события» и «Сражение при Мадженте» публикуются в газете 11 и 18 июня. Статья «Сражение при Мадженте» публикуется также в «New-York Daily Tribune» 2 июля под заглавием «Глава истории».

10 июня — Во время переговоров с Бискампом Маркс выражает от своего имени и от имени Энгельса готовность открыто и более активно участвовать в издании газеты «Volk» и предлагает поместить сообщение об этом в ближайшем номере газеты.

11 июня — В Берлине выходит в свет работа Маркса «К критике политической экономии», выпуск 1, тиражом в 1000 экземпляров.

В газете «Volk» с ведома и согласия Маркса публикуется редакционное заявление о расширении круга сотрудников газеты и привлечении к участию в ней наиболее значительных литературных сил пролетарской партии и прежде всего Маркса, Энгельса, Фрейлиграта, В. Вольфа и Хейзе.

Около 12 июня — около 2 июля — Маркс находится у Энгельса в Манчестере. Они обсуждают вопросы, связанные с изданием «Volk», и договариваются с рядом знакомых о материальной помощи газете. Маркс совершает также поездку в Шотландию к бывшим членам Союза коммунистов Имандту и Хейзе, где ведет переговоры об изыскании средств на издание газеты.

Около 23 июня — Маркс пишет для газеты «Volk» статью «Шпрее и Минчо», в которой высказывает мнение, что с окончанием войны в Италии центром новых революционных событий станет Германия; статья публикуется в газете 25 июня.

23 июня — 7 июля — Энгельс пишет для газеты «Volk» статью «Отступление австрийцев к Минчо» и две статьи под заглавием «Сражение при Сольферино»; статьи публикуются 25 июня, 2 и 9 июля.

Около 24 июня и около 6 июля — Энгельс пишет для «New-York Daily Tribune» две статьи о ходе военных действий в Италии — «Вести о войне» и «Правосудие истории»; статьи публикуются 8 и 21 июля в качестве передовых.

Около 3 июля — По возвращении из Манчестера в Лондон Маркс берет на себя фактическое руководство и редактирование газеты «Volk», предполагая не только использовать ее в качестве трибуны для пропаганды революционно-пролетарских идей, но и превратить в случае революционных событий в организационный центр для создания пролетарской партии.

Около 9 июля — Маркс пишет статью «Эрфуртовщина в 1859 году», в которой раскрывает антиреволюционный характер кампании за объединение Германии под верховенством Пруссии, поднятой представителями немецкой либеральной буржуазии и присоединившимися к ним буржуазными демократами. Статья публикуется в газете «Volk» 9 июля.

Около 12 июля — середина августа — Маркс пишет для «New-York Daily Tribune» пять статей о прелиминарном Виллафранкском мирном договоре — «Что выиграла Италия?», «Мир», «Виллафранкский договор», «Истина, подтвержденная свидетельством» и «Луи-Наполеон и Италия», в которых объясняет поспешное заключение в июле Наполеоном III мира с Австрией его боязнью революционных потрясений в Италии, Франции и других странах и раскрывает враждебное отношение бонапартистских кругов к подлинным национальным интересам итальянского народа. Статьи публикуются в газете в качестве передовых 27, 28 июля, 4 и 29 августа.

Около середины июля — Маркс беседует с Блиндом, Либкнехтом и Холлингером — владельцем типографии, в которой печаталась газета «Volk». по поводу направленной против Фогта анонимной листовки «Предостережение», текст которой был опубликован 18 июня в газете «Volk» и 22 июня в аугсбургской «Allgemeine Zeitung» («Всеобщей газете»). В этой листовке Фогт разоблачается как подкупленный бонапартистский агент. Ссылаясь на то, что корректура листовки с пометками Блинда была обнаружена Либкнехтом в середине июня в типографии Холлингера и послана им в редакцию «Allgemeine Zeitung», Маркс высказывает мнение, что автором листовки является Блинд. Однако Блинд, не желая открыто выступать против Фогта, отрицает свое авторство.

20 июля — около 3 августа — Энгельс пишет для газеты «Volk» серию статей под заглавием «Итальянская война. Обзор прошлого». в которых освещает основные события австро-итало-французской войны. Статьи публикуются в газете 23, 30 июля и 6 августа.

23 июля — 20 августа

Маркс перепечатывает в газете «Volk» из «The Free Press» («Свободной прессы») перевод дипломатического документа под заглавием «Русский мемуар в поучение ныне царствующему императору, изданный кабинетом в 1837 году». Документ был послан Марксом также в «New-York Daily Tribune» и с небольшими сокращениями опубликован там 3 августа.

Около 25 июля

Энгельс обращается с письмом к Дункеру, в котором указывает на необходимость поместить в газетах объявления о выходе в свет работы Маркса «К критике политической экономии».

Конец июля — середина августа

Маркс пишет для газеты «Volk» серию статей «Quid pro quo», в которой на основании официальных дипломатических документов дает критический анализ политики прусских правящих кругов во время австро-итало-французской войны. Статьи публикуются в газете 30 июля, 6, 13 и 20 августа; вследствие прекращения выхода «Volk» серия остается неоконченной.

3—15 августа

Энгельс пишет рецензию на книгу Маркса «К критике политической экономии», в которой характеризует работу Маркса как выдающееся научное достижение пролетарской партии и важный этап в деле выработки научного мировоззрения пролетариата; рецензия публикуется в газете «Volk» 6 и 20 августа. Рецензия осталась неоконченной в связи с прекращением выхода газеты «Volk».

Около 5 августа

Маркс пишет статью о внешней торговле Англии под названием «Британская торговля»; статья публикуется в «New-York Daily Tribune» 19 августа в качестве передовой.

Около 13 августа

Маркс получает от Дана предложение написать для «Новой американской энциклопедии» статью о Гегеле. Однако, поскольку Дана в качестве непременного условия выдвинул требование, чтобы статья была написана «с абсолютным беспристрастием», то есть не содержала бы критики взглядов Гегеля, Маркс не принимает это предложение.

Около середины августа

Маркс узнает от Либкнехта, что редакция аугсбургской «Allgemeine Zeitung», против которой Фогт возбудил судебное преследование за опубликование присланной Либкнехтом листовки «Предостережение», настоятельно просит представить доказательства выдвинутых против Фогта обвинений. Маркс, несмотря на резко отрицательное отношение к направлению «Allgemeine Zeitung», считает необходимым помочь газете в разоблачении бонапартистской деятельности Фогта. В связи с этим он решает встретиться с Блиндом, чтобы потребовать от него подтверждения выдвинутых против Фогта обвинений. Из-за отсутствия в Лондоне Блинда встреча не состоялась.

Около 19 августа	Маркс пишет для газеты «Volk» статью «Политическое обозрение», в которой главное место отводит стачке строительных рабочих в Лондоне; статья публикуется в газете 20 августа.
20 августа	Выходит в свет последний (16-й) номер редактируемой Марксом газеты «Volk». Газета прекратила выход из-за денежных затруднений.
23 августа	Маркс пишет для «New-York Daily Tribune» статью «Население, преступность и пауперизм», в которой на основании анализа официальной английской статистики за период 1844—1858 гг. отмечает усиление процесса обнищания английского пролетариата, несмотря на рост промышленного производства. Статья публикуется в газете 16 сентября.
Конец августа — октябрь	В связи с прекращением выхода газеты «Volk» у Маркса много времени уходит на ликвидацию дел, связанных с изданием газеты. Он вынужден уплатить из своих средств часть долга владельцу типографии за ее печатание. Маркс испытывает тяжелые материальные затруднения, не имеет денег, чтобы оплатить счета за квартиру, газ, воду, внести плату за обучение детей. Энгельс, как всегда, оказывает помощь Марксу.
Сентябрь — около 10 октября	Энгельс по просьбе Маркса работает над статьей «Пехота» для «Новой американской энциклопедии». Статья публикуется в 1860 г. в IX томе энциклопедии.
1 сентября	Маркса посещает венгерский политический деятель, участник революции 1848—1849 гг. Семере, который информирует его о переговорах Кошута с Луи-Наполеоном в начале австро-итало-французской войны.
5 сентября	Маркс пишет статью «Фабричная промышленность и торговля», в которой на основе официальных статистических данных устанавливает некоторые закономерности, свойственные цикличному развитию капиталистического производства. Статья публикуется в «New-York Daily Tribune» 23 сентября. Маркс пишет статью «Кошут и Луи-Наполеон», в которой, опираясь на сведения, полученные от Семере, разоблачает попытки бонапартистских кругов использовать в своих целях национальное движение угнетенных народов. Статья публикуется в «New-York Daily Tribune» 24 сентября, сокращенно в лондонской газете «Free Press», в аугсбургской «Allgemeine Zeitung» и в «Weser-Zeitung» («Везерской газете»).
Между 8 и 20 сентября	Энгельс совершает с приехавшими из Германии родителями поездку по Шотландии.
Около 10— конец сентября	Маркс узнает о письме от 8 сентября, полученном Либкнехтом от Блинда, в котором Блинд категорически

отрицает свою причастность к выдвинутым против Фогта обвинениям. Вместе с Либкнехтом Маркс отправляется к ответственному редактору лондонской газеты «Free Press» Коллету, который удостоверяет, что именно Блинд является автором опубликованной во «Free Press» 27 мая анонимной статьи «Великий князь Константин — будущий король Венгрии», совпадающей в основном по содержанию с опубликованной позднее листовкой «Предостережение».

13—30 сентября Маркс пишет серию статей под названием «Новая китайская война», в которой разоблачает действия английских и французских колонизаторов и подвергает бичующей критике завоевательную колонизаторскую политику правительства Пальмерстона. Статьи публикуются в «New-York Daily Tribune» 27 сентября, 1, 10 и 18 октября.

17 сентября Маркс получает от наборщика А. Фёгеле, работающего в типографии Холлингера, письменное заявление, в котором он свидетельствует, что рукопись листовки «Предостережение» была написана почерком Блинда и что Холдингер сам называл ему Блинда автором листовки.

Октябрь— ноябрь Придавая большое значение распространению своего экономического учения в пролетарской среде, Маркс читает группе рабочих лекции по политической экономии.

18 октября Маркс пишет статью «Избирательная коррупция в Англии», разоблачающую политический строй буржуазно-аристократической Англии; статья публикуется в «New-York Daily Tribune» 4 ноября.

19 октября В ответ на просьбу редактора аугсбургской «Allgemeine Zeitung» Оргеса прислать документы, подтверждающие, что автором листовки «Предостережение» является Блинд, Маркс посылает ему письмо вместе с заявлением наборщика Фёгеле от 17 сентября для предъявления этих документов суду на процессе Фогта против газеты. Письмо Маркса вместе с заявлением Фёгеле публикуется в аугсбургской «Allgemeine Zeitung» 27 октября.

20 октября Маркс пишет статью «Радикальная точка зрения на мир» с критической оценкой условий мирного договора между Францией, Сардинией и Австрией, переговоры о заключении которого велись в Цюрихе в октябре-ноябре 1859 года; статья публикуется в «New-York Daily Tribune» 8 ноября.

Ноябрь Энгельс изучает готский язык, предполагая заняться также совершенствованием своих знаний в древненорвежском и англосаксонских языках.

7 ноября — Маркс посылает в гамбургскую газету «Die Reform» («Реформа») и аугсбургскую «Allgemeine Zeitung» заявление, направленное против редактора гамбургской газеты «Der Freischutz» («Вольный стрелок») Эдуарда Мейена, который бездоказательно утверждал, что Блинд не является автором листовки «Предостережение», и обвинял Маркса в намерении оклеветать Блинда. В конце своего заявления Маркс призывает Блинда признать свое авторство и тем самым содействовать разоблачению связи Фогта с Наполеоном III. Заявление Маркса было опубликовано в приложении к № 139 газеты «Reform» от 19 ноября под заглавием: «К процессу Карла Фогта против аугсбургской «Allgemeine Zeitung»». Аугсбургская «Allgemeine Zeitung» этого заявления Маркса не опубликовала.

10 ноября — Энгельс присутствует на празднестве, посвященном 100-летию со дня рождения Ф. Шиллера.

15 ноября — Ввиду публичного отказа Блинда признать себя автором листовки «Предостережение», Маркс посылает в аугсбургскую «Allgemeine Zeitung» заявление, в котором, основываясь на неопровержимых фактах, вновь доказывает авторство Блинда. Заявление Маркса было напечатано в приложении к № 325 аугсбургской «Allgemeine Zeitung» от 21 ноября.

Маркс пишет статью «Тревожное положение в Германии», отмечая в ней обострение австро-прусских противоречий; статья публикуется в «New-York Daily Tribune» 2 декабря.

17 ноября — Маркс пишет для «New-York Daily Tribune» статью о суэцком вопросе. Статья осталась ненапечатанной.

Середина ноября — Маркс пишет статью «Торговля с Китаем», в которой разоблачает на примере Китая хищническое отношение европейских колонизаторов к странам Азии; он указывает на неблагоприятные перспективы для развития торговли европейских держав с Китаем ввиду его экономической отсталости. Статья публикуется в «New-York Daily Tribune» 3 декабря.

25 ноября — Маркс пишет для «New-York Daily Tribune» статью «Боязнь вторжения в Англию» относительно реакции английского общественного мнения на угрозу французского вторжения на Британские острова. Статья публикуется 9 декабря.

Около 10 декабря 1859— начало февраля 1860 — Энгельс пишет три статьи, в которых освещает ход начавшейся в ноябре 1859 г. захватнической войны Испании в Марокко; две статьи под заглавием «Ход войны с маврами» и «Война с маврами» публикуются в «New-York Daily Tribune» 19 января и 8 февраля в качестве передовых; третья статья под заглавием «Война с маврами» публикуется 17 марта.

Около 12 декабря В письме к Марксу Энгельс сообщает о своем изучения работы Дарвина «О происхождении видов»; он высоко оценивает книгу, отмечая, что Дарвин с успехом доказал историческое развитие в природе и тем самым нанес сокрушительный удар теологии.

13 декабря В письме Энгельсу Маркс пишет о более быстром темпе социального развития в России, чем в остальной Европе, отмечая, с одной стороны, движение крестьян против дворянства, с другой стороны, конституционное движение дворянства против царя.

Конец 50-х — начало 60-х годов Энгельс изучает книгу английского экономиста Даблдея «История английских финансов, денежной системы и статистики» и делает из нее пространные выписки.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

В

Г

Д

Е

Ж

З

И

К

Л

М

О

П

Р

С

Т

У

Ф

Х

Ц

Ч

Ш

Э

Ю

ЛИТЕРАТУРНЫЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ

УКАЗАТЕЛЬ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ*

А

* В скобках указывается название, данное на современных картах. В тех случаях, когда из текста не ясно местонахождение того или другого пункта, дано краткое пояснение. — *Ред.*

Б

В

Г

Л

Р

С

Т

Э

Ю

Я

СОДЕРЖАНИЕ*

* Заглавия статей, данные Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, отмечены звездочкой. *Ред.*

ПРИЛОЖЕНИЯ

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Том подготовлен к печати *А. Е. Коротеевой*
Работа К. Маркса «К критике политической экономии»
и рецензия Ф. Энгельса на эту работу подготовлены
С. М. Григорьяном
под редакцией *А. И. Малыша*
Помощники подготовителей
А. Д. Иконникова и *М. М. Михайлова*
Редактор *Н. Б. Тер-Акопян*

*

*Сдано в набор 2/VIII 1958 г. Подписано
к печати 3/II 1959 г. Формат 60Х92 $^{1}/_{16}$.
Физ. печ. л. 50 + 2 вклейки ($^{1}/_{2}$ п. л.). Условн.
печ. л. 50,5. Уч.-изд. л. 45,68. Заказ № 112.
Тираж 170 тыс. экз. Цена 10 руб.*

*

*Государственное издательство
политической литературы.
Москва, Д-47, Миусская пл., 7.*

*

*Ленинградский Совет народного
хозяйства. Управление
полиграфической промышленности.*

---

*Типография № 1 «Печатный Двор»
имени А. М. Горького.
Ленинград, Гатчинская, 26.*